

**1945
2025**

ПОБЕДА

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

1945
2025

ПОБЕДА

Связь времён

*Томские писатели
о Великой Отечественной войне и СВО*

Томск-2025

ББК 84(2Р)6

П90

П90 **1945-2025. ПОБЕДА. Связь времён.** Томские писатели о Великой Отечественной войне и СВО. – Томск: ООО «Интегральный переплёт», 2025 г., – 760 с.

ISBN 978-5-907509-61-0

80 лет назад знамя Победы взвилось над поверженным рейхстагом. Но эта книга – не совсем юбилейная. Она состоит из двух частей: «Путь памяти» и «Время героев». Подвиг дедов и прадедов сейчас важен особенно, как пример современным борцам с нацизмом.

В сборнике представлены произведения 57 томских авторов из разных эпох. И не только профессиональных писателей. Но и самодеятельных авторов, журналистов... И обе части книги открывают произведения фронтовиков из Томска.

© Томское областное отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России»: составление, издание, 2025

© ООО «Интегральный переплёт», 2025

Мы – многонациональный народ

На огромной территории от Дуная до Енисея и далее на восток тысячелетиями уживались разные племена и научились уважать своеобразие других. Государство скифов, православное царство – Третий Рим, Российская империя, Советский Союз. «Нет ни эллина, ни цудея, варвара, скифа, раба, свободно-го. Но везде и всюду Христос», – писал апостол Павел в послании к колоссянам. В этом – суть нашего мира.

На Западе – совсем иначе. «Разделяй и властвуй» – максима Римского сената – практически их завет. Возведённая в добродетель меркантильность, узаконенная работорговля, купленные за золото индульгенции, отрицание наличия души у колонизируемых туземцев, чтобы не мучали муки совести. Два совсем разных мира, две философии, две цивилизации.

Как бы ни рядился западный рационализм в овечьи шкуры, его хищническая сущность остаётся неизменной. В 1941 году гитлеровцы вторглись на нашу землю якобы для спасения от большевизма угнетённых народов СССР. А на самом деле просто пришли за жизненным пространством для арийской нации. Его надо было очистить от «неполноценных народов». Выживших «недочеловеков» планировалось превратить в рабов.

Но наши предки выстояли. Огромную, страшную цену заплатили за Победу – 27 миллионов жизней советских людей.

А в 90-е элита повелась на посулы противника. И огромную страну-цивилизацию сразу охватили войны. Чечня, Придестровье, Абхазия... Якобы за «европейскую мечту», демократические ценности «свободного мира» украинцы обратили оружие против своих родных братьев. Под нож было пущено единство русского мира, великая русская культура, великая русская литература – наследие всего человечества. Сделать лучше они не могли, потому принялись уничтожать. Героический народ Донбасса встал на защиту своей идентичности.

80 лет назад знамя Победы взвилось над поверженным рейхстагом. Но эта книга – не совсем юбилейная. Она состоит из двух частей: «Путь памяти» и «Время героев». Подвиг дедов

и прадедов сейчас важен особенно, как пример современным борцам с нацизмом.

В сборнике представлены произведения 57 томских авторов из разных эпох. И не только профессиональных литераторов. Но и поэтов-любителей, журналистов... И обе части книги открывают произведения фронтовиков из Томска. Главы из повести «Орлы над Хинганом» председателя Союза писателей СССР, основателя Томской областной писательской организации Георгия Маркова, стихи участников Великой Отечественной – первую. А вторую – стихи участников специальной военной операции на Украине.

Произведения даны в зависимости от возраста автора. Первую книгу открывают «старики» – Георгий Марков и Давид Ливишиц, родившиеся в 1911 году, и далее по убывающей. Вторую – наоборот – молодёжь. Участник СВО Константин Иванников родился уже в новом тысячелетии, в 2003 году. Но пальму первенства уступил ушедшему в вечность в бою под Марьинкой Дмитрию Корчуганову.

Возможно, стихи поэтов-фронтовиков проигрывают в стиле произведениям профессиональных литераторов. Зато в них – настоящая окопная правда и такой эмоциональный накал, которому тыловики позавидуют.

80 лет Победы в Великой Отечественной... А когда произойдёт нынешняя Победа? Но она обязательно будет! Иначе не будет нас.

*Геннадий Скарлыгин,
председатель Томского областного
отделения Общероссийской общественной
организации «Союз писателей России».*

Часть первая

ПУТЬ ПАМЯТИ

ОРЛЫ НАД ХИНГАНОМ

Главы из повести

От автора

У каждой книги своя судьба, своя история. Есть она и у моей повести «Орлы над Хинганом» («Солдат пехоты»).

Годы Великой Отечественной войны я провёл на дальневосточных рубежах Советского Союза. Восемнадцатого июля 1941 года вместе с другими писателями я пришёл в горвоенкомат для получения мобилизационного предписания. Ни у меня, ни у моих товарищей по работе не было никаких сомнений относительно того, что путь наш лежит на запад.

Когда мы погрузились в вагоны, наш эшелон двинулся на восток. Как все советские люди, мы, писатели-сибиряки, были охвачены тогда одним желанием – скорее влиться в ряды Советской Армии и принять непосредственное участие в её героической борьбе с фашистскими ордами, вероломно вторгшимися на нашу священную землю. То, что эшелон двигался в противоположном от фронта направлении, означало, что нам уготована какая-то иная воинская судьба. Так оно и случилось.

Двадцатого июля 1941 года политуправление Забайкальского военного округа, преобразованного с осени этого же года в Забайкальский фронт, направило меня в редакцию ежедневной красноармейской газеты в качестве специального корреспондента – писателя. Газета называлась «На боевом посту». Трудно было бы иными словами передать смысл нашего существования в Забайкалье, чем это передавалось названием военной газеты.

Ежечасно, ежеминутно быть на боевом посту – таков был патриотический долг воинов Забайкалья, всего Дальнего Востока.

В первые же дни войны с немецкими захватчиками стало очевидно, что их союзники на Дальнем Востоке – японские империалисты – будут делать всё, чтобы осложнять и без того трудное положение Советского Союза. Забайкалье станови-

лось не только школой подготовки боевых резервов для действующей армии, оно наряду с войсками Дальневосточного фронта принимало на свои плечи все тяготы, всю ответственность по защите неприкосновенности советских рубежей на Дальнем Востоке.

Более четырёх с половиной лет прослужил я в редакции военной газеты. Войска Забайкальского фронта были разбросаны на огромном приграничном пространстве. Тысячи километров проехал я на попутных грузовиках и подводах, выполняя задания редакции.

Зимой и летом, осенью и весной, ясным днём и тёмной ночью ни на минуту не ослабевала напряжённая жизнь в забайкальских войсках. Наши воины понимали, что Вторая мировая война не завершится, пока не разрубится узел противоречий, возникший в результате захватнической политики японского империализма. Это придавало воинской службе в Забайкалье и на Дальнем Востоке особое значение, насыщало её постоянным ожиданием значительных событий.

Как известно, такие события развернулись в августе 1945 года, когда Советская Армия, выполняя свои союзнические обязательства, обрушила на Квантунскую миллионную армию японцев сокрушительные удары.

Вместе с войсками Забайкальского фронта я участвовал в походе через Хинган, был свидетелем крушения и развала лучших соединений японской армии.

Таким образом, материал для моей повести скапливался по ходу самой жизни. Начал я её писать по горячим следам событий. Первые фрагменты повести были опубликованы в октябре 1945 года в газете «Суворовский натиск». Однако повесть я дописал уже после демобилизации. Она была опубликована в журнале «Сибирские огни» и выпущена в свет Иркутским книжным издательством в 1948 году.

Мне думалось, что пройдёт какое-то время – и в литературе появятся новые романы и повести, посвящённые подвигу советских людей на Дальнем Востоке. К сожалению, пока дело ограничилось несколькими названиями, и мне представляется, что эта тема остаётся поныне неисчерпанной. Но я убеждён, что художники слова не оставят этот материал без внима-

ния и рано или поздно он найдёт самое широкое освещение в разнообразных жанрах литературы.

Предпринимая переиздание повести, я не считаю возможным подвергать её каким-либо коренным переделкам, хотя теперь, когда мой литературный опыт стал богаче, я мог бы, может быть, иные сцены написать лучше.

Но книга эта, на мой взгляд, прежде всего важна своей достоверностью. Некоторая её очерковость дорога мне потому, что она приближает повесть к жанру записок участника и очевидца событий. Что же касается обобщений, к которым, естественно, стремится каждый писатель, то трудно сказать, как, каким способом они достигаются. Я думаю, что мой рассказ о людях «в пределах батальона» даст читателю верное представление о чертах времени и особенностях морального облика советского человека, призванного Родиной на тот пост, который обеспечивал защиту её великих интересов.

* * *

Бойцы не успели ещё приступить к работе, как послышался крик капитана Тихонова:

– Винтовку мне! Винтовку!

Из палатки, стоявшей на склоне сопки, выскочил младший лейтенант Власов. Увидев его, Тихонов замахал рукой, громко крича:

– Голубь в воздухе! Стреляйте!

Бойцы не поняли, чем так обеспокоен капитан, и с недоумением смотрели на него. Они не обратили внимания на птицу, летевшую со стороны границы. Когда же та приблизилась настолько, что они могли увидеть её прямо над собой, все решили, что Тихоновым овладел охотничий азарт.

Младший лейтенант Власов был маленького роста, плотный, круглолицый, с короткими толстыми ногами, но поразительно ловкий и шустрый. Он был проворен на работе, горяч и неутомим в пляске, и уже в дороге бойцы прозвали его вьюном.

Власов в одну секунду понял, что требует от него капитан. Он выскочил из палатки с винтовкой в руках. Ещё до возгласа Тихонова «стреляйте!» он сообразил, что нести винтов-

ку капитану нельзя – птица в это время скроется в небесах. Опустившись на колено, он приложил винтовку к плечу, взял птицу в оптический прицел и выстрелил. Пуля, должно быть, просвистела где-то возле голубя. Он круто начал набирать высоту. Власов принялся палить раз за разом. После четвёртого выстрела голубь перекувырнулся и, распуская крылья, стал падать.

– Глядите, чтоб не уполз в траву! – прокричал Тихонов, привлекая этим возгласом внимание всех бойцов, работавших по склону сопки.

Самые дальние из бойцов кинулись к месту падения птицы и подхватили её ещё в воздухе.

– Осторожно с ней! Осторожно! – не унимался Тихонов.

– Что, товарищ капитан, суп теперь из неё варить будем? – шутливо спросил кто-то из бойцов, продолжавших думать, что Тихонов затеял ловлю голубя ради забавы. Тихонов не успел ответить, так как в ту же минуту боец, подхвативший птицу, удивлённо крикнул:

– Товарищ капитан, у голубя на ноге колечко!

Бойцы, не бросая лопат, сгрудились возле Тихонова. Капитан осторожно взял голубя за края крыльев и, растянув их, долго рассматривал. Потом так же осторожно он снял с ножки голубя металлическую оправку, сделанную в виде широкого колечка с застёжкой, и вытащил оттуда клочок белого нерусского шёлка. Тихонов торопливо развернул полоску шёлка. Вся она была испещрена двумя столбиками цифр, написанных чёрной тушью.

Некоторые бойцы потянулись посмотреть на шелковку, но бдительность стала второй натурой Тихонова. Он зажал шелковку в руке.

– Голубь этот, товарищи, не простой, – проговорил Тихонов. – Он летел из-за границы, и, по-видимому, не с пустой вестью. Что это за весть – трудно сказать, но одно ясно: в наших краях бродят чужие люди, и нам надо быть начеку.

Бойцы посмотрели друг на друга, потом на Тихонова, и один из них простоудушно признался:

– А мы-то, простофили, думали, что капитан эту птичку себе на жаркое ловит.

Бойцы поговорили о голубе ещё несколько минут, и Тихонов приказал возобновить прерванную работу. Разошлись без особого желания, и разговор о взволновавшем всех происшествии продолжался.

– Вот видел, Шлёнкин, что делается? – долбя землю ломом, говорил Егоров. – Ты о фронте мечтал, о западе, а, гляди, и тут нам найдётся дело.

– Самураи – пакостная порода. Раз они в прошлые годы задирались, теперь от них хорошего не жди, – сказал Петухов.

– Шибануть их шибче надо. Мы им в тридцать девятом году на Халхин-Голе показали такой «банзай», что они и ног не унесли, – заговорил смуглолицый и веселоглазый Прокофий Подкорытов.

– Смотри, ребята, капитан куда-то на коне поехал, – сказал Соколов, приставляя ладонь к глазам.

Бойцы оторвались от работы. Тихонов ехал по пади на низкорослой рыжей лошадке, а вслед за ним, неловко подпрыгивая в седле, торопился коновод. По его мешковатой посадке чувствовалось, что коновод был из молодых бойцов.

– Наверное, он начальству шелковку повёз, – высказал своё предположение Егоров.

– Скажите-ка: в этих местах, кроме нас, стоит кто-нибудь? – неопределённо махнув рукой, спросил Шлёнкин.

– Говорили, будто неподалёку дивизия стояла, да ушла на днях на запад, – проговорил Соколов.

– Выходит, что, если японец пойдёт войной на Советский Союз, мы первые его встретим, – сказал Егоров.

– Выходит, так, – подтвердил Василий Петухов и, взглянув на Подкорытова, спросил:

– А что, Прокофий, японец силён, нет ли?

– Ну как тебе сказать, – против обыкновения вполне серьёзно, без всяких чудачеств проговорил Подкорытов, – с нами их не сравнишь, но и шапками японца не закидаешь, братуха. Солдат у них обучен, втянут и, сказать по правде, драться умеет.

– Ну вот, обученных красноармейцев всех отсюда на запад угнали, а мы что? Ни то ни сё, – проговорил Шлёнкин.

– Далось тебе одно: не обучены да не обучены! – живо

отозвался Подкорытов. – Мы в тридцать девятом году на Халхин-Гол приехали тоже не бог весть какие. А как начали воевать, быстрёхонько обучились. Бывало, как пойдём врукопашную, самураи повёртывают и так улепётывают, что аж пятки втыкаются.

Подкорытов употребил тут несколько непечатных слов, от которых даже сумрачный Шлёнкин залился веселым смехом.

– Гляди, ребята, гляди, верховые! – воскликнул Соколов.

В самом деле, на вершине одной из сопок показались двое верховых. Должно быть, увидев их, Тихонов повернул свою лошадь и помчался к ним навстречу.

– Да это пограничники! Видите, макушки у фуражек зелёные, – щуря свои острые, весёлые глаза, сказал Подкорытов.

Вскоре пограничники и Тихонов съехались, спешились и, оставив лошадей под присмотр молодого коновода, отошли в сторону и остановились, разговаривая.

Бойцам было теперь не до работы. Неотрывно они наблюдали за тем, что происходило там, на вершине сопки. Они видели, что вначале пограничники долго и внимательно рассматривали голубя и шелковку, потом они что-то рассказывали Тихонову, и тот часто вскидывал руками, а затем, нагнувшись, черенком плётки долго вычерчивал на песке какой-то чертёж.

Наконец разговор закончился. Тихонов пожал руки пограничникам, и они вскочили на лошадей. Переждав, когда они скроются за сопкой, Тихонов сел в седло и помчался под гору, к своей палатке, с такой быстротой, что страшно было смотреть.

– Отчаянная головушка! – с мальчишеской завистью сказал Соколов. Егоров мысленно повторил его слова и подумал: «И скачет он так не из пустого азарта, как не зря он ловил этого злополучного голубя...».

* * *

Тридцать лет прожил Филипп Егоров на белом свете, но такой ночи переживать ему не приходилось... Где-то за сопками, к западу от границы, слышался рокот моторов. Вначале у Филиппа шевельнулась мысль: уж не прорвались ли где-нибудь и не пошли ли в обход японские танки. Граница тут простиралась на многие сотни километров, и организовать её

оборону хорошо в одинаковой мере было немислимо. Но скоро он успокоился: пришёл Тихонов и сообщил, что это передвигаются на новые позиции наши танковые части. В дороге, продолжавшейся не один день, Егоров своими глазами видел сотни эшелонов, следовавших с востока на запад. Они шли с быстротой курьерских поездов и были загружены самолётами, пушками, танками и прочим военным имуществом. Если, несмотря на это, на востоке действительно что-то оставалось, то это означало, что правительство в своё время хорошо позаботилось о незыблемости советских восточных границ.

Близ полночи до расположения третьей роты донёсся такой топот, что от него дрожала земля. Все бойцы всполошились. В кромешной темноте по неопытности можно было вообразить, что это, перемахнув границу, развёрнутым строем, с обнажёнными шашками, скачет японская кавалерия.

Топот приближался и нарастал с каждой минутой. Когда из темноты прямо в район расположения роты вырвалось несколько всадников, Егоров переживал такое напряжение, что готов был отдать приказ об открытии огня. Он искренне обрадовался, услышав, как на окрик часовых, охранявших подступы к роте с тыла, послышалась русская речь. Он побежал к верховым узнать, что им нужно. Осветив кавалеристов ручным фонариком, Егоров увидел батальонного комиссара и с ним двух всадников в плащ-палатках. Батальонный комиссар спросил, как называется падь, за которой располагалась рота Егорова, и, ругаясь по поводу того, что кавалеристы уклонились в сторону, поскакал в темноту. Его молчаливые спутники со свистом замахали плетьюми и помчались вдогонку. Вскоре топот замолк, и установилась тишина.

И если рокот моторов и топот лошадей рождали тревогу и заставляли усиленно работать воображение, то и тишина не принесла никакого успокоения. Было уже, наверное, недалеко до рассвета, когда вдруг раздался глухой, но довольно мощный взрыв. Он произошёл не близко, но до сопков, на которых сидел батальон Тихонова, докатился содрогающий землю гул.

«Ну вот и началось!» – подумал Егоров. В том, что это было начало войны, а не что другое, он теперь нисколько не сомневался.

– Комбат не звонил ещё? – спросил Егоров телефониста, неотрывно сидевшего у телефона.

– Никак нет, товарищ комроты, – ответил телефонист и опять приложил трубку к уху.

Ответ телефониста изумил Егорова. Он был убеждён, что за короткие минуты его отсутствия весь батальон пришёл уже в движение и ему остаётся поднять свою роту. Но минуты текли, а всё оставалось по-старому. Телефон попискивал, но звонка, того важного звонка от комбата, которого Егоров ждал не минутами, а секундами, всё не было и не было.

После взрыва прошло не менее получаса, когда наконец полевой телефон запищал протяжно и вызывающе. Егоров выхватил у телефониста трубку, притиснул к уху и замер как вкопанный: он узнал голос Тихонова.

Не слушая ничего, Егоров заторопился:

– Я «Ракета», я «Ракета»! – и приготовился выслушать то, что ему казалось уже неотвратимым. Но капитан звонил совсем по другому поводу.

– Ну, каков взрыв-то? Коза на наше минное поле забежала. Представляю, какой переполох сейчас у японцев... Почаще посты проверяйте, чтоб не задремал кто-нибудь...

Егоров отдал трубку телефонисту и засмеялся. Вот что значит неопытность! Недаром в армии любят повторять старую русскую пословицу: за битого двух небитых дают.

Только перед утром, когда сумрак стал понемногу редеть и Егоров почувствовал от непрерывных ожиданий усталость во всём теле, неожиданно телефон захрипел часто и требовательно.

– Вас, товарищ комроты, – проговорил телефонист, подавая Филиппу трубку.

Говорил Тихонов:

– Внимание, Егоров! Японцы начали продвигаться к нашей границе. Ещё раз предупредите всех бойцов, что за стрельбу без команды – расстрел. И запрячьте всех до единого в окопы!

– Есть, товарищ капитан! – прокричал в трубку Егоров и бросился во взводы выполнять приказ капитана.

Прошло, пожалуй, не меньше часа, пока сумрак расплзся по падям. Теперь не только в бинокль, а даже простым глазом

Егорову хорошо было видно, как из распадков выползают колонны японских войск.

Когда основная часть людей, повозок и автомашин оказалась за пределами сопок, стало ясно, что это был пехотный полк со всеми приданными ему подразделениями. В конце одной из колонн двигались тупорылые пушки и несколько подвод с имуществом сапёров и связистов. Глядя на стройные колонны солдат, на хорошо увязанные грузовики и повозки, на полевые кухни, дымившиеся синеватым кудрявым дымком, казалось, что японцы отправились в продолжительный поход и совершают его не у самой границы с Советским Союзом, а где-нибудь в глубине Маньчжурии, в полупустынной местности.

Но ещё через полчаса, когда до границы осталось не больше километра, колонны начали дробиться, расползаться, и полк быстро развернулся в боевой порядок. Отсюда, с советской стороны, наблюдали за всем, что происходило у японцев, с напряжённым вниманием. Подкорытов лежал рядом с Соколовым, припав к ложу винтовки. Он лежал не шевелясь, упёршись крепкими ногами в каменистый край окопа. Соколов слышал, как Подкорытов скрипел зубами и посылал длинные и витиеватые матюки в адрес японцев. Сам Витя, смотревший вначале на всё, что происходило возле границы, лишь с мальчишеским любопытством, чувствовал, как с каждой минутой в его груди нарастает злоба и нетерпение. Василий Петухов, разместившийся от Соколова справа, то и дело прикладывал свою винтовку к плечу и с каким-то сожалением опускал её, вздыхая шумно и глубоко.

Егоров ощущал сейчас полное спокойствие. На душе была ясность, позволяющая думать трезво и о себе, и о людях, во главе которых он был поставлен.

Мысль о смерти шевельнулась в его сознании, но не показалась страшной. «Чем же ты лучше тех, которые сегодня, как и вчера, умирают там, на западе? Ты во всём – и в правах, и в обязанностях – равен с ними».

А японцы всё приближались к советской границе. Глядя, как они смешно покачиваются на своих коротких ногах, малорослые, согнувшиеся под тяжестью походной амуниции,

словно нацеленные одной невидимой рукой, Егоров с гневом припоминал сообщения газет о пограничных конфликтах. «Что им надо? Что им надо? Сколько лет они не дают нам покоя? Открыть по ним огонь и... в трибунал», – подумал он. Но сознание его не перешло ещё той грани, за которой оно уже не в состоянии бывает управлять поступками человека. Очень кстати протяжно запищал телефон.

– Ещё и ещё раз, Егоров, предупредите бойцов, – кричал Тихонов в трубку, – за самовольную стрельбу – вышка, да, да... и вам тоже вышка...

Голос Тихонова был совсем не обычный – спокойный и вразумляющий, а какой-то клокочущий, с визгливыми подголосками, словно кто-то сжимал ему горло. Егоров понимал, какие чувства теснились в душе капитана. Разве таким бы голосом прокричал он в трубку, доведись ему отдавать приказ об открытии смертоносного огня по этим копошащимся цепям японцев? Нет, у него нашлись бы и голос, и воодушевляющие слова. Но не от него ли, не от Тихонова ли, слышал Егоров фразу: «Мацуока? Вы бросьте в подпись Мацуоки верить. Верьте в себя. Мир на востоке больше теперь зависит от нас. Японец надеется, что мы тут ослабеем. Будет брать нас на испытку. Пусть обманется!».

«Пусть обманется! Да... Если это провокация – нас не спровоцируешь, ну а всерьёз если, не жалея, Егоров, живота своего», – сказал сам себе Филипп. Он побежал по траншеям. Предупреждение Тихонова было своевременным. Вид у бойцов был настолько насторожённым, взгляды их выражали такое беспокойство и в то же время решимость, что выстрел в японцев мог произойти в любое мгновение.

– Шлénкин! Ты куда целишься?! – закричал Егоров, увидя, что боец приложился к винтовке и тщательно наводит её на какую-то цель.

Шлénкин нехотя оторвался от винтовки, виновато улыбаясь, сказал:

– Примеряю, товарищ комроты.

– Оставьте, если не хотите, чтоб я вас наказал, – сердито бросил Егоров и побежал в третий взвод.

А японцы продолжали продвигаться вперёд. Вот до гра-

ницы осталось двести, сто метров, пятьдесят, а они всё шли и шли. Вот они вступили на узкую нейтральную полосу. Теперь до советской границы оставались считанные шаги.

Вдруг японцы остановились и замерли.

Не менее четверти часа они стояли без движения. Можно было подумать, что они совершают какой-то религиозный обряд, ради которого шли сюда. Но вот крайние зашевелились, задвигались, и тотчас вся равнина ожива: зафыркали лошади, загудели грузовики, засуетились на своих коротких ногах маленькие, смешные человечки.

Японцы двинулись, но двинулись не на русскую землю, а вдоль неё, по самой кромке границы. Они шли всё так же медленно, шли до самых сопок, замыкавших равнину высокой стеной. Когда сопки преградили им путь, они вновь построились в колонны, и эти колонны, похожие издали на извивающихся змей, поползли по распадкам к востоку.

* * *

В те июньские дни тысяча девятьсот сорок пятого года небо над степью было закрыто мутно-жёлтым шатром пыли. День и ночь гудела и содрогалась земля от грохота танковых колонн, от рокота самолётных моторов, от рёва автомобилей, от топота лошадей. С наступлением сумерек над степью поднималось яркое зарево, как от гигантского пожара.

Это сливались в единое море света огни фар, костры биваков, лучи прожекторных установок противовоздушной обороны. Живой, бушующий поток людей, машин, лошадей поглощали десятки и сотни эшелонов, прибывавших на неведомые степные разъезды чуть ли не из всех столиц Европы. Воины, прошедшие с боями от Москвы и Сталинграда до Берлина и Вены, с горячим любопытством осматривали однообразное степное раздолье...

Вокруг лежали изрытые сопки. Извилистые противотанковые рвы тянулись на десятки и сотни километров. Траншеи и окопы встречались на каждой сотне шагов. Землянок было едва ли не больше, чем тарбаганьих нор. Миллионы кубометров земли передвинули человеческие руки за эти четыре года. Сколько же потребовалось на это сил, упорства, муже-

ства? Ветераны войны знали настоящую цену воинского подвига.

– Хотя о вас не писали в сводках Информбюро, но работали вы знаменито, – говорили они солдатам и офицерам забайкальских полков и дивизий.

Забайкальцы вливались в общую массу войск как равные, со своей особой славой – славой людей, выдержавших великое и тяжкое стояние на восточных рубежах Родины...

Двадцатого июля дежурный по штабу батальона принял срочную телефонограмму, адресованную комбату Тихонову. Точным и энергичным языком в ней предписывалось немедленно прибыть в штаб генерала Разина. Тихонов и Буткин, пообедав, пришли в свою землянку, намереваясь поиграть часок в шахматы. Они расставили фигуры на самодельной, расчерченной цветными карандашами доске, но начать игру не успели: вошёл дежурный. Прочтя телефонограмму, Тихонов молча передал её Буткину и приказал дежурному готовить лошадь.

Генерал Разин встретил Тихонова радостным возгласом:

– А, майор Тихонов, здравствуй!

– Капитан, – поправил генерала Тихонов.

– Нет, отныне – майор Тихонов. Вот приказ. И так сверх срока почти год в капитанах ходил. Ну, поздравляю, поздравляю от всего сердца. – Генерал протянул через широкий письменный стол сухую жилистую руку и крепко сжал руку Тихонова. – Присаживайся, майор, прошу.

По его сияющим из-под густых, нависших бровей глазам Тихонов понял, что генералу было приятно сообщить ему новость о повышении в звании.

– Как идёт время, майор! – воскликнул Разин, приветливо и молодо поглядывая на Тихонова. – Я ведь помню тебя лейтенантом, командиром взвода...

– Мои однокашники по училищу, товарищ генерал, уже полками на фронте командовали, – сказал Тихонов.

– Да, да. Вот и мои товарищи во главе фронтов и армий стоят. Ты знаешь, майор, генерал-полковник... – Разин назвал фамилию известного в стране генерала, войска которого довольно часто отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего, – он же полком у меня в дивизии на Халхин-Голе ко-

мандовал, а генерал армии... – Разин назвал фамилию другого знаменитого советского полководца, – этот в Гражданскую войну начальником штаба у меня был...

– Да, сильно выросли люди, – вставил Тихонов и со вздохом признался: – И, откровенно говоря, товарищ генерал, жалко, что не удалось повоевать на Западе. На днях встретил одного друга – у него на груди вся Европа: Бухарест, Будапешт, Берлин, Прага. Прямо завидно стало. И когда только успел человек!

– Ну что ж, майор, нам обижаться не на кого, а для угрызення совести тоже нет оснований. И мы Родине служили, и, по всему видно, неплохо служили.

Генерал поднялся из-за стола, прошёл к массивному стальному сейфу и длинным плоским ключом открыл его. Вытащив жёлтую папку, он на руке раскрыл её, отыскивая, по-видимому, какой-то необходимый ему документ. Тихонов неотрывным взглядом следил за ним. В первые минуты их беседы он решил, что генерал пригласил его к себе, чтоб сообщить о присвоении нового звания. Правда, это можно было сделать по телефону, но генерал мог пожелать увидеть Тихонова лично. Теперь Тихонов был твёрдо уверен, что генерал позвал его к себе с другой целью. Во всей фигуре генерала – высокой, сухой и чуть сгорбленной – проглядывала озабоченность, и набухшие кровью жилы на изогнутой шее выражали крайнее напряжение.

«Ну-ну, чем же ты меня порадуешь, старина?» – прислушиваясь к шелесту бумаг, думал Тихонов, не спуская глаз с генерала. А Разин на несколько секунд задержал взгляд на какой-то бумажке, сунул папку в сейф, закрыл его и поспешно опустился в кресло с высокой резной спинкой.

– Майор, двадцать второго июля вверенному вам батальону надлежит сняться из пади Ченчальтуй и, совершив марш, поступить в распоряжение командующего армией генерала...

Разин произнёс это официальным тоном со строгим выражением на млажавом румянном лице, потом откинулся на спинку кресла, заглянул в глаза Тихонову и совсем просто, словно на его месте появился другой человек, сказал:

– Жалко мне, Прохор Андреевич, отдавать тебя другому командующему. Столько лет вместе! Был ты у меня на хорошем

счету, и знал я – в решающий час можно тебе доверить самое трудное дело. Ну, ничего, жизнь у нас солдатская. Может быть, ещё не раз встретимся.

Тихонов этого не ждал. «Прощай, падь Ченчальтуй», – пронеслось у него в мыслях, а сердце защемило – будто не степной распадок, а родной дом, в котором он родился и встал на ноги, предстояло ему покинуть.

* * *

Восьмое августа на исходе... Изнурительно медленно тянутся последние минуты. Ночь непроглядно темна. В степи так тихо, что слышно, как тренькают и звенят в воздухе комариные стаи. Где-то далеко-далеко вспыхнет неярким, бордово-жёлтым светом зарница и, дрожа, загаснет. Степная пичуга, прикорнувшая на ночь в густой траве, по-человечьи вскрикнет спросонья и сразу же замолкнет в страшном испуге. Степь сомкнулась с небом, а где, в каком месте – не отыскать. Темнота липнет, обволакивает, застигает землю, как дым лесного пожара. Не видно ни танков, ни повозок, ни автомашин, а их вдоль границы – тысячи! Людей ещё больше: по степному раздолью залегли батальоны, полки, дивизии. Последние минуты мира...

Третья рота вся в сборе. Нет только командира. Старший лейтенант Егоров – у комбата, где-то тут же неподалёку. Разговор не вяжется. Всё, что думалось об этой войне, – всё сказано на митингах: справедливость. Святая справедливость. О ней говорили горячие речи, её прославляли русским многоголосьем «ура», и от переполнивших душу чувств взлетали в небо пилотки и фуражки...

А теперь минуты сокровенного раздумья. Граница рядом. Другой мир рядом. Война рядом. И новая, совсем иная жизнь лежит за недолгими, не утекшими ещё в вечность минутами...

Соколов растянулся на траве. Август ещё в начале, но по монгольским просторам тянет прохладой. Он подёргивает плечом, плотнее прижимается к спине Шлёнкина. «Буду вместе с ребятами... Буду стоять за них, а они за меня...» – размышляет Соколов, и на душе становится спокойнее, и вспышки чистой, большой радости озаряют его душу. Не один Соколов

разговаривает в эти минуты сам с собой. Темнота скрывает задумчивые лица бойцов.

В кармане гимнастёрки Соколкова лежит последнее письмо от Наташи. Ему хочется достать его и ещё раз перечитать от начала до конца, но темь такая, что хоть глаз коли. Соколков вспоминает отдельные фразы: «В университет уже многие вернулись. Приехал без ноги из Берлина доцент Куприянов – командовал полком. А помнишь Толю Новикова? С химического? Он тоже вернулся. И представь себе – Герой Советского Союза». Ещё бы не знать Тольку Новикова! С первого класса учились вместе. Счастливчик! Герой... И может каждый день видеть Наташу...

«Когда же ты вернёшься, Витя? – продолжает вспоминать Соколков фразы из письма. – Посаженный нами с тобой в знак дружбы тополь уже вырос чуть не до крыши, а тебя всё нет. Впрочем, не пойми это как отчаяние. Буду ждать тебя ещё хоть десять лет...» Соколков мысленно повторяет эти фразы, потом шепчет их.

– Ты что, молитву бормочешь? – спрашивает Шлёнкин.

– Стихи вспоминаю, – отговаривается Соколков.

– Нашёл для стихов время, – с укоризной говорит Шлёнкин.

– А почему нет? Ты что, боишься? – шепчет Соколков.

– Как тебе сказать? Боязни нет, а волнуюсь... Чёрт её знает, может быть, нам жить с тобой осталось минуты...

Соколкову хочется сказать: «Ну к чему такие мрачные мысли? Смотри на всё бодрее», – но произнести эти слова он не в силах. Нервная дрожь пронизывает и его.

– Всё может быть, Терёша, – судорожно позёвывая, соглашается Соколков.

Они замолкают, но Соколков перебарывает себя, и вскоре опять слышится его голос:

– А умирать, Терёша, подождём. Наступил и наш черёд воевать.

– Да умирать я и не собираюсь. Что ты?!

Итак, договорено обо всём, но Соколков вспоминает, что он забыл сказать Шлёнкину свою наиважнейшую просьбу. Лучше бы о ней умолчать после только что сказанных Шлёнкиным

слов о смерти, но удастся ли её высказать потом? Соколов тянется к уху Шлёнкина, доверительно шепчет:

– Терёша, если меня того... Ты пошли Наташе письмо... в комсомольском билете... Сколько на твоих фосфорических?

Шлёнкин поднимает руку, смотрит на поблёскивающие стрелки и цифры:

– Через десять минут...

И снова молчание. Вдруг слышатся чьи-то торопливые шаги. Они всё ближе, ближе. Кажется, что идущий наткнётся на бойцов третьей роты. Но вот шаги мгновенно затихают, словно человек провалился сквозь землю, с полминуты слышно лишь, как бренчат на своих однообразных бандурах липкие степные комары.

– Третья, поднимайся, – коротко приказывает Егоров.

Значит, это он шёл, шаркая сапогами о траву. Все вскакивают, надевают скатки, вещевые мешки, винтовки, ощупывают привычными движениями рук затворы. Рота строится. В темноте не так просто найти своё место в строю, но солдат плечом чувствует товарища. Рота стоит в ожидании новой команды. Расчерчивая чёрное небо узкими полосками, то ало-красными, то фиолетовыми, то зелёными, взлетают ракеты. Вслед за этим где-то далеко-далеко, словно соперничая с зарницей, вспыхивает короткое зарево. Оно вспыхивает два-три раза, затем начинает мигать ежесекундно.

– Артиллерия приступила к делу.

– Далеко, даже звука не слышно, – замечают в строю.

Рота стоит без движения ещё несколько минут. Ах, как мучительны эти минуты – скорее бы в бой! И тишина! Она угнетает. Ведь где-то уже воюют! В чём дело? Почему нет команды двигаться?

Со свистом взлетает ещё одна ракета – красная, с искрящимся продолговатым хвостом. Ракета не успевает ещё лопнуть и рассыпаться, как степь оглашается рёвом моторов. Рёв танков доносится откуда-то слева. До них, должно быть, тоже не близко, но сколько же их, если под ними дрожит земля и беспокойно колышется воздух! Рёв всё нарастает, и Егорову приходится кричать во всё горло:

– Рота, за мной, шагом марш!

Команду слышат немногие, но опять выручает солдатское чувство плеча: товарищ тронулся, не отставай от него. Позвякивают котелки, скрипит под ногами песок, кованые каблуки высекают искры из острых степных камней. Рота идёт... идёт. Бойцы вслушиваются в каждый звук, всматриваются в темень до боли в глазах. Винтовки наперевес оттягивают руки.

Где же граница, где японцы? Танки прогрохотали в стороне и смолкли, не затихает только артиллерия. Зарево дрожит, разливается по горизонту, и, чем дальше идёт рота, тем оно становится шире, крупнее, ближе.

– Бог войны по японскому укрепрайону жарит.

– Дождались своего и самураи, – негромко переговариваются бойцы.

Но ухо настороже, глаз напряжён. Каждый думает только об одном: «Ну, где они, где они, эти бахвалившиеся, драчливые вояки? Скорее бы, скорее столкнуться с ними и испытать свои силёнки». Вдруг строчит автомат. Он строчит короткими очередями, и совсем близко. Бойцы рассыпаются, вздымают винтовки к плечу, но команды нет, а эхо от выстрелов прокатилось по степи и затихло. В темноте кто-то маячит на лошади.

– Егоров! Что остановились? Продолжайте марш!

По голосу бойцы узнают комбата Тихонова. «Он с нами!» На душе у каждого становится спокойнее. Тихонов не даст врагу напасть врасплох. Он умеет видеть даже ночью. Рота идёт дальше. Выстрелов больше не раздаётся, но все их ждут, ждут... Справа и слева движутся другие роты батальона. Порой они так сближаются, что слышно, как тяжело дышат люди. А ночь уже постепенно светлеет. Поднимается месяц откуда-то с земли, словно он лежал тут, прикорнувшись до поры до времени на траве. Степь, ранее сокрытая темнотой, предстаёт перед взором голубоватой и такой широкой, будто нет у неё ни конца, ни края. Месяц светит недолго. Сумрак редееет, и в небо вонзаются пламенеющие лучи далёкого солнца. Через час начинает пригревать. Взору открывается такой неохватный простор, что робеет глаз. Над степью висят жёлтые тучи пыли, они виднеются впереди, позади, слева, справа. Под ними движутся колонны автомашин и танков, идут походным строем роты,

батальоны, полки. Все осматривают степь и понимают, какие несметные силы двинула Родина на Дальний Восток...

* * *

Близ полудня батальон Тихонова останавливается на привал. По данным карты, здесь должно быть озерко. Тихонов вместе с Буткиным отправляется искать его. Они бродят по кочкам, высокая и упругая, как щетина, трава полирует голенища их сапог. Тучи комаров с противным писком кружат над головами, липнут к потным лицам и рукам. Озерка нет. Пока картографы чертили и печатали карты, вода испарилась. На месте озерка поблёскивает солончаковая лысина.

– Напились, Пётр Петрович, водички! – хмурясь, бурчит Тихонов.

Буткин вытаскивает из чехла новую сапёрную лопату с крашеным черенком, копает. Безднадёжно. На воду нет и намёка. Сухой песок лежит толстым слоем. Под ним глина – спрессованная, плотная, как кирпич.

– Попробуй тут вот, верь карте, – всё так же хмуро говорит Тихонов.

Он подзывает Егорова:

– Рассредоточьте роту, пошарьте по степи. Возможно, в карте ошибка и озерко показано неточно.

Егоров выстраивает роту веером. Бойцы ходят по степи, приглядываются, ковыряют лопатами землю. Проходит полчаса, час – воды нет. Батальон обедает. Дымит походная кухня. Белый колпак повара кажется на фоне зелёных просторов степи особенно ослепительным. Поход походом, а сержант Серёжкин верен себе: опрятность – первая заповедь повара. Обед сварен на совесть! Щи покрыты жёлтой восковой плёнкой жира. Гречневая каша рассыпается по крупинкам. После такого обеда невыносимо хочется пить. Но воды во флягах – чуть донышко закрыто, а знойный день почти весь впереди. Бойцы скупно переговариваются. В горле сухо, язык липнет к нёбу. Некоторые с отчаянием машут руками, выпивают воду до последней капли. Более терпеливые делают осторожные глотки и прячут фляги в чехлы.

В течение часа батальон отдыхает. Солнце уже печёт не-

щадно. Воздух горяч, как в жарко натопленной бане. В степи тихо – не колышется ни одна былинка. Бойцы прячутся от зноя под плащ-палатки, засыпают коротким, тяжёлым сном. Наряды боевого охранения зорко оберегают сон товарищей, всматриваются в степное, подёрнувшееся розоватым маревом раздолье. То там, то здесь дымятся кухни. А дальше стоят неподвижные столбы пыли, поднятой людьми, лошадьми, машинами.

Прежде чем двинуться дальше, Буткин произносит речь. Морщинистое лицо замполита побронзовело, глаза воспалены от пыли и бессонницы. На гимнастёрке проступили пятна. Пот и пыль насквозь пропитали материю защитного цвета.

– Товарищи! Вода будет через сорок пять километров. Надо их сегодня пройти во что бы то ни стало. Японцы отступают по всему фронту. На нашем участке они бегут в предгорья Хингана. Мы должны настигнуть японцев раньше. Хинганский хребет удобен для обороны. Засядут там – вышибать будет нелегко. А потому – вперёд!

Вперёд! И ещё раз вперёд! Первым в третьей роте начинает сдавать Шлёнкин. Он дышит всё тяжелее и тяжелее. Пот застилает глаза. Плечи ноют. От ремня винтовки немеет рука. Ноги передвигаются тяжело, будто на них гири. Но покидать строй Шлёнкин не хочет и шагает... Шагает...

Рота постепенно растягивается. Кое-кто из бойцов опускается на землю, сбрасывает обувь. Портянки – хоть выжимай. Перекинув ботинки через плечо, солдаты спешат догнать товарищей. Но рота не стоит на месте. Чтоб нагнать её, надо идти быстрее, чем она, а силы и так на пределе. Отставшие тянутся стайкой на некотором расстоянии от роты.

Соколов чувствует, что Шлёнкин вот-вот выйдет из строя. Терентий дышит уже с какой-то хрипотцой. Нет, Соколов не может допустить этого, он же комсорг, а комбат сказал, что для коммунистов и комсомольцев батальона нет сейчас более важной задачи, чем организованность на марше.

«И отчего его так развезло? Грузный, жиру много. То ли дело вот Прокофий Подкорытов. Идёт себе, и даже пота на лбу нет», – сам с собой разговаривает Соколов и поглядывает на Подкорытова. И правда, тот шагает свободно, чуть покачива-

ясь на своих длинных ногах, и кажется, что он идёт не с тяжёлой поклажей, а налегке.

Шлénкин спотыкается. От жары у него кружится голова.

– Ты что, Терёшка? – зачем-то спрашивает Соколков.

– Воды бы глоток, – говорит Шлénкин сдавленным голосом, словно кто-то сжимает ему горло. Пустая фляга его болтается в чехле, пристёгнутом к поясному ремню.

– На-ка вот, приложи к губам тряпочку, – говорит Соколков и, осторожно приложив белый лоскуток к своей фляге, подаёт его Шлénкину.

– Хорошо, язык ещё чуть смочу, – отзывается Шлénкин и берёт тряпочку в рот.

Через несколько минут его дыхание становится опять шумным, и он, поскрипывая зубами, ожесточённо машет правой рукой. Соколков и сам-то идёт с крайним напряжением сил, но ему становится ясно, что, если сейчас Шлénкину не помочь, он свернёт в сторону, сядет на землю, и тогда его не поднять никакими силами. И Соколков решается на крайнюю меру:

– Терёша, дай мне свою винтовку, передохни малость.

Шлénкин колеблется, медлит, но отказаться не может. Соколков повторяет своё предложение более настойчиво. Шлénкин, не останавливаясь, снимает винтовку. Соколков с готовностью подставляет левое плечо – на правом висит собственная винтовка. Почувствовав значительное облегчение, Шлénкин чуть не падает. Стоило облегчить плечо, и ритм ходьбы требует перемены. Шлénкин делает несколько неуверенных шагов, но быстро уравнивает тело. Какое блаженство! Плечо начинает жить. Немота, сковавшая руку, постепенно исчезает, затекшие пальцы восстанавливают прежнюю чувствительность. Солнце льёт на землю огненные струи. Земля накалена. Ноги жжёт – кажется, что идёшь по раскалённому железу.

Первые сто шагов Соколков делает довольно уверенно, но дальше винтовка Шлénкина словно прибавляется в весе с каждой секундой. Соколков ещё больше горбится, сильно раскачивается из стороны в сторону. Шлénкин не даёт товарищу выбиться из сил окончательно. Он уже чувствует себя способным не только нести свою винтовку, но и помочь Соколкову.

– Давай, дружище, мою «подругу»! – со смешком говорит Шлёнкин. – Спасибо тебе. И вот что, дай-ка на минутку твою. А ты переведи дух.

Соколов возвращает Шлёнкину его винтовку, а минутой спустя отдаёт ему и свою. Пятьдесят, от силы семьдесят шагов Шлёнкин несёт две винтовки, но как дороги эти секунды! Силы словно возвращаются к Соколову, и он испытывает в душе глубокую благодарность к Шлёнкину. Солдаты уже заметили взаимную выручку двух товарищей. Ничто не мешает им воспользоваться их примером – теперь уже никто больше не отстаёт.

Часам к пяти дня становится так душно, что даже степные птицы, щебетавшие в поднебесье, замолкают, попрятавшись в тени густых трав. Рота заметно сбавляет шаг. У Соколова от перегрева течёт из носа кровь. Санитар даёт ему вату, смоченную в каком-то растворе. Помогает. Пока Соколов лечит на ходу свой нос, его винтовку попеременно несут Шлёнкин и Подкорытов. Временами сухощавый, жилистый Подкорытов несёт три винтовки: свою, Соколова и Шлёнкина. Он не горбится от тяжести, как остальные, дышит свободно и лишь слегка побрякивает.

Уже вечером, в сумерках, батальон подходит к озеру, возле которого намечена ночёвка. Увидев поблёскивание воды, освещённой месяцем, солдаты ускоряют шаг. Жажда невыносима. Она держит в страшном оцепенении не только всё тело, но и мозг. Хочешь этого или не хочешь, а мысли твои об одном и том же – о воде. Солдаты, предвкушая удовольствие, которое сулит озеро, громко разговаривают об этом.

– Полведра без отдыха выпью!

– С ведром управлюсь!

– Залезу в озеро и буду всю ночь лежать!

Когда до озера остаются считанные метры, кое-кто пытается бежать. По пути к воде им преграждает сам комбат. Он сердито кричит:

– Кругом, шагом марш!

В сумраке солдаты успевают рассмотреть, что батальонный врач Тарасенко и начальник штаба Власов вошли по колёно в озеро и, пробуя воду, почему-то отплёвываются. Вскоре всё проясняется.

Приходит Тихонов. Он говорит:

– Озеро, товарищи, солёное, пить воду нельзя.

Кое-кто из более догадливых солдат бросается к обозу. Там есть бочка с водой – НЗ (неприкосновенный запас). Теперь её, вероятно, разрешат открыть. Люди не пили целый день. Но, ещё не доходя до бочки, солдаты слышат грозный окрик часового:

– Вертай назад!

Солдаты догадываются, что бочка взята уже под особую охрану.

Солдаты возвращаются к кострам, на которых вместо дров дымится степной бурьян.

Буткин беседует с батальоном:

– Придётся терпеть, товарищи. Израсходовать последнюю бочку воды нельзя. Мы должны чем-то напоить лошадей. Без поила они не пойдут, а это значит, что мы растеряем обоз и окажемся небоеспособными.

Солдаты слушают Буткина молча, насупившись. Да, замполит думает мудро, говорит убедительно, но пить, пить всё-таки хочется смертельно.

Пока Буткин беседует с солдатами, Тихонов диктует радиосту донесение в штаб армии:

– Приказ генерала выполнен. Батальон за истекшие сутки прошёл пятьдесят километров. Озеро оказалось солёным. Сидим без пресной воды. Продолжение марша завтра будет протекать в сложнейших условиях – до ближайшего колодца сорок километров...

Поспевает ужин. Повар Серёжкин зазывает солдат к котлам. Но никто не идёт. Кому же придёт охота есть свиную тушёнку с сушёным картофелем, когда хочется выпить хотя бы глоток воды? Серёжкин гасит костёр, закрывает котлы до утра. Ночью почти никто не спит, все бредят водой. Солдаты бродят по берегу озера, отчаявшись, пытаются пить солёную воду, но жажда от этого становится ещё более изнуряющей. Кое-кто приспособливается и слизывает скупую росу с лепестков степной травы. На рассвете Тихонов поднимает батальон. В степи прохладно, воздух отдаёт сырцой – время для марша самое лучшее.

Днём разгар зноя придётся пережить под раскинутыми плащ-палатками. Тихонов смотрит на роты со стороны. Шаг у солдат тяжёлый, лица сумрачные, под глазами синева. Денёк, видно, будет сегодня памятный!

Комбат догоняет санитарные повозки, спрашивает Тарасенко:

– А лекарства, капитан, у вас не слишком далёко лежат?

Военврач понимает, что беспокоит комбата, отвечает:

– Будем наготове, товарищ майор.

Вскоре появляется солнце. Не проходит и часа, а оно начинает уже припекать. Тихонов думает с сожалением: «Не выпал же на наше счастье пасмурный день», – и тревожно осматривает растянувшуюся колонну.

Вдруг из глубин безоблачного неба доносится далёкий рокот самолёта. Протяжный звук нарастает с каждой секундой. Это, по-видимому, идёт на бомбёжку советских войск уцелевший после сокрушительных ударов нашей авиации японский самолёт.

– Воздух! – подаёт команду Тихонов.

Батальон рассыпается на мелкие группы. Солдаты ложатся на землю, вздымают винтовки: во время войны с немцами немало сгибло фашистских пиратов от меткого огня советских пехотинцев.

Тихонов подзывает радиста, приказывает, чтоб, в случае если самолёт окажется японским, он передал сообщение об этом в штаб армии и соседним частям. Справа и слева от батальона движутся мощные колонны войск всех родов. Тихонову приказано прокладывать линию наступления между ними и при необходимости вступать с этими колоннами во взаимодействие. Самолёт приближается, увеличиваются его очертания. Вот он над батальоном. Все видят на его огромных крыльях красные звёзды.

– Наш! «Воздух» отбой! – слышатся голоса офицеров.

Солдаты поднимаются с земли, обоз стягивается в одно место. Самолёт делает круг над батальоном и снижается.

– Уж не думает ли он садиться? – недоуменно переглядываясь, говорят солдаты.

И в самом деле, самолёт всё опускается и опускается, слов-

но присматривается: хороша ли площадка для приземления. Через минуту-другую он скользит колёсами по земле, катится, вздымая за собой облако пыли.

Тихонов, Буткин, Власов бегут к самолёту. Солдаты спешат за ними, одни в строю, другие свободно. Из самолёта выпрыгивают пилот, штурман, бортрадист.

Командир корабля, офицер с лейтенантскими погонами, спрашивает приближающихся:

– Товарищи, чьё это хозяйство? Нам нужен майор Тихонов.

– Вы не ошиблись. Я майор Тихонов, – говорит комбат.

– Я же говорил тебе, Виктор, что прямо в середину батальона тебя привезу, – смеётся штурман, кудрявый юноша, поглядывая на лейтенанта.

– Воду вам привезли, товарищ майор. Сам командующий послал. Кроме того, два тюка сегодняшних газет, – говорит командир корабля.

Тихонов бросается к лётчику, обнимает его.

– Ну, выручили вы нас! Спасибо! И командующему спасибо. Какие генералы у нас, а? Я ведь ничего не просил, ни на что не жаловался...

Солдаты уже окружили самолёт. Весть о том, что самолёт доставил воду, передают из уст в уста, загоревшие лица словно расцветают от широких, простых улыбок. Пока воду переливают из жестяных бочонков в деревянные бочки, стоящие на телегах, солдаты читают газеты, пахнущие ещё свежей типографской краской. На первой полосе напечатано сообщение Советского Информбюро о положении на фронте.

Буткин прочитывает его вслух, комментирует краткими замечаниями, потом спрашивает лётчиков:

– А где вы побывали, товарищи, что повидали?

Лётчики смеются, и штурман, встряхивая кудрявой головой, говорит:

– А вы спросите нас, товарищ капитан, где мы за эти дни не бывали? Харбин бомбили, Маньчжуро-Чжалайнурский укрепленный район бомбили, десанты сбрасывали, горячее передовым танковым отрядам возили, водичкой вашего брата пехотинца снабжали, медикам лекарства возили... Да где мы только не побывали?!

Штурмана слушает не только Буткин. Солдаты оторвались от газет, затихли, смотрят на лётчиков с изумлением и завистью. «Счастливицы эти крылатые люди!»

– А как там наша пехота воюет? – спрашивает Тихонов.

– Дают самураям дрозда! – восклицает командир корабля.

Он рассказывает о героях, прорывавших маньчжуро-чжальнинские укрепления. Долговременные сооружения здесь имели мощные прикрытия. Толщина их достигала двух метров. Много было подземных казематов и много амбразурных дотов. Ничто не устояло перед натиском советских воинов.

Дослушав до конца рассказ лётчика, солдаты говорят:

– Вот это воюют люди! А у нас воды на один день не хватило – и уже скисли!

Но ни пехотинцам, ни лётчикам нет времени затягивать разговор. Опять режут моторы. Самолёт несётся по степи, отрывается от земли, делает над батальоном прощальный круг и ложится на свой курс. Проводив его взглядами, солдаты наполняют флаги водой. Батальон выстраивается в походную колонну.

Тихонов подаёт команду, присматриваясь к солдатам, говорит Буткину:

– Сегодня, Пётр Петрович, километров на шестьдесят рванёмся вперёд. Ты смотри, какое у людей боевое настроение!

Замполит согласно кивает головой.

* * *

Появляется месяц, небо светлеет, становится виднее в горах. Воздух содрогается от разрывов гранат, от стрельбы, от эха, которое долго перекачивается по ущельям. Отзвуки боя доносятся то с одного места, то с другого. Жжвик! Жжвик! – слышит Шлёнкин над головой. Кто-то стреляет рядом с ним. Возможно, Подкорытов. А может быть, это японцы заметили его, Шлёнкина, и стреляют в него? Шлёнкин быстро ползёт, прячется в выступе скалы, плотно прижимается к её прохладному боку. Он сидит не двигаясь, руки и ноги его затекают, спину ломит. Пули уже не свистят над его головой, но страх обуял Шлёнкина – ему мерещатся японцы и впереди, и позади.

Слышится хруст, – вероятно, идёт Подкорытов. Шлёнкин приободряется, но выходить из своего гнездовища не спешит. Когда Подкорытов подойдёт поближе – он подаст голос. Шаги всё отчетливее. Слышно даже, как Подкорытов дышит с шумом и хрипом.

«Что он так? Поймают его японцы на мушку», – тревожно думает Шлёнкин. Наконец в сумраке появляется фигура. Шлёнкин присматривается, и что-то чужое, не подкорытовское, угадывается в этом качающемся из стороны в сторону человеке. Шлёнкин сильнее втискивается в щель, раздвоившую скалу, и смотрит, смотрит изо всех сил на приближающегося к нему человека. Нет, это не Подкорытов! Прокофий строен и высок, а этот идёт согнувшись.

Он дышит так тяжело, словно где-то поблизости раздувают кузнечные мехи. Подкорытов, как бы он ни устал, какую бы тяжесть ни нёс, умеет управлять своим дыханием. Проходит ещё минута, две... Человек начинает поспешно карабкаться на скалу. Шлёнкин сидит метра на два выше человека и хорошо видит его. При свете месяца он различает, что это японец.

«Прокофий его спугнул. От него, видимо, он удирает», – мелькает у Шлёнкина в уме. Японец приближается. Шлёнкина трясёт. Это уже не страх, у страха есть свои сроки. Шлёнкин волнуется, он не знает, на что решиться, у него много возможностей – надо выбрать одну из них, а это не просто. Шлёнкин может выстрелить в японца, он может бросить в него гранату, но не лучше ли немного выждать ещё и заколоть японца штыком. Так будет бесшумнее. Выстрел и взрыв могут привлечь других японцев, а воевать одному с несколькими – дело сложное. Пока Шлёнкин размышляет, на чём остановить ему свой выбор, японец оказывается в трёх шагах от него. Как запалённая лошадь, он падает на выступ, который несколько ниже выступа, занятого Шлёнкиным. Привалившись спиной к скале, японец отдыхает.

«Надо захватить его живьём», – думает Шлёнкин. Бесшумно, с великой осторожностью, он чуть подтаскивает свои ноги к обрыву. Сердце стучит, на лбу выступает пот. Пора бы уже прыгнуть, японец может подняться, уйти дальше, но в душу Шлёнкина закрадывается неприятный холодок. «Ну, прыгай

на него, прыгай», – говорит он сам себе, но секунды текут, а он сидит на прежнем месте. «Да разве так я тогда Соловья ловил?.. Товарищ капитан... Катя... Она за такое не похвалила бы». – Он как бы видит на миг её лицо с большими глазами и слышит её голос: «Пора!». Сдёргнув с головы пилотку, он падает на японца всей тяжестью своего грузного тела. Тот делает тщетную попытку сбросить его с себя, но руки Шлёнкина обретают удивительную подвижность и силу. Миг – и пилотка втолкнута в рот врага. Ещё миг – и руки японца связаны ремнём. Он бьётся и стонет, в горле у него что-то булькает, в животе страшно урчит... Над Хинганом занимается заря...

* * *

Гаолян действительно вымахал такой, что человек может в нём потеряться. Китаец и Егоров идут впереди, позади них японский унтер, захваченный на Хингане Шлёнкиным. У японца глаза завязаны платком. Он не должен знать ни местности, ни сил, которыми располагает Егоров. Японца ведут под руки. Китаец ничего не прикрасил. Деревенька стоит в ложине, и подходы к ней хороши – невозможно придумать лучше. Посевы гаоляна примыкают к самым дворам. Кроме того, деревенька прикрыта с двух сторон тополёвой рощицей. При подходе к деревеньке удаётся самое главное – скрытность. В армии её называют первым условием боевого успеха. Свыше километра ползли солдаты на четвереньках, и не зря. Они видят теперь врага своими глазами. В одном из дворов японцы из котелков едят палочками рис.

Егоров поднимает пленного унтера с земли, снимает повязку и слегка толкает его в спину:

– Иди!

Пленный идёт. Вот он входит во двор, говорит что-то солдатам, один из них бежит в глубь двора и возвращается с офицером. Простым глазом невозможно рассмотреть его знаки различия, но в бинокль Егоров видит, что это капитан. Унтер подаёт ему бумажку – ультиматум: сложить оружие и организовано сдаться в плен, в противном случае японцам грозит уничтожение. Советские бойцы возле, и их оружие наготове. Офицер что-то говорит унтеру, потом широко размахивается и

бьёт его по лицу. Унтер катится кубарем. Офицер размахивает рукой, солдаты мечутся.

Егоров понимает, что офицер из числа тех фанатиков – самураев, которых убеждает только оружие. Он приказывает дать залп из миномётов. Одна мина разрывается над двором. Офицер и несколько солдат падают, а десятки других поднимают руки, бросают оружие, многие отчаянно машут белыми платками. Во двор врывается штурмовая группа. Егоров видит в бинокль возбуждённые лица своих боевых друзей: Подкорытова, Шлёнкина, Соколова, Куделькина...

Вечером Тихонов направляет категорический ультиматум командиру полка. Японцы, только что сдавшиеся Егорову в плен, доставляют ультиматум в горы. А рано утром прибывает ответ. Скрывая истинные причины поражения своей армии, полковник Ямаучи витиеватым слогом сообщает, что он не в силах противоборствовать воле императора и готов выполнить все предписания господина советского майора.

* * *

Егоров сидит в комнате, которая некогда была кабинетом японского полковника, и пишет письмо жене.

«Сашенька! Бесценная моя! Великая победа! Мир во всём мире! Нет, это ещё трудно вообразить и в это невозможно сразу поверить. Я представляю, что творится сегодня у вас на нашей Родине! А у нас-то! Солдаты выучили наизусть правительственное обращение к народу и бесконечно повторяют его, пересказывают друг другу. Все разговоры об одном: о возвращении домой, о новой жизни, которую несёт нам мир, завоёванный тяжчайшим трудом миллионов советских людей...»

* * *

Ты принесла букет лесных гвоздик,
и я, разлукой близкою волнуем,
к твоим губам в последний раз приник
порывистым, горячим поцелуем.

Ты подняла печальные глаза,
отпрянула и что-то прошептала.
Мой друг! Пройдёт военная гроза,
и мы всё повторим сначала.

Я поцелуй последний сберегу,
громя врага с утроенной отвагой.
Я отомщу заклятому врагу
за то, что взгляд твой затуманен влагой,
за ранние морщинки матерей,
за слёзы, что расплылись на конверте,
за злые вести у дверей,
раскрытых холоду и смерти.
За всё с врагами рассчитаюсь я
в строю бойцов, которым страх неведом.
Прощай... Прощай, любимая моя,
и верь: с победой я приеду.

Солнце

В последний час перед закатом
оно купалось в облаках
над лесом лапчатым, мохнатым.
И стыли блики на стволах.
И золотился каждый атом
седого снега на ветвях.

Бросался ветер хвоей колкой.
Дрожали веточки осин.
Дуб, устремляясь ввысь, над ёлкой
простёр могучий балдахин.

Как витязь, клён в блестящих латах.
В подвесках ледяных – ольха.
За ними – строй вершин зубчатых,
одетых в белые меха.

И всё тянулось, хорошея,
в пространство, в золотой простор, –
туда, где над моей траншеей
взметнулся огненный костёр.

Фронтальная ночь

На чёрном небе – ни одной звезды.
Глухи раскаты тяжких дальнбоек,
и скакуном, не знающим узды,
весенний ветер бьётся, беспокоен...
На всех дорогах среди чёрной зги
грузовиков коротконосых стаи
торопятся туда, где, далеки,
разрывы красных молний вырастают.
Уставши от бессонниц, шофера,
чадя нещадно крепким самосадам,
берут атакой каждый буерак
и матерятся изредка с досады.

Так по ночам живёт и дышит фронт:
мотор рокочет в побледневшем небе,
рокочет где-то на земле мотор,
в хлебопекарне пахнет свежим хлебом...
А в час рассвета, дымчатый, сырой,
звезда ракеты сумрак разрывает –
в задуманный командованием срок
идут в атаку на переднем крае.

* * *

В медном марше запели трубы:
солдаты шагают строгим строем,
как будто все как один – герои –
сверкают на солнце в улыбке зубы.
Одним дыханьем колонну колышет
один и тот же чеканный ритм...
А мне всегда, когда марш услышу,
хочется горько заплакать навзрыд...

Деревянный ковшик

Всё ковыляет деда Вася
Уж сорок с лихом – скок-ковыль!
Одна, увечная, в запасе
Нога гребёт пятою пыль.
Два костыля под мышки вделал,
Да по овражку – на пруды,
Да поскользнулся.
– В душу-у! В деда-а!
Да раз – туды!
Да два – сюды!..
Такие старый вышил коймы,
Так расцветил родную речь!
И дал по Гитлеру обойму,
И по рейхстагу – всю картечь.
А солнце светит!
По дороге
Машины хлеб везут с полей,
А деда Вася,
Скрючив ногу,
Лежит в пыли меж костылей.
Под старость руки поослабли,
Ведь трижды мечен был войной.
Ему и в поле так, и в баню –
Всё на увечной, на одной.
Через жару,
Через морозы
Несут неспешно костыли.
Берёзы,
Русские берёзы
Под мышки намертво вросли.
Толкует внукам дед Василий:
– Уже недолго им служить.
Когда умру,
Со мной в могилу
Их не забудьте положить.

Отец жалел коня...

Семикилометровая дорога,
То в горку, то под горку – на поля.
И каждый день от чёрного порога
Шагала мать.
Отец жалел коня...

Котомка с хлебом, туес с простоквашей,
Да две корзины ломают сгибы рук –
Носила терпеливая Дуняша.
Темно в глазах, в ушах звенящий звук.
Шла от одной зари к другой навстречу,
Из тёмной ночи шла к началу дня.
Ломило ей натруженные плечи,
Но как же быть?
Отец жалел коня.

Придя на ток, стирала с глаз росинки,
Брала ведро и мчалась за водой.
Варила суп под трепетной осинкой,
Чтоб угодить хозяину едой.
Потом снопы пудовые вязала.
Ножами руки резала стерня.
А после в ночь, спеша домой, шагала,
Опять пешком –
Отец жалел коня...

Несла в суме усталость, боль и страхи,
Придя домой, упасть бы на кровать,
Да где уж там?.. Мальчишечьи рубахи,
К корыту встав, стирала ночью мать.
Топила печь, пекла на завтрак хлебы,
Спала часок, не потушив огня.
И, встав с зарёй, молилась молча Богу.
И в поле шла.
Отец жалел коня...

ПОВОДЫРЬ*Поэма*

Кто воевал,
Кто был на фронте,
Тот положение знавал,
Что не кузнец лихой хозроты,
А бог войны коней ковал.
Уж те подковы круто гнуты,
Прибитые – не оторвать!
И ездовой такой, что:
Ну, ты!
В крест-перекрест,
Да в перемать!
И эти ездки, эти возки
Туда, где смерть,
Туда, где бой.
Кобыла с груженой повозкой
Сновала по передовой.
Летала вмах с походной кухней,
Успеть солдатам – хлеб да соль!
А тут как жახнет,
Тут как ухнет! –
Перед глазами тыща солнц.
И не было на целом свете
Из адской жизни в рай мостов,
Ни лошадиных лазаретов,
Ни перевязочных постов.
И, как, бывало, лошадь ранят,
То скорой помощи не жди,
А тут ей в сердце выстрел грянет –
Бери кинжал и режь гужи.

Прости нам, лошадь, грубость нашу,
Полуголодных дней житьё.
Сама везла солдатам кашу,
Да угодила же в неё.
Под свистом пуль освеживали,

Потом, у смерти на краю,
Кой-как сварили и сжевали
Конягу добрую свою.
Однако не всегда так было,
Чтоб раненой скотине пасть:
Убить жеребую кобылу
Ничья рука не поднялась.
Не то что робость охватила,
А понимали люди те,
Что целый мир несла кобыла
В своём упругом животе –
Военный фельдшер из санроты
Ей голову перевязал
И, уходя:
– Живи, пехота! –
Как бы напутственно сказал.
Ей ездовой погладил брюхо,
Крестьянской ласкою лучась.
Ну, что ж, пойдём в роддом, Карюха,
Видать, настал твой бабий час.
Уж счастьем нагуляла тело,
Роди народу скакуна.
Ну, а война – не бабье дело,
Будь она проклята – война!
Не утомлю рассказом долгим,
Всех баек в книгу не сложить.
В деревне маленькой на Волге
С тех пор Карюха стала жить.
Пришла пора рожать Карюхе,
И, чтоб облегчить ей дела,
Во двор к Ивану все старухи
Сбежались со всего села.

А сам Иван на место прибыл,
Когда, шатаясь, ноги врозь,
Стояла дорогая прибыль:
Конёк – как из земли пророс.

Он весь ещё, как дым шатучий,
Качался, серенький, слегка,
И дед Иван на всякий случай
Держал малютку за бока.
С небес огнём стекала алость,
Как по калёному стеклу,
Вокруг стоящие шептались:
– Ну, слава Богу, опросталась,
И нынче можно будет в плуг!
– И на лугу работы вдоволь!
– И возле дома дел гора!
Старухи-матери и вдовы
Судили так и сяк с утра.
Пришла удача к людям летом,
Как говорится – прибыль в дом!
Всё хорошо, да суть не в этом,
Рассказ тут будет о другом.
Ещё от родов не окрепла,
Иль раны дали всё же знать:
Родив дитя, она ослепла.
– Во двор беда: слепая мать!
Ведь только что всё было, было:
Стоял жеребчик у куста.
И не могла понять кобыла,
Что наступила слепота.
Ещё, как в слюдяном оконце,
Из-за туманной пелены
Чуть-чуть просматривалось солнце,
Как отблеск памятной войны.
Ещё она и не старуха,
Зубами грызла удила.
Куда б ни шла теперь Карюха,
Дорогу памятью вела.

Всё время с матерью слепой
Ходил жеребчик постоянно,
Водил её на водопой,
Искал ей травные поляны.

Ему бы взбрыкать через дол,
Ногам ретивым дать работу,
А он неторопливо шёл
И знал сыновнюю заботу.
Кругом глядел во все глаза,
И там, где клевера дымились,
Чтоб ни корова, ни овца
Не забрели: тут мать кормилась!
Так шли они скорей-скорей,
Катился следом гул орудий,
И из зенитных батарей
Зенит расстреливали люди.
И бомбы вдалеке рвались,
Земля испуганно дрожала,
Война, как раненая рысь,
Кровавая землю, вдаль бежала.
Ещё в селеньях стлался дым
От пепелищ, где трубы горлом
Взывали к небесам седым,
А у небес не меньше горя.
И вся земля, полна беды,
Как чаша с горечью, стояла.
В степи у горестной звезды
Жена иль чья-то мать рыдала.
Селилось горе в городах,
На костылях ходило пьяно,
Оно хрипело в поездах
Под визг гармошек и баянов.
Через Урал, через Сибирь,
По городам и стылым сёлам
Возил их поезд-поводырь,
По имени «пятьсот-весёлый».
И было тут со всех сторон
Спешащих, от беды бегущих,
На каждый старенький вагон
По три ведомых и ведущих.
И кто кого водил в тот раз,
О том сегодня не расскажешь.

Был на троих один лишь глаз,
На четверых рука одна лишь.
Но с хлебом для чужого рта,
Ещё в любви не разуверясь,
Жила на свете доброта
И человеческая щедрость.
Приют давала и тепло,
А это всё не так уж мало.
За каждый город и село
Ещё Отчизна воевала.
И сталь её напряжена
В последнем боевом усилье,
И шла победная весна
Уж за пределами России.
И снова в путь по паровозным
Гудкам, по солнышку-теплу,
Шли кони от села к селу,
Так птицы, может быть, по звёздам
Весной к своим летели гнёздам.
Мать знала сердцем, зрила кровью,
Своей неистовой любовью,
Ловила ухом звон окружный,
Душой искала путь, ей нужный.
И день настал, когда знакомый,
Такой духмяный запах трав,
Земли распаханной и дома
Карюхе принесли ветра.
Пока на фронте «воевала»,
Кровавым запахом дыша,
Всегда о доме тосковала
Её животная душа.
И вот она всем сердцем слышит
Знакомый с детства звон полей,
Как вновь кедрач смолисто дышит,
Гортанный возглас журавлей.
Поют холмы, и в вечной дрожи
Осины ропщут не со зла.
Волною трепетной по коже

И у Карюхи дрожь пошла,
И востепенулось сердце странно,
Когда услышала она
Вдруг голос конюха Гурьяна.
Кричал кому-то старина:
– Гляди, Карюха появилась,
Да с жеребёнком.
Ну и ну!
– Ушла-то девкой на войну,
Да там, видать, и окрутилась.
Ах ты, лошадка, мать-солдатка,
С тобою встрече каждый рад.
А конюх тот на шутики падкий,
Сказал, вводя коней в оградку:
– Пришла с войны –и без наград.
А фронтовик беспалый Спирька
С табачным дымом шутку гнал:
– Она, наверно, дезертирка,
Потянут с ней под трибунал.
Народ на шутку не ответил,
Поскольку шутики те пусты,
И лошадиной слепоты
Никто сначала не заметил.
И уж потом, когда слепой
Пришлось идти на водопой,
Увидели, как шла нетвёрдо –
На спину жеребёнку морду.
И весь недлинный путь вот так,
Она от сына ни на шаг.
А справа, слева жизнь кипела,
Но лошадь встала у пруда
И будто бы окаменела.
В себя ли, в даль она глядела,
Иль не глядела никуда?
И по селу, как боль тупая,
Пошла от дома к дому весть:
– Матрёна, лошадь-то слепая!
– Да ну?

– Слепая, вот те крест!
Ты ей взгляни в глаза, Матрёна,
В них нет ни света, ни огней.
А жеребёнок-то – ребёнок,
Он вроде поводырь при ней.
Кончаю сказку ли, рассказ ли,
В них всё едино – наша боль.
Глаза у лошади погасли,
Но ей, бедняге, хлеб да соль.
И не поверить в сказку можно,
А можно и поверить ей.
Но что не ложно – то возможно
В стране особенной моей,
Где на дорогах меты, меты:
Тут хлеб растил,
Там сад сажал.
А дедов наших, что ни лето,
Язык до Киева водил.
И всем слепым, калекам сирым,
Бывало, зла не сотвори,
И по дорогам всей России
Водили их поводыри.
Так шли неспешно, осторожно,
По краю тракта – слеп и бос.
И где ступали – подорожник
На их следах упрямо рос.
Ни колесом и ни копытом
Его не выбить никому.
Монгольской конницею пытан,
Но он растёт назло всему.
У места памятной ночёвки,
Где вдоволь пить дала река,
Следочек русского мальчонки
И след слепого старика.

МОСТ

Очерк

«За выдающиеся успехи, достигнутые во Всесоюзном социалистическом соревновании, и проявленную трудовую доблесть в досрочном выполнении заданий девятой пятилетки присвоить звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» Пахомову Ивану Дмитриевичу – бригадиру совхоза имени XXI съезда КПСС Кожевниковского района Томской области».

(Из Указа Президиума Верховного Совета СССР)

– Нету Вани дома, нету. С утра как в контору ушёл, так ещё не был. Да ты не стесняйся, проходи в горницу... К нам второй день народ. Марфа, подай стул человеку... Только что почта-льонша телеграммы принесла, вот они, на столе. А ты, мил человек, стало быть, к нам тоже из-за Вани? Вчера Чекулаев его поздравлять приезжал. Поди, знаешь Василия Ивановича, секретаря нашего? Должно быть, он всем известный... Мне руку пожал: «Спасибо тебе, Дмитрий Константинович, за сына-героя». И Марфу поздравил. А нам что остаётся отвечать? Благодарствуем, мол, вам спасибо. Сынами своими мы всегда довольны.

Ваня у нас орёл, фронтовые награды имеет. Придёт, так сам поглядишь... Эхма, я ведь тоже когда-то был молодой, атаман с виду и казак душой... Германскую отвоевал, а в Отечественную уже вместе с сыном пришлось шинельки надеть... В сорок первом я на фронт ушёл, а маленько погодя из дому письмо – мол, в покос и Ваню на войну проводили.

Веришь ли, случай какой – сколько миру было на войне, можно сказать, весь народ поднялся, а через год довелось с сыном встретиться. Я, ежели тебе всё по порядку рассказать, после ранения при медицинской части служил. Вызывает меня как-то командир к себе. «Поедешь, – говорит, – товарищ Пахомов, в Москву, сопровождать при эшелоне на ремонт рентге-

новские аппараты. Известно, мол, мне, что твой сын Иван находится в госпитале в Павло-Посаде. Это, говорит, с Москвой совсем рядом, а потому даю тебе такую возможность с ним повидаться».

Я-то и не чаял свидеться. Письма только друг дружке на полевую почту писали: дескать, я, сынок, живой, а ты как? «И я, батя, живой, фашистов бью...» Спасибо моему командиру, капитану Леви: я, говорит, своего сына больше не увижу, а ты повидаешься... Сын у него танкистом был, сгорел в танке...

Так вот, прибыл я в Москву, сдал всё честь по чести – и на вокзал. Откуда ни возьмись – патруль, задержали меня: дескать, гимнастёрка грязная. Я объясняю, что с фронта, к сыну повидаться, – отпустили... Да куда разбирались, куда до Павло-Посада добрался, время моё уже кончается.

В госпитальную ограду вхожу – Ваня в сером халате возле входа на костылях. Остриженный, шея тонкая, и вроде вытянулся за военный год. Парнишкой ведь я его дома оставил...

– Сынок! – кричу. – Сынок...

Посидели с ним в сторонке на скамеечке, проводил он меня после до мостика у чугунных ворот, и опять развела нас война. Я в сорок пятом домой возвратился, а он ещё на востоке воевал, и после опять в Германии служил.

А в тот год, как ему вернуться, приехал попроведовать нас брат мой Аркаша с Камчатки. Погостил, сколь ему можно было, а кончился отпуск, усадил я его с ребятишками на телегу и повёз на железнодорожную станцию в Болотную – от нас тут всего шестьдесят километров, ежели напрямик. Только въезжаем в Болотную, глядь – шагает навстречу по мосту военный. Статный такой, бравый, грудь в наградах... Первым его Аркаша увидел. «Гляди, Митя, – говорит, – вон наш братец Павлик живой идёт». – «Нет, – отвечаю ему. – Не Павлик это, а Ваня, сынок мой...» Голос у меня перехватило, слёзы душат.

Обнялись с сыном. Ваня и говорит: «Помнишь, папа, когда ты в госпиталь ко мне приезжал, мы на мосту расстались, а теперь вот на мосту же встретились». Такая судьба – мост разъединил, он же и соединил... Вёз Ваня из-за границы бутылочку рома, выпили мы этот заграничный ром в Болотной, на станции. Аркаша председателем рыболовецкого колхоза

тогда был, Ваню к себе звал: поедem, мол, ко мне на Камчатку, всё там тебе будет – и дом, и деньги большие. А Ваня говорит: «Нет, дядя, за деньгами я гоняться не буду».

Он же землю любит... Он в Днепре тонул, Карпатские горы одолел, маньчжурские сопки прошёл, но к своей земле воротился... Второй сынок, Алёша, тоже колхозную землю не оставил, здесь же, в Ёловке, живёт. А возле сынов и нам со старухой тепло. Один только лебедок от нас отбился – Коля. На шахтах работает. Запрошлый год, когда приезжал сюда, говорил ему: «Вернись, Коля, в поле страдовать, как твои братовья». Смеётся: «Я, папа, уже не могу наверху». Два сына на земле, а третий из-под земли уголь достаёт... Только Коля, он тоже родителей не опозорил – почётный шахтёр...

Ты, мил человек, поди, есть хочешь? Соловья-то баснями не кормят... Ну ладно, Ваню дождём, вместе пообедаем. Должен он скоро быть. Работы ему сейчас много – в бригаде, почитай, столь тракторов, сколь до войны во всей метеес было. День-деньской при технике... Сызмальства у него к машинам тяга. Бывало, мальчонкой со школы прибежит, сумку с книжками на лавку, а сам – в поле. Костя Ромашов да ещё тракторист один, Петрухой звали, наш же, деревенский, – они и приучили его к этой работе. Всё с ними, как галчонок на пашне... А после войны, когда первый самоходный комбайн в метеес привезли, директор никому, кроме как Ване, его не доверил. В ту осень триста гектаров он, однако, в своём колхозе убрал, да в Шегарский район ещё пособлять поехал. За страду поболее десяти тыщ центнеров хлеба намолотил. Орден Ленина ему тогда дали.

Не в похвалу скажу – у него всякая крестьянская работа получается. Вот хотя бы прошлым летом. Поди, сам помнишь – засуха была, трава по гривкам выросла слабенькая, реденькая, а косить пора подошла. С сеном ведь известно как: время упустил – уборка навалится, все работы тогда враз... Чего-нибудь да упустишь. Вот и пошли они траву на луга глядеть – директор, секретарь парткома да Ваня наш. Ходят, сокрушаются – мала трава, свалишь, а грести нечего – грабли не возьмут. Опять же начинать время – вот-ни-вот август. Остановились посоветоваться. Ваня и говорит: «Давайте попробуем не ко-

силками косить, а перегоним сюда комбайны с жатками, и уложим на этих гривах траву в валки...»

И наматали стожков. Скосили бы косилками, так по всему бы лугу траву рассеяли, а тут ряды получились широкие, толстые, как при ручной косьбе. И вся духовитость в сене сохранилась. Соседи дивились: глядите, мол, у Пахомова комбайны по лугу ходят... А после так же сделали.

По урожаю Ванина бригада oprичь первого места не занимает. Наши, еловские, они ж испокон века хлеборобы. И пашню как надо быть разборонят, и уберут хлеб вовремя, и всякую машину наладят, чтобы чисто работала. Ваня, когда ему Героя дали, так и сказал принародно – это, мол, награда всем еловским.

Теперь, если у моих сынов награды вместе собрать, так наберётся, что у твоего генерала... А Героя среди нас, Пахомовых, Ваня первый заслужил. Он в моей семье старшой... И до него рожала Марфа детей, да все отчего-то махонькими помирали. А этот во какой вымахал, на две головы выше меня... Да обо мне теперь какой разговор, я уже книзу расту...

Вот, погляди – с Вани карточка в рамке. Вон тот, при ордене. Чего ты спросил? Недослышу я. А-а – про портрет в углу. Не, это не Ваня, это Павлик, братец мой, на том портрете. Вишь, три угольника на петлицах – старший сержант. Ещё Яша у меня брат – погиб во славу русского оружия. А Павлик – без вести пропавший. Все говорят – убитый он, а одна женщина мне ворожила: мол, живой он. Сказывала тогда, что отца и мать не доведётся ему схоронить, а со мной придёт свидеться перед смертью...

И ведь на Ваню похоронная приходила. Без меня это, я на фронте был. Да вот Марфа моя тебе лучше расскажет.

– Ой, господи, да я же разве расскажу, как ты, старик. Ты у меня наречистый. Была похоронная, помянуть страшно, была. Сегодня похоронная, а завтра самого живого на санях привезли. На костылях, немощного... Господи, да хоть бы какой, лишь бы живой... Парным молоком я его отпаивала... Трое ребятишек на руках оставалось, а тут Ваня как дитё, весь израненный. Выходила его к весне. А он только малость окреп, работать стал. Как-то с утра ушёл из дому, и всё его нету, нету...

И ночь прошла, нету. Извелась я вся. Наутро приходит посыльный: Ваня, мол, на заимке на тракторе пашет, пошли ему обутики да одёжу потеплей. «Какую такую ещё одёжу? Пушай немедля домой ворочается. Он же слабый ещё, у него ж раны только зажили... Нечего ему там делать.

Не стала ничё посылать. А он опять с людьми наказывает, чтоб прислала обутики, он, почитай, там босой совсем, а утрами холодно... Послала ему свои чуни да фуфайку. И с колхоза стали ему два питания давать. А через три месяца опять на фронт ушёл... Ох, господи, как вспомнишь проводы...

– Ну, будет, будет тебе, старуха. Не одни проводы, встречи тоже были. Вспомни, как меня встречала, а как Ваня домой второй раз пришёл, помнишь? Она ж, Марфа моя, в тот вечер хлеб за околицей серпом жала. Едем с Ваней на телеге, он её издалека узнал: вот, говорит, мамин платочек маячит... А уже года через два высказал мне как-то. «Я, – говорит, – как увидал маму в поле, зарок себе дал остаться... Чтоб ни она, ни другие женщины не жали больше хлеб серпами». Теперь у самого дети, уже сын его те поля пашет, на которых бабка снопы вязала.

Заговорил я тебя, мил человек, не осуди старика... А вот и Ваня с сыном, легки на помине. Погляди-ка в окно, вот они рядом – по дороге к дому идут. А внучок-то мой какой бравый. Ну точь-в-точь как Ваня, когда по мосту навстречу мне шагал...

ТОНЯ, АНТОН, АНТОНИНА ДМИТРИЕВНА...

Очерк

А почему вас солдаты Антоном звали?

– Да это ещё когда нас на фронт везли, Машенька Чуликова придумала. – Антонина Дмитриевна грустно улыбается. – Косы у меня были длинные, она и говорит: «Давай твои косы обрежем, когда тебе на войне будет с ними возиться?». Взяла вот так в горсть и отхватила ножницами. Ровняла, ровняла, один чуб оставила. Я в зеркало глянула, как заплачу: «Чего же вы, девчонки, со мной сделали?». – «Ничего, – говорит, – была

Антонина, стал – Антон». После, когда я солдатские брюки надела, вовсе на парнишку походить стала. Сама-то Машенька погибла, а имя мне оставила – Антон, Антон... Так и присохло. Волосы отросли, косички из-под пилотки торчат, всё равно Антон. Никто и не спрашивал, как меня зовут... Да вы не обо мне, а просто о военных почтальонах напишите. Знаете, как ждали солдаты писем?

Знаю, как ждали весточки от солдат... В отстоявшей за тысячу километров от железной дороги сибирской деревеньке сколько перечитал я тогда вслух солдатских писем, торопливо написанных карандашом с фронта – матерям, не знавшим грамоты, но познавшим великую беду и великие страдания. Поклоны родне, наказы ждать, и в каждом письме надежда, надежда...

Летом почту доставляли по реке, зимой от устья Васюгана до самых дальних деревень по снежной дороге на перекладных. От посёлка к посёлку с колокольцами под крутыми дугами рысили заиндевшие лошадки, и дремали в кошевах, завернувшись в тулупы, сопровождавшие почту связисты. Бывало, на Западе уже заровняло снегом холмик над солдатской могилой, а последний привет солдата всё ещё в пути, всё ещё везёт его военная почта вместе с тысячами писем от живых и убитых... И, получив письмо, облегчённо вздохнёт мать, воспрянет жена, пойдут они по родне, к соседям передавать поклоны. Станут дома крепче надеяться, опять ждать, ждать... И снова бесконечной суровой нитью потянутся дни. Будут, удаляясь, скрипеть ночами полозья за застывшими окнами, будут звенеть в морозном воздухе почтовые колокольцы. Но всё меньше в том переливчатом звоне будет надежды, всё больше печали...

Да, я знаю, как ждали в Сибири весточек от солдат. Почту по нашей деревне разносила востроглазая девчонка Тоня – посыльная при колхозной конторе, она же – сель-письмоносец, как именовали тогда деревенских почтальонов. Рассказывающая теперь о себе женщина с добрым, чутьчку усталым лицом тоже была в войну почтальоном. Только на другом – фронтовом, измешанном колёсами, изрытом траншеями и воронками конце почтового пути. Звали её, как и нашу деревенскую

девчонку, Тоней. Тоня Тяпкина. Впрочем, солдаты называли её Антоном.

– Вы всё-таки про военную почту напишите, – повторяет она. – Ну вот наша дивизионная почта под Сталинградом: шесть лошадей, три брички, семь человек... На левом берегу Волги хутор Бурковский. Там и располагались. Несколько уцелевших домишек, церквушка... Доставят письма в мешках, девчонки их рассортируют, ну а затем туда – в Сталинград. Два ездовых – дядя Роман и дядя Ваня. Суда всё время курсировали. Немцы стреляют, но переправляться надо. Каждый день туда и обратно...

– Сколько же времени уходило на переправу?

– Знаете, тогда не думала об этом... Только на берег глядишь – скорее бы... Да ощущаешь, как наши огнём прикрывают, не так прицельно тогда немцы могут стрелять. Лучше рано-рано, на рассвете. Только всё равно страшно. Переправишься, а там уж по обстановке – где бегом, где ползком... На правом берегу у меня в разведроты вроде бы тоже свой дом – привыкла к разведчикам. Как-то перед ледоставом, суда уже не ходят, а я там. Бои тяжёлые, связи нет, ребята писем не получают. Прошу их – попробуйте меня до острова переправить, а там я уж как-нибудь... Поплыли... Ночь, а светло, как днём, – немцы осветительные ракеты навешали, стреляют. Перебралась-таки. Девчонки наши подивились: как же ты смогла? Везучая была, наверное... Письма взяла, надо с ними обратно в Сталинград. Дядя Роман до берега довёз, говорит: «Ну, а дальше на чём?». Переправы-то нет... Вижу – знакомый старшина дядя Петя тоже на ту сторону собрался с продуктами для бойцов. Прошу: «Возьми меня, дядя Петя, с собой». А лодочка у него маленькая...

Слушаю её и думаю, что для неё многие солдаты такими и остались: дядя Роман, дядя Петя...

Шуга сплошняком, ледяные забереги... А немец засёк нас, начал пристреливаться. Середину Волги проскочили, а недалеко от правого берега всё же лодку перевернуло. Я-то всякий раз, как переправляться, сапоги снимала. Разуюсь и портянки под гимнастёрку засуну, чтобы сберечь. Сухие портянки – первое дело. Ну, выбросило нас, я-то выплыла, а дядя Петя в сапогах и телогрейке тонет. У меня на глазах тонет... Я ре-

мень долой, ватник скинула и обратно в воду к нему. Стрежь, вода ледяная, вот-вот судорогой сведёт... Подгрелась, кричу: «Ты только не хватайся за меня, только не хватайся, а то оба утонем. Я уж тебя сама...». Дотянула до берега. Ещё и сумку с письмами вытащила. А сапоги мои уплыли, продукты, понятное дело, утонули. Сами-то хоть живы, под берегом мёртвая зона, немец достать не может. Сижу, портянки из-за пазухи достала, выжимаю, а дядя Петя ругается: «Ты бы со мной не напросилась, может, лодку б и не захлестнуло...». Я портянки выжала, чувствую – не могу подняться, пристыла ко льду. А он на меня пуще кричит: «Чего расселась?». Добралась до разведроты, там печка топится – из бочки железной печка сделана. Разложила письма сушить и заплакала. Ох и поревела... Дядя Петя-то здесь, в Томске, помер, вернулся с войны. А девчонок многих поубивало – Риту Соколовскую, Фаю Королёву... Сколько их погибло...

– Вы с самого начала почтальоном были?

– Нет, сначала – санинструктором. После уже, когда выходили из окружения, командиром группы был начальник почты, так осталась с ними. А всё равно приходилось и раненых перевязывать, и выносить... Война-то когда началась, я в техникуме училась. Был тогда в Томске мукомольно-элеваторный. Как объявили, что война, мы, все третьекурсники, пошли проситься на фронт. Ребят многих сразу в Красную Армию взяли, а девчонок мобилизовали на организацию госпиталей. Помещение готовить и всё такое. Курсы прошли... Вот в этом здании, где мы с вами разговариваем, был госпиталь для челюстных раненых. Лежали тут с обезображенными лицами – без подбородков, без челюстей... Здесь и работала. Помню одного страшно, половина лица... Разговаривать не мог, и обеих рук не было. Никто его фамилии не знал, ни как зовут. Многие говорить не могли. Одни глаза... И документов никаких. Спрашиваю: «Как тебя зовут?». Сама перед ним на бумажке буквы пишу. Букву «А» написала – не реагирует, «Б» – тоже, «В» написала – моргнул. Так дальше по буквам. В-А-Н-Я... «Ваня», – говорю. А у него слёзы из глаз. Фамилии его не помню... Кормить их тяжело было. Насмотришься – ночью не можешь спать. Спать, правда, мало приходилось, всё везли и везли их...

Ну а потом начала здесь 284-я дивизия формироваться. Машенька Урусова со мной работала, как-то прибегает с известием: десять человек из персонала разрешили на фронт! Незадолго перед этим на дядю моего похоронная пришла. Я тогда маме сказала: «Теперь я пойду». Она до того отговаривала, а тут махнула рукой... Когда провожала, я старалась не заплакать, крепилась... Поезд пошёл, а мама всё бежит по перрону. Я из двери высунулась, машу ей, машу, и вдруг она упала. Показалось – под поезд. Я выпрыгнуть из вагона хотела, девчонки за косы удержали. Это потом их обрезают. Ехали, а я всё думала, что мама под поезд попала. В Омске эшелон остановился, гляжу – нет ли где на путях встречного на Томск, думаю, доеду домой, узнаю, что с мамой, и сразу обратно... Пока от неё письмо не получила, всё волновалась...

Потом что? Потом – учебный батальон. Недолго там учили – и санинструктором на передовую... А ночью немцы провались. Темень, стрельба, я забилась с санитарной сумкой в окопчик, и кажется, будто все пули в меня летят. В первом бою струсила. Раненых уже много, комбат ругается: «Это же надо, кого послали! Что с ней? Или её саму прибило?». Говорю себе – какая я всё-таки, рядом люди погибают, а я прячусь. Выбралась из окопчика, шепчу: «Люди погибают... Люди погибают...». Подползла к раненому, слышу – стонет, а не видать в темноте. «Куда тебя ранило? – спрашиваю. – Скажи, бедненький, куда?..» Перевязала на ощупь, до окопчика дотащила и – к другому. Уже некогда бояться, мотаю, мотаю бинты, и не страшно. К свету затихло, обошли нас немцы. Откуда-то ещё наша машина выскочила, раненых моих увезла. А я в медсанбат, в деревушку, где мы стояли. Прибежала – там уже никого. Женщина из местных показывает – вон в той хате тяжелораненые остались. Зашла в хату – лежат на полу, глаза вот такие, на меня смотрят. И дядя мой тут – дядя Гоша, мамин брат. Фургон на улице, две лошади привязаны, надо третью. Колхозница подошла, говорит: за деревней конь пасётся. Пока мы с ней ловили его, пока сбрую искали да запрягали – сколько времени ушло. Некоторые раненые сумели подняться, других женщины помогли в фургон стаскать. Сложили, как дрова... Села за кучера, солдаты показывают – вот по той дороге гони. Часа три ехали,

кони в мыле... Свернула в лесок, выпрягла лошадей, раненых напоила... Здесь ещё бойцы наши присоединились, тоже из окружения выходят. Говорят, к Воронежу надо пробиваться. Только вышли на дорогу – полуторка, в кабине двое. Из Касторной, там уже немцы. Нас много собралось, остановили машину, просим, возьмите раненых. Говорят, некуда, архивные документы увозим, полный кузов бумаг. Так ведь люди-то дороже! Сбросили на дорогу бумаги, облили бензином и сожгли, а в кузов раненых уложили. Дядю Гошу тоже. Поглядели вслед полуторке, пошли... И представьте себе – через много лет, когда ездила с ветеранами дивизии по местам боёв, повстречала того райкомовского работника, который вёз тогда бумаги из Касторной. Дорого он поплатился за них. Говорю ему: если надо, я могу показания дать, в газету написать, как было... «Теперь уже ни к чему, – говорит, – пережил, отболело... Но совесть моя перед теми солдатами чиста».

А у нас одна надежда была – к Воронежу. Шли и шли. Я уже из последних сил выбиваюсь, кажется, не могу больше. Страшное навалилось, не так всё представляла, когда на фронт ехала. Миша, брат двоюродный, в одной дивизии со мной... Парнишечка... Когда выходили из окружения, он у пулемёта оставался. Иду, о нём душа разрывается, босиком иду, ноги в кровь стёрла... Сплю на ходу. Коля Демьяненко с нами выходил, может, знаете его? После войны долго здесь, в Томске, работал. Он меня всё тогда поддерживал. Ласковых слов, конечно, не говорил, но упасть не давал. Сколько нас выходило, сколько осталось... Через какую реку перебирались – не знаю, всё хочу кого-нибудь спросить и забываю. Мост там ещё не успели взорвать, по нему в последнюю минуту прорвались. Вышли из окружения, маме сразу письмо послала. Пишу: «О Мишиной судьбе не знаю, дядя Гоша, наверное, погиб». Выжили ведь! Всем смертям назло выжили. Дядя Гоша как теперь увидит меня – плачет...

Антонина Дмитриевна надолго умолкает.

С улицы доносится гул проходящих автобусов, говор людей, и напоминанием о молодости льётся из уличного репродуктора голос Клавдии Шульженко. Во время войны тут громыхали по мостовой колёса телег, клацали подковы, а в старинном здании с высокими потолками стоял тяжёлый за-

пах госпиталя, и с обезображенных войною лиц глядели мученические глаза раненых.

Давно выветрился запах йодоформа и хлорки из этих комнат, давно залили асфальтом проспект, что уходит к Лагерному саду на обрывистом берегу Томи. За старыми и новыми зданиями видны река и по-весеннему зазеленевший лес на том берегу. И на старом кладбище окинулись зеленью деревья над могилами умерших здесь от ран солдат. В прохладной тени среди памятников светлеет несколько пирамидок, на которых вместо имени и фамилии значится горькое «неизвестный»... А далеко отсюда, по обочинам бывших фронтовых дорог, у заросших траншей на полях, где глохли от боя солдаты, шелестят деревья над тысячами одиночных и братских могил. В них лежат и солдаты-сибиряки... Гонит ветер облака над Томью, полощет Вечный огонь в Лагерном саду. Более сорока лет минуло, как окончилась война, но все эти годы плачут при встречах ветераны.

Шумит проспект, проносятся машины, идут по своим делам люди. А я снова слушаю про военную молодость сидящей передо мной седой женщины.

– Почта наша оставалась километрах в десяти от Сталинграда, на том самом хуторе Бурковском, о котором я уже рассказывала, а часть дивизии переправилась через Волгу, и сходу в бой. И сразу пришёл оттуда приказ начальника связи – направить одного почтальона на КП дивизии. Науменко наш мне говорит: «Ну что, Антошка, ведь ты у нас одна плаваешь, реки переплывала, всё равно выплывешь». Да я же понимаю, чего тут объяснять. Проводили меня, встали, когда прощалась... Считали, что больше не увидимся. Коня я своего поцеловала, маме написала письмо – такое радостное, будто всё у меня хорошо, ничего страшного. Двадцать второго сентября, как раз мне в этот день восемнадцать лет исполнилось, привёз меня дядя Роман ночью к Волге. Страсть господня, что там делалось! Сколько буду жить, не забуду... Сталинград на той стороне в огне, нефтехранилища и баржи у берега полыхают, кажется, вся река горит, снаряды рвутся, а катера и судёнышки уходят в огонь. Боюсь с повозки слезть. Дядя Роман говорит: «Чего, дочка, ждёшь? Всё равно ведь надо».

Всё равно ведь надо – война... Она прыгнула на палубу битком набитого солдатами катера и сквозь треск огня и разрывы ещё расслышала, как дядя Роман крикнул: «Устраивайся, Антон!». Скинула сапоги, подумав: если окажусь в воде – мешать будут. Прижала к себе санитарную сумку, карабин, развязала тесёмки плащ-палатки, но не сняла её, казалось – в ней не так страшно. На палубе было тесно; кто-то прикрикнул: «Чего ворочаешься? Подвинься!». Взметнулись столбы воды от разрывов, чертили ночь трассирующие пули, выливавшаяся из разбитых бомбами баков горящая нефть плыла по реке, и город, к которому шли глубоко осевшие катера и баржи, казался огромным, всё сильнее разгоравшимся костром.

Не дожидаясь трапа, бойцы стали прыгать с катера на берег, и она тоже, торопясь, прыгнула на чёрную, чавкнувшую под ногами землю. Уже после узнала, что батальону, с которым переправилась, было приказано отбить у немцев метизный завод, но тогда ничего не успела спросить и только боялась в горящем городе ночью отстать от тех, с кем её свела переправа. Они перебирались через завалы на улицах, укрывались за остовами домов, и она тоже перебиралась, пригибаясь, бежала вперёд, а санитарная сумка хлопала её по боку. Навылет раненный пулей, упал рядом красноармеец, она торопливо перевязала его, укрываясь за уцелевшей стеной, подбежала ко второму, перебинтовала голову третьему и всё просила потерпеть, говорила какие-то ласковые слова... Наступило сумеречное от дыма утро. Грохотом разрывов, непрекращающимся боем остался в памяти день, ночью водила раненых к переправе, под обстрелом возвращалась по уже знакомому пути, оказывала первую помощь, подносила патроны...

«Быстрее, Антон! – подгоняли её. – Быстрее!»

И снова носила патроны, стреляла сама, а когда сгустилась ночь, вела и тащила к Волге тех, кто не мог идти.

Она потеряла счёт суткам, слились воедино дни и ночи, своя и чужая боль... Но закрепился батальон, наступило короткое затишье, и она услышала, как вздохнул комбат:

– Письмо бы сейчас семье отправить...

И вдруг ей стало стыдно и боязно, что не выполнила приказ.

– Разрешите доложить... – Она подошла к комбату. – Меня на КП дивизии почтальоном направили, а я вот который день вместе с вами воюю. Попадёт мне, наверное.

Он пристально посмотрел на вытянувшегося солдата:

– Слушай, а тебя как зовут?

– Тоня...

Посветлели суровые солдатские лица. Наверное, чем-то родным и домашним повеяло от этой девчонки, которую принимали за парнишку.

– Куда же ты теперь от нас? – ласково сказал кто-то. – Оставайся.

– Да нет, ребята... Вы напишите письма, а я их доставлю на почту и вернусь. Я быстренько – туда и обратно. Только, товарищ комбат, черкните мне бумажку, что я всё это время у вас в батальоне была.

Увидела, как торопливо они принялись доставать припасённые тетрадки, карандаши... Совали ей свёрнутые треугольниками письма, и такой нужной всем, с кем оказалась в этой отбитой у немцев заводской котельной, почувствовала она себя, такой необходимой...

Командный пункт дивизии помещался в тоннеле под железнодорожной веткой, неподалёку от метизного завода. Кто-то разговаривал, кто-то склонился над картой, кто-то разматывал телефонный провод. «Хорошо тут, – подумала она устало. – Стол, стулья, даже постели...» Вдруг страшно захотелось спать. Рядом мельтешили, что-то делали, говорили. Одетая в гражданское, полусидя на койке у стены, спала какая-то женщина. Она прилегла возле неё, положила рядом сумку с письмами. «Маленечко посплю... Только маленечко посплю и доложусь...» Тяжёлый сон навалился, но и во сне куда-то бежала, пряталась от пуль, кого-то спасала и тащила к Волге... Сквозь сон слышала: «Замедленного! Бойся!». Пытаясь проснуться, поняла, что сейчас произойдёт, и тотчас со страшной силой где-то близко рвануло. Прижимая к себе сумку, вдруг сделавшуюся какой-то мягкой, почувствовала, как вместе с ней летит, и больно ударилась головой. Осыпался песок, медленно оседала каменная пыль. Немецкая авиабомба взорвалась неподалёку от входа в тоннель. Ещё не придя в себя, она

услышала странный, похожий на всхлипы, звук, подумала: наверное, что-то повреждено внутри, наверное, кровь... Открыла запорошённые глаза, пошевелилась. Нашарила завёрнутое в тряпки, судорожно схваченное ею вместо сумки с письмами, и снова услышала всхлипы. Рядом подымались на ноги, отряхивались, ругались. Она тоже поднялась, вслушиваясь в странные звуки, и вдруг осенило: захлёбывается плачем младенец... Высоко подняла крохотное существо, закричала: «Дитё! Дитё у меня!». Ошарашенная непонятностью случившегося, увидела расширенные глаза идущей к ней матери ребёнка, услышала сердитое: «Что делаешь? Ты же его вниз головой держишь!».

– И кто ты вообще такая? – резко спросил Тоню кто-то из штабистов.

– Почтальон я. Меня с того берега к вам в штаб направили, да не смогла сразу попасть. В батальоне рядом с вами была... Где же моя сумка? – спохватилась она. – Я вместо сумки этого дитёнка схватила... Ну помогите найти сумку, там же письма, которые ребята отправили!

– Слушай, ты, заполошная, – сказал начальник штаба. – Только объявилась и сразу крик подняла. – Вон твоя сумка валяется. Ступай отведи гражданку с ребёнком в медсанбат, потом с тобой разберёмся.

Она увела в медсанбат эту сталинградскую женщину, сама несла её крохотного, родившегося несколько дней назад ребёночка.

Вернувшись к тоннелю и получив нагоняй за то, что не явилась вовремя в штаб, набрала в сумку ещё писем и перед рассветом переправилась на левый берег Волги, откуда проводил её ездовой почти две недели назад. Там, на хуторе, Тоню-Антонину уже перестали числить в живых, и начальник почты, старший лейтенант Науменко написал её матери, что Тоня погибла...

Те, кто воевал в Сталинграде, невесело шутили: лучше трижды сходить в атаку, чем раз переправиться через Волгу. А Тоня теперь на попутных судах и лодках переправлялась каждые сутки, под пулями и снарядами своим ходом добиралась до Мамаева кургана, доставляла бойцам весточки из

дому, забирала их фронтовые письма и возвращалась обратно на тот, навсегда оставшийся на военных картах и в её памяти, хутор Бурковский, откуда полевая почта расходилась по тысячам больших и малых дорог.

Завидев с наблюдательного пункта почтальона, бойцы прикрывали её огнём, и Тоня перебегала от укрытия к укрытию, ползком преодолевая открытые участки, и немецкие пули порой прошивали её сумку, набитую письмами, и почтальонша, грозя кулаком, кляла за это фашистов. Раз продырявило конверт, адресованный генералу Чуйкову. Пуля не разбивает, ей всё равно, что рвать. Конверты не вместились в сумку, Тоня засовывала их за пазуху, отчего девичья фигурка становилась особенно забавной и трогательной.

– Бравый солдат Швейк, – пошутил как-то Чуйков.

– Никак нет, товарищ генерал, – возразил командир дивизии Батюк. – Антоном её зовут.

Она привыкла к тому, что её называли теперь только так; всё, связанное с прошлой жизнью, осталось за чертой войны – мама, старый сибирский город, и даже имя... «У войны, – сказано много лет спустя, – не женское лицо». Она и в самом деле всё так же походила на мальчишку, только волосы отросли, торчали из-под ушанки, пришлось заплетать их в косички.

Запах землянок, преющей одежды и махорки, автоматные очереди, злой свет висящих над Волгой ракет... Каким далёким был Томск, его мощённые булыжником взвозы, резные карнизы бревенчатых домов, белая колокольня на Воскресенской горе! Отражающая небо Томь, тополиный пух на дощатых тротуарах... Иногда, прикорнув, видела она во сне прошлое, но чаще снились обрушивающиеся дома, перекопанная земля, окровавленные бинты. И сейчас, сорок лет спустя, тревожат её душу военные сны.

Убивала война солдата и незримо тяжело ранила тех, кто был далеко от фронтов. Обрывалась ниточка, тонула соломинка, за которую кто-то держался... Не в состоянии была девчонка-почтальон утешить чью-то мать, чью-то жену, чьих-то детей. Но сколько писем написала тем, кто не дождался с войны сына, мужа, отца... Шла из штаба стандартная похоронная, и шло последнее письмо с полевой почты о том, как честно во-

евал солдат, как погиб, защищая свою землю и тех, кто будет жить после войны. Её никто не заставлял писать эти письма, она писала сама, отрывая время от своего короткого отдыха. А чтоб никого не смущало женское имя, подписывалась по-мужски – Антон.

Много лет спустя на встрече ветеранов в Москве к ней подвели пожилую женщину.

– Вот – спрашивает Антона... Наверное, тебя. – Женщина растерянно посмотрела на Антонину Дмитриевну:

– У меня был сын, Серёжа... В сорок втором я получила письмо, в котором рассказывалось, как он погиб... Там была подпись – Антон...

– Это я писала вам. – Антонина Дмитриевна взяла её дрожащую руку. – Меня на фронте звали так...

– Вы помните Серёжу?

– Помню.

На глазах у солдатской матери показались слёзы...

– А вы, вы? – комкая платочек, начала она.

По немому вопросу в её глазах Антонина Дмитриевна поняла: этой, пережившей великое горе, матери подумалось, что судьба подарила ей встречу с той, которая, может быть, успела полюбить её сына.

Нет, все были тогда одинаково близкими, родными. Не до любви было, когда рядом умирали, когда ходила под смертью каждый день сама. Каждый день и каждую ночь. Может, где-то и тогда любили, может быть, где-нибудь и было так, как порой показывают в кинофильмах, но к Тоне любовь пришла потом. После войны.

Сколько хороших ребят погибло, сколько осталось невысказанного, сколько загаданного не сбылось... А её долго щадило – пули и осколки пролетали мимо, почтовую сумку пробило во многих местах, но сама она словно была заговорена. И всё же не минуло: выброшенный взрывом ком мёрзлой земли ударил в лицо, расплющил нос, сломал челюсть... Очнувшись от удара, она отчётливо вспомнила первое видение войны – обезображенные лица раненых в тыловом госпитале. Подумала: неужто это и её судьба? Её увезли в медсанбат, забинтовали голову, наложили на челюсть шину. Она попросила

зеркальце – увидела щёлочки заплывших глаз, разбитые губы, проступившую сквозь марлю кровь...

Пока была в медсанбате, убило на переправе Фаю Королёву, тяжело ранило Полину Барнашову. Приехал Науменко, потупившись, спросил:

– Может, поедешь со мной, Антошка? Понимаешь, некому почту доставлять... А лицо у тебя уже совсем нормальное.

И снова стала регулярно появляться у Мамаева кургана похожая на парнишку девчонка-почтальон. Руки и ноги целы, только нос стал чуточку курносый, да шрам возле губ появился... Опять раздавала письма, перевязывала раненых, утешала, спасала, превозмогала усталость, страх, боль...

И вот настал долгожданный февральский день сорок третьего, когда прогремел последний выстрел в Сталинграде, и немецкая армия капитулировала. Солнечным утром в центре разрушенного города на площади Павших борцов собрался митинг. Руины, перемешанная со снегом гарь, тысячи лиц стоявших в строю солдат, и она, впервые видя их вместе, вглядываясь в знакомых и незнакомых, ходила между шеренгами, надеясь ещё увидеть кого-то из тех, кому осталось письмо в кипе невручённых конвертов. Может, объявился, вернулся из госпиталя, не пропал без вести... А вдруг, а вдруг... Знала бы, кому недолго жить, сказала бы что-то доброе, ласковое... Неведомо, сколько кому отпущено сроку – кому погибнуть, а кому через двадцать пять и сорок лет встретиться здесь, на этой земле, где всё изменится. Встретиться, когда сами они будут уже другими.

И ещё одно воспоминание. В тот день возле разрушенной стены подобрала она валявшуюся среди тряпья почтовую сумку немецкого почтальона. Письма из Германии, конверты с ненавистными именами, обратные адреса с названиями немецких городов... Она поглядела на тянувшуюся мимо колонну пленных – измождённые, обмотанные тряпьем, битые вояки... Выбросить недошедшие письма, втоптать в грязный снег... или?

Спросила у майора.

– Отдай им, – хмуро сказал тот. – Люди же...

Она подошла к колонне пленных, отдала письма... Они про-

тягивали руки, хватали пачки конвертов и глядели на неё с жалкой благодарностью. Она ненавидела немцев, но сейчас не было ни злорадства, ни ожесточения.

Сорок лет после войны – почти жизнь, а она помнит всё, как было...

– Ну, а потом? – спрашиваю. – Как вы воевали потом, после Сталинграда?

– Воевала?.. Да, конечно, и стрелять приходилось. Но почему-то думаю, что никого не убила. Женщины на войне в основном спасали... Как-то снарядом мотор у санитарной машины разбило, шофёр погиб, машина загорелась, а там тяжелораненые... Откуда силы взялись, дверцу выломала, вытаскала двенадцать человек... Иван Падерин был в нашей дивизии, после войны он писателем стал, писал об этом. Я это не для похвалы, так... Растревожило память. А меня под Кривым Рогом ещё раз ранило. Ранение лёгкое, в ногу. В госпиталь из медсанбата не отправили, обратно – на почту. Весна, грязь на дорогах, не высказать какая, нога побаливает, а я стесняюсь сказать, подумают ещё, что отлыниваю. Лошадёнка выручала. Под Бердичевом форсировали речку, я и окунулась, а тут эта грязь, просохнуть негде. Заражение началось. На самолётике отправили в Нежин, по пути нас ещё немцы обстреляли... Потом в какой-то теплушке везли, в Курске уже рану обработали, оттуда – в Кыштым, город на Урале, до войны и не слыхала... Гангрена, страшно смотреть. Хотели в этом Кыштыме мне ногу отрезать – не дала. Не далась, и всё. Профессор пришёл: «Будем операцию делать, рассекайте ногу». Один врач свою кровь отдал, а она не совместилась... Очнулась в спецпалате, принесли туда к умирающим. Заорала, что было сил. Прибежали, унесли... Опять кто-то свою кровь отдал... Как я всё-таки медикам благодарна!..

Ну а потом в Томск повезли. Тоже в госпиталь. Опять резали ногу, сказали: трофическая язва, неизлечимо. Боли страшные, припадки начались. Всё чудилось, будто я в разведке. Меня же раз посылали, я вам не рассказывала? Там – в Сталинграде. Меня и Зою Рыбакову. Была красивая такая, черноглазая, из разведроты. Переодели в гражданское, задание дали. Когда уходили, оставили обе заявление – если погибнем, просим

считать нас членами ВКП(б). Всё, что надо, сделали, обратно к балке, по которой на немецкую сторону переходили, вернулись, а там немцы блиндажи начали строить, пещер нарыли. Стоим ни живы ни мертвы... Тут, на счастье, жестяная посуда, кем-то выброшенная. Пустое ведро схватила, Зойке чайник сунула – назад теперь некуда. К немецкому автоматчику подошли, показываю вниз: «За водой, мол, за водой... Вассер...». Поглядел, махнул рукой: «Шнель!». Пошли. Шепчу Зойке: «Только не оборачивайся, не оборачивайся...». Боимся – вот-вот немец окликнет. Спустились, чую – уже нас не видать, кинулись бежать. Сердце выскочить хочет, сил нет. Добежали, ведро бросила, сама бряк в окоп. Зойка что-то нашим говорит, а у меня плывёт всё перед глазами... Так вот, я когда в госпитале в забытьё впаду, чудилось, будто не могу обратно к своим попасть, не могу, и всё...

В Томск привезли, мама пришла. Девятого мая, ровно год до конца войны оставался. Заплакала... Потом ещё приходила. Попросила врачей, чтоб разрешили меня домой забрать. Кофтёнку мою принесла, юбку... Не налазит ничего – выросла я. Два года ведь минуло. Нашли моё обмундирование, медали... Вышла на костылях.

На фронте о завтрашнем дне не задумываешься, там в этом отношении проще. Я и не представляла, как в тылу стало тяжело. На войне хоть накормят, этой заботы не было. А тут как-то увидела во сне котелок солдатской каши... Господи... Даже вроде запах услышала. Но мама меня разбудила... Вам, может, смешно? Впрочем, вы тоже пережили голод и всё, всё. Кто пережил, тот понимает. Вообще, казалось, сломала меня война. Прежде-то думала: я крепкая. А тут страшно стало. Инвалид... На костылях. В душе пустота. Жить не хотелось.

Неделю дома, вторую... Поковыляю возле крылечка и обратно.

Как-то приглашают в райком: «Чего распустилась? В ножку ранена, так теперь, значит, всё? Да жизнь ещё впереди...». Наверное, иногда вот так и нужно. Где пожалеть, а где так... Не то чтоб воспряла я, а как-то встряхнули меня, что ли... Поговорили, назначили инструктором райкома комсомола, учиться восстановилась. Трудно было привыкать. Если б не

помогли мне, не знаю, как бы всё сложилось. Везло на хороших людей...

Потом война кончилась, уехала в Магадан. По глупости или из солидарности, как лучше сказать, не знаю... Может, просто по молодости. Подруга моя влюбилась, а парень-то её, тоже комсомольский работник, на другой жениться собрался. Она и говорит, подруга моя: «Не могу здесь больше жить, каждый день видеть его... Сердце разрывается. Завербуюсь куда-нибудь...». Собралась и меня сговорила. Поехали на край света. Во Владивосток, оттуда в Находку... На Охотском море война с Японией застала. Недельку дрейфуем, галушки на морской воде варим... После три года на севере пробыла. Подруга моя заболела, обратно уехала, а я осталась, работала в райкоме партии. Там и замуж вышла. В Томск с мужем вернулась, фамилия моя уже – Дарьенко, дочку с собой привезли. Муж меня поначалу всё уговаривал – давай куда-нибудь в тёплую сторону уедем, к морю... А поехали за шестидесятую параллель... Когда Стржевой начали строить, мужа туда направили. Дочку решили не брать, она школу окончила, в институт собралась поступать. Ночью лежу, не сплю. Ночами, известное дело, о страшном думаешь... Утром говорю мужу: «Не поеду, как мы одну дочку оставим?...». Поехали, конечно же. Там тоже инструктором райкома была. Опять эти общежития, мостопоезд, центральный товарный парк... Пьём из одного чайника, свет то горит, то не горит... А теперь подумаю: ведь это же здорово было, какой красавец город построили!

Может, если бы не была на фронте, многое бы по-другому воспринимала. Теперь и на прошлое тоже как-то по-иному глядишь. Вообще не хочется рассказывать о войне, но порой чувствую – надо, надо... Болит. Иногда говорят: мы своё сделали, пусть теперь дальше молодые как хотят. Нет, пока живу, не могу быть равнодушной. Если во время войны люди могли быть такими сильными, почему некоторые сейчас малодушны, слабы? Мирное время тоже по-своему испытывает. Молодых, да и нас. Помните, порой во время войны говорили: «Война всё спишет»? Нет, не списала. И сейчас не спишет... Господи, сколько девчонок не вернулось: Машенька Чуликова, Галя Бавева, Клава Свинцова, Гита Соколовская, Фая Королёва... Фаю на

Волге убило. Всего один маленький осколок в голову. А как она жизнь любила!..

Шумит за распахнутыми окнами улица, зеленеют на тополях молодые листочки, а вдали, за рекой, тревожно сгустилось небо, и, словно орудийные раскаты, доносится гром. Надвигается гроза...

– Гремит, – прислушиваясь, говорит Антонина Дмитриевна. – Я девчонку одну на войне знала – грозы боялась. Странно, да?

Она замолкает, и я не спрашиваю её ни о чём. Надо помолчать. Надо помолчать...

НАШ ГЕНЕРАЛ

Очерк

Мои ровесники, мальчишки, родившиеся во второй половине 1927 года, были уверены, что после окончания десяти классов нам предстоит одна дорога – фронт. Оно и вправду. Варшаву освободили лишь 17 января 1945 года, до Берлина было ещё далеко, фашисты сопротивлялись умело и упорно, и мы только через несколько лет осознали, что те, кто закончил войну в мае 1945 года, сохранили жизнь большинству из нас. Ведь ныне кое-кто говорит, что Сталину с Жуковым, Коневым и Василевским не надо было так уж спешить, пусть бы Берлин взяли не мы, да и было бы это на полгода-год позже, не всё ли равно? Нам – не всё равно! И ориентир у многих из нас определился задолго до Дня Победы – наша жизнь должна быть посвящена службе Отечеству в вооружённых силах.

Мы пошли в армию добровольцами в конце июня – начале июля (в моём военном билете записано 1 июля), некоторые участвовали в разгроме Японии, многие поступили в военные училища. Почти все наши отцы-командиры были не просто старше нас по возрасту, но они были ещё бесконечно выше, ибо они были фронтовиками, они раздавили фашизм. К этому надо добавить, что у большинства из нас отцы погибли на фронте, у многих исчезли в годы репрессий. Нет, мы не чувствовали себя обделёнными – ведь так было у всех. Но нам так не хватало мужского внимания, воспитания, заботы и справедливой отеческой строгости! И мы не только учились у наших командиров и педагогов, мы неосознанно тянулись к этим мужчинам, хоть немного восполняя непоправимый пробел нашей жизни, любили и идеализировали их. И было за что!

И поныне, проезжая на трамвае по Советской, я испытываю особые чувства. Проспект Фрунзе, 9, наш учебный корпус, мемориальная доска напоминает, что здесь подготовлены тысячи офицеров-артиллеристов, а 53 из них стали Героями Советского Союза... Над доской – окна нашего учебного класса...

А чуть дальше, слева, Фрунзе, 6, – здание бывшей гостиницы «Россия», ныне – областной военкомат, в наше время – штаб училища, бывать там, хоть и не часто, приходилось. Балкон второго этажа, там кабинет начальника училища. Ещё немного дальше – Советская, 29а, пока сохранившийся двухэтажный дом. Здесь со своей женой Верой Николаевной и сыном Игорем, нашим ровесником, студентом ТГУ жил начальник нашего училища, гвардии генерал-майор артиллерии Владимир Александрович Иванов.

Мы, курсанты расформированного в связи с окончанием войны Смоленского артиллерийского училища, прибывшие в Томск для продолжения учёбы, впервые увидели его утром 30 мая 1946 года на плацу училища. Поздоровавшись, он быстро прошёл мимо двух взводов вчерашних спецшкольников, мальчишек, окончивших год назад подготовительные военные школы, задержался перед курсантами-фронтовиками, поговорил с некоторыми из них, а с Героем Советского Союза Михаилом Медяковым поздоровался за руку. Не забуду, как он позднее тоже пожимал руки многим фронтовикам, вручая им на всякого рода торжественных собраниях ордена и медали, недополученные на фронте. Какой музыкой звучали в наших ушах названия этих наград: «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Праги», «За взятие Вены», «За взятие Берлина»! Это вам не «XXX лет Советской Армии и Флота», которые он вручил всем нам в 1948 году.

Конечно, мы, курсанты, видели его часто, но всё-таки находились от него на большой дистанции. Но знали о нём много, старались узнать ещё больше, и чем дальше уходит то время, тем убеждённое я говорю – нам выпало счастье учиться у выдающегося военного педагога и служить под командованием настоящего боевого русского советского офицера. Как хочется, чтобы память о нём сохранилась и после нас!

* * *

Начало биографии будущего генерала было обычным для своего времени. Родился 13 июня 1904 года в пролетарской семье, жившей на окраине Санкт-Петербурга. В четырнадцать лет пошёл работать, учиться после шести классов не

позволяло материальное положение. Постоянной работы не имел – это же Петроград 1918 года, революция, Гражданская война. Последняя должность – курьер редакции газеты «Петроградская правда» (редакция «Правды» вместе с советским правительством переехала тогда в Москву, а в Питере было создано нечто вроде её филиала). С этой должности в январе 1920 года пятнадцатилетний мальчишка начал свою сорокалетнюю непрерывную армейскую службу, добровольно вступив в РККА.

В 1922 году окончил 1-ю Петроградскую артиллерийскую школу, созданную в 1917 году на базе знаменитого Константиновского артиллерийского училища. Среди первых выпускников школы были будущие маршалы Н. Н. Воронов, М. В. Захаров, В. И. Казаков, Н. Д. Яковлев. Позднее школа неоднократно переименовывалась, а когда я попытался стать её курсантом, она называлась 1-е ЛОЛКАУ – Первое Ленинградское ордена Ленина Краснознамённое артиллерийское училище. Мне отказали – детей «врагов народа» в привилегированное учебное заведение не принимали. И правильно сделали – не знал бы я ничего про генерала Иванова, и не писал бы о нём.

* * *

Учился курсант Иванов в мирное время – Гражданская война заканчивалась. Но мирной тогдашнюю жизнь училища назвать нельзя. 1 марта 1921 года начался мятеж в Кронштадте. 2 марта Совет труда и обороны ввёл в Петрограде осадное положение. 8 марта 7-я армия под командованием М. Н. Тухачевского начала оказавшееся неудачным наступление на Кронштадт. X съезд РКП(б) направил в 7-ю армию около 300 делегатов, в Петрограде была проведена партийная мобилизация, на штурм крепости бросили курсантов Петроградских военных школ. 17–18 марта операция, стоившая советским войскам 527 человек убитыми и 3285 ранеными, завершилась. 21 марта курсанты вернулись к обычным занятиям. Но ненадолго.

* * *

Про Кронштадтский мятеж и другие события того времени ныне многое известно любому грамотному человеку. Участие

в этих событиях десятков тысяч людей было закономерным, привлечение курсантов к военным действиям оказалось необходимым, строка о боевом крещении артиллериста В. Иванова вполне естественна. А вот о событиях января – марта 1922 года на Карельском перешейке сегодня знают немногие.

Наши отношения с Финляндией имеют долгую и непростую историю, одним из непреложных фактов которой является признание Советской Россией республики Финляндия. 6 декабря, день её создания в 1917 году, называется Днём независимости Финляндии и является государственным праздником. Впервые за своё многовековое существование финский народ получил тогда государственность, и получил он её из рук первого советского правительства. Большинство финнов знают, что декрет об этом подписан председателем Совнаркома Советской России Ульяновым (Лениным) и несколькими наркомками. Большинство, но, к сожалению, далеко не все. Некоторые хотят создания великого государства, в которое вошли бы все финно-угорские народы, для начала – финны, карелы, эстонцы. Вообще-то к этой языковой группе относятся ещё и российские удмурты, марийцы, мордва, коми и даже сибирские ханты и манси, но на их территорию, как и на территории, где распространён ещё один язык этой группы – венгерский, пока, кажется, никто из идеологов великой финской державы не претендует. А в октябре 1921 года, надеясь на слабость России, измученной заканчивавшейся Гражданской войной, финские интервенты, вдохновлённые этой идеей и подталкиваемые некоторыми европейскими друзьями, вторглись в Карелию и на Карельский перешеек. Слабые советские пограничные отряды не могли остановить противника. Но вскоре командующий войсками Карельского района А. Седякин сумел собрать необходимые силы, в том числе – курсантов питерских военных училищ. 17 февраля военные действия закончились полным разгромом интервентов. Командующего наградили вторым орденом Красного Знамени (первый он заслужил, руководя Южной группой войск 7-й армии при ликвидации Кронштадтского мятежа, комиссаром у него был К. Е. Ворошилов, тоже удостоенный «Красного Знамени»). Из песни слова не выкинешь – в 1938 году эти и другие заслуги не спас-

ли командарма 2-го ранга (генерал-полковника) Александра Игнатьевича Седякина от репрессий.

Размышляя над событиями в жизни курсанта В. Иванова зимой 1921–22 года, вспоминаю его жесточайшие требования к нашей лыжной подготовке. Казалось бы, зачем артиллеристу в XX веке двадцатикилометровые лыжные броски, да ещё с полуторапудовой нагрузкой? Может быть, он вспоминал, как Седякин поставил всех питерских курсантов на лыжи, и сумел той суровой зимой переиграть прирождённых лыжников – финнов? Ведь Иванов знал, что в войне на том же Карельском перешейке в 1939–40 годах, войне, в которой его командарм уже не мог участвовать, наша армия понесла неоправданные потери ещё и из-за слабой лыжной подготовки большинства красноармейцев. Генерал готовил нас к любым осложнениям, к любым случайностям, без которых не бывает даже мирной жизни.

* * *

А служба в мирное время тоже дело не простое, хотя и в какой-то степени стандартное. В 1925 году молодой краском стал членом ВКП(б). Далее – обычная служба. Командир взвода, начальник связи полка, начальник полковой разведки, командир батареи, командир дивизиона артиллерийского полка 29 стрелковой дивизии. Это было созданное на Урале славное соединение Красной Армии, в котором когда-то служили Павел Петрович Бажов, автор знаменитой «Малахитовой шкатулки», будущий маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков, будущий генерал-полковник, герой Сталинградской битвы Михаил Степанович Шумилов. Дивизия участвовала в Гражданской войне на Урале и в Сибири, в польской кампании. В интересующие нас годы она была расквартирована в Белоруссии.

Частые передвижения по службе характерны для армии. В 1926–1931 годах В. Иванов служил командиром дивизиона 111 стрелкового полка 37 стрелковой дивизии, это тоже Белоруссия. В Красной Армии исключительное внимание уделялось переподготовке командиров, и в 1931 году Иванов окончил Курсы усовершенствования командного состава. На новом

месте службы, во 2-й стрелковой дивизии, тоже расквартированной в Белоруссии, он стал командиром артиллерийского дивизиона 4-го стрелкового полка.

Всё, в общем-то, стандартно, так служили и служат многие. Но в 1934 году Иванов получил особое назначение. Дело в том, что в начале 30-х годов неизбежность грядущей в ближайшее время войны стала очевидной и правительству, и руководству РККА. Но если с морально-политической стороны граждане СССР были в какой-то степени подготовлены к ней, то в чисто военном отношении положение было совершенно неудовлетворительным. Военных специалистов, особенно специалистов среднего звена (командиров рот, эскадронов, батарей, батальонов, дивизионов) не хватало катастрофически. Их надо было готовить по-настоящему, но военно-учебные заведения с объёмом задачи не справлялись. И тогда наряду с традиционными полковыми школами были созданы учебные батальоны (в артиллерии – дивизионы). На такие подразделения командование возлагало большие задачи. Энергичному, настойчивому и честному красному В. Иванову поручили командовать таким дивизионом 158-го артиллерийского полка. Командир дивизиона не только понял суть стоявших перед дивизионом задач, но сумел в течение двух лет поставить дело так, что его воспитанники, формально не получив серьёзного военного образования, отличались прекрасной тактической и огневой подготовкой. Педагогическое мастерство комдива было замечено командованием. За отличную подготовку дивизиона майор В. А. Иванов в 1936 году был награждён орденом Ленина, высшим орденом нашей страны. Тогда же он вновь прошёл обучение на АКУКС, и летом 1937 года стал исполняющим обязанности командира 36 артиллерийского полка 13-й стрелковой дивизии.

Честно говоря – ничего особенного. Нормальное, заслуженное продвижение по ступеням армейской лестницы. Но время-то было особенное!

* * *

Не знаю, откуда нам было известно, что генерал участвовал в гражданской войне в Испании. Прочитать этого мы не могли,

ведь СССР «во внутренние дела республики не вмешивался». Да, мы знали о наших добровольцах на Пиренеях, знали, что туда шли наши пароходы с продовольствием и другими грузами, что мятежники их топили. Знали об испанских детях, эвакуированных в СССР. Кое-какие публикации обо всём этом появлялись в предвоенные годы во всех газетах вплоть до «Пионерской правды». Полной тайны не было, но настоящей информации всё же не существовало, её, кстати, и сейчас нет. Однако мы знали – наш Иванов воевал за свободу республики, и этот несомненный для нас факт был предметом нашей гордости. Хотелось иметь более подробную информацию.

Но когда я совсем недавно захотел уточнить эту страницу биографии Владимира Александровича, мне прислали копию составленной после его кончины учётно-послужной карточки. И я прочитал, что летом 1937 года майор Иванов исполнял обязанности командира 36 артиллерийского полка в Белоруссии, об этом написано выше. А следующая запись – октябрь 1938 года, полковник Иванов – начальник Сумского артиллерийского училища. Куда делись 14 месяцев непрерывной службы, за которые молодой офицер продвинулся на два звания? Мне довелось служить в Сумах в 1949–1952 годах, там помнили – было что вспомнить! – бывшего начальника, но об испанской странице его биографии не говорил никто. Более того, даже о том, что начальник учебного отдела училища полковник Павел Германович Лампель отличился в знаменитом сражении при Брунете (15 миль к западу от Мадрида), мы, молодые офицеры, тоже ничего не знали. А ведь он прибыл в училище вместе с Ивановым!

Но в «Комсомольской правде» за 23 февраля 1939 года я нашёл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля: «О награждении командиров, политработников, инженеров, врачей, техников, младших командиров и красноармейцев Рабоче-Крестьянской Красной Армии» орденом Красного Знамени «За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за выдающиеся успехи в боевой, политической и технической подготовке соединений, частей и подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии»; этим Указом награждено

346 человек. Там я нашёл немало известных имён, в том числе будущего главного маршала артиллерии М. И. Неделина (того, что погиб 24 октября 1960 года при взрыве ракеты на космодроме Байконур). И рядом, под номером 108 – майор Иванов Владимир Александрович. Слова «Испания» в Указе нет, но в послужном списке Митрофана Ивановича, кроме Гражданской войны в России, Советско-финской войны и Великой Отечественной войны, названа гражданская война в Испании. Наши добровольцы давали перед отъездом подписку о неразглашении факта неофициальной командировки на эту схватку с фашизмом, вот и исчезала из их биографий одна из самых ярких страниц.

И, немного забегаая вперёд, отмечу факт совершенно удивительный, но очень уж противоречащий мысли Н. С. Хрущёва, заявившего на XX съезде КПСС, что чуть ли не все наши «испанцы» погибли в годы репрессий.

2 апреля 1943 года «испанец» полковник В. А. Иванов был назначен командующим артиллерией Первой гвардейской армии, входившей в состав Юго-Западного фронта. Фронтом командовал «испанец», будущий маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, советник «колонель Малино». А командующим артиллерией фронта был «испанец», выпускник Томского артиллерийского училища, позднее – Герой Советского Союза Михаил Петрович Кутейников (звание Героя он получил за бои в Финляндии, служа под командованием будущего маршала Советского Союза «испанца» К. А. Мерецкова). Эти «испанцы», одержав тогда победу под Сталинградом, готовились к новым боям, боям за освобождение Украины. И они знали, что одним из авторов операции «Уран» (операции по окружению и уничтожению 6-й армии фельдмаршала Ф. Паулюса) был «испанец», командующий артиллерией РККА, будущий главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов, старший советник по артиллерии, «волонтёр Вольтер». Не могу не подчеркнуть, что опыт испанской войны убедил комкора Воронова в том, что распространившееся в мировой военной науке в 20–30-х годах XX века мнение об утрате артиллерией в предстоящей войне своего прежнего значения ошибочно. По докладу Воронова правительству, в СССР были приняты се-

рьёзные меры по развитию и укреплению сил артиллерии, сыгравшие важную роль в обеспечении нашей победы над фашизмом. Кстати, ещё один «испанец», уже упоминавшийся генерал Шумилов, 31 января 1943 года руководил допросом генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, взятого в плен его 64-й армией.

Стоит ли верить тем, кто утверждает, что чуть ли не все командиры, получившие опыт войны в Испании и на Востоке, были репрессированы? Да, многие, слишком многие! Но далеко не все. И роль их, их подвиг, к сожалению, до сих пор по-настоящему не оценены...

Наверное, не надо объяснять, почему я не имею возможности рассказать о подробностях участия В. Иванова в гражданской войне в Испании. Уверен в том, что там продолжилась его дружба с нашим кумиром Н. Вороновым, начавшаяся ещё в Петрограде.

* * *

После возвращения из Испании, в октябре 1938 года, Владимир Александрович был назначен начальником Сумского артиллерийского училища имени М. В. Фрунзе, 30 октября получил звание полковника. Сохранилось немало воспоминаний об этих мирных и немирных годах его жизни, я приведу некоторые.

Полковник Георгий Иванович Соломко: «Нас, вновь прибывших в училище, представили его начальнику. Подошёл высокий, стройный, с иголки одетый в военную форму командир, в петлицах – четыре «шпалы», на груди ордена Ленина и Красного Знамени и медаль «XX лет РККА». Блестящие сапоги со шпорами – просто картинка, и лицом красивый. Прошёл вдоль строя, внимательно осмотрел каждого, улыбнулся, очевидно, понравился наш внешний вид».

В войсках противовоздушной обороны нашей страны хорошо знают заслуженного деятеля науки, доктора технических наук, профессора, генерал-лейтенанта Василия Дмитриевича Кириченко. Он закончил Сумское артиллерийское училище в 1939 году, продолжил там службу в должности командира взвода курсантов. Он пишет, что начальник училища оставил в его душе

добрую память на всю жизнь. «Иванов В. А. только что вернулся из Испании. Стройный, безукоризненно одетый, с наградами. Всегда спокойный в проявлении своего характера, никогда не повышал голоса, был требовательным до самых тонкостей, относящихся к делу. Знал дело досконально, но никогда этого не подчёркивал».

Окончивший САУ 6 июня 1941 года писатель-публицист полковник Михаил Александрович Пóдуст вспоминает: «В июле 1939 года успешно сдал вступительные экзамены в Сумское артиллерийское училище. На мандатной комиссии начальник училища полковник Иванов поздравил меня и других курсантов с зачислением в училище. Начальнику училища было не более 40 лет. Стройный, подтянутый, выше среднего роста, светлые волосы ложились волнами, на груди два ордена. Он приходил на все вечера в клуб училища, любил танцевать вальс».

Ну, насчёт цвета волос Михаила Александровича слегка подвела память – волосы у генерала были светло-каштановыми, проще говоря – рыжими. Но насчёт вальса – точно. Танцевал он великолепно, на наших курсантских вечерах часто именно он приглашал на первый тур вальса самую симпатичную из наших девушек, чаще всего – студенток медицинского и педагогического институтов. Сколько потом бывало разговоров! Нет-нет, не надо тут думать лишнего, но стройный сорокалетний высокий генерал, безусловно выбритый, в идеально отутюженной форме, прекрасный партнёр, галантный кавалер, очень нравился женщинам. А мы, разумеется, считали, что так и должно быть – наш генерал есть образец для подражания во всём, в том числе и в умении деликатно относиться к представительницам прекрасного пола. Впрочем, ходили и кое-какие сплетни, но я их не помню.

Почти идиллическая картина – замечательное училище, в прекрасных помещениях, построенных ещё до революции для Сумского кадетского корпуса, образованнейшие командиры, хорошее питание, отличная форма, требовательный, но справедливый интеллигентный начальник, не бурбон какой-нибудь. Хорошо? Да, но...

* * *

Каждая большая трагедия включает в себя немало тяжелейших подробностей. О событиях августа – ноября 1941 года, о том почти безнадежном положении, в котором тогда оказался левый фланг советско-германского фронта, в общем-то, известно многое. Но есть и детали относительно мало известные.

В августе, когда Киев был ещё в наших руках, гитлеровцы вышли на левобережье Днепра. В районе Шостки они прорвали наш фронт и оказались в ста километрах от казавшихся ещё несколько дней назад вполне тыловых Сум. Прикрыть город было нечем – каких-либо воинских частей Харьковский военный округ не имел. Военный Совет округа принял отчаянное решение – задержать Вторую танковую группу Гудериана силами срочно формируемого «Отряда особого назначения». Его составили курсанты нескольких военных училищ (Сумского и Харьковского артиллерийских, Сумского и Чугуевского пехотных), Сумской коммунистический батальон, полуэскадрон конников-добровольцев. В отряде были пехотные батальоны, два артиллерийских полка и отдельные спецподразделения. Командовать отрядом было приказано начальнику Харьковского артиллерийского училища генерал-майору Алексею Семёновичу Чеснову. Комиссаром отряда стал комиссар этого училища батальонный комиссар Илья Фёдорович Мангушев (он вскоре погиб). Артиллерией отряда командовал начальник Сумского училища полковник Иванов.

23 августа курсантские подразделения заняли оборону неподалёку от деревни Волокитино Путивльского района. Умело расположенные Ивановым на левом берегу реки Клевень курсантские батареи оказались для немецких танкистов полной неожиданностью. 8 сентября курсанты-артиллеристы своим огнём из засад сорвали попытку фашистов форсировать Клевень, на несколько дней задержав противника. Чего это стоило, нетрудно понять. Более двух месяцев отряд упорно продолжал сражаться, войдя в состав 40-й армии.

...У деревни Волокитино установлен памятник погибшим курсантам. Живых тогда осталось немного, в конце ноября отряд вывели из зоны боевых действий и расформировали, кур-

сантов САУ эвакуировали. Трёх из них хорошо помню по службе в Сумах в пятидесятых годах. Прекрасные боевые офицеры. С уже упоминавшимся капитаном Соломко мы участвовали в училищной самодеятельности. Иван Богатырь, награждённый за подбитый танк орденом Красного Знамени, командовал одной из батарей нашего дивизиона. А в батарее капитана Юрия Шульги я служил командиром взвода. Все трое – очень скромные люди, о своём участии в тех боях они ничего не рассказывали. Все трое вышли в отставку полковниками. Все трое – украинцы.

И ещё об одном не могу не вспомнить. В известном докладе Н. С. Хрущёва в числе незаконно репрессированных военачальников назван комдив К. П. Подлас. Это правда, но не вся. Никита Сергеевич забыл сообщить, что Кузьму Петровича освободили, восстановили в РККА в том же звании, назначили заместителем командующего войсками Киевского особого военного округа. Генерал-лейтенант К. П. Подлас командовал 40-й, а затем 57-й армией. 22 октября 1941 года награждён орденом Ленина, поверьте, осенью трагического сорок первого ордена «за так» не давали, генерал был настоящим героем. 25 мая 1942 года он погиб во время прорыва из окружения. По другим данным – был тяжело ранен и застрелился, не желая попасть в плен. Помните «Живые и мёртвые» Константина Симонова? Комбриг Серпилин говорит, что смерти он не боится, ему пропасть без вести, попасть в плен нельзя – бывшему репрессированному этого не простят.

* * *

После расформирования Отряда особого назначения три дивизиона САУ 23 ноября 1941 года со станции Старое Роговое (это недалеко от Старого Оскола Белгородской области) убыли в Сибирь. Сегодня трудно представить себе, что представляла собой тогда эвакуация крупного предприятия или учебного заведения. Частые остановки – надо же пропустить эшелоны, идущие к фронту! Нехватка паровозов. Скучное питание. Да ещё и сибирские морозы. Это великий подвиг нашего народа, это отдельная составляющая ответа на вопрос о том, как мы сумели выстоять и победить. А груз ответствен-

ности, лежавшей на полковнике Иванове, просто невозможно представить.

Но 12 декабря первый эшелон прибыл в Ачинск. Сорокаградусный мороз, а у курсантов летнее обмундирование, на головах пилотки. Не стану перечислять трудностей, стоявших перед начальником училища, они были во всём. Однако уже 4 апреля 1942 года училище произвело первый выпуск лейтенантов, среди них были и мои будущие сослуживцы Богатырь, Соломко, Шульга.

Полковник Иванов не только провожал в действующую армию своих воспитанников. Он, считая свою главную задачу выполненной – училище работает! – настойчиво просил командование отправить на фронт его самого. Летом 1942 года просьба была выполнена. Помогло то, что в Томском артиллерийском училище должность заместителя начальника занимал полковник Леонид Иванович Дульщиков, в апреле 1942 года прибывший с Волховского фронта, где он командовал артиллерией созданной в Сибири 59-й армии. Из Томска, где он, можно сказать, прошёл стажировку – думаю, что это было продуманным шагом командования, – его и направили в Ачинск на должность начальника училища. Впоследствии он стал генерал-лейтенантом артиллерии, а наш Владимир Александрович больше прямого отношения к САУ не имел.

* * *

12 июля 1942 года полковника Иванова назначили заместителем, а вскоре командующим артиллерией 14 гвардейской стрелковой дивизии, с июля 1942 г. участвовавшей в оборонительном сражении на Сталинградском фронте. Наверное, не нужно пояснять, что это значит. Июль – октябрь 1942 года, пожалуй, самое кровавое и жестокое время войны. Напомню, что именно 28 июля Народный комиссар обороны Союза ССР И. Сталин подписал знаменитый приказ № 227, названный в народе «Ни шагу назад!».

Немцев остановили. 1 ноября Иванов вступил в командование артиллерией 14-го стрелкового корпуса. А 19 ноября, в день, ставший нашим праздником, Днём артиллерии и ракетных войск, он руководил мощным огнём сотен орудий и

миномётов корпуса, обрушившихся на противника. Именно артиллерия начала и обеспечила успешное решение главной задачи «Урана» – окружить 6-ю армию Паулюса. От «катюш» и пушек полковника Иванова более всего досталось тогда итальянской 8-й армии и румынской пехоте.

2 февраля 1943 года, в день окончания Сталинградской битвы, В. Иванов стал командующим артиллерией 1-й гвардейской армии генерала А. А. Гречко, будущего министра обороны, маршала Советского Союза. В этой должности Иванов воевал до 1 апреля 1944 года.

В начале 1943 года 1-я гвардейская армия наступала в Донбассе, в июле участвовала в Изюм-Барвенковской наступательной операции, а в августе – сентябре – в операциях по освобождению Левобережной Украины. В ноябре – декабре войска армии участвовали в отражении контрнаступления противника на киевском направлении, а с 24 декабря – в наступательной Житомирско-Бердичевской операции. К концу февраля 1944 года армия была переброшена юго-восточнее Шепетовки, где в марте – апреле вела наступление на направлении главного удара фронта в Проскуровско-Черновицкой операции, после чего участвовала в окружении и разгроме одного из знаменитейших своими прежними победами соединений вермахта, 1-й танковой армии Ганса Вильгельма Хубе. Символическая деталь. В январе 1943 года Паулюс получил радиогранму из Берлина: «Направить генерала танковых войск Хубе в ставку фюрера для вручения ему мечей к Рыцарскому кресту с дубовыми листьями» – Гитлер спас своего любимца от плена. Но под Каменец-Подольском Ганс Хубе вместе со своей армией вновь был окружён именно теми, кто едва не пленил его в Сталинграде. Он вновь вырвался из окружения, на этот раз вылетел в ставку за бриллиантами к Рыцарскому кресту, получил награду, но на другой день погиб в авиакатастрофе. Не знаю, было ли известно об этом Гречко и Иванову.

За личное мужество и мастерство в руководстве войсками наш генерал и получил в то время второй орден Ленина, и ещё три ордена Красного Знамени, к которым потом добавились два ордена Отечественной войны I степени и многочисленные медали.

...Читаю длинный список городов, освобождённых 1-й гвардейской армией при участии артиллеристов В. Иванова, и возникают грустные мысли. Миллерово. Старобельск. Красный Лиман. Изюм. Лозовая. Славянск. Житомир. Павлоград. Проскуров. Почти вся советская Украина полита кровью советских солдат. И что там происходит сегодня?

* * *

Справа от главного монумента Мемориала на Южном кладбище нашего города находится плита с именами двадцати курсантов Томского артиллерийского училища, погибших 21 февраля 1944 года. Мне не довелось читать каких-либо документов об этой трагедии, нам о ней не рассказывали, но до недавнего капитального ремонта учебного корпуса училища по ул. Фрунзе, 9, из внутреннего двора была хорошо видна угловая часть здания, заделанная скверным кирпичом вместо того, который когда-то положили строители Томской мужской гимназии. Зимой в корпусе всегда было холодно, но в аудитории на втором этаже... Мы не любили её... И вот такая картина сложилась у меня из обрывков услышанного тогда.

Трудно понять, как это могло случиться, но в класс ВИП – военно-инженерной подготовки – были доставлены в качестве учебного пособия немецкие противотанковые мины, и у одной или нескольких из них не были удалены взрыватели. Не осталось никого, кто мог бы рассказать, почему они взорвались, когда на занятиях в классе был один из выпускных взводов. До выпуска ребятам оставалось несколько месяцев. Летом начиналась операция «Багратион», выпускники ТАУ, как правило, назначались сразу командирами батарей, погибшие могли бы заполнить все вакансии минимум в двух артиллерийских полках.

Говорят, о ЧП доложили лично Верховному, крайне обеспокоенному обеспечением командными кадрами важнейшей операции 1944 года. Сталин был взбешён, и сказал Н. Воронову: «Найдите надёжного достойного командира из фронтовиков для руководства этим училищем, пусть обеспечит учёбу без тыловых потерь. У нас боевых хватает». Воронов назвал имя своего старого друга, командовавшего в это время артил-

лерией 1-й гвардейской армии. Не знаю, как к этому предложению отнёсся командарм-1 А. А. Гречко, но, скорее всего, его и не спрашивали. Рекомендации Воронова для Сталина было достаточно.

Легенда? Но взрыв произошёл 21 февраля 1944 года. А полковник В. Иванов стал начальником 1-го Томского артиллерийского училища 3 апреля. 9 апреля Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание гвардии генерал-майора артиллерии. Есть связь между этими датами и фактами?

14 марта 1945 года училищу исполнилось 25 лет. Многие военно-учебные заведения, отметившие примерно в это же время подобный юбилей, были награждены орденами Красного Знамени. ТАУ-1 было удостоено меньшей по рангу награды – ордена Красной Звезды. Бессмысленной гибели двадцати курсантов, не ставших офицерами, нам не простили.

* * *

Училищем генерал В. А. Иванов командовал чуть более четырёх лет, как раз до нашего выпуска, точнее, до нашего последнего экзамена, так как присвоение званий нашему курсу по финансовым причинам было отложено до 1 января 1949 года. Лейтенантские погоны нам вручил новый начальник училища, замечательный человек, Герой Советского Союза, полковник Виктор Гаврилович Цивчинский. А генерал Иванов 30 сентября 1948 вступил в должность командующего артиллерией стрелкового корпуса на Дальнем Востоке. Через два года он стал заместителем командующего артиллерией Дальневосточного военного округа по боевой подготовке. Подробностей не знаю, но ДВО находился в те годы в ответственном положении в связи с войной на Корейском полуострове.

В 1954 В. Иванов окончил Академию имени К. Е. Ворошилова. Последняя его армейская должность – командующий артиллерией Северокавказского военного округа. В Ростове-на-Дону он снова, как и в 1942 году в Сталинграде, служил под командой одного из самых ярких полководцев Великой Отечественной, маршала Ерёменко. Кста-

ти, в прямом подчинении Андрея Ивановича он оказался в третий раз (после Сталинграда в 1942 году и Томска, когда Ерёменко командовал войсками нашего Западно-Сибирского военного округа).

25 августа 1961 генерал-лейтенант Владимир Александрович Иванов вышел в отставку.

* * *

Сегодня уже почти не осталось участников Великой Отечественной, уходят и артиллеристы, выпускники 1-го Томского ордена Красной Звезды артиллерийского училища. Нет уже и самого училища, ставшего высшим командным училищем связи и расформированного в марте 1999 года. 9 апреля 1980 года скончался Владимир Александрович Иванов, наш генерал, выдающийся военный педагог, один из тех, кто доказал, что наша артиллерия действительно Бог войны. Грустно. Но я убеждён, что ни великие события, ни настоящие люди никогда не уйдут не только из нашей благодарной памяти, но и из памяти наших потомков.

ГАЛИНА-МАНДОЛИНА

Повесть

1

Игорь Владимирович много лет не был в родном городе, где прошли его детские годы и ранняя юность. Теперь он шёл по знаменитому Красному проспекту, по той его части, где ничто не изменилось со времён его молодой жизни. Странное чувство испытывал он: будто и в самом деле вернулся в прошедшее время, в его пространство, и сейчас что-то оживёт и встретится ему из того, что было, что прошло, исчезло навсегда, а теперь вдруг может снова ожить. Он и сам себя ощущал словно бы очнувшимся после смерти, ожившим и получившим невероятную возможность прожить уже прожитое. Возвращение в прошлое столь же невероятно и опасно, как и перелёт в будущее, потому что прошлое может оказаться таким же непредсказуемым.

Теперь он пытался вспомнить, сколько же лет он не был здесь. Его мать умерла двадцать лет назад, и он приезжал на похороны, прожил три дня, конечно, никаких прогулок по старым улицам не было, не до того; потом он тоже на короткое время приезжал, вернее, заезжал, к брату, пока тот, теперь уж шестнадцать лет тому назад, не уехал в Краснодар, где у его жены жили родители в большом собственном доме, который после их смерти достался дочери. В квартире в родном городе остался их взрослый сын Саша. После отъезда брата не к кому было и приезжать в родной город. Племянник, по профессии стоматолог, был женат, но вдруг сильно запил, развёлся, разменял старую отцовскую квартиру, переселился в однокомнатную, в гости не приглашал, да Игорю Владимировичу и самому не хотелось приезжать и, наверное, как-то вмешиваться в хаос племянниковой жизни. И получалось, что лет пятнадцать, а уж десять-то точно, он не был в этом городе. А тут Саша стал его усиленно приглашать в гости, сообщал, что совершенно не пьёт, даже не нюхает спиртное, что появилась у него хорошая

женщина, хочет, чтобы дядя посмотрел на неё; и за всеми его приглашениями уловил он Сашину тоску по родным, по отцу с матерью; а он всё-таки близкий человек, дядя. Вот он и приехал в свой родной город, и теперь у него была полная возможность походить по знакомым улицам и вспомнить другую жизнь.

Итак, шёл он не торопясь по Красному проспекту, поглядывая по сторонам, улыбаясь знакомым домам, конечно, постаревшим, подсевшим, как подсаживаются в старости и люди, но всё ещё узнаваемым шершавыми серыми стенами и очень широкими, в деревянных переплётах, окнами, теперь таких не делают ни в учреждениях, ни в жилых домах. Тогда ведь строился город социалистический, с широким замахом в будущее, оно должно было быть светлым, широкие окна и предназначались для этого света самой новой жизни. Прошёл мимо небольшой компании четырёхэтажных домов, раньше принадлежавших Кузбассуглю, где жили его баба Катя и деда Яша. И первый раз прищемило сердце, вот что уж никакими силами не вернёшь, как не превратиться теперь ему в маленького мальчика, который приходил в один из этих домов в гости, и его встречали ласковыми словами и поцелуями, и приготовленными для него же угощениями. Кинотеатр имени Маяковского теперь совсем другой, новый, и местоположение своё поменял, а бывший «Юнгштурм» всё на том же месте. На улицу Октябрьскую он сворачивать не стал, решил, что ещё немного пройдёт, а потом вернётся, посмотрит, стоят ли ещё дома совсем его раннего детства, а потом пройдёт до главпочтамта и там до Революции, чтобы вырулить хотя бы на то место, где была его улица Бурлинская, теперь, как он уже знал, совсем изменившая свою геометрию. Дом под часами, здесь жили дядя Ваня и тётя Маруся. Ещё немножко ниже пройти – и вот тут был когда-то большой красный дом, в котором однажды случился пожар, и пламя и дым от него дотянулись до их Октябрьской, и дети, в том числе и такие малыши, каким тогда был и он, побежали смотреть на пожар, и, кажется, он стоял вот на этом самом месте, испуганно и восторженно заворожённый, будто загипнотизированный, смотрел на яростный, грозно гудящий огонь и чёрный дым, они широкими полосами вздымались в небо, будто это не просто пожар, а извержение вулкана. Тогда он впервые услышал

слово «вредительство». Многие годы спустя, вспоминая этот пожар, он всё чаще думал, что он действительно был неким предупреждением и предзнаменованием всех бед, которые потом пришлось пережить и их семье, и многим другим.

Так вот он и шёл по знакомым с раннего детства улицам, и память подсказывала то, что казалось напрочь забытым. И более всего ему хотелось добраться до того пространства, в котором когда-то существовала его улица Бурлинская. Вот необъяснимое состояние памяти и души! На Бурлинскую он попал после драматических событий в семье, жили здесь бедно, голодно, долгое время мать не могла устроиться на работу, после благоустроенной квартиры на Октябрьской здесь ему пришлось, ну, конечно, не в первый же год, он тогда ещё был мал для этого, а позже, рубить дрова, таскать уголь, носить с водокачки тяжёлые вёдра с водой, вскапывать огород и получать всякие суровые замечания от бабы Шуры, обвинявшей его в лени; а помнится эта жизнь радостной и полной надежд. Его и теперь придавливала сердечная тоска по той жизни, по улице, которой теперь и нет, только название сохранилось. И эти его чувства, переживания удивительны и необъяснимы. В жалкое жилище он вынужденно переселился с младшим братом и матерью; деревянный дом на две половины; у них две комнаты, одна совсем крошечная, едва-едва кровать да стол помещались, между ними кухня, она же прихожая, тут была прибита вешалка для верхней одежды, в углу умывальник с помойным ведром под ним. Ни окна, ни форточка в кухне и маленькой комнате не открывались, потому что почти перед ними стоял сортир на двух хозяев, вечно переполненный вонючим добром, а ещё мухи поганые летели; так и жили зимой и летом с закрытыми окнами и форточками. По периметру ограды росли тринадцать гигантских тополей, это были единственные растения, сопровождавшие их детство, по ним они учились любить природу. Они никогда не видели, как растут яблоки, груши, сливы, абрикосы и прочие фрукты, земли, где можно запросто сорвать с ветки яблоко и съесть его, казались им недостижимым раем. У них в ограде не росли даже привычные для Сибири черёмуха, рябина, бузина, сирень, хотя возле других домов эти растения были. Зато возле уборной росла у

них в изобилии неистребимая сладкая ягода, которую называли «поздника», а они дали ей своё название, более соответствующее её местоположению у сортира – бздника. Эту бзднику взрослые не разрешали есть, говорили, что ягода поганая, заболеть можно, они с братом воздерживались, хотя изредка всё-таки срывали некоторые спелые ягодки, а вот Галина-мандолина ела её горстями, и рот её вечно был чёрным. В ограде вскапывали небольшой огород: под огурцы, помидоры, лук, морковку, горох. У соседки, которую звали Исаевна (он и теперь не вспомнит её имени – Исаевна да Исаевна), в огороде то же самое, но всё почему-то лучше; грядки прополоты, чистые, ни одной сорной травинки, морковь вырастала быстрее и крупнее, и так хотелось её попробовать – когда ещё своя поспеет, на их стороне больше тени, и вот Игорь по-пластунски ползёт между грядками к соседской моркови. У Исаевны на эту сторону окон нет, она может подглядеть в щель почтового ящика, но если сильнее прижиматься к земле, то не увидит. Он аккуратно выдёргивает две морковки в разных местах грядки и заделывает образовавшиеся дырки землёй, заглаживает рукой, обратно тем же ходом, его уже ждут, морковку слегка сполоснуть в кадке для дождевой воды или просто вытереть лопухом, крепкая, сладкая и голод притупляет. Потом, наконец, дожидались и своего огородного урожая. Лето, конечно, было лучшим временем. Зимой всегда холод и нужны дрова, уголь, и ещё воду принести с водокачки...

И всё-таки такое незабвенное, не уходящее из памяти золотое время начала жизни!

Ему было десять лет, когда он поселился на Бурлинской, и прожил там до семнадцати, до отъезда в другой город, в университет. Тут была совсем другая жизнь в сравнении с той, какой он жил на улице Октябрьской; он чувствовал себя первооткрывателем, открывшим новую землю, отсюда его мечты о путешествиях, об Арктике, о полярных экспедициях, в которых он мысленно принимал участие. Но – странное дело: великие путешественники открывают новые земли, их наносят на карты, дают названия, и они остаются жить, существовать в своей первозданной особенности, а открытая им земля вскоре после его отъезда перестала существовать. И следа не осталось от их

дома и даже пеньков от тополей, не говоря о неприличной ягоде и морковных грядках; новое строительство переименовало направление старой улицы, расположив его почти параллельно к старому пространству, ничего не узнать. Будто и не было его земли, исчезла, как исчезло его детство и отрочество.

А он упорно шёл в привычном направлении, подчиняясь велению памяти.

Он подходил к ГУМу, раньше его тоже не было, и он своим серым кубом изменил знакомое пространство.

И тогда он увидел согбенную старческую фигуру, одетую в мучительно знакомую одежду: синюю, выцветшую, похожую на халат или лёгкое пальто, но с заметными складками сзади. Вот эти складки, а спереди должны быть не пуговицы, а крючки. Как же называется эта одежда? Вот забыл! Подойти и спросить эту старушку? Она, похоже, милостыню собирает? Неловко спрашивать. Как же, как же называется? И – как озарение: эта одежда называется казакин. Казакин! Конечно, казакин! Он тотчас всё вспомнил...

2

Вспомнил, как был сшит казакин для его матери. Из дорогого синего материала (кажется, он назывался шевиот, или бостон – он уж и не помнит), по специальному заказу, частным портным, уверявшим, что это вовсе не мужская одежда, а входящая в моду новая женская модель, что в Москве за казакинами гоняются, что жёны самых ответственных работников уже носят на торжественных приёмах только казакины, и у него есть самая модная выкройка.

Его мама, Инна Александровна, была тогда совсем ещё молодой; ну конечно, ей же и тридцати лет не исполнилось! И она была красива, не жаркой, темноглазой, бросающейся в глаза восточной красотой, а мягкой, доброй, сероглазой, светлолицей, с плавными, гармонически сочетающимися всеми чертами оживлённого, обращённого навстречу каждому, во все ещё юного лица. Но она уже успела родить двух сыновей – Игоря и Владимира, и всё-таки оставалась молодой, почти юной не только внешне, но и по своему поведению, желаниям, поступкам. Инна была первым ребёнком у своих родителей

и единственной дочкой, ей досталось больше, чем братьям, родительской любви, ласки, баловства, особенно со стороны отца, удовлетворявшего любой её каприз, любое желание. Они тогда жили в Барнауле на Большой Дворянской улице, и у Игоря Владимировича иногда возникали подозрения – не был ли его дед, отец мамы, на самом деле выходцем из дворянского сословия? Вот и маму его пытались учить с помощью домашних учителей: хорошим манерам, игре на фортепиано, балльным танцам, у неё обнаруживался явный художественный талант, она могла бы стать актрисой или писательницей, но родители не отпускали любимую дочку от себя, и она поступила на подвернувшиеся экономические курсы, а вскоре вышла замуж. Жизнь её сложилась из упущенных возможностей. Но разве это могло помешать любить эту прекрасную молодую женщину, родившую двух сыновей! Муж её обожал, а сыновья с возрастом понимали её как некий общечеловеческий идеал, и поэтому, с возрастом же, начинали предъявлять ей явно завышенные требования.

Старший сын, Игорь, затаил обиду на мать за то, что она вышла замуж после гибели отца, даже не за сам факт, что вышла замуж за другого человека, а потому, что она явно любила нового своего мужа; этого он не хотел понимать и смиряться с этим. Это тоже была одна из причин, что он очень редко приезжал в родной город.

А младший сын, Владимир, а по-домашнему Владик, очень обиделся на мать и даже с ней крупно повздорил за то, что она однажды зимой не пустила переночевать Галину-мандолину, и та, как он позже выяснил, ночевала на чердаке. Всё можно было, конечно, объяснить: у них были две небольшие комнаты в коммунальной квартире, где её спать-то положить? Было известно, что она уже не первый раз дома не ночует, может быть, на ней есть и вши, и клопы, да и не хотелось новому мужу показывать эту придурковатую, нечистую девчонку. Вот она и сказала ей: иди домой, дома надо ночевать. И даже не спросила, почему Галина-мандолина не ночует дома. Владик же посчитал, что в любом случае её надо было принять, накормить и спать уложить. Он даже голос повысил, выговаривая матери, и довёл её до слёз.

Ну а когда сшили казакин, ничего этого ещё не было, они все любили её, такую весёлую, красивую и добрую. А она примерила казакин и по-девчоночьи покружилась в нём по комнате, и новое это платье всем им понравилось, даже двухлетний Владик пускал слюни от удовольствия и колотил пластмассовым автомобилем по стулу. Потом они ходили с отцом в гости, и мама надевала казакин, потом были на торжественном заседании, и она была в нём же, и все восхищались и справлялись, где и как можно такой же заказать; хитрый портной, очевидно, рассчитывал на такую рекламу. Появились казакины и у других знакомых женщин, и когда их стало слишком много, мама свой аккуратно повесила в гардероб, где он и висел много лет до самой её смерти.

А Галина-мандолина была влюблена в свою тётю Инну, может быть, она и пришла зимой, чтобы побыть с ней, а не столько оттого, что ей негде было переночевать, поэтому она тут же и забыла про эту обиду, как и вообще забывала любые обиды, и всякий раз смотрела с восхищением на любимую тётушку. И вот, когда умерла Инна Александровна и стали отдавать родным какие-то вещи её на память, то Игорь с братом решили, не сговариваясь, отдать сохранившийся в гардеробе казакин Галине-мандолине, и та даже расплакалась от радости.

Итак, казакин был отдан на память Галине-мандолине, и вот теперь такой же, сильно выгоревший, заметно поистрепавшийся на какой-то бабушке. Кто она? Догадка кольнула в сердце. Он решительно подошёл к нищенке и заглянул ей в лицо. Предчувствие не обмануло – это была она, Галина-мандолина.

3

– Галина-мандолина! – кричит Игорь, забравшись на крышу дома. Залезть на крышу очень просто: сперва по воротам забираешься на более низкую крышу сенок, а с неё уже перелазишь на главную. Тут хорошо посидеть или даже полежать на тёплом железе, посмотреть в синее небо, помечтать об Арктике; тогда небо – это чистая вода океана, а облака – ледяные торосы. Если припекало солнце, можно было перебраться на их половину, где тополь оставлял широкую и плотную тень.

И вот он на крыше и зовёт Галину-мандолину, чтобы подразнить её, он знает, что сейчас будет. Галина-мандолина увидела его на крыше и истошным голосом заорала:

– Игорь! Сейчас же слезай! Гарик! Ты упадёшь и разобьёшься! Дурак! Слезай немедленно!

Игорь хохочет и продолжает дразнить Галину-мандолину:

– Я сейчас спрыгну.

– Только попробуй! Дурак противный! – Галина-мандолина пускается в рёв с обильными слезами и с всхлипываниями.

Игорь хохочет.

Теперь он забрался на дерево, устроился на толстом суку тополя, его не сразу разглядишь среди густой листвы, и он опять кричит:

– Галина-мандолина! Смотри, где я сижу. Да ты вверх посмотри, слепошарая!

Наконец она его разглядела и сходу начинает рыдать:

– Ты что сделал? Гарик! Ты же теперь не слезешь! Я маме сейчас скажу про тебя! – и она с рёвом убегает жаловаться бабе Шуре, которую зовёт мамой. Это обстоятельство позволяет им с братом считать Галину-мандолину умственно отсталой: как же можно бабушку называть мамой, конечно, ненормальная! А если к этому прибавить её полускрюченные пальцы на руках и на ногах, то вовсе можно было записывать её в больные, значит, ненормальные.

А матери у неё не было с младенческого возраста, поэтому с этого же возраста баба Шура и была для неё матерью. Настоящая её мать, Варвара, была истинной красоткой: в меру пышнотелая, голубоглазая, с густыми, цвета жёлтой соломы волосами, о которых поэты слагают стихи и песни; и как она вышла замуж за отца Галины, простого шофёра, непонятно. Сама же Варвара была продавщицей в гастрономе, поговаривали, что она в чём-то провинилась, поэтому и поторопилась замуж, сменила фамилию, ушла в декретный отпуск, потом совсем уволилась, а потом и вовсе исчезла из города, бросив и мужа, и новорождённую дочь. Она с самого рождения мало обращала внимания на дочку; муж уходил на работу, она исчезала по своим делам; новорождённая заливалась рёвом, голодная и мокрая. Зимой был случай, когда соседи не выдер-

жали и побежали за бабой Шурой, у которой был ключ от комнаты сына; та пришла, и нашла маленькую уже посиневшую и потерявшую голос от крика, а мокрые пелёнки совершенно заledenели в холоде нетопленной комнаты. И так она стала забирать Галину и уносить к себе, пока Варвара однажды вовсе не вернулась домой и передала Фёдору записку, что уезжает с другим. А Галина долго болела, у неё развивался ревматизм, болели суставы, распухали колени, и она тогда могла только сидеть на солнышке на крылечке, и пальцы у неё так и остались полускрюченными, и вдобавок она оглохла на правое ухо.

Их мать объясняла им с братом, что надо жалеть дворянскую сестрёнку, у неё нет мамы, и папа теперь на фронте. Вот это действовало более всего – на фронте!

Шли бои на Халхин-Голе. Стояла сухая изнуряющая жара, на исходные позиции передвигались скрытно, только ночами. Его напарник надевал через плечо белое полотенце и шёл впереди, а он на самой малой скорости вёл за ним свою полуторку. Он потом вспоминал, как для него, абсолютно мирного парня, никогда не мечтавшего стать военным, началась военная жизнь, растянувшаяся на многие годы и высосавшая из него все жизненные соки.

Сама же их мать особенной нежности к Галине не проявляла, хотя та постоянно к ней липла; стоило матери присесть на крыльце, как тут же присаживалась Галина-мандолина, прижимаясь к ней. Нет, мать вовсе не отталкивала её, но и не обнимала, не приласкивала. Она вообще всегда больше любила мальчишек, а не девочек. И тогда у неё был тяжёлый период в жизни. Она не могла найти работу, уходила утром на поиски и к вечеру приходила ни с чем. Одно время её приняли как внештатного сотрудника в радиокомитет, ей давали задания – сходить туда-то, переговорить с тем-то, и записать, что он скажет или расскажет. Записать на бумаге – тогда не было ещё никаких диктофонов. Она писала карандашом в блокнот, сокращая слова, потом их разбирала и переписывала. Кажется, ей такая работа нравилась, но заработок был смехотворно малым, поэтому она параллельно искала более надёжное место. Но то, что она рассказывала старшему сыну Игорю о своей

корреспондентской работе, он запомнил, и, наверное, это сыграло свою роль, когда он после окончания филфака пошёл в журналисты.

Итак, не испытывая особой нежности к Галине, матьставляла сыновей на доброе к ней отношение, всё-таки сестра она им. Нет, они с Владиком вовсе не обижали Галину-мандолину, но пошутить, подразнить её им нравилось. Они и прозвище ей придумали нелепое и, казалось им, смешное, в чём-то совпадавшее с её поведением и всем обликом. Да просто в рифму было, созвучно: Галина-мандолина. Хотя был ещё случай: от их отца осталась мандолина, на которой он хорошо играл, не только по слуху, но и по нотам, просил сохранить до возвращения; он надеялся на возвращение. Баба Шура хранила изящный инструмент, никому не давала в руки, но однажды раздались звуки мандолинных струн, оказалось, что Галина без спроса достала её и теперь пытается своими скрюченными пальцами подёргивать струны. Может быть, после этого случая её стали называть Галиной-мандолиной? Всё-таки, скорее всего, просто по созвучию. Иногда братцы даже и имя её не употребляли, а прямо обращались: Мандолина, пошли в прятки играть, или ещё куда-нибудь приглашали, называя только Мандолиной.

От матери ей достались волосы, глаза уже были не те и нос толстоват в переносице, нет, не красавица, но в целом лицо даже приятное, светлое. Впрочем, это никого не волновало, какая есть, такая и есть. Беспокойство у бабы Шуры вызвало то, что сучением в школе дело у Галины пошло плохо. Она кое-как выучилась читать и считать, оставаясь на второй год чуть ли не в каждом классе, а вот письмо совсем у неё не пошло; не могла она своими изуродованными пальцами ухватить ручку или карандаш, карябала огромные каракули. Впрочем, это было уже позже, когда братья поселились на Бурлинской, Галине-мандолине было лет шесть. Она тут же полюбила своих братьев, приняла их в своё сердце, не отставала от них, как собачонка, и почему-то решила проявлять о них всяческую заботу, что более всего и веселило братьев, и подсказывало всё новые дразнилки.

4

Она, конечно, тотчас его узнала, глаза её так знакомо наполнились слезами, она почти прохрипела: Гарик! Это ты! Старый стал...

А он не знал, что и сказать. Спросил неожиданно сурово: «Ты почему здесь? Ты что, милостыню собираешь?». Она кивнула, и стала объяснять: Да я сперва у Турухановской церкви стояла. Ты помнишь? Там баба Шура меня крестила, и тебя тоже, она рассказывала. А я соберу денежек – и иду в церковь свечку поставить; один раз во здравие, другой раз за упокой. Но там старухи вредные оказались, стали меня гонять, не давать места, ну и прогнали. Я теперь здесь, у ЦУМа, стою. Тоже иногда милиционеры придираются...

– Господи! Да почему же ты милостыню-то собираешь? У тебя пенсия-то есть какая-нибудь?

– Не заработала. За потерю кормильца только. Ни на что не хватит...

– Галина ты мандолина! И что ты за человек такой! Нищенкой стала! – он слегка приобнял её за плечи. Она вся так и приникла к нему, вздрагивая и всхлипывая. Потом неожиданно бодро сказала: «Ты знаешь, здесь же совсем недалеко наш дом был, пройдем?». Игорь Владимирович выразил сомнение: «Да я знаю, что там ничего не осталось, уж много лет, я когда-то приходил, ничего не узнать». «А я тебе точно место покажу, сам увидишь». И она решительно двинулась первой, совсем по-старушечьи семена, а он, вспомнив её болячки, подумал, что ходить-то ей вовсе не легко.

Она привела его к кирпичному типовому пятиэтажному дому и сказала, что этот дом как раз и захватил их место, только поставили его как-то наискосок, но вот где второй подъезд, как раз были сенки Исаевны, а квартиры уже занимают нашу половину, только не полностью, часть остаётся в новом дворе, но сообразить-то можно, а теперешняя детская площадка совпадает маленько с нашим огородом, помнишь грядки с морковью? Он смотрел во все глаза, мысленно поворачивая новый дом в разные стороны и, кажется, тоже стал признавать старое место. Зачем только всё пространство исказили? Или это неизбежно, время не просто меняет, но и искажает прошлое,

приспосабливает его к себе, к своим новым представлениям и о пространстве, и о времени, и о красоте. А Галина-мандолина всё ещё там, в том хронотопе, поэтому и нашла старое место, не умом, не соображением, сердце подсказало. И, будто подтверждая его мысли, она сказала негромко: «Лучшее время было!». Он откровенно удивился: «Почему лучшее-то? Мы голодали, мёрзли, работать приходилось; пуговицы-то помнишь? А вон там – теперь я тоже сообразил – на углу, был хлебный магазин; чтобы выкупить хлеб, с ночи очередь занимали. Ты же тоже стояла. Зимой особенно тяжело: холодрыга, и спать охота, стоя засыпали... А ты говоришь –лучшее!». – «Всё равно!»

5

У Исаевны был взрослый сын Залман, инженер по электричеству, и дочь Дифа, студентка мединститута.

Залман был насмешник: слова без шуточки, без ухмылочки не скажет. Владика он почему-то прозвал япошкой, хотя ничего японского во внешности младшего братишки не было, правда, он был мал ростом и очень худ. С первой встречи Залман стал называть его япошкой. Владик тогда был маленький ещё, ему и пяти лет не исполнилось, сперва он и не понял, что Залман придумал ему такое прозвище, и поэтому просто не обратил на «япошку» внимания, но как-то Залман, едва войдя во двор, заорал: «Здорово, япошка!», Владик вдруг отвернулся к стенке дома и тихо заплакал. И тут к Залману подскочила Галина-мандолина – как курица, защищающая своих птенцов, растопыривает крылья, волоча их по земле, и грозно кудахчет, так и она заорала: «Ты сам япошка, Залман!». И добавила: «Пердун!». Залман захохотал. Но это была правда. Как многие мужики, да даже их собственный дедушка Саша, на подходе к сортиру Залман считал допустимым не сдерживать скопившиеся газы и идти, громко попукивая. Но всё-таки обозвать его пердуном было большой дерзостью, он нахмурился и сказал: «Так обзывать взрослых нельзя!». Но Галину-мандолину было не унять: «Ты не взрослый! – кричала она. – Сам ещё сильно молодой!». Залман махнул рукой и пошёл в уборную, попёрдывая.

Значительно позже, уже во время войны, баба Шура предъ-

явила Залману более серьёзную претензию. Тогда нередко выключали электричество, и в доме на тот случай держали керосиновую лампу и свечи. Не было в доме и ни одной розетки, чтобы подключить какой-нибудь электроприбор, но однажды стали замечать, что иногда вечерами свет становится совсем тусклым, будто кто-то крадёт электричество. Баба Шура догадалась, что это Залман использует патрон-жучок, к которому подключает, скорее всего, электроплитку. Всё это она ему и высказала, он не стал возражать, и вскоре принёс и им такой же патрон-жучок, они купили на базаре самодельную электроплитку, и теперь не надо было всякий раз затапливать печь, чтобы что-то разогреть, или закутывать кастрюли и чайник, чтобы подольше сохранить их тёплыми. И самовар не надо было разжигать. Боже мой, он ещё помнит, как кипятили воду в самоваре. Особенно выручала плитка летом. Залман был прощён.

А Дифа казалась Игорю ослепительной красавицей, он иногда даже зажмурился при встрече с ней, чтобы не выдать своего восхищения и ослепления. Невысокая, аккуратно сложенная, с густыми пепельными волосами – что-то она с ними делала, цвет был странным, – с очень миленьким, с мелкими чертами, лицом, большими серыми глазами, нежным голоском, она пробуждала в нём только-только зарождавшиеся необычные ощущения, названия которым он не знал. Однажды она вышла во двор в одном узком лифчике и трусах, расстелила одеяло, выложила какие-то книги и улеглась на солнышке загорать и готовиться к экзамену. Игорь замер, не в силах оторвать взгляд от этой нежной, открывшейся наготы, не в силах сдвинуться с места. У неё на руках и ногах был светлый тонкий пушок, как у одуванчика, хотелось к нему прикоснуться или дунуть, чтобы он слетел. Конечно, Дифа догадывалась, что испытывает этот мальчишка, глядя на неё, и нарочно его поддразнивала, приближалась к нему, маленькой своей ладошкой растрёпывала его волосы или, взяв его руку, говорила: «У тебя же цыпки! Смажь глицерином». И в этот раз, улёгшись на одеяло, она подозвала Игоря и сказала: «Вот, смотри, какие учебники мне приходится учить. Никогда не поступай в медицинститут». А сама улыбалась и, приглашая, чтобы он ещё

приблизился и наклонился, показывала какую-то картинку в учебнике; тогда бы он мог к ней прикоснуться. Может быть, она этого и хотела? И он уже решился и приблизился почти вплотную, осталось только наклониться; и тут из-под его руки вывернулась Галина-мандолина. Оказалось, что за спиной она держала крапиву, и без всяких предупреждений мазнула ей по ногам Дифы, приговаривая: «Голы ноги не люблю, чем попало, тем и бью!». Дифа, взвизгнув, вскочила с одеяла и, чуть не плача, тоненько закричала: «Дура! У меня же волдыри будут!» – и убежала домой. Игорь воззрился на Галину-мандолину, медленно вырываясь из очарования, в котором только что был: «Ты чего это?». – «Могу и тебя ужалить!» – пригрозила Галина-мандолина. Ему тогда в голову не могла прийти мысль, что Галина-мандолина просто приревновала его к прекрасной Дифе.

И вот ещё был случай с Исаевной, тоже ещё довоенный. Купила она живую курицу, выкатила из сарая берёзовую чурку, вынесла небольшой топор и пригласила Игоря: «Ну-ка, отруби ей голову!». Игорь вначале смело взял топор, перехватил у Исаевны курицу за ноги и приложил боком на бревёшко, и тут взглянув на жертву, заметил, как её глаз подёрнулся плёнкой. «Она поняла, что я собираюсь сделать», – подумал он. «Нет! Не могу!» – сказал он Исаевне, передавая топор. «Эх ты, мужик ещё! Держи её за ноги!» Раздался глухой удар, Игорь машинально отпустил куриные ноги, и она, безголовая, прыгнула на землю и побежала по зелёной траве, обрызгивая её кровью. Конечно, за ними наблюдала Галина-мандолина, увидев бегущую от палачей безголовую курицу, она заорала радостно-сумасшедшим криком: «Курица-то живая!», и помчалась в дом сообщить об этом своей маме-бабушке: «Курица-то живая! Дураки вы!». Конечно, этот бег с отрубленной головой продолжался совсем недолго, и казнённая курица окончательно рухнула на землю, несколько раз ещё дёрнув жёлтыми ногами. Но этот случай и на Игоря произвёл заметно тоскливое впечатление. В школе он уже слышал, знал о гильотине, о том, как отрубали головы людям во имя неких идей и лучшего будущего, но это было так давно и так далеко, что не затрагивало его эмоций. И вот теперь, увидев бегущую

с отрубленной головой курицу, он вдруг подумал, что, может быть, и люди, которым отрубили голову, тоже могут – ну если не встать и побежать, то продолжать ещё какое-то время чувствовать, а их голова, летящая в корзину, успевает увидеть переворачивающийся мир и осознать весь неисправимый ужас случившегося. Вот это невыразимо страшно! Много лет спустя, уже стареющим, побывав в знаменитом писательском гнезде Коктебеле и открыв для себя Максимилиана Волошина, он наткнётся на его стихотворение о голове мадам Ламбалль, которая, будучи отрубленной, продолжала всё видеть и понимать:

Это гибкое, страстное тело
Растоптала ногами толпа мне,
И над ним надругалась, раздела...
И на тело
Не смела
Взглянуть я...
Но меня отрубили от тела,
Бросив лоскутья
Воспалённого мяса на камни...

Его и сейчас нередко посещают странные мысли о том, что если человек, уже умерший, уже похороненный, зарытый в землю, продолжает всё понимать и чувствовать, что если его сознание продолжает жить, как сознание в отрубленной голове мадам Ламбалль? И тогда страшна не смерть, а то, что после неё.

А всего-то навсего Исаевна отрубила голову курице. И сварила суп с лапшой, и пригласила их попробовать его, а они, не сговариваясь, гордо отказались с некоторым даже презрительным и явно брезгливым выражением на лицах. Ну да, они тогда ещё не голодали, это же случилось ещё до войны, хотя, честно признаться, их баба Шура куриный суп не варила, да и из говядины не всякий день был... Но они высокомерно отказались от угощения.

А всего-то навсего Исаевна отрубила голову курице.

6

Так стояли они в искажённом новыми поколениями пространстве своего детства, каждый думал о своём и оба об одном и том же.

Игорь Владимирович посмотрел внимательней на Галину-мандолину: совсем старенькая, сгорбилась, маленькая, в выцветшем, длинном для неё казакине. Спросил: «Ты как сохранила-то эту одежду?». – «Это мне память о тётечке Инне. Сам же с Владиком подарил. Как же мне её не хранить». – «Ты знаешь, что Саша, сын Владика, твой племянник, не уехал с родителями, остался здесь?» – «Знаю. Где теперь живёт, правда, не знаю. Он же разменял отцову-то трёхкомнатную». – «Могла бы с ним как-нибудь связаться...» – «Что ты! Зачем? Милостыню, что ли, просить?»

Тут его, будто крапивой по сердцу, обожгла злость. Нет, не к Галине-мандолине! А просто к жизни, к человеческой жизни. Усмиряя себя, потому что хотелось просто завывать в голос, он сказал: «Ну, ладно, чего теперь! Мы с Александром сейчас повидаемся, должен и он знать свою тётку, хоть и двоюродную». – «Чё задумал-то?» – Он, не отвечая, вынул из кармана мобильник. «Саша! Ты когда домой собираешься? Я тут встретил твою тётку, знаешь, что у тебя такая есть?» И весело рассмеялся: «Вот, даже помнишь, что мандолина. Она самая. Мы сейчас тут чего-нибудь прикупим и придём. Я у тебя утром похозяйничал, нашёл старую картошку, совсем задрябла, но я выбрал, что потвёрже, почистил и залил холодной водой, не возражаешь, если поджарю картошку? Сильно захотелось жареной картошки, так, чтобы хрустящая корочка была. Ну вот и подходи, и тебе достанется. Есть о чём поговорить».

И они, не торопясь, пошли к дому Саши. Шли, мысленно исправляя и восстанавливая старое пространство. Когда за углом показались купола и кресты турухановской церкви, то они вовсе точно сориентировались и догадались, где был тесный хлебный магазин и где выстраивалась к нему тоскливая очередь. Баба Шура и в самом деле всех их крестила в этой церкви, в ней же в сорок третьем году отпевали деду Сашу. Тогда ещё были в их семье верующие: молились, ходили в церковь, исповедовались, блюли посты и великий праздник Пасхи встре-

чали поющим сердцем. Галина-мандолина хотела было затянуть его в церковь, свечи поставить, кого вспомнили, но он отказался: «Нет, не сейчас. Я не готов. Слишком земные мысли у меня пока ещё. Понимаешь?». Она кивнула, но сказала тихо: «Надеяться-то больше нам не на кого». Захваченный прилипчивым роем своих мыслей и воспоминаний, он забывал о семье Галине-мандолине, ускорял шаг, потом спохватывался, останавливался, поджидал её. Так они и шли, будто толчками, будто ныряя и выныривая из прошлого.

По дороге попался «быстроном», такого здесь раньше не было, как не было и такого названия у магазинов, но всё, что считал нужным, он здесь купил – и выпить, и закусить. А вот и рынок, их знаменитый «ипподромский», так он тогда назывался, рынок! Здесь когда-то было полно всяких лавочек, лавчонок, часовых, ювелирных, механических, галантерейных и прочих разных ателье, хотя слово «ателье» встречалось реже, просто – пошивочная мастерская. И где-то тут же неподалёку была мастерская, где во время войны довелось работать и ему, и Галине-мандолине, и бабе Шуре надомниками от этой же мастерской.

7

И во время войны они, по сути, оставались ещё детьми. Дело не в возрасте, а в восприятии жизни, людей, в желаниях, мечтах. Хотя, конечно, появились и вовсе не детские заботы и не детские обязанности, и не детская усталость.

В сорок третьем году, после смерти деда Саши, Игорь стал работать в галантерейной мастерской. Там были одни молчаливые женщины с плотно завязанными, закрывавшими даже лоб и рот, платками на голове, и в больших очках наподобие мотоциклетных. Они работали на режущих и шлифующих станках с кусками целлюлозы, из которой вырезали, вытачивали, потом шлифовали разнообразных форм гребешки, расчёски, гребни, фигурные заколки: и во время войны, оказывается, были модницы. А в соседнем цехе, просто отдельной камерке, стояли два ручных пресса с колесом, которое поворачивалось и приводило в действие весь механизм. В гнездо пресса вставлялись разные матрицы для изготовления пуговиц; какие

пуговицы намерен изготовить, ту матрицу и вставляешь: для маленьких брючных или рубашечных пуговиц, покрупнее для пиджачных, самые крупные пуговицы – пальтовые. На каждый день давалось задание, сколько каких пуговиц отштамповать. Вместе с Игорем работал его ровесник, парнишка невысокого роста, значительно ниже Игоря, которого все называли странным именем – или фамилией – Шоционок. Так и Игорь стал его называть.

Но самым замечательным было то, из чего они штамповали пуговицы. Это были грампластинки. Те самые грампластинки, на которых записаны были любимые народом мелодии, которые ставили на вращающийся круг граммофонов, патефонов или – в последнее время – так называемых виктрол. Пластинки были большей частью расколотые, но были и целые. Тогда они с Шоционок их ломали, цепляли специальным зацепом, и на железном листе разогревали на электроплитке до степени мягкого теста, вкладывали это чёрное тесто в матрицу. Резкий поворот колеса – и вот уже готовы лаково блестящие чёрные пуговицы соответствующего размера.

О! Сколько музыки перевели они в пуговицы! Шоционок, оказалось, владел искусством художественного свиста и, когда на пластинке сохранялась этикетка с названием записанной мелодии, песни, арии, марша, он начинал этот мотив и воспроизводить, насвистывать, пока они превращали пластинку в тесто, пока штамповали из неё пуговицы. Очень часто попадались пластинки с вальсом «На сопках Манчжурии», с записями штраусовских вальсов тоже было много, и Шоционок без труда насвистывал знакомые мелодии. Попадалось бессчётно фокстротов, видно, накануне войны этот танец был очень моден. И однажды, когда Игорь прочитал: фокстрот «Электрик», и Шоционок тут же стал его высвистывать, он тоже вспомнил этот фокстрот, этот ритм, вспомнил, как собирались они у бабы Кати, как его отец и мать, братья отца, совсем ещё молодые парни, и деда Яша под этот фокстрот танцевали, передавали друг другу его красавицу маму, и даже бабу Катю заставляли принять участие в общем веселье, как кто-то, кому не досталось партнёрши, не в силах усидеть на месте, хватал в обнимку стул и выделял фокстротные па с ним. Нет уже той жизни,

а фокстрот остался. Была памятная им обоим пластинка, с которой пел сладкий тенор: «В парке Чаир распускаются розы...». Эта мелодия, эти слова были совсем из другой жизни, которой они никогда не видели, которая казалась сказкой, как неведомый им парк Чаир, да и как распускаются розы, они тоже никогда не видели. Уничтожая эту пластинку, переводя её в пуговицы, они невольно, неосознанно испытывали что-то похожее на мстительное чувство, будто они оказывались сильнее этого медового голоса, этого не виденного ими парка. А под «Риориту» они оба приплясывали. И подпевали знакомой по фильму песне: «А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер!». И можно ли было не подпеть могучему басу Максима Дормидонтовича Михайлова, его знаменитой застольной песне!

Это была целая жизнь, голоса этой жизни, сохранённые для потомков; они и сами ещё принадлежали этой жизни, но уже уходили из неё в свою, другую, и не особенно расстраивались, уничтожая старые мелодии, – наверное, это закон человеческой жизни.

Они фантазировали: изготовленные ими пуговицы могут сами по себе звучать и воспроизводить уничтоженные мелодии. Сидишь на уроке, и вдруг какая-нибудь пуговица запела: «Валенки, валенки, не подшиты, стареньки...». Учительница ругается: «Что за безобразие! Прекратите!». – «А я ничего. Это пуговица у меня сама поёт». – «Вон из класса!»

Пошёл из класса, нажал другую пуговицу (оказывается, их надо нажимать, чтобы они запели), и загремел бас: «Выпьем, ей-богу, ещё!». Они с Шоционком хохотали до слёз, представляя разные ситуации с поющими пуговицами.

Игорь специально для брата с сестрой придумал, что пуговицы всегда поют и звучат, надо только приставить её к уху и прислушаться. Братишка не поверил, а Галина-мандолина поверила, и то и дело приставляла пуговицы к уху, и уверяла, что она слышит то вальс, то фокстрот, то песню.

Изготовленные пуговицы они бросали в картонные коробки в соответствии с размером, потом эти пуговицы шли надомницам для обработки. Дело в том, что пуговицы после штампа были с заусенцами; вот надомницы обламывали их, а потом с осторожностью обтачивали напильником края. Баба Шура и

была надомницей, зимой ей помогал Игорь и, конечно же, Галина-мандолина; только с её скрюченными, искривлёнными пальцами дело шло медленно и плохо, она с трудом удерживала пуговицу в руке, а напильником больше попадала не по пуговице, а по своим пальцам, обдирая их до крови. Баба Шура сердилась, отбирала напильник, но Галина-мандолина со слезами на глазах перевязывала тряпицами порезанные пальцы и снова хваталась обтачивать пуговицы. Так они работали всю зиму, а летом Игорь с Шоционком снова уничтожали пластинки с замечательными мелодиями прошедшей жизни.

8

Игорь Владимирович принялся жарить картошку, как хотел, чтобы хрустела поджаренной корочкой. Спрашивал Галину-мандолину:

– Ты мне расскажи про свою жизнь. Я же почти ничего про тебя не знаю. После нашего детства – как провал. С тех пор, как уехал учиться, только отрывки какие-то знаю. Помню, как Владик рассердился на нашу мамашу, когда она тебя не пустила ночевать и ты забралась на чердак. Было такое?

Она кивнула, соглашаясь.

– Ну вот. По-моему, у тебя была такая страсть к бродяжничеству. А? Ещё когда мы вместе все жили, ты уходила ночевать к Халиме. С чего ради? Даже без разрешения бабы Шуры.

Было такое в её жизни. Но первый раз она ночевала у Халимы – она жила через двор – с разрешения своей бабушки-мамы. Они устроились на ночь в старой бане. Халима принесла две подушки, одеяла, постель устроили на полке, закрыли наружные двери и внутренние, улеглись и стали друг друга с наслаждением запугивать. Нечистой силой, шайтаном, чертями, вздрагивали от каждого шороха, непонятного стука, скрипа, прижимались друг к другу от сладкого страха; и только на рассвете заснули крепким, непробудным сном. Но раза два в самом деле уходила без спросу.

А потом появился в её жизни чердак, разные чердаки, а первым был чердак их дома, она вспомнила, как Игорь забирался на крышу: по воротам, потом по крыше сенок. Это случи-

лось уже после войны. Как был красив её вернувшийся с фронта отец, светлолицый, сероглазый, с негустыми пшеничными усами, как шла ему гимнастёрка с орденом, с медалями, какая была радость для всех, что он вернулся живой и даже ни разу не раненный. Но он истратил все свои душевные силы на войнах, выпавших на его долю с Халхин-Гола, с той нестерпимой дневной жары и беспросветной ночи, которые он не мог забыть, а потом вся Отечественная, и из-под Кенигсберга – снова на восток, чтобы закончить войну в последних сражениях со старыми знакомыми японскими войсками. И кто бы мог его осудить, если он стал находить отдохновение в водочке. Ему и не надо было много выпить, чтобы быстро захмелеть, и он ещё брал гитару и наигрывал старые вальсочки, и даже подпевал негромким баритоном. Но потом появилась в его жизни парикмахерша Катерина, которая пила более основательно. Галина-мандолина продолжала жить с ними в старом доме, уже не было рядом бабы Шуры, которая ушла на жительство к дочери, не было её братьев, она чувствовала себя одинокой и незащищенной. Но самое главное, не поглянувшись она Катерине, хотя прибиралась в доме, пол мыла, если велели что сварить, варила, неумело, правда. Но однажды Катерина стала на неё ругаться, что живёт она трутнем, нигде не работает, сидит на шее у отца, да и у неё. А Галине-мандолине тогда ещё не исполнилось шестнадцать даже, её никто и на работу-то не брал, малолетка, война-то кончилась, теперь другие законы. Пререкаться с Катериной она не стала, ушла, а вечером залезла на чердак. Там, возле печной трубы, она нашла связки нот, оставшихся от отца её братьев, который знал ноты и играл по нотам, это были этюды и пьесы для мандолины. Она прежде всего и прочитала эти крупные буквы: для мандолины. И расхохоталась: будто специально для неё приготовили. Расстелила ноты, часть под голову, и покойно уснула. И целое лето ночевала на чердаке. Спускалась, когда отец и Катерина уходили на работу, мыла пол, это было её неперменной обязанностью, варила картошку, себе и им, а к их возвращению уходила из дома. Отец раза два принимался сердиться, что это она дома не ночует, но его успокаивала Катерина, пусть, мол, живёт, как хочет, и вообще ей пора уже самой о себе заботиться.

А когда её не приняла любимая ею тётя Инна, это было значительно позднее, уже и бабы Шуры не было в живых, и Исаевна померла, дочь её Дифа вышла замуж и уехала в Ташкент, Залман получил благоустроенную квартиру, на их месте поселились молчаливые люди, которые не проявляли никакого желания с ней общаться; затосковало её сердечко, вот и пошла к тётечке. Нет, она в самом деле не обиделась на неё, правильно всё она сказала, дома надо ночевать. Только дома-то у неё, как она считала, и не было. Она тогда подрабатывала в магазине уборщицей, без зачисления в штат, за гроши, за продукты, за разрешение ночевать в подсобке, правда, если штатный сторож почему-либо не выходил на работу, в другое время она однажды осталась с ним на ночь, он начинал к ней приставать, едва отбивалась.

Про чердаки она сама ещё могла говорить полушутейно, хотя какие уж тут шутки, если с юных лет оказалась бездомной.

Он посматривал на неё, будто старался понять нечто очень важное, всё объясняющее.

– Всё-таки ты на самом деле Галина-мандолина! Не зря мы тебя так бессмысленно окрестили. Как-то ты жила не так, как нужно. Без всякой логики. Ну ладно, давай всё же перескажи мне свою жизнь, какую я не знаю.

Как же она может рассказать ему всю свою жизнь? Если коротко, то нескольких предложений хватит. Неужели это и будет вся её жизнь? А длинно рассказывать она не сумеет, слов у неё не наберётся и сил. События-то можно перечислить, но это же не будет её жизнь, только события, а жизнь-то внутри, в том, что на сердце, что душа испытала, отчего хотелось реветь белугой или радоваться выпавшему счастью.

Да, было и у неё недолгое счастье. Приняли её на работу в областную больницу на должность санитарки. Впервые появилась у неё трудовая книжка, и заработала она свои десять лет трудового стажа, которых не хватило для пенсии. Петя, её Петя, поняв, как тяжело даются ей обязанности санитарки с её искалеченными руками и ногами, которые частенько стали прихватывать болезненные приступы, уговорил бросить работу, хватит его заработка на двоих. За что он её полюбил? Не

знает она. Может быть, за роскошные, доставшиеся от беспутной матери жёлтые волосы, которые он так любил перебирать, гладить, расчёсывать? Или за то, что так самоотверженно выхаживала его, совсем было собравшегося помирать? Или почувствовал, что более верного и любящего сердца ему не встретить? Она рассказывала о своём детстве, об Исаевне даже, о братьях, и как они её прозвали мандолиной. Петя смеялся, и тоже стал её иногда так называть. У них была небольшая разница в возрасте, Петя был старше всего на семь лет, но он был на фронте, успел повоевать, был буквально прошит пулемётной очередью, но выжил. Два года он провёл в госпиталях, зашивали его внутренние раны, всё, кажется, вылечили, но тут открывается новое внутреннее кровотечение, опять на операционный стол. Уже закрылись многие госпитали, и попал он, наконец, в свой родной город, встретился с матерью, которая всё никак не могла его дожидаться, и стала приходить к нему каждый день и вместе с этой доброй и немного неуклюжей санитаркой выхаживать сына. Они его выходили, он пошёл по семейной традиции, вслед за отцом, погибшим на фронте, и за матерью, всё ещё работавшей в плановом отделе, на авиа-завод в сборочный цех техноруком. Ещё при отце, до войны, получили они двухкомнатную квартиру в так называвшемся тогда соцгороде, квартиру ещё сталинской эпохи, просторную, с высокими потолками, с просторными окнами. Живи и радуйся. Если бы не война. Когда они с Петром зарегистрировались, она повела его к своей тётке Инне – кому же ещё сообщить о выпавшей на её долю радости! Тётка наконец поняла всю искреннюю и бескорыстную привязанность племянницы, запричитала по-старушечьи, потому что к тому времени сильно постарела, что нечего ей подарить им, потом спохватилась: есть у неё с давних пор хранимый и ещё не открывавшийся флакончик замечательных духов «Белая сирень». Так главным запахом их начавшейся семейной жизни и стал запах белой сирени. Она до сих пор хранит этот флакон, пытается уловить потерявшийся аромат, но напрасно, осталась только память о нём и о так быстро промелькнувшей семейной радости с Петей. Всё-таки одна из старых ран вновь прорвалась, он почувствовал дурноту на работе, но дотянул до конца смены, пошёл

в медпункт, и там потерял сознание. Спасти не удалось. Галина-мандолина выдержала и это испытание, просто решив, что именно так у неё и должно было случиться, так уже ей на роду написано, правда, и сама слегла, едва по дому передвигалась. Служивцы Петра помогли оформить пенсию за потерю кормильца...

Игорь Владимирович всё смотрел на неё с острым вниманием, и вдруг с испугом подумал, что вот же перед ним вся жизнь Галины-мандолины, от знакомых ему детских лет до старости, вся перед ним, можно разглядеть её от начала до конца. Целую человеческую жизнь. Это страшно и безнадежно.

– Послушай, ты водку будешь пить? Наотрез? Ладно. Я купил бутылку, а теперь вспомнил, что Сашка-то бросил пить совершенно, даже не нюхает, поэтому я сейчас, пока он не пришёл, сам выпью рюмочку, а бутылку спрячу.

Он и в самом деле налил себе небольшую на высокой ножке хрустальную рюмку водки, посмотрел, перелил её в стакан, долил до половины и выпил, подцепил на вилку жареной картошки прямо со сковороды.

– Теперь полегче будет. Ну, а нищей-то почему ты стала? Что случилось?

О, это была совершенно банальная и очень типичная для нынешнего времени история. Появились два хорошо одетых молодых человека и предложили ей хорошую сумму за её квартиру, из этой суммы она потратит немного на приобретение гостинки: и будет у неё и жилплощадь в благоустроенном доме, и денежки положит на книжку. Показали гостинку, хорошая, большая комната, сейчас в ней проведут ремонт, побелят, покрасят и, пожалуйста, въезжайте, сколько будет стоить ремонт, заранее нельзя сказать, поэтому они ей сейчас дадут половину оговоренной суммы, а после ремонта сделают полный расчёт, пока же она поживёт в общежитии, с комендантом договорились, ну, там, немного ей будете платить, пока не переедете. Она согласилась, подписала все бумаги. В общежитии ей поставили койку в кладовке с деревянными стеллажами, на которых лежали матрацы, подушки, одеяла, сломанные табуретки и раскладушки. Комендант сказала, чтобы она днём-то долго не разлёживалась, мало ли какое начальство может

заглянуть, а вечером, на ночь, приходи. Когда, по её расчётам, ремонт в гостинке должен был закончиться, она туда пошла, и обнаружила, что там живут неизвестные ей люди, которые сказали, что они купили эту гостинку и сами делали в ней ремонт. Она уже понимала, что её обманули, но всё-таки пошла на свою старую квартиру, узнать про тех, кто им продал её жильё, где их можно искать. Ничего толком не выяснила, не её это работа – следствие вести. Деньги кончились, пенсия грошовая, комендантше надо платить, вот и пошла милостыню собирать.

– Да ты не думай! Я так. Совсем немного собираю, на еду только. Вот свечки ставлю...

Игорь Владимирович не скрывал злости:

– Ты что же, неужели не знаешь, не слышала, как нынче стариков с квартирами дуруют? В заброшенные деревни переселяют, в какие-то притоны, или вообще убивают? Неужели ничего не знаешь про это? Ну и радуйся, что живая. Нет, это невозможно спокойно переносить. Обманули старую дуру! Не обижайся, пожалуйста. Но кто же ты? Пока Саша не пришёл, я ещё маленько пригублю.

Он выпил, опять спрятал бутылку, и заговорил очень решительно:

– Это дело так оставить нельзя. Ты знаешь, что я всю жизнь был журналистом? Работал в разных газетах, собкорил в центральной. Заступался за людей, помогал. Так что я тряхну стариной. Найдём подлецов.

Галина-мандолина грустно сказала в первый раз:

– Ничего же не вернуть.

Игорь Владимирович понял, что она о своей квартире, и бодро продолжил свою речь:

– Я и не говорю, что мы твою замечательную двухкомнатную вернём, но гостинку можно вернуть. Во всяком случае, благоустроенное жильё. В конце концов, ты же вдова фронтовика, который умер от ран...

Тогда она опять повторила:

– Ничего не вернуть.

Он и на этот раз не понял главный смысл этих её слов, но не успел задуматься о них, тут пришёл Саша. Состоялось

знакомство тётки с племянником. Галина-мандолина лила слёзы:

– Как похож на отца! На Владика. Я теперь будто опять меж своих братишек, как в детстве было.

Саша принёс и открыл баночку красной икры, ветчины и сыра, которые очень ловко, тонко порезал, выложил на плоские тарелочки. Игорь Владимирович выставил на стол сковороду с жареной картошкой. Они сели за миниатюрный кухонный стол, и Игорь Владимирович стал рассказывать Саше, как обманули Галину-мандолину с квартирой.

– Живёт в общежитии на птичьих правах. Тебя же в любой момент комендант может выгнать на улицу! Где это общежитие-то?

– В Затулинке.

– Вот куда её занесло! Но мы поборемся. Ты ещё не знаешь своего старшего брата.

Всё-таки он для своего возраста немного превысил норму спиртного, поэтому и был заметно оживлён и с такой задержкой докатился до него потаённый смысл слов Галины-мандолины, что ничего не вернёшь. Конечно, она не про квартиру говорила. Нет! Она про жизнь. Возможно, подумала, как и он, о том же, что и он, когда вдруг увидел в одно мгновение всю жизнь Галины-мандолины от начала до конца, и испугался. Невольно потряс головой, будто приходя в себя:

– Ну, что теперь? Конечно, мы с тобой теперь не можем утверждать, что ещё не вечер. Вечер. Конечно, у нас с тобой наступил вечер. Но и не ночь. И знаешь, какая есть замечательная песня? «Как упоительны в России вечера!» А? Не слышала? Такая душевная мелодия, такая наша песня, или, лучше сказать, романс: как упоительны в России вечера! Это нам в утешение. Как упоительны в России вечера! В третий раз он почти пропел эти слова. И не стал утирать слёз, вдруг покотившихся по его щекам...

Венера

До костей я продрог, за киосками вскоре
Я окурочка нашёл, раздобыл и огня.
– Что ты сделал для фронта? – плакат на заборе
Тыкал пальцем презрительно прямо в меня.
Что я сделал для фронта? Мне было двенадцать,
В кочегарке под домом я спал у котла.
В полшестого велел кочегар выметаться,
А зима по-сибирски колючей была.
Покурил и к картинной побрёл галерее,
Там бесплатно пускают, но есть там старик,
Если ноги в грязи – он ругаться скорее,
Поднимает зазря он отчаянный крик.
Ну и пусть! Но зато там картина такая:
Возле моря по склонам избегают сады,
И лежит под деревьями тётка нагая,
А над ней золотистые зреют плоды.
Я на тётку на эту смотрел без подвоха,
Я об этом не очень-то думал тогда,
Просто сильно устал, просто было мне плохо,
И хотелось шагнуть прямо в раму, туда.
Я плодов бы наелся, помылся бы в море,
Попросил бы у тётки рублёвку взаймы,
Табак бы купил, и зажил бы без горя
На холмах, где вовек не бывает зимы.

Зеркала

Лишь прикоснулся – сразу сердце сжалось.
Когда-то, глядя в это вот стекло,
В театр готовясь, мама наряжалась,
И сквозь расчёску золото текло.

Оно видало чубчик и веснушки,
Отца видало с пенным помазком,
И мебели старинной завитушки,
И дверь с тяжёлым кованым крючком.
Те отраженья навсегда уплыли,
Отец погиб, и матери уж нет.
Чужие люди мебель раскупили,
И чуб мой вылез весь с течением лет.
Лишь зеркало почти не потускнело,
Наверно, из особого стекла.
Блестит себе, и что ему за дело,
Какая жизнь с ним рядом протекла?
Но где-то в сердце зеркало иное,
И в нём отец мой вовсе не убит,
В расчёске льётся золото льняное,
И тихо мебель старая скрипит.

Цирк 1943 года

В афише говорилось,
Мол, на манеже – кони,
Но мерин простудился
И через день издох,
Остался в этом цирке
Один облезлый пони,
Но корма не хватало,
И был он очень плох.
Была там униформа,
Но только для проформы,
Ведь все униформисты –
Кто в куртке, кто в плаще.
И, поднимая гири,
Упал силач Подгорный,
Поскольку не обедал
С неделю вообще.
Хоть верьте, хоть не верьте,
Колдун Мехмед в конверте

Чужую сторублёвку
На части разрезал.
Обрезки бросит ловко,
И смотришь – сторублёвка,
Целёхонькая, плавно
Летит в притихший зал.
С культяшками-руками
Моряк со мною рядом,
Там – офицер безногий,
А тут – слепой боец,
Невольно к этим людям
Я звал Мехмеда взглядом.
Когда же их кудесник
Заметит наконец?
Пусть отросли бы руки,
Сплясал бы пусть безногий,
Слепой солдат пускай бы
Немедленно прозрел.
Но тот Мехмед, наверно,
Попал недавно в йоги –
На инвалидов глядя,
Он грустно бритвы ел.

ВЕРНУЛСЯ

Рассказ

Десятое мая на Васюгане было необычно солнечным. Тянуло горьковатым дымком. Это почти на каждом огороде за избами дымились кучи прошлогодней картофельной ботвы. Палисадники, брызнувшие молодой, свежей черёмуховой и рябиновой листвой, были чисто прибраны, тусклое серебро песчаной дороги ярко оттеняли проклюнувшиеся по обочинам нежные стебельки муравы. Дома, посеревшие и озябшие от мартовской и апрельской сырости, пообсохли, встрепенулись и теперь весело смотрели чисто промытыми стёклами на голубое, чуть подёрнутое дымкой небо.

Деревня была взбудоражена. Всё упорней и настойчивей ходил слух о конце войны. Совершенно непонятно, откуда в глухой сибирской деревне, без радио, отрезанной от всего мира половодьем, он мог появиться, но слух продолжал жить, кочуя из дома в дом. Только школьный сад, угрюмый и тёмный кедрач, делящий деревню на две половины, равнодушно смотрел на копошащихся возбуждённых людей.

В этот день, как обычно, в школе шли занятия. В классе между партами ходила учительница, молодая высокая женщина с круглым лицом, голубыми яркими глазами и длинной светлой косой. Стриженные головы ребятишек медленно поворачивались вслед за ней.

– Сейчас, дети, приготовьтесь, будем писать диктант, – проговорила учительница грудным мягким голосом, не торопясь, подошла к столу и открыла книгу.

В классе зашелестели тетради, сшитые из старых газет.

– Ивашов, ты опять в окно смотришь!

Колька встрепенулся и умоляюще посмотрел на учительницу:

– Лидия Ивановна, тише!

– Что «тише»? – не сразу поняла учительница.

Колька предостерегающе поднял руку, чутко вслушиваясь.

– Катер... Почта идёт! – уже радостно и уверенно закричал мальчишка.

Класс притих. С реки доносился ровный стук мотора первого по весне почтового катера. Все напряжённо замерли. И вдруг с берега, где пристал катер, послышался шум. Он всё нарастал и нарастал, приближаясь к школе. Всё молчаливое ожидание последних недель наконец-то нашло своё выражение!

Колька вскочил на парту и, не помня себя, заорал что-то дикое, невнятное:

– ...а-а-сь, война, война-а-сь!

Все повскакали со своих мест, закричали и, толкаясь у двери, повалили на улицу.

В классе осталась только учительница. Её глаза были широко раскрыты, руки прижаты к груди. Она неуверенно, точно слепая, подошла к столу и опустилась на стул. В её глазах застыли слёзы. Бессильно положив руки на стол и опустив на них голову, горько плакала молодая вдова. На её спине живой змеей судорожно билась толстая светлая коса...

А Колька с друзьями бежали по деревенской улице, которая была залита солнечным праздничным светом.

– Война кончилась! а-ась!.. на-а!.. чила-а-сь! – лился, переливался, звенел в весеннем воздухе ребячий крик. Выбежавшая из калитки бабка Козленчиха, жившая рядом со школой, мелко-мелко крестилась, её бескровные, изрезанные мелкими морщинами губы шептали:

– Господи, дождались светлого дня! Воспели трубы архангельские! Сгинул сатана...

Школьная ватага одним махом пробежала всю улицу до конца и в растерянности остановилась на окраине. Вслед ей волной поднимался из каждого подворья вой. Сбившись тесной толпой, ребяташки испуганно пошли назад. Разбередили своим криком они едва поджившие душевные раны, засуковели они у солдаток, наполнились горечью.

Не в силах сдержаться, прямо на земле подбитой птицей билась Мария Зеверова. Через дом зашла в безмолвном крике Женька Прохова. Её соседка, Анна Ноздрачёва, голосистая красивая баба, стояла около изгороди в ограде. Её белые руки

лежали на жердине, глаза были закрыты, она слегка покачивалась:

– Ой, да не видать мне тебя, ясна сокола, Ясна сокола сизокрылова.

Улетел ты в дальнюю сторонущу, Сторонку дальнюю, невозвратную... Оставил меня, сиротинушку, Одну-одинёшеньку с малыыми детками...

Плакала и умывалась радость горькими вдовьими слезами.

Голос у Нюрки креп, поднимаясь всё выше и выше, набирал силу. Её причитания траурной лентой окаймляли людское горе, придавая ему особую пронзительность. Слышались в них и великая скорбь, и великая надежда на будущее. Так испокон веку оплакивала русская женщина мужей своих и детей. Стоит она подобно тонкой берёзе среди широкого поля. Ломают её непогода, гнёт к самой земле, но пролетит суровое время – и опять распрямляется она, шелестя ожившей листвой, давая отдых страждущему.

Пережили вы, бабы, известие о гибели ваших близких, пережили и радость Победы, переживите ещё одну радость – возвращение солдат с фронта.

Недели через две-три прошёл слух: приезжают демобилизованные. Деревня жила в радостном нетерпении, даже солдатики-вдовы надеялись на чудо. А вдруг что-нибудь напутано? Вдруг придёт солдат, ведь бывает же такое!

И вот наступил долгожданный день. Задолго до прибытия парохода вся деревня собралась на берегу Васюгана. Ребятишки, точно воробы, облепили тесовую крышу вросшего в землю склада. Они нетерпеливо ёрзали на ней, толкались, ожидая парохода. Где-то далеко внизу по течению реки раздался едва слышный гудок. Толпа зашумела, заколыхалась и напряжённо замерла. А «Тара» – маленький пароходишко, ходивший по Васюгану, – где-то плутала в поворотах колесившей по болотам реки, то приближаясь к деревне – и тогда толпа начинала шуметь, то удалялась настолько, что шлепоток стучавших по воде колёс исчезал совсем – тогда толпа испуганно замирала. Наконец, совсем неожиданно, «Тара» показалась из-за поворота. Свежепокрашенная белой краской, она лебедем подплывала к пристани. Вдоль борта реденько стояли люди. Ближе

всех к выходу стоял высокий солдат. Из-под пилотки его выбивались рыжеватые волосы. Голубые глаза жадно глядели на берег. Пароход развернулся и мягко ткнулся носом в песчаный берег. Солдат восторженно вскрикнул и, неловко поднимая правое бедро, двинулся к трапу, тяжело опираясь на палку. На его широкой груди жалобно звякнули медали, за плечами болтался тощий солдатский мешок.

Люди, ошеломлённые страшной действительностью, не верили, не могли поверить, что сходит на берег всего один солдат. Они с отчаянной надеждой смотрели на старый пароход, ожидая несбыточного...

Солдат одной рукой ухватился за поручень и ступил на жидкий качающийся трап, который скрипнул под его тяжестью, и, перекликаясь с ним, скрипнул новенький протез.

– Папк-а-а! Папк-а-а! – прорезал воздух громкий мальчишеский крик. Колька соскочил с крыши склада и, не разбирая дороги, кинулся к отцу.

Павел – это был Павел Ивашов – отбросил палку.

– Сын! Сынок!

Колька сходу обнял отца, тесно прижимаясь к нему. Его худенькое тельце бил озноб.

– Папка! Папка! – бессвязно повторял мальчишка. И столько было в этом слове радости, боли и восторженной мальчишеской гордости, что у Павла запершило в горле. Он поднял Кольку и прижал его к своей груди. Так и стояли два Ивашовых, тесно прижавшись друг к другу, окружённые безмолвными людьми. Очнувшаяся толпа ринулась к Павлу. Возбуждённые, орущие бабы обступили его со всех сторон.

– Моего не видел?

– Про моего не слышал?

– А с моим... Паша?!

Плачущая и сияющая Настя кинулась к Павлу и бессильно опустилась на замытый в песок обрубок дерева. И как-то чисто по-детски, беспомощно:

– Ой, бабы, меня же ноги не держат!

Чуть в стороне тихо стояла Акулина, Павлова мать. Её старческие губы шептали с укором:

– Господи, старик, не дожил ты до своего счастья!

Она молитвенно прижала руки к груди и жадно следила за каждым движением сына, разглядывала каждую морщинку, отпечатанную на его лице суровым временем. Старалась быть незаметной, чтобы не помешать встрече сына с невесткой и внуком. Чистые, прозрачные слёзы быстро и легко катились по дряблым старческим щекам. Оправившаяся Настя соскочила с земли и тоже кинулась к Павлу. Слепая, даже жестокая в своём женском эгоизме, она стала отталкивать женщин.

– Бабы, отойдите, ведь без ноги мужик, уроните!

Солдат испытывал мучительное чувство, глядя в ждущие полубезумные глаза. «Милые мои, да что же я вам скажу? – казалось, говорил его взгляд. – Разве я виноват, что пришёл один!»

У Павла затряслись губы. Всё, казалось, видел солдат, и ничем уже, думал, не пронять его заглубевшую и зачерстневшую душу. А встреча с односельчанами стала тяжелее самого смертного боя, похорон самого близкого фронтового друга. Сколько их перехоронил солдат... А тут? Чем он мог утешить женщин? Павел беспомощно оглядывался и увидел стоящего в стороне Ивана Грязева. Ещё не привыкший к протезу Павел неловко шагнул к нему.

И фронтовики обнялись.

А вечером деревня гуляла во дворе у Павла Федотовича Ивашова. Каждый нёс всё, что мог. Было много капусты, клюквы и хмельной браги. По случаю праздника дед Родион по просьбе Насти заколол ивашовскую овцу. Столы стояли прямо во дворе, в избу все не поместились, народу собралось много.

Уже наступила тихая июньская ночь. Прямо за воротами, через дорогу, вполнеба полыхала заря. Всё было обманчивым и размытым в этой белёсой мути. Прочерченная багровым светом зари тайга, казалось, пришла сюда, за огороды, посмотреть на веселящихся людей; а изгородь двора, растворяясь в неверном свете белой ночи, отступила, делая двор просторным и вместительным. Застолье собралось давно, все уже были навеселе. Дед Родион с всклокоченными волосами на правах старого друга семьи сидел рядом с Павлом. Он налил гранёный стакан браги, держа его в руке, попытался встать.

Немного приподнявшись, дед качнулся и снова сел, расплёскивая брагу на штаны и рубаху.

– От ёк-макорёк, – проговорил он удивлённо, – скажи ты, шибат!

– Шибат! – передразнила бабка Пелагея, жена деда Родиона. – Молоко пить надоть, а ты туда же – продукт портишь, – говорила она, вытирая платком рубаху и штаны старика.

– Ну-ну, ладно, мать, мне сказать надоть.

Старик, ухватившись за столешницу двумя руками, с трудом встал.

– Давай, давай, дядя Родион, шандарахни, – проговорил Павел, придерживая старика одной рукой.

– А чё – и шандарахну! – хорохорился дед. Он повернулся к Павлу: – Вот ты, Пашка, хронтовик, Ванька тоже. – Старик качнулся в сторону Ивана Грязева. – А мы?

– И вы фронтовики, – ответил Павел.

– Вот то-то! – И Родион помахал заскорузлым пальцем. – И мы хронтовики. Все ноне хронтовики. Возьми твою отца, моего дружка Федота Евстигнеевича, царство ему небесное. На ливе, мать её за ногу, потонул. Рази ж он в другое время пошёл бы в такую погоду сети проверять? – Старик помолчал и сам себе: – Нет, не пошёл бы. В газете так и прописано было: «Гвардеец тыла». Вот кто твой отец, Пашка, понял? – старик снова помолчал. – А возьми Марью Сухушину – на лесозаготовках бабу лесинной зашибло. – Старик опустил голову и почти трезвым голосом проговорил: – Выпьем за хронтовиков. Мёртвых помянем, а живым поклонимся! – он попытался поклониться и неловко ударился о стол. Его подхватил Павел.

– Садись, садись, дядя Родион, будет тебе!

– И-и-эх! – с тяжёлым вздохом проговорил старик и горестно махнул рукой.

Женщины выпили налитую бражку и сидели пригорюнившись. Затем Морька Зеверова с вызовом трянула головой.

– Чё вы, бабы, на поминки пришли? Ить Победа же, солдата встречаем! – она повернулась, нашла глазами Кольку Ивашова, который вместе с ребятами сидел на городьбе.

Колька, бежи ко мне домой, тащи гармошку!

– Счас, тётка Мария! – с готовностью отозвался мальчишка, соскакивая с городьбы.

Мария встала из-за стола.

– Плясать хочу! Давай, бабы, помогай! – и, расправив платок, накинутый на плечи, она, мелко перебирая ногами, плавно пошла по кругу. В это время прибежал Колька с гармошкой.

– Паша, – распевно проговорила Мария, – возьми гармошку, сыграй нам!

– Дак не могу, Морька, ты же знашь! – Павел смущённо улыбнулся.

– Ты, Паша, на басах подыгрывай, а голосами мы сами подпоём. Верно, Нюрка?

– Сыграй, Паша! – ластилась к мужу Настя, не спуская с него глаз.

На круг выскочила Нюрка, встала против Марии и задорно притопнула ногой.

Матаня мой, а я твоя,
Закрой полой – замёрзла я,
Замёрзла – не согреюся,
Люблю, но не надеюся.

Пела Анна высоким чистым голосом. Прислушиваясь к женским голосам, склонив голову к гармошке, так что волосы легли на её меха, подыгрывал на басах Павел.

Мария постояла, послушала и, отбивая чечётку, пошла по кругу. Затем остановилась и ответила другой частушкой:

Шла я бором – сидел ворон
На кудрявой на сосне,
Сероглазенький матаня
Часто снится мне во сне.

Постепенно в круг втягивались остальные. Вот уже мелькнула светлая коса учительницы, крепко ударила в землю крепкими пятками Женька Прохова. Её маленькая фигурка, точно пружина, упрямо моталась между пляшущими бабами. Всё убыстряя ритм, яростно хрипела басами гармошка.

Веселись, солдат. Плачь, солдат, всё равно никто не видит, благо, ночь. Играй за Николая Зеверова, пляши за Гришку

Ноздрачёва, хоть и нет ноги. Возьми Морьку, чтоб хрустнули её косточки, закрой поцелуем рот Нюрке, чтоб не рвала душу своими частушками. Пройдись лебедем с лебёдушкой Проховой.

Не можешь? всё равно веселись, солдат, за всех, кого нет сегодня здесь. Или трахни гармонью об стол, чтоб рассыпались голоса под белые женские ноги.

Павел ничего не видел перед собой и, не стесняясь слёз, яростно рвал меха гармони.

Дед Родион, подняв хмельную голову от стола, долго смотрел на пляшущих и визжащих баб. Потом грохнул кулаком по столу:

– Рази ж это Победа!

Ухнула последний раз гармошка. Павел осторожно поставил её на край стола.

– Хватит, бабы, не могу больше! – Он тяжело встал и, опираясь на костыль, пошёл через двор. В наступившей тишине громко поскрипывал протез. Настя кинулась вслед за мужем. Он повернулся к ней и сурово сказал:

– Не надо, не ходи!

Настя растерянно остановилась. Бабка Акулина, сидящая за столом, не спускала глаз с сына. Она мелко крестилась, её губы что-то шептали. Тётка Наталья, бывший председатель артели, сидела рядом с Акулиной, вытирала глаза тыльной стороной ладошки и трубно сморкалась в большой белый платок.

Павел по привычке плотно закрыл за собой калитку и медленно пошёл по деревенской улице, по-крестьянски отмечая прохуdivшиеся крыши домов и заваленные кое-где ограды. Вид у деревни был неприбранный, сиротский. Он остановился около дома Николая Зеверова. Из-под высокого крыльца вылез лохматый пёс. Собака подошла к Павлу и старательно обнюхала ноги. Солдат долго стоял около зеверовской калитки, о чём-то думая. Затем тяжело вздохнул:

– Здорово, Николай! Прими поклон от меня!

Павел слегка склонил голову, затем поднял её и заскрипел протезом через улицу к дому Григория Ноздрачёва.

– Здорово, Григорий! Прими и ты поклон от меня! Прости, коли что не так было!

Так и шёл солдат по деревне, здороваясь, прощаясь и прося прощения, не зная за что, у своих погибших дружков-односельчан, и незаметно подошёл к школе, которая стояла на высоком яру. Павел устало опустил на бревно, лежащее на краю яра, и вытянул в сторону протез. Внизу глухо шумела лива. Накатная волна нежно перебирала бурые наносы. Назревшим чирьем пламенел горизонт.

– Сколько же ты мужиков похоронила! – проговорил тихо Павел, оглядывая внимательно ливу. – Вот и отцовской могилы нет. – Около уха надоедливо зудил комар. Павел с досадой отмахнулся. В его памяти чётко возникло доброе бородатое лицо отца, его хитроватый взгляд и добродушные слова: «Не тот комар, Пашка, что днём пищит, а тот комар, что ночью зудит».

Точно отвечая отцу, Павел проговорил:

– Да, не тот... и тихо, задумчиво продолжил: – А лето, однако, тёплое будет, комар нынче рано поднялся.

Павел проснулся от яркого, бьющего прямо в глаза солнца. Он с недоумением осмотрелся.

«Где же я?» – пронеслось в голове, и с облегчением вздохнул, вспомнив, что наконец-то дома. Раскалывалась голова, и солнце тысячью буравчиков сверлило её, усиливая и без того сильную боль. Павел слегка застонал и закрыл глаза, вспоминая вчерашний приезд и невесёлое застолье.

– Вот, язва, набрался, – тихо пробормотал он.

Услышав, что муж проснулся, подошла Настя, вытирая мокрые руки о фартук. Наспех заколотые с утра волосы рассыпались. Она привычно поправила их рукой, убирая со лба. Серые глаза её смеялись и плакали одновременно. Светлое в голубой горошек платье облегалo стройную фигуру.

Павел улыбнулся и радостно вздохнул. Как часто видел он её во сне – и в окопах, и в госпитале – именно такую, именно в этом платье, облитую с ног до головы солнечным светом. Он протянул руки, и Настя, медленно наклоняясь, припала к груди мужа. Он успел увидеть в вырезе платья ещё почти девическую острую грудь с большими тёмными сосками и розоватую нежную кожу. Павел крепко и молча прижал к себе податливое Настино тело...

Настя лежала рядом, уткнувшись лицом в шею мужа, и жи-

мала его руками, точно боясь потерять и не веря своему счастью. По усталому лицу Павла бродила чуть заметная улыбка.

– Колька-то где? – тихо спросил Павел.

– А? Колька? – не поняла вначале Настя, и со смешком так же тихо проговорила: – Всё утро около тебя вертелся! Насилу послала траву жать корове. Уехал на веретья с мальчишками на обласке. – И, словно предугадывая второй вопрос мужа, сказала: – Мама в огороде грядки полет.

– Голова, Настя, трещит.

Настя молчком жадно впиалась губами в Павловы губы, затем отвалилась на спину, закинув руки за голову.

– Ох и нарожаю я тебе детишек, Павел Федотович! – и счастливо, тихо засмеялась. Затем, повернувшись, она снова припала к мужу, всё ещё не веря своему счастью, и легко встала с постели. Стал подниматься и Павел, прилаживая протез, тот глухо и жутковато постукивал об пол. Настя с болью посмотрела на мужа. Заметив взгляд жены, Павел нахмурился и сердито проговорил:

– Ничё, Настя, руки, голова – целы, проживём!

– Да я разве чё, Паша! – смущённо проговорила Настя. – Конечно, проживём... Кто бы знал, какая я щастливая, – протянула она нараспев, наливая стакан браги.

Павел выпил и, поморщившись, проговорил:

– Совсем отвык от браги!

– Да и привыкать, Паш, не надо, – подхватила Настя.

– Скажи, кака умная! – усмехнулся Павел и направился к выходу. Не торопясь прошёл, вышел на крыльцо и стал внимательно оглядывать двор с ещё не убранными столами.

Июньский день набирал силу. В палисадниках на кустах смородины и малины клейко зеленела молодая листва. Мохрилась отцветающая черёмуха, стыдливо пряча полуобсыпанные соцветия в густые зелёные ветки. Далеко за огородами синела зубчатая таёжная стена. Павел глубоко и радостно вздохнул.

Услышав, что кто-то вышел на крыльцо, встала Акулина. Прикрыв глаза от яркого солнца ладошкой, посмотрела на крыльцо. Увидев сына, она засеменила к нему. Павел тоже быстро пошёл навстречу матери.

– Пашенька! – только и смогла проговорить старуха. Она

прижалась к груди сына. Павел нежно гладил седые волосы матери и глухо говорил:

– Успокойся, мама, успокойся!

– Ни отца, Паша, ни братьев! – плакала и жаловалась Акулина...

Павла со вчерашнего дня беспокоила какая-то неясная, неосознанная мысль. Она будоражила его, не давая успокоиться. Солдат потерянно бродил по двору, поскрипывая протезом и сбивая подвернувшиеся лопухи костылём. Заглянул под навес. Там лежали заботливо заготовленная дранка и аккуратный штабелёк брёвен и жердей. Павел тяжело вздохнул, вспоминая отца, и вышел со двора на деревенскую улицу. Облокотившись на штакетник палисадника, посмотрел на черёмуху: её полусыпавшиеся цветы вызывали у него какое-то раздражение. Он ударил костылём по черёмуховой ветке. Слабо вздрогнув, она, словно в знак благодарности, осыпала его белыми лепестками, обнажив кисти, в которых угадывалась новая зарождавшаяся жизнь. Павел долго смотрел на ветку, потом перевёл взгляд на деревенскую улицу и по-хозяйски придирчиво стал осматривать её двор за двором. Его поразил сиротский вид деревни.

– Да-а, матушка моя, обветшала ты за годы войны, обтрепалась!

Деревня и правда захудала. Подгнившие столбы калиток, наклонившиеся в разные стороны, кое-как закреплённые жерди в изгороди огородов, облезлые оконные наличники с выбитыми кое-где стёклами, крыши, посеревшие, щепастые от покоробленного дранья, словно чешуя заражённого глистом караса, вызывали у солдата такое же чувство неосознанной вины, как тогда, когда видел он стоящих у обочины ребятишек, одетых в тряпье, нередко встречавшихся на прифронтовых дорогах. Осознав это, восстала солдатская душа. Не мог он примириться с неприбранной, расхристанной деревней. Она была в его памяти совсем другой. Он вспоминал её на фронте всё время, и всегда она была красивой и желанной.

Павел ещё раз внимательно осмотрелся, уже прикидывая, что надо сделать.

– Работы-то, работы!.. – ужаснулся он.

Но – странно: этот внезапный вывод не огорчил, а, наоборот,

рот, вызвал радость; и зачесались руки у солдата, запросили топора. Он прямо до ломоты в зубах вдруг почувствовал, как хорошо налаженный топор мягко вгрызается в упругую смолистую древесину.

Павел протёр глаза рукой и старательно засмеялся.

– Тьфу, прямо напасть какая-то! – И затем уже спокойнее проговорил: – Наломашь ещё руки, Павел Федотович! – И уже как о решённом, продолжал самому себе: – Дядя Родион поможет, дед Афанасий... Бог не выдаст – свинья не съест!

Павел вошёл в ограду, заглянул под навес.

– Настя! – нетерпеливо позвал он. Настя вышла на крыльцо.

– Где тятин топор? – спросил он у жены, а сам глазами шарил по старенькому верстаку, где отец обычно держал свой инструмент. Топора там не было.

– Да в сенках он, – ответила Настя, – Колька чёй-то тесал. Чё ладить-то хочешь?

– А деревню хочу нарядить, чтоб как невеста была, – улыбнулся Павел. – Одну её в платье с голубым горошком. Навроде тебя!

– Каку деревню? Ты чё, свихнулся, чё ли? – не удержалась Настя. – Тебе же отдохнуть надо!

– Вот и отдохну с топором, – уже серьёзно проговорил Павел.

Настя замолчала, она знала мягкий, но неуступчивый характер свёкра, а Павел был в отца.

На Павла нашёл раж. Ему не терпелось прямо сейчас, в эту минуту, взяться за работу. С каким-то детским озорством он подошёл к калитке, снял её с петель и осторожно поставил в сторону. Надавил рукой на подгнивший столб, раскачав его; тот легко подался. Павел пригнулся, обхватив столб руками и, делая упор на здоровую ногу, потянул его из земли. Столб со скрипом, нехотя, пошёл вверх. Вытащив столб, Павел ликующе бросил его под ноги, точно выдернул всю гниль и всю жестокость прошедшего времени.

«Всем вдовам калитки поправлю, всем городьбу подравнию, чтоб как по линейке...» – всё более радуясь своему решению, думал солдат. Он уверенно пошёл под навес выбрать бревёшко для столба. У него уже не было свободной минуты.

С любовью уложил бревно на два деревянных обрубка и

закрепил его железной скобой. Нагнувшись, постучал обухом топора по скобе, проверяя, хорошо ли держит. Распрямившись, недолго, недолго постоял, о чём-то глубоко задумавшись, машинально пробуя острое лезвие топора большим пальцем. Очнувшись, Павел примерился, подняв невысоко топор, затем резко ударил им по бревну И вот уже из-под острого лезвия побежала послушная щепка, в нос ударило острым смолистым запахом. У Павла защипало глаза. Он врубил топор и медленно распрямился, вытирая набежавшую слезу. И только сейчас до него дошло, что кончилась наконец война. И пришла нелёгкая, но выстраданная бесконечно долгими днями и ночами мирная пора.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Рассказ

Стоит сосна на угоре с засыхающей вершиной, цепляется побелевшими от старости корнями за сыпучий песок и живут на ней только мощные узловатые сучья внизу кроны. Иссохшее безжалостное время вершину, пооббило ветрами кудрявые ветви, но есть ещё сила в них; кормят они и поддерживают жизнь в дряхлеющем стволе.

Поздний вечер. На кухне, глубоко задумавшись, сидит старик. Рядом с ним на чисто прибранном столе стоит распечатанная бутылка водки и три пустые стопки. Попыхивая паром из носика, посвистывает на подоконнике чайник. Шумит за окном ненастная весенняя ночь, постукивая редкими дождевыми каплями в оконное стекло. Старый фронтовик тяжело поднялся со стула и медленно подошёл к окну, отодвинул штору. На него, смутно отражаясь в стекле, смотрел старик, черты лица которого терялись в полусвете и только ясно были видны блестящие глаза и отливающая серебром седина. Чуть дальше, за тёмной расплывчатой фигурой, дрожали на ветру голые тополевы ветки.

Скрипнула дверь, на кухню неслышно вошла старушка. Она поставила на стол тарелку с солёными огурчиками и тихо проговорила:

– Отец, тебе ничё больше не надо?

Старик повернулся на голос, посмотрел на жену, на стол:

– Спасибо, мать, не надо! – Он улыбнулся виноватой улыбкой. – Иди, мать, отдыхай. Ты же знаешь, я всё одно не усну. Побывать мне надо сёдни одному с друзьями... одних – вспомнить, других – помянуть...

Старушка посмотрела на своего мужа, хотела сказать, что костюм с орденами она почистила и выгладила, но ничего не сказала, а только покачала головой и тихо прикрыла за собой дверь.

Остался старый фронтовик один на один со своими мыслями и переживаниями...

Плывут перед глазами полузабытые, стёртые безжалостным временем лица; душные, палящие зноем, летние дни перемежались ненастными осенними и морозными зимними. Прибранная и ухоженная земля, покрытая лесами и полями, сменялась – разверзнутой, застывшей в мучительной агонии, искореженной снарядами и танковыми гусеницами. И не было уже для старого фронтовика ни тесных стен квартиры, ни груза прожитых лет...

Редкий сосновый лесок. Снег под соснами, вывернутый танковыми гусеницами и истоптанный тысячами солдатских сапог, смёрзся неровными серыми глыбами. Стояли сильные морозы, хоть и был всего-навсего конец ноября. Вымороженный до звона снег скрипел так, что слышно было за версту. Под кронами реденьких сосенок держал оборону пехотный батальон, в расположении которого находился их взвод разведки.

Немец, наступавший на Москву, выдохся, и противостоящие стороны, используя редкую фронтовую передышку, готовились к новым ожесточённым сражениям. Командир батальона особенно придирчиво следил за разведчиками, готовя их к переходам в ближние тылы противника, для сбора разведанных. Было организовано круглосуточное дежурство по наблюдению за передним краем противника, а в леске по приказу комбата оборудована учебно-тренировочная позиция. Появившись неожиданно в расположении взвода, комбат хриплым от простуды голосом пушил лейтенанта за то, что дежурный поздно заметил командира.

– Вас, товарищ лейтенант, с таким часовым фрицы не только перешлёпают, как куропаток, а вместе с потрохами весь взвод к себе утащат. Кто так ведёт наблюдение? – язвительно хрипел комбат.

– Мы же на отдыхе, товарищ комбат! – оправдывался молодой лейтенант.

– Отставить разговоры! Разведчик не может, не имеет права просто так отдыхать. Если хочешь выжить сам и уберечь солдат, тренируйтесь, лейтенант! – учил комбат, и сразу же приказал: – Построить взвод в полном боевом!

– Взво-о-д, в полном боевом, – высоким от волнения голосом прокричал лейтенант, – в две шеренги становись!

Через минуту солдаты замерли в строю, только пар, вырываясь изо рта тугими клубочками, выдавал их волнение. Маскхалаты, скрадывающие очертания человеческих фигур, делали их похожими на белые, засыпанные снегом, пни.

– Разойдись! – Команда покатила, точно упругое колесо длинного пастушьего бича, развернувшись до конца, когда строй весь разбежался, она вдруг резко выстрелила: – В одну шеренгу становись!

Зашатавшись, точно молодые ёлочки на ветру, солдаты быстро выстроились в одну шеренгу и замерли. Командир стал медленно обходить строй, придирчиво оглядывая каждого солдата, и как-то обыденно, не по-уставному, скомандовал:

– А ну, ребята, попрыгайте на месте!

Солдаты дружно запрыгали. У каждого солдата что-нибудь брэнчало. Только у одного Ивана Грязева поскрипывал снег под ногами.

Комбат медленно шёл вдоль шеренги, лицо его искажала недовольная гримаса. Наконец он остановился против Ивана.

– Отставить!

Строй замер.

– Как фамилия?

– Рядовой Грязев, товарищ комбат!

– Откуда родом?

– Из Сибири, товарищ комбат! С Васюгана!

– Два шага вперёд! – скомандовал он Ивану.

Грязев шагнул вперёд и лихо развернулся лицом к строю.

Лицо его было серьёзное, деловитое, но где-то глубоко в глазах пряталась лукавая смешинка. Недовольная гримаса исчезла с лица командира, и он с удовольствием рассматривал солдата. Иван был одет по-уставному, но с тем особенным щегольством, которое присуще от природы очень ловкому и очень бывалому человеку. Шапка его чуть-чуть сдвинута на затылок, из-под которой выглядывала чёрная прядь волос, телогрейка застёгнута на все пуговицы, но верхние полы её слегка отгибались, обнажая стройную мощную шею. Белый маскхалат, накинутый на плечи, спадал ровными симметричными складками, скрадывая подбористую фигуру солдата.

– Ну-ка, попрыгай, сибиряк! – попросил комбат.

Иван запрыгал на месте. Никаких посторонних звуков, кроме визгливого поскрипывания снега, не было слышно.

– Учитесь, разведчики, у сибиряка, – обратился к строю командир.

– У нас по-другому нельзя! – усмехнулся Иван, переставая прыгать.

Почему? – с невольным интересом спросил командир.

– Дак у нас на Васюгане, товарищ комбат, зыбко, под зыбком глыбко, чуть в сторону шагнёшь – и поминай как звали... Опять же сохатого скрасть – тут уж не только подшуметь, но и одушить боишься. Я извиняюсь, приходилось и штаны до колен спускать и пихтовой лапкой натираться, да и под мышками тоже. Больно для зверя эти места духовитые! – складно частил Иван, лукаво улыбаясь.

– Ясно! – улыбнулся в ответ командир. – Становись в строй, сибиряк! – и пошёл неторопливо вдоль шеренги, заложив руки за спину, о чём-то глубоко задумавшись. Напускная строгость слетела с его лица и стало видно, как смертельно устал этот человек. Справившись с минутной слабостью, он обратился к взводному.

– Что ж, продолжим занятия, лейтенант! – жёстко проговорил комбат. – Вам ставится задача: бесшумно снять часового с поста. Часовым стану я. – Вам ясна задача, товарищ командир?!

– Так точно, товарищ комбат! – приложив руку к ушанке, вытянулся в струнку молоденький мальчишка.

– Ну-ну! – улыбнулся комбат. – Раз ясно – выполняйте.

– И командир не торопясь пошёл к сооружению, представлявшему не то огороженный склад, не то гараж, с натоптанной вдоль изгороди тропинкой.

Наступили ранние зимние сумерки. Редкие сосны с полуобсыпанной кучтой жались вокруг небольшой поляны, на которой стояло наспех сделанное сооружение, громко именуемое взводным учебным полигоном.

– Рядовой Хамитов, – командовал лейтенант стоящему на правом фланге шеренги высокому худощавому татарину: – Снять часового с поста, действовать ножом, без всякого шума! Ясно!

– Так точно, товарищ лейтенант! Разрешите выполнять?

– Выполняйте!

Хамитов поддёрнул зачем-то штаны, затягивая ремень потуже, спрятал автомат под маскхалат и неловко побежал от сосны к сосне, стараясь незаметно выйти на край поляны. Его длинная фигура, скрытая маскхалатом, через двадцать-тридцать метров совершенно растворилась на белом фоне, только звонко поскрипывал под валенками снег, выдавая с головой разведчика.

– Эх! – простонал лейтенант. – Сейчас застучает!

Точно подтверждая слова лейтенанта, через некоторое время насмешливый голос постового:

– Хватит стараться! Считай – уже на небе!

Ещё человек пять-шесть пытались незаметно подползти к часовому, и всех неизменно останавливал простуженный голос комбата. Очередной обнаруженный солдат обиженно проговорил:

– Скрипит же снег, товарищ комбат! Как его снимешь?

– Как его снимешь! – слышалось в ответ. – Ты думаешь, я тебе погоду буду заказывать, когда в гости к фрицам пойдёшь? Зря думаешь; погодой я не командую, а разведданные нужны! – рубил отрывисто командир, подходя к солдатам. Он остановился перед строем и тяжело посмотрел на солдат:

– Что, вояки... заслабило! Где же ваша хваленая смекалка, разведчики? – с досадой проговорил комбат.

Из строя неожиданно вышел Иван Грязев:

– Разрешите мне, товарищ комбат!

– Сибиряк?! – с надеждой произнёс командир. – Что ж, попробуй!

Командир ходил вдоль забора по набитой тропинке, досадуя на сыпучий снег и внутренне сочувствуя разведчикам. Тридцать шагов в одну сторону, тридцать – обратно...

Иван быстро снял с себя маскхалат, скинул вещмешок и, развязав его, стал в нём копать.

– Ну, Фроська, выручай! – бормотал Иван негромко, доставая из мешка большие, сшитые из собачьего меха, рукавицы-мохнашки. – Жена сунула в последний момент, возьми, говорит, Ваня, – может, пригодятся! Вот и пригодились, – с лёгким смешком объяснял Иван окружившим его солдатам. Бросил мохнашки на снег, под ноги, увязал вещмешок и стал снимать валенки. Заботливо сунул голяшка в голяшку, чтобы не нахолодали.

– Подержи! – Он подал валенки стоящему рядом Хамитову. Натянул мохнашки на ноги и примотал их бечёвкой, которая всегда найдётся в кармане у хорошего солдата. Разогнулся, потоптался, и довольно крикнул: снег под ногами совсем не скрипел. Затем накинуд на плечи маскхалат, весь подобрался, чуть подавшись вперёд, пристально вглядываясь в маячившую в вечерних сумерках фигуру человека. И стремительно, в два-три прыжка – исчез, как растворился в белесоватой мути наступившего вечера. Ни скрипа, ни шороха...

Разведчики с интересом наблюдали за поединком.

– Ну, этот завалит! – послышалась солдатская реплика.

– Ловок, сатана! – поддержал кто-то с завистью.

А вдалеке на тропинке маячила одинокая фигура часового, сопровождаемая приглушённым скрипом. Скрип... Скрип...

Вдруг фигура часового дёрнулась, послышалась глухая возня, и потом довольный голос комбата прохрипел:

– Нормально, сибиряк! Твоя взяла!

Старик стоял, опершись обеими руками о подоконник, в окно к нему заглядывала тёмная весенняя ночь. Он сосредоточенно смотрел в окно, по лицу его бродила улыбка. Ожившие воспоминания омолодили старого солдата; плечи его расправились, словно свалился с них груз прожитых лет.

«Да-а, – подумал старик об Иване. – Такой о порог не запнётся, на ровном месте не поскользнётся!»

Он медленно подошёл к столу, взял распечатанную бутылку и разлил водку по стопкам. Присел на стул, посмотрел на стопки отсутствующим взглядом, поднял свою и слегка чокнулся со стопкой, стоящей напротив.

– Давай выпьем, Иван, за победу! – Старик выпил водку, взял из тарелки огурчик и тут же забыл про него. – Раз уж нам с тобой судьба улыбнулась, выжили в этом пекле. Разве верили мы... – Старик посмотрел на противоположный край стола, где должен был сидеть воображаемый собеседник: – Да не-е-т, Иван! – тут же возразил сам себе старик. – Верили... каждый солдат верил, да только В е р а многих подвела... возьми хоть наш взвод... помнишь? – Старик тряхнул головой, удивлённо посмотрел на огурчик в своей руке, положил его назад в тарелку: – Да и ты помнишь – разве можно такое забыть! – Он снова глубоко задумался; черты лица его разгладились, взгляд, обращённый внутрь себя, посветлел. Старый солдат так ясно почувствовал кислую жару землянки, что невольно качнулся вперёд, словно хотел протянуть руку, проверить своё ощущение.

...Гудит железная печка, распространяя вокруг тепло. На нарах, сколоченных на скорую руку, отдыхает взвод. Около печки сидит на корточках Грязев Иван, открыв дверку топки, он обгоревшей палкой ворошит сырые поленья. В буржуйке слабо потрескивают дрова; маслянисто-красные языки пламени, подведённые на концах муаровой каймой, пробиваются сквозь обгоревшие поленья. Багровые сполохи мечутся на плащ-палатке, закрывшей входной проём в землянку, по суглинистым стенам, потемневшим от копоти.

Сидит старик в душной землянке, беседует со своими товарищами. Снова он молодой в том суровом, невыносимо тяжёлом и далёком времени. В той среде фронтового братства, вернее, надёжнее которого не бывает. Проверено оно и скреплено кровью. Вслушивается в родные незабываемые голоса...

– А чё, мужики, – слышится хриловатый голос Анвара Хамитова, – кончится весной война, или нет?

– Держи карман шире, кончится! – насмешливо возразил голос Кости, уроженца Москвы. Его так и звали, невысокого язвительного парня – Костя Москвич да Костя Москвич.

– Я не говорю, что в эту весну. Сначала немца надо отогнать

от Москвы, а через год, поди, дойдём до Берлина. И обязательно – весной! – убеждённо проговорил Анвар. Солдат мечтательно закрыл глаза.

– Приеду я домой на Волгу: ох и люблю же я её, ребята! Ширина... пески... уйду куда-нибудь на берег, построю шалаш и буду жить там, один... неделю – нет, целый месяц. Буду спать, рыбу ловить и снова спать. Красота...

– Давай, давай, отсыпайся, – съязвил Костя. – Может, поправишься немного! – И с присущей ему безапелляционностью заявил:

– Нет, Анвар, Москва-река лучше! Что Волга – другой берег путём не разглядишь, а вот наша – она домашняя, уютная! А ещё лучше моё Замоскворечье. Кончится война, приедете ко мне в гости, и пойдём мы с вами рано утром на Красную площадь. На площади никого, тихо. Только купола блестят на солнце и бьют куранты. Постоим около памятника Пожарскому и Козьме Минину, затем пойдём ко мне во двор. Он травой весь зарос, липы цветут, и поставим посреди двора стол, сядем за него... – Костя смущённо улыбнулся и, словно оправдываясь, проговорил: – Правда, ребята, может, мой двор не хуже и не лучше других, а вот стоит перед глазами...

– У каждого, Костя, свой двор, своя река! – попыхивая самокруткой в открытую дверку железной печки, поддержал разговор Иван Грязев. – Возьми мой Васюган: сколько горя он людям принёс, сколько слёз пролито по его берегам, а нет лучше этой реки для меня. А черёмухи, черёмухи!.. Как зацветёт весной, словно снег белый выпал на его берега...

Зашуршала палатка, откинулась пола, и с клубами белого морозного пара ввалился лейтенант. Солдаты без поданной команды встали.

– Сидите, сидите! – смущённо проговорил командир взвода. Он протянул озябшие руки над раскалённой печкой.

– Товарищ лейтенант, скоро наступать будем? Чё комбат говорит?

– Какое наступление, товарищ Хамитов! Я ничего не знаю! – ответил лейтенант.

– Да ну-у, товарищ командир, весь фронт знает, а вы не знаете!..

Это был для их взвода последний спокойный вечер. Через сутки отделение двумя группами ушло на разведку.

Старик посуровел и, обращаясь к своему собеседнику, незримо присутствующему за столом, тихо проговорил:

– Да-а, Иван, если бы не ты... не сидеть бы мне за столом! Не было бы Сергея...

Дед Сергей опустил седую голову и глубоко задумался.

Встретились на нейтральной полосе, перепаханной снарядами и заросшей редким кустарником. Посреди нейтралки стояла одинокая сосенка со срезанной снарядным осколком вершиной. Вершинка неловко лежала на боковых ветках дерева, удерживаемая тонкой полоской болони, и вызывала острое, почти физическое чувство боли.

– О-о! – Испуганно-приглушённое восклицание вырвалось у ошарашенного неожиданной встречей немца. И голос – осекся. Иван не раздумывая кинулся на фрица. Немцев было шесть; в группе Грязева – четыре. Бились молча, страшно, остервенело. Точно стыдясь за людей, за их звериную жестокость, ночное небо было закрыто почти сплошной облачностью и только в редких просветах мерцали крупные яркие звёзды.

Забыли про ножи и оружие, дрались голыми руками, рвали друг друга зубами. Иван быстро прикончил своего противника и кинулся на помощь Хамитову, на которого навалились сразу два фрица. Сергея подмял здоровый немец, его руки, как клещи, сдавили ему горло. Немец прижал всем телом разведчика к земле; в нос ударило резким запахом пота и кислой овчины. Запах овчины взбесил и придал силы.

– Стерва, в нашем полушубке и меня же давишь! Тебе тепло надо, падлюка! Будет тебе тепло!

Старик даже сейчас, сидя за столом, напрягся так, что заныли мышцы на руках и ногах. Он вспомнил всё: как его душил немец, как запах родной кислой овчины придал ему силы и он, изловчившись, ударил коленом фрица в пах. Тот застонал и на мгновение разжал руки. И теперь уже Сергей навалился на немца. И тут обожгло правую сторону груди.

– «Нож!» – мелькнуло в голове, и резким кистевым ударом, как учил комбат, он ударил немца по руке. Отлетевший нож слабо звякнул о замёрзшую землю. Привстав на колено, креп-

ко сцепленными в один кулак руками ударил противника по голове. Немец замычал и потерял сознание.

И только теперь, прижав рукой рану, Сергей почувствовал, как по правому боку и животу бегут горячие струйки крови.

Тяжело дыша, подошёл Иван и опустил на лежащего немца. Снял с себя шапку и ей же стал вытирать пот с лица.

– Наши все живы! Немцев под сосенкой и положили! Тоже, видать, гады, на неё ориентировались! – возбуждённо, ещё не остывший после схватки, шептал Иван. – Тебя чё, зацепило?

– В бок ножом саданул, сволочуга!

Вдруг тонко, по-пороссячи, завизжал очнувшийся немец. Они с напарником навалились на фрица; Иван рукой пытался зажать ему рот, но немец вертел головой и продолжал визжать тонко, пронзительно. Его визг, казалось, рвал темноту в клочья.

Передний край высветился разноцветными ракетами. Застрекотали пулемёты, зашикали, зашелестели в воздухе мины. Иван, яростно матерясь, ударил ручкой финки немца по голове. Тот, хрюкнув, сразу замолчал. В запале он поднял руку, чтобы ударить второй раз.

– Тише, дура, убьёшь языка! – предостерёг товарища Сергей.

Их подбросило от близкого разрыва мины. Мины ложились густо, а они лежали на немце, прикрывая его собственными телами. Так же внезапно, как начался, так и окончился миномётный обстрел. Ещё немного для острстки потукали пулемёты, затем замолкли и они. Наступила неестественная, какая бывает только на фронте после обстрела, тишина.

– Связать падлюку, пока не очухался! – проговорил тихо Иван. Он перевернул немца на живот и, заломив руки за спину, скрутил их верёвкой. Немец застонал, и Иван, сорвав с шеи шарф, заткнул ему рот.

– Так спокойнее будет, – удовлетворённо проговорил Иван и повернул голову к сосне: что-то ребят не слышать, пойду посмотрю!

– Иди! – болезненно сморщился Сергей.

Иван исчез в темноте. Раненый едва сдерживал стон. Правая сторона груди и рука отяжелели. Было трудно дышать. Каждый вдох отдавался в груди острой горячей болью.

...Они лежали около свежеразвороченной воронки. Анвар неловко запрокинул голову и в его широко открытых глазах отражалась яркой точкой звезда. По другую сторону воронки лицом вниз уткнулся Костя. Половина тела его в белом халате лежала на снегу, а вторая – на чёрной, свежесывороченной земле, отчего фигура разведчика казалась неестественно короткой... точно обрубок.

Иван расстегнул полушубок и припал ухом к груди Анвара. Сердце не билось. Он мягким движением прикрыл глаза Анвару, надвинув на них шапку, и подполз к Косте. Осторожно перевернул тело товарища; сердце билось редко, неровными толчками. Ощупав тело и найдя ранение, он достал пакет и быстро перевязал товарища. Когда Иван вернулся к Сергею, тот лежал на немце без сознания. Он прямо поверх гимнастёрки перевязал друга, туго обмотав грудь бинтами.

В течение оставшейся ночи Иван вытащил немецкого языка и ещё три раза ползал на нейтралку, вытаскивая по очереди тяжело раненых Костю и Сергея, и совсем уже утром вынес погибшего Анвара.

Старый солдат поднял голову и, обращаясь к своему воображаемому собеседнику, проникновенно заговорил:

– Пораскидало нас после госпиталя. Где только ни воевал, а в свою часть так и не попал. – Старик на минутку умолк и, собравшись с мыслями, продолжал дальше. – С Костей мы, Иван, в одном госпитале лежали. Умер Костя на моих глазах... Легко умер – без сознания был. – Дед Сергей судорожно вздохнул и как-то болезненно улыбнулся: – Такая нам с тобой выпала судьба; ты Анвара похоронил без меня, а я без тебя с Костей простился! Я вообще заметил, Иван... возьми хоть меня; сколько людей перевидал в военное время, а первые фронтовые друзья, наверное, как первая любовь, не забываются...

Старик умолк и потянулся за бутылкой; наполнил до краёв свою стопку:

– Выпьем, Иван. Помянем ребят!

Дед Сергей посмотрел на третью стопку, наполненную до краёв, сиротливо стоящую в сторонке. Взгляд его затуманился, судорожно передёрнув кадыком, он выпил горькую... Сморщившись, дед Сергей помотал головой, закусил

хрустящим огурчиком и как-то по-детски беспомощно улыбнулся:

– Да-а, Иван! Постарел Сергей, постарел! Чуть что – и глаза на мокром месте... А помнишь, мечтали: вот кончится, уж тогда заживём и за себя, и за тех, кому не придётся дожить до победы. Вот и зажили... жизнь прожили и ничего не видели. Что уж про жизнь говорить, даже с тобой ни разу не виделись, а в одной области живём! Всё дела какие-то, дела мешали. – Дед Сергей возмущённо прихлопнул ладонью по столешнице. – А если подумать ладом – какие дела? так – неурядь одна, мелкота да маята... Помоложе были, разве думали, куда время уходит. Жизнь, казалось, длинная, конца ей не будет! Ан нет... близко локоть, да не укусишь!

Память ты, память стариковская... длинна и извилиста, точно таёжная речка. Бьёшься в заламах, обдираешь бока на мелких ребристых перекатах, то вдруг разливаешься широко-ми и глубокими омутами. Весело течёшь по звонким, пронизанным солнечным светом сосновым борам – тогда светлеют глаза старика и разглаживаются глубокие морщины на лице; то упрямо продираешься через тёмные, дремучие урманы, и тогда никнет седая голова, туманятся глаза от тяжких дум...

– Чё жалишься? Жизнь прожил – краснеть не пришлось! Детей с матерью вырастили, – одёрнул себя старик. – Внук уже, Серёжка, в армию служить пошёл! – Старик вспомнил, как на проводах обнял его крепкий парнишка, а дед только заглядывал в родные серые глаза и ничего не мог сказать: все слова застряли в горле.

Чем пристальней дед Сергей вглядывается в смутный образ внука, тем сильнее у него в груди нарастает смутная глухая тревога... Вдруг где-то в глубоких пластах памяти одиноко и сухо прозвучал пистолетный выстрел. Образ внука растаял, а вместо него возникла другая картина. И не хотел бы старый солдат её вспоминать, а вспомнил...

Стояло знойное кубанское лето. Воздух был пропитан удушливо-сладковатым фронтовым смрадом. Несколько недель их батальон стоял в обороне. Солдаты отдыхали, используя фронтовое затишье. Обустроились, только ночью и днём выставлялись усиленные пулемётами секреты. Ночи южные,

тёмные; стрельба редкая – для острстки. Солдаты, да и офицеры успокоились, за что и были жестоко наказаны.

В одну из таких ночей, под самое утро, и произошло в их взводе несчастье.

Немецкая разведка прямо мастерски выкрала секрет вместе со станковым пулемётом. Командира взвода, молоденького лейтенанта, взяли под стражу. Трибунал на фронте работает споро. На следующее утро построили полк, поставили лейтенанта около свежевырытой ямы; военный прокурор зачитал обвинение, командир полка вынес приговор; комендант подошёл к лейтенанту и сорвал с него погоны.

Молодой парнишка в распушенной без ремня гимнастёрке, с которой были сорваны погоны, смотрел на строй растерянно-непонимающими глазами. От этого ещё совсем детского взгляда солдатам стало жутко. Они опустили глаза.

Старик похолодел. На него оттуда, издалека, смотрел уже не лейтенант, а родной внук Серёжка. Он ясно видел, как к нему подошёл комендант, взял за плечо и повернул его лицом к яме. Опущенные плечи, непокорный торчащий вихор на затылке, пистолетный выстрел – и всё кончено...

Вспыхнувшая в сознании старика картина была настолько реальна и страшна своим бездушием, что он застонал, схватившись за грудь; на глаза у него навернулись слёзы. Дед Сергей тяжело поднялся со стула и медленно подошёл к окну. Смахнув заскорузлой ладонью скупую слезинку со щеки, он мучительно прошептал:

– Господи, сосунок совсем – первогодок! Время-то какое настало, кто бы мог подумать... – Он крепко вцепился в подоконник, так что побелели пальцы. – Неужели придётся им хлебнуть нашего горя? Неужели наших мук недостаточно?

В окно к старику заглядывала глухая весенняя ночь, но в чуть-чуть засеревшем сумраке уже угадывалось зарождение нового дня. Дня Победы!

По стеклу редко бухали крупные дождевые капли...

В СНЕГАХ ГЛУБОКИХ

Главы из романа «Тыловики»

Сосновый бор за Тихеевкой околдован декабрьской стужей. Хвоя в изморози, топорщится, словно деревья облеплены несметным числом окоченелых ежей. Морозный туман с жидкими, сизыми дымами висит над бором тонконитной сетью.

В такое средизимье идёт по всему Понарымью военный лесоповал. Самый строгий, безоговорочный план – древесина для оборонных заводов. Конечно, спросится за пиловочник, телеграфник, судострой, шпальник, карандашник, рудничную стойку, но главная боль в голове – за сосны и кедры без изъяна. Певучим камертоном должна гудеть каждая авиасосна от обушного удара лесорубовского топора.

К любому плотбищу, катищу на берегах сплавных рек тянутся из урманов дороги-ледянки, снежно-поливные пути для вывозки спелой древесины. Стоический русский лес вновь призван на войну и для тыла. Идёт его косовица по Пельсе и Вадыльге. По Тыму и Васюгану. По Кети и Парабели. Не перечесать все реки, боры, гривы нарымских хвойников. Стоят оцепенелые многовёрстные тайги, готовые отправить дюжих сородичей на заклание.

Сплавщики-нарымцы торопятся произвести зимой обоновку рек: протянуть длинные сцепки охранных брёвен на опасных участках молевого сплава. Захочет текущая с водой древесина свильнуть в старые русла, заводи, ручьи, разлитые озёра – не удастся: боны отвергнут её, пошлют по маршруту сплава.

В колхозах ещё не везде завершена молотьба хлеба – силы брошены на молотьбу леса. Мелькают топоры обрубщиц сучков. Хрустят под самокатными пимами сухие шишки, рассыпают в утоптаный снег семена. Выживите, взойдите, кедры, сосны, пушистыми комочками! Порадуйте молодью обессиленный лес. Встаньте весной в безбольные родины природы, осчастливьте солнце и северную землю.

Не заморозить человека от пули, дерево от пилы. Тыловое Понарымье озвучилось чирканьем лучковых и широкополотных пил, хряским падением стылых стволов, перебранкой топоров.

Ещё потемну пустели таёжные рабочие бараки, занесённые по окна тугими сумётами. Бревенчатые стены с клочками пазового моха, сплошные нары, сделанные из тонкомерного леса-жердняка, обмазанные глиной небелёные печи совсем недавно слышали затяжные храпы, простудный кашель, оброченные спросонья несвязные слова, невольные глухие звуки, зародившиеся в спёртых животах и выпущенные в барачную тьму неизвестно кем. Из духоты лесорубовского жилища перешагивали за дверной порог в морозную свежесть таёжного утра. Сдерживали дыхание, не сразу запуская в себя колкий воздух.

Опустел барак за Тихеевкой. С нар свешиваются залосненные ватные одеяла. Под потолком на жёрдочках-вешалах сушатся сменные портянки, шерстяные крупной вязки носки. У дверного проёма висят на гвоздях покоробленные уздечки, рваные, прожжённые у костров телогрейки, переносной фонарь «летучая мышь» с надколотым стеклом. У печки горка сухих дров и скрюченная береста для растопки. Воздух до густоты пропитан пылью, вонью, портяночным и махорочным духом.

Осталась в бараке одна живая душа – Фросюшка Подайте Ниточку. Сидит на нарах, обхватив руками ватную подушку. Тупо смотрит на тусклый фонарь. Крысы, стерегущие время ухода лесоповальщиков, смело и нахально выкатываются из половых прогрызов. Полоумка убирает барак, топит печь, терпеливо сносит издёвки и шлепки по костистому заду. Кто-нибудь из мужиков, ущербных телом и потому не взятых на фронт, прикрепит к подолу Фросюшки обломок сучка и зубоскальничает на нарах, обнажая грязные никотиновые зубы. Ходит Фросюшка с сучком, не замечает его.

Лень сползть с нар на холодный пол. В руках полоумки ватная подушка превращается в малютку. Баюкает дитя, тянет заунывную колыбельщину – ааа-ыыы-ууу-ооо. Вата в подушке слежалась, сбилась в полушар. Фросюшка Подайте Ниточку

положила комковину на сгиб левой руки, гладит головку ребёночка. У печки зашевелилась береста, поползла. Женщина оборвала мычание, положила подушку. Крыса напомнила о барачных делах. Надо хватать голик, подметать грязный, щербатый пол в окурках, плевках, опилках, вытряхнутых из валенок при разувании. Ждёт охолодевшая печка. Снег у крыльца. Обула на босу ногу великоватые серые катанки. Толкнула обмёрзшую неподатливую дверь: открыла вход морозу.

Она любила проветривать барак. Заворожённо смотрела на шустрые клубы текучего морозного воздуха, заползающего под нары, в углы, на женскую половину многолюдного жилища, разгороженного широкой холстиной. Материя проткнута сучками, гвоздями. Её проколупали пальцами для тайного подгляда, обозрения чужих спален.

За дверью в долгом карауле стояла декабрьская тьма.

Солнцу долго выбираться из хвойных теснин. Высоты осыпаны звёздным, рассыпным инеем. Ополовиненная луна поспешила оставить ледяную арену, скатиться по куполам за Пельсу.

Недавний буран завалил тропу в сосняки. Лесоповальщики, раскряжёвщики, сучкожоги, возчики брёвен, смотрители за дорогой-ледянкой упорно уминали пимами рыхлый снег, тропили к деляне новопуток. В лабиринте стволов потерянно кружились бледные пятна фонарей. Желтоватыми лунными зайчиками прыгали они по сторонам, тонули в глубокой смутной тьме. Упрётся фонарный свет в правую откосину ночи, отскочит испуганно. Попытается пробить брешь слева – те же непробойные напластования застойной черноты.

Первым уминает снег подошвами подшитых пимов бригадир-стахановец Яков Запрудин. Правый пустой рукав телогрейки засунут за верёвочную опояску. Рука, отсечённая в госпитале выше локтя, ещё помнит памятью оставленной культи жилистую кисть, мёртвый сжим пальцев. Изрубцованный, зауженный скальпелем хирурга сине-красный остаток руки постоянно ноет, мёрзнет и в ватном тепле. Грубо помеченный войной мужик натягивает на культю шерстяной носок, перехватывает поверху ремешком.

Однокрылый вожак ведёт потемну длинную стаю не на от-

дых: перелёт военных дней длителен. Давно взлетела война бомбовыми разрывами, снарядами, осколками мин. Забыли бойцы об отдыхе. Бесконечно тянутся изнуряющие бои: одних уводят в землю, других выводят в поля сражений. Живые вновь прячутся по окопам, землянкам, определяются на постоя в церквах, школах, полуразрушенных сёлах.

Выбили Якова Запрудина из кона войны. Поставили на кон тыла. И с одним крылом высоко взлетел.

В звонкий бор отрядили рабочую силу два колхоза. Влились сюда и староверцы.

В одну из ночей пал коренной снег. Соседняя с Тихеевкой деревня Большие Броды по твёрдому зимопутью отправила в сосновый бор длинный обоз. Везли картошку, укутанную соломой. Мешки с горохом, турнепсом, овсом. Чернел на соломе крутым сажным пузом трёхведёрный артельный котёл. Бригадир Запрудин-старший наказал сыну Захару проверить наличие упряжи, верёвок, пил, топоров. Захватили напильники, дратву, вар, гвозди кузнечнойковки, мыло, подковы. Растянутый обоз, шагающие и сидящие на санях артельцы могли сойти за партизанский отряд. Пробирался он не в тыл врага: у отряда были иные тылы, устрашающие фашистов. Стойкий труд нарымцев разбивал их планы, изматывал на фронтах, приостанавливая наступления, заставлял пятиться и терять дивизии.

Большие Броды – деревня, открытая ветрам и васюганскому заречью. Запрудины были нужны колхозу, деревне, нарымской земле, как нужен всходам на полях тёплый дождик-сеянец.

Подрезала война Яшу Запрудина. Лес без остатка забирает его силу. Пилит одной рукой сосну – зубы в крепкий притиск: весь в испарине. Мелькает лучок, исходит дерево предсмертным стоном.

Скоро тропа вольётся в дорогу-лебянку. Близок путь до лесосек, если идти шаговито. Яков торопится, улавливая за спиной пыхтение и вздохи. Вздрагивает фонарь в руке: она, на долго пленённая лучковой пилой, и на воле не отступает от рывкового движения к себе, от себя. Во сне лучок тоже задаёт руке привычный урок: пальцы теребят лоскутное одеяло, локоть катается по нему. Даже вынужденная бездельница-куль-

тя старается подмогнуть напарнице, на которую свалилась двойная тягота лесоповала.

Открыты миру Большие Броды. Зато Тихеевка упрятана в тайге. Отшатнулась от Пельсы, и от этого шага в сторону покривилась изгородями, скворечниками, воротными столбами. Скрипят дровни по новоснежью, оставляют на тихеевской дороге-саннице росчерки полозьев. На первых дровнях две громоздкие фигуры в тулупах. Надтреснутый поддужный колокольчик плещет на тёмные снега нечёткий звон.

Тихеевцы посылают на лесоповал дюжину женщин, пять мужиков, забракованных военкомиссией, несколько рослых юнцов и старичка Аггея. Про себя он говорит: «Я ещё у тех германцев был во плену, которые походом на нас ходили. Они навреждение мне сделали: опоили чем-то. Обменяли нас голова на голову. Возвернулся на Алтай, страшусь с жинкой в постель ложиться. В кальсонах стыдоба, не мужская вещь... Чего поганцы во плену утворили – до сих пор не пойму...».

Аггей балагур и складный матерщинник.

Не дремлет под дугой гремок, но вгоняет в дрёму тихеевских бабонек.

Вчера были солдатками, сегодня в горьких вдовиц обернулись. Прилетит казённая бумажка-не промашка, рученьки опалит, сердце сдавит. Ходят такие потерянные вдовы с глазами навывкат, напоминают Фросюшку-полоумку. Валяются из рук вилы, ухваты, лучины. Выскальзывают подойники и кринки. Молчит-молчит молодая вдовица, копит боль, да и выльет её страшным взвоем:

«Гооспооди, неведомо что творишь на земле. Неужели мы нелюди – обмерки какие? Оторвали силом, во глушь окунули... мужиикоов фрицы побиилии...».

Отревут своё – дальше живут.

Ежедневный хлебный паёк заставляет мозолить руки. Поднимутся на ладонях красные волны, опадут, превратятся в тёмные пятна. Жуй и жуй пилами неподатливую древесину, если хочешь пожевать податливый, тающий во рту хлебушко.

Что нависло над дорогой-санницей: полуночь, полутро? Сделает ли зимнее солнышко световой полив тайги или оставит на вечное съедение колючей тьме?

Тихеевские сани остановились у истока ледянки. Поддужный колокольчик остывал от запойного звона.

– Бабоньки, вытряхайсь! – отвопил из-под тулупного грузного воротника Аггей. – Слышите – Большие Броды тюкают. Забарабают все хлебные пайки – зубы на полати придётся нам забросить.

– Скоро ноги отбросим, – проворчала плечистая вдова Валерия, держа перед собой обрывок газеты для козьей ножки. – Аггеюшка, дай табачку.

– Твой поспит в кисете? Шалишь, кума. Мы тоже знаем, почём нынче грош.

Из тайги высачивался запах кострового дыма. Меж стволов замелькали суетливые огоньки: начали кострить подборщицы сучков. Запалили сушняк и пока не давили огонь тяжестью мёрзлой хвои, не выжимали из горящих куч вороха тяжёлого, едучего дыма. Сучкожоги зажигали первый – досолнечный – свет для вальщиков. Свет больших костров был нужен огребщикам околоствольного снега, сучкорубам, всем трудармейцам, урезавшим темноту ради двухчасовой прибавки тяжёлого тылового времени.

С треском выстреливали из костров пропитанные огнём угли. Трассирующими пулями делали красные росчерки, с шипением прожигали рыхлый снег. Костры разрядили таёжную темь, до срока погасили над бором зябкие звёзды.

Запрудин беглым проницательным оглядом находил самые пригодные, самые подходящие сосны под высокую марку – для обороны. Дотоле молчаливый, ждущий трудного часа сосновый бор теперь тоже оборонял отчуждённую землю: из неё возрос, её усыплял хвойным шумом. Редели золотые колонны. Долго стояли они, набирались стойкости, цедили сладкие земные соки.

Бригадир оглядывал могутные стволы, высокую раскидистую крону. Деревья кричали наперебой: бери меня, меня, меня. Мы будем шуметь в пропеллерах. Самолётными крыльями обопрёмся на воздух... меня, меня.

Для верности и окончательного выбора Яков стучал обухом топора по стройному стволу сосны. Листовым золотом срывалась лёгкая кора, кружилась над глубоким снегом. От

обушного удара дерево тонко звенело. Вальщик чутким слухом улавливал нежную сосновую мелодию и приступал к ошкурровке ствола: освободишь его от нижнего толстого слоя коры – значит, меньше серы, смолы набьётся в зубья лучковой пилы. И высоту пня определить легче. Лесообъездчик следит строго: пни должны оставаться ровные, невысокие.

Захар успел откидать снег от ствола. Взял топор из отцовской руки. Неподатливая кора примёрзла, пришлось стёсывать вместе со щепой. Дерево роняло лёгкие комья. Они решетили подкронные снега, впитывающие блики густеющих огней.

Бригадирский лучок насторожённо ждёт жаркой минуты. Скоро он надолго распрощается с покоем. Зубастое тонкое полотно лучка напоминает кружевную тесёмку, туго натянутую между плоских берёзовых стоячков. Прочная верёвка, скрученная в жгут деревянной закруткой, производит нужную натяжку полотна на раме. Если подсчитать все годовые кольца деревьев, сваленных бригадирской пилой, получатся многие миллионы древолет. Виток – годок. Пила за прогонку разжужжит и выплюнет с опилками несколько годовых колец. Разбежались по бору бесчисленные пни. Летом пузырятся смолой, залепают кольчатый срез: корни по вековому инстинкту берут земные подати смолами и соками. Поднимать бы их по стволам до каждой хвоинки, да подрезаны все жилы. Пням достаются последние ласки и сладости земли.

Насупленное молчание отца передаётся сыну. Пришёл с войны, оставил там руку. Принёс в волосах досрочную седину, обменял красивое лицо на ошрамленный лик: на нём осталась непогашенной извечная дума жизни.

Яков снимает рукавицу-шубинку, засовывает за опояску. Теперь рука, взявшая лучок, всецело переходит на внутреннее тепло. Его в достаточном количестве произведёт потное тело. Даже кулья взмокреет в укромном месте под колючей шерстью. Махал ли Запрудин топором, делая подруб сосны перед пилением, таскал ли взад-вперёд лучок, оседающий в глубь ствола – постоянным видением возникала перед глазами правая, когда-то живая рука, низведённая войной до багрового обрубка. Он видел бывшую руку веснушчатой, шерстистой, с

крупным родимым пятном возле вспученной вены. На запястье жила сильно пульсировала от скрытого бега крови. Пальцы не существующей теперь руки тоже были перед глазами – с порезами ножей и стамесок, уколами гвоздей и шильев, с синими трещиноватыми ногтями, по которым разбежались белые пятнышки. Захарка любил считать белячки, верил: они сулят обновки. Проходили месяцы, обновок не появлялось. Отец напяливал всё ту же грубую суконную рубаху, подшитую на локтях, влезал в залосненные штаны. Обувал вечные чирки, собранные по голяшкам в гармошку.

Нехватка правой – главной рабочей руки – особенно сказывалась в первые месяцы. Шевелился машинально обрубок в пустом рукаве, искал и не находил применения. Запоздало спохватывалась осиротелая рука, брала рубанок, вожжи, деревянную ложку, веник в бане. Ей, только ей перепадало теперь всяческое поделье. В её ведение переходило всё тело солдата, списанного войной в деревню. Не хватало второй ладошки похлопать на колхозной сходке. Яков не хотел подкачать и тут: стучал рукой о лавку или по колену. Война насильно сделала его левшой. Левой голосовал на собраниях. Левой поднимал стакан с бражкой.

Сын подпиливал лучком сосну рядом. Он никак не мог угнаться за отцом, хотя из трёх учтённых тылом запрудинских рук Захару принадлежали обе-две. Вальщики знали, куда повалить вершинами авиасосны – к костру. Обрубщицам меньше беготни – огонь рядом.

Запрудины проливали на лесосеке пот, истекали им, таким же солким, как кровь. Труд войны и труд тыла выжимали влагу разного цвета, но для цвета победы годилась любая.

Тихеевцы запалили костры по левую сторону дороги-ледянки. Дед Аггей нёс широкополотную пилу на правом плече – ходила волной тонкая сталь, качался за спиной берёзовый, отполированный рукавицами колышек-ручка. Напарница по валке, не сумевшая подстрелить у деда табачок, шагала молча след в след.

– Ку-у-ма-а?

– Чё тебе?

– Воспой расцыганскую песню – порушь тоску.

- Заглох бы ты... пожалел махры на закрутку.
- Не пожалел. Кури, дура, меньше. Задыхаешься – пилу еле-еле таскаешь. Была ты ниткой двупрядной, истёрлась раньше времени.
- Тут изотрёшься. Мужика там чиркнули. Пила здесь меня чиркнет – доконает. Бор за горло сдавил.
- Не тебя одну давит. По моим летам на печи лежать надо да вьюги по пальцам считать.
- Поматерись, дед, облегчи душеньку. Песенный у тебя маток.
- Нельзя, кума, сегодня Боженьку по-рыцарски поминать – воскресенье.
- Верно. Забыла совсем. Кубатура проклятая память отшибла.

Огребли снег у сосны. Без ошкурровки низа ствола дали пиле полную разгонку. Вчера Аггей развёл её позубно: один ровный рядок идёт влево, другой вправо. Плоский ромбический напильник давно каждый зубок изучил. Остро наточил: любая вершинка за ноготь хватается. Посмотришь при ясном свете в междузубье, поворачивая пилу пологим брюшком на себя – пробежит перед глазами сияющая узенькая дорожка. Тянется она серебряной колеёй. Такая пила за один чирк пускает под ноги пышный опилковый ус. В сторону Аггея свисает ус длинный. В сторону кумы покороче, поскуднее. Дед тянет к себе прогонистую пилу с силой. Возвращая её напарнице, мог бы полностью расслабить руки, но они напористо толкают ручку, а значит, и полотно к задышливой куме. Она подняла со дна души ещё не все слёзы по убитому мужу. Глубок колодец горя, многослёзен. Крепитесь, русские вдовы. Истекая слезами, не иссякайте телесной и духовной силой. Кто поручится на горестной земле, что миновала ваша самая тяжкая доля?! Материнские сердца никогда не впадут в забытье по убитым сынам и мужьям. Слезами и кровью омываются женские сердца... Бессрочная доля у русской женщины. Нескончаем плач Ярославны.

Толстая сосна под пилой – кубатуристая. Вскидывает Аггей глаза, поправляет облезлую шапчонку. Даже не с овчинку кажется небо, начинающее слабо светлеть, – с кисет. Скоро

рухнет колонна, ветвистая крона оставит брешь в небесах. Носятся по снегам красные тени костров, выхватывают из темноты крутые бока кедров, бросают отсветы на ровные стволы берёз: они кажутся порождением снегов, их недвижимым смерчем, скрученным во время вьюги и оставленным среди хвойной немоты игольчатых деревьев.

Отовсюду слышатся крики – ээй, беррегиись... паада-иит... Сомнётся стволом, густой кроной морозная тишь, колыхнётся по лесосекам короткое хрустальное эхо. И снова чирканье пил, ржание тягловых коней, постук топоров, несвязный говор сучкожогов. И опять пугливое – берре-гиись... ээй... паадаит...

Воскресное утро медленно воскресает на ледяных куполах. Скоро неуверенный рассвет проредит мелкие звёзды. Оставит стойкие, броские: недолго посияют последним светом и эти зрачки небес.

Поодаль от тихеевских и большебродских артельцев ведут валку староверы с верховья Пельсы. Живут они в бараке вместе с колхозниками из Больших Бродов. Из артельного котла не едят. Артельной посудой не пользуются. Чашки, ложки, кружки хранят в закрываемом сундуке. Туда прячут и съестные припасы. Крупой, жирами, хлебом ведаёт криворотый сухонький Остах Куцейкин. Нижняя губа у него сдвинута вправо, будто моляка-двуперстник вздумал однажды кого-то передразнить да так и остался с перекошенным ртом. Кривоту губ скрывают отчасти редкие усы. Мужичонка светел волосами и бородой: чистый слепок с Серебряного старца.

Куцейкиных три братана – Остах, Орефий и Онуфрий. Ходит предание, что их скитский прадед никогда не называл господа бога с тугой буквы. Величал его светло и прокатно – с о: Осподи Боже. Посему всю куцейкинскую родовую наделяли именами осподними. Остаха оставили в тылу по причине шибкой костлявости тела. Разделся на военкомиссии – одни мощи. Капитан стыдливо отвёл глаза, кивнул на горку старой одежки: «Прикройся, прикройся скорее...». Оделся, сокрыл тело, замученное постами, и остался под бронью.

Орефий и Онуфрий тоже постились по уставному староверческому численнику, но были могутными, рослыми: такие и рогатиной медведя осадят. Остах-заморыш рядышком

с голыми братанами выглядел сморчком возле крепеньких боровиков. Капитан из призывной комиссии подал Орефию красномедный пятак екатерининского времени:

«Продави монету – вот так».

Орефий посмотрел безглаголиво на три слитых пальца. Отвернулся, прокатил по груди из стороны в сторону опрятную бородень. Ненавистную с малолетства щепоть не хотелось даже видеть. Не соберёт он пальцы воединым сдвигом, не покажет силушку на старинном пятаке.

На щуплом капитане мешковато висел новый китель, на пуговицах броско сияли начищенные звёзды. В одну из них Орефий упёрся бычьим взглядом, напружинил широкие скулы – даже борода дёрнулась. Он видел перед собой звезду-разлучницу. Остаху повезло – отвертелся от фронта. Он с Онуфрием загремит. Вон прыщавый солдатик борзо пером скрипит – втискивает их души в бумагу... Орефий шагнул к капитану, подsunул под нижнюю пуговицу кителя указательный палец и даванул большим сияющую звезду. Пуговица сплющилась. Недоуменный капитан расширил глаза, потрогал измятую звезду.

«Ты что, христомалец, наделал? Д-да за такие штучки... В штрафбат захотел?» Спокойный староверец поддёрнул кальсоны, пошарил взглядом иконы по углам. В простенке висела единственная икона – застеклённый в рамке портрет Сталина. Орефий помолился не ему – распаханному сейфу.

«Не убий – глаголят уста твои, Господи... распятые скоро будем... всем гвозди откованы и кресты излажены...»

Военный взвизгнул.

«Ты мне тут церкву не строй! Мы купола-то давно сшибли...»

Орефий шептал сейфу молитву – братаны чертили в воздухе раскольничьи кресты.

Онуфрия и Орефия обезбородили. Волосы остригли бобриком. Бобров с верховья Пельсы ждала в скором будущем вагонная теплушка, чтобы проглотить на томском перроне и выплюнуть перед Москвой. Каждый отстук колёс будет урезать торную дороженьку на запад.

Вялый Остах Куцейкин топтался возле сваленной сосны,

подбираясь с топором к частым сучкам. Кажется, целую вечность не выпускает он из рук скользкое топорщице. Тыкаются в лицо ломкие иглы. Набивается в бороду крошево коры. От сучков, припаянных к стволу, отскакивают при обрубке литые кусочки древесины. С пулевой скоростью хлещут по щекам, глазам, лбу.

По вёснам выпадают росы: первая – ледовая, вторая – медовая. На Остаха пала зимняя, самая злобная роса. Потом пала, пропитала рубаху-нательницу, подклад шапки.

Летит сосна, торопится отдать земле смертный поклон. Куцейкину легко шагнуть под неё и тоже навек раскланяться с немилостивой нарымской землёй. Невмоготу встать в доутренний срок, раскалывать сон ранним пробуждением. Ненавистен Остаху протабаченный барак, матерковая галдень людского гурта, согнанного под тесовую крышу.

Плетутся по дороге-ледянке измотанные клячи, сопящие быки, приученные к ругани и кнутам. Плетётся каждое утро на лесосеку староверский гурток: кашляет, сопит, лопочет на ходу молитвы, прочищает глотку и ноздри от барачного чада.

Раздавил Орефий звезду на капитанском кителе, но судьбинушку разве раздавишь? Прощался с хилым Остахом в тугой обхват загребистых рук, обдал ухо горячим шёпотом: «Всё равно, братец, винтовку расколю об колено и на Пельсу сбегу...».

Остаху топор об колено не расколоть. Никуда не сбежать. Попробовал разок симульнуть: впихнул в задний проход кусочек поваренной соли – нагнал высокие телесные градусы. За окнами барака мороз жмёт под сорок. Под мышкой у староверца термометр жару показывает.

Запрудин в военном госпитале вдоволь насмотрелся на хитрые штучки-дрючки. Ефрейтор-пехотинец, косенький ехидный мужичок, не давал срастаться под гипсом костям ноги. Их расшевелил в бою минный осколок, теперь нарочно расшевеливал раненый: отдалял повторную отправку на фронт. Скуластый, востроглазый татарин с Крымского полуострова, легко раненный в брюшную полость, тоже вводил в обман госпитальных врачей. Открошил в своей деревне кусочки соли от камня-лизунца, возил в вещмешке. Сероватые валуны, ле-

жащие на пастбищах, возле водопойных колод, служат лакомством для коней, овец, рогатого скота. Послужили они лакомством и для солдата автоматной роты. Его кровать в госпитале стояла неподалёку от запрудинской. Подсмотрел Яков: обкапывал татарин во рту белый комочек. Безрукий фронтовик догадался сразу: за крепкими зубами солдата мелькал не сахар. Он часто сплёвывал в утку густую слюну.

Перед выпиской автоматчика из госпиталя врачи долго не могли согнать с него высокую температуру. Утомлённый бессонницей хирург проверил тумбочку, нашёл под растрёпаным Кораном кругляши соли. Пехотинца и автоматчика судил военный трибунал.

Из госпиталя Яков рвался на фронт. Горько мучился от сознания, что изуродованное тело будто отделилось от его души, норовит домой, в васюганскую деревеньку. Хотелось воевать, мстить за Родину, народ, за жуткую телесную боль и немощь, причинённые вражьи металлом.

Нарымец Запрудин поднимался в атаку рывком. Всегда бежал немного впереди растянутой рваной цепи одноротников. Яростно выкатывал из себя крепнущее уррраа, сливал клич в бурлящую волну бойцовских глоток. Где-то в гремящей и орущей цепи бежал политрук – взвинченный, чернокудрый полтавец. Вперёд, вперёд! Ни шагу назад!.. Остались за спиной насиженные окопы. За Волоколамском тоже наша земля, но считай, что её сейчас нет. Считай, что эта, испятнанная бегущими фигурами частица среднерусской равнины – последнее пристанище врага. Матушка-Москва не простит поражения, позора отступления.

Качаются сверкающие штыки, режут спрессованный воздух узкого перешейка перед фашистской пехотой. Пули навешивают бойцам последний, беспробудный сон. Судьба распоряжается жарким боем: иных укладывает на временную лёжку, иным готовит деревянные кресты, над другими замелькали красные кресты медсанбатовских спасательниц.

В госпитале Запрудин невольно прокручивал в голове убийственно правдивую хронику пережитых событий. Война-война, зачем ты так рано выбила из седла храброго наездника?! Зачем убрала из-под ног стремяна, опутала госпиталь-

ными тугими бинтами? Комковатый ватный матрас в пятнах крови, йода и марганцовки, тощая ватная подушка, застиранные простыни, прикроватная шаткая тумбочка вгоняли Запрудина в долгую зелёную тоску. В многолюдной палате стучали костыли и глазастые доминошные костяшки. Сыпались анекдоты, имена целованных и невинных девчонок, эпизоды боёв и житейские случаи. Пробовали едко шутить: подсчитывали – сколько на восемнадцать гвардейцев приходится теперь рук и ног. Недостача была крупной, ведь крупной была навязанная фашистами война.

После фронта Якова злили и раздражали симулянты, отлынивающие от тыловых трудов. Он заподозрил Остаха Куцейкина, догадался о воспалении его хитрости. Поутру староверец заторопился на улицу по нужде. Яков завёл криворотого моляку за уборную, приказал оправиться на снег:

«Выбрасывай из ж... соль!»

Сучкоруб захлопал глазами, закрестился.

«Задницу перекрести, чтоб соль не глотала... Выкладывай! Буду день караулить, пока она комок не выплюнет. У нас в госпитале был такой шустряк, под трибунал угодил».

Куцейкин бухнулся в ноги стахановцу. Обхватив тощими пальцами чёрный пим, заскулил по-щенячьи.

«Бородатый хитрец! По военному времени мы тебя за тыловое дезертирство карать будем...»

Нет, не расколоть Остаха о худое колено почти костяное топорище. Бригадир поклялся смолчать о симулянстве. Куцейкин взвалил на себя тяжёлый молебный крест обещания махать топором до последнего изнеможения.

– Иизэй, боойся... паадааиит...

Из каждого лесного закутка вылетали грозные предупредительные окрики. Это сам могучий нарымский урман зычно кричал врагу:

– Беррегииись! Упаду я, лягу стволами и кроной. Не встанешь с русской земли ты. Ляжешь погаными костями... Боойся!..

Много сосен в бору. Много в Понарымье урманов. Везде ползут по ледовым и снежным дорогам скрипучие сани и подсанки. На них замороженные до самого первого годового

кольца ровные брёвна. Куда покатятся кольца? В цеха военных заводов. На пилорамы, где режут шпалу, брус, тёс, плахи. Всё равно будет отсечена врагу башка на плахе войны.

Пойдут брёвна на телеграфные столбы: по ним придёт счастливая весть о нашей победе. Древесина пойдёт на шахтную крепь, подпрёт угольные пласты в забоях. Сейчас вся страна превращена в один опасный забой, и надо его подпирать трудом: плечами, руками, спиной. Люди сибирского тыла – надёжная, необрушная крепь Родины. Не раздавить, не расщепить её врагам.

...Беррегиись! Паадаиит!..

Запрудины подпиливали лучками сосны и тьму: она оседала, рушилась на глубокие снега. Всё ниже опускались пласты скупого рассвета, неудержимо скатывались со скользких куполов.

Осветлялись небеса – ужимались огни костров. Теряли над тьмою недолгую власть, отдавали её новой солнечной силе.

Телогрейку Яков давно снял, укрепил на пояснице тонкой опояской. При нагибе мороз холодит спину, стежёнка не даёт ему полной воли. Серая нательная рубаха мокра от пота. Мокреть просачивается через вторую, байковую одежку: спина покрывается махристым куржаком.

Немее левая рука, спаянная с лучком. Даже культя упрела, издёргалась на подсобляющем плече.

Неугомонный лучок закручивает опилковые усы вокруг ствола.

– Сыноок, отдохни.

– Не устаал.

Захару приятно слышать отцовское жалеющее словцо – отдохни. Оно вливает свежую силу, бодрит и подгоняет лучок.

Кочанной капустой хрустит под пимами снег, усеянный корой, хвоей и опилками. Взамен статных авиасосен остаются низкие стандартные пни, напоминающие о вековой стойкой жизни деревьев.

Тихеевские артельцы медленнее рушат стволы. Аггей с кумой пятую сосну не опрокинули – напарница стала выдыхаться. Дёргает пилу вяло, рывками.

– Курица! Тяни ровнее! – строжится Аггей.

- В воскресенье Бог дал рукам покой.
- Война отменила всевышнее распоряжение. Тяни, тяни шибче. Не зря план и паёк одной буквой накрепко связаны – сапожным ножом не разрежешь.
- Умаялась я, Аггеюшка. Ослобони на перекур.
- У тебя табак силу ворует. Курево дыхалку перекрывает.
- Ослобони.
- Уроним – отдохнёшь. Я лучком попилю.
- Не устал, чё ли?
- Костлявый я – пружинистый.

Рухнула головушкой к костру очередная кубатурная сосна.

Вдова Валерия сидела на пне, распускала толстую самокрутку на пряди дыма. Курила в глубокую затяжку. Хмельно кружилась голова. Сошли с мест, закачались деревья. Неподаляку дед Аггей в рубахе-беспояске, в отвислых ватных штанах водил лучком-смычком по сосне. В ушах Валерии, опьянённой куревом, слышалась давно забытая мелодия мелькнувшей юности. Полегла луговыми цветами. Оплавилась утренней парной росой. Уплыла по быстрому течению времени ромашковыми венками. Костяные гребешки обломали зубья о густые чёрные волосы, проредили их. Набежные годы дохнули на пряди ранней изморозью.

Тятя Панкратий – мужик цыганских кровей – последний раз густо смазал колёса кочующей кибитки и навсегда оставил табор. Под Бийском наладил крепкое хозяйство. Всего было вдоволь – хлеба, масла, овса для коней, сливок и гнутых пряников. Обезжирили Панкратия, самого согнули пряником. И в Тихеевке не распрямился, не согнал с глаз плотной пелены. Под завихрение массового артельства загребла метучая метла не одного мужичка-середнячка. Покатился истёртой подковой и тятя красавицы Валерии.

В Тихеевке прыщавый, развязный конвойник не давал проходу кулацкой дочери. Стыдила служаку словами, секла взглядом, била по рукам. Стройная, с плавной покатынкой бёдер молодайка ловко выскальзывала из хватких рук. Посмеивалась в лицо парню:

«Ты, бриллиантовый мой, при погонах, при ремне. Вот и ходи опогоненный – не опоганенный».

«Уступи!» – слышалась вослед устрашающая мольба.

Красавица ехидно крутила возле подола смачную фигу.

В субботний пасмурный вечер конвойник подкараулил у поскотины девушку, намотал на кулак пышные, волнистые волосы. Дохнув сивушной вонью, просипел: «Не явишься через час за артельную баню – навечно в тайге сгною...».

Валерия страшилась посвящать отца в тайну своих мук. Буйным был Панкратий. Не раз истязал жену, дочь. Разгонял табор топором и оглоблей. В Тихеевке ходил сумрачный, со стиснутыми зубами. Зло сверкал воронёной сталью глаз. Правая рука с растопыренными пальцами постоянно маячила над голенищем старого хромового сапога: была готова в любой миг выхватить оттуда цыганский отточенный нож.

Расшатал служака корни волос. Ныла от боли голова Валерии. Не собиралась говорить отцу, да неожиданно в сенях бухнула про долгую обиду.

За артельной баней рос густой боярышник. Панкратий пришёл сюда на свидание вместо дочери. Приготовил из боярки пышный веник: выбирал прутья с частыми крупными шипами. Похаживал скорыми шагами возле стены боярышника, в нетерпении взмахивал на полный вылет руки шипастым веничком.

Конвойник поздно заметил Панкратия. Почувствовав недоброе, повернул за бревенчатую стену. Парильщик догнал его, стал исхлёстывать веник о голову, о холёное ненавистное тело трухнувшего парня. Шипы полосовали лицо, острыми шильями впивались в уши, плечи, спину.

«Хорроша банька?.. Поддать парку?!»

На четыре безгрешных слова кузнец выплёскивал дюжину грешных – матерных, смачных.

Сейчас конвойным оказался мужичок-середнячок, напрасно стронутый с алтайской земли. Он гнал прыщавого парня по деревенской улице сквозь строй новых избёнок. Каждая подхлёстывала усмешным взглядом удивлённых окон.

Месяца два назад рассерженный Панкратий выпалил при конвоирах: «Мы – середняки. Почему нас носом в лохань ткнули? Почему шибанули оглоблей по рукам? Всё отбили. Душа чахнуть стала, руки сохнуть...».

«Выкинь труху из башки! – прыщавый поправил широкий ремень. – Давно кулацкий душок выпускаешь...»

Душок припомнили. Вернее, не забыли тайное свидание за баней. Кузнеца доставили под стражей в большое обское село. При закрытых дверях опозоренный конвойник наотмашь охаживал бунтаря валенком, бросив туда пестик от ступки. Второй служивец держал Панкратия за руки, прямил чёрную, кучерявую голову, ухватив за густую шевелюру. Опричники преуспели в деле расправы над непокорными. Набили руку, запаслись секретами. Один из них применяли сейчас. Знали: гири, пестики, мраморные пресс-папье, опущенные в пимы, не оставляют следов при битье. Мокрое тело тоже. Никакой литой кулак не оставит отпечатка на лице кулака, любого репрессировца, если бить через книгу, кипу бумаг. Пусть сотрясаются мозги и внутренности, смещаются печёнки-селезёнки, главное – нет на теле печатей безнаказанной расправы.

Курит Валерия на пне, разгоняет усталость тела, чёрные тучи вдовьих дум. Скоро огонь истлелой закрутки подберётся к пухлым губам, не потерявшим алости и жара. Вспоминает женщина горькое быльё жизни. За избиение в комендатуре тятя отплатил злым бичом. Бил конвойника принародно: он извивался от острых ужалов. Хлестая, кузнец швырял в толпу яростные слова:

– Вот так... всегда... учите ггадов!.. Разнузданные своевольники!..

Гудящий бич расставлял точки после спянных, вылетающих из оскорблённого сердца слов.

Конвойник выхватил наган, пальнул по ногам разъярённого мужика. Пуля угодила в каблук сапога, срикошетила в траву.

На сей раз Панкратия взяли надолго. Не вернулся к октябрьскому празднику. Прошёл Новый год. Подходили майские деньки... Колхоз потерял отличного кузнеца, семья – надёжного кормильца.

Жена, дочь, её муж – свадьбу сыграли незадолго до печальной развязки с отцом – наводили по властям справки. Писали во многие казённые дома, ниоткуда не получая ответа. Изматывала неизвестность. У кого узнать? Кому пожаловаться?..

Окурок обжёг губы. Валерия выплюнула его, приложила горсть снега. Дед Аггей с воловьим упрямством лучковал сосну. Маячил залосненными толстыми штанами.

«Пили-пили, жилистый-пружинистый, – шептала кума. – Мне паёк тоже нужен, да чёрт с ним – на картошке, на жмыхе перебуюсь...».

Перестала шептать. Дальнейшие слова попрыгали в голову, разбежались по извилинам, перешли в мысли: «Мужа убили – пришла казённая бумага-подтвердитовка. Война, а всё ясно: какая беда, какая жратва. В тылу тятя пропал без вести – ни до кого не докричишься. Это как называется? Сплошная подлость...».

И снова выкатились из головы слова, отлились в шёпот:

«Пили-пили, Аггеюшка... пайком со мной поделишься... ты добрый дед...»

Валерия отплевалась в снег, тихонько потянула из души песню про чистое полечко, которое породило ракитов куст. Под ним лежит молодой солдат – весь израненный, весь истрелянный. Вдова видит мужа-солдата, его верного коня: он шершавым языком виновато лижет поверженного седока. Надо поторопиться, передать верному другу-коню последние слова наказа:

...Забегу, мой конь, в самый крайний дом.

Передай, мой конь, мамоньке поклон.

А жене скажи: я женат на другой.

Что жена у меня – гробовая доска.

Оженила меня пуля быстрая,

Обвенчала меня сабля вострая.

Мать – сырая земля,

А отец у меня – деревянный крест...

Слабым речитативом закончила Валерия грустную песню. Встала со свежего пня. Скоро у ног вальщика замаячит новый срез. Между пнями топорщится над снегом сбережённая сосновая молодь: молча принимает природа родины у тайги. Пеленает хвоей, листьями. Потеплее закутывает в снега. Вальщики, сучкорубы, огребщики проявляют осмотрительность, жалеют бережённый богом и бором молоднячок. Родичи сто-

ят вокруг могучие: от них поднимаются крепенькие игластые мальцы.

– Куумаа! Беррегиись!

– Эггей!

Обдало напарницу холодным ветром от матёрой кроны. Посыпался на неё мелкий дробленый снежок.

– Не устал, дед?

– Чему уставать – жилы с костями срослись.

– Силён!

– Похвальба молодцу даром пройдёт. Похвальба старику – лишний годок на веку прибавит.

Потрогал пальцами горячее полотно лучковой пилы.

– Жаркая валка. Трение до чего сталь доводит – словно в горне побывала. Вот тут трещинка наметилась. Жаль: скоро полотно порвётся. Эх, Панкратия твоего нет – он полотна паял на зависть пыльщикам. В новом месте лучок лопнет, на спайке – хрен...

Не травы, дед, душу. Сейчас горевала, об отце думала.

Да-а, ни за что ни про что сгинул человек. Война мертвит, и в тылу лихота. Крепчай духом, милая. Нам его раньше времени выпускать нельзя. Пусть фашист его наперёд испустит. Ещё отдохнёшь или вместе подёргаем?

Пойдём, отдохнула чуток.

Аггей лихо обнял куму за талию, охотно потискал через стежёнку два взлобка. Взревел на бор, переиначив строчку в известной песне:

Отеец мой был природный пахаарь.

Й-я уу негоо природный хахааль...

Вдова не оттолкнула ищущую руку...

Надпись на могиле солдата

Принёс я жизнь Отчизне в дань
В свинцовую страду.
Но скажет мне Россия: «Встань!» –
Воскресну, в бой пойду.

И так же буду бить врагов,
Чтоб их с земли стереть.
За Родину свою готов
Хоть дважды умереть.

Штрафники

Поля распаханы войной.
Они без нас осиротели.
Такой идёт от боя зной –
Тельняшка плавится на теле.

Две роты выбиты на треть
В свинцовой жуткой круговерти.
Никто не хочет усмотреть
Границу неразлучной смерти.

Невдалеке пехотный брат
Шальным осколком изувечен.
В кромешный ад летит штрафбат:
Он для истории не вечен.

На рану наложил ковыль.
Не дорожу судьбой бесследной.
За нашу лагерную был
Заплатим кровью предпобедной...

Ты не плачь, Ярославна

Роковая атака
Нас на запад вела.
Вопрошаем из мрака:
– Чья земля обняла?

– Русь обняла, солдаты.
Победа – ваш венец.
Храню координаты
Расплавленных сердец.

Отбивали высотку –
Сталинградский рубеж,
Чтоб военную сводку
Скрасить светом надежд.

Обнаглели осколки:
Мстил за смелость фугас.
Пусть история полки
Припасёт и для нас.

Защищали мы славно
Каждый подступ к судьбе.
Ты не плачь, Ярославна,
Слёз не хватит тебе.

Назовут поимённо
Наше мужество вслух.
Мы вливали в знамёна
Несгибаемый дух.

Рассказ гвардейца

Я видел на фронте
Пехоты летучесть.
Сражались солдаты
За русскую участь.

Пусть нас выбивали,
Как бабки из кона,
Мы бились с врагами
С отвагой исконной.
За Волгой в окопе
Сказал я: «Ребята,
Пора подошла
Отомстить за комбата!
За сёла сожжённые,
Рощи и нивы.
Коль головы сложим,
Оплачут нас ивы...».
И дымные ветры
Допеть не успели –
«Уррра!» закричали.
Штыки заблестели.
И враг захлебнулся
От яркой атаки...
Сейчас там на поле
Склоняются маки.
Погибших друзей
Назову поимённо.
В честь них преклонила
Отчизна знамёна.

Память

Идут-бредут смиренно дни за днями.
У времени не будет седины...
Деревни, как солдатскими ремнями,
Затянуты дорогами войны,

А на дорогах круглые воронки,
Как дыры на изношенных ремнях.
Контуженная яблоня в сторонке
И пепел битв на почерневших пнях,

Орудий неразборчивые речи,
Поля жестокой огненной страды,
Средь пепелищ тоскующие печи,
Вдруг вставшие фрагментами беды.

Четыре года видели мы сами
И маету простуженных колёс,
И избы с помутневшими глазами
И с горечью невыплаканных слёз,

И оттого желанная победа
В судьбе России – красная строка.
Она давно отмежевала беды,
Прославила Отчизну на века.

Рождённая в повозке

Скрипели старые телеги,
По втулки погружаясь в грязь.
По хлябям, вдавливая следи,
Беда над Родиной неслась.
Не потеряв в победу веры,
Сельчане шли четыре дня.
По сторонам трепали ветры
Куделю дыма и огня.
Внезапно с головной повозки
Под детский плач, тележный скрип,
Как стон надломленной берёзки,
Предродовой раздался крик.
Неся судьбу свою веками,
Инстинктом всё постигнув вмиг,
Всплеснули женщины руками
И сразу ринулись на крик.
Священнодействовали стоя
С тяжёлой думой о вдовстве,
И что-то было неземное
В их непонятном колдовстве.

Трясло телегу, как по кочкам...
Писала Дарья мужу днём:
«Вчера у нас родилась дочка,
Давай Надеждой назовём...».
И это имя оправдало
Надежду всех людей страны,
Хотя пройти пришлось немало
Нам перепутьями войны.

* * *

Сегодня снег искрист и колок.
Над баней седенький дымок.
Сюда выпаривать осколок
Придёт знакомый мой дедок.

Я кипятком ошпарю камни –
Огонь пройдётсЯ по нутру.
И после ловкими руками
Ипату спину разотру...

Я на полке Ипата парю,
Сам от жары едва терплю.
Мне дед кричит: «Спасибо, паря,
Хлеши, чтоб вышибло соплю.

Осколок страгивай с прикола,
Гони его в обратный марш.
Недавно спрашивала школа:
– Как выйдет, нам в музей отдашь?».

Металл немецкий мне не жалко.
– Хошь на помойку, хошь и вам...
– Ипат мне говорит: «Не жарко».
Я говорю: «Ещё поддам».

...Он умер не на поле брани,
Скончался через месяц в бане.

Блестит стерней его щетина.
А рядом данная страной
Медаль «За взятие Берлина»
Лежит уменьшенной луной.

Золотая свадьба

Говорил он когда-то дивчине,
Углядев её в светлом окне:
– Ты красивой была при лучине,
– А при солнце прекрасней вдвойне.
Поженились... Сыны подрастали...
– Вот и внучек седьмой родился...
Вот и свадьба шумит золотая
И гуляет Берёзовка вся.
На груди у Егора медали:
На войне и в работе был крут.
Их под Брестом, на Одере дали
И в колхозе за пахарский труд.
Пляшет дед, как заправский мужчина,
Удивляя энергией всех.
– Эй, Ариша, зажги-ка лучину,
Как в старинушку... Топот и смех.
Дедов внук, избалованный Борька,
Тоже ладит с припляскою в круг.
Кто-то крикнул пронзительно:
«Горько!»,
Электричество выключил вдруг.
Но по-прежнему пели медали,
Светлый звон их летел в потолок.
До утра в неизвестные дали
Всё скакал над избою конёк.

Вечный огонь

Под шатром нескончаемой сини
У живого огня я стою.
Потому и не пала Россия,
Что сыны её пали в бою.
Полыхает суровое пламя,
Обелиск не уходит с поста.
Может, это не пламя, а знамя
Вдруг свои разомкнуло уста.
Мне понятна геройская сила,
И понятен язык для меня.
Это Родина нас научила
Правде века
и правде огня.

ГОЛУБИ НАД КАЗАРМОЙ

Дети войны

Помним клеверный хлеб
И картошку с оттаявшей пашни,
Над которой орало, кружась, вороньё.
Нам война налила горя полную чашу,
И до дна мы с тобою испили её.

* * *

Когда беда повиснет надо мной,
Скажу «Россия» – силы прибывают.
Я не умру, я разорвусь струной,
Тебе, Отчизна, песню отдавая!

Танк и детская коляска

С. Михалкову

Он полз большой чугунной глыбой,
Стараясь меньше выть и лязгать.
А возле с первой улыбкой
Катилась детская коляска.
Контраст?
Но тишина планеты
Легла на броневые плечи.
Малыш, возможно, знает это,
И беззаботное лепечет.

О пользе стихов

Я прочитал стихи в солдатском клубе.
Я призывал стрелять наверняка.
Друзья на комплименты были скупы,
Они не любят ловкость языка.

А утром с ними я стрелял и ползал,
И ротный улыбнулся от души:
«Стихи тебе, как вижу я, на пользу.
Стрелял неплохо. Не робей – пиши!».

Берёзки под Освенцимом

С. Орлову

Здесь в войну земли родимой горстку
Раненный танкист наш обронил.
А из горстки той взошла берёзка,
Вы-ка-раб-ка-лась из-под брони.
На судьбу кудрявая не ропщет.
Польская земля ей – не свекровь.
И таких берёзок в Польше – рощи!
И течёт в их жилах наша кровь.
Выросли и обрели весёлость,
Отряхнув с ветвей налёт золы.
Русские берёзки – это совесть,
Это свет, идущий из земли!

Солдатские руки

Вот они, солдатские ручищи!
Все в мозолях, в крепких связках жил.
И не прячь ты их в карман, дружище,
Эти руки очень хороши!
В них не только удалая сила,
Грозный танк ведущая в бои.

Надо – это руки ювелира.
Надо – пальцы ловкие швеи.
Пусть на вид и тяжелы, и грубы.
Но они, изведав ратный труд,
Ласково невесту приголубят,
Слёзы материнские утрут.
Руки мира!
Ждут их пашни, стройки,
Но как только к нам ползет враг,
Эти руки – и жестки, и строги –
В боевой сжимаются кулак!

Карибский кризис

Пророком быть сегодня трудно.
Нажмут на кнопку и...
Нет, нет!
Я верю: вы сильнее, люди,
Рождённых вами же ракет!

Голуби над казармой

В небо мы задирали головы
И глядели во все глаза:
Над казармой гражданские голуби
Вытворяли свои чудеса.
То взмывали с ракетной скоростью,
То вдруг падали кувырком...
Старшина генеральским голосом
Нас на землю вернул: «Кру-гом!».

Мы шагали по плацу, унылые,
Вспоминали про детские дни...
Чуть подняли глаза – сизокрылые!
Перед нами опять они!

Молодые, смешные, азартные –
Выкомаривают что хотят,
С шумом носятся над казармами
И расстраивают солдат.

Главные песни

В настоящих боях не бывали,
Но военные песни поём
Так, как будто и мы воевали
И лежали в снегу под огнём.

Может, то, что рождало на фронте
Эти главные песни страны,
В нашем сердце, как порох в патроне,
Затаилось до новой войны?

Границы

Границы Родины – границы
Моей души, моей любви.
Через болота и криницы
Они багряно пролегли.
И если недруг те границы,
От крови красные края
Затронет – гневом возгорится
Душа моя, любовь моя.

Мой дом

Всё!
На пьедестал или на плаху!
Середина – это ерунда...
Я надену красную рубаху
И поеду строить города!

Нарисую дом – и сам построю,
Мастерством обязанный любви.
Окна настежь в комнаты раскрою,
Чтобы в них влетали соловьи.
Ручеёк в овраге залопочет,
Зацветут сады...
Краса и тишь!
И, возможно, кто-нибудь захочет
Жить в моём заветном, кроме птиц.

Но оставлю надпись на воротах
Я для всех входящих в этот дом:
«Если вы хоть только раз соврёте,
Дом сгорит и вы сгорите в нём!».

* * *

Служить России нелегко...
Она не требует как будто
Тебя до капельки всего
И не тревожит поминутно.

Живи – как совесть повелит.
Трудись – как позволяют силы.
Но лишь настолько ты велик,
Насколько есть тебя в России.

Мать Победы

С троими сыновьями на руках
Она отца в то лето провожала.
Клубилась пыль дорожная, как прах,
А мама за подводой всё бежала.
Исчезли в окнах горестных огни,
На улицах исчезли хороводы,
И потекли в сплошной работе дни,
И потянулись в ожиданье годы.
Ох, мама! Как работала она!

Косила, молотила и пахала
На полюшке колхозном дотемна,
А после дома ткала и стирала.
К Победе шёл отец – редела мгла.
И мать к Победе шла не по сторонке.
Она её под сердцем берегла,
Носила и кормила, как ребёнка.

У Родины немало славных дат,
Великие мы испытали беды.
В войне стал Победителем солдат,
И рядом с ним навечно – Мать победы!

...В кладбищенском лесочке тишина.
Отец и мать лежат, как жили, – рядом.
И листьев золотые ордена
Слетают на единую ограду.

Звезда России

Памяти Н. Рубцова

Звезда России!
Ты высоко
Горишь над снегом и жнивьем,
Над ожиданьем тёмных окон,
Над покосившимся крестом.

Как лучезарно ты сияла
В салютах праведных побед!
Как ликовали россияне
И сами излучали свет!
Теперь ты где-то там во мраке
Идущих с ночи облаков.
Но что погасла – это враки
Слепых от зависти врагов.
Звезда России!
Ты нетленно, недосыгаемо для зла
Горишь во глубине Вселенной,

Как материнский взгляд – светла.
И не для тех, кто алчет крови, –
Горишь ты для своих детей.
Душа моя в спасенье ловит
Тепло и свет твоих лучей!

Вставай с колен, Россия!

Весенний ветер с юга
Опять в поля зовёт.
Они не знают плуга
Уже который год!
Идут дожди косые.
В деревне – тишина.
Вставай с колен, Россия,
Крестьянская страна!

Не русская реклама
И не родная – речь.
И даже слово «мама»
Нам трудно уберечь.
Молчат отцы святые,
Бал правит сатана.
Берись за ум, Россия,
Учёная страна!

Растили нас для счастья
Геройские отцы.
Теперь нас рвут на части
Преступные дельцы.
Всё с молотка пустили.
Москва в торги сдана.
Крепи свой щит, Россия,
Солдатская страна!

Во власть ворвались воры
И ворог – у ворот.

Устал во лжи и в горе
Доверчивый народ.
Терпеть нет больше силы,
Намучились сполна...
Вставай с колен, Россия,
Великая страна!

ТЫЛОВОЙ ГОРОД

Главы из романа «Университетская роща»

1

Карповский переулок, скромный по своим размерам и вдлинь, и вширь, в морозное январское утро выглядел нежилым. Ещё не вынимались железные полосы и не отпахивались ставни. Многие не открывались давно: снеговые колпачки на штырях-засовах нетронуты. Люди берегли тепло.

Лидия Палладиевна Сергиевская, учёный-ботаник, заведующая Гербарием Томского университета, возвращалась с совещания, на которое были приглашены медики, учёные, аптечные работники, хозяйственные и партийные организаторы. Обсуждался один вопрос: выпуск продукции для фронта. Бывший йодный заводик с химлабораторией стал очень важным объектом – наравне с производством боеприпасов. На предприятии, выпускавшее скромную продукцию в виде мазей, пластырей и жидких экстрактов, была возложена задача вырабатывать наркозный эфир, висмуты, молочный сахар, медикаменты в ампулах, пантокрин, ксероформ, перевязочные материалы... Остро стоял вопрос о сырье. Где, какими силами брать необходимое количество лекарственных растений, плодов шиповника, рябины, черёмухи, смородины, пихтового масла?..

– Обратиться к населению, – предложила Лидия Палладиевна.

– Может, и к знахаркам? – задал кто-то неумный вопрос.

– И к ним тоже. У меня есть адреса, – ответила она. – Сейчас не время решать, чьё самолюбие пострадает. Надо спасать раненых.

Собрание поддержало только часть её предложения – обратиться к населению: сдавать дикорастущие. «Народную» медицину решили не беспокоить. Дальше разговор перешёл на другую, тоже острую тему: о производственных площадях.

Заводу передано здание паточной фабрики, а также оборудование московских заводов имени Карпова, Семашко, алкалоидного и «Акрихина». Ожидалось прибытие фабрики перевязочных материалов имени 8 Марта. Завод реконструировался с колёс. Строили сами заводчане. Стройматериалы изыскивали на месте.

Лидия Палладиевна ушла с совещания недовольная собой: вылезла со знахарками...

Выйдя на проспект, заметила, что и здесь много не отворенных ставен, а высокие окна, обрамлённые старинной деревянной резьбой, завешаны стёгаными одеялами. Холодно.

За спиной коротко гуднул паровоз. Лидия Палладиевна сошла в сторону. Она всё ещё не могла привыкнуть, что по центру города проложен рельсовый путь – для прямой связи вокзала с оборонными предприятиями. А их в Томске за минувшее лето и осень появилось свыше тридцати.

Недостроенный томский «Сибэлектромотор» принял прославленную ленинградскую «Электросилу», московский электромоторный и ярославский электромеханический. Бывший томский «Металлист» размещал у себя ленинградскую «Пневматику», конотопский «Красный металлист» и харьковский завод маркшейдерских инструментов. В старых солдатских казармах уже начали работу московские предприятия «Фрезер» и Первый подшипниковый завод. В старинном здании у Базарной площади разместился московский резино-технический завод «Красный богатырь». А железнодорожные составы всё прибывают...

Безостановочно шли и эшелоны с ранеными.

За короткий срок население Томска увеличилось вдвое. Не считая заводов, сюда прибыли пятнадцать учреждений, шестнадцать институтов и учебных заведений, детдома, госпитали, смоленский пионерский лагерь и почти пятьдесят тысяч жителей из оккупированных фашистами территорий. Казалось, город не выдержит и разорвётся, словно паровой котёл, в котором беспрерывно поднимается давление. Но он выдержал. И продолжал выдерживать. Только изменил свой облик. Погружены во тьму дома и улицы. Суровы лица горожан. Захваченные врасплох сибирской зимой, эвакуированные кута-

лись кто во что горазд, иной раз вместо валенок натягивая на ноги рукава промасленных ватников или бушлатов. Старожилы одеты немногим лучше. Стёганая одежда и стёганая обувь заменили меховую и валяную. Всё, что поновей, отправлялось на фронт. Всё для фронта. Всё для Победы.

Война всегда обрушивается на плечи народа внезапно. И тут главное – не растеряться слишком, упереться и встать.

Особенно тяжело было осенью. Станция забита составами с эвакуированным оборудованием. Его нужно разгружать. Срочно. Немедленно. Сверхсрочно! А нечем. Весь транспорт, даже лошади, ушли на фронт. Остались только руки. И город подставил их под многотонную тяжесть станков. Придумали «ковры-самолёты» – железные листы, на которых волокли станки по грязи и мокрому снегу.

Впрягалась в эти ковры-самолёты и ботаник Сергиевская, когда звали на разгрузку университет. Запомнила их скрежет и визг, и «свободный полёт».

Теперь вот новая, точнее, старая беда: холод. Холод мешал думать, жить, отвлекал на себя и без того не богатырские силы. В борьбе с ним приходилось двигаться по городу перебежками, отогреваясь в подъездах домов, учреждений, в многочисленных магазинах. От частых растираний кожа на лице стала шероховатой, жёсткой, словно солдатское сукно. Колени теряли чувствительность, сколько ни стучи по ним кулаками.

От Карповского Сергиевская двигалась такими перебежками. Миновала почтамт, преодолев соблазн зайти туда и погреться. Добежала до электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта. (Он пока что обитал в собственном здании; остальные вузы уже перекочевали в подсобные помещения, отдав свои площади оборонным предприятиям.)

В вестибюле было немногим теплее, чем на улице, но хотя бы не дул ветер. Лидия Палладиевна потёрла колени. Ждала, когда начнёт покалывать... Чтобы не терять времени даром, стала изучать свежие плакаты «Окна ТАСС».

«В Сибири зимы люты, не теряй же ни минуты!» – о заготовке дров.

«Он тащит всё: часы, подушки, ботинки, даже детские игрушки» – о мародёрстве фашистов на занимаемых территориях.

Рисунки выразительные, напряжённо-злые. Изломанные линии, много чёрного цвета. В Томске уже привыкли к этим плакатам в витринах магазинов, в учреждениях. В Москве «Окна ТАСС» начали выходить с 22 июня 1941 года. Автором первого «Окна...» стал Михаил Михайлович Черемных, уроженец Томска.

«Интересно, а кто автор наших «Окон...»? – подумала Лидия Палладиевна. – Ага, Щеглов... Тот самый? Но ведь он давно покинул Томск и уехал в Харьков... Ах, да. Харьков... Стало быть, война вернула художника в Томск».

С новым, почти родственным чувством она вглядывалась в плакаты. Фашист с курицей подмышкой вызывал гадливость, наш солдат-богатырь – гордость. Молодец Щеглов. Хорошо рисует, правильно. Нас бьют – а мы крепчаем! Только так. Русского солдата, считал Бисмарк, мало убить – надо ещё и повалить. Вот именно.

Лидия Палладиевна ещё раз взглянула на работы Щеглова. Рисунки сделали своё дело: она согрелась. Более того, в ней поднялось какое-то злое веселье: нас бьют, а мы крепчаем! Оттянула на себя тяжёлую дверь и окунулась в улицу, словно в прорубь.

У входа в Университетскую рощу пришлось остановиться: из ворот выходила рабочая студенческая колонна: «Даёшь котлован!». Солдатская выправка, слаженный шаг, взмах правой рукой... Только вместо винтовок на плечах лопаты, лезвием вверх. «Лопастые снаряды, – шутят студенты. – Героический струмент!».

А что, и правда, героический.

Возле библиотеки колонна затопталась на месте. Сверху, от Индустриального института, спускалась такая же колонна студентов, с такими же «лопастыми снарядами».

Представители двух старейших сибирских вузов шумно поприветствовали друг друга. Колонны потекли дальше. Ушанки, ватники, штаны-стёганки. Не разберёшь, где юноши, где девушки. Впрочем, девушек явное большинство.

От колонны отстал какой-то очкарик и перед входом в Научную библиотеку что-то быстро начертал vareжкой на снегу. Потом, довольный, побежал догонять своих.

«Если учёбе мешает любовь, к чёрту такую учёбу!» – прочитала Лидия Палладиевна. Улыбнулась. Гекзамер? Удивительно. Студенческий юмор непредсказуем и, кажется, неистребим.

В хорошем состоянии духа она вошла в библиотеку. На короткое время припала к «грелочке». Железная печка, которую в западном Зауралье звали буржуйкой, а сибиряки ласково именовали грелочкой, старательно рассылала слабое тепло, не в силах растопить ледяные наросты над входом и по углам.

И всё-таки это была печка. Грелочка.

2

В библиотеке горел свет. Бесшумно и деликатно ходили с книгами библиотечные служители, за столами сидели профессора и преподаватели, редкие группы студентов. Умственная жизнь продолжалась вопреки всем невзгодам, холоду и тесноте. Главный корпус университета занял цех электролампового завода. Точнее, двух заводов – Московского электролампового и Запрудненского стекольного. Там теперь день и ночь вязко ухают прессы, тянут свою вечнорабочую песнь станки, рождаются самолётные лампы. А библиотека стала теперь главным корпусом.

Какое-то время университет был вообще на грани закрытия. Лаборатории свёрнуты, лучшие помещения отданы под госпитали и военные предприятия. Лекции читать негде. Ночами студенты работали на заводах, в речном порту, на вокзалах. Валили сосны в Тимирязевском леспромхозе, волокли дрова с заречной стороны по льду Томи. Сдавали кровь для раненых. Стипендии отменены ещё в сороковом году – в Фонд обороны. Студенческий паёк – 400 граммов хлеба. Как учиться? Какими силами?

Колебнулась было и дирекция: не закрыть ли университет, хотя бы на время? Студенчество и преподаватели воспротивились: нельзя закрывать! при Колчаке выстояли, не закрывались, и сейчас выстоим!

Лидия Палладиевна открыла ключом дверь. Не раздеваясь, окинула взглядом свои владения. Коробки с гербарием на месте. Книги на месте. Портрет Учителя, профессора Крылова, на шкафу.

Темновато. Сквозь замороженные с обеих сторон окна дневной свет едва-едва брезжит: нет у него сил преодолеть ледяные бастионы.

С надеждой и привычным опасением Лидия Палладиевна тронула выключатель и с облегчением вздохнула, когда над столом затеплилась лампочка.

– Отлично, – сказала вслух и стала готовиться к работе.

Свет в квартиры давали по списку. В первую очередь профессорам и заведующим кафедрами. Лидия Палладиевна в этот список не входила, домой не спешила, старалась как можно полнее использовать те часы, когда электроосвещение подавалось в библиотеку.

Она сняла пальто и набросила его на плечи: работать «в рукавах» очень неудобно. Из ящика стола достала «спецодежду» – шерстяные перчатки без пальчиков (чтобы чувствовать карандаш). Разложенные на столе бумаги молчаливо напомнили о той мысли, которая была прервана вчерашним внезапным отключением электричества. Вот эта мысль. На болотах томской земли растёт несколько видов рода *Sphagnum*. Из них сфагнум средний – наиболее хрупок, имеет длинные побеги, большие головки от беловатого до красного и бордового цвета. Другие мхи – более мелкие, но густо покрытые листочками по бурому или коричневому, или зеленоватому стеблю; их особенно много по окраинам верховых болот...

Лидия Палладиевна подышала на пальцы и продолжила: «Все эти мхи обладают высокой всасывающей способностью и могут использоваться как перевязочный материал, даже в хирургии, при лечении гнойных ран. Особенно мох торфяной, белый. Следует различать: 1 сорт (как перевязочный материал) – стебель более 20 см; 2 сорт – 10–20 см; 3 сорт – 7–10 см. Сбор с мая по сентябрь. Производить сбор железными граблями с зубьями или вилами с загнутыми рожками. Сушка – прямо на болоте, или на суходолах, стеллажах, козлах. Прессовать вручную, в кипы...».

Слова ложились отрывисто, словно в приказ. Лидия Палладиевна не особенно заботилась о стиле, об отделке фразы. Главное – смысл. Главное – точно и просто. Памятку сборщикам распечатать типографским способом, а если не удастся – размножить обычным переписыванием. Она стремилась быть краткой и полезной. Мох – это очень важно.

Но также важно рассказать, как собирать спорынью. Из неё готовятся препараты для свёртывания крови. А ещё очень-очень нужны витаминосители: шиповник, черемша, рябина, смородина, земляника, брусника. Но с ними проще. Сибирское население давно умеет их заготавливать. А вот о ликоподии (споры плауна) придётся рассказать подробнее...

Погрузившись в работу, она перестала замечать холод, забыла о времени, о том, что за окном Васильев месяц, хозяин-январь. Она была вся там, в красном лете. В сухом океане – в степи. Или в тайге, на болоте. В глубине зелёного мира.

Зелёный цвет – от слияния синего с жёлтым. Поэтому лиственная одежда – древесная, огородная, полевая, водяная – бывает ярче, мутнее, голубее, желтее... По цвету можно определить качество растения, его здоровье, полезность. Как, какими словами передать незнакомым людям, которые выйдут с Памяткой в поле, свои наблюдения, знания, свой опыт, – чтобы они успешно и тщательно совершили своё очень важное дело?

Трудное это дело: уложить на бумаге слова, да не замертво, а чтоб в точку, в боевой порядок. Чтобы и они били по врагу. Что нам полезно, то противнику во вред. И шиповник с брусникой могут службу сослужить, раненого быстрее на ноги поставить. Стало быть, и они солдаты...

В дверь постучали.

– Да! Да! – отрывисто и сердито отозвалась Лидия Палладиевна. Нахмурилась. Не любила, когда мешали.

Но вошёл человек, которому она всегда была рада, и лицо её разгладилось.

– Воюем? – бодро спросил профессор Токин, протягивая для рукопожатия широкую рабочую ладонь.

– Где уж нам, тыловикам. Так, по мелочи...

– Не скажите, – возразил Токин. – Вижу, Памятка уже готова. Быстро! Сверх всякого срока.

Лидии Палладиевне приятна его похвала, но вида не показывает: брови сдвинуты, губы поджаты.

Борис Петрович, не обращая внимания на её настроение, принялся жадно читать Памятку. Прекрасная «есенинская» шевелюра, в которой уже заметны серебряные нити, мешает ему, закрывая половину лица. Токин машинально всаживает в неё пятерню, отодвигает. Широкоплечий, широкоскулый и большеглазый, он весь заряжен какой-то загадочной энергией, жизнелюбием и упорством. Нет, право же, в нём действительно много есенинского. Не одна лишь шевелюра.

Лидия Палладиевна подумала о том, что не случайно именно Токин стал во главе томского Комитета учёных, созданного 3 июля 1941 года. И в постановлении, принятом на собрании научных работников, слышится его голос:

«Общее собрание научных работников города Томска приветствует образование Государственного Комитета Оборона. Томские учёные считают себя мобилизованными и готовыми выполнить любое задание нашего правительства и нашей партии в Великой Отечественной войне против коварного врага – представителя грубого варваризма, разрушителей культуры и поработителей свободы человеческой мысли. Мы знаем, что для достижения победы над врагом потребуются немало жертв, но мы готовы вместе с многонациональным 200-миллионным советским народом на любое самопожертвование. Вся страна должна быть военным лагерем. Сейчас настало время, когда учёные мобилизуют все области естествознания и техники на обслуживание непосредственно нужд войны.

Мы полностью согласны с обращением Академии наук СССР к учёным всех стран и даём красноармейскую клятву в том, что мы направим все наши мысли, все наши знания, всю нашу волю и силы на то, чтобы вместе со всем монолитным народом победить врага и полностью его уничтожить».

Это была действительно красноармейская клятва, и Сергеевская дала её вместе со всеми. В её глазах Токин был командиром, а она – солдатом.

Дочитав Памятку, Борис Петрович поднял глаза:

– Неплохо, – задумчиво сказал. – Неплохо... – потом, спохватившись: – Что же вы стоите? Или я ваше место занял?

Лидия Палладиевна придвинула табуретку к столу. Села.

– Знаете, чего не хватает в вашей работе? – спросил Токин.

– Знаю. Я допишу... Кора ивы, корни кровохлёбки, калина, берёзовые и сосновые почки, черёмуха, ромашка, сушеница болотная. А также корни аира и одуванчика.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Токин. – Это вы не пропустите! Но я о другом...

Лицо его приняло виновато-просительное выражение, которое появлялось, когда он вынужден был пользоваться данной ему властью и вторгаться в чужую работу.

– Давайте вставим в конце Памятки пункт о премировании за сборы. А? Чтобы люди работали ещё активнее. С настроением. А? Особо отличившихся будем награждать. Соль, кондитерские товары, керосин, спички, табак, мыло хозяйственное, топоры, вилы, грабли, хлопчатобумажный лоскут, школьно-письменные принадлежности, лопаты, замки и пилы.

– И что – всё это писать?!

– Непременно. Всё. Такие товары у нас, хоть немного, но есть. Будем награждать.

– Но...

– Вы хотите сказать, какое это имеет отношение к ботанике? Имеет, дорогая Лидия Палладиевна. Имеет. Сейчас всё имеет отношение ко всему. Понимаете?

– Не совсем.

– Всё равно, я прошу вас, пишите. Не сомневайтесь. Этот пункт – правильный!

Лидия Палладиевна принялась покорно дописывать: соль, мыло, топоры, пилы... Она не знала, что Токин только что выдержал бой, доказывая в Комитете, что людей, самоотверженно и тяжело трудящихся на оборону, нужно не только контролировать и словесно хвалить, но и поощрять материально. «Мы так развратим патриотически настроенных людей!» – возражали ему. «Нет, развратить можно красивой ложью и обманом, – спорил Токин. – Куском хозяйственного мыла невозможно испортить душу. А вот радость от материального вознаграждения способна согреть эту самую душу, поддержать её в лишениях». Токин победил. И спешил закрепить победу.

– Записали? – подытожил первую часть разговора Борис Петрович. – Хорошо. Идём дальше.

Вынул из кармана пиджака белый конверт и протянул его Сергиевской:

– Это вам.

– Что это?

– Карточки на военный паёк, – с гордостью пояснил он.

– Мне?!

– Да, вам. Ботанику, чья работа имеет оборонное значение.

Лидия Палладиевна недоверчиво покачала головой:

– За что ж такая честь?

– За ваши Опорные индикаторные гербарии, которые вы сотнями изготавливаете по ночам. Это не моя придумка. Так решил Комитет.

Сергиевская смешалась, умолкла.

Токин отвёл взгляд. Он понимал душевное состояние маленькой скромной женщины, которая часто называла себя «солдатом науки» и, видимо, впервые осознала, что метафора стала явью.

С первых дней войны лесные ресурсы были включены в сферу внимания Комитета Обороны страны. Раз в неделю из Сибири, в том числе из Томска, лично Сталину докладывали о заготовке спецассортимента – сырья для винтовочных лож и переборки подводных лодок, авиационную сосну, лыжи... (За годы войны Томск поставит винтовочных лож на 270 дивизий.) Тысячи заготовителей работали в тайге по Опорным индикаторным гербариям, составленным Сергиевской, как по картам, выполняя военные заказы.

К лесу выставлялись повышенные претензии. На авиасосне должно быть определённое количество слоёв на сантиметр, ограниченное число сучьев, без малейшего признака гнили. Под стать ей требовалась берёза для ружейной болванки. Берёза в годы войны вообще повела себя героически. Из неё стали готовить сверхпрочную фанеру (пропитка бакелитовой смолой под большим давлением). Она шла на броню для самолётов и заменяла металл. А в подшипниках выдерживала такую скорость и нагрузку, что и металлу не снилось. Заменяла бакаут, железное дерево с островов Тихого океана; из брусков,

спрессованных под давлением, изготавливали текстильные челноки... И чтобы деревья – ни-ни в воду! Никакого сплава! Только посуху. Как младенцев – на руках...

Кроме военных заказов, сортная древесина шла на рудничные стойки, шпальник, пиловочник... Переоборудованные грузовики, газогенераторы «питались» чурочками. Даже корпуса небольших авиабомб начали делать из картона, прессованного с опилками. Вozами добывались лекарственные растения. Словом, лес тоже оказался военнообязанным.

А Лидия Палладиевна по-прежнему считала свою работу сугубо мирной. Понятно её волнение.

Токин вздохнул.

– Хорошо тут у вас, – сказал неопределённо. – От вашей лампочки у меня даже затылок перегрелся. Как старый мотор.

Улыбнулись. Лидии Палладиевне тоже нравилось тепло крохотной лампочки, когда грела об неё руки.

– Ну, что на совещании? – вернулся к деловому разговору председатель томского Комитета учёных. – Что решили?

Сергиевская доложила. Не хватает сердечных средств, кровоостанавливающих, тонизирующих, ранозаживляющих, болеутоляющих.

– Знаю, знаю, – тревожно сказал Токин. – Надо работать.

– Надо.

– А вы знаете, – вдруг оживился он, – мои-то фитонциды пошли! Да, да! Моя жена Агнесса Григорьевна и профессор Торопцев использовали натуральные фитонциды для лечения гнойных ран после ампутации голени и бедра. Натёрли лук в кашицу, собрали в стеклянный сосуд – и к ране на восемь-десять минут... Опаряли. Результат поразительный. Раны стали закрываться. А Татьяна Даниловна Янович из чеснока получила сативин и успешно лечит у детей дизентерию...

– Поздравляю, – сказала Лидия Палладиевна. – Я всегда верила в вашу теорию.

– Спасибо, друг мой, – растроганно ответил Токин. – Я помню. И веру вашу ценю высоко...

Они вновь замолчали, невольно вспоминая довоенное время, когда Токина, открывателя фитонцидов, осмеивали в околонаучных кругах.

– А фитонциды – пойдут, – убеждённо сказала Сергиевская. – Чего ж им не пойти? Нужны дополнительные исследования и только. Летучими веществами растения испокон веков защищали себя. Почему бы им не прийти на помощь человеку? В воздухе кедрового и молодого соснового леса почти нет микробов, он стерилен. Эвкалипт по-русски означает «хороший воздух». В Австралии эти деревья зовут «деревьями жизни». Не случайно в древности так популярны были окуривания.

– Да, да, – подхватил Токин, – Совершенно верно! Я сейчас заканчиваю книгу «Бактерициды растительного происхождения». О фитонцидах. Но мне нужна ваша помощь. Во-первых, я попрошу прочесть рукопись. Так сказать, окинуть критическим взором. Ну а если отыщутся примеры взаимодействия в растительном мире, те, о которых я не осведомлён, буду признателен...

– Непременно, – кивнула Лидия Палладиевна. – Я пересмотрю свои архивы.

Токин взглянул на часы, удивился:

– Ого! А дел-то ещё сколько...

Они прошли в коридорчик, выходящий на узкую лестницу. Борис Петрович вдруг остановился:

– Да, что же я не спросил, как ваша научная работа?

– Научная? – удивилась Сергиевская. – Никак. Ушла в прикладную.

– ?

– Заканчиваю дикорастущие съедобные.

– Понимаю. И всё-таки, – он дотронулся до её плеча, – мы не имеем права забывать о фундаментальной науке. Не имеем. В науке скидок на войну не будет.

Сергиевская ничего не ответила. Она не знала, что сказать... Что нет сил, не хватает тепла и света? Что сон давно превратился в короткое беспамятство, отнимающее короткий отдых? Но это он и сам знает. В науке скидок на войну не будет. Это верно. Но отвечать на этот тезис надо не словами, а действием.

Они спустились по узкой лесенке. Попрощались у двери, обитой оцинкованным железом.

Странная дверь. Всегда заперта на ключ. Таинственная. Непонятная.

- Борис Петрович, а что это за помещение?
- Какое?
- Вот это. Нельзя ли его приспособить под нужды Гербария? И дверь несгораемая...
- Ах, это... Нет, Лидия Палладиевна, это – никак нельзя. Придётся вам потерпеть до лучших времён, – он вдруг озорно, по-мальчишески подмигнул ей и понизил голос: – А здесь т-с-с! Военная тайна. Ясно?
- Ясно, – буркнула Сергиевская. – Разыгрываете.
- Ни в коем разе. Чтоб меня фитонциды съели, – поклялся он. – Военная тайна. Точно.
- Рассмеялся и, махнув на прощанье широченной рукой, исчез за выступом стены.

3

Наутро Лидия Палладиевна с трудом поднялась с постели. Жар. Слабость. Ноги не держат. Простудилась?

За окном валил непомерно крупный снег. Даже и не снег будто, а куски довоенной белой-белой ваты. Их медленное движение вызывало головокружение. Сергиевская закрыла глаза.

Болела она редко. К медикам никогда не обращалась, справлялась сама. Вот и сейчас привычно подумала: мать-и-мачеха, душица, мята...

Оторвалась от подоконника и заставила себя идти в кухню. «Ничего, – бодрилась, разжигая в печи приготовленную с вечера горячую сушь, бересту, сосновую драночку и клочок обёрточной бумаги. – Ничего, ребятки помогут...»

«Ребятками» она звала травы.

Огонь бойко принялся за дело. Печь ожила, задышала. Лидия Палладиевна очистила большую луковицу, пожевала без соли и хлеба, как яблоко. Горький и пряный корень (луковица и есть корень, а не плод, как думают многие) прочистил сознание. Отвар душицы и мать-и-мачехи прекратил стеснение в груди. (Липу решено оставить на потом, на сон грядущий.)

- Так-то вот, – неведомо кому сказала Лидия Палладиевна.
- Не свалите.

Застелила кровать суконным одеялом, преодолевая боль-

шое желание приклониться к подушке. Походила по комнате. Потом умылась холодной водой, оделась и села к столу.

Есть не хотелось. Работать – тоже. Но если от пищи она могла отказаться (она вообще ела только тогда, когда испытывала чувство голода), то разложенная на столе рукопись и заготовленные к ней «писарские припасы» (полевые заметки, наброски, разнообразная выпись) молчаливо требовали её участия. Эту свою работу – «Дикорастущие съедобные растения» – она не могла отодвинуть на другой срок. Не имела права.

Война – не только взрывы, разрушения и насильственная гибель, это ещё и голод. Смерть медленная и мучительная. С давних времён в блокированных неприятелем городах и посёлках люди вспоминали о крапиве, сныти, одуванчике... И дикие «ребятки» выручали людей.

Вот такое напоминание и хотела создать Сергиевская. Именно так: напоминание. О народном опыте, о борьбе человека за жизнь, о зелёном космосе, малознаемом и слабо изученном, но всегда готовом прийти человеку на помощь.

Крапива, лебеда, одуванчик...

Конечно же, лебеда вспоминается привычнее всего. Не то беда, что во ржи лебеда, а то беды, что ни ржи, ни лебеды! Сеяли рожь, а косим лебеду... Белая марь, гусиная лапка, дикий шпинат, николаева трава, божий-быт, мучнистый сорняк, только на вид слабый и легко истребляемый, – огородная лебеда испокон веков мозолит людям глаза. Одно из главных десяти сорных растений мира, она живёт повсюду. На грядках, в поле, при дороге, на пустошах, в оврагах, на засоленных и истощённых почвах. От мари нигде нет спасения, всюду найдёт. Семена её (на каждом кустике до 70 тысяч!) прорастают не сразу. В этом её природная хитрость: оживать постепенно. Прополет землелашец свою нивку – тут как тут молодая лебеда! Прополет ещё раз – глядь, а она снова как ни в чём ни бывало красуется, невзрачные соцветия в небо таращит. Культурный хозяин снова повывёргивает серо-голубо-зелёные водянистые стебли – устоит и на сей раз.

Никогда лебеда не относилась к кухонным овощам – и всегда её употребляли в пищу. Такое вот растение.

Сергиевская перечитала написанное и осталась недо-

вольна: много лишнего. Нужно проще и яснее: как выглядит растение? когда собирать? как применять? Всё остальное оставить для научных или популярных статей, на будущее. Какое дело голодному человеку до того, что марь и лебеда – не есть одно и то же, а даже суть разные, не родственные растения? что в стране произрастает более тридцати видов мари и всего несколько – лебеды. Главное – как выявить съедобный вид?

Она сократила текст, оставив одну страницу. «В пищу идёт обычно марь белая – *Chenopodium album*. Отличить её легко: у неё прямой блестящий стебель, высотой до метра, листья яйцевидно-ромбические, с тупыми зубчиками, с белым мучнистым налётом. Цветки мелкие, зелёные, собраны в клубочки, а затем в метельчатые соцветия. Но использовать листья мари в пищу можно лишь до цветения, когда они ещё сочные, без горечи.

Лебеда раскидистая: листья одноцветные, без мучнистого налёта, нижние – зубчатые, с ушками, а верхние – цельнокрайние, без зубчиков. И марь белая, и лебеда раскидистая богаты аскорбиновой кислотой и применяются как заправка к супам, а также в качестве салатов...».

Молчаливый дружественный мир зелёных растений обступил её. Она даже ощутила его лечебную прохладу, мятный привкус бархатистых листочков, сладковатый сок тоненьких и упругих дудочек-стеблей. Борщевик, гравилат, девясил, донник, дудник, заячья капуста, ирга, календула, камыш, клевер, коровяк, лопух, Melissa, осот полевой, подорожник, полынь, пырей ползучий, сныть, стрелолист, тростник, чертополох, ярутка... Она писала о них по алфавиту, коротко, но обстоятельно, стараясь не упустить ничего, рассказать обо всех вкусовых и полезных качествах. А за кромкой листа оставалось ещё море трав и кустарников, которые могли бы подержать человека в трудный для него час.

Сосновый сок, молодая заболонь, сладкая и пахучая; её можно пить просто так. Сосновая мезга – молодая исподняя кора, ещё не затвердевшая, вместе с грубой заболонью сушится, мелется и подмешивается в муку: в голодные годы еда. Об этом хорошо ведомо и в Сибири, и в Смоленске.

Молодые корни рогоза – тоже в муку. Лучше, конечно, во ржаную.

Одуванчик-раздуванчик. Ну о нём подробнее... Всяк его знает, все видели, да мало кто понимает его пользу из-за горечи. А её просто-напросто нужно у-да-лить! Выдержать в холодной подсоленной воде всего 30 минут – и горечи как не бывало! Измельчить. Если есть петрушка, зелёный лук, соединить, заправить растительным маслом (если есть) – и салат готов. Хорошо бы притрусить его укропом, да уж когда как: найдётся ли сам укроп, великий огородный овощ, древнейшее лекарственное растение, снимающее давление и головную боль...

У берегов рек, болот и прудов растёт ещё одно замечательное растение, которое мало кто замечает. Стрелолист обыкновенный. Его листья действительно похожи на стрелы, торчащие из воды. Подводные листья напоминают ленты. Стебель с соцветием трёхгранный. Цветы белые, чуть голубо-сиреневатые. Расположены по три цветка в виде мутовки.

Но не в ботанических красотах дело. В Северной Америке стрелолист называют «белым картофелем индейцев». В Китае он культивируется как овощ. Во Франции из него готовят ресторанное блюдо. И только в России он пребывает в забвении, в почти нетронutom виде.

А жаль. Клубни стрелолиста, точнее, корневище и висящие на нём, словно орехи, клубни, богаче картошки-матушки. Крахмалистые, вкусные, питательные, они могли бы стать при нужде главной опорной пищей. Надо только обратить свой взгляд на этого водяного скромника. Поверить в него.

Позабыв о своём намерении не вдаваться в рецепты, Лидия Палладиевна увлеклась и исписала несколько листов – только об одном стрелолисте.

«В духовке или в золе костра испечь клубни стрелолиста, посолить и есть. Как печёную картошку, очистив от кожуры.

Клубни сварить, очистить от кожуры, растолочь со стаканом молока – вот вам и каша. Хоть для ребёнка, хоть для взрослого.

Вымытые клубни стрелолиста нарезать ломтиками, высушить на солнце, досушить в русской печи и размолоть: вот вам отменная мука для любой выпечки!»

...Она оторвалась от работы ближе к вечеру. Чувство голода сбilo мысли, остановило торопливое перо. Рассказать хотелось многое: о травяных чаях, о грибах и ягодах, но силы покинули её. Она уронила на скрещённые руки голову и оцепенела в неудобной болезненной позе. Не двигаться. Не думать. Не страдать. Ничего не желать.

Погасла печь: не находя себе пищи, огонь слабо побился-побился да и упрятался в ничто. Стало холоднее.

Преодолевая странное полубоморочное состояние, Лидия Палладиевна подняла голову, надела пальто, взяла рукопись «Дикорастущих...» и ушла из дома – к людям.

4

В библиотеке шла своя жизнь. В вестибюле копились посылки для фронта. В библиографическом отделе продолжался сбор средств на постройку самолёта «Томский университет». В отделе периодики студенты вычерчивали карту с обозначением фронтов и наступательных ударов Красной Армии. Против двух синих стрелок (враг) рисовали семь-девять наших, красных. Количество армий у нас было больше, чем у фашистов. Наступательных ударов меньше. Надсадные шли бои.

Чем ещё помочь вам, дорогие бойцы, чтобы вы устояли, сломали острio этих зловещих синих стрел?!

Лидия Палладиевна поднялась на третий этаж, в Гербарий. Сердце стучало в ушах, как приглушённый барабан. Может, из-за этого, а скорее всего, по рассеянности, она не услышала приветствия:

– Лидия Палладиевна, здравствуйте, а мы здесь!

Из-за гербарных шкафов выглядывали профессора Вершинин и Ревердатто, в последнее время ставшие «неразлучниками».

– А мы кое-что придумали...

Сергиевская была посвящена в их придумки. Ботаник Ревердатто и фармаколог Вершинин, подключив терапевта Яблокова, усиленно искали лекарства из местного сырья. Их прежде всего интересовали сердечно-сосудистые, болеутоляющие, кровоостанавливающие и ранозаживляющие.

Лучшего трио и представить себе невозможно: Вершинин, Ревердатто, Яблоков.

Патриарх сибирской фармакологии Николай Васильевич Вершинин обладал огромными познаниями в своей области. Ещё в 1935 году он получил образцы синтетической камфары, а уже в 1936-м страна отказалась от ввоза дорогостоящей японской камфары и перешла на отечественную, сибирскую. Николай Васильевич обладал необыкновенным чутьём угадывать, «пойдёт или не пойдёт» растение как лекарство.

Виктор Владимирович Ревердатто – отличный ресурсовед, знающий, где быстрее, доступнее, экономичнее взять сырьё.

Дмитрий Дмитриевич Яблоков – превосходный клиницист, врач милостью Божией. С ним испытывать новое лекарство – горя не знать. Осторожен, терпелив, сто раз отмерит, один раз отрежет, во всём сомневается, но и риска не боится, ответственности.

Сергиевская верила, что эта троица обязательно добьётся успеха. Такие головы, да не смогут?! Как умела, помогала им. Радовалась, когда выпадала возможность быть полезной в архинужном деле.

Сейчас в Гербарии их двое. У Яблокова в госпитале запарка: прибыл новый эшелон с ранеными.

Ну и в чём дело? – она подсела к дуэту.

Всё в том же, в шляпе, – Ревердатто снял очки и потёр уставшие глаза. – Нас интересует синюха, а где её коробка, найти не можем. А Эльпас, заведующая Гербарием, шастает неизвестно где...

И желтушник, – добавил Вершинин. – Из Африки и с Мадагаскара перестал поступать строфант.

Понятно, – кивнула Сергиевская, не обращая внимание на «шастает неизвестно где». Эльпас – это она. Л.П.С. Лидия Палладиевна Сергиевская. Так они её прозвали; и пусть. – Это вы правильно. Желтушник личность занятная.

Она нашла всё, что им требовалось. Книги, определители, дореволюционные труды Ботанического общества, записи Порфирия Никитича Крылова, не вошедшие в его статьи, сообщения травников, знахарей. Кто знает, может быть, случайно оброненная фраза, полузабытый факт натолкнут иссле-

дователей на полезную мысль? Ничем пренебрегать нельзя, ничем.

Спасибо, Лидия Палладиевна, – поблагодарил Вершинин и как-то очень мило развёл руками: извините, дескать, надоедаем, но – надо...

Этот жест заставил сердце Сергиевской знакомо притихнуть – так напомнил дорогого Учителя, Порфирия Никитича Крылова.

Они вообще очень похожи, Крылов и Вершинин. При всей несхожести внешней. Порфирия Никитича красавцем не назовёшь, хотя он был по-своему привлекателен. Николаю же Васильевичу природа отпустила сполна: мужественное чистое лицо, выразительные глаза, прекрасные и почти не седые волосы, густую, чуть кудрявую бороду, переходящую в изящные бакенбарды и усы. Высокая сухощавая фигура. Сильные руки труженика. Пытливый ум и природная скромность. Словом, Вершинин был на удивление обаятельным человеком, и в свои семьдесят пять лет – красивым. Наверное, он чувствовал это и, как действительно скромный человек, отгораживался от щедрот природы застенчивой, как бы виноватой улыбкой: извините, мол, что так получилось... Улыбка красила его ещё больше.

А похожесть с Крыловым состояла в чём-то ином, не внешнем. Они оба были оттуда, из старой гвардии первых профессоров, первых сибирских учёных. Николай Васильевич, правда, помоложе. Но он тоже из первых. Учился вместе с Кулябко (это он, впервые в мире, оживил человеческое сердце), профессорствовал вместе с Мышем, Рузским, Березнеговским... Из Томска по своей воле не отлучался. Только войны сбивали его с мирного шага. В годы русско-японской войны был на фронте, заведовал госпиталем на полторы тысячи коек. В 1914 – тоже на фронте, в качестве консультанта по токсикологии боевых отравляющих веществ. В то время у него вышла важная работа: «Отравление удушливыми газами». В России практически не было таких специалистов, а Германия коварно стала применять химическое оружие. Фармаколог с природным дарованием, Вершинин всю свою жизнь делал то, что от него ждало Отечество.

В сознании Лидии Палладиевны ещё со студенческих лет, когда она слушала его лекции на Высших женских курсах, давно устоялся его образ: рыцарь, без лат и шлема, благородный рыцарь. Он и фармакологию преподавал, как отстаивал поле битвы за народное счастье. Он не просто ориентировался в океане лекарственных форм и препаратов, не только слыл эрудитом – непревзойдённый лоцман, он всегда правил к родному берегу. Не щадя сил работал над заменой заграничных препаратов отечественными.

С первых дней войны убеждал (и убедил!) медиков, что «сибирский бальзам», обработанная пихтовая живица, не хуже перуанского снадобья, превосходно заживляет огнестрельные раны. Да, масляно-бальзамическая мазь академика Вишневского в сочетании с новокаиновой блокадой – отличное средство. Но всегда ли оно под рукой? А пихтовая живица – вот она, лечи, облегчай участь страдальцев-солдат. Не жалуйся на нехватку медикаментов, лечи.

Очень любят его студенты.

– ...да, – сказал Вершинин, – и пустырник тоже.

– Что, что? – переспросила Сергиевская. Задумалась и пропустила, видимо, что-то важное.

– Пустырник, – подтвердил Ревердатто. – Сначала синюха, а потом пустырник. На черта нам привозная валериана, когда есть сибирский пустырник?

– Блестящая идея, – одобрила Лидия Палладиевна. – Поддерживаю.

Она уже знала об опытах в лаборатории фармакологии по замене валерианы пустырником. Конечно, вековая слава кошачьего корня крепка: непревзойдённое снадобье, входит во многие сложные препараты: нашатырно-валериановую и эфирно-валериановую настойки, в кардиовален, капли Зеленина... Но ведь и пустырник, особенно его сибирский вид, не промах. Тем более – валютные средства не надо тратить. Сибирь-аптека снабдит.

Вспомнив об «особой» папке, порылась в ящиках стола, нашла и протянула её Вершинину. Николай Васильевич надел очки и принялся всматриваться в листочки, исписанные мелким ясным почерком Сергиевской. (Каждый листок помечен:

противогнилостные, заживление ран, против цинги, туберкулёза, витамины, ревматизм, сердце, желудок, «от нутра»...)

Многие растения, естественно, ему были знакомы. Над некоторыми он призадумывался. Кое-что встретил с удивлением и даже одобрительным восклицанием.

– Золотая папочка, – уважительно сказал он, переворачивая последний листок.

– Зелёная, – усмехнулась Лидия Палладиевна, тронутая, однако, его похвалой.

– Как минимум, докторская диссертация, – Николай Васильевич ласково погладил затрёпанную обложку. – А?

Сергиевская нахмурилась, ушла в себя, запечаталась. Не переносила она разговоров о диссертациях применительно к себе. Другие пусть защищаются, пусть пишут учёные труды ради степени. Всё это не для неё. Она и звания кандидата биологических наук не искала. Но в 1938 году Ленинградский университет присвоил ей эту учёную степень без защиты диссертации. «Мы признаём в Вас, уважаемая Лидия Палладиевна, авторитет среди ботаников», – было написано в поздравительной телеграмме из города на Неве. Она была счастлива: столица Ботаники признала её работу. Чего ещё желать?

Вершинин и Ревердатто ушли не скоро: «дикие ребятки» быстро не отпускают.

5

Кончалась зима, долгая и немилосердная. Но именно в эту зиму был перейдён перевал напряжения и страдания народного. Люди об этом ещё не знали, не чувствовали и не догадывались. Но он был перейдён. Впереди было ещё много трудностей, великих испытаний. Впереди было возмездное движение на Берлин, утраты и победы... Но главное: народ устоял, урало-сибирская земля стала военно-промышленной платформой, люди не разобшились, не бросились, объятые страхом, в разные стороны, а напротив, сошлись в неразбивную сплотку, в единую силу.

Из этой зимы «тихий город» Томск выходил долго и трудно, подобно тому, как человек возвращается в жизнь после

тяжёлой и продолжительной болезни. Сожжены для обогрева почти все заборы, лавочки, сараюшки. Повымерзли сотни деревьев, особенно одинары (одинокое стоявшие в трубах, на улицах, где постоянно шла студёная тяга с Томи). Месяцами не открывались ставни, народ не устраивал гуляний в Городском саду и в Лагерях, не расчищались места на Ушайке для катания на коньках, не строились снежные городки для ребячьих забав. Много чего стало не так, как до войны. И всё-таки эти перемены – внешние. Внутренние были куда серьезнее.

Глубоко не столичный город, надолго укрепившийся в звании студенческого и научного, Томск неожиданно ощутил себя промышленным центром. Это чувство было совершенно новым и непривычным, оно тревожило, возбуждало и вызывало гордость. На многие годы заводские дела стали самыми главными среди всех важных. За всю свою историю томский рабочий класс впервые осознал себя по-настоящему могучим классом, а не прослойкой, социальным вкраплением. Всё в эти годы было подчинено промышленности – и дела, и мысли, и чувства. Всё лучшее отдано ей, её отраслям – машиностроению, электро-химической, стекольной, оптической; производству боеприпасов... Перестроились и довоенные фабрики. Мирная «карандашка» поставляла для фронта аккумуляторный шпон, «спичка» – зажигательную смесь, которой наполнялись бутылки для битвы с танками, кондитерская готовила концентраты. Колпашевский рыбный завод, породнившись с эвакуированным из Керчи, перешёл на выпуск консервов. Заречный Тимирязевский леспромхоз научился гнуть лыжи, сколачивал волокуши для пулемётов, для вывозки раненых. Артель «Кожмех» ремонтировала полушубки. Окровавленные, изодранные в клочья, посеченные пулями и осколками мин, проколотые штыками, прожжённые огнём и кислотами... Их привозили вагонами.

– Слезами отмываем те полушубочки, горем нашим отшаркиваем, ненавистью к фашистам сострачиваем... – плакали девочки-кожмеховки.

Горели по ночам костры. Люди долбили мёрзлую землю, таскали шпалы, укладывали рельсы. Укрепляли старый мост через Ушайку. Списанные локомотивы стояли на заводских

дворах, давая пар для обогрева и на технологические нужды. Город стал походить на громадное чумазое депо. Паровозные сигналы вперемешку с заводскими гудками озвучивали немые сцены томского быта.

Каков он был? Чем была примечательна обыденная жизнь горожан? Что сказать... Она соответствовала времени. Была схожей для тысяч и тысяч сибиряков. Всюду властвовал все-сибирский быт. А про тех, кто не попал в эти тысячи тысяч, история и не вспомнит. Сладко есть и мягко спать в лихую годину – значило помогать лютому врагу, покусившемуся на Отечество. Чего скрывать, находились и такие «помощники», да не о них речь – о людях.

Подростки и женщины у заводских станков. Самое почётное звание победителей в соревновании: «фронтовая бригада». Нескончаемый сбор денежных средств, вещей и продовольствия. На моторостроительном заводе «Электросила» (позже «Сибмотор») Вера Апраксина принесла семейную реликвию – алмазные серьги. Мастера те алмазы вынули и зачеканили в резцы. Цех, чуть было не остановленный из-за отсутствия алмазных резцов, продолжил работу. Студенты, преподаватели, учёные собирали средства на постройку боевых самолётов «Советский вузовец», на эскадрилью «За Родину». Колхозники засевали сверхплановый «гектар обороны». По вечерам и ночам женщины и девушки шили ватные брюки и телогрейки, вязали носки и варежки. Летом пионеры получали совсем не детское задание: вырастить по двести корней табака для фронтовиков...

Много примет военного времени. Много. Столовые превратились в сплошь вегетарианские. В них по-особому чистили картошку (вырезали «глазки» на посадку). Перед горожанами поставлена боевая задача: посадить на каждую семью по четыре сотки картофеля и овощей. Море картофельное должно быть создано. Море!

И вот пришла весна...

Все свободные места заняты под огороды. Даже в Городском саду посадили картошку.

Университетская роща тоже не избежала общей участи. Всё, что можно было перекопать, перекопано. Тёмно-зелёные

ряды «сибирского фрукта», извиваясь меж деревьями и вдоль дорожек, незабываемо изменили старинный парк.

«Ничего, – думала Лидия Палладиевна, окучивая крепенькие картофельные кусты, – ничего-о... Мы ещё засадим цветами... Мы ещё увидим поляны с ландышами».

Поляны с ландышами появились не скоро. Белладонна, шалфей, наперстянка, валериана... Эти поляны – да, были.

6

До войны здесь была окраина. Зброшенные пустыри, заболоченные низины да несколько деревянных домов, уткнувшихся ставнями прямо в землю. 10 мая 1943 года уединение этого уголка было нарушено. В этот день в Томске началось строительство новой электростанции.

ГРЭС-2 строили всем миром.

Единственная в городе теплоэлектроцентраль, ТЭЦ-1, не справлялась с нуждами энергоёмких оборонных заводов. Эвакуированная в начале войны Гомельская электростанция поправить дело не смогла. Город оставался во тьме.

И вновь – долбили мёрзлую землю, носилками отсыпали грунт, рыли котлован, возводили стены.

И всё-таки поставить стены, залить бетонное основание, прорыть траншейные подступы – это оказалось не самым сложным. Почти невероятным делом было получить оборудование.

Шла невиданная по масштабам и жестокости сражений война. На земле, в воздухе, на море. И вот в таких условиях было закуплено в Англии оборудование для Томской станции: один турбогенератор К-12 «Метро-Виккерс» и два котла «Интернешнл Комбастан» со слоевым сжиганием топлива. Они двинулись по ленд-лизу через Мурманск, Архангельск, Владивосток. Продвижение длилось мучительно долго, несколько месяцев, сопрягаясь с большой опасностью. И вот наконец весной 1945 года оборудование прибыло в Томск.

Горожане высыпали на улицы встречать грузовые платформы с дорогими «путешественниками».

– А котёл-то, котёл как исчиркан пулями!

– Говорят, троих моряков убило, пока везли...

– Три души за электрический свет...

Рабочая разнарядка для университета выпала на 9 мая. ГРЭС-2 готовилась к пуску первой очереди, и необходимо было помочь в подсобных работах.

Лидия Палладиевна оделась потеплее, проложила старыми газетами выдавшие виды резиновые сапоги. Она привыкла к внеплановым выходам на станцию и готовилась, как к знакомому делу.

Вышла из дому. Сыпал мелкий холодный дождик. Туч не было. Сплошная серая пелена, будто намокшая ряднина, обложила город со всех сторон.

«Ну и погодка, – подумала Лидия Палладиевна, отворачивая лицо от бокового ветра. – Видать, нет для Сибири иной. Только эта и осталась».

Достичь ГРЭС-2 можно минут за сорок. Городского транспорта почти никакого. Правда, в последнее время начали хождение грузовики с выкидным трапом-подножкой, но ждать их приходилось довольно долго. Придётся идти пешком.

Город ещё спал. Серые, тёмные, с потёками стены. Прогнувшиеся латаные-перелатанные крыши. Давно не беленые деревянные кружева. Дряхлые тротуары, в которых сохранилось по одной, две доски. И только резные коньки, фантастические драконы и рыбо-девы на крышах старинных теремов упрямо выгибали в невзрачное небо свои мокрые спины.

Лидия Палладиевна запрокинула голову, любуясь их упорством. Этот дом на Красноармейской, бывшей Солдатской улице, похожий на крепостцу, заступил на тротуар башней, сложенной из лиственницы. Сходство с крепостцей усиливали окна-бойницы.

– Стоишь? – с непонятным волнением спросила она, лаская взглядом старинный сруб. – Ишь ты, каков... – бросила взгляд повыше, на драконов, и, повеселевшая, пошла дальше.

«Нет, неправда, что для Сибири не будет иной погоды, – думала она, преодолевая заполненные грязью низинки. – Не такая это земля, чтобы хиреть и киснуть! Она ещё вздохнёт и проснётся. И на её площадях забьют выложенные мрамором фонтаны...».

Но до мраморных фонтанов было ещё далеко.

Зато чувствовалось близкое окончание войны. По газетам, по радиосводкам, по слухам и разговорам. Победа не за горами. Она рядом. Вот-вот прогремит её меднотрубный голос... И всё изменится, станет радостным...

В это утро Сергиевская преодолела свой путь за полчаса. Пришла в числе первых, и ей досталась почётная работа: прибирать в турбинном зале.

Здесь было сухо и тепло. Запах битого кирпича заглушался дыханием свежeweбеленных стен. Несколько мужчин колдовали вокруг турбины. Они походили на тёмных окуней, вынырывающих то там, то здесь вокруг железной махины. Сходство с окунями добавляли красные от бессонницы глаза, тощие фигуры и алые повязки на руках спецовок.

Вскоре на подмогу к Сергиевской подоспели три девчушки, студентки с историко-филологического факультета. Открылся этот сугубо мирный факультет, о котором сибиряки мечтали ещё до революции, в «сороковые-роковые» годы, и это казалось добрым знаком.

За военное время университет подготовил немало нужных для фронта профессий: рентгено- и физико-техники, путевые дефектоскописты, геологи, математики, биологи... Освоил новые предметы. На мехмате – баллистика, теория стрельбы, артиллерийские приборы и управление артиллерийским огнём, на географическом – военная география и аэрофотосъёмка, на биофаке – промысловая ихтиология... Историки и филологи тоже не остались в стороне. Здесь преподавалась методика и организация политико-просветительной работы в Красной Армии, история международных отношений. А главное – на высоком уровне читались лекции по вечным предметам: русский язык, литература, история Отечества...

Юные филологини, напарницы Сергиевской по борьбе с мусором, не обращая внимания на её молчаливую сосредоточенность, болтали о своём. О лекциях академика (из эвакуированных) Александра Ивановича Белецкого, который «ну просто захватывающе даёт русскую литературу!», читали стихи:

Моё поколение –
это зубы сожми и работай.
Моё поколение –
это пулю прими и рухни...

Эти девочки, эти воробы с прозрачно-синими руками, уже ощущали себя поколением. «Пулю прими и рухни...» – это они и о себе так понимали.

С материнской заботливостью Лидия Палладиевна отбирала у них обрезки тяжёлых труб, старалась быстрее вернуться, чтобы захватить совковую лопату, а им оставить мётлы. Но девчухи сердились, норовили опередить её. Работа неслась вскачь.

Увлечённые жарким трудом, они не заметили, как в цехе произошли изменения. Явились какие-то люди, толпились группами. На лицах напряжённое ожидание, то и дело улыбки... Парнишка в рабочей спецовке тянул откуда-то сверху радиопровод. Фибровая тарелка громкоговорителя, словно чёрная мексиканская шляпа-сомбреро, болталась у него за спиной.

- Тише вы!
- Ти-хо...
- Сейчас будет...
- Внимание!!

Лидия Палладиевна заворожённо уставилась на чёрную тарелку; общее волнение передалось и ей.

– Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза. Передаём экстренное сообщение. Вчера, 8 мая, в Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии...

- Ур-ра! – взорвалось вокруг. – Победа!!!
- Господи, неужели...
- С Победой!!

Люди обнимались, кричали, поздравляли друг друга, смеялись и плакали одновременно. Кто-то шлёпал по плечам Сергиевскую. Она пожимала кому-то руки. Девчонки-филологи запели «Огонёк»...

И в этот момент всеобщего ликования вдруг задышала, задрожала турбина. Случайно, или так было задумано, но имен-

но в это время ожило её рабочее тело – пар. Он ударил в лопатки турбины, и ротор пришёл в движение.

Люди с алыми повязками, похожие на тёмных окуней, размазывая по лицу пот и грязь, смотрели на дело рук своих, как на чудо. По их лицам было видно, что они не верят собственным глазам. Один из них, пожилой, с пепельной, словно зола, головой, уткнулся лицом в замазученные обтирочные концы и плакал.

Таким и запомнился Лидии Палладиевне День Победы – святым и скорбным рабочим праздником, с запахом свежесвеженных стен и зольным привкусом на губах. Победа не снег, сама на голову не упадёт, – говорили сибиряки и старались изо всех сил.

Остальное – как во сне. В университетской роще полно молодёжи. Гармонь. «С берёз, неслышен, невесом слетает жёлтый лист...»

Обхватив друг друга за плечи, за талии, на хвойной подстилке под кедрами вальсировали девушки. Парней немного. Стоят поодаль, курят, танцевать не рвутся: не успели выучиться.

«Ничего, хлопцы, – мысленно подбодрила их Сергиевская. – Это дело поправимое. Будет мир, будут и песни. Уцелеет музыка, найдутся к ней и танцоры...»

На душе у неё необыкновенно – и сладко, и горько враз.

Шестидесятилетние кедры, ссутулив тяжёлые ветви, сверху вниз глядели на это разыгравшееся не по погоде веселье, на девушек в телогрейках, на парней, на женщину в резиновых сапогах, прислонившуюся плечом к корявому стволу, по лицу которой струились влажные полоски – то ли дождь, то ли слёзы. Казалось, деревья что-то понимали, силились понять...

Многоствольный даурский кустарник, гнавший свои деревянистые стебли прямо от земли, наступавший на жизненное пространство кедровой семьи, понимать ничего не хотел. Вытягивал вперёд голые прутья, топорщил колючки и норовил придержать за подол развеселившихся девчонок. Озоровал, как всегда, шалопай.

В этот день пробудилась старая черёмуха возле анатомки. Ощувив подобие тепла, она заторопилась, погнала к спящим

почкам живительный сок. Скорей, скорей... Не терять ни минуты из тех, что отпущены природой.

Черёмуха знала, что нынешняя весна будет ранней.

* * *

Переселяясь с Гербарием на своё довоенное место, в главный университетский корпус, Лидия Палладиевна наконец узнала «военную тайну» Научной библиотеки ТГУ.

В двух её комнатах, с окнами, забранными решётками и глухими ставнями, с дверями, обретшими противопожарный вид, хранились бесценные сокровища: рукописи и реликвии архивов и музеев Пушкина, Льва Толстого, Горького и Есенина.

В августе 1941-го, в обстановке большой секретности, «во исполнение ответственного правительственного задания», в Томск начали прибывать ящики из Ясной Поляны. К ноябрю первая комната – толстовская – была забита до отказа. Во второй разместили фонды Пушкина и Горького, а также рукописи Есенина.

Вот что находилось за той таинственной дверью, береглось, и сбережено было. Понятны стали и строгая секретность, ночные дежурства, и старые зипуны и шляпы, вывешенные для просушки во внутреннем дворике и тоже охраняемые.

После Победы опустели эти комнаты. Святые для русского человека реликвии вернулись туда, откуда были вывезены из-под огня и бомбёжки. Но противопожарные двери целы до сих пор. Они напоминают о том, что было, что прошло, но не исчезло, ибо история всегда рядом, в живой памяти людей.

ПЕРВЫЙ

Рассказ

Жил на свете бездарный мальчик. Не было у него ни в чём никакого таланта.

Посмотрите на его друзей.

Митя лучше всех в классе ездит на велосипеде. И без рук, и спиной вперёд, и монетку на ходу с земли поднимает.

Евгеша – первый мастер по дереву. Хоть ложку, хоть скульптуру – было бы из чего.

Надя – самая красивая.

Игнат – точно будет изобретателем. В математике и в шахматах не имеет равных, любое устройство соберёт, разберёт и усовершенствует.

Толя – хоть и в очках, зато круглый отличник.

Оля – дерётся лучше всех и самая добрая.

Антон – самый сильный. Кого угодно подбросит над головой и не уронит.

Гришка – снайпер.

Гошка – художественный чтец. Он так прочёл со сцены поэму «Беглец», что вся школа зовёт его Гаруном.

Алик – боли не боится. Хоть огонь, хоть иголка – ему одинаково нипочём.

Ульянка – никогда не устаёт. Она в походе трое суток не спала, все свидетели.

Мефодий – вышивает гладью такие картины, что не всякий художник нарисует.

И так далее! И тому подобное! Каждый-каждый хоть в чём-нибудь да лучше всех, и его за это уважают. Так у людей испокон века: имеешь какой-то дар, не ленишься, развиваешь – и вот у тебя уже талант...

У Максима способностей не было НИКАКИХ. Ни к чему. Ни в чём. Понятно? Пока был совсем маленький, это его не удручало. Даже не беспокоило. Но чем старше становился, тем больше понимал свою неудачу.

С кем дружит самая красивая Надя? С Гошкой, потому что ей нравятся красивые слова.

С кем дружит драчливая и справедливая Оля? С умным Игнатом, потому что его надо защищать, о нём надо заботиться.

С кем дружит самый сильный, Антон? С Евгешей, потому что Евгеша научит мастерству.

И так далее, и так далее.

С Максимом они все тоже дружат, но не так. У них просто общая компания. А внутри любой компании есть ещё особая дружба. Вот такой-то у Максима и нет. Он всем помогает, он у всех на побегушках, за это к нему хорошо относятся, за это его и держат рядом. Такой человек в любой компании нужен. В хорошей его не обижают, в плохой над ним издеваются. А ему всегда – каково? Настоящего-то уважения нет. У всех между собой какие-то дела, даже тайны, а тобой просто помыкают. И тайнами, конечно, не делятся. И никто не спросит: «Максим, как ты думаешь?..». А всё из-за того, что ты ни в чём не лучший.

Стал Максим тосковать, когда подрос. Но компании своей держался: одному ещё хуже.

Драчливая Оля его жалела и, когда нужно, защищала, потому что к самозащите у Максима способностей не было, а обидеть такого норовят многие.

Оля при этом говорила:

– Ты, Макса, не вешай нос. Твоё от тебя не уйдёт.

«А что моё? – думал Максим. – Может, ничего моего и на свете нет?»

Он говорил об этом Оле. Она успокаивала:

– Зря так думаешь. У всех есть, значит, и у тебя найдётся. Ты только рук не опускай, не сдавайся. Ты ищи и старайся.

А Максим и так старался.

Он вычитал в книге слова знаменитого человека: «Если быть, так быть первым». Этим словам он решил следовать всю жизнь. И начал искать, в чём же ему можно стать первым.

Игнат – умный от природы. Первым среди умных Максиму не стать.

Антон – сильный от природы. Как Максим ни тренируйся – никаких надежд.

Чтобы лучше Мити ездить на велосипеде, надо иметь велосипед, а Максиму не покупают: боятся, не убился бы.

Алик боли не боится – это тоже природное. Максим попробовал терпеть, но понял, что Алика он не перетерпит. Да и ни к чему.

Евгешу в мастерстве тоже не превзойдёшь – у него папа краснодеревщик, а мама – скульптор. Талант от рождения.

Про очкарика Толю говорить не приходится и думать не стоит.

С Мефодием тягаться неохота, потому что не мужское это дело – вышивка гладью.

Ульянка? Максим пробовал никогда не уставать, это было бы замечательно во всех отношениях, но очень скоро заболела голова, и он сам не заметил, как заснул.

Превзойти Гошку в художественном чтении Максим пытался, но опять подвели природные данные: ни голоса, ни солидности.

Оставалось либо научиться стрелять лучше Гришки, либо лучше Оли драться. Но состязаться с девчонкой в боксе Максиму было неудобно, и он пошёл в стрелковую секцию.

Когда Максим заканчивал школу, он стрелял почти так же, как его друг Григорий. Но всегда немного ему уступал. Не хватало, наверно, таланта, потому что терпенья и старанья было в избытке.

Оля его подбадривала:

– На следующих соревнованиях стрельнешь лучше Гришки.

Вместо следующих соревнований Максим оказался в окопе.

Соревноваться ему пришлось с пилотом «мессершмитта», и его винтовка оказалась точнее всех пулемётов фашиста – самолёт врезался в землю.

В тот же день Максим остался прикрывать отход своего батальона. Он остановил столько автоматчиков, сколько было при нём патронов. Последнюю из четырёх своих гранат он израсходовал на себя и на тех фашистов, которые пытались взять его в плен.

Бездарный мальчик Максим первым из своего класса пал смертью героя, защищая Отечество.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Рассказ

Раньше ящик висел на столбе у калитки. Старая калитка вела во двор. А во дворе хмуро темнел старый дом. Жили в доме старик со старухой. Ждали внука с войны. А внук всё воевал, всё не ехал. Только письма писал. Вот из-за него ящик и повесили. Кроме внука писать-то старикам было некому. Их сын и жена их сына погибли ещё на прошлой войне.

Письма с войны приходили по-разному. Бывало, неделями почтальон носил одни газеты. А бывало, опускал в ящик сразу два-три письма. Известное дело – с войны доставлять почту не так уж легко. Но старики, наверно, этого не понимали: они заглядывали в ящик по нескольку раз в день.

Газеты они читали внимательно, только там об их внуке ничего не было. Часто называли там взятые города, отличные полки. Попадались имена солдат и офицеров. Но имя своего внука старики и не ожидали увидеть в газетах: работа у него была секретная.

Из-за этой секретности писал им внук не о своей работе, а о разных смешных случаях из солдатской жизни.

«Враги совсем не умеют стрелять, – писал внук. – В меня, например, за два года ни разу не попали. А когда мы идём вперёд, они разбегаются во все стороны».

«Два дня назад, – писал он в другом письме, – один наш совсем неопытный солдат нашёл вражескую мину. Он думал, что это простая болванка, и стал заколачивать миной гвоздь. И мина не взорвалась, потому что была изготовлена в конце месяца».

Старики читали эту чепуху и не смеялись, потому что из газет они знали, как стреляют враги и какие у них мины. Но они радовались тому, что внук пишет, – значит, живой.

Старый почтовый ящик шептался с газетами и письмами и, разумеется, знал все новости. Но он, конечно, никому ничего не рассказывал – ни воробьям, которые садились на калитку, ни кошке, которая охотилась на воробьёв, ни собаке, которая лаяла на кошку и уважала почтальона. Ящик знал, что такое почтовая тайна, и вообще любил порядок. Однажды, напри-

мер, когда его забыли запереть, он до тех пор хлопал дверцей на ветру, пока хозяева не исправили ошибку.

Настало время сносить старые дома, и старик со старухой получили квартиру в первом этаже большого каменного дома. Ящик был совершенно горд, когда его, наравне с кошкой и собакой, перевезли в новое жилище. И совсем не огорчился, когда собаку и кошку пустили внутрь, а его повесили на дверь снаружи. Такая служба, ничего не поделаешь.

Если подняться на несколько ступенек, то можно было увидеть множество новеньких, весело выкрашенных почтовых ящиков, на которых были написаны номера квартир. Но старики упростили нового почтальона опускать газеты и письма в их старый ящик. Им казалось, что этот ящик должен приносить удачу их внуку: раз уж два года ничего не случилось, то не случится и теперь – враги промахнутся, мины не взорвутся.

Жизнь почтового ящика стала не такой интересной, как раньше. Правда, новости с войны улучшались, дело там шло к концу, однако не было весёлых воробьёв, не было ни солнца, ни дождя, не было ветра, чтобы похлопать дверцей, а кошка и собака больше не ссорились и, когда их выпускали погулять, у двери задерживаться не любили – сразу мчались на улицу. К тому же повадился хулиганить мальчишка с восьмого этажа. Он почему-то злился, что всем носят письма на лестничную площадку, а старикам – отдельно, в собственный ящик. И он придумал подлость: раздобыв спичку, чиркал ею о стену и бросал огонь в почтовый ящик. Это было крайне опасно: два раза газеты начинали тлеть, а однажды обуглился край конверта. Ящик сердился и всё время обдумывал план: как бы покрепче прищемить злодею пальцы.

И такой день наступил, хотя он и стал самым несчастным днём в жизни почтового ящика.

Хлопнула дверь подъезда, мелькнула в ярком свете фигура почтальона, опять наступил полумрак, но когда почтальон доставал из сумки тонкий казённый конверт без марки, ящик легко разглядел суровость его лица.

Тонкий конверт упал на дно ящика, а почтальон, который при каждом письме радостно звонил старикам в квартиру, на

этот раз молча и быстро ушёл. Впрочем, в тот момент стариков не было дома.

– Что случилось? – проскрипел ящик. – Дурная весть?

– Хуже не бывает, – ответил со вздохом конверт.

Внутри конверта было тихо. Дурные вести всегда молчаливы.

– Да-а-а, – проскрежетал ящик, – зря они понадеялись на мою удачу.

– Лучше бы мне потеряться, – конверт снова вздохнул. Ящику эти слова не понравились.

– Как же это, голубчик, понимать? – сказал он сурово. – Как вы могли даже подумать?.. Что бы там ни случилось, а попрошу не забывать: мы с вами на службе, и служба – превыше всего!

– Служба для вас выше сострадания? – простонал конверт.

– Увы, это так, – сухо сказал ящик. – И дело вовсе не в том, что я железный, а вы сделаны из живой древесины. Дело в дисциплине. Почтовое отправление должно быть отправлено и доставлено по назначению и в срок, а если возможно, то и раньше срока. И никаких потерь, никаких утрат! Потери и утраты – дело тех, кого мы называем отправителями и получателями. А наша служба, повторяю, – сохранность и доставка любой корреспонденции, какие бы сведения она ни содержала. Вы согласны, Дурная Весть?

Ответа не последовало. Внутри конверта сохранялась гробовая тишина.

– Что ж, – проскрипел ящик. – Молчание – знак согласия.

В эту минуту снова хлопнула дверь, и в подъезд влетел мальчишка с восьмого этажа. В руках он держал спички и традиционный листок, свёрнутый жгутом. Быстро оглядевшись, хулиган чиркнул спичкой, поджёт свою бумажку и, оттянув пальцем дверцу ящика, сунул туда огонь.

– Н-н-ну! – лягнул ящик. – Дер-р-ржись!

Он напрягся и прищемил мальчишке палец. Хулиган взвизгнул от боли и рванулся. Но ящик не отпускал. Вставленная в щель бумага хорошо разгорелась и прижгла палец.

– Пусти! – завопил мальчишка.

– Хе-хе, – ответил ящик.

Мальчишка взвыл, отчаянно рванулся, ободрал палец до крови, но всё же освободился. В три прыжка он достиг лифта и, поскуливая, уехал к себе на восьмой этаж.

В ящике между тем бушевал огонь. Пока щель, благодаря пальцу, была широка, успел насквозняке разгореться конверт, и спасенья Дурной Вести уже не было. Вот тут-то ящик и услышал её голос:

– Какое счастье! – вопила Дурная Весть. – Никому и никогда не выпадало такой радости! Славный, замечательный, великодушный мальчишка! Превосходный, чудесный, спасительный огонь! О, скорее, сильнее, смелее, дотла!..

– Что за глупости? – забормотал ящик. Ему было больно, на нём коробилась краска. – Что за нежности к этому паршивцу? А как же хозяева?

Дурная Весть вопила, радовалась и не желала отвечать. Она была целиком занята собой. За неё ответил конверт.

– Глупое ты железо! – Конверт задышался и уже не заботился о вежливости. – Тебе нас, живых, не понять... У людей горе...

– А служба? – возмутился ящик. – А долг? А дисциплина?

– Подождут, – прошептал конверт, догорая. – Им теперь не к спеху...

Отец

«Спокойной ночи».
Поздний вечер.
В окне – твой заострённый профиль.
Опять не спишь. Меняешь свечи.
И на бумаге сохнут строфы.
Ты электричество не включишь.
Тебе сподручнее при свечке.
Или у раскалённой печки.
Так вроде думается лучше.
«Что пишешь?». «Строго между нами, –
сказал ты раз вполне серьёзно. –
Приходится писать стихами,
поскольку не даётся проза».
Но и стихи тебе, смотрю я,
не очень-то, старик, даются.
Вон, по утрам сидишь, горяю,
и пепел стряхиваешь в блюде.
«Что пишешь?» Раз, когда все спали,
ты мне сказал: «Хочу о лете...
Как в сорок первом наступали...
Как отступали в сорок третьем...»
«А в сорок первом... было разве?»
«Чтоб наступали?» «Да. Ведь летом...»
«Немного – да. Не бой, а праздник!
Да трудно рассказать об этом...
Как реактивные снаряды
над головой летят, ты видел?
Вот так и было. Дали гаду...
И гнали – в самом лучшем виде!»
«А что потом?» «Да не хватило
тогда «катюш», вот и бежали.
Да землю рыли, да лежали
в земле... Теперь – закоротило.
Вот дай винтовку, дай лопату –
и окопаюсь в лучшем виде...
Но чтоб стихи писать солдату...»

«Зачем же ты?...» «Да я в обиде:
всё о других рассказы слышу –
Бакланов, Бондарев, Нагибин...
А кто товарищей опишет –
моих, которые погибли?
Пишу. И – жгу! Глотаю слёзы.
И засыпаю с петухами...
Я снова перейду на прозу:
не получается стихами...»

Парад Победы

В колонну по три становись
и – шагом марш!
Кто в 21-м начал жизнь,
тот, значит, наш.
В колонну по три, на парад,
на братский пир!
И не являться без наград –
пусть видит мир!
В колонну по три – не впервой.
Равняй носки,
кто в 41-м под Москвой
ходил в штыки.
Смотрите, праздник на дворе!
Сомкнуть ряды,
кто сталинградской в ноябре
хлебнул воды.
Кто помнит Киевский котёл
и крымский ад,
кто видел, как горел Орёл, –
заполнить ряд!
Но тем не место среди нас –
покиньте строй, –
кто малодушно хоть бы раз
оставил бой,
кто, три секунды потеряв,
позднее встал,

когда уже передний ряд
косил металл..
И вот – парад. Идут войска,
примкнув штыки.
Но что так тихо? К ряду ряд
молчат полки.
Не слышно топота сапог.
Сердца молчат.
Из каждой сотни лишь у трёх
они стучат.
Парад героев и теней..
Как смерть, страшна,
Девятым Мая по стране
идёт война.
Колонна по три – от Курил
и до Балкан.
В ней все свои – по взводам, ротам
и полкам.
Мы не стареем и не мрём.
Наш строй – навек.
Нам всем по двадцать.
Не окончен наш разбег..
В колонну по три становись!..

Посвящение ВВС (Сон)

Когда ты спал в машине после боя,
его навёл какой-то сукин друг.
И, очутившись где-то над тобою,
он распахнул широкий бомболюк.
Пять тонн тротила, обретя свободу,
взорвали сон и разметали тьму..
А он ушёл в густую ночь, как в воду.
Зенитки мимо били по нему.
Ты умирал без стога, как мужчина.
И лишь когда почувствовал конец,
то попросил: «Спасите ради сына.
Без рук, без ног – я всё-таки отец».

Хоть ты меня на ноги не поставил,
я сам пошёл. А после – полетел.
Но некого спросить и не представить,
таков ли я, какого ты хотел.
Я не герой, не полиглот, не гений,
я с неба звёзд ни разу не хватал,
но никогда в сплетеньях параллелей,
в сетях меридианов не плутал.
Я знаю ночь. Я в ней – как рыба в море,
плыву, кому – я знаю – на беду.
Клянусь, я встречу этот «юнкерс» вскоре
и вышибу из экипажа дух.
Он где-то здесь. По звёздам чёрной тенью
плывёт, как крест, с крестами на боках.
Сейчас придёт конец его везенью.
Ещё чуть-чуть, и он в моих руках.
Ну, вот и всё! Стрелок у них не меткий.
Я уклоняюсь от свинцовых трасс
и бью в упор, давлю на все гашетки...
Их стало меньше. Значит, больше – нас.

ЧЕТЫРЕЖДЫ ВОРОБЕЙ

Рассказ

Первым, кого Степан Матвеевич увидел в день своего рождения, был бесхвостый воробей. Он сидел на форточке, осматриваясь, потом спорхнул на пол и принялся выискивать там съедобный сор.

«Интересно, сколько лет живут воробьи?» – подумал Степан Матвеевич, затем вновь сомкнул веки и долго лежал так, без движения, пробуждаясь.

Пятьдесят три года – много это или мало?

В сорок четвёртом он сказал бы, не задумываясь, – много. Тогда его ранило у небольшого латвийского местечка Эргли. В первый и последний раз. Он упал вниз лицом на холодную болотистую землю и не почувствовал боли, только толчок под правую лопатку и непривычную пустоту в ушах. Боль пришла позже, когда он открыл глаза и увидел на обрызганной кровью траве лягушонка. В горле лягушонка что-то беззвучно двигалось, пузырилось. Наверное, страх. И тогда Степан Матвеевич понял, что тоже боится – боится умереть в двадцать лет.

Это чувство не было для него новым, просто к концу второго года фронтовой жизни оно потеряло болезненную поначалу остроту. Многие из тех, с кем вместе участвовал он в первых своих, самых трудных и памятных боях, остались в чёрных октябрьских снегах на Ржевском выступе. А он чудом уцелел – сначала повезло, а потом стал приходить опыт.

Провожая его на фронт, крепко состарившийся уже отец, выше других наград почитавший трудовой знак «Шахтёрская слава», наказывал: «Добросовестно войой, Стёпа, умело. Без надобности вперёд не при. Старайся умом взять, где силой не можешь. Война долгая, на азарте её не проскочишь. Не посрами фамилии, сынок. У нас в роду так было – или всё, или ничего. Или грудь в орденах, или голова в кустах. Главное, с кустами не торопись, это всегда успеется».

Степан старался не торопиться.

– Ну и везучий ты, – удивлялись товарищи. – Сколько прошёл, и хоть бы одна царапина!

– До первого звонка всегда так, – согласно кивал Степан. – А там пойдёт-покатится, успевай только лови.

Говорил, а сам надеялся, что самое трудное позади, что теперь, когда так явственно замаячила Победа, с ним ничего плохого не случится.

Но первый звонок для него едва не прозвенел в Рудне, где Степан неожиданно встретил одноклассницу свою Валу Храмцову. И эта необычная встреча, и то, что случилось позже, слилось для него в одно целое, навсегда врезалось в память опьяняющей радостью и нестерпимой болью.

* * *

Степан не сразу признал в чумазой санинструкторше Храмцову, а признав, поразился. В школе её дразнили Жвакой – за то, что вечно что-нибудь жевала. Правда, на пользу ей это не шло, при любых обстоятельствах она оставалась тощей, жилистой, угловатой.

Было у Храмцовой и другое прозвище, ничуть не лучше первого, – Гологлазая. Это потому, что светленькие ресницы-невидимки совсем не затеняли огромные серые Валины глаза, поставленные чуть боком один к другому. На тонком веснушчатом лице со вздёрнутым носиком и неприметными губами они существовали словно бы сами по себе: то удивлялись, то спрашивали, то неизвестно отчего печалились. Их терпеливую внимательность трудно было выдержать, а забыть ещё трудней.

Никто в классе с Храмцовой не водился. Держалась она особняком, даже за партой сидела одна. Девчонки и те толком не знали, где живёт Гологлазая, кто у неё родители, отчего она такая неразговорчивая.

Степану тоже не очень ладно жилось в классе. Переросток, в школу пошёл поздно, год пропустил из-за семейных неурядиц.

Порой он ловил на себе Валин взгляд. Храмцова смотрела на него так, будто знала о нём такое, чего не знали другие. Но и тогда она умудрялась жевать.

Степану хотелось накричать на неё и тут же повиниться неизвестно за что, предложить дружбу. Только как с ней дружить, если в ней совсем нет того, что уже в седьмом классе стало заметно появляться в других девчонках.

Раньше других одноклассников Степан заметил эти перемены. Особенно в Тосе Зубенко.

Тося побаивалась его, и в то же время не упускала случая понасмешничать, проверить свою власть над ним. Степан молча сносил колкости, бродил по ночам под окнами зубенковского дома, иногда неумело навязывался в провожатые. Несколько раз он жестоко, по-взрослому, дрался из-за неё, но Зубенко об этом и знать не хотела: мало ли кто из-за неё дерётся и ещё драться будет.

Девятый класс Степан не закончил, пошёл работать. На шахту его по молодости лет не взяли, пришлось оформляться на завод. Много мест сменил Степан, прежде чем почувствовал в руках живое интересное дело. Отец одобрил: ну что ж, слесарь-инструментальщик, понятное дело, не шахтёр, но профессия тоже вполне уважаемая. Главное, чтобы работа была по душе и по настроению, а школу и вечерами закончить можно.

О Зубенко Степан постепенно стал забывать, она осталась где-то далеко, в беспокойных мальчишеских снах, к которым уже не было возврата.

В августе сорок первого года случайно узнал он, что его школьная симпатия окончила школу с отличием и уехала поступать в Томский университет. Это известие неприятно поразило его: как так можно? война началась, а она заявление не в военкомат несёт, как все, а в приёмную комиссию?!

И почему-то вспомнил о Вале Храмцовой. Интересно, а как она? Но о Жваке Гологлазой ему никто толком сказать не смог: то ли уехала куда-то с родителями из Кемерово, то ли где-то работает. Да и какая разница, в самом-то деле? Было бы о ком вспоминать!

– Было, – ответил тогда своим приятелям Степан. – Если уж и вспоминать кого, так сначала Вальку!

Он и сам не понимал, почему взвился. Может, почувствовал свою вину перед худой большеглазой девочкой, которая вдруг

изучающе глянула на него из прошлых лет. Только теперь Степан уловил в этом взгляде терпеливую преданность и готовность ждать, не мешая, ничего не требуя, не торопя.

Первым желанием его было побежать, найти Храмцову, посмотреть, какая она стала, проверить свою догадку. Но он не побежал, не проверил. Как будто знал, что в сорок третьем они встретятся в Рудне.

* * *

Он сидел у дороги на холодном белом камне и ждал, пока старшина закончит свои дела в банно-прачечном хозяйстве. Старшина велел ждать, и Степан ждал.

День выдался пасмурный, с тягучим холодным ветром. Того и гляди припустит дождь: пыль из-под колёс не клубится, стелется.

Из-за поворота выкатилась повозка с ранеными. Лошадь тащила её медленно, заметно прихрамывая, вся в репьях и нашлапинах из грязи. Рядом с повозкой шла высокая женщина в телогрейке. Степан равнодушно скользнул по ней взглядом. Подошва правого сапога у неё загибалась с носка, шваркала по земле, вот-вот отвалится.

Подошва шваркала всё ближе и ближе, стучали по камням деревянные, без ободов, колёса, хромала лошадь.

Степан достал кисет и начал экономно сворачивать самокрутку.

Неожиданно стук прекратился, устало всхрапнула лошадь, застонал раненый. Степан повернулся к дороге и увидел прямо перед собой разбитые сапоги, потом худые синие руки, золотистую пуговку гимнастёрки под остреньким подбородком и, наконец, большие внимательные глаза, поставленные чуть боком один к другому.

Он поднимался навстречу этим глазам медленно, неуверенно. Потом вдруг понял, что ошибки быть не может, и рванулся вперёд:

– Жвака!

Она облегчённо улыбнулась, протянула ему руку – не то для пожатия, не то от волнения. Но Степан уже обнял её, притиснул к себе, словно обороняя от кого-то.

Валя прижалась к его шее холодными губами, спина её дрогнула, напружинилась, потом вдруг обмякла.

Они стояли молча, не в силах оторваться и посмотреть в лицо друг другу.

– Где мы? – забеспокоился на подводе кто-то из раненых.

– В Рудне, – ответил ему другой и, встретившись взглядом со Степаном, сочувственно полюбопытствовал: – Сеструху, что ли, встретил? Или невесту? Бывает...

Валя отстранилась от Степана, стряхнула набежавшие от волнения слёзы, размазала по лицу ссохшийся кусочек грязи.

– Если можешь, проводи в медсанбат, – попросила она. – По дороге и поговорим.

– Да здесь уже рядом. Вон за той будкой... Айда, конечно.

Они зашагали молча, не разнимая рук. Степан всё принаравливался к хромающему шагу лошади, к глубоким выбоинам, к радости, внезапно охватившей его.

Валя изменилась мало – вот только ростом повыше стала да лицом помягче, повзрослей. На щеке тонкий, как шнурок, шрам. Губы широкие, красиво очерченные. Почему это раньше они казались Степану тонкими, неприметными? Очень даже приметные. И нос заострился, и шея вроде как вытянулась, и ресницы появились.

– А я знал, что мы встретимся, – наконец сказал Степан и вдруг облегчённо засмеялся: – Так оно и вышло!

– И я знала.

Пока Валя сдавала раненых, Степан разыскал старшину. Тот, не дослушав до конца его сбивчивых объяснений, отрезал: «В 18-00 доложишься!».

Степан взглянул на часы: 13-42. Значит, впереди четыре часа... Вернее, всего четыре... Ну не обидно ли: когда не надо, время девать некуда, а тут оглянуться не успеешь... И побежал к медсанбату.

Валя ждала его. Сапог она подвязала бинтом, чтобы не хлябал, грязь с лица стёрла.

– Ну как? – спросила она с волнением.

– Всё в порядке. Идём, – переводя дух, кивнул Степан.

Рудню Степан не знал, а раз так, какая разница, куда дви-

гаться. Главное, уйти от медсанбата, от людей, остаться вдвоём хоть на короткое время.

По узкой грязной улочке они вышли к небольшому озерку. Возле него стоял полуразрушенный дом из жёлтого кирпича. У дома сгорбленный старик укачивал в самодельной коляске малыша. Малыш, по всей видимости, укачиваться не хотел, топорщил вверх пальчики, стараясь схватить склонявшийся над ним клинышек бороды. Старик терпеливо улыбался, укладывал ручонки на место и опять заводил колыбельную.

Эта неожиданно мирная картина так поразила Степана и Валью, что они замерли. Всего три дня назад здесь шли тяжёлые бои, рвались снаряды, проламывали себе дорогу танки, а сегодня – покой и тишина, и этот старик с младенцем у спокойного-чистого озера.

Валя спустилась к воде, сбросила телогрейку, достала из сумки с красным крестом крошечный обмылок. Умывалась она неторопливо, с видимым удовольствием, словно позабыв о Степане.

А он жадно следил за её ловкими, чуть резкими движениями, подмечал, как длинны и красивы теперь её руки, как, приседая, она сводит колени, какой у неё детски трогательный затылок.

Наконец Валя привела себя в порядок и знобко поёжилась:

– Ой, замёрзла, сил нет. Так бы ещё ничего, да ветер сильный.

Степан подал ей телогрейку и невольно обнял её. Она доверчиво прижалась к нему, стараясь унять дрожь.

Начал накрапывать давно собиравшийся дождь.

Старик торопливо покатил коляску к разрушенному дому. Степан и Валя последовали за ним.

Дом оказался разбитым гораздо сильнее, чем казалось снаружи. В нём уцелело лишь два подвальных помещения. В одно из них спустился старик. Другое зияло выбитым оконцем.

– Это для нас, – сказал Степан. – Костерок для уюта собрать, вот было бы дело... А что? – он вдруг вспомнил, что у крыльца валяются ящики из-под артиллерийских снарядов. – Погоди, я сейчас!

Он быстро перетащил ящики в комнату, раздёргал два из

них на дощечки, сложил срубом, чтобы занялось лучше, и поджёг.

Валя радостно протянула руки к огню. Потом достала из сумки кусок сахара и четвертинку хлеба.

– А у меня ничего с собой нет, – виновато сказал Степан. – Разве кипятку согреть? – и выскочил под дождь, на этот раз за измятой кастрюлей, о которую споткнулся, таская ящики.

Потом они сидели друг против друга, держась за руки, колени в колени. Огонь освещал их лица, наполняя ровным спокойным теплом.

– Я как увидела тебя там, на дороге, даже испугалась, – тихо говорила Валя. – Думаю, а может, привиделось... Четыре дня в Рудню выбирались. Троих в пути схоронила, натерпелась... Слава Богу, не привиделось.

– Ну что ты, что ты, – утешал её Степан. – Хорошо ведь всё...

– Подумала, спросишь, как воюю, из вежливости... И дальше, – не слушая его, продолжала Валя. – А ты обрадовался. Я сразу почувствовала, что обрадовался. В классе-то мы чужие были. И учились вместе недолго. Такое быстро забывается. Но ты, смотри-ка, не забыл... Стёпушка... – Она впервые назвала его по имени, не обращаясь, а утверждая, с нежностью и волнением, словно привыкая к чему-то новому, заветному.

– Не забыл.

– Когда ты на фронт с добровольцами уходил, я на станцию бегала. Тебя провожать. Только ты не видел... Очень много народу было. Я ведь о тебе всё знала... А тебе Тося Зубенко нравилась.

– И не нравилась вовсе.

– Нравилась. Да ничего. Она многим ребятам нравилась. Я ей завидовала за это. Обидно, когда на тебя, как на пустое место, смотрят. Я ведь не виноватая, что родилась некрасивой.

– Ты красивая, – убеждённо сказал Степан, чувствуя, как передаётся ему её волнение.

– Правда? – внимательно посмотрела на него Валя. – Почему ты тогда не поцелуешь меня?

Степан задохнулся от неожиданности, замер.

Валя пересела к нему, прижалась к стене спиной. Он на-

клонился к ждущим губам. На миг его испугало, что Храмцова настолько открыта и податлива.

Она ощутила это его замешательство и отстранилась. Большие серые глаза её смотрели строго, изучающе. Степан испугался, что они могут разгадать сомнения, неожиданно выплеснувшиеся из тёмной неизведанной глубины его души, и торопливо припал к ним губами.

Он почувствовал, как содрогается под его руками тело девушки, не то от озноба, не то от беззвучных рыданий, как она пытается привстать, как отталкивает его острыми пальцами.

Да что же это такое? Ведь всего мгновение назад им обоим было так хорошо, так радостно, так необычно друг с другом.

– Ну, Валя... – горячно зашептал Степан ей в волосы, сбившиеся на ухо, – ну чо ты... Ну дурак я, ну ладно... Сам не знаю, что со мной...

Затихнув, она слушала его шёпот, оттенки этого шёпота, его перебивчивый пульс, сокровенный смысл. Потом счастливо засмеялась и зашептала:

– А ты ласковый. Это хорошо...

Степан гладил её шею, тонкие руки, целовал бережно, жалеючи. Она тянулась к нему, нежно задерживала возле себя, как могла, отвечала на каждое прикосновение, на каждое движение.

Пол прогрелся от затухающего огня. Степан медленно, боясь спугнуть объединяющую их с Валею затаённость, придвинул ногой к огню артиллерийский ящик.

За стеной шуршал дождь. Иногда он забрызгивал через серый провал окна в комнату, и тогда угли недовольно шипели, постреливая.

Валя неотрывно смотрела на Степана, словно старалась понять, хорошо ли ему с ней. И он смотрел на неё, и это не отталкивало, напротив, ещё больше сближало их...

Потом они по очереди грызли сахар, обжигаясь, отхлёбывали кипяток из ржавой кастрюли и тихо смеялись от переполнявшей их радости и освобождения.

– Жвака, – пришло на память Степану давнее, – помнишь, ты всё жевала?

– Это я потолстеть хотела, чтобы тебе понравиться.

– Придумала, да?

– И ничего не придумала. Говорю, как было. Сам-то всё пыжился... Локти в стороны, ноги по земле тянешь, и обязательно рубашку до пупа, чтобы все видели твою тельняшку... Помнишь, как волосы отпустил, а папаня тебя наголо остриг? Пришёл в класс лысенький, ну сиротинка сиротинкой! Девчонки над тобой подшучивают. Я тогда ещё с ними поссорилась.

– Да они на тебя внимания не обращали!

– А я всё равно поссорилась. Думаешь, самолюбия нет?

Степан внимательно посмотрел на Валю, и только теперь осознал, что самолюбие у неё действительно большое. И всегда таким было.

– Расскажи о себе, – попросил он.

– Какое это имеет значение, Стёпушка? – задумчиво говорила она. – Важно, что мы вместе, что встретились. Может, если бы не война, так всё и осталось бы... Как прежде...

– Перестань, ну... Чего это ты за упокой?

– И не за упокой вовсе... Я теперь самая счастливая. Ничего мне больше не надо, Стёпушка. Не хочется никуда от тебя уходить. Да ведь придётся. Доживём ли, встретимся ли – вот о чём я думаю... А ты тихий, хороший, просто удивительно. Как ребёнок. Только очень уж колючий. Небось, дней пять не брился?

Она мягко высвободила плечо из-под его щеки, переложив по-матерински голову Степана на согнутую руку, замирающе склонилась над ним. В уголках губ её замерли просветлённость и скорбь, глаза сделались тёмными, глубокими, на лоб упала короткая прядка выгоревших волос.

Такой и запомнил её Степан.

Вечером следующего дня он вновь пришёл к дому у озера, долго сидел возле чёрного выгоревшего в полу отверстия. Потом наведалься в подвал к старику, чтобы поговорить о чём-нибудь, – безразлично о чём. У старика были усталые, словно неживые, глаза. Ребёнок спал в углу на каких-то лохмотьях. Девочка. У неё не было никакого имени.

Когда-то старик преподавал французский язык в женской гимназии, позже работал в советской школе. Жена его погиб-

ла в первые дни оккупации. Вот здесь, у этого дома, молодой немец просто так, балуясь, выстрелил в женщину с ребёнком. Выстрелил и ушёл. Девочка плакала, и старик подобрал её, унёс в подвал.

Степан рассказал старику про Валю, про их неожиданную встречу. Старик слушал безучастно, только иногда кивал седой головой и утирал слезящиеся глаза.

Неожиданно над ними что-то лопнуло, разорвалось. Подвал наполнился грохотом, пылью, стены задрожали, начали рушиться. Рядом со Степаном обвалилась балка. Он отпрянул, прижался к стене. Пыль запорошила глаза, забила рот, нос. Стало трудно дышать. Уши заложило лязгом и уханьем. Сверху на Степана сыпалась земля. Он закрыл голову руками. Немного придя в себя, забеспокоился:

– Отец, ты живой?

Никто ему не ответил. Степан чиркнул спичкой. Старик стоял на коленях, прикрывая немощным телом ребёнка. Девочка несильно плакала.

– Ничего, отец, что-нибудь придумаем, – сказал Степан. – Наверное, бомбу кинули. А ещё говорят, в одно место два раза снаряд не падает.

Он то и дело чиркал спичками, ощупывая завал, и никак не мог найти отдушину, которую бы удалось расширить.

– Как девочка? – изредка спрашивал он. – Главное – выдержка. Ты, отец, многое пережил, потерпи ещё маленько.

Вместо ответа старик хрипло затащил колыбельную.

– Молодец, – похвалил Степан. – Так-то лучше...

Он нашёл железный прут и теперь орудовал им вместо лопаты.

Вскоре в ловушке не стало хватать воздуха, и Степан заработал лихорадочней. Он не думал о себе, он хотел только одного – облегчить страдания этих двух беспомощных существ.

Неожиданно в спёртое удушливое пространство начал просачиваться воздух.

– Ну вот! – обрадовался Степан и облизнул солёные губы. – Я ведь говорил... Полный порядок.

Он чиркнул последней спичкой.

Девочка лежала тихо, словно задремала. На лице её застыло

недетское страдание. Рот замер в последнем крике. А старик всё шептал и шептал ей ласковые убаюкивающие слова...

И опять товарищи поразились:

– Ну, Степан, из такой передряги выкарабкался! И зачем ты в тот подвал полез?

Степан ничего не ответил, замкнулся в себе. Видать, потерял улыбку в Рудне. Только у Лубаны, уже в Латвии, очнулся в тот момент, когда командир полка, прикрепляя к его гимнастёрке четвёртую награду за недавние бои – орден Отечественной войны третьей степени, пошутил:

– Да у тебя, сибиряк, и места живого нет!

– Ничего, – задиристо улыбнулся Степан. – Живое место найдём, было бы что вешать!

– Правильно понимаешь задачу. Сто лет проживёшь.

«Мне и половины хватило бы...», – хотел было ответить Степан.

От Лубаны до Эргли два дня ходу. Полк одолел это расстояние за шесть суток. На седьмые Степана подстерёг в перелеске вражеский выстрел. И тогда он вспомнил предсказание про «первый звонок», Рудню и то, как воинственно держался, получая последнюю награду. Лучше бы смолчать, не дразнить судьбу, или договорить те слова, которые не успел досказать командиру.

* * *

Тугая горячая боль сковала тело, вдавила его в обманчиво тёплую землю. Степан ощутил ужас перед надвигающейся бездной.

Словно по команде, лягушонок сорвался с места и исчез, унося с собой безжизненную тишину. Лес наполнился приглушёнными свистами, шорохами, движением.

Ошибся немного отец, не учёл такой возможности: и грудь в орденах, и голова в кустах.

Бесконечно долго и мучительно Степан выползал из болотистой низинки, потом отдыхал, привалившись плечом к стволу расщеплённой снарядом берёзы. У ног тонко тенькнула пуля, потом другая, и он понял, что тот, кто в него стрелял, не ушёл, а затаился где-то поблизости.

Степан почувствовал, как в нём поднимается гнев, смывая недавнюю беспомощность. Ну это ещё посмотреть надо – кто кого! Это ещё проверить надо! Ишь, подонок, нет чтобы сойтись в открытом бою, исподтишка целится. Наверное, даже и не немец, а кто-нибудь из «лесных братьев». Немцев отсюда накануне выбили.

Он с трудом повернулся и выглянул из-за берёзы. Долго приглядывался к каждому кусту, к каждой ветке за поляной, аж глаза заслезились. Потом не увидел, а скорее почувствовал мгновенный отсвет сбоку. Такой отсвет могут дать очки, ствол ружья, оптический прицел, пуговица... Он повернулся, и только теперь заметил невдалеке прикрытый взгорком старый заброшенный сенник. Ну, конечно, пули прилетели оттуда.

От напряжения Степана стошнило. Переждав, пока боль в теле немного уляжется, он подтянул к себе карабин и долго устраивал его в расщелине. Страх отпустил его, уступив место единственному желанию – отомстить. Несправедливо это – отбирая у человека жизнь, не отдавать при этом взамен свою.

Долго Степан не мог разглядеть на сеннике ничего, потом заметил шевеление, но удержал себя: нет... ещё нет... Временами он впадал в забытё. Очнувшись, сосал холодный ребристый камешек и снова ждал.

Он не поверил своим глазам, когда увидел своего врага возле сенника. Видимо, тот решил, что дуэли не будет, и теперь покидал своё убежище.

Как бы не так.

Степан затаил дыхание и плавно спустил курок. Заметил, как вдалеке сломалась серая фигурка, и с облегчением выругался.

В полевом госпитале, после операции, он слышал о себе: «Если и выживет, то исключительно на нервах». Усмехнулся. Какие там нервы? Страх, любовь, ненависть... Трава кажется выше, если её топтали, а после этого она поднялась как ни в чём не бывало.

С тех пор Степану ещё не раз пришлось подниматься, как смятой траве.

В сорок пятом, когда узнал, что Валя Храмцова погибла в Польше. В сорок седьмом, когда в один день не стало ни отца,

ни матери. В сорок девятом, когда от воспаления лёгких умер первый сын Степана. В шестьдесят первом, когда не вернулась со смены его Настя, чем-то похожая на Валью Храмцову. Как потом выяснилось на следствии, строители небрежно уложили рельсовую дорогу, и башенный кран, на котором она работала, разорвав непрочную опору, рухнул на заготовленные впрок бетонные перекрытия. В ту пору Глаше минуло семь лет, а Мише три года.

* * *

Пятьдесят три года – много это или мало?

Не мало, пожалуй, но и не много. Смотря как считать. Глафира, по примеру матери, пошла работать на башенный кран. Говорит, мамка так хотела. Врёт, конечно. Пересилить себя решила, характер показать. Михаил десятилетку кончает. У обоих судьба ещё только завязывается, ничего определённого. Чтобы крепко на ноги стать, ох сколько всего перепробовать нужно.

Степан Матвеевич открыл глаза и удивился: бесхвостый воробей всё ещё сидел на полу.

Неожиданно Мишкиным голосом заорал усилитель:

– Внимание, внимание! Говорит радиоузел квартиры номер восемь. Сегодня у нас праздник: знатный слесарь человеческих душ Степан Матвеевич Кузнецов отмечает в кругу семьи своё пятидесятилетие. Он полон сил и желания переустроить мир. Первой половины жизни ему на это не хватило. Но в запасе у него вторая – лучшая.

Следом без паузы грянул гимн.

Степан Матвеевич давно привык, что вся квартира опутана радиопроводами, повсюду стоят переговорные устройства, промежуточные динамики, усилители. Всё это Миша сам собрал и смонтировал буквально из ничего: старый радиохлам, детали детских игрушек и хозяйственных приборов. Лишь лампы купил в магазине да проводку. Теперь можно разговаривать с любым членом семьи из любого уголка квартиры.

В комнату влетела Глафира. Тело у неё узкое, по-мальчишески гибкое, сбитое. Руки крепкие, мозолистые; даже духи не в силах отбить запах машинного масла.

– Это тебе, – она вложила ему в руки электробритву «Эра».
– Праздник – на вечер. А сейчас побалуемся чайком. Ну-ка вставай, лежебока!

Миша принёс свой подарок: миниатюрный, со спичечную коробку, радиоприёмник, который собрал сам.

Степан Матвеевич щёлкнул включателем. Из радиоприёмника хлынула тихая утренняя мелодия.

– Желаем тебе, папка, ещё пятьдесят лет прожить!

– Мне бы и половины хватило, – вспомнил вдруг свои далёкие слова Степан Матвеевич. – Только с одним условием... – он запнулся, помолчал и быстро закончил: – Чтобы вы у меня крепко на ноги встали. Чтобы всё у вас шло правильно, по-человечески. Иначе никак не соглашусь.

– Идёт! – кивнул Миша.

– Михаил, а ты, случаем, не знаешь, сколько живут эти... воробы?

– Нет. А что – надо? Так я сейчас, мигом к соседям сбегаю. У них «Жизнь животных» имеется. Там всё от и до.

Через несколько минут он вернулся.

– Хотите верьте, хотите нет, а только больше половины всех птиц на Земле – это воробьиные, – возбуждённо доложил он. – У каждой своя биография. Ворон – тот шестьдесят и семьдесят лет живёт. Дрозд или жаворонок – двадцать. Ласточка – девять. Ну а домовый воробей – лет тринадцать, не больше. Конечно, если ему не мешать, мог бы и больше, но ведь это редко бывает.

– Значит, я уже четырежды воробей. Эх... – задумчиво сказал Степан Матвеевич. – Всех бы четырёх отдал, чтобы ласточки дольше жили... И воробьята.

ДУША СРАЖЕНИЯ

Очерк

«Любите подвиг»

Первый в Томске школьный музей боевой славы родился в декабре 1966 года. Это было непростое время. Приближалась двадцать пятая годовщина героической Сталинградской битвы, но имя Сталина уже исчезло из названий городов, по-

сёлков, предприятий, улиц, парков, организаций, которые его прежде носили. Сталинград ещё в 1961 году стал Волгоградом. Если придерживаться формальной логики, то и название Сталинградской битвы следовало привести в соответствие с этим переименованием. Но историю не переименоуешь.

Вот и решила учительница немецкого языка 34-й томской школы Людмила Демьяновна Дорохова отметить памятную дату, не обходя при этом имя и выдающиеся заслуги Верховного Главнокомандующего. Заручившись поддержкой директора школы Анны Алексеевны Петровой, ведущей историю в старших классах, она пригласила на урок мужества участников Сталинградской битвы – фронтового разведчика Владимира Николаевича Зоркальцева, военврача Веру Ивановну Малахову и связиста Николая Васильевича Зверева. Свой боевой путь они начинали в 284-й стрелковой дивизии, сформированной в Томске, – той самой, что вскоре после беспримерного сражения за Сталинград была преобразована в 79-ю Гвардейскую и дошла до Берлина в «звании» четырежды орденоносной Запорожской...

Гости и впрямь выглядели гвардейцами. Старшему – лет сорок пять, не больше. Лица ясные, выразительные, речь меткая, образная. Движения несколько скованные, не всегда ловкие, – вероятно, от фронтовых ран и контузий, но это в глаза не бросалось. Глядя на них, трудно было представить, что 137 дней и ночей вместе с другими защитниками Сталинграда эти люди провели в непрерывных боях за ключевую позицию города-героя – Мамаев курган, что курган этот в те дни напоминал окутанный клубами дыма и пепла огнедышащий вулкан, но именно с его вершины уже зимой 1942 года они, а вместе с ними вся страна, явственно увидели поверженный Берлин и великую Победу.

Радуюсь контакту, возникшему между учениками и фронтовиками-сталинградцами, Людмила Демьяновна вспомнила наказ Максима Горького молодёжи:

– Любите подвиг, и вы совершите его! – затем пояснила: – Сегодня, ребята, вы узнали о подвиге Сталинграда от его непосредственных участников. Но это только начало. Давайте подумаем, как расширить и углубить наши знания.

– А тут и думать нечего, – подал голос Зоркальцев. – Мы... то есть томский совет ветеранов дивизии... не первый год собираем архивные документы, воспоминания, фотографии и другие материалы о боевом пути нашей дивизии. Подключайтесь, не пожалеете. Будет где вашу горячую энергию приложить.

– Как подключаться-то? – запереглядывались старшекласники.

– Для начала – путём переписки. Через школы, через военкоматы, через родных и знакомых. Куда только война сибиряков не разбросала! По их нынешним адресам географию страны изучать можно. В том списке, что мы составили, уже около ста человек иногородних, да томичей больше двадцати, да десять однополчан из районов области. Я вам так скажу, комсомолята: ничто человеческую душу так не открывает, как письма. Тем более фронтовые.

– А дальше?

– Дальше видно будет. Вы, конечно, слышали, что в других городах создаются школьные музеи боевой славы? А Томск чем хуже? Главное – захотеть. Это и будет «любите подвиг»...

В классе воцарилась возбуждённая тишина. Оно и понятно: в пятнадцать-шестнадцать лет дух соревновательности особенно обострён.

– Спасибо за подсказку, – поблагодарила гостей Анна Алексеевна. – За приглашение к совместной поисковой работе – тоже. Мы подумаем. Правильно я говорю, ребята?

– Правильно! – раздались в ответ нестройные голоса.

– Ну тогда я вам стихи напоследок прочитаю, – Зоркальцев извлёк из нагрудного кармана вчетверо сложенный листок и, развернув его, пояснил: – Стихи не мои. Их фронтовой поэт Михаил Львов сложил. Правда, воевал он на другом фронте. Но словно про нас, – и, волнуясь, далеко не артистическим голосом прочитал:

Чтоб стать мужчиной – мало им родиться.

Чтоб стать железом – мало быть рудой.

Ты должен переплавиться. Разбиться.

И, как руда, пожертвовать собой...

Готовность к смерти – тоже ведь оружие.
И ты его однажды примени.
Мужчины умирают, если нужно,
И потому в веках живут они...

С того урока и началась дружба учеников 34-й школы с ветеранами 79-й Гвардейской дивизии. Шло время. Связи учеников и ветеранов крепили. Музей рос, обустроивался.

В 1969 году Анна Алексеевна Петрова сформировала поисковый отряд из старшекласников, преподавателей и ветеранов дивизии. Состав: двадцать человек. Среди них – знакомый уже нам Николай Васильевич Зверев и фронтовой почтальон Антонина Дмитриевна Дарьенко. Маршрут: Томск – станция Касторное Курской области (здесь, в одном из самых кровопролитных сражений, дивизия получила боевое крещение) – Сталинград – Славяногорск на Северском Донце – Одесса – Москва.

Немало реликвий привезли следопыты из того похода: снайперскую винтовку, пулемётный диск и треногу, гильзы и осколки от снарядов, обугленные патроны, фляжку, пилотку, солдатскую гимнастёрку, несколько номеров многотиражной газеты «За Победу», которую выпускала 284-я стрелковая дивизия, памятные снимки, и даже не очень складные, зато искренние стихи командарма Чуйкова на смерть комдива Батюка: «Он был героем среди нас...».

В номере от 1 января 1943 года газета «За Победу» поместила письмо школьников одного из прифронтовых сёл защитникам Мамаева кургана. В нём говорилось:

«...С Новым годом, дорогие бойцы, командиры, лётчики, политработники! Мы очень волнуемся и с большой-пребольшой радостью следим за вашими успехами на фронте. Бейте фашистов и скорей освобождайте города и сёла от немецкого ига. Потому что в городах и сёлах дети ждут вас очень. Они хотят жить и свободно учиться, как прежде. Поэтому наши ученики собрали деньги, 3 749 рублей, на постройку самолёта. А ещё собрали новогодние подарки: платочки носовые, варежки, табак и другие разные вещи. Это для вас, дорогие защитники Сталинграда. Ещё мы желаем вам здоровья и успе-

хов в борьбе с немецкими солдатами и офицерами противника. А если вы ответите на это письмо, мы очень будем рады и спасибо вам большое пионерское. Ещё воюйте лучше, а мы учиться будем на «хорошо» и «отлично» и помогать вам будем. А на следующий Новый год, когда закончится война, мы пригласим вас к нам на ёлку, и будет светло, а окна закрывать уже не будем.

От имени учеников 3-го класса подписали отличники: Валя Трубачева, Женя Олейников, Галя и Юра Липидус, Коля Никитин и Тося Гришина. Село Заплавное Среднеахтубинского района Сталинградской области».

Итогом той поездки стали многочисленные встречи её участников в школах, на предприятиях, в молодёжных коллективах Томска и области, публикации в газетах, выступления по радио и на телевидении, «музейные часы». Всё это побудило томский горисполком назвать одну из новых улиц жилого микрорайона Каштак именем 79-й Гвардейской дивизии.

Это был первый шаг по увековечиванию её подвига на томской земле. Предстояло сделать второй – на основе собранных материалов создать книгу о дивизии и её бойцах. Тут-то и проявил инициативу Зверев:

– Писатель из меня никудышный, – честно признался он, – но тут дело особое. Книга должна быть точной и достоверной. А я всё изнутри знаю. И с документами работать привык. Изложу события, как сумею, а слог и отредактировать можно...

В ту пору Николай Васильевич возглавлял планово-экономический отдел Томского треста пригородных совхозов. Свободного времени у него, конечно же, не было, зато был твёрдый целеустремлённый характер, а ещё чувство долга перед памятью погибших товарищей и солдатское упорство.

Так вот и появилась в 1974 году книга Н. В. Зверева «В плameni и славе». Отредактировал её сотрудник томской областной газеты «Красное знамя», писатель Вадим Макшеев, а издать помог политический отдел Томского военкомата.

В 1978 году активисты музея побывали в Москве на Выставке достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ), представили собранные ими документы и экспонаты в павильоне «Народное образование», приняли участие в конференции по

военно-патриотической работе среди школьников и – самое незабываемое! – встретились с командующим 62-й армии, защищавшей Сталинград, маршалом Советского Союза Василием Ивановичем Чуйковым. Навсегда врезались в память томских следопытов его слова о том, что 284-я стрелковая дивизия и её комдив Николай Филиппович Батюк стали душой сражения за Мамаев курган.

Домой томская делегация вернулась окрылённая. И было отчего. Школьная экспозиция получила диплом первой степени ВДНХ, а ученики и учителя – почётные грамоты и медали – золотую, серебряную и бронзовую. Столь высокая оценка их деятельности не только радовала, но и обязывала...

Восемь лет собирал материалы о боевом пути 79-й Гвардейской дивизии другой её ветеран – подполковник в отставке Владимир Станиславович Яцкевич. Не раз побывал он в Сталинграде. Тамошние следопыты передали ему полуистлевшую тетрадь, найденную в развалинах Мамаева кургана. Многие её страницы, исписанные то чернилами, то химическим карандашом, размылись. По оставшимся записям Яцкевич установил, что это дневник его однополчанина, помощника начштаба 1047-го полка 284-й стрелковой дивизии майора Николая Никитовича Аксёнова. Выпускник исторического факультета Томского педагогического института, а затем Новосибирского пехотного училища, войну Аксёнов начал командиром пулемётной роты. В боях под Касторной проявил оперативную сметку и находчивость. В Сталинграде стал офицером оперативной части полкового штаба, а заодно летописцем своего подразделения. Такую обязанность возложил на него комполка Иван Иванович Метелев.

– По образованию ты историк, – напомнил он молодому штабисту. – Вот и действуй. Чтоб дети и внуки знали, какое у нас тут боевое соревнование было...

Последние записи в тетради Аксёнова датированы ноябрём 1942 года. Вчитаемся в них:

«7 ноября. Сегодня в полку была дивизионная партийная комиссия. Вручали партийные билеты вновь принятым в партию. Принимая билет из рук начальника политотдела батальонного комиссара Ткаченко, сержант Медведев взволнован-

но заявил: «Я с честью оправдаю высокое и почётное звание коммуниста... ещё сильнее буду громить и уничтожать немецких захватчиков...».

Утром посетил артиллеристов и миномётчиков и от имени командования поздравил их с наступившей 25-й годовщиной Великого Октября.

Во взводе младшего лейтенанта Арбатского ознакомился с Боевым листком. Он мне очень понравился, и я выпросил его на память. Текст привожу: «Включившись в предоктябрьское соревнование, наш взвод неплохо поработал. Сравнительно за короткий промежуток времени, с 25 сентября по 7 ноября 1942 года, огнём наших миномётов уничтожено три автомашины, десятки подвод с грузом, два миномётных расчёта, три блиндажа и до двухсот немецких солдат и офицеров. Особенно хорошо поработали командир орудия Архипов, связист Егоров, наводчик Жуков, заряжающие Стародубцев и Осипов и подносчик снарядов Молчанов. Берите с них пример!».

«9 ноября 1942 года. Вчера вечером было проведено делегатское партийно-комсомольское собрание, на котором подвели итоги предоктябрьского соревнования. Первое место занял 2-й стрелковый батальон, уничтоживший с 1 октября по 6 ноября семьсот тридцать три гитлеровца.

Сегодня прошёл слёт лучших снайперов полка. Они взяли обязательства к 25-й годовщине РККА довести счёт уничтоженных офицеров от ста до трёхсот на каждого...

11 ноября. На участке метизного завода произошёл бой. Противник неожиданно бросился вперёд и ворвался на территорию завода. Командир пулемётной роты старший лейтенант Большаков начал из окна бросать гранаты в немцев. Пулемётчики открыли огонь. Враг повернул обратно. В это время подоспела разведка полка под командой Зоркальцева. В завязавшейся схватке немцы были перебиты. Двое взяты в плен. Один из них держался очень нагло и вызывающе, прямо заявил, что является членом фашистской партии. Чувствовал себя победителем, никаких знаков подавленности. Его отпраздновали в штаб дивизии...».

На этом записи Аксёнова обрывались. Было похоже, что вместе с ними оборвалась и его жизнь...

Как же обрадовались Яцкевич и его боевые друзья-томи-чи, когда от членов «московского землячества» пришло сообщение, что Николай Никитович жив, хотя и не очень здоров. После тяжёлой контузии в ноябре 1942 года он попал в госпиталь. Подлечившись, вернулся на фронт, но уже помощником начальника оперативного отдела штаба 3-го Украинского фронта. День Победы встретил в Вене. После войны преподавал педагогику в Московском кооперативном институте. Живёт в Мытищах. Как был, так и остался фронтовым летописцем: его статьи и заметки о военных испытаниях часто появляются в столичной печати.

А вскоре Аксёнов и сам побывал в Томске. Приближалось сорокалетие со дня создания 79-й Гвардейской дивизии. Вместе с другими ветеранами получил приглашение на юбилей и он.

До слёз взволновала его встреча с городом студенческой юности, с однополчанами, жившими после войны не только в Сибири, но и в Казахстане, Прибалтике, Белоруссии, центральной России, с активистами музея боевой славы 34-й школы и, конечно, с Владимиром Станиславовичем Яцкевичем. Ни слова не говоря, тот выложил перед ним его «сталинградскую тетрадь», а рядом текст восстановленных страниц.

Не сразу понял Аксёнов, что это за тетрадь, а когда понял, взял ручку и стал дописывать размытые слова, фразы, абзацы. Надолго задумывался, вспоминая былое, то хмурился, то улыбался, сосредоточенно шевелил губами. Наконец устало закрыл дневник:

– На первый раз хватит. Тут ещё много расшифровывать осталось, – и признался: – Я, а будто и не я писал... Время-то какое было? Иной день так спрессован, что годом казался. Столько событий вокруг, что голова не вмещает... Да и память уже не та. Износилась память.

– Ничего, – успокоил его Яцкевич. – Вместе мы её расшевелим – станет как новенькая. Я ведь документальное повествование о нашей дивизии пишу. Одна из её глав будет называться «Сталинградские записки майора Аксёнова». Не возражаешь?

– Не возражаю, – подтвердил Аксёнов. – Это наш долг.

В 1984 году он получил долгожданную бандероль с кни-

гой Яцкевича «Сибирская гвардейская», вышедшей в Западно-Сибирском книжном издательстве. А в 1995 году отдался своей документальной повестью «Малахов курган», изданной в Москве уже в перестроечное время.

Увидели свет книги и других ветеранов 79-й Гвардейской дивизии. Прославленный снайпер 1047-го полка, Герой Советского Союза старшина В. Г. Зайцев опубликовал воспоминания «За Волгой для нас земли не было», начальник дивизионной разведки В. В. Графчиков – записки войскового разведчика «В боях за Мамаев курган», а командир батальона морской пехоты М. А. Ильгачкин – документальную повесть «Тихоокеанцы в боях за Сталинград». Сюда же можно отнести документально-художественную книгу известного советского писателя Ивана Падерина «На главном направлении». В 1942 году он был старшим инструктором политотдела 62-й армии, хорошо знал командиров и солдат 284-й дивизии, и многих из них зримо описал на страницах своего произведения.

Так сложилась небольшая, но весьма содержательная библиотечка, посвящённая ратному труду и подвигу 79-й Гвардейской дивизии. Вместе с ней сложились традиции музея боевой славы томской школы № 34. Главная из них – помнить, хранить, равняться. Равняться, несмотря на то, что нет больше Союза Советских Социалистических Республик и той страны, которую вместе со всем народом на полях многочисленных сражений Великой Отечественной войны защищали сибиряки.

Батя

С командиром дивизии повезло. Сформировать её было поручено подполковнику Батюку, уже побывавшему в боевых сражениях на Северо-Западном фронте. Там он – в звании майора – командовал стрелковым полком, со знаменем в руках сам водил его в атаку, дважды вырывался с ним из окружения. В характеристике, которую дал ему командующий 27-й армии Н. А. Берзарин, об этом сказано так:

«В ряде боёв лично выдвигался вперёд, увлекая за собой бойцов, одновременно не теряя управление полком. В критические минуты боя спокоен, не теряется и не теряет управление частью. Тактически подготовлен хорошо. За отличие в

боях и за успешное выполнение боевой задачи в районе Каменки в первых числах августа 1941 года представлен к правительственной награде. Достоин выдвижения на высшую должность».

И вот Батюк в Томске. Собрал командный состав, представился:

– Родом я с Украины. В Сибири никогда прежде не был. Приказ наркома обороны товарища Сталина о назначении меня командиром сибирской дивизии считаю для себя большой честью и огромной ответственностью. Верю, что дивизия покажет себя такой же высоко боеспособной, как те сибирские дивизии, которые отличились в боях за Москву. Но для этого нужно как следует потрудиться. Вижу своё и ваше место не в штабных кабинетах, а в поле, на тактических учениях, максимально приближенных к боевой обстановке. По опыту знаю, что немецкие солдаты и офицеры хорошо обучены, имеют опыт современного боя, быстро ориентируются на местности, и так же быстро умеют создавать мощную огневую систему. Самое сильное оружие у них – танки. Отсюда наша первая задача – научиться бороться с танками. Вторая – учесть всех, кто уже воевал, присвоить им досрочно воинские звания и повысить в должности. Это наш костяк, наша опора. Третья задача – крепить связь с жителями Томска. Ведь именно он объединил нас, а это ко многому обязывает...

Слушая комдива, его подчинённые начали понимать, почему этот молодой (всего 36 лет!), невысокий, худощавый, с простым усталым лицом подполковник назначен на генеральскую должность. Да потому, что это военачальник суворовского типа – прямодушный, бывалый, знающий, что необходимо солдату. И фамилия у него подходящая. Так и хочется сказать – Батя...

Полгода напряжённых учений по программе Батюка и личное мужество солдат помогли дивизии летом 1942 года, не имея ни танков, ни авиации, остановить танковую армию противника в районе узловой станции Касторное. Пять суток дивизия сдерживала натиск немецких танков и пехоты, рвущихся к Воронежу, до которого оставалось всего 80 километров. Затем, оказавшись в окружении, Батюк выдвинул на откры-

тые позиции значительную часть дивизионной артиллерии – и прямой наводкой буквально проломил выход из кольца. Это был рискованный шаг, никакой военной теорией не предусмотренный.

Не предусмотрены ею и такие действия солдат – цитирую комиссара батальона А. Соловьёва: «Рядовой 6-й роты Е. Попов подбил танк связкой гранат, а когда у него кончились гранаты, схватил попавший под руку топор, залез на движущийся танк, и ударом топора согнул ствол пулемёта. Танк повернул назад. В этом жарком бою героически действовал и ездовой Некрасов. Обеспечив подразделение боевыми припасами, он решил помогать своим товарищам на поле боя. Некрасов подобрал у раненого бойца бронебойку, зарядил её, и двумя выстрелами поджёг бронетранспортёр. «А теперь, – сказал он своим товарищам, – я привезу термосы и накормлю вас горячим обедом».

152 танка, 15 самолётов, около четырёх тысяч солдат и офицеров вермахта уничтожила дивизия Батюка у станции Касторное. Чуть меньше – 124 танка, 12 автомашин, полторы тысячи пехотинцев – у деревень Озерки и Перекоповка.

Именно там, под Перекоповкой, расчёт чудом уцелевшей 76-миллиметровой пушки (командир орудия сержант Акиншин, красноармейцы Вяткин, Копонов, Осадчий, Ромашов, Панин, Пиров и Пончиков) уничтожил четыре автомашины, около 100 автоматчиков и 14 танков. Командовал ими выпускник Томского артиллерийского училища комбат Илья Шуклин. Заменяв раненого Акиншина, четыре танка подбил лично он. Затем и сам был ранен. Батюк представил Шуклина к званию Героя Советского Союза, а его товарищей к боевым наградам.

Поставленную задачу дивизия с честью выполнила, но и сама была обескровлена. Для отдыха и доукомплектования её перевели в резерв Ставки Верховного Главнокомандующего и направили в уральский город Красноуфимск.

Здесь в клубе железнодорожников комдив собрал оставшихся в строю командиров и политработников и предложил сделать разбор боевых действий дивизии на Брянском фронте. Особо попросил остановиться на недостатках, упущениях, неиспользованных возможностях и – желательно! – предло-

жить свои схемы и советы по более разумному распределению сил, ликвидации «узких мест».

Обсуждение получилось бурным и откровенным. Всё ценное тут же было обобщено. Стало ясно, на что при переподготовке следует обратить первостепенное внимание.

6 сентября 1942 года Батюка вызвали в штаб Уральского военного округа. Уже в Свердловске он узнал, что с ним по прямому проводу будет говорить нарком обороны.

Долго ждать не пришлось. Деловито поздоровавшись, Сталин спросил:

– Готовы ли вы и ваша дивизия, товарищ Батюк, выполнить новую боевую задачу?

– Готовы, товарищ Сталин! – эхом откликнулся тот. – С учётом трёх тысяч курсантов военных училищ и двух с половиной тысяч моряков Тихоокеанского флота, которые к нам уже направлены, дивизия укомплектована полностью. Подавляющая часть личного состава, сосредоточенного в Красноуфимске, имеет опыт фронтовых действий. Точнее: каждые четыре красноармейца из пяти. С ними я готов в огонь и в воду. Морально-политическое состояние дивизии считаю высоким. Жду ваших распоряжений, товарищ нарком.

– Это хорошо, что в своих подчинённых вы уверены, – в голосе Сталина появились одобрительные нотки. – Так и должно быть. Каков личный состав, такова и личность командира. Обещаю, товарищ Батюк, будет вам и огонь, и вода, и медные трубы. – Затем прежним деловым тоном сообщил: – Мы решили направить вас на Сталинградский фронт. Срочно грузите дивизию в эшелоны и отправляйтесь к месту назначения. Я думаю, что вы оправдаете доверие Ставки. Желаю успеха...

Уже 8 сентября дивизия была в пути. Колёса торопливо отстукивали:

– В Сталинград! В Сталинград! В Сталинград...

«Стоять насмерть!»

Язык журнала боевых действий 284-й дивизии сух и лаконичен. О прибытии сибиряков в Сталинград в нём сказано так:

«В ночь на 21 сентября 1942 года дивизия начала фор-

сировать р. Волгу. Первым форсировал Волгу 1043-й полк. В ночь с 21 на 22 сентября форсировали Волгу 1045-й и 1047-й полки. 22 сентября начали наступление согласно приказу».

За этими скупыми строками стоят события поистине драматические. Прорвав оборону защитников Сталинграда, ударные части шестой армии генерал-фельдмаршала Паулюса захватили почти весь Мамаев курган, центральную пристань и районы, прилежащие к ней. Ещё немного, и они овладеют переправой через Волгу, за которой открывались тылы 62-й армии генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова. Сам Чуйков и его штаб находились на правом берегу, в огненном пекле.

Туда под покровом сумерек и устремился на быстроходном катере комдив Батюк. Над Волгой, подвесив в воздухе «фонари», всё ещё кружили немецкие самолёты. Опасаясь пулемётно-миномётного обстрела с берега и усеявших реку «плавсредств», они вываливали на них бомбы с большой высоты и спешили прочь. Вода вокруг буквально кипела. А впереди, объятый огненным заревом, высился обугленный Сталинград. Казалось, там не осталось, да и не могло остаться ничего живого. Но город продолжал сражаться...

Командный пункт 62-й армии находился в хорошо укреплённой «трубе» одного из приречных оврагов. Сюда и привёл Батюка связной.

– Ну, как первое впечатление, комдив? – испытующей улыбкой встретил его Чуйков. – Не страшно?

– Да вроде нет, – последовал ответ. – Сибиряки народ не пужливый, товарищ генерал-лейтенант. Под Касторной обстрелялись, – и доложил о готовности дивизии к боевым действиям.

– Добро, – внимательно выслушав комдива, кивнул Чуйков и переключил его внимание на карту: – Тогда слушай. Положение на текущий час такое. 13-я дивизия генерала Родимцева сбита с позиций здесь и здесь. Но Мамаев курган он частично вернул, а пристань и участки в полосе от устья Царицы до площади 9 Января по-прежнему в руках противника. Отрезаны от армии 42-я и 92-я стрелковые бригады. 112-я дивизия Ермолкина отступила сюда, а 95-я Горишного закрепились здесь. Твоя задача: во что бы то ни стало помочь им сомкнуть

линию обороны, восстановить положение в районе пристани и намертво закрепиться в береговой полосе и на Мамаевом кургане...

Разобравшись в сложившейся обстановке, Батюк связался по радиации с командиром 1043-го полка майором Ульяновым и велел ему начать переправу.

Прямо с огромных барж, каждую из которых буксировал обычный речной катер, полк вступил в бой. На шквальный огонь с высокого берегового уступа он ответил огнём из станковых пулемётов и 82-мм миномётов. Под их прикрытием автоматчики прыгнули в воду, а затем, стреляя, во главе с комбатом Сизовым прорвались на откос. Зацепившись за берег, они развили наступление. Впереди шли моряки-тихоокеанцы, навязывая противнику рукопашные схватки. О том, что это были именно моряки, говорили выглядывающие из-под гимнастёрок тельняшки, лихие бескозырки и ленты, зажатые зубами.

Неожиданно небо испятнали зловещие «сигары» немецких бомбардировщиков. Звено за звеном пронеслись они над головами, сбрасывая свой смертоносный груз. Земля содрогалась от бесконечных взрывов. Но едва налёт прекратился, из руин и воронок, будто заговорённые, поднялись уцелевшие бойцы и ринулись в атаку. Оказавшиеся в одной с ними полосе поражения немцы дрогнули и панически отступили. К вечеру полк занял территорию мясокомбината.

Столь же успешно переправился через Волгу и занял рубеж между Мамаевым курганом и улицей Батальонной полк 1047. А 1045-му пришлось одолевать тридцатиметровую полосу полыхавшей у берега нефти. Многие бойцы получили сильные ожоги, но все без исключения оставались в строю.

Всего за несколько дней, выполняя приказ командарма Чуйкова, дивизия Батюка где на два, а где и на три километра отбросила от переправы пехоту и танки противника, овладела корпусами метиза (завод металлических изделий), сразу на нескольких направлениях вывела из окружения части 13-й стрелковой дивизии генерала Родимцева и помогла им соединиться с 112-й, а сама на высоте 102,0 Мамаева кургана встретилась с бойцами 95-й стрелковой дивизии Горишного...

Журнал боевых действий 284-й стрелковой дивизии рисует эти события по-военному пунктуально:

«23.09.42 получен приказ штабарма (то есть штаба армии – С. З.) наступать в направлении улиц Бакинская и Солнечная и к утру 24 сентября выбить противника из северной части города и овладеть районом: угол Хопёрской улицы, Свирской, Железнодорожной, угол Солнечной улицы, Коммунистической и площадь 9 Января.

По приказу командира дивизии полки перешли в наступление. 1045-й полк – на левом фланге вдоль железной дороги по улицам 3-я и 2-я Набережные, 1047-й – по Коммунистической, с общей задачей охвата противника и овладения районом площади 9 Января.

Бой принял ожесточённый характер, неоднократно дело доходило до рукопашных схваток. Противник яростно контратаковал, но все попытки его возратить утерянное потерпели неудачу. Дивизия прочно закрепилась на достигнутых рубежах.

За это время уничтожено до тысячи солдат и офицеров противника, четыре миномётных батареи и три станковых пулемёта».

Но и дивизия Батюка уже за три первых дня в Сталинграде потеряла 1587 человек. Настолько ожесточёнными были эти бои.

– Сибиряки дрались выше всяких похвал, – сказал ему при встрече Чуйков. – Так держать, Николай Филиппович! Ставлю тебе новую задачу. Завоёванные позиции сдать генералу Родимцеву. Его дивизия более четырёх тысяч пополнения получила. А сам перейдешь на позиции 112-й и 95-й. Сейчас для нас главное – организовать жёсткую оборону Мамаева кургана. Справишься?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Справлюсь!

– Тогда вот, – Чуйков открыл коробочку с нагрудным знаком 62-й армии. – Раньше вручить не удалось. Носи, да так, чтоб все видели!

Лицевую сторону знака украшало скульптурное изображение воина и надпись: «Стоять насмерть!».

Батюк понял: это посвящение в армейское братство и од-

новременно наказ. А наказы, как и приказы, не обсуждают – их исполняют..

Передислокацию дивизии пришлось проводить, не выходя из боёв.

27 сентября, после артобстрела и ковровой бомбёжки, крупным силам немецкой пехоты удалось сломить оборону защитников Мамаева кургана на позициях 95-й стрелковой дивизии. От неё осталось не более ста человек. Но удержали свою линию обороны бойцы 284-й дивизии. А 28 сентября три её штурмовых батальона, рота курсантов, триста пятьдесят «ранбольных» добровольцев из эвакуационного пункта и сводный полк комдива Горишного вновь овладели юго-восточными склонами Мамаева кургана. Восемь часов длился этот ожесточённый штурм – и каждый из этих восьми стал часом массового героизма.

Тогда и перенёс Батюк свой наблюдательный пункт на вершину ставшего легендарным Мамаева кургана. Сапёры надёжно укрепили и замаскировали его. Отсюда хорошо просматривались рабочие районы города, лощины и овраги, широко разлившаяся матушка-Волга и по-осеннему жёлтое, уходящее вдаль заречье. Как на обожжённой карте, опытный взгляд Батюка читал расположение противоборствующих сторон, передвижение войск, скрытые манёвры военачальников разных рангов и степеней. Каждый день, преодолевая сильные ревматические боли в ногах, он поднимался сюда. Это был его солдатский окоп – один из тысяч окопов воюющего Сталинграда.

«Обороняясь, наступать!»

Так сформулировал тактику боя на отведённых ему позициях комдив Батюк. Она разительно отличалась от той, что помогла выстоять его дивизии у станции Касторное, у Озерков и Перекоповки. Опыт первых боёв в полуразрушенном Сталинграде показал, что на городских улицах лучше действовать небольшими штурмовыми группами, изматывая противника ночными вылазками, навязывая ему рукопашную, которой он больше всего боится, делать каждый дом крепостью, каждую улицу – неприступным бастионом.

Наиболее яркие приёмы этой тактики запечатлела дивизионная газета «За Победу». Вот небольшая цитата из устава штурмовых групп 284-й стрелковой дивизии:

«Вооружение бойца – автомат, ручная граната и нож. Поведение в бою – смелость, смекалка, дерзость. Действие – врывайся в дом вдвоём – ты да граната. Граната впереди, ты за ней. Фашист засел в подвале – бутылку с горючей смесью туда или струю огнёмёта – выскочит».

Чувствуется, что этот боевитый текст сочиняли лихие бойцы из штурмовых групп лейтенанта В. Максимова, или из батальона старшего лейтенанта Н. Сизова, а может быть, из взвода, командование которым в одном из штыковых боёв принял на себя матрос-комсомолец Н. Пономарчук... Они, а вслед за ними другие, захватив одно из зданий на своём участке боевых действий, тут же превращали его в неприступный опорный пункт. Первый этаж занимали артиллеристы и бронебойщики, второй – пулемётчики, третий, а если был четвёртый, то и его – автоматчики, снайперы, гранатомётчики, наблюдатели. Попробуй прорваться сквозь многоярусный огонь такого дома-крепости.

Проникнув в тыл противника, мобильные группы ухитрялись устроить на заводских трубах наблюдательные пункты для корректировки прицельного огня дивизионной артиллерии. Один из таких НП они оборудовали на сорокаметровой трубе завода «Красный Октябрь». С него были видны немецкие позиции не только перед Мамаевым курганом, но и за ним, на северо-западе Сталинграда.

По примеру того же комбата Сизова многие подразделения дивизии «лезли на рожон» – иными словами, не соблюдая нейтральную зону, вплотную подступали к позициям противника. Это приводило в замешательство асов немецкой авиации. Опасаясь разбомбить вместе с защитниками Мамаева кургана свои части, они почти полностью прекратили налёты на улицы у его подножья.

А командир миномётной роты В. Шумов разработал весьма простую и удобную таблицу сигнальных ракет. В разгар боёв она с успехом заменяла часто рвущиеся телефонные линии, без которых невозможно вести прицельный огонь и поддерживать постоянную связь частей и подразделений.

Не ударили в грязь лицом и сами телефонисты. Каждому из линейных надсмотрщиков (это военный термин, а не метафора) приходилось устранять в день до пятнадцати порывов, чаще всего под непрерывным огнём противника. В один из таких дней томич Прогресс Смирнов восстанавливал связь неподалёку от нефтяных баков на берегу Волги. И вдруг один из них взорвался. Огненная лава хлынула вниз, сжигая всё на своём пути. Но боец не растерялся. Вместе с горящим проводом он успел прыгнуть в реку и там, в ледяной воде, соединить его концы. Связь была восстановлена.

Этот случай подсказал специалистам ценную мысль: даже небольшой слой воды надёжно укроет телефонный кабель от огня и снарядов. Значит, надо использовать реки как защитный материал – протягивать провод по дну Волги, Царицы и других её притоков.

Чудеса точности и скорострельности показывали артиллеристы и миномётчики. 30–40 снарядов в минуту обрушивали на врага боевые расчёты лейтенантов Ю. Григорьева и А. Борисова. Это намного превосходило существовавшие тогда нормативы стрельбы. Наткнувшись на столь мощный залповый огонь, атаки врага захлёбывались.

Однако уже к середине октября немецкая авиация разбомбила значительную часть зенитных установок и пушек «ЗИС-3» на Мамаевом кургане. Воевать против «хейнкелей» и «юнкерсов» противотанковыми ружьями дело, казалось бы, неподъёмное – длинный ствол и немалый вес мешают выцеливать самолёт противника, идущий буквально над головой. Но сержант Плешаков и тут нашёл выход. Раздобыв колесо от телеги, он надел его на вбитую в землю ось, а на колесо установил бронебойку. Ну чем не зенитная установка? Ложись под колесо и крути его, куда надо, следуя за вражеским бомбардировщиком.

Столь же успешно действовали красноармейцы Кузнецов, Моторин, Сайфуллин, сержанты Иванин и Репа, лейтенант Шевченко и другие «мастера меткого огня по самолётам» (так они названы в одном из политдонесений дивизии).

Само собой родилось в дивизии снайперское движение. Сибиряки – народ зоркий, хладнокровный, расчётливый.

То один, то другой, выбрав укромное место, начинает выслеживать немца чином повыше. Из таких вот «любителей» вскоре и создалась учебная команда. К концу октября она насчитывала 48 человек. Возглавили её Василий Зайцев и Виктор Медведев. Один уралец, моряк тихоокеанского флота, другой сибиряк-пехотинец. Учебный класс они устроили в кузнице завода металлических изделий, а стрельбище – в его вентиляционной трубе. Поупражнявшись там, отправлялись в «свободный поиск» по городу. Так вот силами «зайчат» и «медвежат» были уничтожены 3166 немецких солдат и офицеров, в том числе специально присланный в Сталинград начальник берлинской школы снайперов Кенингс. На счету старшины Зайцева это был одиннадцатый немецкий снайпер столь высокого класса.

Забегая вперёд, следует сказать, что В. Зайцев и В. Медведев дошли до Берлина, удостоены звания Героев Советского Союза, а их товарищи: Н. Куликов, Г. Авзалов, А. Подхапов, А. Чехов, П. Шейкин и другие снайперы – отмечены высокими боевыми наградами.

О том, насколько крепка была оборона Мамаева кургана, свидетельствуют воспоминания немецкого офицера г. Вельца. В его книге «Солдаты, которых предали» есть такие строки:

«...На русские оборонительные позиции обрушивается залп за залпом. Взлетают слепящие гирлянды снарядов. Там уже не должно быть ничего живого... И вдруг в воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы уже считали уничтоженной. Глазам своим не верю. Как, неужели после ураганного огня там ещё жива оборона? Каждое мгновение мы видим, как валятся наземь наши наступающие солдаты, остальные несутся назад. Что за наваждение, уж не приснился ли мне этот бой?.. Заколдованное место! Как ни пытайся взять его, натыкаешься на гранит».

А вот ещё одно свидетельство, на этот раз из книги адъютанта Паулюса полковника В. Адама «Трудное решение». Беседуя в полевом госпитале с раненым в Сталинграде унтер-офицером, он услышал от него такое признание:

«В сущности, здесь нет настоящих позиций. Русские дерутся за каждую развалину, за каждый камень. Нас всюду под-

стерегает смерть. Здесь ничего нельзя добиться бешеной атакой, напролом, скорее сложишь голову. Мы должны научиться вести штыковой бой... До сих пор мы посмеивались над русскими, но теперь это в прошлом. В Сталинграде многие из нас разучились смеяться».

Красноречивое признание: разучились смеяться. Зато, несмотря на сверхнапряжённую обстановку, когда каждый день приходилось выдерживать до пяти вражеских атак, лица защитников Мамаева кургана не закаменели, не потеряли своего природного добродушия. Напротив, в их глазах и словах появилась какая-то задорная жизнерадостность. Значит, почувствовали, что комдив Батюк, их Батя, всё видит, всё знает, всё умеет. С ним не пропадёшь.

Стоит ли удивляться, что раненые бойцы и командиры всеми правдами и неправдами старались остаться в своих медсанбатах? А если попадали в госпиталь за Волгу, ухитрялись вернуться в дивизию – без направлений, минуя сборный пункт штаба армии. Так они были преданы сибирскому братству, ещё больше окрепшему на сталинградской земле, так верили Батюку и своим непосредственным командирам.

Особым подразделением дивизии стала её концертная бригада. Казалось бы, в разгар кровопролитных боёв за Мамаев курган не время для художественной самодеятельности. Но именно она стала тем «эмоциональным оружием», которое тоже воевало, помогало дивизии выстоять.

Наиболее способных певцов, музыкантов, чтецов, стихотворцев прямо из окопов, штурмовых групп, опорных пунктов, боевых расчётов политотдел отправлял на левый берег Волги. Там, в хуторе Бурковском, обосновался клуб дивизии. После недолгих репетиций из вчерашних школьников и курсантов был создан музыкальный ансамбль. Всего за два с половиной месяца он дал 86 концертов на передовой.

В ту пору Ирине Лещенко было 18 лет. Фронтовая жизнь её началась в Сталинграде. Санитарка, затем почтальон, она обладала сильным красивым голосом. Кому как не ей петь в ансамбле?

Очень обрадовалась Ирина, когда попала в боевой молодёжный коллектив, и ни разу не пожалела об этом, хотя

служба в нём стала не только радостью, но и тяжёлым испытанием.

«Мы шли на передовую в любую погоду, и когда здоров, и когда болен, когда, кажется, нет сил, но выступать перед бойцами надо, – пишет она в своих воспоминаниях. – Чтобы донести музыку, песни до каждой части и подразделения, концертная бригада разбивалась на небольшие группы и могла одновременно дать концерты в нескольких местах. Мы испытывали чувство гордости, когда кому-то из нас доводилось выступать в окопах или блиндажах изрытого снарядами и бомбами Мамаева кургана. По три-четыре раза за вечер, часто под огнём противника, выступали наши в полном смысле заслуженные фронтовые артисты. Однажды во время концерта случилась беда – в момент авианалёта фашистов был убит участник концертной бригады Лапшин. Все мы горько оплакивали смерть нашего товарища...

На передовой мы научились быстро передвигаться из блиндажа в блиндаж, из окопа в окоп. Но как же нас ждали на передовой, как встречали! Как бойцы хотели чем-нибудь нас отблагодарить. Этого я никогда не забуду».

Бесперебойно доставлялись на позиции газеты, журналы и даже художественная литература. Побывали на передовой писатели Константин Симонов, Василий Гроссман, Николай Вирта. В очерке «Сталинградская армия», опубликованном в газете «Красная звезда», Гроссман отметил:

«Здесь, в Сталинграде, особенно часто видишь людей, вкладывающих в войну не только всю кровь свою, всё сердце, но и все силы ума, всё напряжение мысли... И как некогда директора сталинградских заводов-гигантов и секретари райкомов партии гордились тем, что у них, а не в другом городском районе работает знатный стахановец, так и теперь командиры дивизий гордятся своими знатными людьми. Батюк, посмеиваясь, перечисляет по пальцам:

– Лучший снайпер В. Зайцев – у меня, лучший миномётчик И. Бездидько – у меня, лучший артиллерист в Сталинграде И. Шуклин – тоже у меня.

В славной дивизии Батюка принят тон украинского доброго гостеприимства, добродушной любовной насмешки».

В октябре Волга покрылась льдом. Стало возможным соорудить через неё зимнюю переправу. Но 8 ноября лёд неожиданно тронулся, отрезая дивизию от Большой земли.

– Вот тебе и Волга-матушка, – подсадовал Батюк. – Похоже, для нас она станет нынче суровой мачехой.

Ноябрь и правда выдался крайне суровым. Не хватало боеприпасов, продовольствия. Бои за вершину Мамаева кургана не прекращались ни на один день. Не раз она переходила из рук в руки. Враг нёс огромные потери, но и дивизия Батюка потеряла около половины своего состава. Вот почему командование 62-й армии задумалось: а не пора ли вывести её за Волгу – во второй эшелон, заменить свежей дивизией? Но Батюк не согласился с таким решением:

– 284-я сибирская дивизия была направлена в Сталинград по личному указанию товарища Сталина! – напомнил он членам Военного совета. – За время боевых действий в Сталинграде она выполняла все приказы командования армии. Неужели теперь она лишится чести воевать за Сталинград? От имени бойцов и командиров дивизии смею заверить Военный Совет, что так же героически дивизия будет сражаться и в дальнейшем.

Твёрдость и прямота Батюка решили дело. Его поддержал начальник штаба армии Крылов, командующий артиллерией Пожарский, а затем и другие генералы. Подводя итог обсуждению, командарм Чуйков пожал Батюку руку – и не удержался от шутки:

– Противник нажимал на вас с фронта, но с места не сдвинул. Военный совет нажимал на вас с тыла, но тоже с места не сдвинул. Значит, так тому и быть. Держите его и дальше...

В середине декабря 284-я сибирская стрелковая дивизия отметила годовщину своего создания. О том, как именно она её отметила, узнаём из письма Батюка в Томск, где осталась его семья – жена, три дочери и сынишка.

«...у меня 15 декабря был хороший праздник, – сообщал он жене Марии Ефимовне, – годовщина моего соединения, а 19 декабря я именинник, приглашаю на именины. Годовщину отметили хорошим боем, уничтожили много фашистов, а именины думаем отметить ещё лучше... Вчера и сегодня у нас нача-

лась настоящая зима, крепкие морозы. Живу хорошо, только что-то нет от тебя писем. Пиши, Муся, как живёте, как учитесь, как твоё, Муся, здоровье?..

С приветом, моя дорогая. Твой Коля».

В те дни Батюку было присвоено звание полковника. Ему исполнилось 37 лет.

Сорок дней спустя 284-я сибирская стрелковая дивизия соединилась с частями 51-й Гвардейской дивизии 21-й армии на западных склонах Мамаева кургана, приступила к освобождению Каширской, Ряжской, Магистральной, Силикатной, Черноморской, Тарнопольской и других улиц, районов, заводов Сталинграда, участвовала в пленении Паулюса и штаба его армии. В приказе командования 62-й армии об этом сказано так:

«28 января 1943 года части 284-й дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, форсируя трудноподолимые препятствия, ломая сильную систему оборонительных сооружений, успешно выполнила свою боевую задачу, очистив от немецко-фашистских оккупантов тридцать шесть кварталов в северной части города и продвинувшись вперёд на тысячу метров, сузила кольцо окружения южной группировки противника. В этих боях личный состав 284-й дивизии проявил смелость и решительность в кратчайший срок завершить разгром противника. Отмечая успешные действия 284-й дивизии, настойчивое проведение в жизнь принятого решения командиром – полковником Батюком, Военный совет армии объявляет благодарность всем бойцам, командирам и политработникам 284-й дивизии».

Вслед за этой благодарностью последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР: наградить дивизию орденом Красного Знамени. Такой же награды удостоился комдив Батюк. Это был его первый орден. Чуть позже он получил второй, на этот раз полководческий – орден Кутузова II степени, и ему было присвоено воинское звание генерал-майора, а 284-я дивизия была преобразована в 79-ю Гвардейскую...

28 июля 1943 года, уже на территории Украины, не выдержав напряжения, разорвалось сердце легендарного комдива Батюка. Там он и похоронен – в Славянгорске Донецкой

области. Рядом с ним похоронен так и не поносивший звезду Героя Советского Союза артиллерист Илья Шуклин.

Они и тысячи солдат-сибиряков, погибших в решающих боях за Отечество, и ныне незримо крепят оборону страны – её дух, её память, её заветы. Они и сейчас, напоминая нам о Великой Победе, обороняясь, наступают...

Школа жизни

Ныне музеем боевой славы томской школы № 34 руководит учитель русского языка и литературы Наталья Ивановна Гранина. В то время, когда музей ещё только создавался, она была вожатой, затем, окончив филологический факультет Томского государственного университета, стала учителем, ещё позже – завучем. Всё это и помогло ей сохранить в своей работе лучшие традиции патриотического воспитания, присущие советской школе. Огромное влияние оказала на неё и мать, фронтовичка, ветеран 22-й стрелковой дивизии.

Музей занимает две комнаты на третьем этаже школы. В одной из них находится архив, в другой – учебный класс, а в нём, возле стен, по всем правилам музейного дела развёрнута постоянная экспозиция: стенды с документами, снимками, военными наградами, реликвиями и фоторассказ о боевом пути томской дивизии (так ребята её нередко называют).

Здесь регулярно собирается Совет музея – по одному представителю от каждого класса. Вместе с Натальей Ивановной ребята обсуждают план мероприятий, связанных с всенародными датами воинской славы России. К ним они добавили ещё одну, как говорится, свою: 16 декабря – День рождения 79-й Гвардейской стрелковой четырежды орденоносной Запорожской дивизии. Подготовка к этой дате начинается неделей памяти, во время которой проводятся всевозможные конкурсы, военизированная эстафета, уроки мужества. А в памятный день в актовом зале под звуки российского гимна проходят совместный с ветеранами дивизии митинг и само торжество.

В том же классе-музее стажировались его экскурсоводы из числа старшеклассников. Это они проводят музейные уроки с учащимися седьмых-восьмых классов не только своей, но и других школ города, кадетского корпуса, с родителями и все-

ми желающими. Их с каждым годом становится всё больше.

Параллельно Наталья Ивановна готовит школьную команду, которая в рамках городской военно-патриотической программы несёт Вахту памяти в Лагерном саду, в Университетской роще или на Южном кладбище. Каждый из пятнадцати вахтовиков получает от неё много дополнительных сведений по истории, литературе, военной патриотике.

А ещё в этом классе собираются авторы инсценировок к памятным дням, обсуждаются доклады, подготовленные по материалам музея (один из них – «О чём рассказала винтовка Мосина» – недавно отмечен дипломом областного слёта юных краеведов), читаются не всегда складные, зато искренние именные стихотворные посвящения ветеранам 79-й Гвардейской дивизии – В. И. Малаховой, А. Д. Дарьенко, И. М. Барынычу, Д. М. Малышеву, А. А. Лесковскому, Н. А. Бойцовой, С. П. Толстоброву, К. А. Якимовичу, Н. Г. Горшкову, участнику первого парада Победы В. П. Осипову и другим.

В мемуарах одного из участников героического сражения на Волге встретились мне такие слова: «Сталинградская битва продолжается в наших сердцах». Продолжается – значит, тревожит, вспоминается, живёт. Продолжается – значит, учит, что внутренний враг не менее опасен, чем внешний, и с ним надо столь же решительно бороться. Сегодня, когда мы живём в другой стране, смысл этих слов обретает новые краски и подтекст.

Многолетний опыт работы 34-й томской школы – четыре с половиной десятилетия! – показал, что музей боевой славы – это не только хранилище военных, исторических ценностей, но и школа жизни, возмужания, подвига.

А закончить этот рассказ мне хочется четверостишием одного из юных следопытов:

Под Мамаевым курганом
Плещет Волга в берега.
Здесь разбился враг коварный
О кулак сибиряка.

Обелиск

*Памяти земляка,
Героя Советского Союза
Алексея Лебедева*

1

Малое словацкое село
под певучим именем Белá.
Видно, было до войны белó
от ромашек поле у села.
Видно, пели птахи у межи,
зазывая в светлый лес кого-то...
Здесь вот отбивала рубежи
в сорок пятом русская пехота.
Там, где прежде песнею шмеля
луг весенний возвещал о лете,
выжжена, измучена земля.
А по ней ещё идти к победе...
Кто сказал, что чёрное – бело?
Кровь и боль... Их время не остудит.
Притаилось малое село:
что же будет?

2

А было так: чтоб рота шла вперёд,
шагнул один – без страха и вопросов,
и грудью задавил немецкий дот,
как сделал это до него Матросов...
А было так: освободив село,
над ним в молчанье замерли солдаты.
Лежал простоволосо и светло
безусый мальчик. И была наградой
ему звезда в ночи. И тишина.
Село Бела... Спасённые солдаты...
Вот почему быстрее в сорок пятом
на целый миг окончилась война.

З
И вот теперь, когда бы жить и жить,
Свой путь торя, как время подсказало,
Мы вновь в беде... Спешит троянский конь
Свалить героев наших с пьедестала.
Чернится всё, что было до войны.
Но жизнь мудрей.
Но труд и подвиг святы.
Они, как корни,
Крепят твердь страны.
Поклон вам низкий, вечные солдаты.

Генка

Из поэмы «Пятьсот-весёлый»

Кто знает, почему 500-весёлым
мы общежитье наше нарекли?
Ребята, не отвыкшие от школы,
мы поездов тех помнить не могли.
Нам приглянулось бойкое название.
А с чем его едят? –
Да лишь бы съесть!
И только позже к нам пришло сознание,
что не ошиблись мы, что сходство есть.
Шли на восток печальные составы
Из-под Смоленска, Курска и Орла.
В разгар войны у маленькой заставы
роженица на людях умерла.
Орал малыш, орал, не понимая,
зачем война, зачем далёкий путь.
И женщина, совсем ему чужая,
совала, плача, в жадный ротик грудь.
А он орал, надрывно и устало,
пред кем-то виноватый без вины.
Детей и женщин, раненых и старых
везла страна – подальше от войны.
На перегонах чайники гремели.

Скрипели торопливо костыли.
Бил с бредущего «мессершмитт» по цели,
и огрызались яростно тылы.
Рабочие, дорожники, артисты,
отпускники, колхозники, спецы
из тупиков следили, как плечисты,
как высоки сибирские бойцы.
Подростками запружены платформы –
на фронт, на фронт... А с боковых путей
им козыряли старики по форме,
те, что остались «соблюсти детей».
Вне графика спешили эшелоны –
на фронт, на фронт... А где-то под Москвой
отец мальчишки, к бою головой,
лежал на сером, безымянном склоне.
Внезапный взрыв остановил его,
ударив, словно вспышкой автогена...
Назвали сына люди без него
В 500-весёлом Веселковым Геней.
Здесь кто-то платье на пелёнки рвал.
Здесь кто-то мыло отдавал задаром.
Соседи в люльку превратили нары,
а сами – рядом, на пол возле нар.

Кто скажет, почему 500-весёлым
мы общежитье наше нарекли?
Не потому, что думали о горе, –
о братстве старших память берегли.
Пусть их больше никогда не будет,
500-весёлых-невесёлых, но
хотим, чтоб так же выводило в люди
нас это братство. Нам не всё равно,
как жить, в какие верить идеалы,
за что и перед кем держать ответ...
Ступеньками вперёд уходят шпалы.
Начало – там.
Конца, я верю, нет.

Баллада о художнике и соловье

Картон коробится уже,
Из ветхой рамки выпадает.
Довольно простенький сюжет.
Но так бывает, так бывает,
Что ни сказать, ни отойти –
Лишь сердце прыгает в груди...

Два землепашца на скамье
В пустынном поле у дороги...
Как на офортах у Домье –
Почти гротеск: босые ноги,
Седины в съеденных усах,
Намёк улыбки на устах.
А в уголке, между ветвей,
Едва приметный соловей.
И всё. Вот он, вот эти два.
Да изумрудная трава...

Но трели птахи всё вокруг
Согрели трепетом и светом.
Крестьяне переводят дух.
Молчат, не лезут за кисетом...

...Картон, картон, ты не забыл,
Как, примостив тебя на козлы,
Военнопленный кистью мёрзлой
Писал тебя? Он немцем был.
И прежде рисовал огнём
Под Сталинградом и Орлом,
И лишь потом, в сорок шестом,
Был растревожен соловьём...

А может, раньше? Может быть,
Он был им болен, но не волен...
Его теперь не расспросить:
Он из живых навек уволен
Виной и совестью своей.
Остался только соловей...

Приходит поздно осознание.
Как передать его другим?
Ведь где-то снова бравый гимн
Дробится в сводах мироздания.
Движение вскинутой руки...
И сапоги... И сапоги...

Упряма память. Смена дней:
То сапоги, то соловей...
Их невозможно заглушить.
Когда ж мы будем в мире жить?
И вновь возможен человек
С промёрзшей кистью над холстами...
Стучится в двадцать первый век
Майдан с его боевиками.
Но соловей – тот соловей! –
Поёт всё громче, всё больней...

Торговый праздник в Нюрнберге

От ворот и до ворот
шумно движется народ.
Каждый что-то покупает.
Каждый что-то продаёт.
Все товары на виду.
Так бывает раз в году.
Снова старая примета
в старом городе в ходу:
чтоб богатым завтра стать,
чтобы новое начать,
хоть за марку, хоть за пфенниг
надо старое продать.
Вот замки. Каких здесь нет!
Свой у каждого секрет.
Стоит взять их – разомкнётся,
распахнётся белый свет.
Шляпы с перьями – горой,
восковых фигурок строй.

Каждый камень стал прилавком –
не пройти по мостовой.
Цены сходные вполне.
Что б такое выбрать мне?
Там вон шахматы резные
продаются в стороне.
В землю меч, за рядом ряд,
пешки доблестно стоят.
Офицеры королевам
комплименты говорят.
Не ревнивы короли.
Лица жёлтые в пыли.
Королевские накидки
с плеч спадают до земли.
Покупаю. Шах и мат...
Только вдруг споткнулся взгляд
о фашистские награды,
что на бархате лежат.
Как же так? Средь бела дня...
Примеряет ребяшня
крест со свастикой и каску
с гордым видом на себя.
Гитлер в рост изображён.
«Шён, – кивают детям, – шён!».
А ведь это по-немецки
означает «Хорошо!».
Мир за несколько минут
стал другим... Неужто тут
позабыли, как вершился
в Нюрнберге правый суд?
От ворот и до ворот
шумно движется народ.
И никто не протестует:
разве нет других забот?
Дух свободы здесь воспет.
Со всего здесь снят запрет.
Вот свобода так свобода.
На неё управы нет.

Чтобы новое начать,
надо старое продать...
Но ведь те, что примеряют,
но ведь те, кто покупают,
могут двинуть время вспять...
От наград глаза болят.
Я шагаю наугад.
Короли и королевы
в такт моим шагам гремят.

У Вечного огня

При свете дня нет света у огня.
Но стоит одному померкнуть свету,
В два света загорается другой.
Он – память, опалённая войной.
Он – образ всех, погибших за Победу.

О, сколько Вечных памятных огней
Горит сегодня на земле повсюду!
И замирают люди на минуту
Перед огнём истории своей.

Она – одна, поскольку мир – один
Для всех людей, где бы они ни жили.
Отчизна-мать, её Защитник-сын
Над Томью, нет, над городом застыли.

Они венчают солнечный проспект,
Крутой уступ, заречные просторы.
Они венчают ратной славой город,
Его дела и свет его побед.

Лежат цветы у Вечного огня.
Всегда живые – символ вечной жизни.
Сюда идут в любое время дня,
Чтоб поклониться Матери-отчизне.

Парад победителей

Течёт по Томску тихий перезвон.
Седы, но всё ещё молодцеваты,
Под гул шагов,
под алый плеск знамён
Несут фронтовики свои награды.
И этот гул,
и перезвон наград –
Как к музыке торжественной
вступление.
Нестройно,
но равняясь к ряду ряд,
Идёт за поколеньем поколенье.
Здесь деды
и отцы,
и сыновья,
Творцы незабываемой Победы
Шагают, память о былом храня,
Единством вдохновляющим согреты.
А май ликует,
радует,
бодрит,
Теплом и солнцем души наполняя.
И песня над колонною летит,
Заветная,
святая,
фронтная.
Они идут сквозь Время...
Боже мой,
Как высоки их головы седые!
Пока они в строю,
пока живые,
Победа остаётся молодой.

* * *

Шаг атак
порывисто хлёсток.
И горит
подбитая «броня».
Я – подранок.
Сосенки-подростки
заслоняют ветками меня.
Ускользает цепкое сознание.
Тело с болью поглощает бред...
Милая!
Земля моя родная!
Мне сегодня
Девятнадцать лет...

Юность

Ты, мне, Родина, верь!
Мне осталось немного
до старта,
до бессонных ночей,
до тревожных солдатских дорог.
Если выпадет мне,
до последнего вражьего залпа
буду стойко беречь
я тебя от обид и тревог.
Полыхает заря –
кумачовые плещутся флаги,

на виски октября
оседает багрянец полей.
Я люблю эти светлые
чистые стяги
белоствольных берёз
и шагающих вдаль тополей.

* * *

Туман плывёт над спящею рекою,
баюкая ленивую волну.
Рассвет неслышно подойдёт к окну,
не нарушая этого покоя.

И кажется – за мирной тишиной
так далеки тревога и забота,
но каждый день, как Светлая Суббота
перед Отечественной войной.

Сон

Который год, который год,
уже который год
тебе, отец, всё снится взвод,
твой пулемётный взвод.
Тебе семнадцать лет всего –
пацан, сынок, птенец...
А тут от взвода твоего
отстал один боец.
Пора уже кончать привал
и далее идти,
но нет солдата... Он отстал,
замешкался в пути.
А завтра – бой. Твой первый бой.
...Усталые бойцы,
они стоят перед тобой,
любой – тебе в отцы.
А тот солдат весёлым был,
имел такой талант,
он ус крутил и говорил:
– Мой младший лейтенант,
твоя заботливость смешна,
мы знаем, что почём...

Ты командир. Идёт война.
И возраст ни при чём.
Что ж, на войне – как на войне.
И ты себе сказал:
«Начало есть. Ведь если не
найдем, под трибунал
пойдешь... Но если опоздать
на огневой рубеж,
то не кому-то отвечать,
не взводу, а тебе ж...».
И ты, подняв глаза на взвод,
сейчас проговоришь:
– Нале-во! Правое – вперёд!..

Который год, который год
ты давний сон хранишь.
Тобою этот мир спасён,
в нём тихо, нет войны.
Но почему твой старый сон
в мои
стучится
сны?

Дом Павлова в Волгограде

«58 дней в огне» –
это надпись на старой стене.

Это дом-солдат, дом-герой.
Был изранен. Вернулся в строй.

С каждым годом всё горячеей
память грозных дней и ночей.

Все они – в боях, под огнём, –
как осколки, засели в нём.

Но привольно в его дворе
подростающей детворе:

смерть выдавшему по душе
игры мирные малышей.

День уйдёт. Уснёт детвора.
Дом хранит её сон до утра.
Свет бессонный в ночном окне...
«58 дней в огне».

Присяга

В декабрьское воскресенье
я присягал России.

Сдержат волнение стараясь,
я выходил из строя.

Быть верным солдатской чести
я клялся пред знаменем части.

Всё сделал, как полагалось, –
вот разве что дрогнул голос,

да тесным казался ворот,
и расплывались лица...

В декабрьское воскресенье
я присягал России.

На марше

Над перелесками, над речками
плывут крутые облака.
Ещё идти, идти – до вечера.
Ещё дорога далека.

Пыль к сапогам устало лижется,
но на ученье – как в бою – держись!
Размеренно колышется
солдатский строй. И я в строю
иду. И пыльными дорогами
проходят тени облаков.
Ко мне приходит чувство Родины.
Неотвратимо.
Нелегко.

Минута молчания

...И наступила тишина.
Стоим, сурово сдвинув брови.
Мы знаем, что взяла война,
ценой каких побед и крови
был мир добыт... И те, кто пал
в жестоких битвах безымянно,
сегодня с нами. Их судьба
высоким светом осиянна.
Нам жить, покой земли храня,
чтоб травам цвести и ливням литься.
И отблеск Вечного огня
навечно лёг на наши лица.

Наш взвод поёт «Бородино»

Наш взвод поёт «Бородино»,
шагая строем на ученья.
Произнесённые давно,
слова особое значение
приобретают в этот раз:
сдвигая даты все и сроки,
встают истории уроки –
Бородино и Сталинград.
Наверно, долго будут помнить
о горькой участи врагов

в бою на Бородинском поле,
в бою у волжских берегов.
Плохая им досталась доля!
Познали русские штыки
Наполеона и Адольфа
«непобедимые» полки.
И если снова враг ударит
по стороне моей родной –
скажи-ка, дядя, ведь недаром
наш взвод поёт «Бородино»?

* * *

Я рисую картины, картины войны,
Но не кистью рисую, а словом.
Сквозь бои и атаки они мне видны,
Там, где пули и крики, и стоны.

Где мальчишки вчерашние шли на врага,
Здоровенных и пьяных фашистов,
В штыковую, как деды ходили в веках,
Чтобы пасть в русском полюшке чистом.

Чтобы собственной грудью Россию закрыть,
Не предав матерей и любимых,
И, пролив кровь свою, где-то в поле остыть,
Обнимаясь с землёю родимой.

Тем безвестным героям что нужно сейчас?
Им не встать после смерти жестокой...
Только память святая, живущая в нас,
Да поклон до земли от потомков.

Чтобы правнука к ним протянулась рука,
Что пришёл с поисковым отрядом,
И, подняв их останки, как прежде, в веках,
Он предал их земле по обряду.

Дуэль со смертью

*Моему отцу Соловьёву Георгию Даниловичу,
гвардии старшему лейтенанту, командиру
противотанковой батареи, орденоносцу
и всем героям-противотанкистам посвящаю.*

Они кругом защищены
 бронёй от Круппа,
А мы со всех сторон вольны
 и это круто!

Они идут на нас «свиньёй»,
 немецким клином,
А мы в мешок зажмём их свой,
 раздув «огниво»!

И снова – выстрел! – Заряжай,
 наводчик Саша,
в «Пантеру» пущенный кинжал
 к победе нашей.

Рёв, орудийная пальба,
 дым чёрный застит,
Гуляет по полю судьба
 пиковой масти.
Там, на пантеринном борту,
 туза наколка,
И Саша целит, чтобы «туз»
 покрыть «шестёркой».

Орудье с танком – кто кого?
 Дуэль со смертью!
«Пантера» рыщет? Ничего!
 На мушку метит?!
Что ж, посчитаемся за всё
 с Гудерианом!
За поле русское своё,
 России раны!

Артиллериста точен глаз,
 проверен боем,
На гимнастёрках ведь у нас
 «знак зверобоя»!
Мы – истребители зверей,
 огнём рычащих,
Что на простор родных степей
 ползут из чащи.

Чуть-чуть пониже...
 рвёт «туза» наш «бронепойный»,

Сединой убелённый профессор,
И того
духового оркестра металл,
Что им марши играл пред отъездом.

И таким же другим
молодым томичам,
Знавшим жизнь по экранам да книгам,
Мир светился
по-прежнему в солнца лучах,
Где война лишь казалась интригой.

Да никто
и поверить бы даже не смог,
Посчитав за досужие бредни,
В то, что многим
часами лишь мерится срок:
Первый бой для них станет последним...

Боевая винтовка
да пара гранат,
Да приподнятый бруствер окопа,
Да осенней звезды
замороженный взгляд.
Словно вечность, глядящая сбоку.

Гром! Атака!
Секущим свинцом
Налетел обжигающий ливень...
И Он ясно увидел
пред самым концом
Те глаза, что воскликнули: «Милый!».

Шла война,
чтобы судьбами зло поиграть
И напиться от женского горя,
Ведь слезиночки все
воедино собрать –
Расплескалось бы целое море!..

В земном, а может, сверху вышло,
Той смертью будто бы дразня,
Ведь взял бы фриц чуть-чуть повыше,
С отцом и не было б меня.

И не было б детей и внуков,
Времён распалась, жизни связь.
Не знал бы мир их смеха звуков,
И наша б ветка прервалась...

Я помню шрамы у отца,
Те, что оставил под Корсунем
Кусочек смерти из свинца,
Покрытый жёлтою латунию.

Последний выстрел

Последний выстрел. Кончились патроны
И жить осталось несколько минут.
Я слышу друга раненого стоны,
Нам с ним вершить свой жизненный маршрут.

Мы оба в ранах, так что от погони
Зверей-фашистов точно не уйти.
Лежит гранаты тяжесть на ладони,
Что станет точкой на земном пути.

Ну как же так: в мечтах писать поэмы
И умереть, и превратиться в тлен?
Но есть закон, для нас он неизменный:
Разведка гадам не сдаётся в плен!

И поражает чёткость, ясность мысли:
Не думал так из жизни уходить,
Но раз пришлось, раз всё равно так вышло,
То стоит «музыкой» уход сопровождать.

И взять с собой хотя б с десяток фрицев,
Чтобы приблизить Гитлера капут...
Уже видны землистые их лица,
И слышно, как не в такт они поют.

А я прощаюсь с мамой и с друзьями,
Отца-то «дядя Сталин» загубил,
И с Томью, и с пшеничными полями,
И с девочкой, которую любил.

Прощай, Сибирь, будь славный Томск спокоен,
Я всех вас верно, честно защищал.
Я – русский! Ну а это много стоит!
Прощай, Россия... Родина, прощай!

Шеренга шла

Шеренга шла вперёд на изготовке,
А немец-лейтенант не мог понять,
Что эти русские задумали опять,
И почему у них молчат винтовки?

И почему, понять он был бы рад,
Они в шинелях, шапках той весною,
Ведь так тепло и небо голубое,
К чему весь этот странный маскарад?

Он по европам шёл... и в тех местах
Почти парадом – там всё было ясно!
Победно шёл и чувствовал прекрасно,
А здесь, в России, всё совсем не так.

Осталось метров сто до пулемёта...
– Эй, русс, сдавайся, а не то стрелять!
Но шли солдаты те за пядью пядь,
Не прекращая к вечности отсчёта.

Когда осталось метров пятьдесят
И лейтенант скомандовал: «Огонь!»,
Вмиг кончился «трагедии прогон»,
И пулемётчик срезал весь отряд...

Они лежали дружно... те... девчонки,
А с ними был медслужбы лейтенант,
И ясен стал фашистам маскарад,
Придуманный весною этой звонкой.

Чтоб умереть без криков и без стонов,
Честь сохранив и гордость ко всему...
А не стреляли медсестрёнки потому,
Что просто у них не было патронов...

В тех землях, от Варшавы и до Нанта,
Так не случалось, не могло бы быть!..
И что-то содрогнулось в лейтенанте...
Он понял: русских им не победить!

Ты знаешь, мальчик?!

Война! Ты знаешь, что это такое,
Живущий ныне в радостных мирах
И без лишений мчащий на парах?..
Война – всё вместе: голод, страх и горе!

Ты знаешь, мальчик, что такое голод?
Не ел когда-нибудь по несколько ты дней?
Нет, не изысков кулинарных и затей,
А просто хлеба чёрного, и в холод?

И в голове из мыслей ничего,
Кроме еды, которую ты хочешь,
А жить, трудиться просто нету мочи,
Но должен каждый, все до одного.

Ты знаешь, мальчик, что такое страх?
Когда лежишь, в родную землю вжавшись,
А самолёт тот, бомбы разбросавший,
Пытается тебя развеять в прах.

И ты один и голый пред судьбою,
Которая всё за тебя решит:
Та бомба может землю испотрошить
Или такое ж совершить с тобою.

Ты знаешь, мальчик, что такое горе?
Когда на смерть мужей и сыновей
Пускают сотни тысяч матерей
И похоронки получают вскоре.

Теряя тех, кто был всего родней,
Из женщин, что цветут, как майский пух,
Те за ночь превращаются в старух,
Бредущих в откровенной седине.

Лишь переживший может понимать...
А мальчикам, живущим лишь в покое,
Не знающим, что есть война такое,
Пусть Бог не даст её увидеть и познать!

Мы пели песни с ветераном

Карлу Варшавскому, воину и поэту

Мы пели песни с ветераном
великой, праведной войны
В незаживляющихся ранах,
в разрывах, вздыбленных сквозь сны.

Полуслепой, полуоглохший –
контузий и ранений след,
Сидел он, смерть переборовший
и не сломившийся от бед.

Мы пели песни под гитару,
ведя негромкий разговор,
И отдавался в ритмах старых
войны и мира вечный спор.

В них шло тепло воспоминаний,
и груз сомнений, боль причин,
Лилась симфония страданий
Нестройным хором двух мужчин.

С тем вечным образом солдата
у перекрёстка двух дорог,
Слезой окропившим свято
травой поросший бугорок.

И водка булькала в стаканы
без лишней суеты и фраз...
Мы пели песни с ветераном,
и слёзы капали из глаз.

Бессмертному полку

Это видится мне
отголоском легенды...
Полк шагал по весне,
по проспекту в шеренгах.
И на каждый на шаг
в ритме пели награды
Про разбитый ейхстаг,
про Победу и радость...

Нам теперь не увидеть
их, идущих рядами,
И уже не услышать
орденов звон, медалей.
Полк Великой войны
отшагал в никуда,
Но победной весны
память в нас навсегда.

Мы идём вместе с ними,
мы идём вместо них,
Память в нас не остынет,
хоть и звон тот затих.

Мы идём,
чтобы не было боли!
И нас будет
всё боле и боле!

Мы помним

Ведут отсчёт, звеня, десятилетия,
И многое теряется в годах,
Но подвигу не страшны и столетия,
Он в памяти народной навсегда!

А мы доколе значимся народом,
Покуда лист историй бережём,
Пока храним земли своей свободу,
Очерченной границы рубежом.

Отцы и деды кровью отстояли
Для нас России праведный простор,
И миллионы, что мы потеряли,
На нас бросают свой священный взор.

Фашизм живуч, как гидра древних греков,
Его зараза возникает вновь,
Сознание поражая человека
И отравляя щупальцами кровь.

Грустят американцы и Европа,
Что русский воин победил нацизм,
И слышим истерический мы шёпот:
– Ах, как бы сделать, чтобы он ожил?!

И делают! Мы видим Украину,
Нацизма возрождение и террор,
И под Россию вкапывают мину,
Включая санкций извращённый вздор.

Ложь и коварство – это нам знакомо!
Но вы забыли, право, господа,
Как наши деды, судьбами влекомы,
Рейхстаги расписали вам тогда.

А мы то помним и гордимся ими,
И празднуем святой Девятый май,
«Бессмертный полк» идёт в строю едином
По всей стране и миру, с края в край.

Мы подвига отцов достойны будем
И, если к нам придёт опять беда,
Плечом к плечу России станут люди.
И не пробить ту стену никогда!

КАК ЛОШАДЬ ТОНУЛА, КАК ЦЫГАНКА ГАДАЛА

Очерк

Участников Великой Отечественной войны осталось совсем немного. Мне довелось дружить с фронтовиками, слышать их рассказы. Потом я вместе с детьми солдат разбирал письма с фронта их отцов.

Жительница села Тимирязевского Валима Ахматнуровна Юсупова – уже внучка пропавшего без вести солдата. А историю военной поры рассказала ей тётя, старшая сестра отца Валимы. Так, от первого лица, мы её здесь и представим. Тётю зовут Фагима Зекрина, тогда ей было 13 лет.

Вот вам налицо живая память поколений, которая переходит по цепочке. Пока мы помним, эта нить не порвётся.

Мы жили в деревне Буляково в Башкирии. К началу войны мне было 13 лет, брату (будущему отцу Валимы) 6 лет и младшей сестрёнке 4 года. В 1940-м отец в свои 33 года пошёл учиться на тракториста, выучился. Потом пригнал в деревню первый трактор. Его прибытие на тракторе встречали всей деревней. Это было как, наверное, возвращение Гагарина из космоса. Всё было так же фантастично, вся деревня высыпала на улицу.

В 1941 году отец, его звали Ахматхан, поехал в Свердловск подзаработать денег, чтобы достроить дом и купить что-то из одежды. Там его и застала война. И он для себя решил: пока не повидаю детей, на фронт не уйду. И отправился пешком в родную деревню. 15 дней он добирался. А шёл пешком, понимая, что могут забрать как человека призывного возраста прямо с поезда. А ещё, чего доброго, и обвинят в дезертирстве. Мама, её звали Фархиямал, уже так и думала, что его заберут на войну там, в Свердловске, и они не увидятся. Мысленно с ним простилась. И вот вечером сидит, доит корову, вдруг из-за спины кто-то её окликнул. Она смотрит: Ахматхан пришёл! Побыл он с нами три дня, пришла повестка, и мы его проводили в рай-

центр километров за десять. Так и отправили на войну, простились, и он ушёл.

Мать пасла колхозных лошадей для фронта. И вот однажды осенью – уже приморозило – одна лошадка решила попить из реки, передними копытами продолжила лёд. Лёд проломился, она провалилась передними ногами и утонула. Лошадей вот-вот уже готовились отправить на фронт. Это была катастрофа. Председатель колхоза ей сказал: «Ты не лошадь утопила, ты солдата утопила. Вытаскивай из реки и хорони его». Я рассказывала об этом в школе, и учительница говорит: «Пойдёмте все помогать, будем вытаскивать всей школой». Пришли: хвост лошади торчит, никто не решается лезть в ледяную воду. Мать взяла верёвку, пришлось нырять, обвязала эту лошадь, вышла на берег. Вода с неё льёт и тут же замерзает. Все ребяташки, женщины тащили эту утопленницу, и вытащили. Мать и тут не пошла греться, взяла лопату, пошла копать могилу для лошади, и копала эту уже мёрзлую землю. Это, конечно, издевательство, но куда денешься! Время военное, жестокое. Она только сказала мне: «Иди топи баню». Но после бани её стало ломать и колотить. Как ни укутывали во всё, что было дома, дрожь не могли унять.

Этим дело не кончилось. После того её в райцентре судили. Как это тогда называли, «по всей строгости военного времени». Что могло облегчить её участь? Только то, что трое детей да муж на войне. Посадить не посадили, но нашли, чем наказать. Дома был бычок, его забрали в фонд обороны. А мать после тех ныряний в студёную воду так и не поправилась, она болела и болела – то говорили: это тиф, то малярия. Временами получше становилось, потом снова плохо.

От отца редко вести приходили. Я нашла одно письмо и написала ему, сложила треугольником, отправила. Дошло моё письмо! Это был 1943 год. И отец ответил с Ленинградского фронта: голод, холод, грязь, есть совершенно нечего. Лошадь убьют, раздербаним её и как-то наедемся. После этого писем не было. Так он и сгинул, наверное, на этом голодном фронте. Пропал без вести.

И вот поздней осенью 1944 года появилась в деревне гадалка. Цыганка. И мать взяла меня за руку, и пошли мы в дом,

где гадалка остановилась. Мама хотела узнать о муже, о нашем отце. Денег не было, чтобы дать за гадание, она принесла с собой семь варёных картофелин. А цыганка сказала: «Я у тебя не возьму». – «Почему?» – «А потому, что я у сирот не могу брать». Мать возразила: «Так я же живая». А цыганка говорит: «Тебе осталось жить ровно три месяца».

Мы с мамой заплакали. Но цыганка сказала: мол, с детьми твоими – с дочерьми и с сыном – всё хорошо будет; сказала: «Твой голубоглазый сын будет счастливым, хорошо проживёт». И меня тогда поразило, как же это она про сестрёнку и про братика знает.

А матери и в самом деле становилось хуже и хуже. Она слегла.

И вот мама однажды говорит: «Я так хочу есть, целую булку хлеба съела бы». Я ей предлагаю: ешь. Она, конечно, отказалась, и попросила меня посмотреть, сколько муки в доме осталось. Я перемерила пригоршнями, получилось шесть. «Вот шесть дней на этом без меня проживёте».

Мама умерла 29 января 1945 года. Нас, детей, хотели отдать в детский дом. Но родственники разобрали, не отдали, не отпустили, вырастили. Потом я всё-таки из колхоза уехала, удалось вырваться, непросто это было, паспорта не давали, но я тоже шустрая была. А брат Ахматнур (будущий отец Валимы), умный парень, никуда не поехал. Он хорошо учился, ему советовали ехать дальше учиться, потом в институт поступать, а он остался. Он всё надеялся: вдруг отец вернётся. В военкоматовском архиве нам подтвердили: пропал без вести. Но брат так и жил в деревне. Наш Ахматнур, как цыганка и предсказала, прожил хорошую жизнь, умер в 75 лет, остались пятеро дочерей, которые его любили. Младшая сестрёнка Нагия сейчас живёт в городе Асбест.

МОИ ФРОНТОВИКИ

Очерк

Отец ушёл на фронт добровольцем в 1942 году. Почему не был мобилизован с началом войны? Тут вот какое дело.

В большинстве своём жители села Пудино нынешнего Парабельского района были ссыльными. Это так называемые кулаки, и ещё те, кто показался советской власти классово чуждым после присоединения Прибалтики, Западной Украины и Бессарабии. Заглядывая вперёд, скажу, что в нашем первом классе (а это уже 1956-й) был полный интернационал – русские, украинцы, евреи, латыши...

Так вот, мой отец к ссыльным не принадлежал. Происходил он из семьи алтайских староверов. И уже в конце 20-х его батя с братом почуяли, чем дело пахнет, стали испытывать некий дискомфорт в своём Мамонтовском районе. Выезжали на разведку в разные места, и кто-то подсказал укромный угол, где тайга и речки, то есть охота и рыбалка, а пашня родит хлеб. И перебрались они сюда, на годы опередив волну спецпереселенцев. Мой молодой отец оказался в выигрышном положении человека, которому можно доверять. Потому он выдвинулся в колхозные бригадиры, а с началом войны получил бронь.

Но отец с другом Алексеем подали заявления на фронт. И попали как раз под Сталинград. Друга через какие-то месяцы вырубил осколком в голову, он помаленьку оклемался, но в строй уже не вернулся. А отец протопал всю войну, завершив её в Чехословакии.

Вот он на фотографии летом 45-го. Ликует на солнце буйная листва. А папа смотрит невесело, наверное, думает о далёком доме. Как там мать и младшая сестра? На обороте снимка печать мастера «Antonin Charamza. Pardubice 2». Это Пардубице через много лет аукнется мне при чтении бессмертной истории про braveго солдата Швейка. Много чудесного в нашей жизни!

В ноябре 1945-го придёт в село ещё одна фотокарточка, с надписью «Любимой сестре Ксене. Жди, скоро приеду». И он придет, и встретят его мама (моя любимая бабушка) и сестра, уже студентка Томского медицинского института.

Он очень мало мне рассказывал о том, что там было, что довелось пережить. В детстве я ждал героических шапкозакидательских историй в духе тогдашних киношек. Их не последовало. Во взрослом возрасте хоть что-то удалось услышать. Рассказал он, как форсировали какой-то водный рубеж (ей-

богу, я забыл название реки, а врать не хочу). Артиллерия ещё не подтянулась, и авиация толком не поддерживала. А нужно было не снижать темпа наступления. И вот батальон за батальоном отправляли на верную гибель, потому что немцы основательно закрепились на другом берегу и хорошо простреливали реку. Подошёл их черёд, уже выдвинулись на позицию, и тут приказ был отменён. Отец был атеистом, на фронте вступил в партию, потому говорил просто: «Повезло», не адресуясь к Богу.

Как-то сидел я и слушал Высоцкого. Как раз с магнитофона звучало: «Мне этот бой не забыть никак...». «Я это слышал в госпитале в сорок четвёртом, – уверил подошедший к столу отец. – Молодой такой лейтенант пел». Я хотел было возразить, да тут же и передумал. Я уже знал про такие случаи. Это говорило о том, как точно Высоцкий почувствовал другое время, как верно спел от лица тех, кто воевал.

Вообще с годами отец рассказывал даже не эпизоды, а впечатления. С большой симпатией он вспоминал полячек, производил несколько фраз, которым научился, и среди них – «дзенькую, пани»... В Чехословакии поразило его обилие велосипедов. В мае 45-го он там встретил Победу. Они спешили помочь своим, вступившим в бой с власовцами. Но справились без них, они пришли, когда деловито стучали выстрелы в недалёком овраге: наши расстреливали бывших наших. Отец с облегчением вспоминал, что не довелось принимать в этом расстреле участия.

Подсунул я ему «В августе 44-го» Богомолова. Читай, говорю, не оторвёшься. Через день он книгу вернул. Я недоуменно взглянул на него. «Смерш», – сказал отец с какой-то жёсткой усмешкой. Я не стал его просить объясниться. Наверное, зря. Может, он что-то и рассказал бы об этой контрразведке «Смерть шпионам». Знаю, что не он один, и другие фронтовики её не любили. Но в богомоловской-то истории рассказано про настоящих диверсантов-шпионов.

Не смотрел он и кино про войну, потому я и запомнил тот единственный случай, когда он по моей просьбе присел к телевизору, да так и досмотрел до конца. Это был фильм «Живые и мёртвые», который снял Александр Столпер по роману Кон-

стантина Симонова. Фильм, в котором замечательно сыграли Кирилл Лавров и Анатолий Папанов. И я помню, что понравился ему эпизод, когда из окружения выходят бойцы со спасённым оружием и на вопрос комбрига, не страшно ли было, командир оружия просто отвечает: «А надоело бояться». Помню, отец одобрительно крякнул, подтвердив это коротким взмахом сжатой в кулак руки.

Со своим другом Алексеем, выбывшим по ранению, они встретились после войны. Я был свидетелем их трогательной многолетней дружбы. И финал её не забудется: отец умер в конце апреля 1988-го, а следом, в мае, ушёл Алексей Георгиевич. Как будто они были повязаны незримой нитью...

9 Мая был и остаётся для меня великим днём. Это дата не столько советская, сколько всенародная. День Победы, пострадавший нашими отцами и матерями, бабушками и дедушками, без разделения на фронт и тыл. И всё-таки больше праздновали его, конечно, фронтовики. И среди них было у меня много знакомых и старших товарищей.

Я вижу, как с каждым годом всё больше мифологизируется и война, и Победа. Сейчас доподлинно и не воссоздать, как оно всё было. Кто-то неглупо сказал, что сегодня это уже не история, а религия. Со мной можно заспорить, можно просто сказать, что это судьба всяких событий: на расстоянии всё предстаёт несколько иначе. Это так, если бы мифы о войне вырастали из тех самых изустных рассказов фронтовиков.

Но мои фронтовики не любили рассказывать о боях, обстрелах и бомбёжках. Я понимал, что это была другая, отдельная жизнь, которая их перетрясла и перепахала. Она приучила их к другому строю мыслей и дум, другому поведению и самоощущению. И просто человек там стал – на годы, месяцы, на сколько у кого жизни хватило – Человеком Войны. Там все они были равны, там были лишь живые и мёртвые. Чувство повязанности и родства возникло между своими в окопах и теплушках, а не с теми, кто занимал обустроенные блиндажи за линией фронта. Это я увидел позже – слово «фронтовик» не объединило штабных и солдат с передовой.

А штабные умели рассказывать. В школе на наших класс-

ных часах они уверенно водили указкой по карте, прослеживая «направление главного удара», они красиво говорили о «великих полководцах», но не было в их рассказах ни гари пожарищ, ни пота и крови, ни слёз по погибшим товарищам.

Где-то классе в седьмом нам поручили найти и пригласить на встречу фронтовиков. Мы с другом Борей пришли к Илье Леонтьевичу Агафонову, его родственнику. Он поговорил с нами о том, о сём, но в школу прийти решительно отказался, сказал напоследок:

– Не могу я об этом вспоминать, сразу плачу.

Другие, может быть, не плакали, но говорить с пафосом не умели. Более того, иногда доводилось услышать то, к чему совсем готов не был.

Совсем юнцом сидел в гостях у Альки Блинова, по-школьному, Блина. Появился отец его, немного поддатый. С чего вдруг мы попросили его про войну рассказать, не помню. Он, сидя за столом, повернулся к нам, и вдруг сказал с этакой пьяной свободой:

– Хотите, расскажу, как мы от фрица драпали, аж пятки сверкали?!

И, увидев нашу растерянность, смущение, расхохотался и продолжил трапезу за бутылкой.

О каких-то встречах и беседах с участниками войны поведал я на газетных страницах в былую пору. Но что-то и не понравилось тогда, и не прошло. Вот такой был эпизод. Столкнулись солдаты в бою у железнодорожного полотна. С одной стороны наши, с другой – немцы. Схватились врукопашную. Вдруг налетели наши истребители, и давай поливать железную дорогу из пулемётов. Все бросились наземь. И вот Иван Максимыч Аникин (мой рассказчик) поднимает голову, а рядом – фашист. И тот смотрит на него. Они не вцепились друг другу в глотки. Через какие-то секунды немец вскочил и бросился через насыпь к своим. Максимыч за всю войну так близко не видел лицо врага.

Теперь мы хорошо знаем, как досталась победа в этой войне, как были бездарно угроблены целые армии (это сотни тысяч жизней здоровых и по большей части молодых людей), знаем про заградотряды и штрафбаты, про штурм Берлина,

авральный и непродуманный. И всё-таки День Победы – это праздник. Наши отцы и деды показали, сколь бесконечны возможности человека, в каких невероятных условиях можно выстоять и победить.

У этого подвига есть удивительное свойство – его ответ лежит на наших лицах.

Я говорю это без патетики, это подлинное моё ощущение. Я любил быть с фронтовиками в этот день. В пору моей юности на родной улице Советской в Тимирязеве было немало восторгов и калиток со звёздами. И я узнавал этих людей заново.

Тот же Максимыч вспоминал: «Я в день Победы ходил во-от с такой шишкой на лбу. А почему? На рассвете раздалась страшная пальба. Я был в палатке, вскочил и рванул наружу. И тут мне навстречу – лоб в лоб – наш ротный. Так звезданулись! А он смеётся сквозь слёзы: «Победа, Ваня! Победа!».

Иван Максимович был кузнецом. Я видел, как он делает свою работу, когда мы пришли на практику в механические мастерские леспромхоза. Можно было позавидовать, как ладно у него всё получается. Я видел, что сам он себе цену знает, и я думал: вот так нужно научиться своё дело делать – уверенно, спокойно.

Сегодня нет никого, с кем выпил бы рюмку водки за Победу. Они ушли за черту земную. Последним из старших товарищей с нашей улицы Советской покинул меня Захар Захарович Сулейманов. «Захар Захарович» – это в русской огласовке, так все его звали, а как по-татарски, не знаю. Ещё в начале нового века сидел он в тёплый день на лавочке перед калиткой своего дома, здоровался со мной за руку и говорил грустно:

– Что, Вовка, последний я фронтовик остался?

Давно нет в живых и Анатолия Ивановича Стужакова. Меня познакомил с ним отец. Заговорили о войне, и Анатолий Иванович показал свои фотографии.

– Вот, – сказал он, – весна 45-го. Уже в Германии. Скоро всему конец.

– Что ж они такие грустные, наши ребята? – спросил я.

– Они не грустные, – ответил Анатолий Иванович. – Они смертельно усталые. Ночью мы напоролись на немцев. Те всегда дрались крепко, а тут, на своей земле, и вовсе отчаянно.

Когда рассветало, стянулись мы на эту поляну, кого-то уже и недосчитались. Тогда я и сделал несколько кадров...

Я смотрю на фотографию, подаренную мне. Наверняка не все из этих солдат дошли до Берлина – полегли в кровопролитных боях последних месяцев. Кто-то умер после войны. Об этом – фронтовик Семён Гудзенко: «Мы не от старости умрём, от старых ран умрём».

Дай Бог здоровья тем, последним, кто сегодня среди живых.

Дед

Сказали – без вести пропал.
Но я не верю, сводки стёрты.
Ко мне приходит Петрован,
Мой дед, в линиялой гимнастёрке.

Садится с краю на кровать,
Высокий и сорокалетний.
«Устал я, паря, воевать.
Верни меня, внучок, в деревню.

Ты дай мне в руки мой топор,
Ведь я был плотником от бога.
Да и в деревне до сих пор
Моя нужна людям подмога».

Фронтовики

Какие лица смотрят на меня!
Не убежать от этих фотографий.
Какой-то добрый свет живёт во взгляде,
В манере встать и в простеньком наряде,
В морщинах рук, в открытости лица...

Как удалось, пройдя через огонь,
Им сохранить не злобу, не жестокость,
А тихую любовь, и даже робость.
И даже нашей жизни однобокость
Не затуманит взгляда до конца.

Такое свойство истинной души,
Овеянной и порохом, и дымом.
Она не ходит тёмным пилигримом,
А каждой пядью жизни дорожит.

Калина

Зимой простояла калина,
Красным огнём горя.
А вечерами длинными
Она согревала меня.

Сладким, с горчинкой, соком
Её напоила земля.
И в этом был смысл высокий,
Как всё в этом мире не зря.

Калину к себе я вывез
С бабушкиного двора.
Листьев зелёный вырез –
Слова в них шумят, ветра.

Услышу опять, как прежде,
С хитринкой её говорок.
А меж деревьев вешних
Мелькнёт её рюкзачок.

Когда нахлынули беды,
Осталась она одна.
Для фронта и для Победы
Вязала носки она.

И нас, лоботрясов, выходила –
Бог нам её даровал...
Ухнет в калине выхухоль.
Вздвогнув, зажгу дрова.

Сладким, с горчинкой, соком
Её напоила земля.
И в этом был смысл высокий,
Как всё в этом мире не зря.

* * *

Затосковала мать по сыну.
Упали плечи, голос стих.
И вечер, вечер звонко-синий
К стеклу оконному приник.

Затосковала мать по сыну,
Глаза ударились в бега.
И показалась очень длинной
Жизнь у родного очага.

Затосковала мать по сыну.
Её вытягивал, маня,
Там на колосьях серый иней,
Что пал на милые поля.

Затосковала мать по сыну.
На догорающий закат
Молилась долго. И просила,
Чтоб встал из мёртвых сын-солдат.

Дядя Ваня

Дядя Ваня умел всё на свете изладить:
И избу сотворить, и подкову поправить.
Был он кряжистый – крепкий дубок.
Его кто-то у нас называл – «Колобок».

Ни война не взяла его, ни лихолетье.
Вот он к горну идёт, и от этого светел.
Он такие завяжет потом кружева,
Чтобы память о нём по деревням жила.

Вот топор он берёт – и родится кровать,
Чтоб нам, детям, на ней было всласть ночевать.
И косу он починит, и тяпку наладит
И соседу, и нам, да и вдовушке Наде.

Где дадут закурить, где и бражки нальют,
Дяде Ване не нужен семейный уют.
Дядя Ваня был мастер на все времена...
Его жёнку, детей умыкнула война.

* * *

Осыпается с деревьев
Иней, всё осеребря.
Развернула рукоделье
В доме бабушка моя.

На приступочку подсядет
И махоркой задымит
Наш сосед, суровый дядя
И безногий инвалид.

Он с войны принёс култышки
Да гармошку в два ряда.
Иногда и нам, мальчишкам,
Он играл и пел с утра.

Эх, несётся по деревне
Полупьяный перебор.
Хлестанёт тоскою древней
Так, что слышно до сих пор.

* * *

Был особенный холод,
Особенный холод войны.
Был дед тогда молод.
И не было горькой вины.

Но был уже взвод
На пространстве огромном.
И вставал. И вперёд
Падал дед мой под бомбы.

Он не знал –
Он, убитый на взлёте, –
Что пропашет война.
И останется горькая нота в природе.

И звенеть ей, и плакать,
И баюкать моря и просёлки.
Будет свежая слякоть,
Будут ёлки-метёлки.

Но не будет беды неизбывной,
Сталью жёлтой падут тополя,
Хлестанут окровавленным ливнем,
И коснутся тебя и меня.

На войну

Ещё не остыли мозоли
От жарких покосных трудов,
Ещё ратоборцы – на воле,
Где пламень закатный бордов.
Ещё только в самом начале
Та ночь, над которою – рок...
И кто-то развёл на причале
Последний родной костерок...

Заря! Промежуток полынный,
Черта, за которой – приказ.
Нелепый, прощальный, надрывный
В окошки врывается час.
На речке туманно, угарно,
Развёл пароходик пары.
Под берег спускались попарно,
Другие – в гурьбе детворы...
И надо готовую с ночи
Котомку сыночку подать...
Бессонные высохли очи,
И сил уже нету рыдать...
Гудок. И объятья разъяты.
Весь мир потускнел и ослаб.
И вот развязали канаты
И убран затоптанный трап,
И первая хлопнула плица,
И множество вскинулось рук!..
И, людям мешая проститься,
Вопила какая-то птица
И низко летала вокруг...

Шальная пуля

Пуля была хоть и круглой душой,
Но угодила прямо в висок.
Прячется солнце за тучей хмурой,
Кровью дымитесь мёрзлый песок.
Суток не пробыл солдат во взводе.
«Экий длиннющий-то, ровно шест,
Как его звали?» – «Иваном вроде...
Ехал сюда из сибирских мест».
Молча могилку ему отрыли,
Час погребальный недолог был.
Рыщущий ветер, когда курили,
Горестней плакальщиц рядом взвыл.

Выглядит холмик немой вопросом.
Взводный всего и сказал в ответ:
«Был бы ты, парень, пониже ростом –
Пуля попала бы в белый свет...».

Вдова

Кончилась последняя картошка.
В поле не найти и лебеды.
Пасмурное мёрзлое окошко
Дрогнуло от голоса беды:
Ворон – распроклятая же птица! –
Сделал круг и сел перед избой...
Чтоб тебе немедля подавиться
Нашею голодною судьбой!
Каркнул ворон – аж до самых пашен
Раздробились своды тишины:
«Голод – он не так ещё и страшен,
Вести мои чёрные страшны...».
Вздрыгнула она и пробудилась,
В ужасе ребёнка обняла,
Но и в сон поверить не решилась,
Печку затопила... Подмела...

Вихри поднимались, голосили,
В сенцах кто-то стукнул раза три...
– Кто там? –
И за дверью попросили:
– Марья, почтальонке отвори...

Горе

Сыны его, все трое,
Не встретили рассвет.
Их нет в шеренгах строя
И в эшелонах нет.

Взахлёб ликуют хромки,
Гуляет майский день!
Три серых похоронки
В сплошную слиты тень.

Старик идёт с вокзала,
На праздных не во зле,
И лишь сильнее стало
Клонить его к земле.

Да как ещё погнуло, –
У горя страшный вес.
Душа глядит понуро,
Не чувствуя небес...

Детство мамы

Сорок первый. Лето.
Мама ещё маленькая.
Жрёт фашист галеты,
Сидя на завалинке.
Виснут вишни с веток,
И свистят птицы,
И хрустят галеты
На зубах фрица.
Льёт жару полдень
На листвы кипень,
Фриц сидит, потен,
Расстегнул китель.
Подмигнул маме,
Всколыхнул жир
И галетой манит:
– Комм цу мир!¹
Да от жути такой
В горле, верно, ком.
Ну а мир-то какой,
Ведь война кругом?!

Старуха

Сижу на скамье у высоких ворот
И слушаю в плюше нелепом старуху.
«А мой как ушёл в сорок первом на фронт,
Да так не вернулся – ни слуху ни духу.

Не знаю, за что мне такая напасть.
Жила себе тихо и вроде безвредно.
Ну как это без вести можно пропасть?!
Мужик не иголка, чтоб сгинуть бесследно».

¹ Иди ко мне! (нем.)

Ещё говорит: «Не смирилась никак...
Сама уж не верю, что он возвратится,
Но каждой весной сажаю табак
Ему на махорку. Авось пригодится».

В крайней избе у реки

Чтоб смог рассказать он с экрана
О битвах, гремевших давно,
В деревню снимать ветерана
Нагрянули «люди кино».
В грязи перемазали джинсы –
Нашли, где живёт ветеран.
Да бабка-хозяйка божится,
Что болен сегодня Иван.
А тот вдруг закашлялся сухо
Да песню рванул на печи.
Всплеснула руками старуха:
«Уж коли напился – молчи!».
И сразу гостям – извиненья:
«Мол, это, конечно, грешно,
Да выпил старик от волнения –
Ведь страшно сниматься в кино!...»
Срывается съёмочный график,
Ворчит оператор в сердцах:
«Герой ведь... А ну его на фиг!
Залил самогонкою страх!...».
Обратно киношники едут.
А в крайней избе у реки
Поёт ветеран про Победу
И машет культяпкой руки.
Жена его взглядом не колет –
Негромко толкует своё:
«Ну полно... Поспал бы, соколик!
Герой ты мой, горе моё!...».

Седой

Он был застенчив, даже робок.
Когда пришёл его черёд,
уже седой от «похоронок»,
он, как и все, пошёл на фронт.
И на войне, всё так же робок,
под минный вой над головой
он полз с гранатой меж воронок,
как сын, убитый под Москвой.
Ему бывало очень страшно.
Но, проклиная войну,
он добегал до рукопашной,
как сын, погибший на Дону.
Не раз его убить хотели.
Бывало, убивал и он.
Ведь пули с двух сторон летели.
Летели пули с двух сторон.
И на седой от снега пашне
в Восточной Пруссии, в конце,
убил солдата в рукопашной
седой немецкий офицер.

* * *

А пуля летела, летела и пела!
Но песню её оборвавшее тело
о счастье полёта, конечно, не знало
и так некрасиво
упало...

ПИСЬМА МОЕГО ОТЦА

Это письма моего отца Валентина Васильевича Серебренникова (1910–1975) к его невесте Валентине Александровне Сергеевой (1922–1990), впоследствии моей матери, и к его родителям – Серебренниковым Василию Ивановичу (1880–1963) и Александре Алиповне (1881–1970).

В 1941 году отец окончил санитарный факультет Томского мединститута, с августа 1941-го по май 1942-го был врачом медпункта запасного стрелкового полка, затем – старшим врачом полка 232 стрелковой дивизии 60 армии Воронежского фронта, с августа 1943-го – командиром медсанбата 232 стрелковой дивизии 40 армии 1 Украинского фронта, с февраля 1944-го по июнь 1946 – старшим врачом полка 42 стрелковой дивизии 40 армии 2 Украинского фронта. Награждён орденом Красной Звезды (1944), орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией». Уволен в запас в звании гвардии майора.

Мать была медсестрой. Награждена медалью «За отвагу» (1942; потом в народе медали 42-го приравнивались к орденам), «За боевые заслуги» (1943), «За победу над Германией», орденом Отечественной войны I степени. В 1945 ранена в висок осколком гранаты. Уволена в запас в звании гвардии старшины.

В публикуемых письмах к невесте отображено время, когда в январе 1944 он отправил её в тыл – рожать. Весной она сорвалась: «Вызывай, я еду. Я не могу. Я хочу быть с тобой», – потеряла плод и ринулась на фронт.

В боях с июня 1942-го, от Воронежа до Киева и дальше – по Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии – они почти весь путь прошли вместе. Их бракосочетание состоялось 9 мая 1945 года в освобождённой Праге.

Я родился девять лет спустя, но всё моё раннее детство – это гул рассказов о войне, о войне, о войне...

В. В. СЕРЕБРЕННИКОВ*Из писем с фронта***В. А. Сергеевой, 2 марта 1944***Дорогая Валя!*

Уже полтора м-ца прошло, когда тебя унёс от меня товарный порожняк, а писем от тебя нет, и не знаю, дождусь ли, хватит ли у меня терпенья получить весть, что ты благополучно или с небольшими неприятностями (последние же почти всегда сопровождают далёкий путь) добралась до родного очага.

Вчера несколько взял влево, изменилась обстановка, жизнь приблизилась к полевой, близкой к Яблочной (Кочетовке)¹. В этом месте немцев вынудили отступить². Он оставил массу самоходных пушек, танки, даже мне довелось увидеть «сопливого ганса»^{3***} и его спаренный (10-ствольный миномёт). Мы видели немало разбитых автомашин, пушек, но такого кладбища техники я не видел, их мы могли лишь встретить на фотографиях боёв, вошедших в историю Отечественной войны. Сожалел, что тебя в это время нет и твоё естественное любопытство не удовлетворено.

В. А. Сергеевой, 19 марта 1944*Валентина!*

Почему ты не пишешь? Сегодня на новый адрес получил письмо от матери, которая сообщает, что от тебя получила письмо от 4.2.44 г., от тебя же мне нет ни строчки.

Полтора м-ца движемся вперёд, топчем уже более недели «румынскую землю»⁴, скоро собираемся быть на границе собственно Румынии. Румыны ведут себя так же, как мадьяры зи-

¹ Кочетовку (юго-западной Воронежа) освободили с большими потерями 29 января 1943. Наступление шло из Яблочного, где находился полевой госпиталь.

² Прорыв немецкой обороны севернее Умани.

³ Немецкий реактивный миномёт, обычно 6-ствольный.

⁴ Транснистрия (оккупированная Румынией территория Винницкой, Одесской, Николаевской областей и левобережной Молдавской ССР).

мой 42–43 г.¹ Они пачками сдаются в плен, а к Пасхе вообще собираются закончить войну. Хотя было бы так! Это бы сильно ускорило нашу встречу. Наскучался я досыта. Мама пишет, что ты собираешься ко мне. Я считаю, это безрассудно. Живи дома, если тебя там не притесняют.

Здоровье и настроение хорошее. Живу надеждой на скорую встречу.

Пиши. Ведь я до сих пор в неизвестности, как ты доехала. Правда, я не сомневаюсь, что твой путь прошёл благополучно, однако тревожусь неизвестностью. Ты же бессовестно молчишь. Первое письмо по новому адресу ждал от тебя, ибо тебе пишу первым, а вторым нашим.

Будь здорова.

Твой Валентин.

В. А. Сергеевой, 1 апреля 1944

Походная жизнь продолжается на чужой территории. Сегодня особо был трогательный митинг, устроенный населением небольшого городка (румын. местечка). Люди проклинали своих правителей и главного виновника их несчастья – немецкий фашизм и его главаря. Трудно себе представить людей, плачущих от радости. Ещё труднее – прочувствовать эту радость, не испытав её. А это было в этом местечке. При произношении о том, что Красная Армия лишь освобождает, а не захватывает чужой территории – дружное ура в честь её и слёзы радости на глазах у многих, проклятье на устах по адресу немецких насильников.

Из разговоров с румынами – Румыния едва ли будет воевать с нами. Она скорее повернёт оружие в сторону немцев. Немцы немало насолили румынам. Они забрали у них всех лошадей, некоторые (многие) недосчитались коров, овец или свиней. Чувство ненависти за устроенную войну растёт в румынском народе.

Сегодня очень хорошо вымылся в бане. Напарился, что на силу отдышался. Хожу в баню раз в 10–12 дней, однако, таскаясь всюду, валяясь где попало, получаешь неприятности.

¹ Зимой 1942/43 была разбита 2-я венгерская армия.

В. А. Сергеевой, 3 апреля 1944

Дорогая Валя!

Посылаю тебе требуемую тобой справку. Может быть, она несколько улучшит твоё материальное положение.

На дворе ужасный буран. Зима хочет наверстать упущенное в своё время. Холодно, как глубокой осенью. Погода такая дрянная, что портит самое лучшее настроение, и по этой грязи, непогоде наши войска развивают такую фантастическую скорость продвижения. Взгляни на карту, откуда ты уехала и где сейчас линия фронта! Если бы ты захотела приехать вновь ко мне, то это бы удлинило твой путь минимум на 250–300 км. (Но этого тебе делать не нужно, и ты не сделаешь. Немцы при отходе порядочно попортили ж. дор. полотно. Докуда сейчас ходят поезда – неизвестно; потом, будем надеяться, что война долго не протянется и наша встреча состоится на берегу Волги¹.)

Третий день имеем передышку. Вымылись, подчистились, выпались. Теперь можно будет шагать снова сотню-две по западным областям страны или по другой территории, по которой укажет приказ.

Вчера или позавчера тебе послал письмо, ответ на твоё первое ко мне. Ты терпеливо задержалась с ответом дня на 4–5. За это от меня не получала цельную декаду или больше. Мы расквитались, дальше давай не испытывать друг друга.

От своих имею тоже лишь одно письмо. Почта из-за грязи задерживается в пути, и получение писем удлинняется на неделю и больше.

Немного скучаю, немного временами делается тоскливо, и появляется желание безмятежного покоя. Сказывается утомлённость, тем более что перед войной пять лет было непрерывной работы с прекрасными перспективами в будущем. В эти минуты грезится Томск и ты студенткой. Долго ли до исполнения этого полёта фантазии, скажет будущее. Однако к военной жизни привычки не приобрету.

Учись, читай, пиши мне чаще.

Будь, дорогая, здорова, береги себя и наше драгоценное существо.

Крепко целую. Твой Валентин.

¹ В Чебоксарах, на родине В. А. Сергеевой.

В. А. Сергеевой, 13 апреля 1944

Движемся по 40–50 км в сутки. Пословица русская оправдалась: «Русские на Прут, румын за Серет»¹. Соппротивление очень незначительное.

Сегодня днёвка. Немного отоспимся, приведём себя в порядок.

Пиши чаще.

Целую. Твой Валентин.

В. А. Сергеевой, 20 апреля 1944

Дорогая Валюська!

Что же ты редко пишешь. Времени у тебя хоть отбавляй, пишешь, что скучаешь, а письма от тебя поступают раз в декаду. Ведь за все эти долгие три м-ца я получил от тебя всего-навсего два раза (три корреспонденции). Не дело так. Выходит – ты меня тревожишь больше, чем сама тревожишься за меня. Пусть это не звучит упрёком, но это так.

В предыдущем письме² я тебе подробно написал все новости, которые тебя могли интересовать. За эту пятидневку такого богатства новостей не имею, и поэтому чем-нибудь развеселить тебя не могу.

Всю эту пятидневку находился только при части, и наши экскурсии были в районе одного десятка километров. Вследствие этого ни случайных, ни нарочных встреч с общими нашими знакомыми не было. Если оперативная пауза протянется несколько дней, постараюсь повидать Сурову и почесать с ней язык. Это немного развеселит и рассеет донельзя странное тоскливое настроение и чувство одиночества, которое появилось тотчас после замедления наступательного движения. Поверь, хочется что-то живого, определённого, видимого в своих результатах дела. Я согласен работать до изнеможения, но чтобы быть удовлетворённым работой. То, что приносит день, ежедневное однообразие и идеализированные результаты, не утоляют жажды жизни и разбалтывают волю к труду. А с моей работой ты знакома. Первое время здесь я чувствовал отдых после той работы, которая была в последнее время при

¹ Игра слов. Прут и Серет – притоки Дуная.

² Письмо не сохранилось.

тебе, теперь же есть потребность к действию более широкому и тяжёлому. В конечном итоге всё сходится, что война рано или поздно окончится через несколько м-цев и в этом году, может быть, до осени.

Другое – это отсутствие тебя. Привязанность и привычка к тебе так велики, что временами я не в силах сдерживать себя от мысли, что дни, отделяющие твой отъезд и встречу, вновь бесконечны. На самом деле: ни я, ни ты не знаем, когда опять может улыбнуться счастье быть вместе и как долго протянутся эти дни ожидания. А при всём том, что бывает на фронте, эти дни могут казаться нескончаемы.

Однако не будем пессимистами! До осени встреча должна состояться.

На днях прошла Пасха. Я лазил на колокольню, но не для того, чтобы благовестом сообщить о празднике христиан, а посмотреть на доты противника. Эти земляные, бетонированные холмы на лугу немало нам причиняют беспокойства. Румыны не закончили войны к Пасхе. Наоборот они в Пасху начали войну на своей проклятой земле¹. Старые овцы перенарядились в волчьи шкуры! Но их положение таково, что ни доты, ни помощь им немцев не спасут от их неминуемой военной катастрофы в ближайшие 2–3 м-ца: волчья шкура на овечьем хребте быстро изнашивается, и эта раблепная сволочь вновь станет низко ломать высокую ягнячью шапку.

Ты поверь: какой парадокс между населением деревень и городов, настроенных мирно, и той военной падалью, которая что-то пытается сделать своим ненужным положительно никому военным ухарством. Первые раблепно, временами приторно коленопреклонно унижаются своим изъяснением приветствия нашим войскам, другие – продолжают бойню в целях неминуемой своей гибели. Такая противоположность долго существовать явно не может. Румынское население не хочет войны, устало от неё, она не была, а сейчас и подавно непопулярна среди него, и один крепкий удар обрушит последние надежды ещё у некоторой части солдат, надеющихся на свою ли-

¹ В апреле 1944 правительство Антонеску запросило условия перемирия, которые отвергло. 17-го, в понедельник, на второй день Пасхальной седмицы, вновь начались боевые действия.

нию укрепления. А она, вероятно, имеет агитационный смысл воинственного значения!

Жизнь моя, милая, течёт ото дня в день без эксцессов, без толчков и крупных событий. Я по-прежнему питаюсь хорошо, доволен тем, что день прошёл и завтра будет другой; ночь сплю большей частью крепко, хотя редко раздеваюсь (обстановка, теснота и т. п.). От ф. № 20 свободен¹. Этим обстоятельством тоже доволен (ведь здесь почти не было немцев и оборванных румын). Вот так и живу: доволен всем и недостаёт многого: жены и мира.

В. А. Сергеевой, 28 апреля 1944

О месте переправы через Днестр ты примерно угадала. Мы переправлялись километров 80 севернее. А за Прутом повернули на юго-запад. Как-то уйдя не по своему направлению, были в 70 км юго-восточнее Черновиц. Из этого ты можешь примерно на карте представить наш путь. Но точно представить тебе будет трудно. Да и нет надобности.

В. А. Сергеевой, 3 мая 1944

Событий пока нет, но ожидать можно со дня на день.

В воздухе и на участке стало много живее, чем было в апреле. Идёт война наподобие под Ямным², но разница здесь в том, что перед собой имеем доты и укреплённый годами район. Район действия для моей работы несколько сложный, особенно для тяжёлых. Однако вчера со своей работой справились неплохо.

Родителям, 1 декабря 1944

Дорогие папа и мама!

От мамы получил сразу два письма, в которых она поздравляет с праздником³. В одном из писем я тоже поздравил, но с опозданием. В этот праздник мы вели сильный бой за

¹ Форма № 20 – справка о вшивости.

² В конце 1942 г. 232-я стрелковая дивизия вела оборонительные бои севернее Воронежа под с. Ямным. С 1 мая 1944 по август дивизия стояла в обороне на р. Серет.

³ Праздник Иверской иконы Божьей Матери (26 октября).

один водный рубеж, по величине который равен Колве¹. Поэтому праздника как такового не видели.

Пишу неаккуратно, ибо это не оборона, а непрерывные бои и движение. Неаккуратность моя не должна вас беспокоить, как о чём-то случившемся со мною. Живу очень неплохо, но жизнью полной тревог. Чувствуется некоторая утомлённость и потребность в отдыхе.

У вас зима, мы были лишь побалованы одну ночь мокрым снегом. Стоит сырая дождливая погода; размыло дороги и поля. Время очень походит на то, когда Украинские фронты двинулись весной и вышли в Румынию. Война в этих условиях требует большого напряжения и упорства.

Будьте здоровы. Привет от Вали.

Ваш Валентин.

Родителям, 8 мая 1945

Дорогие мои!

Вчера и дня два тому назад получил от вас два письма. Благодарю за поздравление. Именины в этом году не справлял². Был в пути, в жаркую годину работы и на перепутьи между военной и мирной жизнью.

¹ Форсирование Тисы (Венгрия). Колва – река на родине Серебренниковых, в Чердынском у. Пермской губ.

² Тезоименитство мученика Валентина (7 мая). В. В. Серебренников родился 30 июня.

* * *

Я дружен был с фронтовиком бывалым,
был молод я, а он уж стар и сед.
И слушал я, забыв дела, бывало,
его в минуты дружеских бесед.
Он вспоминал войну, как день вчерашний,
и говорил, чуть искривляя рот:
Не верь тому, кто скажет – там не страшно,
он не был там, а если был, то врёт.
Там кажется, все пули и снаряды
летят в тебя, распятого в пыли.
Но есть, сынок, такое слово – надо,
и мы вставали и в атаку шли.
А после боя выдастся минута,
к земельке, нашей матушке, прильну...
И замолкал он сразу почему-то.
И ненавидел я тогда войну.

* * *

Я лес валил в делянке с мужиками
и восхищался, помню, больше всех,
когда, взмахнув ветвями, как руками,
ложились исполины в рыхлый снег.
Дымил лесоповал вовсю кострами,
в стволах трещал рождественский мороз,
мы обрубали сучья топорами
у елей и распластанных берёз.
Работали мы, несмотря на время,
работы было, только шевелись.
И падали сражённые деревья
под многогласый окрик: «Берегись!».
И то ли кто ТБ нарушил грубо
(был наш народ знаком с ней только вскользь),
но ёлкой придавило лесоруба,
проткнуло веткой сломанной насквозь.

Он умирал под деревом пахучим,
застыла у людей в глазах беда.
И это был второй за квартал случай,
такого не бывало никогда.
...Я ветви, что над брёвнами нависли,
ломал, бросая в кузов на настил,
когда вдруг содрогнулся весь от мысли –
ведь это лес нам так жестоко мстил!

Тебе, Лёха

Кропал о женщинах, цветочках,
писал про нищих и светил,
а другу лучшему ни строчки
не посвятил.
Не бросил и земельки горстку,
я про него узнал не вдруг –
под Выборгом, в Каменногорске
погиб мой друг.
Не от гранаты, не от пульки,
он в пятьдесят обрёл причал.
Я по родимой по мамульке
так не кричал.
Ну не его же это дата!
На мне причуды те висят –
ведь это я загнул когда-то:
– Уйду в писят.
Мы были при любой погоде
возвышенны без всяких линз,
у нас был юношеский в моде
максимализм.
Я заявил, в мозгах пошарив,
что пятьдесят, всё, самый край –
свершу-де подвиг на пожаре,
и прямо в Рай.
Я молоко позднее вытру,
ну а тогда на мой загиб
друг Лёшка улыбался хитро.

И взял погиб.
Уже собою не владея,
кричу я, Господа моля:
– Ведь это же моя идея!
Она моя!
Мне в жизни не было так плохо,
и, Небо ни за что виня,
ору ему: – Верни ты Лёху!
Возьми меня.

Письмо от матери

Мне вчера письмо прислала мать.
Как всегда, привет снохе и внучке,
пишет: вам картошки не прислать,
чтоб хватило денег до получки?

Мол, у нас был нонче урожай,
так что не пойдём с сумой по свету,
ты теперь, сынок, не возражай,
брось ты, хоть на время, гордость эту.

Что ж это за время, ну и ну!
Люди злые, бабы не рожают,
не было такого и в войну,
ладно жизнь, так смерть уж дорожает.

Как же этим вам не досаждают,
скоро ж покидать родные стены.
Правда, я решила обождать,
может быть, ищю и снизят цены.

Только не поможет, вой не вой.
Что я, правда, как какой-то нытик.
А была ведь раньше боевой,
захочу, хоть щас пойду на митинг.

Ну и что, что лет не занимать
и своих могу уж не заметить...

Мне вчера письмо прислала мать,
первый раз не знаю, что ответить.

По небу чистому

Луна взойдёт с улыбкой здешней,
и звёзды у неё как рожь,
обгложет спелые черешни
и косточки положит в ковш.

И ни за что не беспокоит,
замыслит несколько затей
и правду правильно, что скроет,
как воспитатель от детей.

И ощутится в пальцах клейкой
травой, тихонечко поёт,
как будто в огороде с лейкой
по небу чистому идёт.

Снеготал

А что такое снеготал, –
слова: добро пожаловать,
как будто ты перечитал
на полках книги заново.

Вдали увидел материк
и вник в закат предательский,
как будто голову подстриг
в ближайшей парикмахерской.

Как посмотрел в ружейный ствол,
прищулив глаз внимательно,
как, угол отогнув, нашёл
десять рублей под скатертью.

Как будто главный окулист
опять во время акции
вновь написал на целый лист
свои рекомендации.

Последний бой

Мне снится иногда война.
Я в фуфайке и в кирзачах,
Держу в руках ППШ
И котомочка на плечах.

Мне снится иногда война
И развалины наших домов,
И от трассера след у виска,
Будто ожил я среди снов.

Явь и сон перепутались вдруг,
Может, это не сон, а жизнь,
Только пороха запах и стон,
Да вдали колокольни звон.

И окопов сырых грязь,
В рыжей глине мои сапоги,
Может, это не сон, а жизнь,
Что была посреди войны.

Как «В атаку!» кричал комбат,
А солдаты в ответ – «Ура...а!»,
Только все не смогли дожить
И до следующего утра.

А теперь только этот сон,
И комбат, и солдаты со мной,
Теперь снится мне каждый раз
Мой последний вечерний бой.

ШТУРМ

Одноактная пьеса в трёх картинах

Действующие лица:

Вера – телефонистка.

Женя – медсестра.

Дима – разведчик.

Гоша Артеменков – сын полка.

С. А. Н е у с т р о е в – командир 1-го батальона.

В. И. К о н д р а ш о в – офицер полковой разведки.

Ф. М. З и н ч е н к о – командир 756-го полка.

На протяжении второй картины звучит голос командира 150-й стрелковой дивизии генерал-майора В. М. Шатилова.

Звуковое и световое сопровождение заключительной части третьей картины можно заменить на экран в глубине сцены с демонстрацией кинохроники обозначенных в ремарках в конце пьесы.

Время и место действия:

30 апреля (наши дни), Россия.

30 апреля 1945 г., Германия.

Картина первая

Декорация сквера.

В глубине сцены статуя офицера времён Второй Мировой войны, стоящего во весь рост на пьедестале с биноклем на груди.

Некоторое время никого нет.

Вышедшие на сцену две девушки с молодым человеком

подходят к лавочке. Двое из них садятся. Одна из девушек встаёт рядом с ними.

Д и м а (*обнимает Веру*). Замёрзла, лапочка?

В е р а (*отстраняясь*). Только без рук.

Д и м а (*разводит руками*). Легко.

Слышатся раскаты грома.

Ж е н я (*смотрит вверх*). Как бы дождь не пошёл.

В е р а. По прогнозу погоды 30 апреля без дождя.

Д и м а. Ты веришь синоптикам?

В е р а. Они такие же люди, как и все. (*Достаёт из сумочки зеркальце.*) Как говорит моя мама: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает».

Д и м а (*согласно кивает головой*). Ошибаются! Один раз, но зато каждый день.

Женя прыскает от смеха.

В е р а (*укоризненно взглянув на подругу*). Неправда!

Ж е н я. Мне в детстве бабушка говорила, что при первом весеннем громе надо кувыркаться. Тогда ничего болеть не будет.

Д и м а (*подскакивает с места*). Точно! Покувыркаться под одеялом сейчас не помешало бы...

В е р а (*прикасясь к ресницам*). Дурак!

Ж е н я (*заглядывает в раскрытую сумочку*). Что это?

В е р а. У предков взяла почитать.

Ж е н я. Покажи.

В е р а. Проехали.

Ж е н я. Жалко?

В е р а (*возвращает зеркальце в сумочку*). Нет. (*Протягивает небольшую книжицу.*) Только вряд ли она тебя заинтересует. Ты ж у нас, Женечка, на своём кикбоксинге помешана.

Ж е н я (*приняв боксёрскую стойку, тут же протягивает руку за книжкой*). Межелайтис?! Лирика! (*Возвращает книгу.*) Нашла что читать!

Д и м а (*перехватив и раскрыв сборник стихов, читает вслух*). «Мысли деформированы, я не удивлюсь. Страхом асимметрии сдавливают грудь». (*Перелистывая страницы*.) Ерунда какая-то.

В е р а. Это не для средних умов.

Д и м а (*поднимает палец кверху*). «К чёрту Бетховена с Десятой симфонией – теперь другая дата». (*Повысив голос*.) «Всё другое – ноты, мода. И Пикассо меркнет – его кисти быстро растаскивают разношёрстные ультра- и стоп-арта суперы...»

В е р а. Отдай!

Д и м а (*смеясь*). «Мы ромео и (ха-ха!) джюльетты мира, превратили в секс любовь! К чертям Шекспира! А семья? Смешно! В повальной спячке липнет на зубах – подобно жвачке».

Ж е н я (*выхватив книжку, толкает Дмитрия в грудь*). Она же попросила вернуть. (*Передаёт сборник стихов Вере*.)

Д и м а (*падая*). Не быкуй! (*Упав, молодой человек хотел было соскочить, но, передумав, наваливается на спинку лавочки*.) Да пошла ты...

Ж е н я (*улыбаясь*). Не надо было волну гнать, сам виноват...

Д и м а (*раскинув руки в разные стороны*). Скорей бы война, что ли...

Ж е н я. Не поняла.

Д и м а. Война, говорю, скорей бы, да в плен сдаться.

Ж е н я. Зачем?

Д и м а. По-человечески пожить хочется.

В е р а. А сейчас не по-людски, значит?

Д и м а. Разве это жизнь? Копейки считая...

Ж е н я. С папенькиными капиталами?

Д и м а. Он отчим мне, а своих нет.

Ж е н я. По наследству достанутся.

Д и м а. Его легче убить, чем дожидаться, когда помрёт.

В е р а. Идиот!

Д и м а. Сама такая...

Ж е н я. Вам что, перед выпускными экзаменами поругаться захотелось?

Д и м а (*указывает на Веру*). Овца, – нарывается.

В е р а (*передразнивает*). В плен сдаться? (*Встаёт с места*.) Да кому ты там нужен будешь?

Д и м а (*многозначительно*). Не пропаду!..

В е р а (*саркастически*). В качестве дешёвой рабсилы?..

Д и м а. Поменьше телек смотри.

В е р а. Придурок! Начнётся что, мало никому не покажется.

Полетят и хижины, и хоромы...

Д и м а (*отмахиваясь*). Байки из ящика!

В е р а. Ты даже не представляешь, что такие, как ты, являются безмозглыми баранами, надеющимися при заварухе избежать разделочного цеха.

Д и м а (*с издёвкой в голосе*). Какие мы умные!

Ж е н я (*кивает головой*). А она права...

Д и м а. Ещё одна! (*Встаёт.*) Раз вы такие доки, может, подскажите, кто там на пьедестале в нашу сторону всё время смотрит?

В е р а. Как – кто? Зинченко, комендант рейхстага.

Д и м а. Кого?

В е р а. Не кого, а чего. (*Повысив голос.*) Рейхстага!

Д и м а. Что за хрень?

Ж е н я. Прикалываешься?

Д и м а. Нет. (*Загибает пальцы.*) Белый Дом – знаю. Кремль – знаю...

В е р а. Эйфелеву башню, что в Лондоне стоит, тоже знаю.

Д и м а. Естественно! Только не в Лондоне, а в Париже.

В е р а. Умничка! Садись, – пять.

Вера с Женей смеются над Дмитрием.

Ж е н я (*сквозь смех*). Зашквар!

Д и м а. При чём тут позор?

В е р а. Стыдно не знать здание германского парламента. Мы же по истории проходили...

Д и м а. Ты про дом, на который флаг наши повесили?

В е р а. Не флаг, а Знамя Победы!

Д и м а. Про которое до сих пор спорят, кто первым был.

Ж е н я. Какая разница?

Д и м а. Никакой! Только зря они это сделали...

В е р а. Почему?

Раздаются раскаты грома.

Д и м а. Не победили бы, баварское пиво сейчас пили.

В е р а. А ты уверен, что тебе бы дали родиться?

Д и м а. Родился же...

Ж е н я. Благодаря Победе!

Темнеет.

Д и м а. Больше гордиться нечем! (*Машет рукой.*) Не будем по этому поводу хайп¹* подымать. Все знают, чего она нам стоила! (*Глядит вверх.*) Пора отчаливать.

Ж е н я (*удерживает Дмитрия за плечо*). Подожди! У меня прадед на фронте погиб. По-твоему, – зря?

Д и м а (*убирает руку с плеча*). Не заморачивайся по пустякам. Идём. Сейчас и впрямь дождь польёт.

Ж е н я (*загородив путь*). Нет, ты ответь! Зря, что ли?..

Д и м а. Кто в плен сдался, до глубокой старости в достатке на Западе прожил, а дураки...

Не договорив, получает от девушки удар в подбородок.

Сцена погружается в темноту.

При вспышках света, имитирующих молнию и гром, видно, что на постаменте никого нет.

Занавес.

Картина вторая

Утро.

На сцене вместо декорации сквера манекен средневекового рыцаря в доспехах и два стола, стоящих в разных местах.

При вспышках света, имитирующих взрывы от бомб и снарядов, раздаётся мужской голос.

¹ Хайп – шум (молодёжный сленг).

Ф. М. З и н ч е н к о. Стоять. Смирно!

Парень и две девушки, приложив руки к пилоткам, вытягиваются по стойке смирно.

(Добродушно.) Вольно! Пополнение? Это хорошо. Нам люди нужны. *(Переложив зачехлённое древко из одной руки в другую.)* Сейчас относительное затишье. Но после артобстрела на штурм рейхстага пойдём. Так что вам крупно повезло! Примете личное участие в добивании фашистского зверя в его же логове.

Д и м а *(Вере, шёпотом)*. Ущипни, проснуться хочу.

Ж е н я. Обалдеть! Даже не верится, что в кино попали.

В е р а *(смотрит на рукава своей гимнастёрки)*. Когда же мы переодеться успели?

Дима *(Жене)*. А ты уверена, что это кино?

Женя. Конечно! *(Оглядываясь по сторонам.)* Только камер с массовой что-то не видно...

Д и м а. Вот-вот, и я про то же...

В е р а *(зажимает рот)*. Ой, мамочки!

Ф. М. З и н ч е н к о *(строго)*. Разговорчики! *(Выглядывает, как бы из-за угла дома.)* Нам, чтобы добраться до нашего КП, надо пересечь простреливаемую фрицами дорогу. На той стороне улицы мы будем в безопасности, да и до дома Гимmlера рукой подать.

Д и м а. Гитлера?

Ф. М. З и н ч е н к о *(улыбаясь)*. Знать, где эта шельма окопалась, мы бы и к нему постучались. Я же говорю про здание Министерства внутренних дел Германии. А домом Гимmlера его бойцы прозвали.

Д и м а *(выглядывает вместе с Зинченко из-за воображаемого дома)*. Ничего себе! *(Девушкам.)* Дорога от бомбёжки вся в рытвинах и ямах. А техники-то искорежённой – страсть сколько!

Ф. М. З и н ч е н к о *(поглядев на часы)*. Немцы – народ пунктуальный. Сейчас у них утренний перекус. Что же касается воронок от снарядов с подбитыми танками, нам это на руку. Будет за что спрятаться. Поэтому. Не мешкая ни минуты, пригибаясь к земле, за мной бегом, марш...

В сполохах света и шумовой имитации автоматных очередей группа, перемещаясь от одной стороны подмостков к другой, сосредотачивается на середине сцены.

К вытирающему пот со лба Зинченко подходят два капитана.

С. А. Не у с т р о е в (*приложив руку к фуражке*). Здравия желаю, товарищ полковник! За время вашего отсутствия...

Ф. М. З и н ч е н к о (*отдав честь и поздоровавшись с офицерами, кивает на молодёжь*). Привёл пополнение! Девчонок в медсанбат, рядовым – штурмовую роту пополните.

В. И. К о н д р а ш о в (*оценивая взглядом Дмитрия*). Может, ко мне в разведку?

Ф. М. З и н ч е н к о. Забирай! (*Вере.*) В телефонах разбираешься?

В е р а. В сотовых?

Ф. М. З и н ч е н к о. Что?

В е р а (*выпрямившись*). Так точно!

Ф. М. З и н ч е н к о. Пока связисты связь налаживают, перекуси сухпайком со своими да за аппараты садись. (*Махнув на стол с полевым телефоном и рацией.*) Будешь связь со штабом дивизии держать.

В е р а (*приложив руку к пилотке*). Есть!

Не осознавая всерьёз всего с ними происходящего, вновь прибывшие на передовую, посмеиваясь, отходят к столу, стоящему в противоположной части сцены.

Ф. М. З и н ч е н к о (*пристроив древко к столу с телефоном*). Рассказывай, комбат, что помешало вам утром овладеть рейхстагом.

Трое офицеров подходят к авансцене.

С. А. Не у с т р о е в (*указывает в зал*). Пробовали мы с расцветом к высотке пробиться, да нам чёртов дом с куполом мешает.

В. И. К о н д р а ш о в. Все утренние атаки миномётно-пуле-

мётным огнём пресекал. Так что бойцам из батальона Клименкова ничего не оставалось сделать, как...

Ф. М. З и н ч е н к о (*строго*). Что?!

С. А. Н е у с т р о е в. Залечь в отбитом у врага рву.

Ф. М. З и н ч е н к о. Не понял. (*Глядит в бинокль*.) Высотка – это же театр Кроль-оперы. Вы разве не знали, что мышинового цвета здание – это и есть рейхстаг?

В. И. К о н д р а ш о в. Серьёзно?

С. А. Н е у с т р о е в (*обрадованно*). Вот это новость! (*Подмигнув К о н д р а ш о в у*.) Ну, тогда, товарищ комполка, разрешите мне со своим 1-м батальоном прямо сейчас в атаку пойти.

Ф. М. З и н ч е н к о. Без артподготовки?

В. И. К о н д р а ш о в. А что мешкать? Позиция у Клименкова, как оказалось, куда с добром. До рейхстага метров 250, не больше.

С. А. Н е у с т р о е в (*заискивающе*). Разрешите!

Ф. М. З и н ч е н к о (*на ходу*). В штабе дивизии решили, и я довожу до вашего сведения. (*Неустроеву*.) Кстати, в атаку рвёшься, а как у тебя обстоят дела внутри «дома Гиммлера»?

С. А. Н е у с т р о е в (*отмахиваясь*). Сопротивляются гады, но тут и кроме моего батальона есть кому покончить с ними на шестом этаже.

Ф. М. З и н ч е н к о (*остановившись*). Нет уж! Штурм рейхстага безусловно, задача номер один! Но сейчас главное, чтобы здесь не осталось ни одного мало-мальского очага сопротивления.

В. И. К о н д р а ш о в. Правильно! Не хватало ещё, чтоб штурмующим фашистский чертог стреляли в спину.

Ф. М. З и н ч е н к о (*Неустроеву*). Вы всё поняли, товарищ капитан?

С. А. Н е у с т р о е в. Так точно, товарищ полковник!

Ф. М. З и н ч е н к о (*глядит на часы*). В вашем распоряжении не более трёх часов. (*Смотрит вверх*.) И не дай Бог, если по истечении этого времени здесь останется хоть один вооружённый ганс...

С. А. Н е у с т р о е в. Сделаем, товарищ полковник!

Ф. М. З и н ч е н к о. Надеюсь...

В. И. К о н д р а ш о в. Извините, Фёдор Матвеевич! А что вы хотели донести до нашего сведения?

Ф. М. З и н ч е н к о. То, что к рейхстагу пробиваются и другие части 3-й Ударной армии. *(Расчехляет знамя.)* Поэтому Военным Советом армии учреждено 9 знамён для бьющихся за центр Берлина. *(Развернув знамя.)* Нашей 150-й стрелковой дивизии досталось знамя под номером пять. Комдив Василий Митрофанович, передавая знамя нашему 756-му полку, высказал пожелание, чтобы именно оно стало символом Победы.

С. А. Н е у с т р о е в. Станет, товарищ полковник!

Ф. М. З и н ч е н к о. Думаешь, ты один этого хочешь?

В. И. К о н д р а ш о в. А что нашему и 674-му полку подполковника Плеходанова может помешать? Мы же из нашей дивизии ближе всех подошли к рейхстагу!

Ф. М. З и н ч е н к о. Сейчас – да! Но штурм отложен до 13 часов!

В. И. К о н д р а ш о в. Почему?

Ф. М. З и н ч е н к о. Решили к рейхстагу подтянуть всю имеющуюся в нашем распоряжении силу: танки, артиллерию, реактивные установки...

В. И. К о н д р а ш о в. Вот это правильно! Рейхстаг не безымянная высота, людей жалеть надо.

Ф. М. З и н ч е н к о. Рейхстаг рейхстагом, но есть ещё: с одной стороны, район Бранденбургских ворот с зарытыми в землю танками и железобетонными дзотами. С другой – укреплённые зенитными батареями квартал иностранных посольств и южная окраина парка Тиргартена. Которые не только прикрывают подступы к немецкому парламенту перекрёстным огнём, но и способны на неопределённое время задержать нашу Победу.

С. А. Н е у с т р о е в. Этого допустить нельзя! Завтра Первой!

Ф. М. З и н ч е н к о. Поэтому в штабе фронта решили: нечего нам лезть на рожон с пустыми руками.

В. И. К о н д р а ш о в. Ай да Жуков – молодец! Решил обрушить всю мощь нашего оружия на головы противника. Посмотрим, хватит ли у фашистов боевого духа, как у защитников Брестской крепости, или уже к вечеру лапки кверху поднимут.

Ф. М. З и н ч е н к о. Как бы там ни было, но после получасового артобстрела, по сигналу из серии красных ракет, начнётся штурм немецкой цитадели со всех сторон. Наш полк с полком Алексея Дмитриевича Плеходанова штурмует западную часть здания. Мы центральный вход, они проникают внутрь через депутатский проход.

С. А. Н е у с т р о е в *(улыбаясь)*. Для дела, по которому мы здесь собрались, подходит только парадный подъезд.

Смех.

Ф. М. З и н ч е н к о *(перестав смеяться)*. Так кому, как не нам, быть первыми?!

С. А. Н е у с т р о е в *(припадает на колено)*. Клянусь, что так и будет! *(Поцеловав знамя, уступает место Кондрашову.)*

В. И. К о н д р а ш о в. Задание Родины будет выполнено! *(Поцеловав знамя, встаёт, надевает головной убор.)* Комдива нашей 150-й стрелковой дивизии и вас, товарищ полковник, не подведём, будьте уверены!

Ф. М. З и н ч е н к о *(обнимая своих подчинённых)*. Верю! *(Передаёт знамя Кондрашову.)* Остаётся определиться со знаменосцами. Кому вы можете доверить это знамя?

В. И. К о н д р а ш о в *(прижав древко к груди)*. Трудно кому-либо отдать предпочтение. Каждый из взвода разведки достоин этой чести.

Ф. М. З и н ч е н к о. Времени на сантименты нет, решайте!

В. И. К о н д р а ш о в *(немного подумав)*. Тогда... Сержант Егоров и младший сержант Кантария, ребята боевые, не подведут!

Ф. М. З и н ч е н к о. Ответственным за водружение знамени назначьте заместителя командира батальона по политической части лейтенанта Береста.

В. И. К о н д р а ш о в. Будет сделано!

Ф. М. З и н ч е н к о. Объясните им их боевую задачу, что они должны... *(Чеканным голосом.)* Нет – обязаны! При поддержке автоматчиков из роты Сьянова – пробиться на второй этаж и водрузить Знамя Победы на куполе рейхстага до рассвета за-втрашнего дня.

В. И. К о н д р а ш о в. Так точно, товарищ полковник! Знамя Военного совета армии к утру 1 Мая будет развеиваться над рейхстагом.

Ф. М. З и н ч е н к о. И пусть запомнят, что с той минуты, когда вы передадите им это знамя, они уже не просто разведчики, а знаменосцы. *(Торжественно.)* Знаменосцы нашей Победы! Им доверена честь полка, дивизии, армии!.. *(Махнув рукой.)* Приступайте к выполнению поставленной перед вами задачи. *(Кивает в сторону молодых.)* Да про пополнение не забудьте.

В. И. К о н д р а ш о в. Разрешите идти!

Ф. М. З и н ч е н к о *(прислушиваясь)*. Что это?

С. А. Н е у с т р о е в. Мой батальон за верхний этаж дома Гимmlера бьётся, остальной состав нашего полка перед штурмом отдыхает. Кто спит, укрывшись плащ-палаткой. Кто чай пьёт. *(Кивает на Кондрашова.)* Его же разведчики перед боем песни горланят.

Ф. М. З и н ч е н к о. Не унывают, значит, это хорошо! Не зря говорят: хорошая песня не менее грозное оружие, чем пушка: и стреляет метко, и врага бьёт крепко!

Доносятся голоса поющих песню под гармошку.

Мы родную землю защищали,
Каждый маленький клочок.
Эх, не даром жгли мы на привале
Боевой наш табачок.

Подмигнув Неустроеву с Кондрашовым, командир 756-го стрелкового полка полковник Зинченко, вполголоса запекает припев песни.

Эх, махорочка, махорка,
Породнились мы с тобой!
Вдаль дозоры смотрят зорко,
Мы готовы в бой!
Мы готовы в бой!

Чеканя шаг, к Зинченко приближается сын полка, 14 лет-

ний Георгий Артеменков с боевым листком и крупным заголовком на нём: «ДАЁШЬ РЕЙХСТАГ!».

С ы н п о л к а (*приложив руку к пилотке*). Товарищ полковник, разрешите обратиться!

Ф. М. З и н ч е н к о (*недоуменно*). Обращайтесь.

С ы н п о л к а. Товарищ полковник, разрешите мне участвовать в штурме рейхстага. И отмените приказ капитана Кондрашова, прикрепившего меня на время атаки к кухне.

Ф. М. З и н ч е н к о (*понимающе взглянув на Кондрашова, строго спрашивает у сына полка*). За невыполнение приказа знаешь что бывает, рядовой Артеменков?

С ы н п о л к а. Трибунал, товарищ полковник.

Ф. М. З и н ч е н к о (*положив руку на плечо*). Так вот, товарищ солдат, идите и выполняйте приказ своего командира.

С ы н п о л к а (*выпрямившись*). Есть!

Ф. М. З и н ч е н к о. Кругом! Шагом марш!

Георгий Артеменков по-военному разворачивается, но, сделав несколько шагов, остановившись, поворачивается лицом к офицерам.

С ы н п о л к а (*приложив руку к пилотке*). Товарищ полковник, пусть меня потом расстреляют за невыполнение приказа, но я всё равно с кухни сбегу во время штурма рейхстага.

Ф. М. З и н ч е н к о. Ко мне!

С ы н п о л к а (*подойдя строевым шагом, докладывает*). Рядовой Артеменков прибыл по вашему приказанию.

Ф. М. З и н ч е н к о (*прижав парнишку к груди*). Ну и что, товарищи офицеры, будем с ним делать?

С. А. Н е у с т р о е в. Сбежит, товарищ полковник, как пить дать сбежит...

Ф. М. З и н ч е н к о. Знаю. (*Смотрит сыну полка в глаза*). Убить ведь могут, Гоша! Зачем тебе это?

С ы н п о л к а. Как зачем, товарищ полковник? (*Трясёт боевым листком*.) Я же...

Ф. М. З и н ч е н к о. Подумай о мамке. Каково ей будет, случись что с тобой? Не сегодня-завтра война кончится...

С ы н п о л к а. Мамку жалко! Но ведь я с полком до Берлина

дошёл! Сколько раз с разведчиками за линию фронта ходил. А тут штурм рейхстага! А я на кухне картошку чищу...

С. А. Неустроев. Может, разрешим, товарищ полковник? Ведь ему на всю жизнь память будет.

Ф. М. Зинченко (Кондрашову). Ну, а вы, капитан, как считаете?

В. И. Кондрашов. Я – за! Будет потом что рассказать своим сыновьям и внукам.

Ф. М. Зинченко. Раз так, тогда под вашу личную ответственность. Берегите его как зеницу ока!

В. И. Кондрашов. Сбережём, товарищ полковник! Я к нему двух бойцов прикреплю, они не дадут ему на последних метрах войны погибнуть.

Ф. М. Зинченко (строго). Как зеницу ока!

В. И. Кондрашов. Так точно, товарищ комполка! (Сыну полка.) А ты, шалопай, возвращайся к своим разведчикам.

Сын полка (обрадованно). Есть! (Развернувшись, проходит несколько метров строевым шагом, но, закричав: «Ура!», бегом покидает сцену.)

Ф. М. Зинченко. Отчаянный пацан! С какого года он с нами?

В. И. Кондрашов. С осени 1943. Наш полк несколько дней тогда вёл безуспешный бой за Худобелкино. Противник сильно укрепился и каждый раз встречал нас плотным огнём. Георгий потаёнными тропами вывел в тыл врага. Благодаря ему мы быстро овладели населённым пунктом в Калининской области.

Ф. М. Зинченко. Давайте пообещаем друг другу! Кто бы ни остался из нас в живых, он обязательно включит сына полка в наградные списки. Нельзя допустить, чтобы мальчишка остался без медали...

С. А. Неустроев. Обещаю!

В. И. Кондрашов. Не останется. (Перехватив древко знамени левой рукой, правую прикладывает к фуражке.) Разрешите идти!

Ф. М. Зинченко. Идите. (Проводив взглядом покинувшего сцену Кондрашова с двумя новобранцами, подзывает к себе Веру.)

Вера (подбежав к командиру). Боец полковой связи Вера Абрамова, готова приступить к своим обязанностям.

Ф. М. З и н ч е н к о. Приступайте.

В е р а. Есть! *(Усевшись за стол с полевым телефоном и рацией, проверяет подсоединение проводов.)*

Ф. М. З и н ч е н к о *(подходит с Неустроевым к авансцене)*. Знаешь, что обозначает надпись над рейхстагом? *(Указывает рукой в зал.)*

С. А. Н е у с т р о е в. Нет.

Ф. М. З и н ч е н к о. Для немецкого народа!

С. А. Н е у с т р о е в. Гитлер много обещал им, а привёл страну к краху.

Ф. М. З и н ч е н к о. Для нас же их здание Государственного собрания не просто серая постройка прошлого столетия, а что-то очень значительное – с сегодняшнего дня! Согласен со мной, Степан?

С. А. Н е у с т р о е в *(кивнув головой, тихо произносит)*. Конечная цель наших боёв и походов. наших страданий и мук...

Ф. М. З и н ч е н к о. В третий раз за последние двести лет нам приходится воевать на этой земле.

С. А. Н е у с т р о е в. В третий?

Ф. М. З и н ч е н к о. Да. Первый раз ещё при Суворове, в 1759 году! Разгромив тогда непобедимую армию прусского короля Фридриха II, получили ключи от ворот Берлина, которые до сих пор хранятся в нашем музее.

С. А. Н е у с т р о е в. А второй раз?

Ф. М. З и н ч е н к о. Полвека спустя, когда добивали войска Наполеона.

С. А. Н е у с т р о е в *(смеясь)*. Это того, который: битый в гриву, битый в хвост, еле ноги от нас унёс.

Ф. М. З и н ч е н к о. Он самый.

С. А. Н е у с т р о е в. Выходит, нам ничего не остаётся делать, как бить до Победы, как били наши деды!

Ф. М. З и н ч е н к о. Правильно мыслишь, комбат! Взятие рейхстага послужит нашей стране панацеей от многих бед на десятилетия вперёд, если не на века!

С. А. Н е у с т р о е в. Согласен с вами, Фёдор Матвеевич. *(Улыбаясь.)* Фашизм победим – на земле Мир укрепим!

Ф. М. З и н ч е н к о *(смотрит в бинокль)*. Не мы первые красные линии перешли, пусть теперь получают то, что заслужили...

С. А. Не у с т р о е в. Товарищ полковник, а это правда, что Рокоссовский обещает отдать Берлин победителям на три дня?

Ф. М. З и н ч е н к о. Правда.

С. А. Не у с т р о е в (*потирает руки*). Ох и не завидую я немчуре...

Ф. М. З и н ч е н к о (*отстраняясь от бинокля*). То-то и оно! Поэтому, думаю, Жуков этого не допустит.

С. А. Не у с т р о е в. Почему?

Ф. М. З и н ч е н к о (*после короткой паузы*). В отместку за своих жён, сестёр, матерей наши здесь таких дров наломают, что нам немцы не простят и через сто лет...

С. А. Не у с т р о е в. Тоже верно, товарищ полковник...

Ф. М. З и н ч е н к о (*заметив смущение своего боевого товарища*). Что-то случилось, Степан?

С. А. Не у с т р о е в. Тут дело такое, товарищ комполка! Извините, что сразу не отдал.

Ф. М. З и н ч е н к о. Что не отдал, комбат?

С. А. Не у с т р о е в (*протягивает небольшой пакет*). За пять минут до вашего прихода посыльный из штаба дивизии доставил.

Вскрыв и быстро пробежав взглядом по тексту, командир полка Ф. М. Зинченко на короткое время сникает всем телом.

(*Участливо.*) Похоронка?

Ф. М. З и н ч е н к о (*рассеянно*). Что? (*Задыхаясь, растёгивает воротник гимнастёрки.*) Да. (*С перехваченным дыханием.*) На младшего брата. Теперь из четырёх сыновей я один у матери остался. Владимира под Москвой убили, Емельян под Сталинградом голову сложил. Алёшка 26 апреля в боях за Берлин пал смертью храбрых. А обиднее всего, что и шесть сестёр остались горькими вдовами. Представляешь, Степан, ни один из моих зятьёв не дошёл до Берлина...

С. А. Не у с т р о е в. Фёдор Матвеевич, мы обязательно за всех погибших в этой войне отомстим! Никому пощады не будет...

Ф. М. З и н ч е н к о (*беря себя в руки*). Ты это про что сейчас?

Мы что, мстить сюда пришли? Простой народ тут ни при чём! Мы не фашисты...

С. А. Не у с т р о е в. Согласен! Что же касается рейхстага, то он будет взят сегодня же...

Ф. М. З и н ч е н к о. Хотелось бы верить, но есть хорошая поговорка. *(Улыбаясь.)* Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

Звонит телефон.

В е р а *(передает трубку подошедшему Зинченко)*. Вас.

Ф. М. З и н ч е н к о. Полковник Зинченко слушает! *(После короткой паузы.)* У нас всё готово! Ждём! *(Положив трубку на аппарат.)* Товарищ капитан, заканчивайте с шестым этажом да готовьте солдат к штурму. Каждому против их «шмайссеров» по две-три дополнительные гранаты. Внутри рейхстага танки с пушками не помогут. Вся надежда на карманную артиллерию с лишним боекомплектом для автомата с ружьём будет.

С. А. Не у с т р о е в. Так точно! Разрешите шинели снять. Внутри уж точно не замёрзнем.

Ф. М. З и н ч е н к о. На ваше усмотрение. Но перед штурмом обязательно зайдите на КП.

С. А. Не у с т р о е в. Слушаюсь! Разрешите идти.

Ф. М. З и н ч е н к о. Идите.

Капитан Неустроев, заметно прихрамывая, покидает сцену.

(В сторону.) Боевой офицер! В РККА с 1941 года. Пять ранений перенёс, из них два тяжёлых, но каждый раз в строй возвращался. Самому чуть больше двадцати, а он с лихвой вкусил все прелести воинского ремесла. Повезло мне с ним. *(Телефонистке.)* После тридцатиминутного артобстрела конуры мирового тирана с прилежащими к ней вражескими укреплениями наши в атаку пойдут. Связь с наступающими мне нужна бесперебойная! Не подведи...

В е р а *(встав с места, прикладывает руку к пилотке)*. Так точно, товарищ полковник! Связь со штурмующими рейхстаг будет...

Ф. М. З и н ч е н к о. Надеюсь! (*Сделав несколько шагов в сторону авансцены, смотрит в бинокль*). Вот это да! Сколько танков, самоходок, артиллерии, переправленных через Шпрее по восстановленному под огнём сапёрами мосту Мольтке, сосредотачивается на площади перед рейхстагом. (*Рубанув рукой*.) Вот это будет удар! Так что до воплощения слов песни в жизнь остаются считанные минуты. (*Тихо поёт*.)

Край наш дышит Миром и Свободой,
Ну а те, кто тронут нас,
Силу гнева нашего народа
Встретят в свой последний час.

Входит командир 1-го батальона капитан С. А. Неустроев.

С. А. Н е у с т р о е в (*прикладывает руку к фуражке*). Ваше приказание, товарищ полковник, выполнено! Дом Гимmlера очищен от эссовской нечисти.

Ф. М. З и н ч е н к о (*на ходу*). Спасибо, капитан! (*Пожав руку, смотрит на часы*.) Пять, четыре, три, два... (*повысив голос*) один!

Сцена наполняется шумовой имитацией грохота артиллеристских и рёва реактивных снарядов, вперемежку со взрывами авиационных бомб и танковых выстрелов.

С. А. Н е у с т р о е в. Началось! (*Весело*.) Разрешите отлучиться к своим!

Ф. М. З и н ч е н к о. Идите, товарищ капитан. Хотя нет, стой, Степан!

С. А. Н е у с т р о е в. Слушаю, Фёдор Матвеевич!

Ф. М. З и н ч е н к о. Расширяя оперативное пространство внутри здания, не забывай о локтевой связи между соседями. И ещё! Как только отобьёшь у фрицев две-три комнаты, звони! Командный пункт полка сразу будет перенесён в рейхстаг. (*После обоюдного объятия показывает кулак*.) И не вздумай погибнуть. Из-под земли достану и накажу!

С. А. Н е у с т р о е в (*смеясь*). Не дождутся от нас фашисты такого подарка.

Ф. М. З и н ч е н к о. Молодец! *(Прихлопнув по плечу боевого товарища.)* Чуть не вырвалось: «С Богом!».

С. А. Н е у с т р о е в. Я крещённый!

Ф. М. З и н ч е н к о. Считаю, что этого от тебя я не слышал.

С. А. Н е у с т р о е в. Есть! *(Уходит.)*

Резко оборвавшийся грохот артобстрела заменяется многоголосым: «Ура-а-а!».

Ф. М. З и н ч е н к о *(глядит в бинокль)*. Первые сто метров прошли. До ступенек парадного входа остаётся чуть больше пройденного. *(Оторвавшись от бинокля.)* Что?..

Раздаётся миномётно-пулемётная стрельба.

(Телефонистке.) Быстро связь с наступающими! *(С горечью.)* Из-за перекрёстного огня с огневых точек противника, прикрывающих подступы к рейхстагу, атака захлебнулась, не успев начаться.

В е р а *(перестав стучать и кричать в телефонную трубку, встаёт с места)*. Товарищ полковник, связь с наступающими прервана.

Ф. М. З и н ч е н к о *(раздражённо)*. Как прервана? Продолжай вызывать, связисты связь восстановят.

Звонит телефон.

(Подбежав, выхватывает трубку из рук телефонистки.) Зинченко слушает!

Слышится голос командира 150-й стрелковой дивизии генерал-майора В. М. Ш а т и л о в а:

– Почему прервали атаку? Вы что думали, раненный зверь, загнанный в угол, кусаться не будет?

Ф. М. З и н ч е н к о. Площадь простреливается многослойным пулемётным и артиллерийским огнём со стороны Бранденбургских ворот и квартала иностранных посольств. Пусть артиллеристы снова ударят по этим целям.

Голос В. М. Ш а т л о в а. Хорошо! Артиллеристы с танкистами помогут. Но и ты, товарищ полковник, давай подымай своих. Хватит им чужую землю пузом греть. Помни о завтрашнем всенародном дне 1 Мая! На вылёживание времени нет, на родине отлежимся...

Ф. М. З и н ч е н к о. Будет сделано, товарищ комдив! (*Положив трубку, обращается к телефонистке.*) Есть связь с наступающими?

В е р а. Есть!

Ф. М. З и н ч е н к о (*в трубку*). В чём дело, комбат? Почему залегли?

Голос С. А. Н е у с т р о е в а:

– Стреляют со всех сторон. Противник обрушил на нас сотни тяжёлых мин и снарядов. Из рейхстага бьют фаустпатронами.

Ф. М. З и н ч е н к о. А ты хотел, чтобы тебя хлебом с солью встречали?

Голос С. А. Н е у с т р о е в а:

– Из укрытий нос высунуть не дают...

Ф. М. З и н ч е н к о. Артиллеристы по всем огневым точкам, мешающим вам, сейчас ударят. Ты же под прикрытием нового артобстрела подымай солдат в атаку.

Голос С. А. Н е у с т р о е в а:

– Слушаюсь, товарищ пол...

Ф. М. З и н ч е н к о (*кричит в трубку*). Степан! Не слышу тебя, ты ранен? (*Телефонистке.*) Похоже, опять связь перебили. (*Отдаёт трубку.*) Продолжай вызывать штурмующих рейхстаг.

В е р а. Есть!

Сквозь шумовое сопровождение пикирующих самолётов, взрывов авиационных бомб, артиллерийской канонады доносится: «В атаку! Вперёд! Ура-а-а!».

Ф. М. З и н ч е н к о (*отойдя в сторону, смотрит в бинокль*). Нет, только не это! (*С горечью.*) Опять к земле прижали. Дают враги просрать... Думали, до Победы вершковый гак остался, а он верстовым для нас оказался. Не верится даже, что за

пять часов штурм батальоны не смогли преодолеть каких-то 250 метров! До колонн рукой дотянуться можно, а шага ступить нельзя... (*Угрожающе.*) Ну ничего, ничего! Мы тоже не лыком шиты. Всё равно наша возьмёт! (*Оторвавшись от бинокля, Вере.*) Боевая у тебя подруга! С площади пятого раненого на себе выносит. Откуда вы?

В е р а. Из Сибири.

Ф. М. З и н ч е н к о. Все трое?

В е р а. Так точно!

Ф. М. З и н ч е н к о (*на ходу*). Земляки, значит. Я хотя и украинец по национальности, но родом тоже из Сибири. Если б не революция, до сих пор в окрестностях Томска коров пас.

В е р а (*обрадованно*). Есть связь, товарищ полковник!

Ф. М. З и н ч е н к о (*взяв трубку*). Живой! Докладывай, почему залегли! (*После короткой паузы.*) Это я от тебя уже слышал. Ты же не у Проньки за столом! Рейхстаг атакуют со всех сторон! Хочешь, чтобы нас 171 дивизия опередила? Нет! Так какого же хрена отлёживаешься? Вперёд и только вперёд! (*Отдав трубку телефонистке, возвращается на прежнее место.*)

Сквозь стрекотание пулемётной стрельбы, автоматных очередей и беспорядочного свиста пуль снова слышится многоголосое: «Ура-а-а!».

(*Вере.*) Подойди на секунду. (*Указывает в зал.*) Смотри и запоминай!

В е р а (*обрадованно*). Наши на ступеньках рейхстага! Ура!!!

Ф. М. З и н ч е н к о. Больше взвода внутри. (*Обнимает прыгающую от счастья телефонистку.*) Дай я тебя поцелую! (*Поцеловав в щёку, отталкивает от себя девушку.*) Готовь аппаратуру к передислокации в рейхстаг. Нам здесь больше делать нечего.

Раздаётся телефонный звонок.

(*Подбежав, хватая трубку.*) Докладывай! Отбили три комнаты, молодцы! Продолжай в том же духе. Сейчас мы всем КП к тебе переберёмся. Жди! (*Телефонистке.*) Две минуты на сборы.

Вера, суется, старается побыстрее намотать провод на катушку. Укладывает телефон в полевую сумку.

(Посмотрев в бинокль.) Готова? Тогда за мной!

С катушкой в руке, под шум автоматных очередей, свист пуль и пушечных выстрелов, пригибаясь, перебегает вместе с Верой от одной стороны к другой. После чего на середине сцены встречается с Неустровым.

С. А. Неустров. Разрешите доложить, товарищ полковник!

Ф. М. Зинченко *(приложив руку к фуражке)*. Докладывайте!

С. А. Неустров. Бойцы нашего полка с десятков комнат отбили. Располагайтесь здесь, дело к вечеру.

Ф. М. Зинченко. Десять из пятисот? Мало, капитан! Сам говоришь, дело к вечеру. Стемнеет – не повоюешь. А потому продолжайте отбивать комнату за комнатой...

С. А. Неустров. Есть!

Ф. М. Зинченко. Выполняйте. *(Отходящему Неустрову.)* О знаменосцах не забудьте. Утром 1 Мая Знамя Военного совета армии должно развеиваться над рейхстагом.

С. А. Неустров *(перед уходом)*. Будет сделано, товарищ полковник!

Ф. М. Зинченко *(сам с собою)*. Солнце склоняется к закату, хотя на улице ещё достаточно светло. *(Оглядывает пространство сцены.)* Здесь же из-за порохового дыма да пыли от отбитой штукатурки, висящей плотной пеленой, сейчас видимость нулевая, а что будет ночью? Одно радует – есть что записать в журнал боевых действий нашего 756 полка 30 апреля 1945 года: мы в рейхстаге!!! *(Телефонистке.)* Соедини меня с комдивом.

Вера. Есть! *(Поработав с аппаратурой, подаёт трубку Ф. М. Зинченко.)* Командир дивизии на связи.

Ф. М. Зинченко. Говорит полковник Зинченко! Я в рейхстаге!..

Голос В. М. Шатлова. Что, что? Повторите, вас плохо слышно.

Ф. М. З и н ч е н к о (*громко*). Докладываю, товарищ генерал-майор, я в рейхстаге!

Голос В. М. Ш а т и л о в а (*кому-то*). Зинченко в рейхстаге...

Слышится одобрителный гул.

(*Взволнованно*.) Доложите обстановку.

Ф. М. З и н ч е н к о (*чётко*). Захвачен зал заседаний с дюжиной соседних комнат. Первый батальон моего полка под командованием капитана Неустроева и батальон капитана Давыдова 674 полка нашей дивизии всем составом в рейхстаге. Через северный вход вошёл батальон 380-го полка 171-й стрелковой дивизии. Он ведёт бой в северо-восточном крыле здания.

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Хорошо! А где знамя?

Ф. М. З и н ч е н к о. У разведчиков Егорова и Кантария. Они с группой автоматчиков пробиваются на второй этаж.

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Назначаю вас, товарищ Зинченко, комендантом рейхстага. Приказ о вашем назначении к утру будет подписан. Ставлю задачу: очистить от противника рейхстаг, установить на его куполе Знамя Победы и организовать охрану ценностей, находящихся в здании. (*Торжественно*.) Передайте всем участникам штурма благодарность от маршала Жукова.

Ф. М. З и н ч е н к о (*обрадованно*). Есть передать! Разрешите приступить к выполнению боевой задачи.

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Разрешаю.

Темнеет.

На сцене появляются взбудораженный капитан В. И. Кондрашов и рядовой Дмитрий Парчевский.

В. И. К о н д р а ш о в (*приложив руку к фуражке*). Разрешите доложить, товарищ полковник!

Ф. М. З и н ч е н к о. Где Знамя?

В. И. К о н д р а ш о в. На крыше.

Ф. М. З и н ч е н к о. Водрузили?

В. И. Ко н д р а ш о в. Да.

Ф. М. Зи н ч е н к о. Рассказывай.

В. И. Ко н д р а ш о в. Вступив в ближний гранатный бой, лейтенант Берест с моими разведчиками Егоровым и Кантария при поддержке автоматчиков из роты Сьянова пробились на крышу. Стекланный купол обстреливается со всех сторон. Поэтому забраться на него под градом пуль и осколков не смогли. Знамя установили на фронтоне здания, привязав его к рукам одной из фигур скульптурной группы их королей. (Улыбаясь.) Пусть поддержит.

Ф. М. Зи н ч е н к о. Молодцы! Объявляю...

В. И. Ко н д р а ш о в. Не совсем.

Ф. М. Зи н ч е н к о. Не понял?!

В. И. Ко н д р а ш о в. Мы не первые...

Ф. М. Зи н ч е н к о. Почему?

В. И. Ко н д р а ш о в. Рейхстаг штурмовали со всех сторон. Поэтому каждый полк, батальон, взвод, рота стремились отличиться первыми с флагом, пусть хоть из занавески красного цвета.

Ф. М. Зи н ч е н к о. Видел! Находились герои, среди которых и наш Пётр Пятницкий, что под шквальным огнём добегали до рейхстага, втыкали в какой-нибудь проём флажок и падали, сражённые пулей. Но это на земле, а я про крышу спрашиваю.

В. И. Ко н д р а ш о в. На неё тоже с разных сторон стремились попасть.

Ф. М. Зи н ч е н к о. И кто же первый?

В. И. Ко н д р а ш о в. Разведчики 674 полка подполковника Плеходанова под командованием лейтенанта Сорокина.

Ф. М. Зи н ч е н к о. Утёрли нос? Хотя откуда у них знамя?

В. И. Ко н д р а ш о в. Не знамя, флаг из материи красного цвета, снятой с матраса. И первый среди первых установил его 19-летний боец Григорий Булатов.

Ф. М. Зи н ч е н к о. Что значит первый среди первых?

В. И. Ко н д р а ш о в. На крыше и другие отличились, включая штурмовую группу капитана Макова.

Ф. М. Зи н ч е н к о. Даже так! И под каким же номером самое первое Знамя?

В. И. Ко н д р а ш о в. Ни под каким.

Ф. М. З и н ч е н к о. То есть?

В. И. К о н д р а ш о в. У всех, кто опередил нас на полтора-два часа, флаги сшиты из подручного материала. У кого из шторки, простыни или наперника от матраса красного цвета.

Ф. М. З и н ч е н к о. А у нас?

В. И. К о н д р а ш о в. У нас Знамя Военного совета армии!

Ф. М. З и н ч е н к о. Вот! Этим всё и сказано! (*Немного подумав.*) Знамя под номером ПЯТЬ символически воплотило в себе все флаги, которые в ходе ожесточённых боёв были водружены группами капитана Макова, лейтенанта Кошкарбаева, майора Бондаря, а также бойцами, действовавшими на свой страх и риск от ступенек главного входа до крыши рейхстага. Все эти флажки и флаги, слившись воедино, теперь олицетворяют одно целое и неделимое – Знамя Победы! (*Подняв палец вверх.*) Победы – взлелеянной в мечтах, оплаченной миллионами жизней, увенчанной бессмертным подвигом нашего народа! (*Повысив голос.*) Составьте список отличившихся при водружении Знамени Военного совета армии над рейхстагом!

В. И. К о н д р а ш о в. Есть!

Ф. М. З и н ч е н к о (*кивнув на Дмитрия*). Пополнение себя как-нибудь проявило в бою?

В. И. К о н д р а ш о в. За спины других не прятался. Всё время был на острие атаки.

Ф. М. З и н ч е н к о (*пожимает Дмитрию руку*). Рад за тебя, земляк. (*Приложив руку к фуражке*). Объявляю благодарность!

Д и м а (*выпрямившись, прикладывает руку к пилотке*). Служу Советскому Союзу!

В е р а. Товарищ полковник! Немцы вышли на нашу волну, предлагают переговоры.

Ф. М. З и н ч е н к о. Какие переговоры? Пусть сдаются, если хотят остаться в живых, иначе цокольный этаж рейхстага завтра братской могилой для них окажется.

В е р а. Но они выдвигают ряд условий...

Ф. М. З и н ч е н к о. Что?! Это у нас для них одно условие – безоговорочная капитуляция, и точка!

В е р а (*сняв наушники*). Переговоры состоятся через полчаса

са на середине лестницы, ведущей в подвал, в северной части рейхстага. По их требованию на переговоры с их генералом должен прийти офицер в звании не ниже полковника.

Ф. М. З и н ч е н к о (*Кондрашову*). Как тебе? Сидят в подвале, отрезанные от своих, а ещё ультиматумы выдвигают!

В. И. К о н д р а ш о в. Разрешите, товарищ полковник, в цирке поучаствовать.

Ф. М. З и н ч е н к о. Отставить! (*Улыбаясь*.) Много чести будет для них. Хотят полковника – уважим. (*Прихлопывает Дмитрия по плечу*.) В спектакле главную роль сыграть не желаешь?

Д и м а (*пожимает плечами*). Я не против. Только по-немецки, кроме как «Гитлер капут» и «Хенде хох», ничего не знаю.

Ф. М. З и н ч е н к о (*смеясь*). Какой богатый словарный запас! (*Кондрашову*.) А говорит, немецкого языка не знает...

В. И. К о н д р а ш о в. Молодой, – не поверят...

Ф. М. З и н ч е н к о. А нам и не надо, чтобы поверили. Скажет им о безоговорочной капитуляции с их стороны, и всё на этом. (*Дмитрию*.) Задача ясна?

Д и м а. Так точно, товарищ полковник! Может, в плен взять?

Ф. М. З и н ч е н к о. Кого?

Д и м а. Генерала.

Ф. М. З и н ч е н к о. Время придёт, всех возьмём. Сегодня твоя миссия заключается в том, чтобы они узнали о нашем условии, если не хотят бессмысленных жертв со своей стороны.

Д и м а. Понял.

Ф. М. З и н ч е н к о. Не «понял», товарищ солдат, а «есть»!

Д и м а. Так точно, – есть!

Ф. М. З и н ч е н к о (*Кондрашову*). Пойдёшь с Неустроевым. Один из вас сыграет роль его адъютанта. Главная цель второго – присмотреться, как лучше проникнуть в подвал, если нацисты не согласятся сложить оружие.

В. И. К о н д р а ш о в. Задание получено, разрешите приступить к его выполнению.

Ф. И. З и н ч е н к о. С собой возьмите автоматчика и белый флажок.

В. И. К о н д р а ш о в. Будет сделано, товарищ полковник!

Ф. И. З и н ч е н к о. У танкистов попросите кожаную куртку для нашего полковника, чтоб посолиднее выглядел.

В. И. К о н д р а ш о в (*смеясь, прихлопывает Дмитрия по плечу*). Больно молод для полковника. Может, всё-таки я в спектакле сыграю?

Ф. М. З и н ч е н к о (*строго*). Отставить! Хватит с них и его.

В. И. К о н д р а ш о в. Разрешите идти?

Ф. М. З и н ч е н к о. Идите!

Капитан К о н д р а ш о в с молодым бойцом покидает сцену.

(*Телефонистке.*) Соедини меня с полевой кухней.

В е р а (передает трубку). Майор Чапайкин на связи.

Ф. М. З и н ч е н к о. Зинченко у аппарата! Товарищ майор, почему задерживаетесь с горячим для бойцов? (*Слушая, веселеет на глазах.*) Ваши люди в рейхстаге уже разносят по подразделениям праздничный ужин? Молодцы! Благодарю за службу! Спасибо, мне не надо. Телефонистку пришлю. (*Вере.*) Сходи к соседям, перекуси. На обратном пути загляни к санитарам, позови подругу на КП.

В е р а. Есть! (*Уходит.*)

Ф. М. З и н ч е н к о (*оставшись один*). Несчастливая нация, возмнившая себя вершителями судеб всего человечества. Мечтавшая со своим «тысячелетним рейхом» господствовать над миром, ежегодно уничтожая на оккупированных территориях по пресловутому плану «Ост» десятки миллионов: славян, евреев, цыган... Кто бы мог подумать из них лет пять назад, что найдётся сила, которая переломает хребет и воткнёт осиновый кол в могилу бредовой идеологии их преступного руководства...

Звонит телефон.

(*Взяв трубку.*) Полковник Зинченко слушает.

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Доложите обстановку.

Ф. М. З и н ч е н к о. Отбито около пятидесяти комнат, но быстро темнеет. Скоро на втором этаже вести бой будет совсем невозможно.

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Почему?

Ф. М. З и н ч е н к о. День быстро догорает, уже сейчас не видно ни зги. Да и сопротивляются, черти, не жалея живота своего.

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Отставить! На лирику потянуло, полковник? Скажи лучше, где Знамя?

Ф. М. З и н ч е н к о. Знамя Военного совета армии на крыше рейхстага!

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Почему не доложили?

Ф. М. З и н ч е н к о. Хотел, но вы меня, Василий Митрофанович, своим звонком опередили.

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Хорошо. Готовьте наградные листы на всех отличившихся при штурме рейхстага.

Ф. М. З и н ч е н к о. Будет сделано, товарищ генерал-майор!

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Потери большие?

Ф. М. З и н ч е н к о. На 22 часа около 60 солдат и офицеров убито, около трёхсот ранено. Большая часть из которых после оказания им медицинской помощи отказались покидать рейхстаг.

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Добро! Пленные рассказывают, что среди обороняющих рейхстаг на близких подступах к нему убито и ранено больше двух с половиной тысяч солдат и офицеров. Если появится возможность, постарайтесь убедить противника сдаться.

Ф. М. З и н ч е н к о. Пробуем! Но остатки гитлеровской гвардии на безоговорочную капитуляцию вряд ли пойдут.

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Тогда пусть пеняют на себя. С рассветом в бой! И чтоб не позднее обеда 1 Мая я смог доложить в штаб армии, что рейхстаг взят! Ты понял меня, полковник?!

Ф. М. З и н ч е н к о. Так точно! Ваш приказ, товарищ комдив, будет выполнен!

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Не мой, Фёдор Матвеевич, и даже не штаба армии, бери выше!

Ф. М. З и н ч е н к о. Приказ Родины будет выполнен, не сомневайтесь...

Голос В. М. Ш а т и л о в а. Удачи тебе, комендант рейхстага! Смотри не подведи...

Ф. М. З и н ч е н к о. Никак нет, товарищ генерал-майор! Обе-

щаю... *(Положив трубку, смотрит на входящих Неустроева, Кондрашова с сыном полка и Дмитрия, пропускающего вперёд себя двух девушек.)*

С. А. Не у с т р о е в *(приложив руку к фуражке)*. Разрешите доложить!

Ф. М. З и н ч е н к о. Докладывайте.

С. А. Не у с т р о е в. Почти весь первый и часть второго этажа, – наши! Из-за наступившей темноты бой прекращён. Бойцам приказал располагаться на отдых.

Ф. М. З и н ч е н к о. Посты выставлены?

С. А. Не у с т р о е в. Так точно!

Ф. М. З и н ч е н к о *(обращаясь к Кондрашову, кивает на Дмитрия)*. Генерал на переговорах остался доволен им?

В. И. К о н д р а ш о в. Встреча на высшем уровне прошла без сучка и задоринки. Вначале волновался, но быстро в роль вошёл.

Ф. М. З и н ч е н к о. И какие ж требования были выдвинуты с их стороны?

В. И. К о н д р а ш о в. Они сдают без боя рейхстаг, мы выпускаем их на воссоединение со своими.

Ф. М. З и н ч е н к о *(улыбаясь)*. А наше встречное предложение?

С. А. Не у с т р о е в *(смеясь, кивает на Дмитрия)*. Полковник на компромисс не пошёл, отрезал строго. Либо они сдаются и остаются в живых, либо утром все будут уничтожены.

Ф. М. З и н ч е н к о. Интересно, много их там?

В. И. К о н д р а ш о в. Учитывая штаб, госпиталь, а также около четырёхсот эсэсовцев с оружием в руках, около тысячи получается.

Ф. М. З и н ч е н к о. Это вам генерал сказал?

В. И. К о н д р а ш о в. Интересно же было узнать, какое количество непобедимого воинства мы должны будем отпустить восвояси.

Ф. М. З и н ч е н к о. Выходит, в подвале их больше, чем нас здесь!

С. А. Не у с т р о е в *(смеясь)*. Они этого не знают! Сами же говорите: «Хитрость и сметка бьют врага метко». Так что утром по одному разу прицелимся, по семь врагов убьём.

Ф. М. З и н ч е н к о. В этом я не сомневаюсь. (*Пожав руки офицерам, подходит к сыну полка.*) Ну что, Георгий Победоносец, сбылась твоя мечта принять участие в штурме рейхстага?

Сын полка (*выпрямившись, прикладывает руку к пилотке*). Так точно, товарищ полковник! Спасибо вам.

Ф. М. З и н ч е н к о (*по-отцовски прижав мальчика к груди*). Смирно! (*Сделав два шага назад.*) Рядовой Артеменков.

Сын полка. Я!

Ф. М. З и н ч е н к о. Выйти из строя.

Сын полка. Есть!

Ф. М. З и н ч е н к о. За проявленную отвагу и смелость при штурме рейхстага рядовому Артеменкову объявляется благодарность с последующим ходатайством о награждении сына полка медалью «За боевые заслуги».

Сын полка. Служу Советскому Союзу!

Ф. М. З и н ч е н к о (*пожав руку сыну полка*). Слушайте мой приказ!

Все выпрямляются по стойке смирно.

(*Торжественно.*) Сыну полка Георгию Артеменкову, закончившему войну в рейхстаге, приказываю на рассвете 1 Мая в сопровождении двух разведчиков отбыть домой к маме.

Сын полка (*недоуменно*). Слушаюсь!

Ф. М. З и н ч е н к о. Рядовой Артеменков, встать в строй.

Сын полка. Есть!

Ф. М. З и н ч е н к о (*обращаясь к молодым бойцам*). Рад, сибиряки, что не подвели своего земляка. Пусть и на последних метрах войны (*кивнув на Кондрашова*), как сказал начальник полковой разведки. Но каждый из вас успел внести свою лепту в нашу Победу. На стороне немцев, по Пушкину, – нашествие двенадцати языков было. На нашей – героизм и самоотверженность солдат и тыла!

В. И. К о н д р а ш о в (*весело*). Враг хотел у нас пировать, а пришлось на своей земле горевать.

Ф. М. З и н ч е н к о. Правильно, товарищ капитан. За наше жито много врагов побито. Но расслабляться рано.

С. А. Неустроев. Завтра добьём гюнтеров, заставим сдаться, как миленьких...

Ф. М. Зинченко. Верю, но это завтра! (*Евгении.*) Видел, как во время штурма на площади под огнём оказывала помощь раненым солдатам. Молодец!

Женя. Рада стараться, товарищ полковник!

Ф. М. Зинченко. А сколько бойцов из-под обстрела за день с поля боя вынесла?

Женя. Шестнадцать, из них тяжело раненных – троих.

Ф. М. Зинченко. Смирно! (*Приложив руку к фуражке.*) За оказание первой медицинской помощи раненым солдатам во время штурма рейхстага рядовой медицинской службы Евгении Славутской объявляю благодарность!

Женя. Служу Советскому Союзу!

Ф. М. Зинченко. Вольно! (*Пожав Евгении руку, смотрит на Дмитрия.*) Ну а ты, выходит, вдвойне молодец! (*Кондрашову.*) Достоин благодарности и крепкого мужского рукопожатия?

В. И. Кондрашов. Я считаю, товарищ полковник, боец Парчевский достоин большего!

Ф. М. Зинченко. Хорошо, подумаем о поощрении бойца...

Из-за статуи, позади командира полка, высовывается дуло немецкого автомата. Первым замечает его Дмитрий.

Дима (*срываясь с места*). Товарищ полковник! (*Оказавшись за спиной Зинченко.*) Немцы!

Раздаётся автоматная очередь.

Неустроев с Кондрашовым, открыв из пистолетов ответный огонь, устремляются к статуе.

Дмитрий, заслонивший полковника Зинченко своей грудью, валится на пол.

Сцена погружается в темноту.

Картина третья

Вечер.

Декорация первой картины.

В е р а (*трясёт Дмитрия*). Дима, Димка, очнись! (*Евгении*.) Дура, что сразу кулаки распускать?..

Ж е н я (*пожимает плечами*). Да я его и не сильно ударила. Что это он от лёгкого апперкота в глубокий нокаут ушёл? (*В сторону*.) Слабак!

Д и м а (*очнувшись, недоуменно смотрит на девушек*). Фёдор Матвеевич жив?!

В е р а (*участливо*). Тебя не тошнит? Голова не кружится?

Д и м а (*встаёт*). Я спрашиваю, Зинченко жив? (*Недоуменно смотрит на статую офицера, стоящую на пьедестале*.) Не понял. (*Девушкам*.) Сейчас какой год?

Ж е н я (*улыбаясь*). Угораешь?

Д и м а. Нет. (*Смотрит вверх*.) Дождь давно кончился?

Ж е н я. Его и не было. Погремело малость, на этом всё и закончилось.

В е р а. Я же говорила, что по прогнозу погоды 30 апреля без дождя.

Д и м а. Точно! Сегодня же 30 апреля! А знаете вы, что в ночь с 30 на 1 мая наши Знамя Победы над рейхстагом водрузили?

Ж е н я. О! Выходит, иногда и по морде получить полезно...

В е р а (*Евгении*). Да пошла ты... (*Дмитрию*.) Тебя точно не тошнит?

Д и м а. Нет. (*Указывает рукой*.) Давайте купим цветов и возложим их к памятнику коменданта рейхстага.

В е р а. Давай.

Ж е н я. Я не против.

Тронувшись с места, останавливаются. Завертев головами, смотрят, откуда зазвучала песня на английском языке, своей мелодией напоминающая нашу «Катюшу».

Blossoms graces the apple trees and pear trees.
Mist upon the river floated by.
Down Katusha came to gather berries
On the cliff top rising steeper and high.

Д и м а. Голос Второго фронта, что ли?

В е р а. Что ты сказал?

Д и м а. Вспомнился анекдот в тему, хотите, расскажу?

В е р а. Только без картинок.

Д и м а. О'кей!

Ж е н я. Валяй.

Д и м а. Разговаривают двое мужчин в Берлине. Один говорит: «Ходят слухи, Карл, что русские женщины очень красивые». «Возможно», – отвечает Карл. «Если судить по письмам моего сына Вольфа с Восточного фронта, то лишь при упоминании какой-то одной Катюши наши солдаты просто сходят с ума!».

Смех.

Под звучание продолжения песни «Катюша» на английском языке молодые люди покидают сцену.

There she walked and there she started singing
Of the dove-grey eagle of the stepp
Of the one, that she had her heart winging
Of the one, whose letters she had kept...

Не допетую до конца песню на короткое время сменяет гнетущая тишина, нарушаемая двумя одиночными ударами в колокол.

Воцарившуюся во второй раз тревожную тишину пререзает торжественный голос Ю. Б. Левитана:

«8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил.

Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена!».

Звуковое сопровождение автоматной и пистолетной стрельбы на ступеньках рейхстага перекрывается радостными криками: «Ура-а-а!!!».

Многоголосое «Ура-а-а!» заглушается артиллерийскими залпами. После чего сцена, не успев погрузиться в темноту, расцвечивается всеми цветами радуги, имитирующими фейерверк на Красной площади в честь Победы в Великой Отечественной войне в мае 1945 года.

Конец.

* * *

Я слушал землю, лёжа на земле.
Ночь нависала жадной чёрной птицей,
Но глубоко, в бездонной вечной мгле,
Земное сердце продолжало биться.
Земля жила, тревогою полна.
Шли по коре сейсмические волны,
И войны побеждала тишина,
И тишину расстреливали войны.
И вздрагивало сердце с сердцем в такт.
И время, замирая, шло по кругу,
И тяжело, как лязгающий танк,
Сенокосилка ползала по лугу.

* * *

Кони в лентах. Выбора!
В клубе музыка с утра.
И бесплатно в кинозале
О войне кино казали.
В зал спешили пацаны
Пережить восторг войны.
Шла война. В набитом зале
Её правильно казали.
Только пьяный Михаил
Сорок первый костерил.
Михаила выводили,
Как положено, стыдили,
И домой его везли,
В сани сунув костыли.
А война гремела в зале,
Заливала зал слезами,
И сидели пацаны,
Как участники войны.

* * *

Я ещё на заречном лугу
Собираю упавшие звёзды
И зорю, уподобясь врагу,
На деревьях сорочьи гнёзда.
Я ещё не оставил себя,
Не покинул отцовского дома,
И с ватагой соседских ребят
Разбиваю Мамая у Дона.
Слышу шелест летящей стрелы,
Зов тяжёлой, встревоженной меди.
Я ещё у засохшей ветлы
Не подумал о жизни и смерти.
И звучанье миров надо мной
Растворяется в зарослях мыса.
Я ещё восхищаюсь войной,
Не поняв её страшного смысла.

Братья Пановы

Фёдор

Уходил мой дядя на войну
По повестке райвоенкомата.
Пред семьёю чувствуя вину,
Уходил светло и виновато.

Пятерых он оставлял детей
На руках жены, отца и брата,
Чтобы ждали боязно вестей
От родного скромного солдата.

Полыхал сентябрь на дворе...
Дебаркадер, расставанья мука.
Пароход, как ящер, на заре
Полз за плёс и огрызался глухо.

Уплывал мой дядя на войну.
Оставляя всё, что сердцу любо.

Чтоб закрыть собой свою страну,
Город Клин отчаянно и грубо.

В контрнаступление рядовым
Без вести пропал на поле боя...
Шёл апрель порядком боевым
По останкам скромного героя.

До войны он был промысловик –
Добывал пушнину для Гослова.
Может, ранен был тогда блицкриг
Из винтовки Фёдора Панова.

Иван

Забирали отца на войну.
Забирали спокойно, без мата.
Защитить забирали страну.
Забирали как старшего брата.

Отправляли его на барже.
Плыл он мимо высокого яра.
Брат пропал под Москвою уже –
Канул в жарких боях контрудара.

За Варшавой был город Берлин,
Улан-Батор и Харбин в Китае.
И лежал на пути Сахалин
Долговязым холодным минтаем.

На Чукотке – обратный ленд-лиз:
Самолёты, готовые к бою...
Продолжалась военная жизнь,
Чтобы мирная стала судьбою.

Возвращался с войны мой отец
В 51-м живым и здоровым.
Возвращался домой наконец,
Чтоб увидеть всё прежнее – новым.

Чтоб увидеть отца-старика,
Чтобы с сёстрами выпить за брата
И услышать, как плачет река,
Словно в чём-то она виновата.

* * *

Прорастают в травах семена
осеннего, осанистого ветра.
Загрустила, сидя у окна,
старенькая мама Пересвета.

И, услышав горестную весть,
будет вечно сомневаться в вести, –
Матери не верят в нашу смерть,
продолжая ждать нас после смерти.

* * *

*Киселёв Александр Алексеевич. 1920 г. –
29.07.1942 г.
Студент ТИИ (ТПУ), гр. 358.
Рядовой 847 стрелкового полка 303 стрелко-
вой дивизии.
Погиб под г. Воронежем.*

*«Манджяры, манджяры...»
Алексей Прасолов*

Идёт понуро на восток
колонна пленных итальянцев...
Мороз безжалостно жесток,
вонзая когти в кожу ранцев.

Обморожения страшны.
Колонна движется понуро.
Великий Рим! Твои сыны
на град Воронеж смотрят хмуро.

И видят сквозь туман войны
родной Италии просторы.
Великий Рим, твои сыны
идут как варвары, как воры.

...А где-то на передовой
За них воронежский мальчишка
Идёт в последний, первый бой
не сын России, а... сынишка.

Лагерный сад

Откос к воде. Печален лес.
Тревожны мраморные плиты.
Здесь память обретает вес,
Здесь стел застыли сталагмиты.

И траур музыки, и страх,
и шелест пламени, и вздохи,
и ветер дней разносит прах
моей страны, моей эпохи.

Здесь я читаю имена,
Здесь вспоминаю дни и лица.
И продолжается война,
чтоб никогда не повториться.

* * *

Глаза войны уже не изменить,
В них разорвался грохот тишины,
Глаза войны, не порванная нить
И радости, и горя, и вины.

Пронзительный до сердца, тихий взгляд,
Всегда прищуренный наедине с собой,
В нём до сих пор снаряды говорят,
В них до сих пор идёт смертельный бой.

Глаза войны уже не изменить,
Их забирает время в никуда,
Но держится пронзительная нить,
Чтоб мы не воевали никогда...

* * *

День Победы, слова для песни,
Ноты радости у печали,
Поцелованный солнцем вестник,
Заполняет любви причалы...

И рекою бессмертный полк,
Поколений другие лица,
Благодарно несут свой долг,
Перед теми, кто только снится...

Не дописанный мной портрет,
Где спокойный отцовский взгляд,
Подарив мне весь белый свет,
Продолжает смотреть парад...

* * *

Родная, живущая в полустанках судеб,
Босоногая, доверчивая, восхищённая,
Как прежде, рассветами нежно будишь,
Не забитая, а заботливая и влюблённая!

Не помнящая наши обиды, беды,
Простившая наши просчёты, ошибки,
Вдохнувшая силу и веру в победу
И счастье от тихой заветной улыбки...

И эти влюблённые строки в стихи я,
Тебе посвящая, себя понимаю...
Что только тобою дышу я, Россия,
Любимая Родина Жизни! Родная!..

* * *

Россия не Садовое кольцо,
И не Фонтанка с признаками рая.
Её смущённо-тихое лицо
Живёт, волнуясь, ожиданьем мая...

Укутавшись туманами полей,
Подальше от Содома городов
Средь вешних вод она ещё светлей,
Прекрасней фешенебельных домов.

А облака лазоревых полей
В ручьи сливаясь, воспевают небо.
Россия ожидает журавлей...
Кто жил в России, но в России не был...

Бессмертный полк

Это вы, что сердцами ловили пули,
Наши слышите голоса,
Это вам, что навеки в боях уснули,
В наших глазах роса...

Это вы победили потоки горя,
Его здесь нет,
Это вам в нашем празднично светлом взоре
Победный свет...

Это вам, что с войны вернулись,
Уничтожив объятая тьмы,
Благодарны живые потоки улиц.
Это вы! ...это ваши – мы...

* * *

Это мы, господи!
В болью сожжённые травы
Падали не врагами...
А мёртвыми, в поле славы...

Падали друг на друга,
В землю вращая кровью...
Смерти смешалась вьюга,
Ненависти с любовью...

Падали прямо в небо,
Землю зажав зубами,
А перед нами небыль...
В жизни сошлись врагами.

Вы исчезали тенью,
В землю мою вращая...
Мы, обнимая землю,
Падали в слёзы мая!

* * *

Я не видел войны, знаю
Из скупых рассказов отца...
Он в гранёный стакан мая
Наливал двести грамм свинца.

А потом на дно опустевшей,
Как фугас, летела слеза,
Тихий голос, такой осевший, –
Ну, сынок, давай выпьем! За...

За победу! Чтоб никогда!..
Чтобы только один день в мае...
Отмечай этот день всегда,
Ты не видел войны, знаю...

* * *

Я с ветром поднимаюсь и парю,
Дышу тобой и обретаю силу.
И щедрую судьбу благодарю,
Что родиной мне выбрала Россию.

Что родиной мне выбрала страну,
Где ветры луговые говорят,
А в пьяную проказницу луну
Под шёпот берегов влюблённо спят.

Под запахи с некошенных лугов,
Под песни бесконечные дорог
И метастазы шума городов
Частицей стать твоей я всё же смог.

Возможно, не дано мне всё понять,
Но я дышу твоим величием, Русь,
Родной мой дом, моя Россия-мать,
Не ведая богов, тебе молюсь...

* * *

Я тебе налью до края горькой,
Матерясь как должно, без причин,
Как пацан, с моста, на летней зорьке,
Голышом, по формуле мужчин...

По законам детских кулаков,
Мы друзей своих не знали в спину,
Из геройских фильмов, смелых снов
Мы сплетали формулу мужчины...

А она же сшита из друзей.
И за дружбу крепкую твою,
Что впитала столько много дней,
По-мужски, до края я налью...

Вершина

Распятые читаются в каждом окне,
И тень возникает на каждой стене.
Следы оставляет любая ступня.
И пепел останется после огня.

Но символ полёта – не крылья, а крест.
И место героя – не крепость, а Брест.
И ночь, поглотившая крики беды,
Прозрачнее всякой проточной воды.

Как всякая правда коварнее лжи,
Опаснее бритвы тупые ножи.
Рождённое слово острее пера,
Но ниже Голгофы любая гора.

Часовой

Вдруг станет близким всё, что дико
Тогда ревело на ветру.
Летели в ночь обрывки крика
И вспыхивали на яру.
И заслоняла нас держава,
Как небо, тучей грозовой,
Пока негромко Окуджава
Всё пел и пел про долгий бой...

Зарево

Луна – в радугу ряженая –
Простужена.
Улица – нервная, ржавая –
Натружена.
Над крышами шлейф самолёта –
Оранжево,
Словно сжигают пилота –
Заживо.

Солярный знак

Шипы терновника и свастики паука,
И мак, алеющий на ниве вместо хлеба.
Цветок распущенный разительней, чем звук
Бомбардировщика, слетающего с неба
В окно, прорубленное в тот заморский край,
Где век тому назад пропахшие железом
Баварцы brave, выкрикивая «хайль!»,
Приветствовали смерть в диктаторе нетрезвом...
Солярный знак – тавро, каким клеймили скот, –
В зеркалах памяти опутан паутиной.
И возводящий вновь из праха эшафот
На собственную казнь ещё придёт с повинной.
И эхом прозвучат крылатые слова
На языке, давно забытом, словно В е р а,
Тех жалких зрителей, качающих права, –
Убийственных времён Септимия Севера.
Всё это было здесь, и всё вернётся к нам –
И страх, и смертный грех, и слёзы, и расплата
За зрелище всего, за жертвы всем богам.
На всех одна вина – за каждого солдата.

Северное сияние*Алексею Буховскому*

Ты помнишь, как ярко светили огни с небосклона,
Мы шли с гауптвахты, и ротного матерный крик
Разрезал пространство до рудников Каларгона
И вдруг обернулся песнею «про материк».
Ты помнишь, Алёша, как строем ходили и пели
По белым дорогам, и грудью вдыхали пургу.
О чём-то далёком слагали стихи, как умели,
Но строчки забыли в глубоком таймырском снегу.

Мы даже не знали, куда прилетели с гражданки.
Надели шинели! И каждому стало теплей,
Когда, как виденье, под звуки «Прощанья славянки»
Вдруг вспыхнуло в небе сиянье магнитных полей!
Пусть кто-то не помнит метелей нестройное пенье,
Казармы под снегом и ротного крики вдали,
Но высветит память полярное это свечение
Над белой дорогой – у самого края земли.

* * *

*Растаял в далёком тумане Рыбачий,
Родимая наша земля.*

Николай Букин.

Холодная магия слова
И музыки – вроде простой:
Я слушаю снова и снова,
Как волны шумят за кормой
И стонут – в любую погоду,
Ревут – в устрашение врага.
Откроется через полгода,
Чем песня мне так дорога –
Расскажут, что дед мой Василий
Три года от дома вдали
Стоял за победу России
На славном участке земли.
Мой дед – на «гранитном линкоре»¹,
Где немцы – с одной стороны,
А с трёх – безграничное море,
Куда уплывают сыны
Старинных рыбацких становищ,
Далёких и братских краёв.
С судьбою, увы, не поспоришь –
Вернутся ли все из боёв?..
«А волны и стонут, и плачут»,
И строем идут корабли,
И тонет в тумане Рыбачий –
Окраина русской земли.

¹ «Гранитный линкор» – так моряки называли полуостров Рыбачий.

Солдату Николаю Асадчему

Гарь прохаркали и полезли танки полем,
И с лязгом траки разрывают в клочья рань.
Ты справедливо захандрил, Асадчий Коля:
С калибром вашим против танков – дело дрянь...
Не дальнобойным пушкам бить прямой наводкой,
Но приказали, и пехотой не прикрыв...
Уже комбат хрипит в кровь сорванную глоткой:
«К прицелу, Коля!». Наводи, ты будешь жив...

А то, что бьют по вам, – терпи. Знай, будет хуже.
Но ты расплатишься, придёт и твой черёд.
Не чем-нибудь отплатишь, залпами «катюши»,
За этот бой, за сорок первый горький год.
Ты будешь месяц с лишним скован немотою,
Но то, что будет, даже мысленно не тронь.
Знакомь их с русской немеряной верстою,
Вставляй фугасный, бегло целься и – «огонь».

Ползи, ровесник мой, землицу обнимая, –
Она спасёт тебя, на то она и мать.
Ты знай, что будет день в таком далёком мае,
И будет время вспоминать и поминать.
И будет гладить внук простреленную руку,
И будет чтить тебя немалая семья.
Пошлёт ещё тебе Господь детей и внуков.
Уж я-то знаю... Деда, это знаю я...

Солдатская песня

На восток мы шли дорогами разбитыми.
Мимо сёл шагали, пряча в горе взор.
Вышивали по России «мессершмиттами»
злые вороги убийственный узор.

Даже солнышко казалось нам неласковым.
А по полю, по дороге, по стерне
вшами к нам ползли, кусая, рая, лязгая,
танки с чёрными крестами на броне.

И потери были часто, что напрасные,
но дрались и воевали как могли.
Вырывали с воем бомбами фугасными
супостаты душу из родной земли.

Только зрело в горе время переломное,
и солдат, кто жив был, кровью пот запил.
И вставала на врага страна огромная
против нечисти и против тёмных сил.

Не вместили всех солдат могилы братские.
Точно русской не хватило нам земли.
И расхристанные косточки солдатские
от Кавказских гор до Одера легли...

На восток мы шли дорогами разбитыми.
Мимо сёл шагали, пряча в горе взор.
Вышивали по России «мессершмиттами»
злые вороги убийственный узор.

Ведущий-ведомый

Мы были нестерпимо молодыми,
и нам хотелось драться и летать,
и «мессершмитты» называть «худыми»,
и «фоккевульфы» «фокерами» звать.
Война уже на запад покатилась.
Он встал в ряды гвардейского полка,
когда в боях дошла и раскалилась
до крайней точки Курская дуга.

Жму на гашетки, этот бой итожа.
Бью по «тузу», и первый раз в эфир

кричу ему: «Прикрой меня, Серёжа!».
И он кричит: «Вас понял, командир!».

Мы вместе не один день налетали.
Мы лезли дружно, позабыв про страх,
на самые крутые вертикали,
не копошась на скромных виражах.
И нам хотелось слышать вой знакомый,
и больше их огнём к земле пришить.
Бой, как челнок: ведущий и ведомый –
сведённые в одно – игла и нить.

Свалился наш. У них пылает тоже.
А у меня фонарь свистит от дыр.
– Четвёрка слева... Атакуй, Серёжа!
– Вас понял. Прикрывайте, командир!

Своим огнём дырявя лонжероны,
нас смерть хотела приписать к земле.
Нас побратали в небе «эрликоны»,
и даже рота в чёрном на земле.
Я сел в болото. Только что не в тине...
Стреляют. Он заходит... Брось, дурак!
Потом вдвоём мы стиснуты в кабине...
И взлёт под пулемёт и лай собак!

И снова с холодком, а то и с дрожью
прошу его, чертя огнём пунктир:
– Бью «юнкерса». Прикрой меня, Серёжа!
– Вас понял. Слева «фокер», командир!

Погиб Серёжа. Вспыхнул, точно факел,
и штопором ревушим – до земли.
А я орал, я одурел, я спятил.
Я сбившего его вмиг завалил.
Мне снится до сих пор: сознание тает,
мой «Як» теряет быстро в высоте,
и на земле Серёжка догорает,
патронов нет, и два «худых» в хвосте...

И пламя с болью слизывает кожу,
и музыкой чужой бренчит эфир,
и, как в бреде, кричу: «Прикрой, Серёжа!».
Но он не крикнет: «Понял, командир».

НЕМЫСЛИМОЕ

Главы из романа «Цепь грифона»

Поработав около часа в резиденции командующего Советской военной группировкой в Европе, Суровцев, по сути дела, выполнил обязанности начальника штаба, заодно и адъютанта маршала Жукова. Большой рабочий стол был заполнен развёрнутыми картами и схемами, отображавшими места дислокации войск предполагаемого противника. Аккуратными стопочками были разложены документы, относящиеся к конкретным частям и соединениям английских и американских войск, нацеленных для нападения на недавних союзников по войне. Все с записками-ярлычками на русском языке сверху.

* * *

Находившийся на каком-то официальном приёме маршал Жуков задерживался. В ожидании хозяина генерал рассматривал витражи на готических окнах замка. Внимание его привлёк витраж, изображавший двух рыцарей на одном коне. «Не иначе сами представители ордена тамплиеров, родоначальники всех грядущих тайных обществ Европы, имели прямое отношение к появлению в средние века самого этого замка, – подумал Сергей Георгиевич и не без иронии сказал:

– Ну что ж... Рад вас приветствовать, коллеги.

Зашёл знакомый Суровцеву помощник Жукова – Бедов. С порога сообщил:

– Маршал уже выехал. Не скучаете?

– Скорее, даже отдыхаю, – ответил Сергей Георгиевич.

– Всё хочу у вас спросить: вы нашли того, кого искали? –

спросил Иван Харлампиевич, имея в виду Соткина, которого сам и помог Суровцеву разыскать.

– Нашёл. Спасибо вам за помощь.

– Не за что. Любопытный у вас с маршалом бывший сослуживец. Ничего не скажешь...

– А это откуда? – спросил Сергей Георгиевич и указал рукой на аккордеоны и баяны, в футлярах и без них, числом не меньше двух десятков, стоявших буквально везде. Даже на полу.

Даже на ещё одном большом столе и на камине оказались инструменты качественной итальянской и немецкой работы.

– Подарки маршалу, – пояснил Бедов. – Как узнали, что Георгий Константинович играет немного для себя на гармошке, так и стали дарить. В Германию вошли – каждый день новый тащат. Уже и не знаем, куда их складывать. Я, как могу, отбиваюсь – всё равно несут. Надо будет, наверное, отправить в какую-нибудь нашу музыкальную школу.

– Инструменты такого качества – уровень консерватории, но никак не музыкальной школы.

Суровцев искренне удивился неожиданной музыкальности Жукова. «Что это значит? – думал он. – Неужели кто-то подсказал маршалу, что музицирование удивительным образом помогает сохранять свежую голову при чрезмерных умственных нагрузках. Или же Жуков интуитивно почувствовал, что игра на музыкальных инструментах снимает умственное напряжение и является своего рода массажем для мозга?»

* * *

Георгий Константинович появился почти сразу после этого короткого разговора. Был он навеселе. За руку, молча, поздоровался с генералом. Совсем не удивился тому, что тот был в гражданском костюме. По всему было видно, что не слишком он удивился и вероломству бывших союзников. Ему было решительно всё равно, с кем воевать. Опираясь кулаками в стол, полководец только переводил взгляд от документа к документу. Сверяясь с картой, несколько раз всё же притронулся к стопкам с машинописным текстом.

– Переводить лично времени у меня не было, товарищ маршал Советского Союза. Скажу главное: окончательный вари-

ант датирован двадцать четвёртым мая. Восьмого июня, по имеющимся у нас данным, с планом работал премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Им наложена резолюция, содержание которой нам не известно.

Жуков едва заметно кивнул. Ещё какое-то время стоял, точно нависая над столом. Наконец выпрямился. Вздыхнул. Присел на стул с высокой, громоздкой резной спинкой. Долго молча смотрел на Суровцева. Понимая, что молчание полководца является следствием напряжённой работы мозга, не жели отсутствием желания разговаривать, Сергей Георгиевич отвёл свой взгляд в сторону. В очередной раз его внимание привлекли музыкальные инструменты.

– А не замечали, что голова лучше работает, когда время от времени музицируешь? – спросил он маршала, изучая один из аккордеонов.

Жуков ответил не сразу. Помолчал в раздумье.

– Может быть, что и да, – произнёс он задумчиво, – хотя скорее наоборот – отдыхает голова, когда по кнопкам тычешь.

– В одной психиатрической клинике в Сибири до революции, – стал рассказывать Суровцев, – был оркестр народных инструментов. Один профессор-медик создал. Сам в этом оркестре играл, сам же и дирижировал. Как только над ним не потешались! Кто-то и в жестоком обращении с больными обвинял. А профессор знай себе новые пьесы с ранеными и с сумасшедшими разучивает. Ещё и хор из пациентов собрал. Рассудок, конечно, ни к кому не вернулся, а вот речь после черепно-мозговых ранений возвращалась. Почему – непонятно.

– Век живи – век учись, – проговорил Георгий Константинович. – Как считаешь, решатся ударить? Или побоятся? – перескочил он на тему, занимавшую его сейчас всё же куда больше, чем вопросы связей деятельности мозга с мелкой моторикой пальцев рук.

– Думаю, что не решатся. Они не те ребята, которые любят рисковать...

– Побоятся, что мы против Японии на их стороне не выступим? – спросил Жуков.

– Главное в том, что такой сильной армии в России ещё никогда не было, – ответил генерал.

– Это да. Мне сейчас перегруппировку войск провести, не поверишь, – сутки работы. Я даже театр военных действий за-чем-то месяца два тому назад весь на несколько раз пересмотрел. Здесь и воевать-то неинтересно. Ни тебе болот, ни тебе рек больших. Дорог шоссейных больше, чем тропинок в иной помещичьей усадьбе... Не дорожная сеть, а парковая планировка. Те же Альпы, после Суворова, не бог весь какая защита. Воюй – не хочу! Будь моя воля, я бы их сам спровоцировал на нападение... А потом насовал бы им по первое число... Нет, не ударят, – не скрывая, как показалось Суровцеву, сожаления сделал свой вывод полководец.

Жуков несколько раз прошёлся по просторному залу. Постучал костяшкой пальца по пустому шлему рыцарских доспехов.

– Чем думали, когда в Россию шли? – спросил он у полого внутри рыцаря.

Вернулся к своему гостю.

– Мы на днях не то что командно-штабную игру перед наступлением проведём, мы командно-штабные учения на местах организуем. Вот как воевать теперь будем! Мечты сбываются! – задорно закончил Жуков свою тираду.

Перехватил взгляд Суровцева, опять рассматривавшего один из аккордеонов.

– А не слабо чего-нибудь сыграть? Бери любой, какой на тебя смотрит, – указал он на инструменты, стоящие вокруг.

Озорное настроение маршала не передалось генералу, но желание сотворить что-то такое, что и не свойственно было ему до сих пор, у него возникло. Брать в руки аккордеон ему приходилось не раз и не два... Сейчас Сергея Георгиевича больше занимал вопрос репертуара. «Что играть?» – думал он. Взял дорогой инструмент с многочисленными золочёными инкрустациями в чёрном корпусе. Достаточно ловко накинул ремни добротной кожи на плечи. Решение, что исполнять, пришло само собой. Поочерёдно пощёлкал клавишами регистров, чуть раздвигая меха. Нашёл регистр «орган». Сыграл две первые фразы известного, полузапрещённого в то время романса «Гори, гори, моя звезда». Прочитав удивление на лице Жукова, не давая себя перебить, мощно и сильно начал играть «Токка-

ту ре минор» Иоганна Себастьяна Баха. Музыкальный от природы маршал уловил схожесть первых музыкальных фраз обоих произведений. Мелодия популярного в белогвардейской среде романса и классическая музыка Баха точно пересеклись на самой личности Суровцева, фортепианные навыки которого позволяли ему сейчас без труда весьма профессионально исполнять классику на аккордеоне.

Проиграв значительный кусок токкаты, к звукам которой прислушивались все нынешние обитатели замка, от офицеров управления до водителей, Суровцев прекратил игру.

– М-да, – одобрительно сказал маршал, глядя на свою выдавшую виды гармошку, – нам так не суметь. Аккордеон забирать себе. Дарю, – тоном, не терпящим возражения, то ли приказал, то ли просто сказал он.

– Спасибо, – поблагодарил Сергей Георгиевич, думая, что теперь ему делать с таким подарком.

– Самолёт, знаю, тебя ждёт. Бедов проводит, – уже прощался Георгий Константинович.

– Мне бы выйти так, чтобы лишний раз никому на глаза не попадаться.

– Ну это Иван Харлампиевич организует.

* * *

Суровцев спускался по широкой лестнице замка. Бедов следом за ним нёс подаренный Жуковым аккордеон. Вдруг с верхнего этажа раздались звуки гармоника, в каком-то крикливом, тальяночном регистре, с которым гармошка способна перекричать даже оркестр. Пронзительный звук вызывал специфический эффект, который на своём жаргоне музыканты-профессионалы называют «стеклорезом». Маршал разухабисто и как-то по-хулигански играл плясовую. Нагловатые, шkodливые звуки «Подгорной» производили странное впечатление в пространстве средневекового замка. Вдруг к звукам гармошки прибавился резковатый, совсем не певческий голос Жукова:

*Ты Подгорна, ты Подгорна, широкая улица!
Почему, скажи, Подгорна, сердце так волнуется?*

Суровцев отчётливо слышал лёгкое металлическое дребезжание, исходящее от рыцарских доспехов, стоявших по бокам от лестницы, по которой он сейчас спускался. Старинный металл, казалось, с ужасом резонировал от варварских звуков, рождённых в стране, о которой в Германии хранили самые неприятные и холодные воспоминания.

* * *

Огромная страна не только встала на смертный бой. Держава выстояла в смертельном бою. И теперь, к удивлению бывших союзников, расправив широкие солдатские плечи, твёрдо стояла на ногах, обутых в армейские сапоги. И сапогам этим, было понятно, не будет сноса ещё несколько лет, случись воевать дальше. Никогда в отечественной истории русская армия не была такой мощной, такой отмобилизованной, такой сплочённой, обладающей уникальным опытом победоносной современной войны, как весной и летом 1945 года. Прогнозы генеральных штабов Великобритании и США на возможное противостояние англо-саксонского воинства с Советским Союзом повергли в шок руководство англоязычных союзников. И если новый американский президент Трумэн ещё думал, что русских можно запугать применением атомной бомбы, то выходящий в отставку английский премьер Черчилль, буквально в дверях покидаемого им кабинета, авторитетно заявил, что русских теперь запугать ничем нельзя. А самое страшное – если их разозлить, то ничем и не остановишь. И можно ещё было разговаривать о том, высадятся ли они на Британские острова, и хватит ли у них сил для блокады Англии, но было ясно другое: при желании русские, под восторженные аплодисменты европейцев, за несколько недель могут выместить из Европы, как сор из избы, армии любых других стран. Даже при имеющемся соотношении сухопутных сил два к одному, а не три к одному, необходимых для наступления, они могут выйти не только к Ламаншу на северо-западе, но и к Гибралтару на западе европейского континента в самое короткое время. И будет одна большая красная, коммунистическая Европа. Сейчас на основании договорённостей Россия вступит в войну с Японией. Это неминуемо приведёт к возникновению красного

Китая. Сталин не упустит такой возможности. Но китайская опасность – это ещё далёкая перспектива, а красный Париж, Рим и Мадрид могут уже сейчас занять своё место в списке столиц рядом с Варшавой, Будапештом, Прагой и Белградом. Не говоря о Берлине, который третий раз за всю свою историю оказался в русских руках.

На полях плана операции «Немыслимое» английский премьер, точно опасаясь, что потомки упрекнут его в излишней кровожадности и в коварстве, своей рукой начертает: «Сохраняя кодовое название «Немыслимое», командование предполагает, что это всего лишь предварительный набросок того, что, я надеюсь, всё ещё чисто гипотетическая вероятность».

* * *

Победа! Она незримо легла на всю необъятную Родину, проплывавшую под крылом дальнего бомбардировщика. Заняв место штурмана в известном ему ещё с сорок первого года «Ил-4», Суровцев во второй раз меньше чем за два месяца летел на Дальний Восток. Не переставая при этом удивляться тому, с какой лёгкостью он привык к перелётам. За последние месяцы его налёт составлял никак не меньше пяти-восьми десятков часов. «Курсанты лётных училищ меньше летают прежде чем попасть на фронт», – с горечью отметил он. Не без удивления, он также не раз и не два замечал, что не только люди старшего поколения, но и его ровесники боятся летать. «Хотя чему удивляться! Ещё тридцать лет тому назад люди боялись пересечь с телеги в автомобиль. Не говоря уже о паровозе. Зря.

Где как не в полёте человек может ощутить свои силы и своё величие одновременно с необходимостью смирения перед волей Создателя, навечно связавшего человеческое бытие если и не с самой землёй, то с земными условиями жизни! И даже вырвавшись за пределы атмосферы, преодолев земное тяготение, человек будет вынужден дышать воздухом, если и не земным, то абсолютно схожим по своему составу с воздухом оставленной им планеты», – размышлял генерал.

Перелетев через Урал, пролетая над Сибирью, он непроизвольно стал выхватывать взглядом озёра идеально круглой

формы. Сначала в Барабинских степях, затем среди густой сибирской тайги дальше на востоке они притягивали и притягивали его внимание. «Не иначе, идеально круглые линзы озёр – следы падения многих и многих метеоритов», – подумалось ему. Если в европейской части России, основательно изменённой людьми, это не так бросалось в глаза, то в малолюдной Сибири, при огромном количестве водных запасов, это казалось совершенно очевидным. А ещё он очень удивился бы, что когда-то один французский лётчик уже описал в одном своём произведении целое высокогорное плато на севере Африки, усеянное метеоритами. С книгами Антуана де Сент-Экзюпери ему ещё предстояло познакомиться. Сам этот перелёт был особенным и знаковым. Он точно перелетал в другое время и в другую жизнь, как будто переходил в другое измерение.

Но прежде ему предстояло поставить некую точку... Не случайно он предлагал выделить мероприятия, которые ему приходилось и опять придётся осуществлять в Китае, в самостоятельную операцию под кодовым названием «Квантунский аккорд». Его предложение по названию было отвергнуто, но от этого сам замысел и суть действий не изменились. Десантные операции, которыми следовало завершать разгром японской Квантунской армии, по своему характеру были похожи на заключительные аккорды сложного симфонического произведения.

* * *

Маршал Василевский до сих пор, несомненно, был и остаётся представителем совершенно особого типа полководцев. Чего стоит только его собственное признание: «Из тридцати четырёх месяцев войны двенадцать месяцев я работал непосредственно в Генеральном штабе и двадцать два – на фронтах, выполняя задания Ставки».

Баланс сложился явно не в пользу штабной работы. При этом деятельность Генерального штаба была наиболее выстроенной именно под его руководством, а в его собственно полководческой деятельности на фронте были личное руководство наступательными операциями по освобождению Белоруссии и Прибалтики. Между ними была Восточно-Прусская

операция, отдельный эпизод которой, взятие Кенигсберга, сделал бы честь любой полководческой карьере. Теперь Александру Михайловичу предстояло возглавить целую военную кампанию против Японии.

С документами на имя генерал-полковника Васильева специальным поездом Василевский 5 июля 1945 года прибыл в Читу. По решению Ставки Верховного главнокомандования с ним приехали командующий ВВС Советской Армии главный маршал авиации А. А. Новиков, заместитель командующего артиллерией Советской армии маршал М. Н. Чистяков, заместитель командующего войсками связи Н. Д. Псурцев, заместитель начальника тыла генерал-полковник В. И. Виноградов.

Весь день Василевский был занят тем, что выслушивал доклады и знакомился с обстановкой на фронтах. Представителям Ставки в этой очереди докладчиков было отведено последнее место. Поэтому в штабной вагон командующего Суровцев попал поздним вечером, последним из числа докладчиков. В вагоне кроме Василевского он застал главного маршала авиации Новикова. Маршалы выглядели уставшими. Василевский к тому же был заметно раздражён. И причиной этого раздражения явилось само появление Суровцева. Перед отъездом из Москвы Сталин вдруг поинтересовался у маршала, чем сейчас занимается на Дальнем Востоке работник оперативного управления Генерального штаба генерал Суровцев. Не успел Василевский удивиться такому вниманию вождя к личности генерала, как Верховный сказал ему, что было равно приказу:

– Вы лично отвечаете за безопасность этого человека на фронте. Имейте это в виду, товарищ Василевский. Лично.

Что имел в виду сам Сталин, он не объяснил. Может быть, готовились репрессивные меры по отношению к генералу? Коварство вождя часто имело такое проявление через видимую заботу. А может быть, и наоборот? За Сталиным водились странные привязанности и симпатии к некоторым людям. Но не принимавший в работе никакой семейственности и протектирования кого бы то ни было маршал был сильно уязвлён таким приказом.

К тому же труднообъяснимый ассоциативный ряд свя-

зывал эту сталинскую заботу о генерале с одним непростым обстоятельством личной жизни Александра Михайловича. Однажды, так же вот запросто, Сталин поинтересовался у него его родителями. И когда маршал сказал, что из идейных соображений не поддерживает отношения с отцом-священником, услышал наставительное:

– А почему бы вам не съездить к вашему отцу. Вы так давно не виделись с ним.

Отношения с семьёй Василевский с радостью восстановил. Но какой-то неприятный осадок от такого подхода к делам семейным остался.

* * *

– Докладывайте, – сухо приказал Василевский.

– Товарищ маршал, в соответствии с директивами Ставки военными советами фронтов на каждом из них созданы учебные подразделения для старших командиров.

– Отставить, – прервал доклад Василевский, – так дело не пойдёт. Возьмите конкретный фронт и на его примере доложите, что делается. Начните с Приморской группы.

– Есть! – ничуть не смутившись, ответил Суровцев, про себя, впрочем, отметив, что маршал по привычке называл Первый Дальневосточный фронт Приморской группой.

Главком авиации Новиков с интересом наблюдал за докладом генштабиста. Факт того, что Суровцев генерал Генерального штаба, не вызывал у него никаких сомнений. Другой бы кинулся искать нужный документ или сбился бы, как уже бывало сегодня при других докладах, а этот, наоборот, кажется, вздохнул с облегчением, положил на стол папку с бумагами и продолжил доклад без записей, как по писаному листу:

– На Первом Дальневосточном фронте в настоящее время работают три группы офицеров-инструкторов. Каждая в количестве двенадцати человек укомплектована общевойсковыми офицерами, а также танкистами, артиллеристами, связистами и сапёрами. Все из числа командного состава пятой армии, прибывшей из Восточной Пруссии. Лекции и доклады читаются по тематике наступления на хорошо укреплённые позиции противника. С учётом опыта именно Восточно-Прусской опе-

рации... Отдельно рассматриваются вопросы взаимодействия родов войск и связи. По каждой теме проводятся семинары. В частях, прибывающих с запада, местными инструкторами ведутся занятия по тактике применительно к горным и пустынным местностям.

– Ладно, – прервал его Василевский, – с этим всё ясно.

Что по десантным операциям?

* * *

– Считаю нецелесообразным вмешиваться в планирование десантных операций Тихоокеанского флота. Общее руководство и контроль над морскими десантами осуществляет лично нарком Кузнецов. Планы разрабатывались в течение двух лет и к ним нечего добавить. Хотя хотел бы рекомендовать подкрепить десантные операции моряков в четырёх портах. А именно: на Сахалине – в Отомари, на Корейском полуострове – в Пхеньяне, на Квантунском полуострове – в городах-портах Порт-Артуре и Дальнем.

– Вы, я смотрю, тут и исторические названия Даляню с Люйшунем вернули, – прокомментировал слова подчинённого критически настроенный командующий. – Не рано ли?

Суровцев едва сдержался, чтобы не ответить. Но продолжал, как будто и не слышал замечания в свой адрес:

– Хотелось бы рекомендовать создать штаб по разработке сухопутных десантных операций. Авиационные части стали столь разнообразны по назначению, что вопросы плохого взаимодействия могут поставить под угрозу сами эти операции. Предлагаю для обеспечения высадки десантов создать специальные авиационные отряды. Далее... По аналогии с моряками общее командование сухопутными десантами необходимо возложить на военачальника самого высокого ранга.

– Что за манера у вас такая появилась – давать рекомендации главкомам и командующим родами войск? – поинтересовался Василевский, глядя на Новикова.

Неожиданно за Суровцева заступился сам главный маршал авиации:

– Александр Михайлович, генерал говорит дельные вещи.

– Вы так считаете? Ну что же, побеседуйте. Вы побеседуй-

те, а я послушаю, – доставая курительную трубку, согласился маршал.

– На территории противника в рамках рассматриваемого театра военных действий находятся сто тридцать три аэродрома и более двухсот взлётно-посадочных полос.

– Ни черта себе! Ай да японцы, ай да молодцы! – не мог справиться с изумлением Новиков.

* * *

– Товарищ главный маршал, нам не следует производить расчёт авиации противника от количества аэродромов, – продолжал Суровцев. – Многие из них использовались и используются только как резервные. Нас интересуют, кроме уже мной перечисленных, ещё не более пяти-шести. Заниматься всеми сразу – значит распылять силы.

Василевский хотел сделать ещё какое-то замечание своему подчинённому, но не успел. Новиков заинтересованно спросил первым:

– Почему вы заговорили об авиационных отрядах? Поясните.

– Авиационный отряд должен состоять из одной-двух эскадрилий штурмовиков, чуть большего количества истребителей и, разумеется, транспортной авиации, по потребности десанта.

– Почему вы не упомянули бомбардировщики? – опять спросил Новиков.

– Бомбардировочной авиации можно поручить оставшиеся аэродромы и их взлётно-посадочные полосы, чтобы привести их в негодность. Для десантных операций будут нужны именно штурмовики. Причём без бомб, только с ракетным вооружением, чтобы не повреждать аэродромное покрытие. Объектами атаки являются аэродромы противника в крупных городах.

– Продолжайте, – окончательно заинтересовался главный маршал авиации.

– Все операции носят тактический характер. Привязываются они к прорыву основных сил на выбранном направлении. Начинаются операции с высадки парашютного десан-

та вблизи аэродрома на расстоянии не больше километра, с предельно малой высоты. Этот десант вспомогательный и отвлекающий. Почти одновременно штурмовики вместе с истребителями прикрытия, если они не вступили в бой в небе, производят огневую штурмовку аэродрома из всех видов своего вооружения. Особое внимание зениткам и самолётам на взлёте. Силы основного десанта, не парашютного, приземляются на доставивших их самолётах сразу после штурмовки. Некоторые японские аэродромы имеют до двух и более взлётно-посадочных полос, соответственно мы иногда будем иметь ещё несколько бетонных рулевых дорожек, на которые без труда могут приземлиться опытные лётчики. Как, впрочем, и взлететь, – закончил он характерным жестом ладони, свойственным лётчикам.

– Вы, часом, не лётчик? – серьёзно спросил Новиков.

– Нет. Скорее, парашютист. Приходилось иметь дело с парашютами, – ответил Сергей Георгиевич. – Но с лётчиками вопросы выброски мной обсуждались.

– Главное, чтобы парашютист не стал авантюристом, – не удержался от замечания Василевский.

– Доводилось прыгать с парашютом? – в свой черёд спросил Новиков.

– Доводилось... И с парашютом прыгать, и в воздухе под обстрелом вражеского истребителя побывать тоже довелось.

– Когда это, позвольте узнать? – не смог справиться с раздражением Василевский.

– Осенью сорок первого. Другие подробности могу сообщить только с особого разрешения верховного командования, – всё же огрызнулся Суровцев.

– Ну а почему не просто выбросить десант, как это до сих пор было принято? – продолжал интересоваться Новиков.

– Почему так не следует поступать, мог бы объяснить маршал Жуков. Кажется, он утверждал план стратегического десанта осенью сорок третьего на Днепре? – глядя на Василевского, ответил Сергей Георгиевич.

Василевский знал подробности утверждения Жуковым Днепровской десантной операции. Заместитель Верховного главнокомандующего Жуков подмахнул план, даже не пред-

полагая, что план этот, мягко говоря, абсолютно не готовый. В результате десант приземлился в районы развёртывания вражеских дивизий. Был рассеян и почти полностью уничтожен за исключением одной бригады, сформированной из остатков десанта на вражеской территории каким-то инициативным командиром, представленным за свои действия к званию Героя Советского Союза.

– Можно ещё у немцев спросить, почему они после крупнейшей операции своих десантников на Кипре вовсе отказались от крупных операций такого рода, – сухо продолжал Сергей Георгиевич.

– И почему? – спросил Новиков.

– Гитлер личным приказом запретил из-за огромных потерь.

– А это-то вам откуда известно? – почти вспылил Василевский.

– Фельдмаршал Паулюс поведаль в минуты откровения, – нарочито спокойно ответил Суровцев. – Разрешите идти?

Александр Михайлович, действительно, уже как-то и подзабыл, что генерал Суровцев не совсем обычный генерал. Зато он помнил, что у генерала было ещё одно поручение, которое он выполнял уже не только как генерал Генштаба, но и как представитель НКВД. Но сама ситуация в этом разговоре теперь была такова, что выйти из неё достойно было не просто. Маршал решил пойти навстречу генералу и отпустить его. Но всё же спросил:

– У нас есть ещё вопрос, который нам нужно обсудить?..

– Так точно, товарищ маршал. План действий пограничных войск НКВД требует вашего утверждения.

– Вот что. Соберите генералов-пограничников. Познакомимся и поговорим. Вы свободны.

Не сказав больше ни слова, отдав честь, Суровцев чётко повернулся и вышел.

– Ну и что скажешь, Александр Александрович? – обратился Василевский к Новикову.

– А что я скажу? Как лётчик тебе скажу... Хорошо, что немцы до таких вещей в своё время не додумались. А ведь могли бы. Всё у них для этого было. Аэродромная охрана – бойцы

всегда неважные. И лётчики в небе могут быть асами, но на земле они вояки жалкие. И ты представь: к японцам, прямо на аэродром, приземляются самолёты, набитые нашими голворезами... Тут прямо по Суворову, можно сказать, получается: удивил – значит, победил. А всего-то нужно было отойти от теории «глубокой операции» и привязать все действия к аэродрому противника во время наступления передовых сил фронтов.

* * *

– Не авантюра?

– Нет. Есть очень интересные аспекты. Мы и вражескую авиацию парализуем, и представь, как просто доставлять десанту подкрепления и боеприпасы. Ещё и раненых можно эвакуировать. Есть о чём подумать. Понравился мне твой генерал. Очень понравился.

– Да и мне он нравится. Оттого и злюсь.

– Разве так бывает?

– Бывает, когда подчинённый умный, образованный и цену себе знает... Когда талант у подчинённого есть. Он генералом ещё в девятнадцатом году был. И у него за плечами ещё дореволюционная Академия Генштаба. Чего мне его любить, если я до революции ускоренный курс военного училища окончил и выше штабс-капитана в старой армии не поднялся. Хотя оно и к лучшему... Иногда, правда, подлая мысль приходит: как бы мы в сорок первом воевали, если бы у нас ещё дореволюционные кадры были?

– А хорошо бы звучало... Квантунский аккорд... Поэзия, да и только, – заметил коллеге Новиков.

– Не надо нам поэзии, – раздражённо ответил Александр Михайлович, – обойдёмся привычной фронтовой прозой.

* * *

Наша армия, действительно, просто не оставляла японцам никаких шансов даже на сопротивление. Русская бомбардировочная и штурмовая авиация забрасывала бомбами и прошивала ракетами японскую передовую. Хорошо обученная русская пехота вслед за танками безбоязненно шла за огнём

валом разрывов, создаваемым своей артиллерией. Ворвавшись в перепаханые бомбами и снарядами японские траншеи первой линии обороны, практически не останавливаясь, пехота шла дальше, сея смерть и уничтожение всему, что ещё двигалось и сопротивлялось. И только тяжелораненые, потерявшие сознание японцы имели на передовой шансы остаться живыми. Артиллерия переносила огонь дальше в глубину обороны противника. Артиллерийские корректировщики и корректировщики авиации выискивали и указывали новые цели для обстрела и бомбёжки. Танки давили и крушили заграждения.

Трудно было даже представить и поверить, что до самих основных сражений два советских фронта преодолели один безводную, не проходимую в это время пустыню Гоби, а другой фронт перевалил через горные цепи Большого и Малого Хингана.

Пятнадцатого августа Василевскому позвонил Сталин. Поводом послужило сообщение о безоговорочной капитуляции Японии, сделанное японским императором накануне.

– Что японцы? – спросил вождь.

– Дерутся, как и до капитуляции, товарищ Сталин, – доложил Василевский.

– Нам тоже не следует ослаблять натиск. Завтра мы опубликуем в «Правде» нашу позицию по этому вопросу. До свидания.

Александр Михайлович ждал, что Сталин скажет что-нибудь о применении американцами неделю тому назад атомного оружия при бомбардировках японских городов. Но генералиссимус об этом не сказал ни слова. Звания Героя Советского Союза и генералиссимуса были присвоены Сталину по представлению командующих фронтами. К концу войны маршальское звание главнокомандующего составило большое неудобство даже при обращении. К вождю с погонями на плечах обращаться как к «товарищу Сталину» стало несуразно, а «товарищ Маршал Советского Союза» из уст такого же маршала часто звучало как тавтология. Но и «товарищ генералиссимус» звучало странно.

* * *

Для человека, далёкого от авиации, понятие «аэродром» ограничивается географической точкой на карте и местом базирования самолётов. Даже постоянно летая воздушным транспортом, мало кто может сказать, как аэродром устроен. Разве только все знают, что он имеет здание аэропорта и взлётно-посадочную полосу, с которой взлетают и на которую же садятся летательные аппараты. Между тем в самом устройстве аэродрома много любопытного. Взять хотя бы ориентированность взлёта и посадки. Самолёты всегда взлетают и садятся строго с востока на запад. И причиной тому отнюдь не желание строителей и лётчиков, а законы самого серьёзного масштаба. На всеохватывающий закон всемирного тяготения наслаиваются законы не только планетарного, но и вселенского значения. Взлёт и посадка ещё и потому являются одними из самых ответственных моментов полёта, что напрямую связаны с вопросом вращения планеты.

Идеи по организации десантных операций обросли конкетикой. Благодаря воздушной разведке командование до деталей знало аэродромы, на которые предстояла высадка посадочных десантов. На аэродромах нашей авиации можно было наблюдать странные картины. Заслуженные, со многими наградами на груди офицеры-лётчики с серьёзными лицами ходили друг за другом с маленькими макетами самолётов в руках. Пилоты то выстраивались в какие-то фигуры, то начинали ходить по кругу, опуская руки с игрушечными самолётками к земле. Не успевали они отойти в сторону, как уже другая группа пилотов с такими же самолётками в руках сменяла их над макетом японского аэродрома. Офицеры-десантники наблюдали за происходящим. Делали отметки в своих планшетах. О чём-то договаривались с авиаторами. Чтобы уже через час заниматься со своим личным составом, который обучался прыгать с движущегося грузовика. Тренировки продолжались с увеличением скорости движения. С таким расчётом, что именно с такой же скоростью будет двигаться только что приземлившийся на вражеский аэродром транспортный самолёт. Наконец, провели показательную тренировку с настоящими самолётами. На посадочно-взлётной полосе в окрестностях

Благовещенска присутствовал главнокомандующий ВВС Советской армии А. А. Новиков.

– Сдаюсь! Сдаюсь! Молодцы! Все молодцы! – подвёл итог учебной высадке главный маршал Новиков, когда подразделение отборной пехоты, высадившейся с приземлившегося самолёта, «атаковало» наблюдательный пункт.

Александр Александрович подошёл к стоявшему в стороне Суровцеву. За ним следом двинулась целая свита генералов и старших офицеров ВВС.

– Работает! Да как хорошо работает, – пожимая руку Сергею Георгиевичу, говорил Новиков, – хочу просить руководство прикрепить вас к нам.

* * *

Эскадрилья штурмовиков «Ил-2», выстроившись колонной и перевалив через пологие сопки, на малой высоте, попарно, заходила для атаки на аэродром города Мукден со стороны солнца. Реактивными снарядами, огнём пушек и крупнокалиберных пулемётов, на бреющем полёте штурмовики поочерёдно прошивали и пронзали смертельными трассами воздушное и наземное пространство аэродрома. С первого захода наши лётчики заставили замолчать японские зенитки и разожгли на самолётных стоянках десятки костров из уничтоженных на земле крылатых машин противника. Уже первый, уверенный удар штурмовой авиации оказался сокрушительным. Но отлаженная в недавних боях с немцами тактика боевого применения «ильюшиных» не предполагала поверхностного отношения к поставленным задачам. Создав в воздухе подобие карусели, самолёты, называемые за свой характерный силуэт «горбатыми», обрушивались с высоты и безостановочно расстреливали боезапас по наземным целям. Точно закрепляя успех, вслед за штурмовиками, поливая неприятеля кинжальным огнём, несколько раз над головами ошеломлённых японцев прошла истребительная авиация, которой не нашлось применения по своей воздушной специализации из-за отсутствия в воздухе вражеских истребителей.

Минута затишья, и новый гул многих авиационных двигателей пробивал себе путь с небес к земле. Из транспортников

примерно в километре от аэродрома был выброшен парашютный десант. Погасив парашюты, десантники выстроились в цепи и, казалось, что не торопясь, двинулись к аэродрому. Почти сразу же за этим набитый до крайнего предела транспортный «Ли-2» совершил посадку на взлётно-посадочную полосу раскуроченного наземного объекта. Едва посадочная скорость самолёта дошла до тридцати километров в час, как из открытой бортовой двери транспортного средства по одному посыпались десантники. Они выпрыгивали, откатывались в сторону и с перебежками, стреляя на ходу, бежали к зданию аэропорта. Самолёт между тем развернулся и вырулил на позицию взлёта. Последними из открытого люка десантировались миномётчики с батальонным миномётом и радист с рацией. Пустой транспортник почти сразу начал разбег перед взлётом и с лёгкостью совершил и то, и другое прямо с рулевой дорожки. Едва его шасси оторвалось от земли, как миномётчики сделали первые, торопливые, выстрелы из своего орудия, а на освободившуюся взлётно-посадочную полосу приземлялся уже другой очередной транспорт.

Вся высадка заняла не более пятнадцати минут, которых парашютному десанту хватило, чтобы преодолеть проводочные заграждения вокруг аэродрома и присоединиться к десанту посадочному. Поддерживаемые огнём уже целой миномётной батареи, десантники быстро захватывали сложное авиационное хозяйство. Стена минных разрывов отодвинулась от переднего края в глубину расположения разрозненно оборонявшейся аэродромной охраны. «Ура!» атакующих и стрекот автоматов стал более явным и грозным.

* * *

Суровцев сидел на поставленном набок пустом ящике от мин. По прекратившейся стрельбе, по наступившей тишине, в которой вдруг точно в мирное время вдруг застрекотали кузнечики и запели жаворонки, стало понятно, что дело кончено. В одно мгновение он точно потерял интерес ко всему, что происходило и происходит сейчас вокруг. Равнодушно смотрел, как, нещадно дымя, с треском горят разбитые японские самолёты, как вдали, у здания аэропорта, десантники бесце-

ремонно выстраивают строй уже обезоруженных японцев. Бывалые миномётчики молча курили рядом, присев кто на пустой ящик, кто прямо на землю. Среди артиллеристов своим отстранённым видом особенно выделялся усатый пожилой солдат с двумя орденами Славы и с длинным вертикальным рядом нашивок за ранения на другой стороне груди. Было видно, что солдата-ветерана вообще не интересовало, что сейчас творилось на месте недавнего поля боя. Результатов работы миномётов, как и самой войны, насмотрелся он за свою жизнь немало. И только молоденький радист, прикреплённый к Суровцеву, не успевший по-настоящему понюхать пороха, готов был бежать к месту недавнего боя, чтобы своими глазами увидеть побеждённых врагов.

А посмотреть было на что... Серия тактических десантов продолжала преподносить сюрпризы... Сутки назад в Харбине воздушный десант под командованием заместителя начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майора Г. А. Шелахова неожиданно захватил в плен самого начальника штаба Квантунской армии Х. Хата. Что не могло не содействовать ускорению капитуляции японской армии. Только что со своей свитой и с японскими советниками в полуразрушенном здании аэропорта группой десантников под командованием Черепанова был захвачен в плен император Маньчжурии Пу И, собиравшийся вылететь из Мукдена в Японию.

* * *

В синем, безоблачном небе, над головами победителей и побеждённых, вдруг стало собираться лёгкое облачко. Не смешиваясь с чёрными дымами пожаров и находясь несоизмеримо выше едкого дыма, небесное новообразование на глазах изумлённых людей стало большим и серым. Вдруг из облака полился мелкий и тёплый дождь. Явление почти небывалое для этой местности и для этого времени года.

Неожиданный дождь быстро истощил запасы небесной воды и прекратился, едва начавшись. В безоблачном небе снова светило солнце. Довершая необычность и нереальность происходящего, в сотне метров от людей в небо устремился створ крупной радуги.

Суровцев встретился взглядом с пожилым солдатом-миномётчиком с орденами Славы. «Никакой он не пожилой. Вероятно, мой ровесник», – вглядевшись пристальнее в морщинистое лицо рядового, подумал генерал.

– Однако молиться в таких случаях надо, товарищ генерал-лейтенант, – разглядывая радугу, вдруг заявил солдат-ветеран.

– Так помолись. За чем дело стало? – предложил Сергей Георгиевич.

– Я, товарищ генерал, ещё в Гражданскую войну все молитвы позабывал. Если бы не эта война, то и «Отче наш», наверное, уже никогда бы и не вспомнил.

– Царю Небесный, утешителю, Душе истины, иже везде сый и вся исполняй, – сняв фуражку, неторопливо осенив себя крестным знамением, проговорил Суровцев. – Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и прости беззакония наша, и спаси Блаже, души наша.

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас, – крестясь, присоединился под удивлёнными взглядами сослуживцев к генеральской молитве солдат.

МАМБАБА

Рассказ

Полине нетрудно было найти нужную улицу и дом под номером тринадцать.

– Вот он, тот самый, тринадцатый, – вполголоса сказала сама себе Полина. И, чтобы окончательно убедиться, порывшись в сумочке, нашла записку: «Садовая, номер тринадцать, Крутова Анастасия Васильевна».

– Настенька, Настёнка, милая девчонка, – открыв калитку и напевая, пробиралась по узенькой тропке, кругом заросшей лопухами и настырно цеплявшимся за юбку репейником.

На двери кнопки для звонка не было, да и откуда ей в деревне-то появиться. Здесь всё нараспашку – и души, и двери. Лишь на ночь затворяют изнутри на крючок.

Постучала в дверь, затем ещё и ещё. Но к двери никто не подходил и не было слышно приглашения. Так и не дождавшись ответа, Полина, слегка приоткрыв входную дверь, для храбрости крикнула:

– Есть кто живой?..

Но тишина настораживала.

– Бабушка, Анастасия Васильевна-а-а, где вы-ы? Ау-у.

Наконец в ответ откуда-то с печи донёсся приглушённый хрипловатый голос:

– Ну что, что раскудахталась? Заходи, не в лесу же, – раз-укалась.

– А вы всё молчите да молчите, и я испугалась. Тишина какая-то...

– А с кем мне тут ворковать-то? Рыжик был и тот сбёг, а может, собаки задрали, вон их сколь развелось, чуть ли не в каждом дворе... А я, девка, знала, что тебя ко мне отправили, располагайся, – всё мне веселей будет. Кровать выбирай, у меня их целых две, а я здесь, на печке, косточки прогреваю. С утра протопила, а всё жарит.

В квартире действительно было тепло, уютно и светло. От герани, которой заставлены все подоконники, по квартире исходил аромат. И Анастасии Васильевне, похоже, наскучило одной, или сама по себе говорунья, не давала вымолвить словечка Поле, продолжила: – Верчусь вот с боку на бок, пока жива – смерть не берёт, устала уже... Ноги-то на погоду ноют, никудышные они у меня, всё испытали. Да что это я о ногах... Торопко, но с усилием бабуля слезла с печки и подошла к Полине:

– Да ты, я смотрю, худющая-то какая... Как звать-то тебя?

– Полина, – ответила девушка, доверительно глядя на бабушку.

– Полюшка, значит. Ты присядь, присядь, в ногах правды нет, устала, поди, с дороги. Сейчас чайку попью, свеженького заварю, смородинного листку подброшу, всё вкусней будет, – захолопотала бабуля.

– Спасибо, – потирая руки, довольная, ответила Поля, присев на старинный деревянный сундук. Она действительно чувствовала усталость.

Бабуля села напротив неё на табурет, и, сунув ноженьки в коротко, как тапочки, обрезанные валенки, продолжила разговор:

– Блузка на тебе вон богата, а коса-то, коса-то кака... – и потянулась к своей голове. Воткнула гребёнку в тончайшие волосёнки, понуро продолжила:

– Была у меня коса... да сплыла... – после тифа весь волос вылез, голова коростами покрылась, под пацана потом стриглась. Всё в платок куталась. Но коросты-то меня и спасли...

Старческие губы дрогнули, бабуля замолчала, и в комнате зависла тишина. Но спустя несколько мгновений Анастасия Васильевна, совладав с собой, продолжила:

– Когда война началась, мне девятнадцатый год шёл, братику моему Феденьке – шестой. Славный был парнишечка, с детства судьбой обиженный – немой родился. Меня сильно любил, и я его тоже. Мамонька наша в болоте утопла, батя на фронте погиб, остались мы с Феденькой вдвоём.

Немцы, когда в наше село пришли, стали свои порядки наводить, над народом измываться. Как-то утром к нам в хату немецкий офицер заявился, начал ко мне приставать. Феденька

защищать меня хотел, укусил его за руку. Фриц этот, фашист, кулаком его ударил, зуб ему выбил, и опять ко мне полез. А я незадолго перед этим тифом переболела, наголо острижена была. Сорвала с себя платок. Голова моя вся в коростах... Кричу ему: «Полюбуйся, фашист поганый, на меня!» – немец плюнул и из хаты вон.

А на другой день немцы окна нашей хаты досками забили, дверь подпёрли и подожгли. И ещё две хаты, где тифозные больные были, сожгли. Боялись, чтоб не заразиться.

Нам-то с Феденькой после того, как у нас немецкий офицер побывал, сразу бежать из села надо было, так ведь не думала я, что так всё обернётся... Анастасия Васильевна опять, на сей раз надолго, умолкла.

Полина, видя, что ей тяжело вспоминать то страшное прошлое, хотела отвлечь её от горьких воспоминаний, сказать о чём-то не связанном с ними, но поняла, что старушке станет легче, если она выговорится. И Анастасия Васильевна, справившись с волнением, продолжила:

– Подпол в нашей хате был глубокий, спустились в него. Задыхаемся от дыма.

Федюшу, Феденьку на руки, прижимаю мальчонку к себе, и он ко мне жмётся, защиту ищет... Что-то сказать хочет и не может... Задохнулся у меня на руках.

Анастасия Васильевна истово перекрестилась.

– Безгрешный ребёночек, поди, встретился на небесах с родителями. А меня сосед, дядя Илья, спас – чуть живую из подпола вызволил. Только не мил мне был тогда белый свет – ведь братика своего я не спасла, из-за меня погиб...

Надо было, когда немцы пришли, из села бежать, надо было...

Феденьку на погосте схоронила, соседи помогли. И решила с собой покончить.

Болото неподалёку от нашего села большое, теперь-то оно подсохло, а тогда топкое было, считай, заросшее озеро. Пошла к нему. Мамоньку там трясина затянула, и я утоплюсь. Бреду по топи, чую, как она меня всё глубже затягивает... Вдруг слышу – кто-то позади свистит. Неужто, думаю, немцы за мной гонятся? Обернулась, вижу, кто-то по колено в болотине стоит и

мне машет. Пало на ум – может, батя мой не погиб, может, фамилию в похоронке перепутали и он домой воротился и меня зовёт...

Пригляделась – нет, не батя, а из соседнего села мужик. Я его малость знала, когда немцы пришли, он к партизанам подался. И тут, значит, зачем-то к болоту пришёл и меня увидел. Стою, смотрю на него, а он ко мне кое-как подошёл и за руку схватил: «Дура, жить надоело? Пошли со мной, ворочаться тебе некуда, будешь в партизанском отряде фашистам за отца и братишку мстить». Так в партизанском отряде без малого год я и пробыла.

Несколько раз на краю могилы была, да вот – уцелела.

Замуж вышла за Николая, за того самого, который меня из болота вызволил.

Советно с ним жили. Он смиренный был, печник хороший, вот эту печку он клал. А детей у нас не было, не довелось, в болоте, видно, всё позамораживала... Чужих детей растила, нянькой была.

И Анастасия Васильевна погладила Полинины волосы: «Хорошая у тебя, Поля, коса, а у меня волосы там, где коросты были, так и не отросли. Мазали мне в отряде дёгтем и синькой, ничего не помогло...

Что же это я про чай забыла, – спохватилась Анастасия Васильевна.

– Сейчас, сейчас всё улажу, и борщ наваристый есть с капусткой квашеной.

А мне ещё вчера сказали, что с города к нам новую учительку пришлют. Комнату тебе в бараке дадут, бабы, что помоложе, вчера её белили, завхоз сказал: «Пусть покаместь учительница у бабки Настасьи поживёт, а к сентябрю квартиру ей наладим».

Так там холодно. А ты оставайся у меня, внучкой мне будешь?» – «Буду, – кивнула Поля, – у меня нет бабушки... И мамы тоже нет, детдомовская я. Можно, буду звать тебя Мамбабой?»

– Да мне только в радость будет, – ответила довольная Анастасия Васильевна. – Тебя сам Бог ко мне послал...

Больше трёх лет жили они душа в душу. Полина Анастасию Васильевну так и звала Мамбабой.

В летний солнечный день умерла Мамбаба. И деревни той уже в помине нет. Лишь на кладбище кое-где холмики и крестики уцелели. Уцелел и Анастасьин крест с надписью «Дорогая Мамбаба».

ПОДВИГ

Рассказ

Наверное, многие из вас в детстве играли в войну. И каждому хотелось быть победителем, совершить какой-то подвиг, почувствовать себя героем. Так вот и мы с Юркой, с племянником моим. Было нам лет по семь, не более. Разница в возрасте в три месяца. Старшей я себя считала. Может, поэтому всегда я Юрку на подвиги сманивала. Жили в Батурино, посёлок большой, людной, труженики все.

Лето, жара, июль. Мы с Юркой плюхаемся в речке Болван, мелкая, правда, речушка, зато родители нас смело отпускали одних. В самых глубоких местах вода достигала нам по горло, но мы туда не лезли, нам и по пояс хватало.

Накупавшись досыта, собрались домой. Вдруг слышим шум – трактор едет.

– Юрка, танк! – кричу я. Ну, это мы понарошку так его называли. А трактор большой, издалека видать. – Успеем?

– Успеем! – быстро подхватил Юрка. И мы бросились бежать на дорогу. Юрка ещё прихватил бутылку, которую мы нашли на берегу реки. Хотели сдать, а на вырученные деньги халвы купить.

– Бутылку-то брось, потом возьмём!

Но он рвался вперёд, не выпуская её из рук:

– Дура ты, это граната у меня!

– А-а-а, тогда ладно.

Но бутылку мне всё равно было жалко. «Не видать нам халвы, – думала я. – Взорвёт «гранату» Юрка!»

«Танк» всё ближе и ближе. Времени совсем мало, и вот мы на дороге. Ложимся в более глубокую ложбинку, зарываясь в рыхлый, как пух, торф. Не шевелимся. Нам почему-то очень хотелось проявить свою смелость. Танк над нами проедет, а

мы живыми останемся. Бутылка не выходит из головы: вдруг Юрка руку не так вытянет, и танк бутылку раздавит? И вот последние минутки.

Сказать, что в тот момент не ощутила страха, я просто не могу, но и выглядеть трусихой тоже не могла. «Лежать, – твердила я себе. – А как же на войне?»

И вдруг резкая тишина. Громкий рёв трактора прекратился. Он остановился буквально в двух-трёх метрах от нас. Мы не успели увидеть, как выскочил «танкист», так как были закопаны по уши в торфе. Но зато я хорошо ощутила боль, тракторист трепал меня за волосы, при этом громко орал, он был просто в истерике. Юрке же досталось меньше, то ли потому, что у него волосы короткие, а за уши долго не потянешь, то ли оттого, что у меня уши маленькие, а волосам больше досталось. Да-а-а, влипли... О «подвиге» мы решили смолчать. Но на следующий день о нас говорил весь посёлок. Боялась – папка узнает, совсем лысой останусь.

Узнал и папка...

– Расскажи, доченька, как это было?

– А помнишь, ты мне про войну говорил, как там танки немецкие взрывались? Вот и мы с Юркой...

– Так это же была война! И танки немецкие. Не воюй, доченька, живи в мире.

А вместо того, чтобы оттаскать меня за волосы, крепко обнял и задумался. Похоже, он вспомнил ту, настоящую, страшную войну. Войну, которая наделала столько горя и бед.

ВОСТОЧНЫЙ ВОКЗАЛ

Рассказ

Инспектор Гофман стеснялся формы штандартенфюрера СС, особенно – блестящей кокарды на фуражке с черепом и перекрещёнными костями. Мундир совершенно не подходил этому учтивому, улыбающемуся господину в пенсне и с высокими залысинами. Он часто сутулился, поэтому сшитая на заказ шинель бугрилась на его совсем не офицерской спине и свисала вниз некрасивыми складками. В любом возможном случае инспектор предпочитал носить штатское.

Отправляясь на Восток, проверять подведомственные объекты в Генерал-губернаторстве, как в Третьем Рейхе обозвали Польшу, он тоже вырядился по-пижонски. Ведь какое удовольствие – франтом, налегке, с одной картонной папкой для бумаг, прогуляться на свежем воздухе по осеннему Берлину. Особенно – перед вагонной тряской. Багаж (с мундиром и кожаным плащом) он приказал адъютанту доставить прямо к вагону. Бежевый хлопковый плащ небрежно перекинут через руку. Светло-серый костюм-тройка из тонкой шерсти. Пиджак с отстроченными лацканами. По моде. Ботинки «дерби» на шнуровке. И, конечно, на высокой платформе, чтобы казаться выше. Мягкая дорогая шляпа. Вылитый дипломат.

От роскошной квартиры с видом на Александерплац, где раньше проживала семья еврейского банкира и куда Вильгельм Гофман заселился с повышением по службе, до Силезского вокзала – чуть более километра. Погода в начале октября стояла в Берлине прекрасная. Солнечно, на небе ни облачка. Днём доходило до +18, но к вечеру холодало. Листья на липах начинали краснеть.

Гофман любил Силезский вокзал. Здесь особенно ощущалось начало другого мира. Откуда он был родом сам. Вилли вырос и закончил ремесленное училище в Риге. Его отец проработал бухгалтером на одной фабрике всю жизнь. Но молодой немец мечтал о жизни иной. Хуторская игрушечная Лат-

вия, осколок Российской империи, не могла удовлетворить его амбиций. Советская Россия? Увольте! Он причислял себя к культурным европейцам. Потому двадцатилетний автомеханик и выбрал Германию. Пусть разорённую войной. Зато здесь была перспектива.

На этом перроне его нога впервые вступила на берлинскую землю. Такой же ранней осенью. Стемнело. Огни ночных ресторанчиков, борделей и гостиниц ослепили оробевшего провинциала. Свою первую столичную ночь он провёл в борделе с русской певичкой. Разменяв пятый десяток, Вилли так и не обзавёлся семьёй, удовлетворяя свои мужские потребности с продажными женщинами. Только теперь – арийского происхождения.

На привокзальной площади в газетном киоске «дипломат» купил BIZ, так берлинцы называли толстую еженедельную газету Berliner Illustrierte Zeitung, и почтовые открытки. Фюрер со щенком, фюрер играет на лужайке с немецкими детишками и Блонди, фюрер вместе с любимой овчаркой провожает уходящих на фронт. Развязал тесёмки на папке, положил фото внутрь, но завязывать папку не стал.

При ночном авианалёте одна из сброшенных бомб разорвалась прямо у входа в вокзал. Пострадавший участок оцепили, рабочие вставляли новые стёкла в рамы и убирали осколки. Чтобы пройти в зал ожидания, пришлось обогнуть всё здание.

Тонкое обоняние эстетствующего господина резанула вонь кофейного суррогата и одежды, пропитанной потом. В зале ожидания – битком.словно и не в Берлине вовсе, а в Варшаве или даже Киеве. Отпускники с Восточного фронта. Не меньше взвода. Вместо чемоданов – ящики из-под патронов. В баулах – сковороды и тазы, керосиновые лампы и примусы. И ещё много других разных людей, сбившихся в кучи. Все говорят-говорят, но никто никого не слушает.

– Извините, господин, что так тесно, – развёл руками дежурный полицейский, знавший штандартенфюрера СС. – Но другой зал пострадал после бомбёжки. Там сейчас идёт уборка.

– И ни одного свободного места?

Вокзальный «бык» появился.

– Там – сквозняк. И... еврей!

– Много?

– Четверо. Муж с женой и дочери-подростки. Образованные. Из Голландии, кажется. В Варшаву едут.

Гофман не смог сдерживать улыбки. Это он первым подал идею рейхсфюреру вывозить евреев из Западной Европы в польские концлагеря, как обычных пассажиров. Всё чинно, обыденно, без паники не подрывает общественного спокойствия.

Хороший случай испытать себя в духе нового героизма и душевной чѣрствости. Общаться с жертвами, как с обычными людьми, зная, что через пару дней их не станет, гораздо труднее, чем вести за собой в атаку целую роту солдат, говорил Гиммлер на секретном совещании.

Уборщица уже вымела битые стѣкла, но окна застеклить ещё не успели, поэтому в зале было свежо. На мозаичном полу проступали серо-белые разводы от известкового налѣта, осыпавшегося с потолка. Все сиденья словно покрыты инеем. Инспектор долго пытался стряхнуть пыль газетой, потом отчаялся и пожертвовал носовым платком, чтобы протереть кресло. Наконец усевшись, Гофман раскрыл газету, но потом вспомнил об открытках. Он выбрал фюрера с Блонди на параде, провожающего полки на фронт. Достал из внутреннего кармана пиджака «Parker», открутил колпачок. Золотое перо блеснуло на солнце. Проверил чернила и написал на обратной стороне открытки: «Дорогому другу Францу на память от Адольфа Гитлера. 10 октября 1943 года». И сам расписался неразборчиво, но очень похоже на подпись, которую знал каждый немец. Положив открытки внутрь папки, он аккуратно завязал тесѣмки.

Инспектор кожей чувствовал, что глава еврейской семьи обязательно подойдѣт к нему, но газету всё-таки развернул.

– Я прошу прощенья, господин. Не сочтите, пожалуйста, за бестактность. Но... Вы же едете на Запад? В Париж?

Гофман лениво поднял голову и посмотрел снизу-вверх, будто он был на полметра выше спросившего.

– Почему вы так решили? – в ответ спросил он, беззастенчиво разглядывая еврея.

Оксфордская рубашка с пристёгнутым воротничком. Твидовый костюм. Не беден. Лет под пятьдесят, умные глаза, высокий лоб, пышная шевелюра с сединой на висках. Если б не нос, мог бы сойти за испанца, эдакого дона Педро. А так...

– Соломон Кун, – словно прочитав мысли арийца, представился подошедший. – Профессор античного искусства.

И ответил на вопрос:

– Просто на восток все едут гружёные. И одеты они по-другому.

Инспектор улыбнулся, встал и неожиданно протянул руку для пожатия:

– Вильгельм Гофман, советник министра иностранных дел, – не моргнув глазом, соврал помощник другого министра рейха.

Искусствовед радостно стиснул немецкую ладонь, видимо, давно не удостаивался такой чести, и разоткровенничался.

– Видите ли, господин Гофман. Мы – из Амстердама. Тоже путешествуем налегке, но не по своей воле, а по программе переселения. Нам велели взять с собой только самое ценное. Вначале выдали предписание и проездные билеты до Парижа, там – до Берлина. А в комендатуре на вокзале Фридрихштрассе, куда мы приехали сегодня утром, – уже до Варшавы.

– И что вас смущает? Обычная бюрократическая волокита.

– Вы так думаете? А вот моя жена боится. Понимаете, между Парижем и Берлином нет существенного различия. И там, и здесь – Европа. А дальше – восточная потусторонность. Там – уже другие законы. Вернее, их отсутствие. Грабёж и насилие.

Новый знакомый демонстративно громко рассмеялся:

– Не переживайте, дружище, и супругу успокойте. До самой Москвы – уже давно германский рейх. Но что вы хотели?

Профессор замялся:

– Понимаете. Я перед отъездом забрал из типографии сигнальный экземпляр моей новой книги. И хотел попросить вас, если будете в Париже, передать её моему коллеге в Сорбонне.

– Надеюсь, это – не «Манифест Коммунистической партии»? – шутиливо поинтересовался немец.

– Что вы! Это книга по искусству древней Спарты...

В глазах Гофмана под пенсне блеснул интерес. Недавно Гиммлер обмолвился, что фюрер устроил ему настоящий разнос по поводу привязки арийских корней к диким обитателям германских лесов.

– Когда наши предки изготавливали каменные корыта и глиняные кувшины, с которыми вы носитесь, в Греции был построен Акрополь! Если бы не греки, то германцы были б, как сейчас маори... Когда нас спрашивают о наших предках, мы всегда должны называть греков.

На что глава СС попытался робко возразить, что и сам чувствует большую близость к Цезарю, чем к Арминию, но история Рима прочно занята Муссолини.

– Так ищите же, чёрт возьми! – выругался фюрер. – На Олимпе... куда я вознесусь, хочу встретить соратников, а не дикарей!

И тут, надо же, такой подарок судьбы! Искусство страны, прославившейся в веках доблестью своих героических воинов. Это тебе – не словоблудная демократия Афин! А побуждение к подвигу, к самопожертвованию. Такое нужное – именно сейчас, после проигранной битвы под Курском!

Гофман уже протянул руки к сокровищу, но зашипел громкоговоритель, и дежурная по вокзалу объявила монотонным голосом, что отправление поезда на Варшаву задерживается на один час по техническим причинам.

– Проклятая бомбёжка! – прошипел инспектор и посмотрел на часы.

Генрих, его адъютант, наверняка, уже на перроне, ищет своего начальника. Но ведь никуда адъютант с багажом не денется, они встретятся у вагона, как и договаривались, только на час позже. Зато есть время поговорить со знатоком спартанского искусства. Пока он жив.

– Это – русские сделали? – спросил еврей, показывая на разбитые окна.

Гофман снова улыбнулся.

– Что вы! У русских не было и нет стратегической авиации. Только – фронтовая. Это привет от янки. Муссолини не удержал Сицилию. Теперь они нам будут гадить часто.

Он потянулся за книгой.

– Адрес и телефон вашего парижского коллеги, надеюсь, написали?

Но в ответ профессор только крепче прижал своё детище к груди.

– Вы же едете в Варшаву!

Инспектор улыбнулся ещё шире.

– Но только на два дня. А оттуда – прямым вагоном в Париж.

Конкурентным преимуществом бывшего автомеханика из Риги, позволившим ему сделать головокружительную карьеру в рейхе, было умение быстро просчитывать возможные варианты развития событий и находить оптимальное решение. Самое простое – вызвать патруль и забрать у этого чудака его книгу. Но – это моветон. Нарушение общественного порядка. И зачем преждевременно открывать карты? В Варшаве – сподручнее. Но жалко «золотых» полсуток в поезде. Когда у него ещё будет столько свободного времени на изучение спартанского искусства? Оставалось одно – втереться в доверие.

А это ваша семья? Какая красивая у вас жена. А эти два ангелочка – ваши дочурки? Вот вам, девочки, по открытке от дядюшки Вилли. Тебе, Софочка, фюрера со щеночком! А тебе, Руфочка, с любимой овчаркой Блонди!

– Какая приятная неожиданность – встретить доброго и воспитанного бранденбуржца! – призналась забывшая о страхе профессорская жена Рахиль, красивая дама лет сорока с чувственными напыженными губами.

Инспектор заставил себя покраснеть и смущённо ответил:

– Увы, госпожа, я – не коренной берлинец, а фольксдойче. Приехал сюда из Риги двадцать лет назад.

– А я родилась в Сибири, в Томске! А мой муж – харьковчанин! – воскликнула в сердцах по-русски Рахиль. – Мы познакомились, когда учились в Московском университете. А после революции сразу эмигрировали.

Вокзал, зал ожидания – идеальное место для встречи «немецкого духа» и «русской души». Больше – по-немецки ни слова. Только – на русском. Фрау, он даже назвал её так, не надо бояться путешествия на Восток. Там – новые красивые города.

Треблинка, Собибор, Аушвиц... Все условия для жизни! Города будущего!

Ведь семья Кунов не имеет отношения к большевизму? Тогда им абсолютно нечего бояться! Да, евреи из Красного Интернационала подвергаются сегрегации. Бунтовщики. Решили отомстить европейцам за вековые преследования их этнического меньшинства. Встали во главе рабочего движения, смутили народы. Расстреливать каждого только из-за его принадлежности к имущественным классам – это явный перебор. За такое надо отвечать. В России революционеры-евреи уничтожили аристократию и интеллигенцию, веками выращиваемых германцами в неполноценной расе...

Вильгельм рассказал о своей мечте – проехать по всему Транссибу до Владивостока. Рахиль похвасталась, что половину этой дороги она уже осилила. А ещё она рассказала доброму немцу о жутком черносотенном погроме, который пережила малолетней девочкой в Томске во время первой русской революции. Как же хорошо, что культурные немецкие солдаты присмирят наконец этих взбунтовавшихся русских мужланов. Ещё они обсудили, где пройдёт граница между Тысячелетним Рейхом и японской империей. Всеведущий дипломат поведал, что предварительно обсуждалась демаркация по семидесятому меридиану, тогда бы Тюмень отошла Германии, а Омск – Японии. Но если император Хирохито будет медлить и не открывает второй фронт против Советов, то и граница отодвинется сильно на восток.

– И это будет правильно! – резюмировала жена профессора. – Томск – европейский город. Горожане будут встречать германских солдат с цветами, как освободителей!

За беседой бывших соотечественников час пролетел незаметно. Незнакомые прежде люди расстались добрыми друзьями. Дядя Вилли любезно откланялся, унося с собой «Искусство древней Спарты».

– Господин штандартенфюрер, проснитесь. Подъезжаем. Скоро Варшава, – Генрих учтиво тронул начальника за локоть.

Гофман поднял голову со столика и обвёл сонными глаза-

ми купе. Проклятье, он так и заснул, сидя за книгой, в костюме. Пиджак из чистой шерсти весь помялся. Всё тело затекло от долгого сиденья в неудобной позе. Прав фюрер, тысячу раз прав: Золотой Интернационал – ничем не лучше Красного, еврейский вирус опасен в любом проявлении. Ведь в сущности – пустая книжонка. Полезной информации из пятисот страниц – мизер. Всё спартанское искусство автор свёл к украшениям оружия и доспехов. Но как написано! Не оторваться. Разве что миф о 300 спартанцах, погибших, но сдержавших полчища персов, может в скором времени обрести актуальность. Но пока продолжим дело Пастера и Коха в борьбе с еврейским вирусом.

– Генрих, этих Кунов – в Собибор. Только пусть не моят сразу. У меня к писателю есть пара вопросов.

– Слушаюсь, господин штандартенфюрер! Всех – не мыть?

– Я же чётко сказал. Только – писателя!

За грязным вагонным окном занимался серый рассвет. Мельтешили полосатые будки стрелочников, вырубленные лесополосы, частоколы заграждений. Поезд неумолимо приближался к войне.

– Вашей семьи уже нет на этом свете. Они – в раю. Молитесь, и они вас услышат.

Что он мелет, этот проклятый русский. Соломон не хотел слушать и верить. Вторая ночь в лагерном бараке в полосатой арестантской робе. Накатила печальная волна. И зачем он спросил соседа по нарам, где содержат женщин и детей?

Но тот располагал к откровению. Врач. Лечил всех здешних обитателей. В Собибор пришёл сам. Чтобы быть ближе к жене-еврейке и десятилетнему сыну. Он тоже думал, что сможет им помочь или хотя бы увидаться. Пока не побывал в «бане». Фельдфебель, следивший через маленькое стеклянное окошко у потолка за «помывкой», наглотался угарного газа, и русского врача привели откачивать «банщика». Пациент оказался сложным, реанимация растянулась почти на два часа. За это время в «баню» вахманы из галичан загнали две партии евреев из только что прибывшего грузового состава, по восемьсот человек каждая. Доктор слышал, как вёлся отсчёт. По-немецки

педантично. Крепких мужчин отсортировали отдельно. А детей, женщин, стариков, больных – в «баню»!

– Но никто не вышел обратно оттуда. Ты слышишь? Никто! Хотя вход в помещение был только один. С трёх сторон – глухие стены. Но каждые полчаса туда заходили уборщики. В пристройке, как рой ядовитых пчёл, надрываясь, гудели старые танковые моторы. Потом один пьяный украинец проболтался мне, что пол в газовой камере – раздвижной, поэтому они так быстро убирали тела. Из подвала мёртвых вывозили на вагонетках в лес и скидывали в огромный ров. Больше я этого вахмана не видел. Команды уборщиков часто обновляются. Меня бы, наверное, тоже расстреляли. Но начальство ценит.

До Соломона дошло, что это – правда. И он разрыдался. Но рыдал молча. Извивался на лежанке, как при падучей. Руки и ноги сводили судороги. Наконец силы оставили его, и он замер.

Очнулся лишь под утро. Врач напоил его кипятком.

– За что? – еле слышно прошептал профессор.

– Бесы, – так же тихо ответил доктор. – Одержимые дьяволом. Люди на такое не способны. Искушает Сатана забывших Бога. Обвинить другого в своих бедах – самое простое. Маркс выше морали поставил классовую борьбу и призвал истреблять богатых. Гитлер – нацизм, обвинив во всех грехах евреев. Осталось только баб на мужиков натравить.

Услышав о женщинах, Соломон снова заплакал.

– Прости. С языка сорвалось, – извинился русский. – Разум без души неминуемо приводит к Антихристу. Убить и забрать чужое – самое выгодное предприятие. Затраты – только на пулю. А немцы и на этом экономят. Угарным газом людей травят. Вон какую фабрику смерти отгрохали! Убийства в промышленных масштабах...

Врач прикусил язык. По проходу к ним приближался надзиратель с двумя охранниками.

– Ты – Кун? – ткнул он хлыстом в лицо профессора. – К коменданту! И морду сполосни. А то весь в соплях!

Гауптштурмфюрер докладывал столичному инспектору о планах по увеличению производительности работы газовых камер. Открытку, подписанную лично фюрером, он поставил

рядом с фотографией своей семьи – жены и двух белокурых ангелочков-дочек.

– Господин комендант, в мастерских и на складе – бунт. Арестанты отказываются работать. Требуют увеличить рацион! – на одном дыхании выпалил с порога молодой унтер.

Хозяин лагеря извинился перед дорогим другом Вильгельмом и, похлопав ладонью по тяжёлой кобуре, направился к выходу. В дверях он столкнулся с охранниками, конвоировавшими взлохмаченного еврея.

– А вот и ваш профессор, господин штандартенфюрер. Пока я улажу вопрос в мастерских, вы и пообщаетесь. Только я – быстро...

Офицерский китель Красной Армии нового образца, отутюженный, с иголки, с лейтенантскими погонами из золотистого галуна висел в первом ряду на вешалке, прямо на выходе из оружейной комнаты.

Предводитель восставших буквально замер перед ним, как перед алтарём.

– Ну-ка, Леон, поддержи! – он передал автомат сопровождавшему его арестанту.

– Саша, времени нет! Эсэсовцы вот-вот нагрянут! – закричал бывший глава одного из еврейских гетто.

Но Печерский уже натянул поверх полосатой робы командирский китель.

– Я же тоже лейтенант, Леон. Перед окружением под Вязьмой мне присвоили звание техника-интенданта 2 ранга.

Он посмотрел в висевшее рядом большое зеркало во весь рост, и остался доволен.

– Не довелось поносить такую красоту, зато умереть в ней мне уже никто не помешает!

Командир зубами сорвал учётную складскую бирку с рукава.

– А добра-то сколько награбили, упыри! И всё – с убиенных!

С момента их душевной встречи на Силезском вокзале прошло каких-то три дня. Но для Соломона – целая вечность. Уже

нет ни хорошей одежды, ни жены, ни дочерей, ни надежды. Маски сброшены. Он – в полосатой арестантской робе. Напротив – совсем не добрый дипломат дядюшка Вилли, а настоящий людоед в чёрной форме полковника СС.

Гофман отбросил притворство и сразу перешёл к делу.

– У меня к вам предложение, профессор! – сказал он, взяв со стола «Искусство древней Спарты», словно взвешивал на ладони, как на чаше весов, весомость книги. – В фильтрационном лагере вам придётся пробыть не меньше месяца. Пока соответствующие службы проверяют вашу лояльность рейху. Но здесь каждый должен отрабатывать свой хлеб. Вы – не слесарь и не столяр. А землекоп из вас, извините, никакой. Чтобы сохранить здоровье, я советую вам поработать по специальности. У вас – отличный стиль. А мне нужна серия статей о подвигах спартанцев – для поднятия боевого духа наших победоносных войск. Чем лучше вы справитесь с задачей, тем быстрее воссоединитесь со своей семьёй.

Штандартенфюрер даже не соврал.

Заключённый не взглянул на чёрта, продолжая смотреть на пасмурное небо в зарешёченном окне.

– А где моя семья? – отрешённо спросил.

– У них всё хорошо. Комфорт и спокойствие. Как я и обещал.

Соломон вскинул глаза кверху:

– На небе?

Гофман сжал губы. Никакого порядка, никакой секретности. Даже заключённые в курсе государственных тайн. Ну, Франц! Разочаровал.

Инспектор подбирал слова, чтобы эффектно завершить мизансцену, но неожиданно в коридоре раздались выстрелы. Один из охранников приоткрыл железную дверь, чтобы посмотреть, но рухнул на бетонный пол, подкошенный автоматной очередью. В кабинет ворвался высокий и худой заключённый в кителе лейтенанта Красной Армии с автоматом. Охранник-галичанин даже не успел снять с плеча винтовку, разделив участь своего напарника.

Штандартенфюрер инстинктивно попятился назад. Большой начальник, он даже не носил с собой пистолета. Красный

командир повернулся в сторону эсэсовца, но Соломон крикнул:

– Я – сам!

Спаситель пожал плечами:

– Только кончай гада быстро. И – к выходу! В лес прорываться будем.

Месть преобразила профессора. Он вырос, расправил плечи. А плюгавенький очкарик, наоборот, вжимался в стену, готовый в ней раствориться.

– Око... – восставший цепкими пальцами, как клешнями, вырвал у палача один глаз. – За – Софочку!

– ... за око! – на бетон шлёпнулось другое глазное яблоко. – За – Руфочку!

Ослепший инспектор вопил, как недорезанный боров.

Массивный бронзовый бюст Гитлера размером со страусовое яйцо на письменном столе коменданта сам лёг в руку искусствоведа. И Соломон изо всех сил, ломая зубы и челюсти, вогнал её в сверхчеловеческую глотку до самого спинного мозга.

– Зуб – за зуб! – удовлетворённо произнёс мститель. – А это тебе – за Рахиль!

Завершив казнь, он обтёр кровь с рук модным шарфом убитого. Прощальный взгляд заметил на краю стола «Искусство древней Спарты». Соломон облачился в чёрный кожаный плащ, сунул в карман книгу и, прихватив винтовку охранника, бросился догонять своих.

ОТЕЦ ОТЦА

Рассказ

Эту историю рассказал мой отец. Ему было лет пять, заканчивалась, но ещё шла Великая Отечественная война. Отец моего отца был на фронте, а мой отец, тогда ещё не отец, а мальчик, жил со своей матерью у родственников в алтайской деревне.

В тот день на часах было не так много времени, но уже начинало мгновенно темнеть, словно белая роза сменялась на чёрную, – и тень от её лепестков, ещё более тёмная, пластом упала на земную карту, из-за чего быстро вечерело, словно мальчик стремительно старился и мог бы в скором времени умереть, если бы немецкие самолёты сумели долететь до Алтая и сбросить бомбы, сделав дыру в карте на месте этой небольшой деревеньки.

Мальчик находился дома один, в комнатах становилось темно и даже страшно, как вдруг он услышал негромкую, необычную музыку. Осторожно встав на пол, паренёк тихо направился по направлению звучания, и вошёл в соседнюю комнату, где на прикреплённой к стене доске стояла небольшая икона.

Именно из иконы, словно из репродуктора, доносилась музыка. Икона пела, лучилась звуками и отгоняла от мальчика все страхи, словно лёгким прикосновением сдувала с него чёрную пыль, пепел войны, как будто снимала с него порчу – упавшие на страну, а вместе со страной и на него, проклятия.

Музыка явственно шла от иконы – и, не поверив, мальчик скорее вышел из комнаты, а затем выбежал из дома, надеясь, что музыка принадлежала улице. Но на улице стояла тишина. Вновь зайдя в дом, паренёк снова услышал дивную мелодию, которая явственно веялась от иконы, как если бы она мироточила – и от появляющихся капель источался бы аромат. И эти ароматные капли вдруг преобразились бы в музыку, словно глаза и нос превратились в уши, – и слышал мальчик тихую, светлую игру, нежную и напоминающую радостную радугу, из

которой можно было бы получить разноцветную мармеладину, никогда ещё этим мальчиком не виденную.

Икона пела минут пять, а потом замолчала и вновь прикинулась неживой, деревянной. Когда поздно вечером вернулись взрослые, мальчик рассказал им о случившемся чуде. Взрослые, услышав рассказ о поющей иконе, не удивились, а встали перед ней в ряд и начали молиться.

Недели через две после этого происшествия на отца моего отца пришла похоронка – и мальчик решил, что его дед, отец отца, когда был убит, то в этот момент не умер, а думал о сыне и даже спел ему песню, когда сам через божий громкоговоритель передал сообщение про себя, солдата. Через икону передал он песню, словно он своего на этот раз спасовавшего ангела-хранителя напоследок попросил для сына спеть, перед смертью попросил показать сына, и в икону, словно в открывшееся окошечко, на мальчика смотрел, пока тот возле окошка-иконы стоял, музыкой замороженный.

Кровохлёбка

Торя к Победе крохотную тропку,
Искали дети, да во все глаза,
Траву красноголовник-кровохлёбку,
Что может кровь остановить-связать.

С сердцами золотыми, с жизнью нищей...
И мама с ними... – ту траву в лесах.
Её копают вместе с корневищем,
Используя потом в госпиталях.

Красноголовник мама собирала,
Чтоб отцвела кошмарная война,
Чтоб кровохлёбка кровь бойцов вязала,
И раны заживали бы до дна.

Я сам студентом травку эту ловко
Копал, сушил – в гербарии хранить.
Но где найти такую кровохлёбку,
Чтоб в новых войнах кровь остановить?

Мой Бессмертный полк

Иду в строю «Бессмертного полка»
С большим портретом бабушки в руках.
Его в живых, увы, я не застала,
И маме доля сироты досталась,
И правнуки солдата, наши дети,
Его видали только на портрете,
Что в доме на стене висел всегда...
Гвоздь врос по шляпку в стену за года.
И вот портрет мы сняли со стены,
Идём в день окончания войны
Мы с ним по городу уже который год,
И нас людской поток несёт вперёд,
До монумента в Лагерном саду.
К нему я вместе с бабушкой иду.
Иду в рядах «Бессмертного полка»,
И бабушкин портрет несу в руках,
Я будто вместе с ним сейчас иду
У города большого на виду.
Дед не успел увидеть внука, внучку,
Я не сидела у него «на ручках»,
Солдат не дожил даже до седины...
Но на него похож мой старший сын!
И в эту памятную, радостную дату
Под вешним небом с нами все солдаты,
И с каждым рядом тот, кто сердцу дорог.
Мы из конца в конец проходим город,
И наши ветераны рядом с нами,
Вот здесь, под стелами с их именами...
...Как раненую птицу, на весу,
Домой с парада бабушку несу...

Дунькина радость

– Дай-ка грамм двести мне розовых, тех, без обёртки...
«Дунькиной радости» свешай мне, Кать, для внучат!..
Это сказала в селпо старушонка в потёртом
Сером платочке, клюкой о прилавок стуча.
Мы засмеялись с подружкой смешному названию.
«Дунькина радость!» – придумают же чудаки!
Тут и старушка на нас обратила внимание,
Быстро взглянула сурово на нас сквозь очки.
– Эх вы, пичуги! Смеётесь, не зная заботы..
Этих подушечек липких вы вряд ли оцените вкус.
Вам и заморских сластей-то не больно охота,
Вас с малолетства балуют – бананы, черешня, арбуз!
В нашу-то пору и хлеба не вдоволь видали,
Всем не до лакомства было в лихие лета.
Я вот мечтала, чтоб булку мне целую дали,
Враз бы я съела её и была бы сыта!
Щавель, крапиву и прочие разные травки –
Ели мы всё это, лишь наступала весна.
Жаль только толку от них было – чуть,
Лишь затравка, вроде и ела, а вот уж опять голодна.
Был детский дом рядом с нашей деревней большою,
И отовсюду в него привозили сирот,
Малых детишек с войной опалённой душою,
Вдоволь познавших всю горечь военных невзгод.
Были там дети, которые горя хлебнули –
Мать и отца потеряли, и дом, и родных.
Смерти в лицо очень рано они заглянули,
Мы их жалели – мы были счастливее их!
Пусть им давали почти настоящую кашу,
Пусть было больше у них и картошки, и хлеба, и дров,
Ну а у нас были мамы усталые наши,
Наши дома, наш родной непотерянный кров.

Нас, «деревенских», однажды на праздник позвали
В ёлкой украшенный светлый детдомовский зал.
Как нас порадовал праздник! Как мы ликовали!

У малышей от чудес разгорались глаза.
Был карнавал и концерт, а потом нам дарили подарки:
Пряник, лепёшку и липкий комочек конфет.
Был небогат тот подарок, завернут в неяркий
Серый кулёк из печальных военных газет.
Вот вы смеётесь: «Какая-то «Дунькина радость!».
Даром не надо вам этих конфеток простых.
Нам же тогда они были желанной отрадой.
Привкус войны до сих пор мне всё чудится в них.

ТРИ «ПОХОРОНКИ» ДЛЯ МАТЕРИ

Рассказ

Тётку Варвару Макаренко по имени в деревне называли редко. Или по отчеству величали – Семёновна, или по мужниной фамилии кликали неласковым прозвищем «Макаренчиха», к которому она давно уже привыкла. А меж тем имя у неё было хоть и не такое уж редкостное по тем временам, но всё же красивое. Помнится, мать ласково звала Варварушкой, отец – Варюшкой, самый любимый брат – Варюхой. А жених и первый муж называл не иначе, как Варенькой. А нынешний муж, Афоня, был у неё пятым мужем, и звал её по-деревенски грубовато: «Старуха», хотя ей едва сравнялось сорок пять. Такие года старостью и в те времена не считались. Но Афоня на ласковые слова был не мастер – и пасынка никогда не приглубит, и для родных своих детей доброго слова жалел.

Сама Варвара к детям относилась сердечно и жалостно, ей всегда хотелось накормить голодного ребёнка, приголубить обиженного. В своём единственном сыне Васеньке она души не чаяла, и приёмным, Афониным деткам старалась по возможности заменить родную мать. Но дети удались в отца неласковыми и мачеху признавать не спешили, как в народе говорят – с рук ели, а волком глядели... Разве что самый младший, названный в честь отца Афонечкой, который в двухнедельном возрасте остался сиротой, воспринимал её как мамку,

тянул ручонки, даже успел ей «мама» сказать... Варваре было тогда уже почти под сорок, ещё родить детей она уже не надеялась, и Афонечку пестовала как своего собственного, из рожка выкормила, на ножки поставила... Он уже стоял сам в зыбке, шагать пытался, когда пошла по деревне косить младенцев неведомая хвороба. Несколько малышат-годовичков схоронили в две недели, и Афонечку в том числе. Опять ей Бог дал радость ненадолго, да скоро отнял.

На детей Варе не везло с самого начала. Как, впрочем, и на мужей. Афоня был у неё мужем пятым по счёту, и все четыре предыдущих раза она оставалась вдовой... То ли её собственная несчастная бабья доля в том повинна, то ли время, на которое выпадали её короткие замужества. Эпоха-то была бурная! Первый муж, за которого она вышла ещё в 1913 году, сгинул, как она говорила, «на империалистической» войне. Второй в революционный год погиб от шальной пули. Он при царской власти служил жандармом, и в начале зимы восемнадцатого года, когда ночью шёл домой, кто-то пристрелил его не то случайно, не то со зла, прямо у родной калитки. Варенька, тогда двадцати с небольшим лет, как раз была в положении, хоть и не видимом ещё постороннему глазу, и, услышав тот выстрел, почуяла неладное, выскочила на заснеженную тропу чуть ли не босиком... У неё на руках Илюша и умер. Не удалось сохранить и ребёнка. Опять осталась она молодой вдовой, с душой и телом, полными пустоты. Третий муж был из красных офицеров. Небольшого чина, но крепкий, надёжный. Но вся надёжность рухнула, когда его однажды забрали «по линии НКВД», как шёпотом говорила она потом, рассказывая эту историю особенно доверенным подругам. И снова примерно на том же сроке был потерян малыш. А со следующим мужем – и его первенец. Судьба смирлостивилась над ней не то в четвёртый, не то в пятый раз... Четвёртый муж, Стасик, детей очень хотел. Он был уже в годах, и очень мечтал о сыне. Жену он вообще любил, очень жалел и берёг, едва узнал о будущем ребёнке – ничего делать не позволял, всё хозяйство на себя взял... Так и перескочили опасный рубеж... Васенька родился в марте двадцать пятого, был крепким, тол-

стенским младенцем. Но повитуха недобро поджимала губы, завёртывая и купая его. Прощаясь с роженицей, она наказала Варю беречь этого мальчика пуще глаза – мол, видение ей было, что недолговечный он, и где-то в этой земле ляжет до срока... Варя в бога верила, предрассудков слушать не слушала, но напугалась всерьёз. Эта бабка Микулиха тем и славилась, что судьбу всех детей, которых принимала на свои руки, видела в окне хаты, когда заглядывала за стекло прежде, чем в дом войти...

Так что за Васеньку Варвара страшно боялась, но сперва беда случилась с мужем. Вдруг заболел астмой, стал задыхаться, и быстро сник, в одно лето умерев, золотой души человек, Стасик. И снова стала Варя вдовой, только уже сорокалетней, с сыном-подростком. И надо же было в ту пору овдоветь мужичку из соседней деревни – Афоне Макаренко. Его жена, родив пятого ребёночка, через неделю умерла от горячки, и мужик был убит горем – что ему одному делать, когда орава – мал-мала меньше, а старшему всего десять лет... Тут кто-то и присоветовал посвататься к самостоятельной женщине. Когда он появился в её доме, где всё было налажено и обустроено умелым столяром Стасиком, сел на сделанный им табурет, оперся на сколоченный им столик и начал звать замуж, нажимая на то, что без неё сиротки пропадут, Варя уже понимала, что ни радости, ни счастья ей этот брак не принесёт, но было ужасно жаль неповинных ни в чём детей. И она почти дала согласие. Едва жених ушёл, к ней набежали соседки, отговаривая её от такой обузы. Она слушала, кивала, но назавтра сходила-таки в его село, Ювалу, посмотреть на дом и деток.

Дом был неухоженный больше, чем можно было предположить, видно, покойница была не из чистюль, дети понурые, младенец в зыбке почти не орал, девчонка лет девяти смотрела на неё враждебно, исподлобья, а крепкий парнишка постарше – дерзко и нахально. Ей стало неудобно, и захотелось тут же уйти из этого чужого дома, как вдруг через порог перескочил пацанёнок лет двух. Бесштаный, с замурзанной мордашкой, он бежал к ней со словами «Мамка!», и вцепился в передник,

прижался к её ногам, крепко их обхватив. Потом, разглядев лицо, будто отпрянул, но снова приткнулся, и не мог отцепиться. И высвободиться из его ручонков у неё не было сил.

Как уж там жили в мирное время, с горем пополам, теперь, в войну, почти не помнилось, но казалось – и сытно, и счастливо. А война пришла – стало в сто раз тяжелее. Когда объявили мобилизацию, в семье не было никого в призывном возрасте, думали, обойдётся. Все, даже ребяташки, в совхозе работали, в сентябре в школу не пошли... Но справным мужикам в деревне только урожай собрать дали да технику чуть-чуть подготовить к новому сезону, вышел им приказ в областной центр отправляться – на эвакуированных заводах нужны были работники. Афанасий, хоть и было ему уже под шестьдесят, всё равно был мобилизован – в город, в трудармию, на казарменное положение.

Старшим пацанам – и Варвариному Ваське, и Афонину Петьке – сравнялось уже по шестнадцать лет, они в совхозе работали уже как взрослые – Васе трактор дали, Петру – конюшней управлять досталось. Варвара работала тоже от зари и до зари, всю домашность бросила на Маринку да на меньшого, Колю. Подросток Ванечка повсюду успевал – в школу по зиме со всей ребятнёй ходить начал, и работал после уроков с другими ребятами из класса. На току, на ферме, на совхозных погребках.

Вскоре один за другим были призваны воевать старшие парни. Настала очередь и Пети да Васи. Очень они сожалели, что отправляются на фронт не вместе – за эти годы они стали настоящими братьями, сдружились, а в войну, враз повзрослев, забыли про все детские раздоры. Но Петра, более крепкого и физически сильного, взяли в какое-то училище для командиров, а Васю – рядовым в пехоту... Они писали мало и нечасто, но, получая эти редкие весточки, мать была необычайно рада – знала, они ещё живы... Хотя и слыхала, что почта порой подводит, и пришедшее письмо вовсе не означает, что солдат сейчас ещё живой.

Почтальонка Дуся, девчонка-подросток, ещё не на выданье, но уже долговязая и выносливая – на три села почту получала и разносила – сперва просто опускала глаза, когда не было писем тётке Макаренчихе, а после и вовсе норовила мимо прошмыгнуть подальше от вопросов. Но не удалось избежать неприятной встречи – сколько их было за войну у Дуси! Пришла горькая весть и в Варварин дом. Она было обрадовалась, завидев Дусину синюю жакетку у своей калитки, но по лицу девчонки поняла – что-то не так. И верно. Вместо треугольничка из плохой бумаги со знакомым почерком и синими кляксами цензорских помарок Дуся протянула ей сероватый крепкий конверт. В нём был официальный бланк извещения на Васю. Сообщалось, что он погиб смертью храбрых в боях за Родину. Свет померк в глазах у матери. В тот момент, конечно же, не пришли на ум слова знахарки-повитухи о недолговечности сына, они вспомнились потом. Бабка наказывала беречь парнишку. А как его уберечь? От всего можно уберечь – от глубокой реки, от высокой лесины, от дикого зверя, только от войны не убережёшь...

Уж она оплакивала его, оплакивала, но не вернуть того, кто потерян навсегда. Но когда сам не хоронил человека, труднее поверить в его смерть. Она и не верила. Надеялась, что сын живой, что это ошибка. Не успела она ещё отплакать по Васе, как снова Дуся принесла казённый конверт. На сей раз извещение прислали на Петра. Где похоронен, как погиб – ничего не сообщалось. Мать будто оцепенела. Ребятишки плакали по Петьке в голос, Маринка сидела на лежанке у печки, прижав к себе братнин полушубок, который донашивала после его отъезда. Тулупчик был ей почти до пят, но она им очень гордилась, подпоясывала солдатским ремнём, берегла, хотела вернуть брату в сохранности. А Коленьке шапка Петра досталась, но эти вещи не считались «наследством». А теперь вот как получилось. Не вернётся он, некому тулупчик возвращать.

А Варя сидела над военкоматовской бумажкой, сидела над ней всю ночь, не могла решить, как сообщить Афоне о похоронке. О телефонах тогда и не слыхивали, письмом тоже не

хотелось. Самой бы в город съездить... С глазу на глаз сказать. Афоня хоть и грубоват да не сентиментален, но первенца потерять – это даже для мужика большое горе. Тем более, что старший сын для деревенского хозяйства – главная опора. Стояла глубокая осень. Санный путь до города уже был, а вот река ещё не встала. Совхоз на днях собирался отправлять в город обоз с продуктами. По раскисшей, присыпанной снегом дороге гружёные сани ползли с натугой, и то хорошо. Ведь идти так быстро, как может лошадь, старуха Макаренчиха – а она вдруг в несколько дней превратилась в настоящую старуху – не смогла бы. Она и ещё несколько баб из соседних деревень напросились Христа ради вместе с обозом сходить в город, мужиков своих навестить, а это почти сто километров, не один день идти нужно было. Варвара была из всех самая старшая, её натруженные ноги едва могли преодолеть эту дорогу, а ещё и санки с поклажей надо было тащить. Хоть и скудно жили, а набрались хорошие салазки гостинцев – картошка, морковь, малость крупки, сушёная ягода да лист смородинный – заваривать, медку баночка, квашеной капусты бочоночек... Так и нагрозила санки – едва с места сдвинешь. А они и сами тяжеленные, на кованых полозьях. Спасибо хоть позволили привязать их к телеге, но всё равно надо было идти следом, смотреть, чтоб не опрокинулись. Иногда пешим бабам позволяли присесть на возы, но ненадолго. Возницы пожалостней уступали им своё место, сами спускаясь «поразмяться». Шли по целому дню, и по темноте тоже, ночевали по пути в чужих деревнях, в каких-то пустых амбарах. Мёрзли у почти застывшей реки, ожидая парома, одного из последних в ту осень. Лишь к исходу третьего дня пришли. По городу, где ещё снег не лежал, до самого завода Варвара тащила свои санки из последних сил. По грязи Заисточья было ещё ничего пробираться, а по булыжнику тяжёлые полозья противно скрежетали, как ножом по сердцу. Чем ближе было до Афона, тем страшнее было того мига, когда покажет ему похоронку, прихваченную с собой.

Афоня стал за это время какой-то чужой, совсем уж непонятный. И раньше между ними не было особенного лада и мира, а сейчас, глядя на его морщинистое лицо, заросшее по-деревенски бородой, Варвара поняла, что не жить им боль-

ше вместе. А что – любви и ласки никогда и не было, а ребят она ему честно вырастила. Муж долго держал перед глазами шероховатую казённую бумажку с жирным шрифтом и вписанной от руки фамилией. Он был не особо грамотен, и прочёл её, шевеля губами, не один раз. Потом скомкал в руках, пропахших машинным маслом, с въевшейся в кожу металлической пылью. Потом расправил на колене, вдавливая в ткань стёганных ватных штанов.

– Эх, Петро, Петро! Как же так? Было четверо пацанов – один меньшой в дому остался? – только и сказал он.

Ночевала Варя в городе у брата, Арсентия. Его жена, Фенечка, казалась ей такой счастливой – у неё один только сын, Михаил, на фронте. А остальные дети – девки, правда, и им несладко в войну пришлось. Маша в 15 на работу пошла, Зинка, старшая, учительствует, младшая, школьница Тамарка, с пионерами над госпиталем шефствует. У самого Арсюши – лёгкие больные, его тоже не призвали... Хотя и устала ужасно, а всю ночь со снохой просидела за столом. И поговорили, и поплакали. Обратно из города доехали скорее. И грязь взялась морозцем, и везы порожняком шли легче. Сама Макаренчиха ехала на больших саях, её пустые салазки свободно болтались позади саней. Но и эта дорога оказалась не легче. Мысли горькие были тяжелее поклажи. Но надо было снова жить. Тащить на себе хозяйство, кормить детей.

Ванечку, материного любимчика, мобилизовали на войну, как вошёл в призывной возраст, последним из сыновей, весной сорок четвёртого. Он поначалу стоял в городе, правда, недолго – мать ещё успела съездить, привезти ему продуктов и попрощаться. Она прижималась к долговязой худой фигуре, целовала, неловко нагибая к себе обритую наголо голову, мелко украдкой крестила его, и вспоминался ей в эти минуты бритый наголо пятилетний мальчишка, с любопытством разглядывающий её, первый из пасынков, признавший в ней, мате, мать, нежный, добрый и безобидный парнишка. Вспомнилось вдруг, как порезал он палец в детстве, и полилась из ранки кровь. Он зажал её ладошкой и прибежал к Варваре с

криком: «Ой, порезался, кишки лезут!» – Завязав рану чистой тряпочкой и успокоив его, мать потом долго ему объясняла, что из пальца кишки никак не могутлезть.

Пришло от Вани всего три письма. Два – с учебки, одно – с дороги. После первого боя он почему-то не написал, а во втором его не стало. Он погиб в сентябре 1944 года в Эстонии, недалеко от деревушки с трудным названием, и никто из тёмной деревенской родни так и не побывал на его могиле. Друг, видевший его смерть, прислал потом фотокарточку, которая хранилась у Вани в кармашке гимнастёрки. На ней была заснята вся семья в далёком 1938 году. Следов крови на карточки не было, друг писал, что пуля попала Ванечке в живот. Он зажал огромную рану ладонями и только успел пробормотать: «Ой, больно, кишки лезут...» – говорят, больше не мучился.

Неизвестно, как бы пережила тётка Варвара третью похоронку, но незадолго до того, как её принесли, с ней случилось чудо, то самое, о котором в годы войны все мечтали. После похоронки пришло настоящее, новое письмо. От родного сына Васеньки. Оказывается, он был жив, только очень тяжело ранен и контужен. Свои приняли его за мёртвого и подали документы на похоронное извещение, а другая часть подобрала, в госпиталь направила, долго лечили. Теперь комиссовали окончательно, поскольку чашечка коленная раздроблена, и одна нога не гнётся и стала чуток короче другой.

Господи, как радовалась Варя, как молила бога о двух других сыночках, как благодарила его за спасение этого сына, родной кровиночки. И чудо повторилось в этой семье во второй раз. Сначала на Петра пришла бумага, что похоронная ошибочна, что он без вести пропал, а потом, уже к зиме сорок пятого, он сам вернулся – без предупреждения, как снег на голову... Худой, бритый налысо, измождённый, да ещё с пустым рукавом!

Оказалось, был он всё это время в плену, в немецком лагере. А руку левую ему отняли ещё на пути в Польшу, где он пробыл до самого освобождения пленных. В эту руку его и рани-

ло в том памятном последнем бою, с перебитой рукой в грязи валялся, в колонне голодных пленных шёл, рука не заживала, стала гнить. Как, кто и чем её отпиливал, Петька матери не сказал, а она и не допытывалась. Рада была, что живой.

Сейчас в деревне, из которой уходили на фронт сыновья тётки Варвары, не осталось ни одного фронтовика. Умерли все, и приезжие, и те, кого от этой вот совхозной конторы под гармошку провожали. Последним ушёл из жизни однорукий Пётр Афанасьевич, сын бабки Макаренчихи. Ему поставили на кладбище красивый мраморный памятник, половину стоимости которого оплатил военкомат. Самый красивый и добротный памятник на их маленьком старом деревенском погосте. На фотографии Пётр уже пожилой, в строгом костюме, при медалях. Вася лежит на этом же кладбище, только попал на него почти на полвека раньше – погиб он в сентябре пятьдесят седьмого, на том поле, которое пахал всю жизнь, за родной околицей. Над могилой на вершине металлической пирамидки сияет звезда из нержавеющей стали. Весной, когда празднуют годовщину Победы, в околках вокруг кладбища ярко пламенеют кусты оранжевых цветов, это жарки, или огоньки. А на поляне за кладбищенской оградой и дальше, на покосах, распускаются нежные лиловые и сливочно-желтоватые подснежники на мохнатых ножках. Потом приходит пора душистой земляники, сладкой, с хрустящими семечками лесной клубники, терпкой дикой смородины. Всё это мальчишки – Петя, Вася и Ваня – собирали в детстве, когда погост был ещё новым и маленьким. Они здесь выросли. Выросли здесь и их дети, внуки. Семёнова же до самой глубокой старости проводила долгие летние дни у могилы сына, обихаживая её. И маленькую правнучку из города с собой привозила. Так она и выросла «на могилках». Из-за того случая с «неправильной» похоронкой имя Василия ошибочно попало в Книгу Памяти. Впрочем, не очень-то долго судьба позволила себя обманывать, и недолго пожил солдат после своего чудесного спасения.

В центре посёлка, у клуба, стоит скромный обелиск, на котором написаны имена всех, кто ушёл из этого села на войну и

не вернулся. И Петины, и Васины правнучки кладут к ним дикие ромашки, повсюду растущие тут, на заброшенной площади, похожей на пустырь. А от Вани на этой земле не осталось никого. Только фотокарточка сохранилась – та самая, вынутая из кармашка его гимнастёрки. На ней он – совсем мальчишка. А кругом – мирный мир, до которого он не дожил.

КОРОЛЬКОВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ (1916–1944)

Очерк

О существовании этого человека я узнала совершенно случайно. Осматривала во время велопохода кладбище исчезающей деревни Милоновка (Воронинское СП Томского района). Как известно, погосты – самый доступный архив любой деревни. Хожу меж разновременных надгробий и заброшенных могил, и вдруг резануло. На синенькой пирамидке под крестом двойное фото: солдат в пилотке и гимнастёрке без погон и маленькая девочка с огромными печальными глазами. Подошла поближе – табличка тоже двойная. Отец и дочь. Девочка Рита родилась в марте 1942 и ушла в ноябре 1944. Отец – Михаил Алексеевич Корольков, самого призывного возраста, 1916 года рождения, дата смерти – 1943 год...

Первая мысль – что солдату, погибшему в разгар Великой Отечественной, делать на глубоко тыловом кладбище? Сразу выстроила несколько версий: либо израненный вернулся, да уже на родной земле умер, либо – могила невесты где, родные устроили памятник тут. Потом уже, сопоставляя дату рождения девочки с событиями недоброй памяти 1941 года, понимаю: отец никогда не видел своей дочки. А девочка, зачатая в последние мирные дни, никогда не знала мирной жизни. Женской могилы рядом нет – неужели жена ещё жива? Или уехала из бесперспективной деревни в город?

Почему-то я не смогла забыть об этом человеке, так всё и думалось о нём. Подруга посоветовала проверить судьбу Михаила Королькова по «Книге памяти». Точно, есть такой. Призванный в 1941 году Туганским РВК рядовой Корольков пропал без вести в мае-июне 1943 года. Вот и ответ на вопрос о происхождении странной могилы.

Но кто бы мне ответил, почему я всё продолжала думать об этом совершенно чужом для меня человеке? Таких вот рядовых было много на той войне. Не надо далеко ходить, доволь-

но свою семью вспомнить. Мой дед Николай Александрович Громов погиб под Старой Руссой, отчим моего отца Александр Дмитриевич Назаренко и дядя моей мамы – Устимов Николай Иванович – без вести... Поговаривали, что Устимов жив, даже возвращался на родину, но постеснялся показаться на глаза своему брату, моему деду. Тот младших братьев при отправке на фронт напутствовал коротко: «Поймёте, что попадёте в плен, – стреляйтесь. Лучше смерть, чем плен»...

Но вот не выходит из головы человек, о котором я и знаю всего ничего. Какой он был до войны? Где воевал? Что стало с ним летом 1943 года?

На одной из районных школьных конференций выступали ребята из Кожевниковской средней школы № 1. Их музей «Альтаир» проводит поиски сведений о солдатах Великой Отечественной, пропавших без вести. Я попросила поискать информацию и о своих пропавших. Они ничего не обещали, но данные взяли. Спустя несколько месяцев – поздний звонок от руководителя, Светланы Добровольской...

– Я ничего нового не могу сказать о судьбах ваших близких. А вот о Королькове кое-что есть. Вы знаете, что он – кавалер ордена Отечественной войны II степени? Даже известно, когда и за что он его получил. Материалы высылаю...

В письме – такие важные для меня сведения. Жил он не в Милоновке, а в посёлке Первомайском, недалеко от деревни. Рядовой, стрелок. Последнее письмо было в марте 1943 года... Полевая почта 22136. Его маму звали Ульяна Семёновна, и известить её надлежало в с. Семилуженском. Это в 7 километрах от Милоновки.

Но самое главное:

Приказ 13 /н от 30 марта 1944 года. (Обратите внимание на дату!)

«Неоднократно раненный в боях с немецкими оккупантами тов. Корольков продолжает с честью выполнять боевые задачи. В бою под Синявино Мгинского р-на Ленинградской обл. 2.9.42 года, несмотря на полученное ранение, продолжал выполнять боевую задачу. В бою 17 и 18.2.44 года под д. Медведь Ленинградской обл., находясь с пушкой прямой наводки, первым обнаружил дзот противника и метким огнём уничто-

жил его, что обеспечило захват опорного пункта противника». И – да, удостоен высокой награды.

Но на памятнике-то стоит другая дата – 1943 год. Полно, он ли это? И почему в документах военкомата... кстати, какого они года? 1947, послевоенные... А всё же, если это правда он, – насколько приятно осознавать, что Михаил Корольков был достойным бойцом!

Иногда судьба играет с нами в странные игры. Я сменила работу и занялась сбором информации о потомках столыпинских переселенцев, живущих на томской земле. В 1911 году на месте Милоновки были хутора белорусских крестьян-переселенцев, в основном из Могилёвской губернии, которые были сюда в годы столыпинской реформы.

Первая же встреча с потомками жителей Милоновки дарит интересные сведения. Лидия Ивановна Белик принесла в наш музей фотографии своих родственников и вещи, вышитые «тётей Маней».

Я спросила о Королькове –кто устроил могилу, есть ли у него другие дети?

– Так это та самая тётя Маня Слепакова сделала, жена его. Других детей у неё не было. Тёти Мани уже нет. Племянница за ней ухаживала. В Северске живёт. Хотите адрес?

Я уточняю, была ли тётя Маня замужем вторично, раз она Слепакова, а не Королькова.

– Нет! Это дочка Евмена Афанасьевича Слепакова, вы его могилу видели. Она официально с ним не была расписана, но в Милоновке это случалось часто.

– А почему замуж вторично не вышла? Молодая, детишек уже нет...

– Так уж любила. Кстати, вот это военное письмо – это он тёте Мане писал.

На письме стоит дата – 14 февраля 1944 года. Как раз перед теми самыми боями, за которые удостоен он высокой награды. Значит, это в списках пропавших без вести ошибка. Кто знает, может, в очередной канцелярской суете последнее письмо, написанное в 1944 году, превратилось в письмо, полученное в 1943. Никто и никогда не застрахован от описки, особенно если пишешь много и информация однообразна.

Но родным-то не всё равно! Ещё раз осматриваю копии документов. Оказывается, Мария Евменовна обращалась с просьбой уточнить дату, и даже резолюция красным карандашом в углу, что пропавшим без вести Королькова М. А. надо считать с 1944 года.

Пробиваю по адресу полевой почты со штемпеля письма воинское подразделение. Да, куда был призван, там до той роковой даты и служил... 119 стрелковый корпус 56-й армии Ленинградского фронта. Заглядываю в историю воинского подразделения – в 1943 году период с апреля по июнь был спокойнее, чем в 1944, когда она оказалась задействована в неудачной операции под Псковом.

Встречаюсь с Маргаритой Ивановной Марининой, в девичестве Барыгиной, племянницей Марии Евменовны Слепаковой. Узнаю, что опоздала я на какую-то пару лет – ещё недавно была жива и сама тётя Маня. Она бы, конечно, больше рассказала о Михаиле Алексеевиче. Но уже не спросишь.

Тем не менее, среди того, что запомнила Маргарита Ивановна, есть немало сведений, которые помогают мне узнать о Михаиле Алексеевиче больше.

– Не знаю, почему они не расписались, – говорит Маргарита Ивановна, – неужели так уж некогда было? Потом, уже после войны, пришлось в судебном порядке доказывать брак.

Показывает документ. В постановлении суда установлено, что имели место фактические брачные отношения Марии и Михаила с 1939 года по 1941.

Причин может быть несколько. Во-первых, в то время многие люди, сыграв свадьбу по обычаю, не спешили закрепить отношения официально: церкви закрыты, сельсовет не воспринимается как нечто обязательное. С другой стороны, в семье Марии Евменовны уже был случай неудачного союза такого рода. Её старшая сестра Екатерина сошлась с красивым, но непутёвым парнем. Отец, Евмен Афанасьевич Слепаков, браку решительно воспротивился. Женщина сперва ушла к мужу, но в той семье не зажила. Дома её с ребёнком тоже постоянно попрекали. В результате несчастная Екатерина подалась на лесозаготовки, и там простыла. Ей не было и 26 лет, когда она умерла. А непутёвый муж её вскоре сел за разбой и убийство.

У Михаила Королькова репутация была другая. По смутным сведениям, он одно время возглавлял колхоз. Правда, недолго, после начала войны и до того, как его самого призвали в армию в августе 1941 года. Но он был комсомолец и в бога не веровал. А Евмен Слепаков, напротив, был набожным человеком. В общем, ещё одна дочка пошла против воли отца, но тот со временем смирился и союз таки признал. Гордая Мария в эту пору укладывала волосы по-бабьи и временами подписывалась не Слепаковой, как во всех документах, а Корольковой. «Он был спокойный и непьющий», – подытожила Маргарита Ивановна. И, посмотрев на меня, вдруг спросила: «А может, он жив остался? Хотя нет, он бы не бросил тётю Маню. Разве что такой оказался, что калека, всем в обузу».

Я киваю и рассматриваю фотографию, на которой деревенский парень и счастливая женщина ещё не знают, что будет война. У парня на пиджаке комсомольский значок.

Неверующий был. Наверно, религиозной Марии Евменовой было трудно это принять. Она и потом всё вспоминала: когда их с Иваном Слепаковым призывали, матери вынули из сундуков иконы, просили поцеловать. Иван согласился, Михаил отказался наотрез. «Слепак вот икону поцеловал, и, хоть раненый, но вернулся. А мой...» – подытоживала горько тётя Маня, рассказывая эту историю. Ей очень хотелось узнать, где он похоронен. Писала в архивы, искала, но безуспешно.

Маргарита Ивановна бережно расспрашивает письма:

– Было больше, но осталось всего два. Отдала в какой-то школьный музей, а потом уже не помнила, в какой.

В первом письме, 1942 года, упоминается о деньгах. Как выяснилось, отправлены они были на имя Корольковой М. Е., которая по всем документам была всё же Слепакова. Зато на почте работала Королькова М. А., сестра Михаила. Дальше продолжать не буду, вы сами догадались, что случилось с деньгами.

Отношения с семьёй мужа у Марии Евменовны были далеко не благополучные, и потом, жалуясь на свекровь, вспоминала Мария Евменовна и про эти деньги. Может, оно и лишнее – но мне дорога каждая мелочь в биографии Михаила Алексеевича и его близких.

Ещё фотографии. На них Михаил Корольков в Омском военном училище. И в гимнастёрке рядового, и с сержантскими треугольниками.

Послевоенные фотоколлажи царапают душу. Мария Евменовна больше замуж не пошла. Но она точно знала, как должна была сложиться её судьба. И в фотомастерских несчастная женщина заказывала фотографии, на которых запечатлевала ту жизнь с любимым мужем, с дочкой, которую не успела прожить. Вот Михаил Алексеевич уже в костюме и с галстуком, а Мария Евменовна в платье с кружевным воротничком и с модной в послевоенные годы причёской. Михаил Алексеевич ничуть не переменялся, а вот Мария Евменовна выглядит старше. Была ещё одна фотография. Там между родителями сидит дочка Рита. Эту фотографию Мария Евменовна попросила положить с собой в гроб.

Эх... Останься её дочка в живых, смотреть на эти коллажи было бы легче.

Рита, Риточка, Маргарита Михайловна Королькова, ребёнок с печальными глазами. Девочка, которой не довелось узнать, что значит «нет войны». Есть другая фотография – малышка, похожая на чахлый цветочек, пробившийся сквозь утопанную землю, стоит между мамой и тётей Таисьей. На обороте надпись: «Умерла Рита 18 ноября в 7 часов вечера 1944 года день был суббота было ей время всего два года с половиной Королькова Маргарита Михайловна». В этих расплывающихся строчках, в испуганной растрёпанности фраз столько горя. «У неё слегка повысилась температура. Тётя Маня пошла в больницу. А Рита там прыгала-скакала. Их и развернули: «Сумасшедшая мамашка, здорового ребёнка принесла». Пришли домой, а у неё жар, и плёночками её задавило», – рассказывает Маргарита Ивановна много раз слышанное от тёти Мани.

Был ли в это время жив Ритин отец? И если был – то где? В госпитале? В немецком плену? А если погиб – когда, где? Почему не значится в списках убитых? Или его просто не нашли на поле боя в военной неразберихе? Или второпях похоронили, забыв справиться по документам? Или... версий много, и ни одного доказательства в пользу любой из них!

– А орден... Вы знали, что он был награждён?

– Да, тётя Маня говорила. Орден остался у его мамы, Ульяны Семёновны. Если его братья или сестра его сохранили, то он в семье. Но я о его родственниках ничего не знаю.

Могила Михаила Алексеевича Королькова не найдена. Мы с Маргаритой Ивановной снова составили запросы, приложив к ним новые сведения. Покуда вестей нет.

Маргарита Ивановна продолжает поиски как дань памяти Марии Евменовне, любимой тёте. Но и моя судьба почему-то сплелась с судьбой пропавшего без вести солдата. И пока ещё не отпускает.

Почему? Что-то я должна этому человеку. Должна за то, что благодаря таким вот солдатам я выросла в спокойном и благополучном мире. Разумеется, слова, затёртые от многократного употребления, но ведь именно так!

Но что я должна ему? Может быть, всё же обнаружится могила, или хотя бы прояснится судьба? В 2013 году нашлось место, где похоронен мой погибший в 1943 году дед. Может, и этому солдату великой войны повезёт?

А может, я просто должна сказать: жил на свете такой человек, Михаил Алексеевич Корольков. Он не хотел быть солдатом. Но началась война, и он делал своё дело по-крестьянски добросовестно. В 1944 году он пропал без вести. Не его вина, что скоро уйдут все люди, которым он был дорог.

Светлая ему память.

ПИСЬМА

Михаила Алексеевича Королькова с фронта.

(Орфография и пунктуация сохранены)

1.

Писал 12 VII 1942 года.

Привет с фронта Здравствуй Мария Евменовна и доч Рида Папаша и мамаша а также Настя и Надя и Нюра и Сережа Шура с приветом к вам всем Корольков Михаил А.

Я пока нахожусь жив и здоров чего и вам желаю желаю в вашей жизни и успехах. Письма я от тебя получил которое писала Настя 12 VII 42 г за которое я вас несколько раз благодарю

что вы про меня не забываете. Маня ты пишешь насчет денег – я мог бы выслать. Но я уже 700 руб высылал но от (зачеркнуто) тебе 300 руб и своим 400 руб. Но ни от кого нет никакого известия получили вы их или нет. Сестренка Маня пишет что они не получали ни каких денег и ты тоже писала в (пропуск, видимо, «в письме») что не получала ни каких денег то мне охото знать точно ли это если это в самом деле так то у меня даже сомнение берет не ужели эти деньги пропали ни кто их не получили ни кто если получила то сообщи мне а так я боюсь высылать чтоб опять и эти деньги (не пропали) если ты мне не вериш что я тебе высылал 300 руб то я в следующем письме могу выслать ту квитанцию на 300 руб но ладно Маня сейчас я сообщу как я поживаю я пока нахожусь на тем же направлении около Новгорода бои идут каждый день сильные с обеих сторон но со мной пока все благополучно не знаю как дальше будет Кормят хорошо и также табаку дают а больше ничего не надо но только одно я маленько стал на уши туг от выстрелов Артиллерии и т д. но это все ни чего живой вот буду то все заживет.

Но ладно Маня сейчас я буду у тебя спрашивать какой нонешний год урожай хороший или плохой как яри и также озимый и как идёт работа в колхозе и кто с муж(чин) остался дома как в вашем колхозе так и в нашем к-з пиши нам как вы посадили чего или нет ну ладно маня на этом я заканчиваю писать своё письмо передай свой пламенный привет ж. Мане доч(ери) Риде папаше и мамаше Насте Наде Нюре Сереже и всем родным и знакомым не (неразборчиво, видимо «не обижайтесь» или «не обессудьте») что мало написалось и должна понять как на фронт(е) (неразборчиво) Пиши почаще письма тоже буду писать о чём пока могу жму руку Маня и (неразборчиво) М. Корольков 13 VII 1942 г

2.

«Писал 14 II 44 г.

Привет с фронта

Здравствуй многоуважаемая моя моя (так!) жена Маня и доч Рита и тд. с приветом к вам ваш муж Корольков М я пока нахожусь жив и здоров чего и вам желаю в вашей жизни и так-

же здоровья Маня я от вас письмо получил за которое я вам благодарен что вы меня не забываете я тоже не забуду пока жив буду

Маня, ты обижаешься на мою мать, что она плохо помогает Ладно Маня живи пока как. бо я жив буду тогда сам разберусь кто прав кто виноват а сейчас некогда раз-бираться я пока ещё живой здоровья моё не голосу нет сов(сем) разговариваю только шепотком так же руки болят и плохо слышу калека кругом и то духом не падаю. Маня я тебе высылал 550 руб как получишь то собщи мне

Пока у меня все дос(...) пишу последнее письмо пойду в бой не знаю что получится ранят или убьют Извиняйся (?) что плохо писал торопился досвидания передай привет папаше и мамаше и также всем Корольков»

Часть вторая

**ВРЕМЯ
ГЕРОЕВ**

Дмитрий КОРЧУГАНОВ

Участник СВО. Погиб на Донбассе

Я НЕ УШЁЛ

* * *

Россия, Вера – неразлучны!
Пришла пора понять слова.
Покажем всем пример могучий.
Пусть в чистоте живёт страна!
Без зла, упрёков и обмана.
И не наигранно чиста.
Расставим знаки препинанья,
Внесём свой вклад в Великие дела!
И если ты открыт душою
И совесть не запятнана, тогда,
Мой друг, вместе с тобою
Мы завершим начатые дела.
И знай, что сила за тобою.
Трудись во благо на века!
И запылает в твоём сердце
России яркая звезда!

* * *

«Спасибо деду за победу!» –
Я повторяю иногда.
Спасибо деду за победу,
За то, что с нами небеса!
Горел он в танке,
Ходил в разведку,
Хорошим лётчиком он был.
И Вашу смелую Победу
Народ России не забыл!

* * *

И всё опять... Ещё жесточе...
Доколе будет день чернее ночи???
Ответь, Земля, многострадальным людям.
Забыть всё это??? Мы ведь не забудем!!!
Пока мы помним слёзы матерей,
Детей загубленных и нелюдей-зверей,
Мы, зубы сжав, пойдём в кромешный ад,
Чтоб на земле был Мир,
И каждый Жизни рад.

* * *

Ни смуты долгие века –
Ненастья брызги во Вселенной –
Не смогут в чистые сердца
Посеять смрад и искушенье.
Безумство прибыльных страстей
Не запятнает чистой доли.
И байки лживых новостей
Не испохабят Божьей воли!

* * *

Золотая осень пышет жаром
От осин, берёз и тополей.
И калина вспыхнет вдруг пожаром
Среди колков и среди полей.
Утром воздух бодрый и прозрачный
Наполняет щедро грудь мою.
И кустарник, весь уже невзрачный,
Принимает птичью кутерьму.
Вот синицы к нам вернулись снова.
Им приятна эта кутерьма.
Радуются шумно: «Вот мы дома!».
Нравится им русская зима!
Золотая осень пышет жаром.
В паутине утонули мотыльки.
Осень! Я люблю тебя не даром –
Даришь ты заветные деньки.

* * *

Мой край родной,
Как ты мне дорог!
Твои луга, поля, леса...
Ты – ширь! Простор!
Ты стар и молод.
Зима и лето – чудеса!
Тобой горжусь и умиляюсь,
Ты развиваешься, растёшь.
Гляжу на всё и удивляюсь,
Откуда силы ты берёшь?!
А силы все ведь из народа –
Ты на добро их направляй.
Цвети, мой край,
Из года в годы,
Страну родную прославляй!

* * *

Море шумит под ногами,
Бьётся о берег прибой.
Чайки парят над волнами,
Громко зовут за собой.
Вот бы подняться мне в небо
И с высоты посмотреть.
Край, где ни разу я не был,
В песне прекрасной воспеть.
Только стою на земле я.
Бьётся о ноги вода.
Время проходит, не смея
Вспять повернуть никогда.

* * *

Наша жизнь, как лес дремучий,
Непроглядная стена.
Или Свет надеждой учит:
Быть прекрасною должна?
Сохраните чистым сердце,
Берегите честь Души.

И, как ни было бы туго,
Не спеши и не греши.

* * *

Ты – прекрасное создание
Наших чувств любви, свиданий
Ты расти разумной, дочка!
Поцелую тебя в щёчку.
Будь приветливой, простой,
Честной будь и справедливой,
Строгой, умной и красивой!
И тогда ты всё поймёшь –
Стойко жизнь перенесёшь.
В жизни счастье и невзгоды.
Быстро пролетают годы.
В жизни главное, пойми,
Оставаться всем людьми.
Зажигать огонь в сердцах,
Чтоб сиять на небесах.

* * *

Сестрёнка Танюшка, малышка моя,
Сияет так ярко – как в небе звезда.
А глазки сверкают всегда огоньком,
Порой, когда грустно, с ней песни поём,
И серые будни тогда нипочём.
Нам весело, радостно вместе, вдвоём.
Печально, но время пришло воевать,
Страну от нацистов пора защищать.
Но я обещаю, сестрёнка, – вернусь!
Вот только с фашистами здесь разберусь.

* * *

Прости меня, милая мама,
за то, что я воином стал.
Нациста – врага убивать,
присягу на это я дал.

Я знаю, тебе там тревожно,
но сердце не рви, не терзай.
С победой вернусь, дорогая,
не плачь ты по мне – обещай.

Молитва твоя окрыляет,
и силу, и веру даёт,
Господь с нами, Он охраняет,
От вражеских пуль бережёт.

Прости меня, слышишь, родная,
не часто послушным я был.
Прости меня, мам, дорогая,
за то, что когда-то грубил.

Я скоро вернусь – обещаю,
вот только врага победим.
Люблю тебя, милая мама!
Твой воин, твой сын – Константин.

* * *

Нацизм – будь проклят он, достал...
Иначе видеть мир я стал.
Да, мало прожил, но устал...
Я для себя извлёк урок,
Нажать нам надо на курок,
Врага держать на мушке,
Стрелять в упор из пушки.
Как строить быстро блиндажи,
А если надо – шалаши,
И делать это от души!
Война. Долой игрушки!
Не я один, а все стали иные,
У нас не имена, а позывные...
Но духом мы не упадём!
С Победой мы домой придём!
Нас ждут друзья, родные...

* * *

Окрашено небо разными красками,
На просторах вокруг расцветает акация...
Не взять силу духа вражеским натиском!
Отпор без раздумий, рядом сердце братское!!!
Приклад в плечо и погнали, родные...
Архангел прикроет, вера не покинет!
Ярость внутри никогда не остынет...
Вернутся домой уже не теми, кем были...
С головой холодной в бой до конца,
Не сломить и не сбить русского бойца!
Поддержка из дома молитвами матери,
Лишь она будет рядом, когда мир в темноту катится...
Сединой на висках остаётся мгновение,
С болью в глазах наберитесь терпения!!!
Всё это закончится,
Но память останется!!!
Время придёт, виновный раскается!!!
Работайте, братья!!!
Слава России!!!
В этот крайний рывок
Надо вложить все силы...
Собой бы остаться,
Не марать биополе,
Душу закрыть на замок под паролем,
Мысли собрать, помолчать перед боем...
День за днём продолжать,
Мечтая о доме!
Русский дух, славянская вера!!!
На каждое действие
Будет ответная мера!!!

* * *

Ты знаешь, мам, а тут красиво...
Туманы стелют по утрам.
Сюда бы съездить всем
Во время мира...

С улыбкою встречать рассветы,
А вечерами убаюкивать закат...
Но вновь летят-летят кассеты,
И пацаны бегут в накат.

Ты знаешь, мам, а тут красиво...
Достала всех уже война!
На Страшный Суд – всех нечестивых!
Пусть получают всё сполна...

* * *

Я каждый вечер вспоминаю
Твоё красивое лицо,
Твои глаза, и понимаю,
Что я хочу лишь одного...
Хочу обнять тебя, родная,
Прижать к себе, поцеловать,
Уснуть с тобой, во снах летая,
А утром – кофе ублажать...
Я знаю, ты одна, в печали,
Всё ждёшь, когда открою дверь,
Но у войны – свои «реали»,
И я бы с радостью, поверь,
Пешком ушёл к тебе!
И путь был краток,
Дорога б скатертью легла,
В наш дом, где много красок,
Той жизни, что война отобрала.
Но вот проходит снова вечер,
И в блиндаже сыром совсем темно,
Со мною твоё фото – оно лечит
В душе заблудшей чёрное пятно...
В груди всё теплится надежда,
Что скоро я открою дверь,
И ты обнимешь меня нежно,
И я вернусь. Ты только верь!

Напутствие сыну

Виват

Всем тем, кто прошагал по тропам в берцах,
Кто до сих пор о Грозном видит сны,
Кто груз войны тащил спиной и сердцем,
Кто не жалел ни сердца, ни спины,

Кому хотелось в знойный день прохлады,
И чтоб воды студёной через край,
Кто не скулил и не просил: «Не надо»,
А из последних сил кричал: «Давай!».

Кто очищал Россию-мать от скверны,
Кто не дрожал от слова «ваххабит»,
Кто Родину любил свою, наверное,
И был за эту Родину убит.

Шёл к высоте и до звезды тянулся,
На высоте со смертью был на «Ты».
Остался жив, домой к родным вернулся,
Но не вернулся с этой высоты.

Всем тем, кто пот глотал, слезу и водку,
Не ждал ни снисхожденья, ни наград...
И русскому солдату-первогодку,
И офицеру русскому – Виват!

Грозы на Луне

Ты вышла, дверью хлопнув звучно,
Все звуки вмиг приглушены.
И сразу небо темнотучно
Сокрыло Землю от Луны.

И запах твой в моей машине
Незримый образ мне вернул...
В том состояньи, что ты ныне,
Тебя тревожить не рискнул.

Ты тучу мне напоминала –
Грозила молнией с небес...
Тебя укрыть бы одеялом
От горьких дум, от мрачных месс,

Обнять твой стан упругий, гибкий,
Как виноградная лоза,
И долго ждать твоей улыбки
И искры радости в глазах.

Той искры, что рождает пламя
В глубинах сердца и души.
Прошу, всей истины не зная,
Ты это пламя не туши.

А коль решишь, что пламя лишне,
Тепла не дарит, только дым –
Летающей поступью, чуть слышно,
Исчезни мотыльком ночным.

Задуй его дыханьем ровным,
Когда в беспмятстве усну
Со своенравьем непокорным
Перед отлётом на Луну.

Зачем мне бабочку неволить
Во снах, в реальности, в бреду?
Теперь в ромашковое поле
Я в одиночестве пойду.

И только шлейф духов в машине –
Теперь мне сладок он вдвойне...
А грозы с тучами отныне
Гремят раскатом на Луне.

Путь в ночи

Путь в ночи, урчание мотора,
Фары тьму кромсают на куски.
Я к тебе опять вернусь не скоро...
За окном летят мостов опоры,
Трудных километров маяки.

К чёрту всё: и бонусы, и риски,
Мир повис на верстовом столбе.
До тебя лежит маршрут неблизкий,
Ближе до бессмертья в обелиске,
Но я всё равно приду к тебе.

Да, согласен, закрутились лихо
Наших судеб огненные дни.
Мне твоя звезда покажет выход
Даже из конкретной западни.

Я его найду. И пусть незримо
Он пока во тьме, да будет так!
Чтоб на скорости я не проехал мимо
Ты мистически и еле ощутимо,
Как, не знаю, но подашь мне знак.

Через полчаса далёкий, робкий,
На дорогу выползет рассвет.
А пока, без сна и остановки,
Мы летим сквозь ночь в стальной коробке
Со штрихом на крыше буквой Z.

Единственная. Та.

Замученный войною и износом,
На день ворвавшись в городскую суету,
Я задался единственным вопросом:
Как мне найти единственную. Ту.

Та, что сегодня послана мне свыше,
Та, что сегодня выгорит дотла,
Лишь для меня. Война потом всё спишет,
А нынче я не должен без тепла.

В вечерней мгле средь гомона и пробок
Я плыл по городу, подхваченный толпой,
И вглядывался в лица незнакомок,
И думал о единственной, о той.

Мы встретились. Подробности неважны,
Когда в спокойствии и не летит свинец.
В бою и с женщинами был всегда отважным,
А с нею потерялся, как юнец.

И вроде не была со мной прохладна,
Тепло дарив в постельном кураже,
Я чувствовал, что что-то с ней неладно –
Прекрасно тело с ссадиной в душе.

Душа изрезана от верха и до низа,
Со шрамами от крыльев на спине.
Запомнил только имя. Вроде Лиза.
А может и не Лиза, а Алиса...
Да просто не расслышал в полусне.

Подумал – уточню с утра, и баста!
А утром собирался впопыхах.
Вот мне бы вновь с утра сказать ей: «Здравствуй»,
Но только произнёс: «Ну всё, пока»...

Да, нам бы больше временного промежутка –
Узнать друг друга и продлить на дольше связь.
Не прав, кто скажет: это ж проститутка!
У многих честных за душою больше грязь.

Да, я ушёл в войну. Приказ, задачи...
И каждый погрузился в суету.
Да, я нашёл её на ночь, а как иначе?
Но я нашёл. Единственную. Ту.

Тем, кто ждёт

Есть минута в окопе ли грязном,
На постое в сыром блиндаже –
Покурить и подумать о разном,
В дремоту погружаясь уже.

Не о разном, а, видно, о главном:
Как там дома живётся родным?
Коль уверен, что ждут – вот и славно!
Значит, будешь и завтра живым.

Те, кто ждёт, не гадают нисколько –
Жить тебе или сгинуть во мгле.
Заслоняют тебя от осколков
Ожиданьем и верой своей.

Знаешь, как за тебя попросили,
Отмолили у Бога, любя,
Те, кто ждут? И теперь «или – или»
Не твоё. Это – мимо тебя.

Философия возвращения

Всю жизнь в дорогах. Ухожу и возвращаюсь.
Возможно, ждут меня с щитом и на щите.
В тумане прошлого за образы цепляюсь
И вижу смысл вернуться к ждущим тем.

Пусть все другие не пришли – в пути устали.
А мне нельзя ни заблудиться, ни устать.
Вы только свечи не гасите над роялем
И не сжигайте мою нотную тетрадь.

И я вернусь! Я слово дал, вы так и знайте!
Почти без сил, пускай в болезни и бреду..
Вы только струн с моей гитары не снимайте,
И я вернусь... Я обязательно приду.

Я буду петь. Ведь столько многого не спето.
Ну а пока я где-то там, ещё в пути...
Мне важно верить – есть на свете «кто-то где-то»,
К кому хотелось бы в конце концов дойти.

Простой удел

Мы повод находим не только «восьмого»
Лелеять вас и обожать.
Удел ваш простой – ну а что здесь такого,
Казалось бы, верить и ждать...

Но это не просто: пока мы в окопах,
В заботах и в мыслях горим...
Пример показала из книг Пенелопа –
Вы ждёте, а мы, километры протопав,
Себя к вашим душам стремим.

Бывают порой среди вас исключения –
Убейте в себе Жанну Д'Арк!
Оставьте невзгоды нам, боль и мученья,
А самые лучшие в жизни мгновенья –
Всем вам как божественный дар!

Исповедь корсара

1.
Никто из нас свою судьбу не выбирал –
Так пали кости, так легла на бочку карта.
И вот ведёт нас в бой пиратский адмирал
По воле ветра, смерти, золота и форта.
Корсар – отребье, человеческая грязь.
Пусть грязь в душе и на руках, пока мы живы.
Ты только с проповедью в душу к нам не лезь –
Превыше рая жажда золотой наживы.
Попутный галс и на компасе вновь норд-вест,
И вот «весёлый роджер» взвился на грот-мачте.

Ни дома, ни друзей, ни деток, ни невест –
Никто не дружен с джентльменами удачи.
Клинки наточены, и тлеют фитили,
И адским пламенем пылают наши рожи.
На поиск золота уходим от земли,
Лопатой золото нам добывать негоже
А нам что песо, что французский луидор –
За ваши жизни жизнь свою продлить немного.
Вы о бессмертии душ нам не несите вздор –
Нам никогда не ведать милости у Бога.
И сытно кормим каждый день подводный мир,
И ненавистна до чертей работа сучья,
Но только зло на нас посмотрит командир,
И мы опять на абордаж готовим крючья.

2.

Вот он стоит, глядит в трубу – спокоен он,
По ветру шляпа развевается с плюмажем.
И в тот же день приговорённый галеон
Уйдёт на дно, кормить косаток экипажем.
Со мной всё ясно: я – убийца и бандит,
Неужто ль Господу приятно слушать стоны?
Но Он в который раз нам всем благоволит:
И день и ночь на дно уходят галеоны.
Мы видим парус. Тяжело идёт. Купец!
Всё закипело, и команды полетели.
Он обречён, он без пяти минут – мертвец.
И новый день начнётся с пушечной дуэли.
Вот кто-то, вскрикнув тяжело, за борт полетел,
Другой на палубу упал, клинок роняя...
Мы ваше золото разделим – вот удел
Корсаров павших. Мы «испанца» догоняем.
И цель близка, и, кровь почуяв, экипаж
Готов к ним в борт ломиться голыми руками,
Но, до момента схоронясь за такелаж,
Мы ждём команды с абордажными крюками.
И вот ядром разбита мачта, рвётся снасть,
Бушприт разбит, и корма пламенем объята.

Эх, нам бы к дьяволу морскому не попасть...
Сегодня срок не наш! Скорей на абордаж!
Сегодня срок не наш! на абордаж, ребята!

3.

Цена атаки – невысокий гонорар.
Чего ещё хотеть уставшему корсару?
Ведь коли будет жив – споёт ещё корсар,
Напившись рома, под испанскую гитару.
Мы не жестоки, но жесток сегодня мир,
Хоть ты мне враг, молю, прости нас, человече!
Но шибко знает своё дело канонир,
В упор тела людские потроша картечью.
Я знаю, это – правда: каждый был бы рад
Мгновенной смерти, чтоб навывлет прямо в грудь бы...
Но вот опять идёт на поиски фрегат,
Но вот опять идёт на поиски фрегат
Топить и жечь, ломать и корабли, и судьбы.

Я – плохой, а ты – святая

В костровище искры тают...
Нет ни дыма, ни огня.
Я – плохой, а ты – святая.
Значит, дальше без меня.
Дни из памяти листая,
Не могу припомнить – где
Стал плохим, а ты – святая
С бабочками в животе.

А в недавнем «когда-то»
Для тебя я был как бог:
Даже имя было свято...
Что ж случилось с этой датой?
И с чего я стал так плох?

Кулаки сжимал до хруста:
Что я делаю «не то»?

Почему со мною «пусто»?
И когда я стал «пустой»?

Ну не шла мне роль простая,
Не свожу теперь с ума.
Я – плохой, а ты – святая.
Дальше без меня. Сама.

Что ж наделал я такого,
Что раскол меж нас возник?
Поищи себе святого –
Крылья ангела и нимб

Поищи. Он где-то в стае,
Чуть не каждый ли второй...
Я – плохой, а ты – святая.
Это истина простая:
Есть и для тебя святой.
Я – плохой, а ты – святая.
И зачем ты мне такая?
Мне ж достаточно плохой.
Ну зачем ты мне такая?
А действительно, на кой?

Эх, снять бы разгрузку и бронежилет

Эх снять бы разгрузку и бронежилет,
Защитную скинуть рванину,
Подставить щетину под острый Gillette,
Стереть вместе с грязью и парочку лет,
И снова предстать гражданином.

Для свежести мысли хлебнуть коньяку
И, смазавшись одеколоном,
Закончить ещё одну в жизни строку.
И после пожаращ на полном скаку
Ворваться в гражданских колонну.

Костюмчик надеть, новый модный фасон,
На улицу выйти, торгуя лицом.

Метаться по городу в поисках фей
И радостей приторно-сладких.
За вечер сменить пару-тройку кафе,
А ближе к ночи и, уже подшофе,
Взрывать себя на танцплощадках.

Таксиста не гнать на пределе в движении,
Орать, чтоб он выключил фары,
Не думать всё время «а сколько в рожке?»,
Не чувствуя сердца удары.

Не нужно сидеть в темноте, ни к чему –
Ведь здесь не гремит канонада.
От вспышки до взрыва считать тишину,
И в землю вжиматься не надо...

Да, снять бы разгрузку и бронежилет –
Не станешь тащить их до дома.
Купить «на ближайший» последний билет,
Забыть, где я был – там меня больше нет..
Там только остались фантомы.

Мужество

Нас к мужеству ныне призывают года –
Нет яростней этого зова.
Становимся снова мы в ротных рядах,
В колонны становимся снова.

Рождается мужество в страшных боях,
В луганских, донецких руинах.
Ударила в спину когда-то своя,
Когда-то своя... Украина.

И снова наш русский язык на кону,
И право на свете быть русским,
И веру свою отстаять, и страну –
Сегодня нет права быть трусом!

И памяти предков, кто в тот страшный час
И русскую речь, и Отечество спас –
Верны мы!

Свеча окопная

1.
Сидит братва пехотная
В лесочках, на поляночках.
Горит свеча окопная
В блиндажиках, земляночках.
В той свёчи жару столько, что,
Что и в печи не вместится.
Она днём жарче солнышка,
А ночью ярче месяца.

Припев:
И даже рядом смерть почуя,
Зажгу окопную свечу я,
Она мне, душеньку врачуя,
Согреет пальцы огоньком.
Забудем старую примету,
Зажжём от свечки сигарету,
Помянем жизнь и ту, и эту,
С братвой затынемся дымком.

2.
А свечи те окопные
Нам люди отправлявшие –
Родные, расторопные,
В морщинках, да уставшие,
За нас в России молятся,

Стоят перед иконами –
За здоровье, как водится.
И свечи льют окопные.

Припев.

3.
С любовью свечи сделаны,
С любовью упакованы.
И мира за пределами
Жжём свечи те в окопах мы.
И в пламени той свеченьки,
И в адском боя зареве
Родные человечики,
Ещё нам ближе стали вы.

Припев.

Я не пришёл обратно

Бегут куда-то поезда,
Стучат колёса мерно.
В то место больше никогда
Я не вернусь, наверно.

Друг к другу нас вели мосты.
Сквозь время и пространства
И неизменно была ты
В конце любых дистанций.

Летел ли, плавал ли, катил...
Сплетались дни в недели.
Всё дольше я бывал в пути,
Дистанции длинели.

Бежали дальше поезда,
Колёса бились тактно...

И, раз решив и навсегда,
Я не пришёл обратно.

Письма родных

В любом бою, в пылу огня и риска,
Когда сжирает пламя горизонт –
Нам жизнь дарует вновь забота близких
И весточки, идущие на фронт.

В тех письмах очень важное о ком-то.
Летит через пространство письмецо –
Всё для Победы, всё на благо фронта,
Всё для любимых и родных бойцов.

Нам шлют всем миром нужные вещицы,
Порою кем-то собраны с трудом.
И в этих письмах ваших душ частицы –
Нас заряжают светом и теплом.

Для Реквиема время не настало

Для Моцартов всех рангов и мастей
В Сибири или на Ривьере
Найдётся и рояль в кусте,
И за спиною свой Сальери.

Пока я сочиняю звукоряд
Космически витиевато,
Он торопливо сыплет яд
В мои напитки и салаты.

Но только не притронусь я к вину,
Ему – очередная мука.
In vino veritas? Да ну!
Она таится в силе звука.

Но крепче с каждым днём иммунитет –
Я к ядам восприимчив мало.
Сальерьям всем скажу я: Нет!
Для Реквиема время не настало.

Дай мне на счастье лапу, Джим

Дай мне на счастье лапу, Джим...
Он снова звонко лаял,
Он был сначала недружим,
Рычал, и злостью одержим,
Ну а сейчас оттаял.
Дай, Джим, на счастье лапу мне...
Не лай, прошу! Довольно!
Я с автоматом на ремне,
Ты ж без ошейника вполне
Обходишься спокойно.
Где твой хозяин, как он пал?
В бою по доброй воле?
А может, в дом снаряд попал?
Обрушившейся кровлей
Его и всех, кого любил,
Мгновенно придавило.
А ты же без умолку выл
И лапами завалы рыл,
Копал, что было силы.
А может быть, войной гоним,
Тебя хозяин кинул.
А ты помчался вслед за ним,
Но так и не догнал огни
Летящей вдаль машины.
Ты нёсся вдаль, не ел, не пил,
Не видя и не слыша.
Ты долго бегал по степи,
Звенья обрывками цепи,
На нас случайно вышел.
Людской заботой окружён,
Был осторожен с нами.

Прибился всё же в батальон,
Украдкою лакал бульон,
Поставленный бойцами.
Теперь ты тоже наш солдат
И вписан к нам по штату.
Хозяев не вернуть назад,
Теперь ты стал и друг, и брат
Российскому солдату.

Напутствие сыну

Мои слова тебе и просьба, и завет,
Не хочется давать тебе приказы:
Жить нужно так, чтоб излучать тепло и свет,
И не жалеть за жизнь свою ни разу

О чём-то сделанном и сказанном не так,
Или написанной, но скомканной бумаге.
Чтоб не мешал тебе внутри живущий враг,
Во всех обличьях лень, зависть, страх.
И о словах, о тех, что произнёс в присяге.

И всё предельно ясно в тех словах:
Жить по чести, не уповать на чудо.
Жить в ратном подвиге и благостных делах
И не растить в себе ни труса, ни Иуду.

Шагни туда, куда уж я теперь не смогу
В любви, в делах, в науке иль сраженьи.
Будь просто мужиком внутри, сынок –
И это будет лучшим достиженьем.

И, раз уж выбрал эту для себя судьбу,
Поверь мне, сын, не самую плохую –
Шагнул с дороги на военную тропу..
А если будет уж совсем не вмоготу –
Зови! Плечо подставляю, подстрахую.

Жизнь больно бьёт и крутит на излом,
Ломает многих и порою очень круто.
Солдатский хлеб и кровью, и трудом
Нам достаётся каждую минуту.

И раз уж сам решил, сынок, тогда, изволь,
Такая уж в погонах доля наша –
Работать над собой, преодолая боль...
Коль чашу эту пронесёт Бог над тобой –
Пусть не минует, но полегче будет чаша.

Папка

Пап, я знал, что ты точно вернёшься...
Я ведь знал, что ты тёртый калач...
Папка, ты почему не смеёшься?
Папа, милый, ты что? Ты не плачь!

Папа, ты же учил – не пристало
Мужику слёзы лить. Ну даёшь...
Я ж не плачу, хоть сам ещё малый,
Ну, а ты – взрослый дядька – ревёшь.

Прекрати. Щас и мама с Иринкой
Прибегут и начнут слёзы лить.
Дай-ка я расшнурую ботинки,
И не надо сейчас говорить.

Помолчи, я налью тебе чаю,
Отдохни, заварю, как учил.
Хочешь я тебе стих прочитаю,
Тот, что ты для меня сочинил?

Там, когда глухо рвались ракеты,
Ты лежал и писал обо мне,
Что мне выпала участь кадета
В самой лучшей на свете стране.

Вот и чай, папа, свеженький, на-ка,
Мой огромный любимый медведь.
Я не верю, что ты можешь плакать,
Ты ж всегда говорил «не реветь».

Мамина забота

Жалеешь меня до сих пор? Прекрати!
И хватит пихать мне в дорогу
Котлеты и булки. Я буду в пути
Лишь сутки всего, слава Богу...

Мне сутки всего лишь лететь, ни к чему,
Ни мёд мне не суй, ни малину.
И шарф я твой тёплый с собой не возьму!
Меня же там на смех подымут.

Нет, ноги не мёрзнут. Да. Тёплый блиндаж.
Нет. Мы не в лесу, и не в поле...
Мам, ты чересчур! Ну до коликов аж!
Как будто я маленький, что ли?

У нас всё спокойно. Ну что значит «вру»?
И что ж там по ящику вертят?
Что мы здесь одни, а их полчища прут?
А-а-а-а, это сказали эксперты?

Ты этих экспертов подальше пошли,
И впредь не смотри телевизор.
И банки с вареньем в отряд мне не шли,
И прочих посылок с сюрпризом.

Не вздумай мне денег на сотовый класть –
Там просто нет сотовой связи.
Мам, что это значит: «Нигде там не лазь»?
Я так-то и еду, чтоб лазить.

Ну, всё, успокойся, я буду там есть,
Больную заматывать ногу,
Молитвы читать и под пули не лезть.
Вот ты как с дитём, ну ей-богу...

Я взрослый мужик, уже дети, семья,
А ты ко мне всё как к дитяти...
И тут встрепенулась старушка моя:
«А ну-ка, родимый мой, хватит!».

Заботу мою ты мне ставишь в вину?
На место моё коли встанешь –
Когда твой сыночек пойдёт на войну,
Тогда-то ты мамку помянешь.

Тогда, не дай Бог, но поймёшь, сколько бед
Добавилось к нашим сединам,
И сколько б тебе ни исполнилось лет –
Останешься маленьким сыном....

Прижала меня, осенила крестом –
В ней силы внутри закипели.
Откуда взялись они, думал потом,
В уставшем натруженном теле?

Взглянул ей в глаза, и ком в горле застрял,
Сдержаться б, не выдать волненья...
Я обнял её, и чуть слышно сказал:
«Возьму, мам, и шарф, и варенье...».

Бог есть

Да, Бог есть... Он во всём... Он повсюду...
Он для каждого путь замостил.
Всепрощающий... Даже Иуду
Он, наверное, тоже простил...

Нам же их не простить, греходелов,
Кто и память, и веру предал,
Те у нас в перекрестьях прицелов,
И для каждого огненный залп.

Посвящение пехоте

1.
От прилёта до прилёта,
От разрыва до тиши
По грязи ползёт пехота,
Тяжко дышит, не спешит.
А куда спешить пехоте?
Торопиться на тот свет?
Здесь таких вы не найдёте –
Даром сгинуть жажды нет.

Не парадною колонной,
Не на плац, не на балет,
А посадкою зелёной
Мелкой группкою след в след.
Кто друзья? Клопы да воши –
Всё с собою без затей.
Тяжело идёт под ношей
Наш обычный пехотей.

Припев:
И откуда ждать прилёта,
Всё пехоте невдомёк.
Покури пока, пехота,
Есть табак, есть огонёк.
Лишь бы к месту выйти в срок.

2.
Вязнем. Чернозём проклятый.
Всё, увяз – хоть волком вой...
Здесь тебе не аты-баты,
Не поможет строевой.

Тянет вниз БК и броник –
Попадаем под замес.
Вон расчёт рычит и стонет,
Но не бросит АГС.

Тут давно мечта у многих –
Шесть пар глаз иметь пора:
Две вперёд глядят под ноги,
Две назад, а две туда,
Где и облака клубятся,
И в лазуревой выси
Не архангелы резвятся –
(«Птица с яйцами» висит)
Дрон с подвесами висит.

Припев:
Щас у них там дрогнет кто-то,
И припустит наутёк.
Покури пока, пехота –
Есть табак, есть огонёк.
А им подкурит «СОЛНЦЕПЁК».

3.
И с солдатскою удачей
У пехоты тет-а-тет,
С ёмкой строчкою на патче
«Двое сбоку – ваших нет».
Хоть зовут полей царицей –
Вроде помним мы о том,
Но в окопе лучше спится
Нам с товарищем «вальтом».

И пыхтя, и вновь потея,
Прогрызаем рубежи,
И опять над пехотеем
И грохочет, и жужжит.
И пускай тропой измотан –
На два шага выдох-вдох.

Мы же русская пехота -
С нами правда, с нами Бог.

Припев:
И откуда ждать прилёта,
Всё пехоте невдомёк.
Покури пока, пехота,
Есть табак, есть огонёк.
Лишь бы к месту выйти в срок.

Последняя медаль

Хочу, чтоб медали и ордена
Вручали лишь в мирное время:
За Веру, Любовь, а не кровь на войне,
Сражение – нелёгкое бремя.

Сверкает медаль за храбрость в строю.
Она им сердца согревает.
Солдат заслужил её в честном бою.
Но он человек, он о Мире мечтает.

Мы знаем, что молятся люди Земли,
Чтоб не было слёз на планете.
Но нелюди есть. И войну разожгли.
Теперь мы за жизни в ответе.

Пусть век отойдёт военных наград,
Им лучше покой и свобода.
Всю правду о них скажет русский солдат,
В них воля и вера народа.

В памяти

Сбылась мечта из детства, я стал военным, батя,
И гордость распирает грудь.
С тебя я брал примеры, батя,
Смотря на твой служебный путь!

Орджоникидзе и Кабул, Бача и шурави –
Тут многим не понять...
Но лишь услышав этот гул, все сразу замолчат,
И в этой тишине кромешной одно прошепчет он –
«Афганистан! Афган!».

Как много смысла, страха в этом слове!!!
Мурашки, как установки «Град»,
Начнут бомбить по телу снова!!! Снова!!!
Ну а у них, уже седых, в глазах картинка промелькнула –
Как друг погиб в горах седых, как БМП в огне тонула,

Как рвались мины, плавилась броня,
И «духи» толпами на вас бежали,
Как заклинание, «Аллах акбар!»
Они без страха вам в лицо кричали.
Но не ступили вы назад, а многие в бессмертие шагнули.

Часы «монтана», автомат, разгрузка, пыльный китель –
Таким запомнили его ребята!!!
И вот спустя... уж 30 лет прошло...
В шкафу пылится китель с орденами.
Его он редко достаёт! Точнее, раз в году!
Его разгладит, подошьёт, наденет, смирно станет,
И две гвоздики отнесёт тем, кого уже нет с нами!!!

МЫ ПОМНИМ ВСЕХ

* * *

Мы горящими сердцами наполняли веру,
Чтоб гордились своими отцами юные сыны,
Чтобы гордились внуком бабушка с дедом,
Чтобы мамам не снились печальные сны.

В кромешной тьме она всплкнёт украдкой.
Молит Бога, чтоб сын возвратился домой,
Я успею ответить, что в полном порядке,
Но буду бороться с грустной до боли слезой.

* * *

Горит земля и плачет небо,
Во рту лишь скрип бетонной пыли,
И весь мой страх – он был иль не был.
Мы помним всех, мы не забыли.

Кровь стынет в жилах от пейзажей,
Да и смотреть нам времени не даст
Холодный брат (лежит весь в саже).
Минута – словно целый час.

В последний путь его я провожал,
Дрожали руки, словно от запоя.
Холодный день, а на душе пожар.
Ещё один не вышел к нам из боя.

Эх, как сладка минута тишины,
Как холодит воды глоток,
Он мне поможет вновь пройти
Сквозь дым пристрелянных дорог.

Туман, осевший над полями,
И стаи вверх летевших птиц...
Пройду, неся под сердцем знамя,
Не забывая павших лиц!

* * *

Себя не страшно потерять,
Не страшно всё начать сначала.
О чувствах страшно промолчать,
Мне мало нас, тебя мне мало...

Хлопок дверьми не ставит точку,
А разговор придаст нам сил,
Пока внутри, как порох в бочке,
Мой дикий и влюблённый пыл.

Винить себя – ещё полдела!
Простить себя не хватит сил.
Так стоит ли терять нам время
На то, что вовсе не хотим?

Но боль – от слов, обид. И слёзы.
Неумолим наш малый час.
Пройдут дожди, утихнут грозы,
Любить же хочется сейчас.

Письмо маме с фронта

Мы думали, что на войне не страшно.
Мы думали, коль ты не трус – вперёд!
А дроны всё летают и летают.
Вчера под ними лёг почти что взвод.
А я хочу домой, хочу я к маме.
К друзьям хочу, и к бабушке моей.
Но снова дрон висит под облаками,
Замри, солдат, мечтать, солдат, не смей.
Воюю я, чтоб ты спокойно спала.
Никто тебя обидеть не посмел.
И для тебя, моя родная мама,
В бою отважен буду я и смел.
Любить меня ты землю научила,
Ценить родных и уважать друзей.
Так много в этой жизни подарила.
Терпи, солдат, и умирать не смей.
А я хочу домой, хочу я к маме,
Но сколько нужно, столько прослужу.
Вернусь домой живым я и с цветами,
К твоим ногам победу положу.
Хочу туда, где тишина ночами,
Хочу домой, где утром кофе пьют.
Хочу к тебе, как маленький, прижаться,
Ведь рядом с мамой не убьют.
А я хочу домой, хочу я к маме,
Пусть солнце светит или льют дожди.
Вернусь к тебе, моя родная мама.
Вернусь к тебе, ты только меня жди.

Октябрь. 2023 г.

* * *

Всем привет! Сменил просторы
На подземные ходы...
Тут пещера, а в ней норы...
Нет ни ветра, ни жары...

Солнца тоже, кстати, нету...
Лишь пещер холодный свод...
Но есть плюс, что нет ракеты,
Что к нам в глубь тропу пробьёт...

В общем, жизнь тут прям как в сказке.
Мы – как гномы в рудниках.
Правда, пыль не держат маски,
И стерильность – полный крах...

Ничего, и так терпимо...
А ещё прикол тут в том –
Время тут течёт сквозливо:
Нет ведь солнца за окном...

И не знамо что снаружи,
Ясный день иль ночь сплошная,
Град иль зной, тепло иль стужа,
То ли снег, то ль дождь без края...

Молимся снутри за вас,
Кому сверху, может, хуже,
Кто в окопах за всех нас
Бьёт врага по пояс в луже.

Молимся, чтоб меньше 300
Нам сегодня завезли...
И чтоб пуль вражиных выстрел
Свои цели не нашли...

Молимся за всех, кто сверху,
Тем святым, что ещё выше...
Может быть, из преисподней
Небо нас хоть чуть, но слышит...

* * *

*Посвящается родному Томску
в День города*

Вернуться б хоть на день один домой...
Родной земле, церквям бы поклониться...
Вдохнуть бы лес, так пахнущий смолой...
С ведра помятого воды с ключа напиться...

Вернуться б в отчий дом и мать обнять,
Держа что мочи, слёзы видя, как та плачет...
И никому тоски по Томску не понять,
Кто вдалеке от дома меж окопов скачет...

Как хочется войти под своды храма,
Свечу поставив, в пол кресту склониться...
За всех, кому не чужда войны драма,
И вспомнить тех, кому домой не возвратиться...

И дом родной я в редких снах лишь вижу...
Так дочку хочется к себе скорей прижать,
Сквозь броник пыльный, прямо к сердцу ближе...
Мы далеко... Но нас не разорвать...

Мы непременно выполним задачу.
Даст Бог, в бильярд партейку с лучшим другом...
С отцом посадим дерево на даче...
Кольцо надену на любимую супругу...

Добавлю блеска Чехову на нос...
И в Горсаду монет во все фонтаны...
И в Лагерный, к огню, гвоздик иль алых роз –
За всех, кому война создала раны...

Резных домов окинуть взором все витки,
С пожарной вышки от музея града.
В «Цирюльнике» укоротить виски.
И горькой стопку... Большого не надо...

И к «Волку Счастья» чуть хмельной пешком приду,
А он мне скажет, как и раньше: «Щас спою...»,
И мы затанем... Глядя на звезду...
Мой Томск... Скучаю по тебе и так люблю...

7 июня. 2024 г.

* * *

Вторые сутки в оперблоке на ногах...

– Ещё чуть-чуть, коллеги, скоро завершаем...

– Ещё «тяжёлый»!

– Заноси... Ставь на станках...

– Сестра, ещё промыть, и зашиваем...

– Глаза слипаются... И хочется пожрать...

И снова перед нами сложный выбор –

Иль пару ложек съесть, то ль хоть часок поспать...

Но вновь решает всё работа и калибр...

– Ребята, принимай! Ещё один!

– Братва, возьмите пациента, кто свободен...

– Готовим операционную! Морфин!

– Наркоз, адреналин, на кислороде...

– Ребята, у кого из нас «вторая плюс»?!

– Ща подойду, вторая группа у меня...

– Я тоже сдам, вот ток освобожусь...

– Готов на выезд. Документы на «трёхсотых» у меня!

– Жара такая, щас кваску бы да крошки...

– Работай молча, Саня, душу не трави...

– Врачи, пожалуйста... Спасите мои ножки...

– Мы постараемся, братишка, потерпи...

- Носилки срочно, в перевязочную, быстро!
- Так, мужики, вот этого по-шустрому в рентген...
- Медбрат, смени горшок, пожалуйста, на чистый...
- Где терапевт? Там отравление... Похоже, метилен...

- Ребят, оставьте, тут померкший уже взгляд...
- Здесь самострел... Жизнь дуракам авансов не даёт...
- Шанс есть всегда! Разряд! Ещё разряд!
- Да не... Смотри, пульс есть... Завёлся, ёшкин кот...

- Здорово, парни, мы «укропа» привезли...
- Рука не поднялась добить... Совсем юнец...
- А Лёха где?
- А Лёху... не спасли...
- Дрон-камикадзе... Прямо в машину – и писец...

- Братва, на штурм идём, дайте жгуты и нефопам,
- А то голяк совсем. Считай что с голым задом...
- Пойдём, родной. И жгут, и обезбола тебе дам,
- Вы там за нас вломите этим гадам...

- Обнял, братишка. Береги себя. Держись.
- Господь пускай вас всех оберегает...
- Спасибо, братцы, вы спасли мне жизнь.
- Да то не мы... То с нами Бог спасает...

18 июня. 2024 г.

* * *

Усталость, и работы выше крыши...
И из еды почти один лишь только никотин...
И кажется порой, что в мире я совсем один...
Хотя постой... ещё ж на складе, видел, были мыши...

Из угла в угол нервно меряя шагами,
Схожу с ума, ходя, как в клетке зверь...
И не ведёт на выход эта дверь...
И та... как будто под семью замками...

Как сложно жить, когда нельзя даже напиться...
И память потерять хотя б на время...
И день сурка уж третий год – такое бремя...
И ампутанты просят пистолет, чтоб застрелиться...

Сердце сжимается, огнём в груди горя...
Ни корвалол, ни валерьянка не спасает.
А вместе с ним душа моя страдает,
Расстроенною скрипкою хрипя...

Слёзы с души уже налили на дно лужу,
Их не могу поток никак остановить...
Так просто в тишине хочу побыть...
Но крики раненых... и вновь больным я нужен...

Упасть на пол без сил... И в сон бы провалиться...
И тянется резиной день до дня...
Невыносима эта мука для меня...
Бог, дай мне сил терпеть и не сломиться...

27 апреля. 2024 г.

* * *

Близка победа, братцы, верю я!
И поднимаю с верой Божье знамя
Во славу русского единого царя,
Не угасает в сердце нашем пламя!

На поле брани среди копоты и смрада,
Где брат на брата так безумно в бой идёт,
Я знаю точно, вечная награда
На небесах нас где-то свято ждёт.

Мы не хотели воевать,
И где-то там, внутри, мы все едины,
Хоть и хотят нас, словно тряпку, разорвать
Все зарубежные и подлые скотины.

Мы рубимся в безумной этой каше
Самой нелепейшей из войн, что есть, войны...
Но на земле исконно русской, нашей...
Причём для той и этой стороны...

Грешу и каюсь, каюсь и грешу,
И путь мой тернями уложенный и ядом.
Но я креста себе иного не прошу.
Я знаю, что мой Бог со мною рядом.

Падут десятки тысяч близ меня.
Господь мой пастырь. Что же мне бояться?
Я никому не пожелал б судьбу, как у меня...
Но с Ним не страшно даже смерти улыбаться...

Долиной смерти не боясь я с Ним пройду.
И не преткнусь ногой своею я об мину.
Я донесу свой крест. Дойду. Не упаду.
Что мне бояться? Мой Отец прикроет спину.

И черти кружат над полями вороньём,
И крысами сжирают тела павших...
Ну ничего... Ещё победный гимн Христу споём,
Поставив свечи за Россию воевавшим...

Не убоюсь и зла в пустыне, полной смрада.
Кого же мне бояться? Что страшиться?
Лишь длань Его, как высшая награда,
Я верю, никогда не отвертится...

17 апреля. 2024 г.

* * *

Сколько же воска в храмах сожжено
Что у икон стоят пылающих свечей...
Сколько же слёз впитало полотно
От вдов, сирот, отцов и матерей...

Земля не в силах больше эту пить
Кровь братьев, слитых в чаше воедино...
Довольно, братья! Хватит! Будем жить!
Пора расправить опалённые наши спины!

Доколе будет зарубежный кукловод,
Марионеткой Украиной управляя,
Стравлять нас вместе братским лбом об лоб,
Людской беды и смерть не замечая?

Пришествие Христа вот-вот грядёт!
Не угасает в сердце русском пламя!
И сатаны престол поверженный падёт..
Над ним я поднимаю Божье знамя...

19 апреля. 2024 г.

* * *

Эта земля – моя. Я остаюсь здесь.
Здесь похоронен отец. Похоронен дед.
Когда эта буря утихнет, осядет взвесь,
Я буду здесь. Не знаю, живым или нет.

Не ведаю, грудь в крестах, голова в кустах...
Чужбина любую судьбу превратила бы в участь.
Мне боязно (лишь психопатам неведом страх),
Но... Делай, что должен. Всё остальное – случай.

Меня обнимает тайги вековечный лес,
Где сердце моё навеки пустило корни.
Друзья уезжают, а я остаюсь здесь,
Где, может стать, никто обо мне и не вспомнит.

Но когда эта буря утихнет и все вернутся назад,
Мы сможем прямо смотреть друг другу в глаза?

«Mea culpa»

В этом была ли моя вина,
Что за каждым скрылась своя война,
Свой дом, дот, дзот, окоп,
Свои комиссары, личная пуля в лоб?

Моя ли вина, что я был обучен стрелять,
Что всё ещё верю словам про Родину-мать,
Моя ли вина, что здесь похоронен отец,
Моя ли рука разливала по формам свинец?

Моя ли вина, что нас разделяет страх?
Цевьё автомата теплеет в моих руках,
Сталь, захотевшая крови, напьётся сполна.
Если я выживу – в этом моя вина?

* * *

Бесполезно вбивать вину –
Не вколотишь, сколько ни бей.
Мы учились встречать войну
С колыбели и с первых дней.

Разве нет? Оглянись назад!
Я попробовал. Честно, серьёзно...
В год, когда я пошёл в детский сад,
Наши танки горели в Грозном.

Я заканчивал первый класс,
Пил отец, прорастая в диван,
И вещал по радио ТАСС,
Что Шамиль вошёл в Дагестан.

Через год – подроссел ответ,
Снова горы горели в огне
И смотрел лицемерный свет
На вторую войну в Чечне.

Класс... Седьмой был? Линейка. Школа.
Телевизор. Отец. Диван...
И эфир новостной расколот –
Все каналы твердят: «Беслан».

Быстро в памяти годы летят,
Я уже почти что не мал,
В интернете творится ад –
И грузины бомбят Цхинвал.

Был, наверно, четвёртый курс...
Или третий? Бог, впрочем, с ним,
Кто опишет палитру чувств,
Вызываемых словом «Крым»?

Через год – операция в САР,
И дрожала небесная синь.

Мы вошли в огромный пожар
Посреди чужеземных пустынь.

Так к чему мне твоя вина?
Не вколотишь, как ни стремишь.
Мир взаправду и есть война,
Длиною с целую жизнь.

* * *

Тут подумал... Давайте представим себе на минуту:
СВО прекратилась, и грохот орудий стих,
Прошло, как кошмар, как хмарь похмельного утра...
Мир вспомнит, что есть ещё двадцать шесть других?

Закончится этот конфликт. И выйдут ли те же пане,
Сэры, херы, сеньоры, мсье, господа пацифисты
Против девятилетней уже войны в Южном Судане?
Эфиопы, афганцы, малийцы дождутся, мистер?

Я не судья, не историк, не вынести мне вердикта,
Запад, восток, юг – мир горит от небес и до дна –
Двадцать семь «нестабильностей», войн, прочих конфликтов,
Из них двадцать шесть не новость, и в новостях одна.

Поставлю, пожалуй, точку. Блокнот закрою.
Не надо меня убеждать, что это – «другое».

* * *

Оружие в руки, конечно, дадут не всем,
Но лишь всеми и каждым она утолит жажду.
В Перми ты, в Огайо, в Сиднее, в Туапсе,
В Пальма-де-Мальорке, в Гаване – не важно.

Всё равно, кто первым сорвёт с конвертов печати,
И без разницы, чьи и где повернут офицеры ключи, –
Грибнице взрывов, сетке прицельных распятый,
Последней войне всё равно не нужно причин.

Хочется, чтобы быстро, чтоб лишнего не страдать.
Калек, ветеранов и беженцев точно уже не будет.
Победителей – тоже. В апокалипсис – побеждать?
Проигравший один: Человечество. Номо. Люди.

Полчаса – подготовка запасов ракет к залпу,
Пятнадцать минут в траектории, на пути...
Если Ты есть на небе, и если Тебе нас жалко,
Прими меня, грешного, Господи – и прости.

* * *

Кровь колотит в висках,
Сердце стучит в броню.
Самый нелепый страх –
Страх предавать огню.

Бумаг важны ли листы,
Раз каждый уже решил,
Что время смыкать щиты
И бить, не жалея сил?

В любой ненужной войне
Нет невиновных сторон,
Но полно игроков извне,
А преступны и чернь, и трон.

Поздно смотреть назад –
Время сжигать мосты,
Камни летят. Ты виноват.
Ты.

Снова где-то...

Снова людей, пока что как будто неловко,
Новое мирное время бросает в печь.
Вместо завтра – вчера. Вместо старого друга – винтовка,
Застарелая ненависть. Вместо прочтения сжечь.

Где-то снова взрываются бомбы и падают мины,
Набирая в местах, что потише, просмотры и лайки,
Где-то крики о помощи снова встречают спины,
А несчастные дети войны собираются в стайки.

Где-то вновь безутешно и горько рыдают вдовы,
После новых ночных обстрелов горят больницы,
Землю калечат танки, стреляют снова,
Скалятся в ночь обожжённые злобой лица...

Где-то там, далеко. За границей привычного мира,
Интернета, работы, уютного плена дивана,
Через полсвета от тёплой твоей квартиры.
Далеко – и летит не в тебя. Напрягаться рано?

* * *

Ночь осыпает залив трассерами звёзд.
Ветер в лицо, растревоженный запахом моря,
Волны внизу... На сияющий лунный мост
Восходит душа, утопившая страхи и горе.

В вольную высь! Не увидят побега люди,
Спит маскировочной сетью укутанный порт,
Дремлют собаки и жала зенитных орудий.
Лижет прожектор корвета потрёпанный борт.

Это – внизу. Далеко. На пороге неба
Тонкие пальцы коснулись дрожащих струн,
Нежные звуки и звёзды – алмазные крепеы –
Лечат изломанный мир, не доставшийся злу.

Время стирает кошмары, врачует раны,
Боль и отчаянье, ужас ненужной войны...
Ржавые башни и груды железного хлама
Спят в милосердных объятиях юной весны.

* * *

Осенью на броне к утру намерзает иней.
Так учили и научили, что честь и свобода
Неразделимы с изяществом строгих линий
Мушки, ствола, цевья и трубки газоотвода.

Кто виноват – ни Христос, ни Аллах, ни Будда
Не сумеют толпой рассудить до заката века.
Не жалеи никого, тебя ведь жалеть не будут,
Пуле пофиг, ты баба, мужик, ребёнок, калека...

На той стороне ночь и на этой густая темень,
С обеих сторон бетонные клетки кварталов,
Как будто поля, в которых свинцовое семя
Падает в щедрую почву и растёт, напивавшись алым.

Кузьмичи

Сегодня провожают со слезами,
Нет добрых слов – ты просто помолчи.
Уже давно по сорок за плечами,
Но на войну уходят «кузьмичи».
Забыт давно размер противогаза,
Но руки помнят старый автомат.
Идёт давить фашистскую заразу
Вчера – «кузьмич» – сегодняшний солдат.

И, не гнушаясь никакой работой –
Детей растили, строили жильё –
Стоит «кузьмич» плечом к плечу в окопах,
К груди прижав холодное цевьё.
Как тридцать лет назад он с пацанами –
В кулачные разборки двор-на-двор.
Шумит в ушах, сбивается дыхание –
Азарт войны и боевой задор.

В минуты отдыха, в окопах, на привале
Своей рукой облагородит быт.
Починит двигатель, построит в поле баню.
«Кузьмич» всегда накормлен и подшит.
Он соль земли, он мудрость поколений,
Он свет луны, сияющий в ночи.
Пусть поскорей в свои родные семьи
С победой вернутся «кузьмичи».

Разговор с собакой специального назначения

Ты что дрожишь и смотришь исподлобья?
У самого на лапе шерсть в крови.
За боль, за страх, что пережил сегодня,
За это нас, дружище, извини.

Давай, браток, иди ко мне поближе –
Разделим на двоих из сухпайка.
Я выжил после боя, и ты выжил,
А значит, что судьба у нас легка.

Возьми мои галеты – я не жадный,
И лапу дай сюда – перевяжу.
Тебе поспать сегодня срочно надо,
Да не скули, что снова ухожу.

Я ненадолго – выполню задачу,
К тебе вернусь – смотри не убегай.
Ты же пацан, а пацаны не плачут.
Ну всё, малыш, увидимся – прощай!

И я шагнул обратно в неизвестность,
Туда, где люди злее всех зверей.
Миноискателем ощупывая местность,
Оставив зверя, что добрей людей.

Жиж

Холодом веет ноябрь.
Техника встала в степи.
Ветер с дождём, а начштаба
Должен нас всех довести
До ППД, где буржуйка
И разогретый обед,
Где моя сумка и койка,
Сон и плохой интернет.
Жиж и грязь – по колено.
«ЗИЛ» уже лёг на мосты.
Гусеницами из плена.
Рвут от усилий тросы.
Степь. Чернозём. Непогода.
Холод. Туманы. Дожди.
Мы здесь воюем полгода.
Господи, нам помощи

Вырваться с этой ловушки,
Целью не стать для врага.
Эх, не хватает «вертушек»...
Лужи покрыла шуга.
Вот бы морозец сибирский
Слякоть сковал – и вперёд!
Хоть БТР командирский,
Хоть «жигули» – довезёт.
Нет же, я чавкаю жижей,
Под каблуком – чернозём.
Хруст под ногами ледышек...
И по степи мы ползём.

Прощание славянки

Вот мы стоим с тобою на перроне,
Как в чёрно-белом про войну кино.
И проводник в пошарпанном вагоне
На нас глядит сквозь пыльное окно.

Не знаю я, какая ждёт нас доля,
И что нас ждёт с тобою впереди.
Но обнимаю я тебя рукою,
А сердце рвётся прямо из груди.

И ты, уткнувшись в теплоту бушлата,
Роняешь слёзы, нагоняешь грусть.
Я говорю: «Малыш, не надо плакать,
Ты подожди – я обязательно вернусь...».

Пусть впереди окопы и дороги,
Я задавил подальше этот страх.
Сквозь коридоры, двери и пороги
К тебе вернусь я на своих ногах.

Ну всё, пока, прощай, дай поцелую.
Нам вслед помашут, зарыдает малышня.
И под «славянку» мы в вагон промаршируем.
Моя ж славянка, ты дождись меня.

Первые потери

Первые потери – это страшно,
Даже если ты не знал бойца.
Даже если имя не расслышал
И не вспомнил ты его лица.

Первые потери – это больно,
Сознавать, что всё не просто так.
Вдруг начать ругать его невольно,
Что не уберёг себя, дурак...

Бледное лицо – гримаса смерти,
Кровь засохла коркой в волосах.
Он лежит сухим листком в конверте.
Тело здесь, душа – на небесах.

У него теперь всё будет ладно,
Там архангелы ему откроют дверь.
Первые потери, сука, страшно...
Горько, холодно и грустно от потерь.

Маленькие радости

Сухие берцы, сменное бельишко,
Бульон на мясе, не на тушнякё –
Вот что в окопах радует мальчишку,
Да голос мамки в беспокойном сне.

Сон не спокойный – регулярно прилетает,
Тревожно нынче на передовой,
В нём мама Бога просит, слёзы утирая:
«Молю, чтобы вернулся сын живой».

И старшина, подкинув в печь дровишки,
Его отечески бушлатиком укрыл.
У самого таких же дома два мальчишки,
Так пусть поспит, пусть наберётся сил.

Сопит, ворочается – дело молодое.
Чуть слышно мать зовёт – совсем ещё юнец.
Ведь здесь, на фронте, всё ему чужое.
Винтовка – мать ему, а замполит – отец.

«Терпи, казак – и будешь атаманом!» –
Вдруг поговорку деда вспомнил старшина.
Мы вытерпим, я и пацан, что видит маму.
Мы победим – тогда закончится война.

Ночной охотник – вальс «МИ-28Н»

Всем, кто ждёт

Если вдруг я исчезну с радара,
Белой точкой погасну в ночи.
Заберёт меня пламя пожара,
Ты в эфире, прошу, не кричи.

Если вдруг я исчезну с радаров,
Донесения лягут на стол,
Поменяют мой статус в журналах,
И к списанию уйдёт протокол.

Если всё же исчезну с радара,
Знай, что я не забыл про тебя.
Я вернусь к тебе солнечным жаром,
И прохладой ночного дождя.

Но пока твой радар белой точкой
Траекторию видит мою.
«Двадцать восемь, ночной», знаешь точно,
Выполняет работу свою.

Ёлка на передовой

Ну вот и полночь. Вверх пошла ракета.
И, словно по команде, с двух сторон
Раздались взрывы, грохот, вспышки света,
Пошли прилёты, рвущие заслон.

Я вжался в землю, щурясь от разрывов.
Эфир комбата сотрясает мат,
Чтобы мой взвод готовился к прорыву!..
Но зря – в атаку не полезет враг.

Там, в блиндаже, скучают бутерброды,
Конфеты, сало, огурцы, компот,
И ёлка!.. Только зимней нет погоды.
Здесь новогодний дождь всю ночь идёт.

Двенадцать кряду шлём из миномёта,
Они двенадцать шлют из «эс-пэ-гэ».
Такая вот «весёлая» работа,
Так Новый год встречают на войне.

Я под разрывы тех осколочных «курантов»,
Кумулятивных «фейерверков», загадал,
Чтоб каждый – от солдата до сержанта –
В кругу семьи свой новый год встречал.

Чтоб в небо не ракеты, а салюты
Взлетали на потеху детворе.
И мы забыли страшные минуты,
Как Новый год встречали на войне.

Соната 155

Моцарту

В суматохе боя за посёлок,
Где сражение за каждый дом,
Здание – разрушенную школу –
Осмотреть решили под огнём.

Между перекрытий тяжёлых,
Кирпича и закопчённых стен
Увидал боец в углу за сценой
Фортепьяно – так и обомлел.

«Вот те раз», – подумал. «Уцелело!
Ни осколком, ни его огнём,
Даже рикошетом не задело...»
Загорелся глаз – сыграть на нём!

Вспомнил детство. В Доме пионера
Выпускной отчётный свой концерт.
Как в семье морского офицера
В шутку называли – «наш Моцэрт».

Пыль смахнул, и клавиши потрогал.
Словно в детстве оказался сам...
И полился Людвиг ван Бетховен
По разбитым классам и сердцам.

Понеслись аккорды по округе,
Заглушая канонады гул.
Лунную сонату, вальсы, фуги
Инструмент протяжно затянул.

На любой войне бесчеловечной,
Командир или простой боец,
Знает, что искусство – это вечный
Хрупкой жизни, творчества венец.

Доиграл и в бой – опять работать,
А фоно осталось там стоять...
Судьбы их в аккорд связали ноты
Из калибра «сто... пять... десять... пять».

Буханочка

Под Угледаром без особых перемен.
Без стычек, взрывов, артобстрелы редки.
А нам бы солнца получить на дождь взамен.
Работы нет для аэроразведки.

Кругом туман. Слепые мы. Да и они
Накинули нам «лепестков», не глядя.
Тяжёлой технике оно не повредит,
А вот колёсам достаётся, ляди.

На Угледар летит «буханочка» моя.
Сломается – починим «на коленке».
Весь экипаж – как настоящая семья.
Хоть на парад, а хоть поставьте к стенке.

Здесь в сорок третьем дед мой спасся от огня,
В «полуторке» попал под миномёты.
Оберегая не рождённого меня –
Остался жить, сведя со смертью счёты.

И вот, спустя каких-то восемьдесят лет,
По тем же самым фронтовым дорогам,
С артиллеристами в разведке, как мой дед,
В «буханочке» оберегаюсь Богом!

Благословенная массеточка

На фронте то война, то – тренировки,
Нет времени черкнуть письмо домой.
А мамки вяжут сети маскировки,
Чтоб чей-то сын остался здесь живой...
Беседуя о жизни и о ценах,
О детях, о заботах бытовых,
О бабушкиных кухонных рецептах,
Они плетут нам сеть для боевых.

Вручную раскроив обрезки ткани
На «галстучки». И, нацепив очки,
По сетке наплетаёт баба Таня
Умелыми руками «паучки».
В Отечественной потеряла брата,
Его у Тани отняла война.
И детство под плакатом: «Всё для фронта,
Всё для победы!» помнила она.
Массеть сняла, беззвучно окрестила.
А завтра снова подвиг трудовой.
Мы повоюем, были б только силы
У нас, да у ребят с передовой.
Я аккуратно отодвинул сетку.
Дрон улетел – сегодня без огня.
Ведь от коварной аэроразведки,
Спасибо, защитила ты меня!
От снайперской меня укрыла пули
Массеть, согрета теплотою рук.
С поклоном до земли тебе, бабуля.
Твой не родной,
твой незнакомый
внук.

Дядя Вова-старшина

В грунт зарывается мобилизованных рота.
Молча сопит старшина, ковыряя лопатой.
Мог ли подумать на старости лет, что работа
Будет – «бандеру» полями гонять с автоматом.

«Ну, дядя Вова, давай, ты же – самый матёрый.
Хоть доброволец, зато понимаешь, как надо!»
Знает комбат, что Вован, сединой убелённый,
Вытащит личный состав штурмового отряда.

Прапор на пенсии – служба давно за плечами.
Страх задушил в «Аргунё» в девяносто девятом.

Мог ли представить, что будет вот так вот ночами
Группу десанта вести на подмогу ребятам.

Шесть раз туда и обратно, летая в «буханке»,
Бога просил – не оставил чтоб ангел-хранитель.
Знает, снаряд прилетит – всех изжарит, как в банке.
Вот и молил: «Помогай выбираться, Спаситель!».

Но не за крест на груди, и не за «боевые»,
Он пацанов на войне окружает заботой.
Сделали дело – вернулись с задания живые.
Эх, дядя Вова – спасибо тебе за работу!

На языке героев

Слова «Умираю, но не сдаюсь»
По-русски писали когда-то,
И жизни свои отдавали за Русь
Российские наши солдаты.
Аргун, Бадабер, Осовец, Улус-Керт,
И Бородино, и Цусима,
Карели и Брест, Сталинград, Баязет –
Стояли на смерть за Россию.
Хоть время уносит с собою года –
Тускнеет всех подвигов глянец.
Но фразу «Работайте, братья!» тогда
По-русски сказал дагестанец.
В далёких краях, у чужих берегов,
В войне против зла и шахидов
По-русски кричал: «Это – за пацанов!»,
Отправившись в вечность, Филиппов.
Не дрогнули курсом, неслись погибать,
Сгорая внутри самолёта.
И сукам про папу грозили опять
По-русски два сбитых пилота.
Язык, на котором завещано жить,
И с песней шагать бравым строем.

А коль за Отечество жизнь положить,
То стоя погибнуть героем.
Вот острою фразой сердца пригвоздят,
Подобно холодной рапире,
Слова «Вызываю огонь на себя!»
Опять раздаются в эфире.
Последняя «эфка», в надежде молюсь,
Её вынимая с разгрузки...
Слова «Умираю, но не сдаюсь...»
Написаны ТОЛЬКО по-русски!

Весна на позициях

Вязнет «гусянка» в пашне.
Весна.
Борщ доедаю вчерашний.
Война.
Плавит сугробы солнце
На грязь.
Вот отоспятся хлопцы,
Да всласть.

Веет с востока ветер
Теплом.
Там, где остались дети, –
Мой дом.
Мачтами сосны – в небо
Отряд.
Наши позиции верно
Хранят.

Глушит смолистый запах
Табак.
Там за полями, в хлябях
Наш враг
Благодарит погоду,
Как мы,
Радуется приходу
Весны.

Помощники

Рыл солдат окоп в Ясиноватой
Добровolec, молодой пацан.
Звякнуло вдруг что-то под лопатой,
Землю он рукой смахнул, а там
Каска поржавевшая, и кости.
«Мёсинка». Лежит аж с той войны
Восемьдесят лет, не сдав позиций,
Добровolec спасшей мир страны.

Ночью тихо. Голоса в окопах.
Лязг затворов и негромкий смех.
Вот и батальоном стала рота,
На позициях считая тех,
Кто погиб здесь, землю защищая,
В сорок третьем огненном году.
И солдат в окопе, засыпая,
Знал – они дедóв не подведут.

Утром бой, опять кресты на танках.
Panzerwagen лезут там и тут.
Но ребята верят, что на флангах
Души павших – воинов сберегут.
Эх, судьба лихая-фронтовая –
Взрыв... Осколком в сердце прерван бой.
И солдат увидел, умирая,
Ангелов. В пилотках со звездой.

Без сна – бездна – бес сна – без дна

В реанимации клиники многопрофильной
Госпиталь Минобороны в городе на Неве.
Раненый офицер с душой, опалённой войной,
С осколком снаряда, застрявшим в его голове.

Готовить к операции осколок – полдела.
Врачи положительный прогноз уже могут дать.
У офицера беда – с разумом, а не с телом.
Он уже несколько суток просто не может спать.

Не помогают ему морфий и снотворные,
Музыка или гипноз, считать овец в тишине.
Ночью к нему приходят бойцы подчинённые,
Те, что погибли за лентой, на той стороне.

И они вместе берут «опорник» злосчастный.
В бою так надёжно, когда рядом чьё-то плечо.
Все живы-здоровы. И в миг победы прекрасный
Он спит... Кровь на бинты разливается горячо.

Солдатка

Жёнам героев

Мужеством пахнет «парадка».
Звон хрусталя от наград.
Одеколон на подкладке
Майский напомним парад.

Тяжесть мужской грубой силы –
Китель носить на плечах.
Он не узнает про слёзы
В душных, тревожных ночах.

Воинский долг и разлука.
Месяц без связи опять.
Самая тяжкая мұка –
Это молиться и ждать.

Вечер. Обнимет «парадку»,
Станет сильнее вдвойне...
Благословите солдатку –
Сердце её на войне!

За кота!

Неправда, что в этой войне
Солдаты не видят прекрасного,
Все чувства острее вдвойне
От смерти и вида ужасного.

Боец, потерявший друзей,
Контужен, смирился с разрухою.
Он всех ненавидит людей,
Но любит кота одноухого.

Суровый и резкий «полкан»
Командует в рацию матами.
Но рад, что пробился тюльпан
В траншее сквозь сетку лохматую.

Совсем молодой паренёк
Уставится в небо заречное.
Любуется, как за пенёк
Закатится солнце беспечное.

И в каждом из них доброта,
Что рвётся наружу нечаянно.
За солнце, цветок... за кота!..
Они будут драться отчаянно.

Чебурашка

Войной пошёл сражаться с теми, кто
Россию называл с презреньем – «ра́шка».
И слёзы, как вода сквозь решето,
Мне дочка подарила Чебурашку.

Мохнатый, домом пахнувший зверёк.
Велела: «Отведи от папки беды!
От пули и тоски чтоб уберёг,
Пускай живым придёт домой с победой».

Я год таскал его на рюкзаке.
Три месяца валялся с ним в палате.
Когда в последний бой на высоте
Прикрыл бойца в разорванном бушлате.

Эх, плюш, пропахший пóтом и войной,
Весь в бурых пятнах, в табаке и пы́ли.
В дороге наслаждаюсь тишиной,
Да вспоминаю, как судьбу делили.

И вот навстречу нам она бежит.
Перрон поплыл, не видно электрички.
В далёких снах мечтал про этот миг –
В объятых тонут бантики-косички.

Ах, эти ленточки – атлáсный шёлк.
На голове твоей моя фуражка.
Вернулся. Это значит, что свой долг
Защитника – исполнил Чебурашка.

Спички

Город детства, я сегодня здесь проездом.
Помню улицы все вдоль и поперёк.
У прохожего, спешащего к подъезду,
Извинившись, попрошу я огонёк.

Прикурив от сигареты по привычке,
– Благодарствую, – кивну ему в ответ.
Я в окопах вечно экономил спички,
Растянув на день полпачки сигарет.

Замерзал до дрожи под сырым бушлатом,
Под дождём лежал «на фишке» весь в грязи,
Засыпал и просыпался с автоматом,
По утрам молился: «Господи, спаси!».

Землю рыл лопатой, раздирал мозоли,
Снаряжал БК, таскал мешки с песком,
Отмывал запёкшиеся пятна крови,
Заедал тоску обрыдлым сухпайком.

Видел боль, страдания, бинты на ранах,
Видел, как сознание идёт на дно.
Смерть красива только на больших экранах
Голливудских фантастических кино.

Две недели пролетели незаметно –
Сытый быт, сухая обувь, тишина.
Уезжаю, до свиданья, город детства –
Возвращаюсь в город, где идёт война.

Грачик

Когда затихли грохоты разрывов,
От солнца заслоню лицо рукой.
Грач клюнет хвостовик облезлой мины,
Застрявшей в мокрой пашне за рекой.

Не надо, птица, слышишь, не стучи!
На смерть смотреть я больше не могу.
Здесь погибают люди и грачи,
Те – на лету, а эти – на бегу.

Живи, дурная птица, надо жить:
Летай в полях, расти своих птенцов.
Ты научи их Родину любить,
И мир бережь заветами отцов.

Треск пули, в небе грач... Прощай, весна.
В сырую пашню упаду я ниц.
Лишь плятятся разбитые дома
Чернеющими окнами глазниц.

Госпитальные штампы

Под потолком мерцает лампа
Неровный ритм.
Подушка с госпитальным штампом
И скромный быт.
На завтрак снова будет каша,
А может, нет.
Письмо от волонтёра Маши
Принёс начмед.

Для тех, кто после операций,
Мил белый свет,
Им дела нет до декораций
По пьесе «Смерть».
Заезд устроим на колясках –
Больничный спорт.
И если бы не перевязки,
То здесь курорт.

Здесь жизни темп по распорядку.
Окончен бой,
И только вечерами гадко,
Хоть волком вой.
Штамп на больничных одеялах
И простынях.
А я живой, хоть на протезах,
Ты жди меня.

МОЯ УКРАИНА – В ОГНЕ

* * *

Ты, бедная, в сердце ранена,
мечтаешь о жизни лучшей,
молюсь за тебя, Украина,
о душах твоих заблудших,

забывших свои истоки и
поправших всё то, что свято,
они – в убеждение стойкие,
что русские виноваты.

Не видно конца и края нам
безумству их, тем не менее,
молюсь за тебя, Украина,
и верю в выздоровление.

Моя Украина – в огне

Болит отчаянно во мне
тот край, где жили предки.
Моя Украина – в огне,
и дым нацизма едкий
сжигает каждый уголок,
святое всё сметая.
Мы – русские, и с нами – Бог,
ты потерпи, родная.

* * *

У кровавой у реки
брода нет:
прибывают мужики
на тот свет.

Власть решила там в войну
поиграть
и велела за страну
умирать.
И назначила врага –
москаля,
будет скоро там нага
вся земля.
Не свернуть уже с пути,
он – простой:
до последнего идти
на убой.
Кто погибшим мужикам
знает счёт?
А кровавая река
всё течёт.

* * *

А если снять кастрюлю с головы,
то можно ужаснуться от реалий,
поняв, что на святом майдане вы
страну свою буквально проскакали,
и то, чем власти кормят вас – обман,
и правит вами не слуга народа,
а злой нацист, кровавый наркоман,
творящий геноцид уже два года,
что воин из России вам – не враг,
ведь борется не с вами, а с режимом,
и, если б вас не обманули, как
прекрасно жить сегодня бы могли мы,
что в городах, вернувшихся домой –
не разрушение, а созиданье
и скажет там практически любой:
я радуюсь, теперь я – россиянин.
Со сказкой, откровенно говоря,
вам будет очень нелегко расстаться,
но вы по крови – русские, как я,
и справитесь с болезнью этой, братцы.

Другу из недружественной страны

Если ты думаешь: «Я – твой враг»,
то ошибаешься. Всё – не так.

Мир перевёрнут, и Дьявол смог
вас убедить, что теперь он – Бог,
белое чёрным назвать посмел,
всех уверяя, что сам он – бел
и что Россия, идя ко дну,
с бедным народом ведёт войну.

Дьявол вбивает в сердца людей
грязь обелённых своих идей:
«освобождение войной зови,
а наркомана, что мир в крови
топит, ты братом своим считай
и помогай ему, помогай.

Ты – уже часть этой злой войны,
значит, врагом твоим стать должны
русские люди, Россия вся».
Мир перевёрнут, и враг твой – я.
Чувствуешь? Сердце твоё – в огне.
Враг – эта злоба твоя ко мне.

Памяти друга из недружественной страны

Грустно, больно, страшно мне,
день такой несладкий:
друг погиб мой на войне,
пал в неравной схватке.

Лучший друг, он мог за мной
и в огонь, и в воду.
Но, шагая за страной
и своим народом,

оставаться в стороне
не хотел от стонов.
Друг погиб мой на войне
информационной.

Не братья

Столько лет и себя, и нас убеждали вы
в том, что мы – не братья.
Ваши души в ответ наш народ отмаливал,
раскрывал объятия.
Своей злобой питались вы – злой
отравой,
а теперь итожим:
вы свободными стали от смысла здорового
и от чести тоже.
Корчевали вы корни – свою историю –
и, дружа с абсурдом,
память предков разрушили и построили
дикий край манкуртов.
Столько лет осыпали вы нас
проклятьями,
всё святое херя,
столько лет убеждали вы, что
не братья мы –
получилось, верю.

* * *

Хохлы, давайте на майдан,
у вас – такой богатый опыт!
Вот захотелось вам в Европу:
на чуб – кастрюлю, и – гайда!

Но только с памятью у вас –
беда большая, видно, вовсе:
в то время доллар был по восемь,
дешёвый свет, бензин и газ.

Да и в мозгу – сплошной туман:
от экономики – руины
и убивает Украину
найкраший комик-наркоман.

Хотя без иллюзорной мглы
не будет мир таким же сладким,
включайте мозга вы остатки,
давайте на майдан, хохлы!

Сейчас последний шанс вам дан:
давно протоптана дорога,
и хуже – некуда, ей-богу!
Хохлы, давайте на майдан!

* * *

*Екатерине Ершовой,
певчей Киево-Печерской лавры,
посвящается*

Стоит на коленях Катя,
вокруг – только бесов тьма:
танцуют и шлют проклятья
лишившиеся ума,

и бьются в возмущенье:
девчонка и неба синь –
не что-то, а воплощенье
великой святой Руси.

У лавры Екатерина
с Творцом в душе – не одна.
А бесы скачут, причина –
их Богом стал Сатана.

С молитвой стоит Катюша.
Ты, Господи, дай ей сил,
а эти заблудшие души
помилуй, молю, и спаси.

* * *

Я теряю друзей, родных –
всех, кто мыслит иначе, –
в этом жерле тупой войны.
Я теряю и плачу,
за утрату свою ощущая и их вину.
Окружение – всё бедней,
но – какая удача:
я, теряя родных, друзей,
всё сильнее и богаче
становлюсь бесконечною
гордостью за страну.

* * *

Да бросьте, не надо искать извне
проблемы своей причине:
гражданский конфликт начинал в стране
ваш холопец – Сашко Турчинов.

Скажите, что делал любой из вас
(подумайте хорошенько),
в подвалы когда загонял Донбасс
любимый ваш Порошенко?

Шута, заменившего сатану,
внимая гнилому слову,
поверили вы: развязал войну
совсем не Зеленский Вова.

Чего же вы ждали от нас ещё?
Не знаю, но точно знаю
ответ на вопрос ваш «А нас за що?» –
за вечную хату с края.

* * *

Верните Екатерину,
верните в души Христа!
Что нужно для Украины?
Терзать её перестать!

Верните славу победе
в Отечественной войне,
забудьте злодеев этих –
«героев» в вашей стране!

Остатку разума внемля,
гоните власти долой,
верните русские земли
домой!

* * *

Ад опустел,
все бесы – на Украине:
жизнь во Христе
карается, и отныне
совесть и вера стали там не в чести.
Господи,
всё же помилуй их и прости!

Молитва о сыне

Пусть расстояние любое
преодолеет голос мой,
чтобы в бою всегда с тобою
шёл и берёг тебя с любовью
Господь мозолистой рукой.

Тебя я нежностью не кутал,
не называл тебя «сынок»,
но знал ты каждую минуту:
всегда с тобою сердцем буду,
в моей молитве будет Бог.

За нами – правда, это значит,
Господь хранит святую Русь.
Мы победим, и не иначе!
Бесстрашно в бой иди, мой мальчик,
молясь, как я сейчас молюсь.

Я молюсь об одном,
Господи:
ты беду от страны
отведи,
чтоб исчезли враги,
да скорей,
чтобы смерти не дать
сыновей!

* * *

Вновь настали времена лихие,
и опять угроза над страной.
Ты идёшь, как воин, сын России,
но вернись, пожалуйста, живой!

Мы сегодня осознали остро,
хоть немало и своих забот,
то, что гибнут наши братья, сёстры,
то, что убивают наш народ.

Не смотри сейчас на то, что плачу,
бесконечно я горжусь тобой!
Ты идёшь, не может быть иначе.
Но вернись, пожалуйста, живой!

* * *

Их имена мы знали с детских лет,
забыть героев не имея права,
их подвиги рождали в душах свет.
Вот парень из Екатеринослава,

он в девятнадцать лет фашистский дзот,
чтобы спасти своих, закрыл собою.
Ему воздвигли памятник, но вот
убить решили память о герое.

Там нечисть правит, страсть её – ломать,
и в городе с обрубленным названием

фашистский дзот, увы, открыт опять.
Прости их, Александр, а мы не станем!

Разговор с матерью

Ты помнишь, я же с детства был
упрямым,
и в том бою я знал: иду к концу.
Но ты не плачь, я умоляю, мама,
и траур скинь, тебе он не к лицу.

Твой сын погиб не трусом, а солдатом,
гони скорей из сердца эту грусть.
Вчера твой дед, убитый в сорок пятом,
сказал мне тихо: я тобой горжусь!

Я за тебя у Господа просил,
и он поможет, он – всемогущ.
Бог обещал, что хватит сил
всем матерям и матушке России.

* * *

Сила русского духа – огромный дар,
нам оставленный Богородицей.
Эта сила – в уменье, приняв удар,
о враге своём позаботиться.

Эта сила – в несметном тепле души,
даже ненависть растопляющем.
Силу русских оценивать не спеши,
если с ней незнаком пока ещё.

«Русский дух – это слабость!» –
подобный вздор
может выдать мышление узкое,
ведь не сломлены русские до сих пор.
Я горда: я – сильна, я – русская!

* * *

Ты уходишь добровольцем туда,
где пылает под ногами земля.
Вслед за братом – новый в сердце удар –
может быть, я не увижу тебя.

Сердце стонет: ну какая война?
Не пускай его, ложись на порог.
Шепчет разум: ты гордиться должна,
стал мужчиной настоящим сынок.

Да, на сердце у меня тяжело,
слёзы горькие я прячу опять,
но скажу тебе, что мне повезло:
сына правильно смогла воспитать.

* * *

Жизнью собственной рискуя
ради не своих идей,
хлопцы русские воюют
против русских же парней.

Наркоману злomu внемля,
хлопцы снова рвутся в бой
за уже чужие земли,
парни – за народ родной.

Помолившись тихо Богу,
спят ребята тут и там:
снится хлопцам перемога,
небо мирное – парням.

* * *

Мой прадед был полтавским казаком,
прабабушке-гречанке быт был тесен,
а потому без матери рос дед мой
день за днём,
но с нежностью малороссийских песен.

Пока мужал мой дед Иван Батрак,
росла бабуля – Надя Гореница:
её отец считал, что малоросс он, и никак
не мог привыкнуть к слову «украинцы».

Повесткой деда позвала война,
бабуля стать решила добровольцем:
к своим годам шестнадцати добавила она
ещё, чтобы с фашистами бороться.

Любовь их повстречала на войне,
с которой, к счастью, возвратились оба.
Бог дал им шестерых детей
в сибирской стороне
и чувства неизменные до гроба.

Вкусней борща бабули – точно нет,
горилку дед мог выпить без закуски,
но русской называла себя бабушка, и дед
твердил до смерти с гордостью:
я – русский.

* * *

Надюшка была хохотушкой
в шестнадцать девических лет.
С парнями подружки,
а Надя с игрушкой
на дойку вставала чуть свет.

Когда же парней провожала
на фронт половина села,
подружки – по парам,
а Надя с гитарой
и песней весёлою шла.

А вскоре пропала Надюшка.
Не сразу поверил народ,
что эта девчушка,
оставив игрушки,
ушла добровольцем на фронт.

И там хохотала Надюшка
над немцами весело так,
что вторили пушки
смешливой девчушке,
стараясь как будто бы в такт.

Никто не посмел бабу Надю
старушкой ни разу назвать,
ведь, как по команде,
на смех её глядя,
народ начинал хохотать.

Был смех её главною силой
с преградой в бою и с бедой.
Вкус жизни любила,
но вот уходила
от темы войны стороной.

* * *

Говорят, что во всём
мы всегда виноваты,
что являемся злом,
а добром – только НАТО,
что весь мир – против нас,
одичавших рашистов,
скромен сил наш запас
и наш дух – не неистов.
Нас нельзя побороть,
как же вы не поймёте?!
Если с нами – Господь,
то неважно, кто – против!

* * *

Счастье капает из глаз:
в диких муках, обессилен,
возвращается Донбасс
в лоно матушки России.

Но окраина насквозь
пропиталась грязной ложью.
Сколько крови пролилось,
посчитать сегодня сложно.

Дальше горе лить рекой
будут в русских землях бесы,
если не вернуть домой
Николаев и Одессу,

и Екатеринослав,
Киев, Харьков и Чернигов.
Русским людям – нет числа
под фашистским страшным игом.

* * *

Мальчонка рвётся на войну –
там папа где-то:
он защищать свою страну
ушёл с рассветом.

Звонил, и говорил: «Родной,
люблю, сыночек»,
и выслал фото с бородой,
красивой очень.

И вот замолк, на небе он,
а сын уверен,
что просто папой телефон
в бою потерял.

А может, папочка в плену?
Ждёт помощь, значит.
Мальчонка рвётся на войну,
а мама плачет.

* * *

Дорогие мои, сколько лет
Жили мы как во сне и мороке.
Отреклись от своих побед,
В девяностые словно в обморок
Провалились, как в полынью.
Еле вырвались, всё же выплыли.
«Перестроиться» помогли
Нам всевидящие правители.
Увлекали нас – увлекли
В громогласную демократию.
Обменяли свои рубли
на «зелёные» всю братией.
Всё следили, как поглядит,
Благосклонно ли, нет – Америка.
Привыкая дышать в кредит,
Отреклись от родного берега.
Время шло, истончался Свет.
Наша память бедой изляпана.
Кто-то скромно копил на билет
До блаженно-райского Запада.
А в своей стране расцвели
Дудь, Собчак и другие Бузовы.
Обменяли мы на нули
Крепь распавшегося Союза.
И смеётся над нами Дудь,
И гудит-дудит по-козлиному.
Олигарх патриотов стыдит
Из Израиля с кислой миною.
Наши дети их песни поют
И танцуют под их напевочки.
Верят в нищенский неуют
Повзрослевшие парни и девочки.
Верят, что всё напрасно – зря,
Не изменится жизнь у «ватника»,

И разучивают втихаря
«Пацифистскую математику».
Так разучивают они
Час за часом чужие песенки.
Только в Киеве в эти дни
Кто-то чёрной ступает лесенкой.
Поднимается. Зло окрест смотрит,
Коротко ухмыляется.
Держит знамя в руках и крест –
Крест фашистский на нём вздымается.
Что же мы, и теперь уснём,
Чтоб во сне от беды укрыться?
Ни себя, ни страну не спасём,
Полагая, что это снится?

Ночная дорога

А север отдай дорогам.
Пусть дрогнет во тьме лучина.
Да будут хранимы Богом
Ночные пути мужчины.
Скитальца, что бьёт не целясь,
И призрачный этот город,
И каждый невинный шелест,
И каждый невнятный шорох.
Тропою его, быть может,
И зверь пробежит, и стая
Людей с повадками зверя,
Зрачками окрест пронзая
Тьму, прячущую героя,
Идущего той тропой.
Но если придётся выйти
Навстречу, и тьма откроет
Тех, кто глядит исподлобья,
Нож избирая богом...
Пусть станет тропа дорогой,
Дорога – долиной станет.

И небо глубоко, жадно,
Убийцам в глаза заглянет.
И пусть он вернётся целым
К той, что ждёт и поныне:
Молитвой в вечерней сини,
Криком в его гортани,
Кровью в зажатой ране.

* * *

Молодые опять встали в строй.
Защищают Донбасс ребята.
Эй вы там, либеральный поднявшие вой,
Ничего не закончилось в сорок пятом!
Ничего не закончилось, на костях
Украинско-российских росла и крепла
Стая демонов – чёрного знамени взмах,
Тёмной силы фашистской, огня и пепла.
Но пока мы дразнили своих слепцов,
Оставаясь слепыми сами,
По могилам героически погибших бойцов
Зашагали они с факелами.
Омрачённое солнце не выйдет в зенит,
И не примет Земля вражью хунту.
Поднимайся народ, это память велит,
Призывая к великому бунту!
И поэтому снова прольётся кровь,
и прибавятся к мёртвым живые.
Каждый здесь за свободу бороться готов,
И ребята – совсем молодые.

* * *

Длинный стол пустовал.
Белый кролик под сюртук незаметно
какую-то склянку прятал.
Кто-то готовился к бою, кто-то стонал от боли,
кто-то в подвале тёмном беззвучно плакал.
Тяжёлые танки, быстрые самолёты,
пепел кружится над взорванной автострадой.

У королевы чёрной полно работы:
«Головы с плеч!» выкрикивать из засады.
Бодро ползут вперёд деревянные латы.
Сказочный мир сегодня не так устроен.
Шляпник, молочник, Алиса – теперь солдаты.
Против врагов жестоких единым строем вышли,
забыв цветы и цветные ленты, кукол,
рожек, волшебные заклинания.
Так уж случилось, в жизни бывают моменты –
нужно идти вперёд, выполнять задание.
Ну-ка и ты не теряйся, поэт-бродяга!
В жаркую печку, не бойся, подкинь дровишки.
Если ты жив ещё, напиши хотя бы
несколько строчек для будущей нашей книжки.
Подвигу место найдётся, любви, покою.
Вновь оживут поля и родятся дети.
Что ты молчишь, Алиса? Для нас с тобою
мартовский кролик хранит эликсир бессмертья.

Курьеры

У них на спине «Самокат» или «Яндекс-еда» написано.
Крутят колёса незнамо куда.
Несутся вперёд среди войн и среди пандемий.
Спешат нам доставить приятное. Ни аритмий,
ни прочих болезней ещё не имеют они.
Из пункта какой-нибудь «А», в пункт какой-нибудь «Й»
с тех пор, как повсюду заслонки, забрала, флажки,
курьеры привозят горячие пирожки.
Кипящие новости нам переполнили мозг,
и плавится где-то асфальт, и взрывается мост.
Горячие новости быстро пекутся, аж жуть,
не выплюнуть, не переплюнуть их и не заснуть.
Как шапку в рукав не запрятать, не переорать.
А можно лишь выключить «ящик», ети-его-мать.
Разносчики пиццы – посланцы иных атмосфер,
они не боятся ни ветра, ни льда, ни химер.

А может, и мне повезёт в этот год, верь не верь,
и столько всего привезут – не поместится в дверь?
Раздастся звонок, что подумаю я? Наугад открою,
а там Дед Мороз с надписью «Самокат» на куртке.
Такой здоровенный, весёлый такой...
Рюкзак огромный висит у него за спиной.
Рюкзак, словно короб, снимает и мне отдаёт.
Усы расправляет и песенку тихо поёт.
Знакомую песню заводит про добрую весть,
а в коробе этом подарки – подарков не счесть.
– На велосипеде, откуда?
– Сквозь вещие сны.
Так хочется чуда среди непролазной Зимы.
Я вспомнила дом, что сотнями окон дрожал,
но так же он чуда и праздника светлого ждал.
– Спасибо, курьер, я оставляю вот этот орех.
Возьми же свой короб, порадуя, пожалуйста, тех,
кто в городе дальнем в подвале под шквальным огнём,
но всё ещё дышит и молится ночью и днём.
Пожалуйста, слышишь? Тебе надо в путь поспешать!
Враги отступают, затишье, и легче дышать.

* * *

Автобусик хлопнул дверьми у меня перед носом.
А мартовский день был отчаянно ярок и чист.
Летит самолётик и небо пятнает вопросом,
крадётся разносчик еды, словно контрабандист.
А люди рождаются снова, живут и стареют.
Ложатся в больницы, навек обретая покой.
И только Весна надо всем этим чудом балдеет.
Поёт по проспектам и машет прозрачной рукой.
Весна пробуждает от спячки хохла и узбека.
И каждый от тёмной тревоги весною спасён.
Весна позволяет нам вновь полюбить человека.
И сам человек, как ни странно, бывает влюблён.
Трамвай звенят ошалело шутивное: «Здрасьте!»,
И небо становится ярким до рези в глазах.
Я тоже весной молодею, хотя бы отчасти.

Холодное солнце румянит мои зеркала.
Вагоны стучат, покидают дома погорельцы.
И переселенцы родное бросают жильё.
Летят самолёты и стонут натруженно рельсы.
Над миром – весна, и мы не отменим её.
Пробьётся росток из-под снега, поднимутся птицы
Из леса, продрогшего длинной, жестокой зимой.
Умолкнут снаряды над малороссийской границей,
И благословит нас 2022-й.
Пусть это случится не сразу, но это случится.
Закончится миром ночной изнурительный бой.
И солнце расправит полотнище алого ситца,
Весеннее солнце над мирной моею страной!

ОТРЯД ОЛЕГА КОШЕВОГО

Рассказ

*Молодогвардейцам и подпольщикам Новороссии,
борцам с современным фашизмом,
посвящается*

Лето плавилось на оконных стёклах, растекалось по асфальту, громко шелестело листвой мокрых палисадников, когда их прошивали стальные струны холодных сибирских ливней. Каникулы подходили к концу, таяли, как тает мороженое на блюдечке, пока ходишь за чайной ложкой. Поэтому мороженое лучше съесть сразу, на бегу, не донося до дома. Так Наташа и поступала, если у неё обнаруживалось двадцать копеек на пломбир.

Учебный год приближался неотвратимо... В четвёртом классе Наташу ждали большие перемены в школьной жизни. Мало того, что они переехали на другую квартиру – к бабушке, так ещё им с братом Серёжей пришлось сменить школу и перевестись в школу «по месту жительства», ту, которая находилась совсем близко от дома бабы Вали.

В «элитном» 4 «А» мест не было, и Наташу приняли в четвёртый «Б». Да и то с большим трудом – школа в самом центре города была полным-полна. Перед кабинетом директора, когда мама привела её записываться в школу, они обе робели, а Наташу так даже била дрожь.

Строгая, сурового вида, директорша Надежда Викторовна, которая, говорят, вывела школу в передовые за какие-то три-четыре года, казалась неприступной. Однако благосклонно просмотрела бумаги Наташи, её табель с оценками и очень хорошую характеристику, которую написала ей первая учительница Татьяна Демьяновна. А потом оставила папку с документами на своём столе и сказала, вполне буднично, что она принята в четвёртый класс тридцать второй ученицей. И надо

будет заранее прийти в школу тридцать первого августа на «переключку» – узнать расписание, а заодно познакомиться с классной руководительницей.

У неё оставалось ещё три дня каникул, поскольку первое сентября приходилось на четверг. Наташа уложила в ранец из кожзаменителя тетради, дневник и пенал, и с замиранием сердца ждала первого школьного дня, не зная, как же сложатся её отношения с классом.

Новая школа была вовсе не новой, наоборот, она была одной из самых старых школ в городе. Её построили в 1935-м году, и во время войны в ней был госпиталь. Сейчас в школьном музее хранились документы и фотокарточки с тех времён. Директор сказала, что осенью Наташин класс обязательно сходит туда на экскурсию.

...Первым уроком в первый учебный день был не классный час, как в прежней школе, а «Урок мира». Молодая пионервожатая Наталья Леонидовна в красивой форме и с малоприметным, но таким притягательным значком «Артек» на лацкане, вошла в их класс вместе с невысокой, совершенно седой старушкой. Она рассказала, что урок мира – это тот час, когда все должны вспомнить о войне, почтить память погибших героев и подумать, что мы можем сделать, чтобы никогда больше не было войн. Рассказала она и о том, что во время войны в их школе был госпиталь, и целых три года учились дети не тут, а в маленьком деревянном здании. А некоторые не учились вовсе, пошли на работу или отправились добровольцами на фронт.

Маленькая старушка оказалась матерью одного из выпускников этой школы, который ушёл на фронт мстить за погибшего отца и тоже был убит на войне. Она рассказывала ребятам, как в этом кабинете её Комир учился, как сажал в школьном саду кустарники и деревья, как ходил на лыжах по пустырю за школой – тогда там ещё не было домов... Как они с мужем, партийным работником, назвали сына модным в двадцатые годы именем Комир, что означало «Коммунизм – миру!», и как мечтали тогда об его счастливой жизни... А Комир погиб, и муж погиб, и вместо внуков у этой старушки – только тимуровцы из этой школы!

Наташе было жалко эту ничью бабушку. Она, пожалуй, была ровесницей её прабабушке, а дедушка Наташи, который тоже был на фронте, но, к счастью, вернулся с войны, был как раз сверстником Комира. После этого необычного урока её не покидало сложное чувство грусти и радости одновременно – грустно было за всех, кого унесла война, а радостно, что сейчас у них «мирное небо над головой», как пишут в открытках...

Классный час в этот день тоже состоялся, он прошёл на втором уроке. Их учительница литературы Галина Николаевна, классная руководительница четвёртого «Б», была приветливой, но деловитой, серьёзной и строгой – это было видно сразу. Она немедленно пересадила всех, разлучив с друзьями-приятелями и мальчишек, и девчонок. И поскольку в классе и тех, и других было примерно поровну, все девочки, к своему неудовольствию, в пару получили пацанов.

Наташе достался круглолицый и толстоватый Вадька Петренко, на вид – настоящий рохля. Но в первые дни она никого в классе ещё не знала, и не отличала Вадьку от всех других мальчишек. Вообще никого из одноклассников не запомнила, так что в первый же день попала в курьёзную ситуацию.

Плохо зная не только учеников и учителей, но и устройство школы, на одной из перемен она зазевалась и отстала от всего класса, а едва прозвенел звонок на урок, бросилась в коридор, откуда, по её мнению, был поворот к кабинету литературы. Бросилась, и со всего размаха врезалась в белобрысого мальчишку, стриженного «под горшок». Они не просто столкнулись, а так сильно стукнулись лбами, что у Наташи разбились очки. И стёклами от них у этого незнакомого пацана был рассечён лоб. Он вскочил, зажимая ранку ладонью, и стремглав убежал. А сама Наташа ещё не понимала, пострадала она или нет. Она сидела на полу в коридоре, закапанном кровью, и голова гудела, как чугунная. Она проморгалась, убедившись, что стекло не попало в глаз, вытерла слегка порезанную щёку и, собрав в ладошку осколки, зачем-то напаялила на нос уже бесполезные очки. В них осталась лишь половина одного стекла.

Дежурная учительница, проходившая по коридору, помогла ей подняться и показала, где нужный кабинет. Встревоженная Галина Николаевна, увидев её помятый вид и разбитые

очки, строго спросила, кто это их разбил, а Наташа ответила, что не знает. Что это нечаянно вышло, она с кем-то столкнулась в коридоре. Но тут с третьей парты встал мальчишка невысокого роста и признался, что это он разбил Наташины очки!

– Нет, он не виноват, это не он, – запротестовала Наташа, но мальчишка откинул со лба длинную русую чёлку – и она увидела косой порез с похожей на нитку бисера или пунктирную линию – на лбу запеклись небольшими точками капли крови.

– Хорошо, Саша, что ты это сказал, – с одобрением произнесла учительница. – Хотя это всё и получилось нечаянно, но ты поступил смело, признавшись. Так и должны поступать пионеры... Теперь нам не придётся искать «виноватого», раз всё прояснилось. Садитесь оба, герои! На перемене обязательно сходите в медпункт.

Медпункт находился в школьном подвале, до него было очень далеко идти. Насколько далеко – Наташа вскоре убедилась, когда в школе произошло ЧП. Один десятиклассник по имени Вася стал вмиг героем дня – и, как это часто бывает, из-за чужого разгильдяйства...

Парень стоял у двери класса, держась правой рукой за её срез, и с кем-то разговаривал. Открывалась дверь наружу, и бежавший по коридору семиклассник с размаху пнул дверь, резко захлопнув её. Дверью не только прищемило, но и перебило пальцы невезучему десятикласснику. У него оказался открытый перелом трёх пальцев. А семикласснику Юрке ничего за это не было!

Кабинет литературы, в котором всё это произошло, находился напротив класса Наташи, и девочки все видели, они чуть в обморок не упали от ужаса, когда Вася, зажимая левой рукой правую руку, из которой ручьём текла кровь, побежал с третьего этажа в медпункт, а за ним тянулась цепочка крупных красных капель. Техничка замыла их только на следующем уроке, и то не до конца, и следы происшествия будоражили чувствительных одноклассниц пострадавшего. С сиреной приехала к школе «скорая помощь», и Василия увезли в больницу травматологии. Говорили, что успели вовремя, кости и ткани удалось правильно сложить, и они срослись потом почти пря-

мо. Когда гипс сняли, всем ещё долго были видны плохо заживавшие под гипсовой повязкой страшные раны на его руке.

Это всё случилось уже после пионерского собрания, которое прошло второго сентября. Четвероклассники в пионерской организации были совсем недавно – их приняли в пионеры всего за месяц до окончания третьего класса, и они ещё не знали, как себя вести на пионерском сборе. Поэтому инициативу в свои руки взяла их «классная», Галина Николаевна.

– Ребята! Каждый отряд должен состоять из звеньев, – сказала учительница. – Ну, это вы уже сделали в прошлом году. А ещё нам надо решить, чьё имя будет носить наш пионерский отряд. И выбрать председателя совета отряда и редколлективу... Какие будут предложения?

Фантазии у класса хватило лишь на имена космонавтов – Гагарина и Титова, имя Ленина и имя Дзержинского. Наташе показалось, что этого героя девчонка со второй парты с голубыми бантами в длинных косах предложила только ради форсу – просто захотелось показать, что она без запинки может произнести фамилию и имя Феликса Эдмундовича... На этом предложения иссякли. Дальше Галина Николаевна, переждав продолжительную паузу, заговорила сама:

– Хочу вам предложить, ребята, очень подходящую кандидатуру. Это Герой Советского Союза Олег Кошевой. Вы видели, памятник ему стоит у восьмой школы, в ней тоже был в войну госпиталь. Если вы поддержите моё предложение, мы будем всё первое полугодие бороться за право носить имя героя, изучать его биографию, читать об его подвиге, делать сообщения в других классах на эту тему. Материала у меня собрано много, отряды в моих двух предыдущих классах, с которыми я работала, носили имя Олега Кошевого. Я очень много знаю про подвиг молодогвардейцев, всё вам расскажу.

Ученики четвёртого «Б» ещё не все слышали о молодогвардейцах, и фильм о них далеко не все смотрели, однако возражений не последовало, и тут же выбранный совет отряда утвердил решение начать бороться за присвоение их отряду имени Олега Васильевича Кошевого.

На следующий день Галина Николаевна принесла в школу небольшую книжку в потёртой обложке – «Повесть о сыне», её

автор – Елена Кошечая, все сразу догадались, что это – мама героя. Оказалось, что у Олега Кошечого, погибшего от рук гитлеровцев, после войны остались живыми не только мама, но и бабушка. Мама, Елена Николаевна, до сих пор жива, ей семьдесят лет. Ещё больше поразило весь класс то, что Галина Николаевна виделась с мамой Олега Кошечого и теми героями-молодогвардейцами, что оставались в живых. Галина Николаевна ездила в Краснодар со своим шестым «Б» классом много лет назад, когда Наташа и её одноклассники ещё, наверное, в ясли ходили. Позднее, прочитав все книги про героев-краснодонцев Наташа и её подруга Лариса отчаянно завидовали тем, кто старше их, успевшим побывать в поездке по местам боевой славы.

Изучали подробности жизни и подвига Олега Кошечого и его товарищей ученики четвёртого «Б» после уроков, на сборах и «классных часах» по теме «В жизни всегда есть место подвигу». Книгу Елены Николаевны Кошечой читали по очереди, разобрали все экземпляры этой книжки в школьной библиотеке. Ребятам хотелось срочно всё узнать, выучить все даты, и быстрее доказать, что имеют право носить имя героя. Но вскоре Наташа поняла, что это будет нелегко... Нет, прочесть три-четыре книги о подвиге комсомольцев – это не так уж трудно, даже толстенный роман «Молодая гвардия» Александра Фадеева. Труднее оказалось пережить прочитанное. Осознать бесстрашие и исключительную отвагу юных подпольщиков. Как находили в себе силы комсомольцы бороться с врагами!? Ведь они были вчерашние школьники, совсем молодые ребята, такие же, как старшеклассники, что сидят в соседних кабинетах... Наташа поражалась тому, как они бесстрашно придумывали, чем же лучше насолить фашистам. Как не боялись быть расстрелянными, видя смерти и казни своими глазами. Она не могла понять, как девушки из отряда Олега Кошечого не боялись выполнять задания штаба, как смогли они выдержать боль пыток?

У бабы Вали, которая когда-то работала в библиотеке, нашлись дома нужные книги – и «Молодая гвардия», и «Повесть о сыне» с потёртым коленкорковым переплётом и белой бумажной корочкой, 1956 года издания. Её в школьные годы ещё

папа Наташи читал! Эта книжка была без иллюстраций, но на вклейке на глянцевого бумажке были напечатаны фотографии молодогвардейцев, фотография Олега, его мамы и бабушки Веры. Эти фотографии напоминали Наташе снимки из их семейного альбома – та же эпоха, похожие лица. Люба Шевцова и Уля Громова, конечно, внешне мало походили на современных девушек с пышными чёлками и завитыми локонами. А вот лицо Олега Кошевого и в наше время могло показаться вполне современным. Парней с таким обликом можно было встретить на улице в любой момент. Наташка с подружкой Лариской, разглядывая портреты, рассуждали, что все эти люди с портретов как будто такие же, как и сегодняшние молодые люди, но, видимо, не такие. Они смогли жить героической жизнью и пасть героической смертью, а вот сегодняшние смогли бы?

Да, они писали в сочинениях, что мечтают быть такими же героями, как члены отряда «Молодая гвардия», что готовы повторить их подвиг... Но Наташа боялась, что если бы попала в такие же условия, побоялась бы разносить листовки «под носом» у немцев, и уж тем более – безрассудно и рискованно продавать их торговкам на базаре для завёртки пирожков. Это казалось Наташе сущим безумством!.. И маму было жалко. Ей казалось, что мама очень горевала бы, если бы Наташа вдруг погибла, пусть и героически-прегеройски!

– Не дай Боже никому хоронить своего дитёнка! – говорила бабушке Вале соседка, баба Сима... – Баба Сима знала, что говорила – она похоронила по очереди обоих своих сыновей. Одного – совсем молодым, другого уже в возрасте. Наташу поражало, что баба Сима говорила всегда только о своей беде. Всегда, когда Наташа слышала обрывки разговоров своей бабушки и этой соседки, та каждый раз вспоминала своих потерянных сыночков. Рассказывала об их детстве, об их успехах, о том, как они умерли. Это было невыносимо, девочке казалось, что старуха просто свихнулась на почве этой потери, хотя у неё оставались внуки, а недавно родилась правнучка.

Конечно, в школе на сборах Наташа об этих мыслях малодушно помалкивала. Как и о том, что она «боится крови» и вряд ли смогла бы пойти на фронт санитаркой или медсе-

строй. Быть может, она смогла бы стать связисткой? Хотя с её тройкой по математике, наверное, в связистки не взяли бы.

Однажды Наташа стояла в школьном буфете в очереди за тем самым Васей, у которого открытый перелом пальцев. Увидела шрамы – и её аж передёрнуло от ужаса. Стесняясь того, что пялится на изуродованную руку, она вдруг неожиданно спросила его, поражаясь своей наглости и смелости:

– Очень больно было?

– Да нет, не больнее, чем в гестапо! Терпимо. А вот когда под гипсом чешется, а почесать нельзя, вот это и правда невыносимо, – отшутился недостижимо взрослый красавчик Вася, который славился на всю школу своей неотразимой улыбкой.

А у Наташи тут же пропал аппетит, и даже было не до осознания того, что взрослый парень ей, малявке, сказал целых две фразы. Сразу вспомнились ужасные подробности из книжки про молодогвардейцев, которым под ногти загоняли иголки, которым вырезали звёзды на теле, которых жгли калёным железом. И которых в последний день жизни заживо бросили в тёмную, холодную шахту умирать. Нет, она ни за что не хотела бы жить в военное время, когда могут застрелить просто так, ни за что, на родной улице. Когда могут арестовать за малейшее подозрение в связях с партизанами, не говоря уже о том, как страшно могут покарать, если есть за что...

Но ни в коем случае Наташа не призналась бы никому, что она трусиха... Ведь она пионерка! Зина Портнова и Лара Михеенко не побоялись врагов! А могла бы она, Натка, схватить пистолет на глазах у фашистов и направить его на захватчиков? Нет, лучше бы об этом не думать, уговаривала она себя... Тем более, когда их отряд борется за право называться отрядом имени Героя Советского Союза!

Наверное, в десять-одиннадцать лет им ещё рано было читать книгу Фадеева, особенно впечатлительным девочкам. Ещё страшнее показалась Ларисе и Наташе полудокументальная книга «Дорогие мои краснодонцы», где рассказывались подробности расследования дела о том, кто предал отряд, как выслеживали и арестовывали подпольщиков. В ней приводились протоколы допросов и подробности пыток. После чтения этих книг Наташе снились страшные сны. И она мечтала об

одном – лишь бы не было войны. Это были для неё не просто слова лозунга, а главная мечта. Чтобы не было войны и чтобы подольше оставалась живой её бабушка.

Бабушка Валя, точнее, она была прабабушка Наташи, была по возрасту лет на десять постарше матери Олега Кошевого, её сын, дед Наташи, был всего на год старше Олега. А повезло ему непомерно больше – он родился и жил в Сибири, где в Великую Отечественную не было ни боёв, ни немецкой оккупации. Он был призван на войну, воевал, был ранен, имел награды, как и сотни других солдат... Вернулся, создал семью, вырастил детей. А погибшие молодогвардейцы остались юными навсегда.

Её дедушки-фронтовика теперь давно уже не было на свете, а прабабушка Наташи всё жила. То, что они похоронили сыновей, было общим фактом биографии у них с соседской бабой Симой, но отношение к нему – разное. Соседка заиклилась на своём горе, кажется, она не забывала об этом ни на минуту. А бабуля продолжила жить и своими интересами, и ради внуков-правнуков.

У неё было плохое зрение, и читать сама она не могла. Наташа читала прабабушке вслух и «свои» книги – те, что были интересны ей самой, и то, что просила баба Валя... Прочла ей «Тихий Дон», но не всё поняла в этой взрослой книжке. Прочитала всё по школьной программе, которую бабуля в общем-то недавно «осилила» вместе с Серёжей, поскольку старший брат тоже читал прабабушке вслух то, что проходили по литературе...

Наташа, конечно же, прочитала бабушке вслух все книги о героях «Молодой гвардии». Бабуля переживала за них горячо. Комментировала вслух, порой с укоризной:

– Эх, что же они совсем не берегутся-то! – Она так живо сопереживала, будто присутствовала рядом с героями романа. – Ой-ой, ну что ж он так не вовремя выскочил, надо ж было ему на беду этому асмодею на глаза попасться! – сокрушалась бабуля, когда Ната читала самый драматичный эпизод. Про то, как был арестован Олег Кошевой, как его выдал старик, местный житель... Бабуля слишком близко к сердцу принимала события из книги:

– Хоть бы о матерях подумали!!! Куда к чёрту на рога лезут, господи помоги им... – приговаривала она, слушая главы книжки. Она будто не помнила, что всё это – книга. Что события, про которые пишет автор, давно состоялись, и всё прошло так, а не иначе, ведь роман основан на реальных событиях.

А ещё бабуля любила прикидывать, что было бы, «если бы да кабы»... Вот и тут она сожалела об неудачах Олега. – Ну что же он не успел «вакуироваться»? Как так совпало, что разминулась с ним удача?

Столько раз могла судьба поменяться, немного иначе распорядился бы случай, и Кошевой бы избежал смерти, как несколько членов его отряда!

А Наташа думала, что, наверное, Олег бы очень мучился, останься он тогда живым, терзался бы угрызениями совести, что он, командир, жив, а почти весь отряд полёг от рук фашистских палачей. Не смог бы после этого Олег спокойно жить...

Мама Наташи тоже иногда задерживалась возле неё, когда та читала бабушке книгу, слушала. Качала головой – мол, дети... Какие бесстрашные и безрассудные дети!

Как-то Наташка спросила маму – читала ли она «Молодую гвардию».

– Конечно! – ответила мама. – Мы тоже её проходили в школе. И портреты членов этой подпольной организации у нас в школьном коридоре висели. Я комсомолкой не была, только пионеркой, но мы гордились подвигом нашего народа, наших отцов. Почти у всех одноклассников отцы воевали на фронте. Когда я была маленькой, сразу после войны все мальчишки хотели быть такими же героями, горевали, что не успели на войну, поздно родились. Да и некоторые девчонки тоже. Да и я «в войну» играла с пацанами, по деревьям лазила... У меня даже прозвище было – «Татьянка-партизанка». Но со временем, когда повзрослела, я стала думать о войне иначе, чем в детстве. Я её боюсь. У меня дети, и мне страшно за них, за своих будущих внуков. Вот сейчас нашему Серёже скоро в армию идти, и мне так страшно, что он может попасть в Афганистан! Не дай Бог... Я не хочу для него героической судьбы, хочу простой человеческой жизни. И думать страшно о том, что испытывали матери Любы, Ульяны, Сергея Тюленина, видя, как их мёртвых

детей достают из шахты! Это ужасно. Я плакала, когда ты это читала. Слышала из соседней комнаты и не стала вам показываться в слезах. Мне за каждым героем его мать чудится... Но ты, наверное, меня не поймёшь ещё сейчас. Вот свои дети будут у тебя, тогда поговорим...

Наташе даже смешно стало в такой неподходящий миг. Дети! У неё?! Сейчас, в четвёртом классе, невозможно было представить, что такое когда-то будет... Но после этого разговора она иногда, читая книги, ставила себя не только на место главных героев-подростков, но и на место их мам тоже. И совсем иначе в таком случае воспринимала события и приключения.

Время пролетало со скоростью вихря, который несёт потерянные черёмухой нежные белые капельки лепестков. Они осыпаются с веток быстро, и быстро исчезают с лица земли. Только что от них всё было белым-бело, и было так красиво, а вот уже нет и следа этой прелести. Весной четвёртый «Б» отстаивал своё право стать отрядом имени Олега Кошевого. Каждый ученик их класса на сборе рассказал о каком-то эпизоде из истории молодогогвардейцев. Подготовил большой доклад, красочно оформленный при помощи плакатных перьев и единственного набора фломастеров, которые были в классе только у одного человека, Лильки Аминовой. Этот набор ей прислали родственники из ГДР, дядя, который там служил.

Наташа обводила в цветные рамочки чёрно-белые портреты давно уже ей знакомых юных героев из Краснодона. Она знала их всех в лицо, и могла отличить не только, скажем, Сергея Тюленина от других ребят, но и Туркенича от Земнухова, например. Набор открыток-плакатов с портретами героев она купила в книжном магазине «Искра» за 54 копейки, и это было прекрасно, не надо было портить книги, вырезая портреты из них. Каждый ученик сдал по четыре копейки, и этих денег хватило на покупку двух наборов открыток с портретами. Один комплект разобрали на доклады, другой приклеили на стенды в кабинете, над «Пионерским уголком». Деньги ещё и на плакатную тушь остались.

Когда разбирали задания сделать доклад об одном из молодогогвардейцев, всем девчонкам хотелось, чтоб им досталась

Люба Шевцова или Ульяна Громова, но это было невозможно. А Наташа не огорчилась тому, что ей выпало писать о Валерии Борц. Наоборот, радовало, что её героиня – из тех, кто остался в живых, у кого сложилась интересная судьба после войны – Валерия стала переводчицей, работала за границей, живёт в Москве... Скромная Валя Борц ей нравилась, и актриса, которая её играла в известном фильме, – тоже.

По учёбе показатели в четвёртом «Б» были одними из лучших, и в апреле их правофланговый отряд принимал в пионеры третьеклашек. Это было очень торжественно, у памятника на площади Ленина, каждый ученик их класса сам повязал галстук кому-то из малышей и принял его первый пионерский салют. Такая ответственность окрыляла и делала взрослее!

А на Девятое мая все вместе сделали стенгазету, тоже на тему «Молодой гвардии», а те, у кого воевали родственники, рассказали в своих заметках о них. Наташа попросила у мамы фото бабушки. Выяснила попутно, что воевал и другой её дедушка, отец папы, но он с войны живым не вернулся. Благодаря подготовке этой стенгазеты многие одноклассники узнали что-то новое из истории своих семей.

Вскоре к ним погостить приехала родственница Наташиного папы, тётя Люда, она работала учительницей и жила в соседнем городке. Она рассказала о своей поездке на Донбасс, о том, как возила учеников в Краснодар. Это было тогда, когда ещё бабушка Олега Кошевого была жива. Тётя пообещала привезти в следующий раз фотографию, где её ученики сняты вместе с родителями героев-молодогвардейцев. Наташа не верила удаче – у неё будет настоящая фотография из Краснодона! В фотокружке смогут её скопировать и поместить в «Пионерском уголке»!

– А как там было, тётя Люда?! – допытывалась Наташа.

– Это обычный городок, – рассказывала тётя. – Маленький, уютный, всё рядом... И вот это меня поражало – совсем рядом с домом Кошевого – дома полицаев, дома, где жили немецкие офицеры... Непостижимо уму, как ребята умудрялись вести подпольную работу в таких условиях? Как продержались так долго? Они же были совсем дети! Такие отчаянные... Ну и, конечно, кровь в жилах стынет, когда попадаешь на мемориал,

видишь те шурфы, шахты, последние письма молодогвардейцев. Когда видишь подлинные места событий, совсем иное впечатление от давно знакомой истории...

– Интересно там, наверно?

– Интересно и страшно, Наташенька. Но это надо увидеть! Испытать потрясение, понять, что же это была за трагедия... Если выпадет случай там побывать, обязательно сходи во все музеи! Это сильнейшее потрясение, полученное мной в жизни.

Рассказы тётки взбудоражили девочку, она решила, что обязательно постарается побывать в Краснодаре и Ворошиловграде, если ей доведётся съездить на Украину. Там у бабушки оставались родственники, но Наташа их никогда не видела – им не очень-то хотелось тратить свой отпуск на поездку в Сибирь...

В пятом классе прошёл слух, что лучший отряд по итогам общешкольных соревнований получит путёвку на выбор – в Москву, Ленинград или в партизанские места, на Донбасс, в Белоруссию. Пятый «Б», конечно, единогласно решил в случае победы выбирать поездку в Краснодар. Они очень старались, однако почему-то наградой стала путёвка в ближайший город Новосибирск и всего на пять дней.

...Фашист занёс над ней ногу в тяжёлом сапоге и изо всех сил ударил в живот. Сильная боль пронзила Наташу насквозь, и она проснулась от этой боли. Страшный сон кончился, но боль не прекратилась. Она не понимала, что происходит. Пришлось будить родителей и вызывать «Скорую помощь». Оказалось, что это был приступ аппендицита.

Наташа даже не успела испугаться, так стремительно всё происходило в больнице. При аппендиците надо действовать молниеносно, иначе может случиться перитонит, это даже она знала. Под местным обезболиванием операцию быстро сделали, и Наташа оказалась в палате, где находилось ещё три девочки, тоже после операций. Одна из них сильно плакала, другая жаловалась, что очень болит шов. У Наташи пока ещё ничего не болело, действовала анестезия.

А вот на следующий день ей пришлось вспомнить, как она не раз обещала себе брать пример с героев-краснодонцев и быть сильной и бесстрашной. Потому что всё очень болело.

И внутри живота, и рана на месте шва, и следы от многочисленных уколов. А тут снова приходил медбрат и ставил новые болючие уколы... Она старалась не жаловаться никому, а если было очень тяжело, вспоминала, какую боль испытывали комсомольцы из отряда Олега Кошевого, и снова удавалось перетерпеть боль.

Наташины длинные волосы спутались, пока она лежала после операции, не в состоянии причесаться сама. Свалялись, хоть и были заплетены в две косы. Но когда медсестра и нянечка через четыре дня стали их расчёсывать, выдирая целые пряди, Наташа старалась не заплакать от боли, вспомнив прекрасные, толстые косы Ули Громовой. Гестаповцы подвешивали Ульяну за волосы, и одна коса даже оторвалась, им рассказывала об этом Галина Николаевна...

«Представляю во сколько раз больнее было Уле!» – думала Наташа, и терпела. И потом, глядя на свой трудно заживающий шов, девочка думала, какие всё это пустяки по сравнению с ранами замученных в застенках комсомольцев... Многие трудности в жизни помогла ей пересилить эта установка, полученная в детстве, – равнение на Олега Кошевого.

* * *

...Прошло больше сорока лет, целая жизнь. Пронеслась со скоростью состава, который пролетает мимо пассажира, ожидающего своего поезда. Наташа – а теперь уже Наталья Михайловна – незаметно перешла через возраст, в котором были в далёком 1943 году родители погибших молодогвардейцев. Перечитывая книгу о них уже взрослой, она не раз ловила себя на мысли, что было бы, выбери они другое имя для отряда. Ну, Валентины Терешковой, например... Стали бы они другими людьми, не будь их детство так тесно связано с памятью юных героев? Неизвестно. Но эти погибшие ребята будто были с ними рядом все эти годы, будто оценивали их поступки. Недавно она нашла в своих бумагах черновик письма, которое их отряд писал Елене Николаевне Кошевой. Обычное детское послание матери героя, с вопросами о том, как рос Олег, и что она пожелает сегодняшним детям, мечтающим быть похожими на её сына. Наталья вспомнила, что тогда им пришлось в от-

вет тёплое письмо, не официальная отписка, а обыкновенное человеческое, дружеское письмо... Где брала силы мать, чтобы снова и снова говорить о сыне, беречь раны?

...Снова огненное зарево на Донбассе. Там рвутся снаряды, звучат выстрелы, гибнут люди. И болью отзываются они в душе Наташи, так и не побывавшей в музее героев-краснодонцев. У неё нет сына – только дочери, и вроде бы некого отправлять в солдаты. Но со старшей дочкой вместе после работы Наталья Михайловна шьёт для фронта походные носилки для переноски раненых бойцов. Сотни носилок уже сшили. Вечером закрывает глаза – а перед ними всё равно пляшут переkreщенные ленты строп, сливаются стежки, мельтешит лапка швейной машинки.

Однажды в погожий осенний день человек десять бывших одноклассников – остатки их четвёртого «Б» – отправились к старенькой своей учительнице, Галине Николаевне, поздравлять её с юбилеем. Восемьдесят лет – это солидная дата!

Галина Николаевна сторбилась и похудела, стала менее строгой. Перенесла инсульт несколько лет назад, но память и речь у неё ещё отличные, и старая учительница провела перед стареющими учениками целую политинформацию на патриотическую тему. Говорили и о сегодняшних событиях на Донбассе, и о событиях времён Великой Отечественной. Сыновья Галины Николаевны находят для неё в интернете интересные факты о молодогвардейцах.

– Я, наверное, о «Молодой гвардии» могла бы свою книгу написать, да прошло моё время, уже не успею... Может, кто из вас все мои файлы соберёт и обобщит?

– Внучка ваша напишет, дорогая Галина Николаевна, – говорит ей Лариса Скворцова, обнимая на прощанье.

Действительно, внучка Галины Николаевны с детства слышала о молодогвардейцах, и тоже знает о них немало. Но у молодёжи свой взгляд на нашу историю и на то, какими должны быть патриоты.

Ни Лариса, ни Наташа не сказали своей учительнице, чтобы не разволновать её, что сын Ларисы, боец ОМОНа, не так давно вернулся из командировки в ЛНР. Досрочно вернулся, поскольку был серьёзно ранен. А у Нины Корабельниковой из

параллельного класса младший сын, служивший по контракту, погиб в одном из боёв, это было на исходе лета. Но Нина до сих пор не оправилась от потрясения и не верит, что в закрытом гробу был именно её мальчик.

Наташа стала взрослой, степенной. Обычной тёткой средних лет. Она в своей жизни не совершила ничего героического, получила мирную профессию, вырастила двух дочек. На вечерах встречи, приходя в свою школу, которая целых три года была госпиталем, школьные друзья вспоминают свой пионерский отряд и отряд Олега Кошевого. Но тоже хочет написать книгу о молодогвардейцах. А может, лучше об их современных сверстниках? Парнях и девочках из Харькова, Одессы, Днепропетровска... замученных или томящихся в застенках СБУ? Их – тысячи, десятки тысяч... О новых героях-подпольщиках, о которых ещё не написано книг.

Россия у России – есть!

Что б про мою страну ни говорили,
Будь то хула, неправда или лесть,
Россия – под звездой счастливой.
Россия у России – есть!

Взошедшая как будто на Голгофу,
Судимая со всех земных сторон,
Сама себе – надежда и опора.
Сама себе – раскаянье и трон.

Бросайте камни те, кто невиновен!
Бросайте камни те, кто без греха!
Стары суды присяжных в легионах,
Но старости уж сыплется труха.

И дух народа в большинстве – единый,
Хранит свою Историю и честь.
А потому – народ непобедимый.
Россия у России – есть!

И верные слова слагают песню:
Возмездие – совсем не то, что месть.
Поющие любовь к России – вместе.
Поэты у России – есть!

Не предавай!

На фотографии-картинки
Нет-нет да посмотрю опять.
Негласно, тихо, по старинке
Напомнят мне: «Не предавать!».

Не предавать берёзы белой
В текущий соком ранний май,
Когда порезом неумелым
Она кровит: не предавай!

Не предавай во чреве юном
Едва зачавшуюся жизнь,
И в мире суетном, подлунном
Не отрекись, не откажись!

Не предавай ветвей, хвоинок,
Ушедших в глубь веков корней,
Листа прожилок-паутинок.
Росинку, как надежду – пей!

Не предавай ни капли малой
Великой Родины своей,
Гордись в душе родной державой;
Любовь презреньем не убей!

Не предавать – есть в этом сила
И вера, Божья благодать.
Свободно, вольно и красиво
Учись СЕБЯ не предавать!

На перронах

На перронах, заплаканных осенью
От страны, от войны, от беды
За границу бежали колёсики
Чемоданов по мостовым.

Все билеты на поезд раскуплены.
Не в края, где багровый закат, –
За кордон убегали предатели,
Не оглядываясь назад.

Знаю я, что найдутся защитники,
Отстоят свою землю и дом
И за вас, и за ваших родителей.
Да, вернутся не все, но потом...

А потом... Ах, не станем загадывать.
Дважды в реку нельзя войти.
За кордон убегали предатели.
Расходились дороги-пути.

...Осень плакала на «гражданке»,
Провожая сынов-солдат.
Шли платформы, мелькали танки,
Над перроном кружил листопад.

Встанем!

Русские вовремя поняли:
Нынче пощады не жди,
И на границах Родины
Жёлтые снова дожди.

Русские поняли правильно:
Бой не на жизнь, а на смерть.
Всё начинается заново.
Дух превращается в твердь.

Снова Алёши с Иванами,
Снова щиты и мечи
Грозно звенят между странами
В непроглядной ночи.

Кровью и потом пропитаны
Воздух, земля и трава,
И с головой непокрытою
Мир произносит слова:

«Встанем! Пока ещё живы...».
Памятью прежних побед
Кровь наполняет жилы.
Встанем! Да будет свет!

* * *

На войне хотела быть солдатом.
Подписав военный договор,
Мне начальник службы медсанбата
Объяснил: «Примерно, ты – майор.

Женщины – условно рядовые.
А поскольку мало их – в цене.
В части все ребята удалые:
Служба. На войне как на войне».

К ореолу женщины-«майора»,
Но с сержантской тонкой полосой
На погонах
Я привыкла скоро,
Хоть была простою медсестрой.

Офицером быть, конечно, круто,
Кто в образование преуспел.
Только нам, медсёстрам, кроме шуток,
Прапорщик – заманчивый предел.

А однажды, помню, вышел случай:
Ночью срочно врач повёз бойца
В госпиталь. А там лечили лучше.
Ожиданьям не было конца...

Тут солдат с разбитой головою.
Кровь рекою хлещет. Как же быть?..
Взяв иглу дрожащею рукою,
Быстро научилась кожу шить.

...А наутро «старшего сержанта»
Дали мне. Я помню до сих пор
Новые погоны, и назавтра
Старший я... но всё-таки «майор».

И в «майорском» чине «на гражданке»
Заново училась жить и быть
Медсестрою в звании сержантском,
По-майорски Родину любить.

Я – птица...

Я – птица, я просто птица.
Я – мирный журавль-стерх.
Пора на крыло становиться
Птенцам и стремиться вверх.

А нынче новые «стаи»
Освоили неба простор.
Кружится и ввысь улетаёт,
Жужжит квадрокоптеров хор.

Режет металл «байрактаров»
Тугую небесную синь.
И только курлычет по-старому
Большой журавлиный клин.

Летит, уповая на Бога,
Журавль. Лети! Лети!
Всё небо – тебе дорога.
Вдруг... «байрактар» на пути.

И встретились в небе две птицы,
Как будто бы с разных планет.
Под ними сверкают зарницы.
Искусственный слеп интеллект.

Металл не уступит дороге –
Ведь задан ему полёт.
Журавль, повинуюсь Богу,
Стремится вперёд, вперёд!

Летит над землёю грешной,
Над ширью степей и полей.
Он – мирный, он – наш, он – здешний.
Небо – для журавлей!

...Я – птица. Я просто птица.
Я – белый журавль-стерх.
Я не успел уклониться,
Грудью встречая смерть.

...Небо одно и то же.
Один и тот же маршрут.
Боже... Мороз по коже...
Мирных и в небе бьют!..

МАЙДАН ДЛЯ ДВОИХ

Главы из повести

Ресторан назывался «Криївка», что в переводе на русский означало убежище. Как и подобало настоящему подполью, вход в него был тщательно замаскирован. Обыкновенная ничем не примечательная арка в здании, построенном ещё во времена Австро-Венгрии в Старом городе. Спуск вниз по крутой лестнице. Массивная деревянная дверь без стука не откроется.

– Паспорт? – спрашивает хриплый голос изнутри.

Моя рука тянется к нагрудному карману за краснокожей книжкой.

– Здесь документы не нужны. Он пароль спрашивает... – объясняет мне подруга и громко кричит: – Слава Украине!

Дверь со скрипом отворяется, и небритый мужик в полевой военной форме с немецким автоматом Второй Мировой войны на груди сурово приветствует:

– Героям – слава!

Из помятой фляжки он наливает нам по стопке медовухи.

– И вы всем так наливаете? – спрашиваю я.

– Всем, – отвечает привратник, но предупреждает, что если эта медовуха попадёт в рот москаля, то сразу рвота, и никакая реанимация не поможет. Я не всё понимаю, но Катя помогает с переводом.

– Не бойся, пей. Ничего с тобой не будет. Это – просто прикол такой.

Окинув нас для остротки свирепым взглядом, охранник открывает потайную дверь в книжном шкафу. Мы спускаемся ещё глубже вниз, в настоящее подземелье.

– Ресторан стилизован под штаб украинской повстанческой армии. Это самое популярное место во Львове. Его ежегодно посещает около миллиона туристов со всего бывшего Советского Союза.

Катя проводит меня по узким бревенчатым коридорам псевдо-партизанского бункера в сводчатый кирпичный зал. На стенах висит старое оружие, националистические плакаты. В нише выбивает морзянку ламповая радиостанция. За дощатыми столами сидят приличного вида люди, едят, выпивают.

Тоже садимся за пустой стол. Подлетает бойкий хлопчик в полевой форме и, подавая меню, что-то лопочет по-украински.

Я заказываю фирменное блюдо и триста граммов горилки. Естественно, по-русски. И сразу заходит бандеровский патруль.

– Слава Украине! – кричит на весь зал шуцман, услышав в ответ «Героям – слава!», направляется ко мне: – Тут появилась информация, что среди вас есть москалик.

Спрашивает, сотрясая у меня под носом маузером:

– Может, ты знаешь, где – москаль?

Я понимаю, что это – игра, но она мне неприятна. Видел бы это мой прадед! Молчу, как партизан.

– А ну, скажи «пиво»!

– Пиво, – автоматом отвечаю я.

– Ага, ты есть москаль! – радуется шуцман и велит бросить меня в карцер.

Несмотря на Катины протесты, меня отводят в тёмную камеру рядом с туалетом.

Зарешечённое окошко в двери распахивается, и бандеровец даёт мне выбрать:

– Короче, москаль, если споёшь нам украинскую песню – отпустим, а нет – пристрелим.

Кроме «Червону руту» Софии Ротару я ничего из украинской эстрады не знаю, но и этого хватает. Меня выпускают из карцера.

– На первый раз – прощаем. Но если ещё раз попадёшься, пощады не жди.

На столе уже дымятся сковородки с запечённым под сыром мясом, полевая фляжка небрежно валяется рядом. Я разливаю горилку по чаркам и без тоста, не дождавшись Катю, выпиваю. Потом ещё и ещё. Официант приносит вторую фляжку. Когда снова входит патруль, я – уже изрядно пьян. Забирают парня

из-за соседнего стола. Он даже радуется экзекуции. Я неуверенно встаю со скамьи и во всеуслышание заявляю:

– А в Бухенвальде-то какая натура простаивает! Там бы не в карцер москалей и жидов, а сразу – в крематорий! И название фашисты придумали. «Дорога на небо»!

В зале устанавливается гробовая тишина. Патруль оставляет свою жертву и подходит ко мне.

– Вы пьяны, молодой человек. Пожалуйста, покиньте наше заведение, – на чистом русском и на полном серьёзе предлагает мне воскресший из ада украинский националист.

Но меня уже не остановить. Во мне проснулся мой прадед, воевавший с «оуновцами» семьдесят лет назад.

– А почему на твоей форме нет знаков отличия, служивый? Клиенты не поймут? Но коли начали стёб, то уж идите до конца. Дивизия СС «Галичина»!

Меня хватают под руки, волокут по кротовым норам и вышвыривают на улицу.

– Тебе повезло, что ты – наш гость, москаль, – сквозь зубы произносит здоровяк и, оглядевшись по сторонам, со всей силы бьёт меня под дых.

Я падаю на мостовую, из подвала выскакивает испуганная Катя и помогает мне подняться на ноги.

* * *

– Ты слишком категоричен. Никакой пропаганды фашизма я здесь не вижу. Обыкновенная историческая реконструкция, – отчитала она меня с утра.

Но я стоял на своём и не собирался каяться:

– Как ты не понимаешь, что вас исподволь приучают к нацизму!

– Пить надо меньше! – фыркнула она и замкнулась.

Мы не разговаривали целый день, всю дорогу от Львова до Киева. Но дома мы помирились, мама Кати была в отъезде.

За две с половиной недели нашего воссоединения это была уже вторая серьёзная размолвка. Будь на месте Кати любая другая девушка, я бы давно с ней расстался. Все её недостатки я видел. Слишком большое значение она придавала деньгам, материальному статусу. А для меня деньги всегда явля-

лись средством, но не целью. Когда они у меня водились – я их тратил, когда не было – жил экономно. Копить, откладывать – это не в моём характере. Об её толерантности к украинскому нацизму я вообще не говорю. В этом вопросе мы были крайними антагонистами. Чтобы я спал с поклонницей Степана Бандеры?! Но ведь сплю же, занимаюсь с ней любовью. Стоит ей провести пальчиками по моей руке или прошептать на ухо ласковые слова, я забываю обо всём, и ничего больше не вижу, кроме сочных спелых губ и белой нежной шеи...

* * *

– Женитьба – дело серьёзное. Ты познакомил бы меня с невестой? – сказал мне отец по телефону.

– Нет проблем, батон. Прилетай в Киев в начале ноября. Мы с Катей как раз вернёмся из Трускавца. Представлю тебя и ей, и маме. Они – очень гостеприимные, будут тебе очень рады. Хоть развеешься.

Ближе отца на этой планете у меня никого не было. Но, честно, иногда я его не понимал. Он – умный, деловой мужик, но как выкинет какую-нибудь хрень, хоть стой, хоть падай. Спрашивается: кому сейчас нужны его либеральные романы? Время изменилось безвозвратно, у общества – уже другие потребности давно.

А бизнес? Ведь и дураку было понятно, что вакханалия девяностых рано или поздно закончится! В эпоху глобальной компьютеризации посредники обречены. Заработал деньги на восстановлении разрушенных хозяйственных связей, так вложи их во что-нибудь стоящее, полезное людям. Создай строительную фирму, открой ресторан, магазин на худой конец! Но у моего папы и тут отмазка:

– Пробовал – не получается. Понимаешь, я – не хозяин, нет во мне этой кулацкой жилки, чтобы упорно, всю жизнь грести под себя, присваивать чужой труд. Когда-то я держал крупную торговую компанию, человек сорок в ней числилось, но знаешь, денег не было. Я брал кредиты, всем рисковал, а мои подчинённые жили лучше, чем я. И тогда я понял, что не могу руководить людьми. Творческий коллектив, редакция газеты – не в счёт. Хороший редактор должен быть первым среди равных.

Это я умею. А народ просто надо держать в ежовых рукавицах.

С матерью – тоже непонятно. Почему она уехала, бросила нас, отец мне никогда не говорил.

Она часто ездила на гастроли, и я подолгу оставался вдвоём с отцом. Он работал корреспондентом областной газеты и тоже мотался по командировкам. Тогда у нас ночевал дед, или я отправлялся в его большую судейскую квартиру с высокими потолками на берегу Иртыша. У нас тоже была хорошая квартира в Павлодаре. Три комнаты, на третьем этаже, в самом центре города. Но в типовом доме массовой застройки, и в ней не было того простора и пространства, как у деда. Может быть, потому что он жил один, а нас – трое. Мне всегда нравилось гостить у него, ведь там дозволялось всё. Дед хоть и строжился, но во мне души не чаял. Его отец, мой прадед, живший по соседству, в однокомнатной квартире со старушкой-ровесницей, меня тоже очень любил. Его жена умерла рано, но старик погоревал в меру и скоро нашёл новую бабушку. Он не мыслил жизни без женщины рядом и постоянно ругал сына, что тот живёт бобылём.

Распад Союза для нашей семьи стал большим ударом. Летом 92-го уехала в Одессу мать, вначале – в отпуск, а потом оказалось, что – навсегда. Отец тоже вскоре исчез, и я переселился к деду. Я часто плакал по ночам, просился к родителям, дед меня гладил по волосам сухой ладонью и успокаивал, что мы скоро поедем к папе.

Отцу нельзя было въезжать в Казахстан. Какие-то проблемы с законом. Дед отвёз меня в аэропорт, и со знакомыми отправил в Москву. Родитель встретил меня в Домодедово, и мы с ним полетели в Батуми. Он тогда занимался поставками мандаринов из Аджарии. Я привык, что под Новый год у нас дома всегда стоял ящик этих сказочно вкусных фруктов. Только начинаешь очищать мандарин от кожицы, и сразу вся комната наполняется чудесным ароматом. Запах ёлки и мандаринов – так пахло моё счастливое детство.

Грузины принимали моего отца, как дорогого гостя. Сациви, чанахи, толма, хачапури... Всех названий блюд, какими нас потчевали в горных селениях хлебосольные хозяева, я и не запомнил. Помню, как мы купались в бурлящей и холодной гор-

ной реке. Как ели виноград и персики в горах. Отец пил из рога терпкое грузинское вино. За столом говорили много тостов за мир и дружбу. А потом папин партнёр по бизнесу дядя Зураб дал мне настоящее ружьё, подвёл к окну и, направив ствол вверх, сказал: «Стреляй!». Я выстрелил в ночное небо, и сразу пошёл дождь. Я тогда радовался сильно.

– Папа, папа, я небо из ружья проткнул!

Потом мы переехали на побережье и неделю жили в «Интуристе» в Кобулеті. Кондиционера в номере не было, из-за духоты мы с отцом спали на лоджии. Однажды утром я проснулся от раскатов грома. На небе не было ни облачка. И море отливало зеркальной гладью.

– Папа, а почему гром гремит, а дождя нет? – растолкал я спящего на надувном матрасе отца.

Он резко вскочил на ноги и велел мне немедленно собирать вещи. В гостиничном фойе толпились взволнованные люди с чемоданами. Дядя Зураб тоже был там и постоянно ругался по-грузински.

– Володя, ночью абхазы прорвали нашу оборону. Их танки в тридцати километрах от города. Вам надо срочно улетать.

– Но наш самолёт только через пять дней!

– Мой двоюродный брат работает начальником Батумского аэропорта, он вас посадит на московский рейс.

Весь полёт до Москвы отец простоял в проходе между креслами, как и многие другие мужчины. В самолёте сидели только старики, женщины и дети. Меня к себе на колени посадила молодая грузинка.

В Москве я видел Горбачёва. Мы шли с отцом от Красной площади к метро «Площадь революции» по Никольской улице. И возле перехода к станции метрополитена стоял бывший президент СССР и о чём-то громко вещал окружившим его людям. Отец посадил меня на плечи, и я очень хорошо рассмотрел родимое пятно на лысине последнего руководителя ещё недавно великой страны.

Отец купил мне билет на самолёт и с какой-то женщиной отправил меня в Павлодар.

Этой же осенью умер прадед. Его похоронили на аллее ветеранов Великой Отечественной войны местного кладбища.

Дед очень спешил. На девятый день мы поминали прадеда ещё в Павлодаре, а на сороковой – уже в Томске. Свою квартиру судья продал за бесценок, за три тысячи долларов, а родительскую – вообще пришлось оставить даром. Благо отец сумел вытащить деньги из бизнеса и купить двухкомнатную квартиру на окраине Томска.

Почему – именно Томск? В здешнем университете учились мои предки: и дед, и отец. Каждый – в своё время. Я – тоже выпускник ТГУ, в третьем поколении.

Папа постоянно был в разъездах, и я жил в основном с дедом. Вскоре отец женился во второй раз. Его жена годилась мне в старшие сёстры, но – никак не в матери. В такую семью дед меня не отпустил. С молодой женой отец прожил недолго, развелись по обоюдному согласию. Но осадок в моей душе от его предательства остался. Я быстро повзрослел. Рано начал встречаться с девушками. На втором курсе чуть не женился в первый раз.

Отец меня тогда поставил перед выбором: если я женюсь, то сам должен содержать свою семью. Я закусил удила, и полгода с подружкой снимал квартиру, подрабатывал барменом в ночном клубе. С подружкой я расстался, и мы с отцом помирились.

Последний конфликт поколений произошёл, когда я уже работал юристом. И снова – из-за женщины. Мы крепко с ним тогда зацепились. Я психанул, бросил всё и уехал искать удачу в Москву.

Летом отец и дед вместе живут на даче, а на зиму дед съезжает в город, а мой родитель остаётся зимовать один в холодном доме и пишет романы. Свою квартиру он сдаёт в аренду, на то и существует.

* * *

Я не мог больше жить один, без Кати. В Киев я летал каждые две недели. Вся моя зарплата уходила на билеты и подарки для неё и мамы. В последний свой приезд я сделал ей предложение и подарил обручальное кольцо. Она кольцо приняла и улыбнулась.

– А где мы будем жить, Даниил?

– Где хочешь, любимая!

– В Нью-Йорке не хочу. Либо в Киеве, либо в Москве.

Я разослал своё резюме всем приличным киевским работодателям. Некоторых мой послужной список и опыт работы заинтересовал, но незнание украинского языка ставило жирный крест на моей юридической карьере на Украине. Ведь всё делопроизводство там велось на украинском языке. Оставался один вариант – Москва. Но российская столица – весьма дорогой город, чтобы жить здесь семьёй, надо много зарабатывать. И я вкалывал, как проклятый. Напряг все свои связи, и мою кандидатуру выдвинули на должность начальника судебного управления. Должностной оклад и годовые бонусные выплаты на этом месте переводили мои мечты о семейной жизни в плоскость реальности.

* * *

Поезд из Трускавца в Киев пришёл рано утром. Мы только успели забросить вещи к Кате домой, принять душ, переодеться, и вместе с её мамой поехали в аэропорт. Оксана Марковна лихо управлялась с переключателем на механической коробке передач компактного американского джипа, и город она знала хорошо, поэтому мы быстро проскочили центр, объехав пробки по второстепенным улочкам.

Отца я узнал не сразу. Обычно склонный к полноте, сейчас он выглядел каким-то высохшим и маленьким. Особенно рядом с рослой Катиной мамой, бывшей волейболисткой. Но прежний лоск старался сохранять. Чёрный плащ от «Версаче», кожаный саквояж, может, и ввели моих киевлянок в заблуждение относительно материального статуса их обладателя, но я-то знал, что этим вещам – уже добрый десяток лет, ничего нового отец себе давно уже не покупал.

– Привет, папа! Вот знакомься. Это – Катя. А это – её мама, Оксана Марковна.

– Очень приятно, – устало улыбнулся мой предок и снял фуражку.

У него почти не осталось волос. Короткая стрижка была мерой вынужденной, дабы скрыть залысины.

– А это – Владимир Святославович, мой отец.

– Ух ты! С таким именем, как у крестителя Руси, вам точно нужно жить в Киеве! – радостно выпалила Катя. – У Данилки, впрочем, тоже – имя громкое. Даниил Галицкий!

– Насчёт жизни не знаю. А вот погреться на киевском солнышке после сибирских холодов я точно не возражаю.

– И что, у вас уже так холодно? – спросила Оксана Марковна.

– С утра было минус тридцать.

– Надо же! Такие морозы в начале ноября! – удивилась старшая Иванова.

– Это ж – Сибирь, мама. Мне вчера звонил из Якутии отец, так у них вообще уже за сорок.

Катя зря сказала про папу, маме это сильно не понравилась. Она сморщила нос и строго наказала дочери: не упоминать при ней этого имени.

Надо было уводить разговор в сторону, чтобы Оксана Марковна совсем не расстроилась.

– Папа, а мы с Катей гуляли в парке возле бювета в Трускавце, где ты познакомился с матерью.

Эта тема оживила мою будущую тещу.

– Данила мне рассказал вашу историю. Я так удивилась, что он совсем не общается с мамой. Вы-то поддерживаете отношения с бывшей супругой?

– Практически – нет. А зачем? У неё – своя жизнь, у меня – своя. Теперь даже в разных странах живём.

– Но для наших детей границы – не преграда! – торжественно произнесла Оксана Марковна и тихо добавила: – Как женщины могут бросать детей?!

* * *

Мне Киев очень нравился. И не Россия, и не Европа, а так – серединка на половинку. Древние православные храмы с золотыми куполами, монументальный мемориал Славы на берегу Днепра – всё вроде по-нашему, по-славянски и по-советски. Прохожие на улицах говорят на русском, экскурсии по памятникам архитектуры – тоже. Много сходства с Москвой. Та же столица, но компактная и какая-то домашняя. Крещатик – Тверская, Подол – Арбат. «Динамо» Москва – «Динамо» Киев.

Но едва уловимые отличия всё же проскальзывали: и в архитектурном облике старинных зданий, и в тесноте центральных улочек, и в самом воздухе, напоенном запахом высушенных листьев и ароматом свежего кофе. Кофейни здесь встречались на каждом шагу. Возле станций метро мололи и варили кофе даже на автомобильных и мотоциклетных фургонах под открытым небом. А может быть, тёплый южный климат, другие деревья – каштаны и вязы – вводили приезжего человека в заблуждение относительно отличия матери городов русских от других больших поселений некогда необъятного отечества.

По столичному снобизму киевляне мало отличались от москвичей. Высокомерное отношение к лимитчикам, «понаехавшим тут», было и в семействе Ивановых, самих обосновавшихся в столице совсем недавно. Особенно Катина мама не любила «донецких».

* * *

«Порш Кайен» золотистого цвета нагло подрезал наш маленький джип. Оксана Марковна едва успела нажать на тормоз, чтобы не врезаться в задний бампер авто за сотни тысяч евро. Распахнув дверцу на половину улицы, из машины вылез коротко стриженный накачанный мордоворот в спортивном костюме. И, демонстративно поигрывая в руке тяжёлой битой, развалистой походкой направился к нам.

– Ты как едешь, коза?! – жуя жвачку, процедил он сквозь зубы Оксане Марковне.

Она изменилась в лице и молчала. Сидевшая на переднем сиденье Катя – тоже.

– Молодой человек, а вы ничего не попутали? Правила-то нарушили вы! – вписался в разборку мой отец.

– А ты, старпёр, вообще помалкивай. А то урою тебя в тряпку.

Ударить лицом в грязь перед любимой девушкой в присутствии родителей я не имел права. Выпрыгнул из машины и оказался лицом к лицу с хулиганом. Тот не ожидал от меня подобной прыти и замешкался.

Клаксоны выстроившихся за нами авто разрывались. П слышалась милицейская сирена. Громила осмотрелся, оценил

ситуацию и, сплюнув жвачку на асфальт, прошипел «Пока живите». Вразвалку поковылял к своему золотому джипу.

– Вот, Владимир Святославович, полюбуйте на красавца! – выдохнула наша водительница. – Каких экземпляров навёз с собой с Донбасса президент Янукович! И они в Киеве теперь управляют всеми делами!

– Мне казалось, что такие музейные экспонаты остались в девяностых.

– А Украина из них и не выходила. У нас всю жизнь – девяностые. С воровством и коррупцией чиновников мы уже свыклись. Но раньше простые люди хоть как-то могли заработать на жизнь. Теперь же все лакомые куски эти бандюки под себя подмяли. Что делать – ума не приложу.

Ужинали мы в японском ресторане. Батя с Марковной проносили тосты за нашу с Катей любовь, пили украинский коньяк и закусывали его дальневосточными экзотическими блюдами.

Оксану Марковну сильно заботил наш семейный бюджет.

– У меня есть одна идея, гарантирующая стабильный доход.

В глазах бывшего бизнесмена проснулся интерес.

– И какая? Если не секрет.

– Инвестиции в киевскую недвижимость с последующей сдачей её в аренду. Только не надо ухмылок! Сейчас квадратный метр хорошего жилья в Киеве можно купить за тысячу евро. Однокомнатная квартира в новом доме обойдётся в 40, а двухкомнатная – в 60 тысяч евро. На съём за 800 евро в месяц «однёшки», а «двушки» – за тысячу, очередь из арендаторов выстроится. Через каких-то четыре года затраты полностью отбиваются, и вы получаете квартиры в европейской столице бесплатно. Не забывайте, что Украина вот-вот вступит в ЕС. Тогда наша недвижимость взлетит в цене до небес!

– Удивительно: жильё стоит, как в Томске, а арендная плата – как в Москве, – не поверил отец.

– В этом-то и уникальность сегодняшней ситуации! – Катина мама разошлась, она умела убеждать. – У людей нет денег на покупку жилья, а на аренду они всё равно находят. В Киеве

же – вся власть, все министерства, ведомства, крупные фирмы. Основная работа – в столице, как и в России.

Родитель всерьёз задумался.

– А ведь предложение заманчивое на самом деле. Данилин дед давно мечтает пожить в тёплых краях. У меня, правда, сейчас нет свободных денег. Но у нас с отцом в Томске есть недвижимость. Две квартиры в центре, загородный дом. Если это всё продать, то полмиллиона евро, думаю, выручить можно.

Оксана Марковна выдохнула.

– Для Киева сейчас – это очень большие деньги. Представляете, вы можете купить десять однокомнатных квартир, только с аренды в месяц будете иметь восемь тысяч евро. Поверьте, на такой доход здесь можно жить припеваючи. А себе купите фешенебельный особняк в живописном месте. Как бонус, европейское гражданство и безвизовый въезд в любую страну мира!

Утром мой отец исчез. Ему постелили в гостиной, но, проснувшись, я заглянул туда: диван был собран, одеяло и простыня аккуратно лежали в стопке. Солнце стояло уже высоко, и часы показывали начало одиннадцатого. Я позвонил ему на мобильник, но он был вне зоны доступа. Перезвонил отец только через час, когда мы с Катей и Оксаной Марковной уже собирались отправляться на его поиски.

– Данила, как твои будущие родственницы относятся к опере? – как ни в чём не бывало, спросил мой пропавший родитель.

Поинтересовавшись их мнением, я ответил, что – положительно.

– Замечательно! – отозвался отец. – Я купил четыре билета в оперу. Дают «Женитьбу Фигаро». Классика! Начало – в 19 часов. Не опаздывайте.

– А ты, собственно, где? – я задал вопрос.

– Гуляю по Киеву.

– И давно?

– С шести утра.

От транспорта и сопровождения он отказался, сказал, что встретимся вечером возле Оперного театра.

* * *

Он сидел на лавочке под фонарём, усталый, но довольный. Радуюсь, как мальчишка, доложил нам, что отстоял заутреннюю службу в Успенском соборе, ходил по пещерам в Лавре, завтракал в монастырской столовой, гулял по парку Победы над Днепром. София Киевская, Михайловский собор, Крещатик. Даже в кино мой батя успел сходить.

– И как вам Киев? – поинтересовалась Оксана Марковна.

– Замечательный, красивейший город! Только в нём очень много обозлённых людей.

Театр, где застрелили премьер-министра империи, реформатора Столыпина, вызвал у меня настоящий восторг. Прежде я никогда не бывал в Опере. А тут – золотая лепнина, массивные бронзовые люстры, занавес из тяжёлого красного бархата и скрипучие кресла, обтянутые под стать занавесу. Арии певцов на итальянском языке. Настоящая эпоха Возрождения!

Я не ведал за своим отцом музыкального пристрастия и был приятно удивлён его эрудиции в оперном искусстве.

Прошёл дождь, тротуары блестели лужами в электрическом освещении, холодало, пар шёл изо рта. Мой отец говорил очень громко, почти кричал, как пьяный:

– Друзья мои, лучшие в мире оперные театры – вовсе не в Милане, Вене, Нью-Йорке, Москве, Санкт-Петербурге или Сиднее! Поверьте, я там был. Такой душевности, камерности, гармоничного сочетания пения и архитектуры нет нигде, только на Украине. В Киеве, во Львове и Одессе!

* * *

Новый год мы встречали в Киеве. Получив свою первую начальническую зарплату, я решил побаловать невесту и её родню. Кате купил новый планшетник, маме – смартфон, бабушке – пуховую шаль, а деду – сувенирные шахматы. Мы решили на каникулах никуда не ехать. Катя очень хотела побывать на Олимпиаде в Сочи. Там траты предстояли немалые. А весной мы планировали сыграть свадьбу. О ценнике этого мероприятия я даже и думать не хотел.

Подаркам киевлянки обрадовались. Пока я отсыпался после перелёта первым утренним рейсом, женщины колдовали

на кухне, откуда скоро стали распространяться по всей квартире такие ароматы, что сон быстро сменился голодом.

Я открыл глаза, за окном уже смеркалось. Короткий декабрьский день закончился, будто не начинался вовсе. Я оделся и вышел из Катиной комнаты. Моя невеста дожаривала у плиты котлеты. На подоконнике стояли не вошедшие в холодильник вазы с салатами. В душе шумела вода.

Не отрываясь от дела, Катя чмокнула меня в щёку.

– Хочешь перекусить? Бери салат, какой нравится. Пока ты спал, мы с мамой обговорили программу новогоднего вечера и ночи. Вначале посидим за праздничным столом по-семейному втроём. Потом мама уйдёт в гости, и мы останемся одни. Ну а после, если у тебя, конечно, будут ещё силы, мы можем погулять по ночному Киеву.

Я только открыл рот, чтобы сказать, это ещё посмотрим, кто из нас обессилеет первым, но меня опередила Оксана Марковна.

– Только в центр, пожалуйста, не суйтесь! А то там – настоящая революция. Недетские беспорядки. Хотя «Евромайдан» и «Антимайдан» объявили перемирие на Новый год и Рождество, но я почему-то ни тем, ни другим не верю, – наказывала мне Оксана Марковна перед уходом к подруге. – Ты, Данила, – мужчина, следи, пожалуйста, за этой революционеркой. А то её точно на баррикады понесёт.

Но её предостережения оказались напрасными, после полуночи моя экзальтированная невеста потащила меня на Майдан Незалежности.

– Ты ничего не понимаешь! Это на Европейской площади, может быть, проплаченные политиками «активисты», а на Майдане – сам народ! – уверяла она меня на подходе к палаточному городку сторонников интеграции Украины в Европу.

Новый год, безусловно, внёс свои коррективы в майданый быт. В окружении праздничных иллюминаций, сверкающих ёлок и гирлянд, сам палаточный лагерь с кострами казался декорацией к какой-то рождественской сказке. Тем более – многие из палаток светились изнутри, как будто в них проживали гномы или тролли. Часть революционеров всё ж разъ-

ехалась по домам, встречать праздник с семьями. Война – войной, а обед – по расписанию. Но самые стойкие бойцы отрядов самообороны остались на площади Независимости. А вдруг милиция нарушит перемирие и, пользуясь праздниками, снедёт их палаточный лагерь.

Здесь тоже праздновали Новый год. Небритые мужчины в пуховиках, утеплённых спецовках и даже старых горнолыжных костюмах с закопчёнными из-за длительного нахождения у костров лицами радовались и поздравляли друг друга. Среди них встречались и женщины в бесформенной одежде, перевязанные платками, больше похожие на рыночных торговок, чем на революционерок.

Катя уверенно направилась к одной из палаток. Навстречу вывалился подвыпивший парень.

– Привет, Катюха! Жрачки принесла?

– А як же!

– Хлопцы, нам закуску принесли! – прокричал он в палатку. Кастрюля с котлетами исчезла в брезентовом домике.

– Вот, Данила, познакомься. Это мой однокурсник из магистратуры, Игорь. А это – Данила, мой жених.

Парень сразу протрезвел.

– Из Москвы, что ли?

– Да.

– И каким ветром тебя сюда занесло?

– К невесте приехал на Новый год.

– А мы вот тут второй месяц уже чалимся.

– А как же учёба?

Игорь закурил и предложил мне. Я отказался.

– Декан пообещал отчислить. Теперь нам обратной дороги нет. Если победим, то и декана, и ректора заменим, а нет – они нас в шею выгонят.

* * *

На открытие Зимних Олимпийских игр в Сочи билеты достать мне не удалось. Зато подфартило с церемонией закрытия. Ради этого я даже отказался от олимпийского хоккейного финала. И угадал, наша сборная всё равно вылетела из турнира раньше, проиграв американцам.

С работы меня отпустили только на неделю. Катя прилетела в Москву вечером, а наутро мы улетели в Сочи.

Я обалдел, когда увидел город, где не был семь лет. Современные стадионы, скоростные автобаны, толпы иностранцев. Пальмы, синее море, откуда дует тёплый ветер. Можно ходить в одной рубашке, а поднимаешься немного в горы, – укрытые снегом высоченные хребты, лёгкий морозец, настоящая зима!

Кате тоже очень понравился Сочи.

– Здесь даже круче, чем в Альпах! Лазурный берег отдыхает! – восхищённо говорила она.

Дважды ездили в горы. Посмотрели женский биатлон. К Катиной радости, медаль завоевала украинская спортсменка. В мужском гигантском слаломе лыжники из бывшего Союза не блистали. Но впечатлённая соревнованиями Катя уговорила меня взять напрокат горные лыжи и дала мне первый урок по скоростному спуску. Она летала по склону, как ракета. Я же постоянно падал, хорошо хоть лыжи не сломал. Но какой был кайф – снять с ног тяжелейшие горнолыжные ботинки!

* * *

– Данила, Данила, проснись! «Евроньюс» передаёт. В Киеве вооружённое восстание. «Беркут» стреляет на поражение. Десятки убитых!

Она судорожно набрала телефон матери. Та долго не отвечала, видать, спала. Нервничая, Катя отгрызла длинный накрашенный ноготь. Наконец Оксана Марковна взяла трубку.

– Мама, мамуля, как ты там?

Мать успокоила дочь, как могла. Что в их районе всё спокойно, стреляют только в центре, из дома она далеко не выходит, только в магазин. Пока ситуация не успокоится, Кате лучше в Киев не возвращаться.

В этот день на стадион мне пришлось идти одному. Невеста осталась в номере и не отрывалась от телевизора. Смотрела только новости по CNN и BBC.

На экране телевизора прыгали торжествующие правосеки и скандировали во всё горло:

– Москаляку – на гиляку! Кто не скачет, тот – москаль!

Мою возлюбленную словно подменили. От былых радост-

ных восторженных глаз не осталось и следа. В них теперь поселилась глубокая печаль.

* * *

В Москве она немного отошла. В «Охотном ряду» мы купили ей очаровательную короткую норковую шубку и модные итальянские сапоги. Из-за беспорядков в Киеве свадьбу решили сыграть в российской столице. Она обещала прилететь на 8 марта, и мы должны были подать заявление в загс.

Но не прилетела. Я звонил ей по несколько раз на дню. Вначале она ссылалась на учёбу, потом – на нездоровье матери, затем – бабушки, дедушки. А в итоге заявила:

– Извини, Данила. Мы не можем быть вместе. Мы – слишком разные. Ты любишь свою страну, а я – свою.

– Да, при чём здесь наши страны? – взорвался я. – За тысячу лет они то расходились, то снова сходились. Страны живут в другом измерении, а люди – в другом. Да, я люблю свою страну, но мне это не мешает любить тебя! Главное, что мы любим друг друга, и что бы ни происходило в мировой политике, мы должны быть вместе!

– Но твоя Россия оккупировала наш Крым. Тот Крым, где мы встретились с тобой! Понимаешь, его больше нет!

– Но мы-то есть!

Молчание. И короткий ответ:

– Я – патриотка Украины. Прощай.

Я сошёл с ума. Не мог ни работать, ни есть, ни тренироваться. Думал только о ней. Она постоянно стояла перед моими глазами. Я знал, я чувствовал, что Катя – не такая. Она – добрая, нежная, ласковая. Она – моя родная женщина. Просто её околдовали, напустили на неё порчу демоны. Или кусочек льда из-под колесницы Снежной Королевы попал ей в глаз, и её сердце сковало льдом. Только я могу спасти её. Стоит мне её обнять, расцеловать, и её замёрзшая душа оттаёт, колдовские чары спадут, и ко мне вернётся моя прежняя тёплая Катя.

В пятницу сразу после работы я поехал в Шереметьево. Купил билет на первый рейс до Киева. Полтора часа над облаками пролетели как мгновение.

Аэропорт Борисполь, ставший мне родным за последние

девять месяцев. А вот и та милая девушка из погранслужбы, неоднократно строившая мне глазки, интересовавшаяся, не прихожусь ли я родственником её школьному учителю-историку по фамилии Козак? Встаю в очередь к её пропускной кабинке. Подходит мой черёд. С улыбкой, как старой доброй знакомой, подаю свой паспорт, и нарываюсь на растерянный взгляд:

– Извините, но вам въезд в Украину запрещён.

Я начинаю качать права, девушка вызывает старшего офицера и просит меня отойти в сторону и не задерживать очередь.

Ко мне подходят двое: майор-пограничник и штатский в кожаной куртке. Просят мой паспорт, внимательно его рассматривают и возвращают. Офицер объясняет:

– Ничем помочь не можем. Мужчинам в возрасте от 16 до 60 лет, являющимся гражданами России, въезд на территорию страны запрещён. Просим вас перейти в зону вылета и приобрести билет обратно в Москву.

– Но по какому праву?

– По праву военного времени, москаль, – штатский правила приличия не соблюдает, националист, скорее, с Западной Украины. – На Донбасс, поди, намылился? Пострелять захотелось. Да будь моя воля, я бы тебя тут же шлёпнул, как собаку. Твоё счастье, что ты – на нейтральной территории.

Как бы мне ни хотелось съездить по этой наглой физиономии, но я себя сдержал и решил схитрить:

– Какой Донбасс? Да я – такой же москаль, як ты. Москаль по фамилии Козак, умора. Я к невесте прилетел. Она всю зиму хлопцев на Майдане кормила. Знаешь, кто у ней батька? Я только позвоню, она тут же приедет и заберёт меня.

Националист смутился. Видно было, что на погранпункте он всё решает, командир пограничников – так, исполнитель.

– А звони! Побачим твою дивчину.

Я трижды набираю Катин номер, но она так и не отвечает. Звоню Оксане Марковне – тоже молчание.

Бандеровец ликует:

– Что, москаль, не по зубам тебе наши жинки? А ну, ноги – в руки, и вали скорее в свою Москву, пока мы их тут тебе не обломали.

* * *

Одесса встретила меня жарой и дурманящим запахом весеннего цветения. На Фонтане, где жила семья моей матери, цвели яблони, груши, вишни, сирень, черёмуха, жасмин и многие другие деревья и кустарники, как они называются, я даже не знаю. В начале мая этот район походит на один большой цветущий сад. Белым-бело от цветов, что даже жилые дома едва угадываются за этим благоухающим буйством природы.

Мама долго искала подходящую вазу, чтобы поставить мои красные розы. В итоге выхватила из серванта первую попавшуюся под руку, и побежала в кухню за водой.

– Как же ты вырос, Данечка! – сквозь шум струи донёсся до меня её взволнованный голос. – Я помню тебя маленьким и пухленьким, а ты – такой рослый, стройный, красивый мужчина. Девки, наверное, с ума сходят?

Она вернулась в обставленную со вкусом, но без излишеств гостиную, и поставила на стол вазу с цветами.

Наконец-таки мне удалось её рассмотреть. Невысокая, худенькая, похожая на цыганку, чёрные волосы с сединой, правильный греческий нос. Господи! Ямочки на щеках и карие глаза с поволокой, затуманенные, полуприкрытые, бархатные, ласкающие, прямо как у меня, а ещё длинные и пушистые ресницы.

– Я думала, что никогда тебя больше не увижу. Этот грёбаный Майдан, фашисты, русофобия! По телевизору даже объявили, что мужчинам-россиянам с 16 до 60 лет въезд на Украину запрещён. И вдруг звонишь ты...

Она снова обняла меня и прослезилась.

– Спасибо за приглашение, мама. Без него меня бы к вам в страну не пустили.

– Нашёл за что благодарить. Да я готова оформлять эти дурацкие бумажки каждый день, лишь бы видеть тебя! Жалко, что дядя Саша в рейсе, он так хотел с тобой повидаться. Зато Гаврика увидишь! Он скоро придёт со школы. Вот радости-то будет! Наконец-то со старшим братом познакомится! У него же скоро – последний звонок, выпускные экзамены. Знаешь, куда он решил потом поступать? В МГУ. На факультет журналистики!

– О Боже! Только не это! – не сдержал я эмоций.

Мать напряглась:

– Ты не бойся. Он – мальчик самостоятельный, не будет тебя напрягать. Главное, чтобы Россия не отказала во въезде гражданам Украины.

– Да я – вовсе не про то. Помогу ему в Москве, чем смогу. Но мне кажется, что в нашем окружении достаточно одного писателя.

– Кстати, как там отец? – не сразу спросила мама.

– Пишет свой очередной литературный шедевр. После поездки в Киев у него приступ творчества. Правда, сейчас прервался на огородные работы. Грядки копает. Собираются с дедом сажать картошку.

– Картошка? – мать ностальгически улыбнулась. – В Казахстане мы тоже сажали всегда картофель. Неужели у вас до сих пор так принято? Надеюсь, что не от крайней нужды?

Я успокоил её, что это – дань великой национальной традиции, вдобавок физический труд на свежем воздухе полезен для здоровья.

* * *

– Я боялась, что они сломают моему мужу ногу или руку. А ему – через неделю в рейс. Убить бы не посмели. Там же гаишники стояли рядом. Но пинали ногами жестоко, без жалости. А потом заставили жевать придорожный песок и приговаривали: «Жри, жидовско-москальская морда! Передай своим одесситам, так будет со всяким, кто украинскую землю предаст». Отдохнули в Трускавце, называется. Чтобы я ещё хоть раз поехала к западенцам, да – ни в жисть! А Саша кое-как довёл машину до Одессы, поставил в гараж и слёг на три дня. А потом встал и заявил, что ни в какой рейс он не пойдёт, а поедет на Донбасс и будет, как говорил Путин, «мочить в сортире» этих сволочей. Он же – родом из Мариуполя. Там – его родители, сёстры. А нас с Гавриком и больной бабушкой кто кормить будет? Меня из театра уволили, на съёмки никто не приглашает. Да и не буду я пропагандировать фашизм! Все живём на его капитанскую зарплату. Я хотела уйти с ним в рейс, чтобы не видеть всё это безобразие, так нет – не выпустили. Боятся, что сбежим.

Я слушал мать с упоением, как она мою исповедь, и в груди становилось тепло, на глаза накатывались слёзы, но зрение моё возросло многократно, я видел то, чего раньше никогда не видел или старался не замечать. Очень родного и близкого мне человека, женщину, давшую мне жизнь, и очень любившую меня. Я словно вернулся домой после долгой войны.

– Мама, мамочка, прости меня! – я разрыдался и упал перед ней на колени.

Она сидела на стуле, гладила меня по голове узкой ладошкой и приговаривала:

– За что мне тебя прощать, сынок? Жизнь так сложилась. В молодости мы все – максималисты, видим родительские ошибки и строго спрашиваем за них, а проходит время, и сами теряем голову, такого накуролесим, что расплачиваемся потом всю жизнь. Увы, но в области чувств ни мужчины, ни женщины – сами себе не хозяева, они играют пьесу, написанную провидением. В ней может быть много актов, но финал всегда один, – удручённо произнесла актриса.

Она нервно затушила окурок в пепельнице.

– А теперь вот и ты влюбился. И как, водится у Козаков, с надрывом, вразнос! Ты уже третий из этого рода приезжаешь на Украину за женой. Смотри, твоим предшественникам это больно аукнулось. Тем более, Катя – ещё та штучка! Но я ни в коем случае не собираюсь тебя отговаривать, переубеждать. Знаю, что занятие это – бесполезное. В любви мы учимся только на своих ошибках, и то – не всегда.

Хлопнула калитка. Но собака на привязи молчала.

– Это – Гаврик. Из школы пришёл. Что-то рано, – всплеснула руками мать, ожидая и боясь первой встречи своих сыновей.

Но её страхи оказались напрасными. В комнату ворвался разбурявшийся от бега крепко сбитый коренастый парнишка. Невысокий, темноволосый, с носом-картошкой, но нашими, бархатными, глазами.

– Гаврила! – протянул мне ладонь с растопыренными пальцами.

– Данила, – представился я столь же церемонно и пожал руку брата.

Мать с умилением смотрела на нас:

– Какие вы – разные. Но как похожи!

От проявления дальнейших эмоций её воздержал вопрос проголодавшегося школьника.

– Ма, а что у нас на обед? А то я на физре так набегался, что корову проглочу.

– Иди мой руки, Робин Бобин. На первое – борщ, на второе – тефтели с овощами.

– Фу, опять – овощи. Лучше бы пюре из картошки сделала.

– Ешь, что дают. Вот мы завтра с Данилой поедem в Киев, будешь перед бабушкой выбрыкивать, а передо мной – не надо, – строго сказала мама.

– Я тоже хочу в Киев, – заканючил брат.

Я с удивлением посмотрел на мать.

– Вы... то есть ты – со мной?..

– А ты что думал: я тебя одного через пол воюющей страны отпущу? Да тебя с российским паспортом СБУ сразу арестует, только сунешься на вокзал или аэропорт. Я тебе оформила приглашение, я за тебя и в ответе.

– И что же делать?

– На машине поедem, – твёрдо решила мать. – Правда, из меня ещё тот водитель. Но права есть. С божьей помощью доберёмся. Мне же тоже интересно посмотреть на твою избранницу!

Против такого аргумента возражать было бесполезно.

– Я неплохо вожу. Могу подменить. И права у меня с собой.

– Вот и договорились. Завтра с утра и поедem.

– Данила, а ты футбол любишь? – спросил меня Гаврик, допивая компот.

– Конечно. Я даже в прошлом году в Праге был на розыгрыше Суперкубка УЕФА. Когда «Бавария» по пенальти обыграла «Челси».

– Ух ты! – выдохнул от зависти подросток. – А на чемпионат Европы к нам не ездил?

– Только на матчи в Донецк. А ты что спрашиваешь: киевское «Динамо» к вам приехало?

– Нет. Харьковский «Металлист». Но игра будет жаркой. Давай сходим?

– Я – не против. Если мама отпустит.
Она улыбнулась и согласно кивнула головой.

* * *

Мой брат оказался совсем не простым школяром. Едва мы вышли со двора и помахали провожавшей нас матери, домашняя маска мигом слетела с его лица, и передо мной предстал во всей красе юный агитатор-антифашист.

– Ты что, всерьёз подумал, что мы пойдём на футбол? Это – отмазка для маман. Сейчас в Одессе такое творится! Решается судьба Новороссии. Или мы объявим свою республику, как в Крыму и на Донбассе, и останемся частью русского мира. Или нас нагнут бандеровцы и установят здесь свои фашистские порядки.

Он достал из кармана ветровки две георгиевских ленточки, одну прикрепил булавкой себе на грудь, а другую – отдал мне.

– Вчера одна провокаторша из нацистов сожгла на Вечном огне две такие же. Они называют нас «колорадами», по расцветке огородных вредителей. А для нас – это память о Великой Отечественной войне и символ сопротивления неофашизму.

Я тоже пристегнул знак отличия на лацкан пиджака и поинтересовался:

– Так куда же мы всё-таки идём?

– Как куда? – удивился Гаврик. – На Куликово поле. Там – наш одесский «Антимайдан». Сегодня будет митинг антифашистов. Все одесские патриоты соберутся. Поступила информация, что «правосеки» готовят провокацию. Под видом футбольных фанатов из Харькова к нам понаехали радикалы со всей Украины. Только вчера из Киева пятнадцать автобусов с евромайданщиками пришло. Боятся Дня Победы!

В центре много улиц были оцеплены милицией и перекрыты для движения транспорта. На одном из перекрёстков собралась толпа.

– Наши! – с гордостью произнёс брат и потащил меня в гущу.

Он пользовался здесь авторитетом. Солидные мужики здо-

ровались с ним, как с равным. А молодёжь даже подчинялась его приказам.

– Привет, Гаврош! Как дела, Гаврош? Зададим фашистам жару, Гаврош? – слышалось с разных сторон.

Неожиданно из переулка вышел капитан милиции и ото-звал Гаврика в сторону. Брат представил меня, сказал, что я – из России, тогда блюститель порядка заговорил без утайки:

– Будьте осторожны. Готовится серьёзная заваруха. Это – никакие не футбольные фанаты, и даже не активисты «Право-го сектора», а переодетые в гражданку военные из специальных батальонов. Они вооружены битами и цепями, у многих топоры и пистолеты. На головах каски, а лица – под масками. Их – тысячи. На Соборной площади яблоку некуда упасть. Будет не мирное шествие, а побоище. Предупреди товарищей, Гаврош.

– Я вас умоляю, товарищ милиционер, не паникуйте. Шо имели, то сказали. Гаврик знает за облаву, – с развязностью одесского хулигана ответил юный карбонарий.

Милиционер скрылся так же внезапно, как и появился. Гаврош стал искать глазами командиров, но все они были возле импровизированной трибуны. Один оратор сменял другого.

– Одесса помнит погромы и власть под пятой румынских оккупантов. Украинский национализм и неонацизм мало чем отличаются от румынского фашизма. Поэтому мы будем стоять до конца. Пока нога последнего оккупанта не покинет наш город. И власть в Одессе будет одесская. Мы не согласны ни на каких гауляйтеров из Киева.

– Украинскому государству нельзя игнорировать ментальные различия между Западом и Юго-востоком страны. Так исторически сложилось, что мы – разные. Мы говорим на разных языках, у нас разные взгляды на наше общее прошлое, но у нас одно государство. Жители Юго-востока страны имеют право защищать свои традиционные ценности, свой язык, свою историю, своё право быть такими, какие мы есть. Но сегодня мы обязаны найти возможность урегулировать ситуацию мирно, без крови. Поэтому я обращаюсь ко всем одесситам – русским, украинцам, представителям других национальностей – с просьбой воздержаться от кровопролития.

Сегодня наше общее будущее и целостность государства зависят от благоразумия, мудрости и сдержанности.

В нашей колонне самым резким был плакат «Одесса! Гони Бандеру в шею!», но когда я увидел шествие радикалов, то первое сравнение, пришедшее на ум, было с маршами гитлеровских молодчиков. Единичные лозунги «За единую Украину» и «Слава Украине!» терялись среди чёрно-красных транспарантов «Смерть врагам», «Москалей на ножи» и портретов Степана Бандеры. А на тротуаре симпатичные дивчины, весело смеясь, разливали из канистр по бутылкам зажигательную смесь – «коктейль Молотова».

На Греческой площади нас атаковали бандеровцы. Ловко орудуя палками и битами, они легко расчленили нашу колонну на две части. Кому-то удалось забежать в супермаркет и забаррикадироваться там, но большинство отступило – на Куликово поле. Милиционер сказал правду: силы оказались не равны. Радикалы, осознав своё превосходство, крушили всё на своём пути. Падающих противников забивали насмерть. Палаточный лагерь «Антимайдана» был раскурочен и подожжён.

– Отступаем в Дом профсоюзов! – успел передать мне команду чумазый от дыма и сажи братишка.

Я ринулся за ним, но сильный удар в затылок поверг меня наземь. Не знаю, сколько времени я пролежал без сознания, а очнулся, когда здание уже всё пылало. Задыхавшиеся от дыма люди выпрыгивали из окон со второго и третьего этажа. На них тут же, как стервятники, налетали бандеровцы, с криками «Умри!» и «Слава Украине!» добивали несчастных топорами и битами. Не щадили никого: ни стариков, ни женщин. Я видел, как один толстяк в каске и бронежилете стрелял из пистолета в людей. Как другие brave радикалы бросали в окна бутылки с «коктейлем Молотова», закатывали в двери горящие автомобильные шины, разворачивали пожарные машины, мешали пожарным тушить пламя. В одном из дымящихся оконных проёмов я увидел искажённое болью лицо брата, но оно быстро исчезло в огне.

Георгиевская ленточка сорвалась с моего пиджака, видимо, когда я упал. Это меня и спасло. А потом капитан, что под-

ходил к нам с Гавриком в начале демонстрации, вывел меня за оцепление и на милицейской машине отвёз на Фонтан.

Уже темнело. Цветущие деревья в сумерках выглядели зловеще, как на кладбище. Мама одиноко сидела на лавочке возле дома и ждала сыновей.

– Вот, Майя Александровна, принимайте сына, – виновато произнёс милиционер, помогая мне вылезти из уазика.

– Спасибо, Паша. А где Гаврик? Уже так поздно, а его всё нет.

Капитан потупил взгляд в землю.

– Он оказался в Доме профсоюзов. Будем надеяться на лучшее.

* * *

Но лучшего не случилось. Ни в одну из городских больниц семнадцатилетний подросток не поступал. А в морге ответили, что можете приехать на опознание тела.

Мама вернулась утром. С чёрным лицом, впалыми глазами, и вся – седая. Я тоже не спал всю ночь. По «скорой» увезли в больницу с сердечным приступом её мать, и я остался в доме один.

Белая, как привидение, она бесшумно подошла ко мне и беззвучным голосом сказала:

– Он задохнулся от угарного газа. Только обрела одного сына, но потеряла другого. Теперь ты у меня остался один, Даня. Не бросай меня.

Да как я мог её бросить в таком состоянии! Мать – в больнице, муж – в плаванье посреди Тихого океана. Такова участь моряков, даже на прощание с самыми близкими людьми просто физически порой попасть не могут. Спасибо маминим родственникам и друзьям, они помогли в трудную минуту, организовали похороны.

43 одессита официально погибли в тот день от рук националистов, но в городе говорили о сотнях жертв, что власть прячет в подвалах целые горы трупов. Гаврика хоронили с другими погибшими. Панихида превратилась в настоящий митинг против киевской хунты. Молчаливая чёрная живая лавина грозно растекалась вслед за гробами по улицам самого

весёлого и бесшабашного черноморского города, а вдоль берегов этой траурной скорбной реки с каменными лицами стояли автоматчики из национальной гвардии.

Местные власти даже выделили матери материальную компенсацию в несколько тысяч гривен. В городе был объявлен трёхдневный траур по погибшим.

Я позвонил на работу и попросил продлить отпуск без содержания ещё на неделю в связи с гибелью брата.

Поминки на девятый день организовали дома. Несмотря на горе, а может, и благодаря ему, я быстро освоился в Одессе. На Фонтане все принимали меня как брата Гавроша, и даже торговки на Привозе делали для меня особую скидку. Ведь людская молва распространяется быстро, особенно – в Одессе.

За столом собрались в основном одноклассники и единомышленники Гаврика. Поминки не обошлись без политики.

– В офисе киевского президента нашу Хатынь назвали «провокацией ФСБ». Дескать, ватники сами себя подожгли и отравили каким-то газом. Человек в здравом уме до такого даже не додумается.

– Это – ещё что! Я на сайте «Правого сектора» такое вычитал! Вот распечатку сделал. Послушайте: «В этот день небезразличная общественность ликвидировала шабаш путинских наёмников и рядовых дегенератов в Одессе. Пьяницы, наркоманы, другие люмпены, а также проплаченные российские активисты и засланные диверсанты позорно бежали от разгневанных украинских граждан». Во как! Полный бред!

Ни в какой Киев мы с мамой, естественно, не поехали. На следующий день после поминок прилетел из Манилы отец Гаврика. Я оставил маму на попечение мужа и вернулся в Москву. Мне расхотелось знакомить её с Катей.

* * *

В Киев я всё-таки дозвонился. Катя соизволила взять трубку. Мне так многое нужно было ей сказать, но, едва услышав её родной певучий голос, я забыл обо всём и только, как попугай, твердил, как сильно люблю её. Она слушала меня долго, а потом тихо и грустно сказала:

– Я тебя тоже полюбила, Дан. Но мы теперь по разные линии фронта. Прости.

Звонок оборвался. Больше её номер доступен не был.

После этого разговора я вообще сошёл с ума. Одесская трагедия, гибель брата отрезвили мой мозг, а общение с Катей, её признание в любви навели новое наваждение. Я снова думал только о ней. Но теперь это чувство окрасилось в цвета ненависти к украинским нацистам, убившим моего брата и укравшим мою любовь.

* * *

Сгоревших трупов я насмотрелся на Донбассе. Обугленные тела ополченцев в бронетранспортёрах выглядели, безусловно, ужасными, но это была естественная смерть солдат на войне, а сожжённые в своих домах старики, женщины и дети никак не укладывались в моём сознании. Этим преступлениям нет объяснения, нет прощения. Если бы Катя увидела хоть одним глазком «подвиги» украинских гвардейцев, думаю, от её патриотизма не осталось и следа.

* * *

Границу наш отряд перешёл ночью. В Донецком военкомате полностью экипированную роту с радостью зачислили в состав ополчения и поставили на довольствие. Никудышный из Монгола оказался стратег. В первом же бою он растерялся, не сумел организовать оборону и допустил потери. Из Донецка прислали нового ротного, кадрового военного, пять лет отслужившего во Французском иностранном легионе и семь – в чеченском СОБРе. Монгол в звании капитана стал своего рода замполитом роты, а я – взводным. Знания с военной кафедры и навыки, приобретённые на армейских сборах, позволили подтвердить звание лейтенанта и свою военную специальность – «командир мотострелкового взвода». Цевьё автомата Калашникова сразу легло мне в ладонь, словно я с ним никогда не расставался.

Любой нормальный человек, прошедший войну, старается о ней не вспоминать. Я – не исключение. Не буду смаковать ужасы. Я – не садист, психическое здоровье мне ещё пригодит-

ся. Чтобы не сойти с ума на войне, надо относиться к ней, как к опасной работе. Ведь работают люди спасателями, шахтёрами, пожарными, вулканологами. Надо просто хорошо делать свою работу. Без рефлексии. Цинковые гробы во Львов, Ивано-Франковск, Винницу, Житомир, Киев совсем не способствовали укреплению дружбы между народами. Но не я первым начал это кровопролитие. Какая могла быть жалость к тем, кто сжигал заживо людей на Куликовом поле в Одессе, кто из самолётов расстреливал мирных жителей в Донецке, кто в Краматорске засовывал в зад мужикам арматуру, а потом сбрасывал на дно шахты, как гитлеровцы – молодогвардейцев. Кто насиловал женщин, расстреливал из пушек и танков стариков и детей. Какая антитеррористическая операция! Это – настоящий геноцид жителей Юго-Востока, истребление собственно народа.

Наш ротный прошёл много «горячих точек» по всему миру, но такого, как на Донбассе, он не видел нигде. Под огнём «градов», «ураганов», «точек «У» наша рота потеряла много бойцов. Это – чудо, что мы выжили под Саур-Могилой, когда хохлы утюжили своей артиллерией каждый квадратный метр в районе падения «боинга». Там был настоящий Сталинград. Конституционный порядок таким способом на собственной территории не наводят. Это – война на истребление.

Украинские войска старались избегать прямых боевых столкновений. Из-за низкого морального духа личного состава. Большинство солдат не понимали причин и целей этой войны. А долбить из пушек и танков издали – вроде бы как на учениях. И если бы мы не стреляли в ответ, они сохранили иллюзию безнаказанности. А так прилетало и по ним, у них тоже не было запасных жизней, как в компьютерных играх, они умирали навсегда. Только страх возмездия останавливал карателей.

Иловайск, Дебальцево, Донецкий аэропорт... Сотни украинских парней погибли на полях сражений, а ещё больше попало к нам в плен. Если бы не приказы командиров остановить наступление, то мы давно были б в Киеве. Но после каждой победы следовала команда сверху – перейти к обороне. Политики в высоких кабинетах начинали торг.

* * *

Донецкий аэропорт я помню современным красавцем, когда он принимал гостей Евро-2012 со всего мира. Трансокеанские лайнеры взлетали и садились каждые пятнадцать минут. Многоцветье флагов, многозвучье языков. А сейчас – сплошные руины. Откуда ещё и стреляют.

Аэропорт уже находился под нашим контролем, но в подвале ещё оказывали сопротивление национальные гвардейцы. Моему взводу была поставлена задача – провести разведку боем подземных коммуникаций. Под Дебальцево много бойцов ранило. Им на смену пришли местные добровольцы. Отряд получился смешанный: половина – старожилов, половина – новобранцев. На стрельбах новички показали себя неплохо, но как поведут они себя в условиях реального боя, я не знал. Нам выдали приборы ночного видения, и мы по одному спустились в подземелье. У меня с детства страх перед всякими подвалами, и я очень не люблю темноты.

Я отправил вперёд пятерых добровольцев из Сибири. Парни выросли в тайге и были хорошими охотниками. Тыл замыкали разведчики-интернационалисты. Сам же остался посередине колонны, окружённый в основном новобранцами. Неожиданно впереди завязался бой. Видать, сибиряки нарвались на противника. Началась перестрелка. Сверкающие очереди трассирующих пуль освещали подземелье.

Только приказал солдатам залечь, как под лопатку мне уткнулся автоматный ствол.

– Спокойно, командир. Не дёргайся. Сдай оружие по-хорошему. Нельзя быть таким доверчивым.

Меня обезоружили и стащили с головы прибор ночного видения прежде, чем я успел разглядеть лица предателей. Но по голосам я понял, что это – мои новобранцы.

Если в их задачу входил мой захват, то кричать, звать на помощь Барсу и сибиряков было бесполезно. В узком проходе диверсанты положили бы всех, ведь мои бойцы наверняка постарались бы не стрелять по своему командиру. Похитители приказали мне спуститься в канализационный люк, потом свернули в какой-то боковой тоннель, и ещё долго шли по нему, пока не попали в столб пробивающегося сверху днев-

ного света. Ещё ткнув для остротки меня в бок автоматным стволом, перебежчики приказали мне подниматься по железной подвесной лестнице наверх.

Выйдя на свет божий, я оказался в каком-то перелеске, разрушенное здание аэропорта чернело вдали, на расстоянии километра. Меня окружали бойцы в камуфляжной форме с жёлто-синими нашивками на рукавах.

* * *

Потешный карцер в львовской «Криивке» аукнулся мне настоящим тюремным застенком у бандеровцев. За время своего плена я сменил три тюрьмы. Славянск, Днепропетровск, Киев. Общие камеры, одиночки, карцеры. Везде – избиения и пытки. Из кормёжки – тюремная баланда, хлеб да вода. Меня допрашивали разные следователи, от отъявленных садистов до вполне интеллигентных образованных людей. Относительно себя я ничего не скрывал. Откровенно рассказывал про любовь к Кате, гибель брата в Одессе, что пробрался в Донбасс и записался добровольцем в ополчение по своим убеждениям. Относительно военных тайн был нем, как рыба, за что и получал побои и увечья. К Киеву я уже недосчитался трёх зубов, сильно болели рёбра, часто кружилась голова, и случались обмороки. Я таки достиг своей цели: оказался в Киеве. Но только не в роли воина-освободителя, а в качестве военнопленного.

– Георгиевским крестом и орденом «За воинскую доблесть» бандитская власть простых террористов не награждает. Вы хоть понимаете, Данила Владимирович, что вы – военный преступник? – задал мне риторический вопрос следователь, мой ровесник, в киевской тюрьме. – По закону военного времени вас могут даже расстрелять.

– Сделайте одолжение. А то все только пугают, но никто не осмелится, – безразличным тоном ответил я.

– Послушайте, Козак, вы – же умный человек, юрист, блестящую карьеру сделали, что вас занесло в эту шайку убийц?

– Вы это о чём, пан следователь? О национальной гвардии? Так я там не был.

– Перестаньте ёрничать. Вы прекрасно понимаете, про что я говорю. С нами – вся Европа, весь мир. А Россия после агрес-

сии в Крыму и Донбассе стала страной-изгоем. Скоро в Северную Корею превратится.

– Раньше вы – в Сомали.

Моя дерзость остаётся без ответа. Следователь вызывает конвой.

* * *

На следующем допросе меня ждёт сюрприз. Рядом со столом следователя на стуле сидит Катя Иванова. У меня язык присыхает к нёбу. Я не в состоянии выдавить из себя даже слова.

– Вот, Козак, к вам – гостья. Надеюсь, хоть она сможет повлиять на вас.

Следователь уходит, и мы остаёмся с Катей наедине. Господи, как долго я ждал этой минуты, сколько мне пришлось пережить на пути к ней. Вот она, милая, родная, желанная, к ней я стремился через смерти и войну.

Катя бесшумно встаёт со стула и подходит ко мне.

– Бедный Данилка, как же тебе досталось! – она проводит кончиками тонких пальцев по моему лицу и шее, но в моей душе ничего не шевельнётся.

Она – пуста, как эта допросная камера.

– Зачем ты здесь? – заставляю себя спросить её.

Она падает мне на грудь и, целуя моё окровавленное лицо, причитает:

– Даня, Данечка, Данила, следователь сказал, что тебя ещё можно спасти. Ты только должен выступить по телевидению с осуждением донецких сепаратистов. Текст уже готов, ты только зачитай его перед камерами. Да, будет суд, но, учитывая твоё раскаяние, тебе дадут условный срок. И ты даже сможешь послужить в украинской армии. И мы, возможно, когда-нибудь снова будем вместе. Нам же так хорошо было вдвоём.

Я – безмолвен, как истукан. Не такой я представлял нашу встречу, не об этом мечтал. Вместо того, чтобы вырвать невесту из лап демонов, сам попался к ним в плен, и теперь она предлагает мне самому стать демоном. Хороша перспектива!

Я отстраняюсь от Кати и ледяным тоном говорю:

– Ты ошиблась, пана. Я Родину на бабу не меняю.

Она испуганно пятится к двери и что есть мочи колотит кулачками по гулкому железу.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Здравствуй, Володя! Да, уже целый год прошёл после гибели Гаврика. 2 мая вся Одесса вышла на траурное шествие почтить память павших. Но как там Даня? Реабилитировался после плена? Ты – такой молодец, что добился его обмена. Володя, я горжусь нашим сыном. Настоящий мужчина!

Ой, совсем забыла! После горя в наш дом неожиданно заглянула радость. Через месяц после похорон Гаврика, когда Саша снова ушёл в рейс, приходит ко мне одноклассница сына Лена. Хорошая такая девочка, живёт на соседней улице. Её папа – тоже моряк, а мама – воспитательница в детском садике. Блондиночка такая, щупленькая, спортивной гимнастикой занималась. Вместе с Гавриком всегда ходила на антифашистские тусовки на Куликово поле. Ей надо готовиться к выпускным экзаменам, а она приходит ко мне и ревёт: «Что мне делать, тётя Майя, без Гаврика?». Как – что? Учиться. Жить. А она падает мне в ноги и признаётся: «Тётя Майя, я была у врача. У меня беременность – семь недель. Мы с Гавриком вроде бы предохранялись, а вон как вышло. Аборт я боюсь делать, но и рожать без Гаврика – тоже. Меня родители из дома выгонят. Что мне делать, тётя Майя?».

Она ревёт, и я тоже плачу. От радости. Будь мой сын жив, я бы этим молодым да ранним любовникам такой бы разнос учинила, а тут такая радость меня наполнила. Смысл жить появился. Эта девочка носит под сердцем сына моего Гаврика, мою кровиночку, моего родного внука. Лене пришлось меня саму отпаивать валерьянкой, пока я пришла в себя от счастья. Мы умылись, накрасились и вместе пошли к её родителям – сознаться. Дома была только мама, папа – в рейсе. Поэтому обошлись без мужских стучаний кулаком по столу. Её мать и отец – русские, в Одессу переехали ещё в восьмидесятых годах из Мурманска, киевскую хунту люто ненавидят. В их семье мой сын – герой. Ленина мать сразу сказала: никаких абортёв!

С мужьями мы говорили только по телефону. Но и с Атлантического, и с Тихого океана будущая мама получила отцовские благословения.

Леночка поселилась в нашем доме, в комнате Гаврика, а в ночь под Рождество родила богатыря весом четыре двести. Да, я – уже бабушка, можешь меня поздравить. Гаврил Гаврилыч – мужчина своенравный, с командирским голосом, частенько по ночам закатывает нам концерты. И бабка, и мамка убаюкивают его на руках и поют колыбельные до самого утра.

В прошлую субботу мы втроём поехали на Привоз за продуктами на неделю. В такси что-то разговор зашёл за школьную программу, что из неё исключают произведения русских писателей: Толстого, Тургенева, Лермонтова. А таксист, подлюка, оказался натуральным западцем и сказал, что правильно делают, нечего нашим детям изучать вражескую литературу. Так мы с Леной ему такое в машине устроили! Пока рулил, ещё огрызался, мол, успокойтесь, женщины, людям важно, чтобы они были сыты, одеты, а в какой стране будем жить – разницы нет. Мы же с малым дитём, он и подвёз нас прямо до центрального входа. А ты же знаешь, если меня завести, то остановить трудно. Ну, вылезая из машины, помогаю снохе с внуком, а сама поливаю таксиста на чём свет стоит: «При чём здесь Толстой и Лермонтов! По-вашему, человеку сала с горилкой хватит для счастья? Да в гробу я видала ваши новые порядки!». И ты знаешь, Володя, тут торговки побросали свой товар на прилавках, облепили машину и давай её раскатывать. Таксист, бледный, как простыня, закрыл все окна и уже был не рад, что с нами связался. «Ты за Толстого мне ответишь, бандеровская морда!» – на всю улицу кричала толстая и горластая торговка. Если бы не милиция, всю машину ему бы помяли. А так отделался лёгким испугом.

Вот такие настроения – в нашем городе. Одесса как была Одессой, так ей и осталась, даже при бандеровской оккупации.

ЗНАМЕНИЕ

Очерк

Знаменская церковь – одна из самых старинных в Томске. Основана ещё в 1703 году, а каменный храм в стиле сибирского барокко строился в конце XVIII – начале XIX веков. Восстановлен в прежнем виде уже в новом тысячелетии. Главная его святыня – Абалакская икона Божией Матери, самая почитаемая икона Богородицы в Сибири. Воздев руки в молитве, Заступница просит Господа о защите и спасении.

Дорога к этому храму для писательницы Валентины Чубковец началась тоже со знамения. Его она описала в стихотворении.

Кошмарный сон явился мне к утру,
Но в памяти его я не сотру.
Я вижу всё – всё рушится кругом
Под ливень проливной, то смерч, то гром.
Деревни погибают, города
Под землю исчезают – навсегда.
Пожар сжигал, смывала всё вода,
И люди убегали кто куда...
И слышался мне голос в вышине:
– Запомни – это будет на войне,
Когда твои славянские народы
Забудут вместе прожитые годы...

И это свыше сказанное Слово
Я вспоминаю снова, снова, снова.

Новый стих Валя прочитала на творческой встрече с читателями в «Пушкинке», а на выходе через улицу Карла Маркса заметила краем глаза вывеску регионального отделения Общероссийского Народного фронта. И отложила в памяти. Когда началась частичная мобилизация, она стала провожать на вокзале мобилизованных. Эмоциональный подъём, катарсис, крик: «Только вернитесь!». Но чем реально она может помочь для Победы? И вспомнила про вывеску напротив областной библиотеки.

– Деньгами? С пенсии в 13 тысяч – не мой вариант. Все хорошие тёплые вещи, без которых можем обойтись, отнесла для бойцов. Но руки и силы у меня ж ещё есть! И в «Народном фронте» мне посоветовали пойти в Знаменскую церковь, где только открылась мастерская по пошиву носилок для раненых.

Пятнадцатый ребёнок в большой деревенской семье из села Батурино Асиновского района. Мама её родила последней, в 48 лет. Отец – фронтовик уже далёкой Великой Отечественной. Ему поэтесса посвятила такие строки:

Я помню, сказки мне читал,
Качал в кровати.
Со мной задачки ты решал,
Играл и в прятки.

Поблажки делал иногда,
Бранил за дело.
И мне гостинцы приносил,
От зайца – ела.

Глаза сияли у тебя
Лучистым светом.
Ты был прекраснейшим отцом,
Отличным дедом.

Война всё время о себе
Напоминала.
Я ж шрамы гладила твои
И понимала...

Какой ценой остался жив,
За нас сражался.
Но жаль, ты в мир ушёл иной,
И в нём остался.

Чтобы она осталась в стороне, когда на Украине, где воевал её покойный отец, опять – сражения с нацистами? Никогда! Без вариантов.

– Как-то в субботу в 8 утра захожу в мастерскую, а Валя одна строчит в полумраке. Только тусклая настольная лампа над её машинкой горит, – вспоминает социальный работник Знаменской церкви, старшая по мастерской, Ольга Глушкова. – Хоть бы свет включила, Валюша. Зачем глаза портить? – говорю ей. А она отвечает: так экономить надо...

Каждый божий день, кроме воскресенья, уже больше года член Союза писателей России Валентина Чубковец бесплатно шьёт тактические носилки для раненых. Она уже приноровилась, за смену успевает пошить одни бескаркасные носилки и даже начать другие. Сколько вышло за год, она не считала. Ведь были ещё и носилки-волокуши, и пятиточечники, и эвакуационные стропы... А скольким бойцам спасли жизнь на поле боя её изделия, одному Богу известно.

Как-то спросонья вскочила с постели, испугавшись, что проспала. Уже оделась, и только у двери глянула на часы: три часа ночи.

– Мамка в войну так же в колхозе работала, пока папка воевал. А я чем хуже?!

У каждого бойца на фронте есть позывной. У швеи Чубковец на фронте трудовом – тоже. Свои носилки Валентина помечает вышивкой «Птаха». Её девичья фамилия – Соловьёва.

По ватсапу ей переслали фотографию экипированного бойца перед отправкой на передовую с пометкой: «Валя, твои носилки!», и красной стрелкой указана вышивка «Птаха» на эвакуационном комплекте. Но не спасли этого парня Валины носилки. Погиб он, и ещё долго его тело не могли забрать с минного поля.

Её трудовое рвение оценили товарищи по работе. Однажды посреди рабочего дня вокруг Вали собрались другие швеи, и Ольга Глушкова вручила передовице статуэтку красного выпела. Все аплодировали, поздравляли. А Валентина заплакалась.

А потом пили чай с протёртыми яблоками, которыми постоянно балует волонтеров жена настоятеля храма матушка Зинаида.

– А какие в нашей трапезной обеды! Видите, я здесь за год даже поправилась!

Из сорока женщин-волонтеров, работающих в церковной швейной мастерской, четверть – Валины знакомые. Работают, сколько смогут. Кто-то приходит в мастерскую по разу в неделю на 2–3 часа, а кто-то, как наша Валя, вкалывает постоянно. Потрудиться для фронта Валентина сагитировала и дочь известного томского писателя Вадима Макшеева – Ольгу Горшкалёву.

Но максималистке этого мало. Она ещё закончила курсы сестёр милосердия и сильно переживает, что из-за возраста её не отправляют на СВО. Учившаяся вместе с Валею Ксения Гурина работала же медсестрой в госпитале на Донбассе, и у неё всё получалось, а пенсионерке Чубковец только работу на стройках Мариуполя предлагают. Правда, Ксения на двадцать лет моложе.

Ираиде Ильиничне Подколзиной, тоже сестре милосердия, уже 74, и в прифронтовой госпиталь она не рвётся, зато на укладке бескаркасных носилок многим молодым фору даст.

У Любви Васильевны Коневой – два внука на фронте, помочь им – просто бабушкин долг. И ездит она из посёлка Рассвет на восьмичасовом автобусе за 25 километров в Знаменскую церковь, а в конце рабочего дня спешит на остановку 1905-го года, без пятнадцати пять уходит автобус обратно.

А к её тёзке, тоже Любви Васильевне Пылковой, до выхода на пенсию работавшей в 26-й гимназии учителем, вчера пришёл её ученик за экипировкой для отправки в зону СВО. Так она прямо светилась от счастья, что плоды её нового труда будут полезными для добровольца, которого она когда-то учила физике. И бескаркасные носилки, и пятиточечник, и эвакуационная стропа...

Мать сына отправляла на войну.
И, как смогла, его перекрестила.
В рюкзак буханку хлеба положила,
В кармашек у рубашки на груди
Икону Богородицы вложила:
– Иди, сынок, и защищай страну,
Россию, матушку свою!
Мать сына отправляла на войну.

В. Чубковец

* * *

Для непосвящённого читателя. Пятиточечник – это утеплённый коврик с термоизоляционной подкладкой. Другое его название – хоб. В мастерской при Знаменской церкви шьют раскладывающиеся хобы, на которых можно не только сидеть на холодной земле, но и лежать. В качестве утеплителя-уплотнителя используют самый современный материал. В качестве обшивочной ткани мастера применяют сверхпрочный «оксфорд», а прошивают изделия армированными нитками. Длина эвакуационной стропы, изготавливаемой здесь, – девять метров. Для эвакуации раненых под огнём противника – вещь незаменимая. Её также можно использовать как гибкую лестницу для преодоления высотных преград. Доставку изделий на фронт осуществляют Народный фронт и гуманитарная миссия «Красный обоз».

У Валентины Чубковец – на фронте племянник. А сын после перенесённой черепно-мозговой травмы имел «белый» билет, но заново прошёл медкомиссию и добился снятия ограничений по здоровью.

У меня сынок, он взрослый,
Ему больше тридцати.
И поэтому придётся
На войну ему пойти.

Сердце рвётся, не на месте
У меня и у него.
Нам бы жить спокойно вместе,
Охранять жильё своё.

Нет, рванёт на Украину,
За Россию воевать.
Украинцев от нацистов
Будет он оберегать.

Не смогу с таким настроем
Я спокойно ночью спать.
И согласна за Россию
Вместо сына умирать.

Но горжусь своим я сыном!
Он не будет отступать,
За Россию, за свободу
Смело будет воевать.

Автора указывать уже не обязательно. У Валентины Чубковец простые стихи, без эстетства и словесных прикрас. Но исходят они от сердца, сердца матери.

* * *

Некоторые швеи дома ещё вяжут шерстяные носки для бойцов. А в Знаменской церкви волонтеры-мужчины изготавливают блиндажные свечи. Это когда воск заливают в пустые жестяные банки, в основном из-под тушёнки. Такая свеча горит долго, всю ночь. На двух блиндажных свечах можно даже сварить похлёбку или кашу.

За полиэтиленовой плёнкой вход в новую, недавно пристроенную и ещё не отделанную часть здания.

– Чувствуете запах парафина? Стойкий. Со вчерашнего дня стоит. Когда мужчины свечи здесь лили, девчонкам в мастерской трудно было дышать. Пришлось переселить свечников на первый этаж, – рассказывает матушка Зинаида. – Сегодня ещё 200 килограммов парафина привезли. Работы у них много будет.

Швейная мастерская разместилась в помещении воскресной школы. Классы пришлось уплотнить, разместив их на третьем этаже. Но тесниться постоянно – не дело, пришлось делать пристройку.

В самом храме на входе две фотовыставки на всю стену. Справа – воскресная школа. Слева – «Наше участие в СВО».

Воспитание детей в христианской традиции и реальная помощь защитникам отечества. Символично.

Здесь стены хранят благодать, а люди её творят.

Настоятель храма отец Николай (Яськов) – выпускник Одесской духовной семинарии. На личном опыте знает, что такое – ересь современного украинства. Когда за доллары и евро, за обещанную Евросоюзом «морковку» предаётся и православная вера, и русская культура, и родной язык.

Поэтому священник и писатель – в одном окопе на войне с сатанинским злом.

* * *

Икона «Знамение Пресвятой Богородицы» в православии почитаема ещё за чудо избавления от междоусобной войны. В 1170 году суздальцы осадили Великий Новгород. И одна из вражеских стрел попала во время крестного хода в икону. Из глаз Божьей Матери полились слёзы. Её образ вознёсся над городом, и обратил врагов в бегство.

С той поры чудотворная икона Богоматери «Знамение» помогает при защите от врагов. Явных и тайных. Внешних и внутренних. Помолимся же перед ней, братья и сёстры. И попросим у Заступницы благословения на победу.

СТРОЧАТ МАШИНКИ, КАК ПУЛЕМЁТЫ

Эссе

– Машенька, дорогая, доброе утро. Сегодня снова тяжёлый день, ты только не подведи, давай потрудимся на славу, давай, родненькая, надо, надо милая. Слышишь, надо!

Я слегка прикасаюсь к ней ладонью, провожу по её выгнутой спинке, порой чмокну, бережно взяв за ручку. Так начинаю свой волонтерский день с моей подругой Машенькой-машинкой, которую принесли добрые люди в дар Знаменскому храму. Так начинают все девочки нашего цеха свой рабочий день, у каждой машинки своё имя. Викуся, Шурочка, Сонечка, Лизочка, Верочка, Агашенька, Мулаточка, Розочка, Иришка...

Машинки мы называем в честь их бывших хозяев. Иных людей и на свете уж нет, родственники принесли в церковь наследство, а машинки, гляди, воюют... Выдерживают любую ткань, трёхслойную стропу, служат Родине, помогают нашим раненым ребятам выбраться с поля боя.

Шить приходится многое. Носилки разного типа, стропы, пятиточечники, балаклавы... Лишь бы наши парни вернулись домой живыми, здоровыми. И, конечно, с победой.

Ровно в полдень работа останавливается. Время молитвы. Первая – о наших воинах, об их здоровье, о возвращении, вторая – об убиенных ребятах. Слезы сами катятся из глаз. Поначалу – вообще обливалась. Но за два-то года закалила себя.

Когда ребята с фронта приезжают в отпуск, часто заходят к нам в цех. Даже комиссованные инвалиды – случается. У кого обеих ног нет – просто протезы, у кого пластина в тазобедренном суставе... Война есть война. Редко кто с небольшим ранением. И они, наши защитники, совсем молодые ребята, годятся нам в сыновья, а кому и во внуки, кстати, у двух наших швеек сыночки, а у одной два внука – там, на передовой. Каково им? А ребята смотрят нам в глаза, и благодарят за нашу помощь.

– А что мы? Как можем, так и поможем, – отвечаем. Будем стараться, нам не в тягость – напутствия даём, слова тёплые...

А в душе мелькнёт что-то страшное, тяжёлое, вдруг я последний раз его обнимаю... Гонишь, гонишь прочь эти страшные мысли, перекрестишься – отведи, Боже, отведи. Проводим ребят и дальше шить, вот тут-то и дадим волю слезам. При них – нет, не плачем. Бывало и такое: пройдёт месяц, другой, а этого парнишку уже в молитве за упокоение убиенного читаешь. Ох, горюшко-то, какое горюшко...

Разве я думала, что придётся писать на эту тему, что буду сидеть по пять, а то и семь, восемь часов и шить носилки каждый день. Сказки мечтала писать, да не до сказок, похоже. Когда же она закончится, эта зловещая война? Часто задаю себе этот вопрос, а ответ блуждает. Долго вечером уснуть не можешь, лежишь, вертишься с боку на бок, спину ломит, руки горят, порой лягу на иголки – есть у меня такие – боль снимают, но и их выдержать надо, такое жжение идёт – терпишь, а руки кремом натру и не знаю куда сунуть, горят. Да ладно, это такие мелочи по сравнению, что там испытывают ребята ради того, чтобы мы спокойно жили.

Устаю ли я, трудно ли, когда отдохну? – такие вопросы тоже мелькают. Но на них ответ один:

– А каково там, ребятам, на поле боя?

Как-то так, а значит, буду тянуть эту лямку, я сильная, я жилистая. Главное, чтобы ребята здоровенькие с победой домой вернулись. Ждём вас, родненькие, ждём с нетерпением. Храни вас Боже!

Вот и стихотворение родилось:

Строчат машинки, как пулемёты,
А в нашем цехе идут работы.
Носилки шьём мы, ребят спасая,
Настало время, стезя такая...
А нам бы шить бы пелёнки деткам,
Алёнкам, Иркам, Андрюшкам, Светкам.
А мы носилки – для Сашек, Мишек,
Андрюшек, Колек, Аркашек, Гришек...
Но веру в Бога мы не теряем,
Придут живыми, мы точно знаем!
С победой парни домой вернутся,
И наши спины вмиг разогнутся.

А ИМЯ СПРОСИТЬ ПОСТЕСНЯЛАСЬ

Рассказ

Слегка затяжная осень поднимала Ирине настроение, чувствовалось тепло. Под ногами шуршала опавшая листва, а на деревьях, где ещё цепко держались листочки, прыгая с ветки на ветку, наперебой чирикали воробьи, слышался шум от снующих по дорогам машин. Все куда-то спешили. Одна Ирина не спешила. Ей не надо было идти в цех, шить носилки. Носилки для фронта, для наших ребят, воинов. Сегодня законный выходной, воскресенье. Один день в неделю она позволяла себе отдохнуть, хотя и в этот день не сидела без дела, вязала носки, да-да, опять же для защитников Родины. Носков она уже связала столько, что запуталась в счёте.

Свернув за угол дома, увидела высокого, худощавого телосложения молодого мужчину лет двадцати двух, не более, в камуфляжной форме болотного цвета, в берцах. Точно, с фронта, сомнений нет, – заволновалась и обрадовалась, что направлялся в этот же дом, что и она.

– Простите, простите, молодой человек, а вы-ы – военный? Вы в нашем доме живёте? – скоренько задала вопрос за вопросом.

– Да, я в отпуск пришёл, ранение небольшое, подлечусь – и снова туда. А тут квартиру снимаю, – кивнул на шестой подъезд.

– А мой вот, пятый, я здесь живу, – тоже улыбочиво кивнула, а самой хотелось кинуться на шею, обнять и наговаривать, наговаривать тёплые, светлые слова. Сдерживала, как могла, слёзы, только бы не разреветься.

– А у меня носки шерстяные для вас есть, – снова глянула на его ноги, – какой у вас размер?

Пожав плечами, смущаясь, растерянно добавил:

– Даже и не задумывался, не знаю...

«Сорок второй – сорок третий, не больше», – подумала Ирина, и добавила:

– Я их недавно связала, они вам будут впору!

– Давайте тогда я у вас куплю, – он застенчиво улыбнулся.

– Нет-нет, ни в коем случае, я вам подарю, вы только чуточку подождите, я мигом.

Скоренько добежала до своей квартиры, схватила носки и назад, к парню.

– Вот, возьмите! – Тут она не вытерпела, крепко обняла его со словами:

– Держись, сынок, держись!

Обнял и он её, и, что у него было на душе, известно только одному Богу. Ирина прижала его по-матерински, по-матерински мысленно и перекрестила. Долго паренёк не выходил из головы, мелькало всё, вспомнилось и то, как когда-то неумело вязала носочки своему внуку Игорьку. Да разве она тогда думала, что наступит такое время, что придётся вязать для фронта? Да так наловчилась, уже столько связала...

Утром, придя в наш швейный цех, рассказывала эту трогательную, тёплую встречу с совсем ещё молоденьким героем. Слезы были не только у Ирины.

– Ирочка, – не выдержала Татьяна, на секунду прекратив шить. – А как зовут-то его?

– Не знаю, девочки, имя постеснялась спросить, да я так растерялась, что даже забыла, в какой квартире живёт, а ведь говорил. Главное, носки подарить успела. Храни его, Боже. Тут мы перекрестились все, и наши машинки застучали, как пулемёты.

БОЛЬШАЯ ИГРА

Очерк

Каждый из вернувшихся с Афганской войны принёс в душе свой Афганистан. У кого-то это кровь и ужас, у кого-то – рутина армейских будней... А генерал-майор полиции в отставке Виктор Анохин хранит в памяти большую многонациональную страну, населённую интересным, самобытным и чисто-сердечным народом. Народом, который искренне тянулся и по сей день тянется к России. «Хотя первые годы по возвращении снились сны, похожие на военный боевик, – признаётся Виктор Александрович. – Будто я прячусь в какой-то пещере, кого-то спасаю, а неподалёку идут моджахеды, вот-вот заметят. И в руке у меня – граната...»

Москва – Фарьяб

Об афганских подвигах солдат и офицеров нашей армии написано немало. Гораздо меньше известно о тех, кто был на так называемой оперативной работе – о делах разведки. Не войсковой, а той самой, внешней, официально именовавшейся Первым главным управлением КГБ СССР. А ведь на долю этих людей выпала наиболее сложная и опасная работа.

– В рамках интернациональной помощи, которую СССР оказывал Демократической Республике Афганистан по просьбе её руководства, туда был направлен советнический аппарат по линии партийного и комсомольского строительства, вооружённых сил, милиции и т. д. – рассказывает Виктор Анохин. – Каждая категория решала свои задачи. В задачи советников КГБ входила организационно-методическая помощь органам госбезопасности Афганистана – службе ХАД, получение разведывательной информации, взаимодействие с нашими войсками и афганским руководством в борьбе с вооружённой оппозицией, обеспечение безопасности находящегося в стране советского персонала, многое другое.

Именно в должности советника только что закончивший специальный факультет Высшей школы КГБ майор Виктор Анохин приехал в охваченный пламенем войны Афганистан в 1985 году – в самый разгар кампании. Он возглавил оперативную группу в Фарьябе – северной провинции, относившейся к категории «боевых». Значительную часть её территории контролировали бандформирования, с которыми вели борьбу правительственные силы ДРА.

Приехал, имея за плечами несколько лет скрупулёзной подготовки. Помимо приёмов оперативной работы, в Москве советники изучали язык и обычаи чужой страны, её историю, географию, культуру. Восток, как известно, – дело тонкое, простосердечие там соседствует с коварством, жестокость – с поэтичностью... Их учили быть умнее, хитрее, дальновиднее будущего врага, уметь его переигрывать. Не удивительно, что, в отличие от общевойсковых офицеров, Виктор Анохин попал в Афганистан человеком, в области востоковедения хорошо образованным: неплохо говорил и писал на фарси, знал Коран, знал, что в гостях у мусульманина нельзя заходить на женскую половину дома... Впоследствии всё это не раз спасало жизнь. Ведь в приграничной с советским Туркменистаном провинции Фарьяб молодого советника ожидало весьма беспокойное «хозяйство».

О «договорных» бандах и душманской бюрократии

У пуштунов, составляющих основное население Афганистана, война в крови. Они воюют веками – с англичанами, «шурави», американцами... Когда нет внешнего врага, воюют друг с другом.

– Это образ жизни, судьба, – говорит Виктор Анохин. – Если в обычном государстве всё зависит от центральной власти, то в Афганистане – не так. Там какой-нибудь бандглаварь взял несколько аулов, контролирует их десятки лет, и ему плевать, какая власть в столице и в центре провинции.

В Фарьябе таких формирований было немало, ведение оперативной игры с ними являлось одной из главных задач группы Анохина.

Приёмы были разные. С некоторыми бандглаварями, например, заключался договор о ненападении: в ответ на обещание не воевать против «шурави» и правительства «шурави» обещали не трогать банду, получавшую название «договорной». На это шли из разных тактических соображений, в том числе в целях получения оперативной информации. Разведчики добывали сведения о готовящихся нападениях на военные базы и колонны бронетехники, о подготовке боевиков-моджахедов в пакистанских лагерях, другие секретные данные, обеспечивали ими наши и правительственные войска. Для этого готовили агентов ХАД к нелегальной работе.

– Например, мы разработали операцию по засылке одного хадовца в Пакистан, он год пробыл в лагере боевиков, – продолжает Виктор Анохин. – Вернулся, рассказал о системе подготовки моджахедов, назвал имена около двадцати агентов, заброшенных в Афганистан с террористическими и разведывательными целями. В Пакистане ведь готовили не только «пушечное мясо», но и серьёзных «специалистов», например, для ликвидации видных деятелей Народно-демократической партии Афганистана, советников, офицеров ХАД и т. д.

Однажды поступила информация, что с этой целью в Пакистане готовят группу из 16 женщин-террористок. Вооружение – бесшумные пистолеты. На первый взгляд, звучало забавно, но, по сути, представляло серьёзную угрозу. Мусульманская женщина под паранджой не привлекает внимания: сидит на улице возле какого-либо госучреждения, дожидается, когда выйдет «объект», спокойно убирает его из бесшумного оружия... Однако благодаря вовремя поступившим сведениям проблему сняли – спецназ переловил девчонок прямо возле пакистанской границы.

– Конечно, в своей работе мы использовали душманские междоусобицы, – вспоминает Виктор Анохин. – Например, если две банды враждуют, мы старались распространить конфликт и на другие формирования. Для этого засылали псевдосвязного якобы от нейтральной банды к одной из враждующих сторон с предложением объединиться в борьбе против её врага. Но делали так, что враг этого связного брал.

Оказывается, бюрократия есть даже у моджахедов – ка-

ждая банда имеет собственную печать, и в распоряжении группы Анохина были образцы всех бандитских печатей с подконтрольной территории. Оперативники брали кусок белой материи (афганцы бумагу не уважают), писали послание, скрепляли нужной печатью, зашивали «связному» под подкладку. «Связного» брали, и начиналась война между бандами – воевать с «шурави» и правительством некогда. Что и требовалось...

Расул, Гийом и взятие с поличным

Одной из крупнейших «договорных банд», с которыми велась оперативная игра, было формирование Расула Пахлавона. Ликвидировать его было непросто, приходилось сотрудничать, поскольку моджахеда перекрывали почти весь граничащий с Туркменистаном север провинции, контролируя территорию от Даулетабада до Андхоя.

Первым вышел на контакт Расул – прислал Анохину гонца с просьбой о встрече. Встретились. Расул просил не трогать его формирование, взамен обещал не нападать на «шурави». Заключили договор. Расул остался хозяином в своих аулах и подконтрольном посёлке Даулетабад, но при этом туда вошла и новая власть: организовали местный партийный комитет, назначили администрацию во главе с мэром, и т. д. Зажили мирно, при встрече Расул обнимался с Анохиным, называл его другом. Но... клятва душмана стоит недорого. Неожиданно Пахлавон расстрелял партийную власть и ушёл в горы, выложив полтора десятка трупов прямо на улице. Расстреливал лично, ствол автомата вкладывал жертве в рот...

Вновь началась война, вновь трепали банду, и вновь Расул просил пощады. Но на сей раз грехи были тяжкими. Понимая это, Расул предложил серьёзный выкуп – агента французской разведки Аллена Гийома. Операция по его «выманиванию» в провинцию и аресту является одним из крупнейших достижений группы Анохина.

– Мы начали игру, добились, чтобы Расул вытащил этого француза в свою банду, и вылетели на встречу, – рассказывает Виктор Александрович. – Мой подсоветный, полковник ХАД Хаким, играл роль главаря подконтрольного Расулу формиро-

вания, а я – роль его заместителя. На второй год пребывания в Афганистане я уже настолько «ассимилировался», что все принимали меня за афганского таджика, а знание языка делало сходство практически стопроцентным.

Тем не менее, риск был велик. Доставивший разведчиков вертолёт улетел, вместе с радистом и шифровальщиком они остались вчетвером в горах, в окружении нескольких сотен расуловских головорезов. Сели в палатку, начали переговоры. В борьбе с «шурави» Гийом предлагал оружие, деньги – любую помощь. Но с одним условием. Такая рутина, как нападение на колонны, его не интересовала, требовалось напасть... на Советский Союз. «Вы должны напасть на андхойский погранотряд, уничтожить всю заставу, проникнуть на территорию СССР, – заявил француз. – Я снимаю вашу операцию, и мы показываем всему миру, что моджахеда – сила, способная вторгаться в Советский Союз». Собственно, это был сценарий, который через несколько лет пытались реализовать на легендарной 12-й заставе Московского погранотряда на таджикско-афганской границе – давнишняя заготовка западных спецслужб. Но на этот раз до дела не дошло, ошиблись с «подрядчиком».

Переговоры продолжались два дня, Гийом и «бандглавари» торговались, пытались вытянуть друг у друга максимум информации. Однако француз, как и его собеседники, был профессионалом, связей не выдавал.

– В итоге решили – Гийома надо брать, тянуть дальше смысла нет, – вспоминает Виктор Анохин. – Заходим в палатку, арестовываем его вместе с переводчиком-пакистанцем. Француз, конечно, мгновенно меняет тон, говорит, что является простым журналистом, знать ничего не знает ни о каких диверсиях. Отрабатывает легенду, хотя беседа наша уже записана на плёнку. Правда, тут же этому противоречит, просит снять с него наручники. «С какой стати?» – спрашиваю. «Понимаешь, – говорит, – работа у нас такая: сегодня я перед тобой в наручниках, завтра – ты передо мной...» Эти слова я вспомнил, когда, уже через несколько лет после возвращения из Афганистана, работал в Томске. Вызывает меня начальник управления и говорит: «Поедешь во Францию!..».

Соль в том, что Гийома, которого переправили в Кабул, пе-

редали афганским властям и осудили на 25 лет каторги, позже обменяли на нашего разведчика, арестованного во Франции. «Журналист» вернулся восвояси.

– Вспомнил я про тот разговор, про Гийома, с которого ещё долго не снимали наручники, и от Франции отказался, – смеётся Виктор Анохин. – Говорят, Гийом выпустил во Франции книжку о тех событиях. Интересно было бы почитать.

А вот западным дипломатам было не до смеха, разгорелся международный скандал. Разоблачением Гийома, представлявшего интересы НАТО, СССР показал всему миру реальное вмешательство европейских спецслужб в афганский конфликт на стороне вооружённой оппозиции, их попытки дестабилизировать ситуацию на советско-афганской границе. Доказательств имелось достаточно, включая найденные при французе видеокамеру и видеокассеты. На них были сняты наши пленные солдаты, просившие политического убежища в Пакистане, а также система охраны нашей границы. Это был серьёзный успех советской разведки. Недаром после ареста Гийома за голову Анохина Пакистан обещал моджахедам миллион долларов...

– А ведь всё могло повернуться по-другому, – замечает Виктор Александрович. – Расул торговался, за Гийома запросил с нас оружие, боеприпасы, автомобили «ГАЗ-66». Ситуация висела на волоске: если бы француз предложил больше, Пахлавон сдал бы нас ему точно так же, как сдавал его самого. Я связался по рации с Москвой, запросил их разрешение. Москва сказала: «Дайте всё, не торгуйтесь». Помню, несмотря на экстремальные обстоятельства, стало даже немного обидно «за державу». Только потом я осознал, что это была моя собственная безопасность...

«Какой ты «шурави»!»

Ситуаций, когда, как с Гийомом, приходилось рисковать головой, за два афганских года у Анохина было немало. И, конечно, в той, реальной войне всё было не так, как на телеэкране.

– На войне трагическое и комическое – рядом, – улыбается Виктор Александрович. – Однажды еле выбрались из-под

обстрела, чудом никого не задело, но мне отстрелили каблук. Спрятались за БТР и хохочем...

Он вспоминает, как, преследуя моджахедов, обстрелявших столицу провинции в день годовщины Апрельской революции, их маленькая группа неожиданно попала в ловушку превосходящих сил противника, с трудом избежала окружения, как вокруг свистели пули, и совсем близко, в каких-нибудь ста метрах, он видел ухмыляющиеся лица душманов. Как, прикрыв отступивших товарищей, последним бежал под шквальным огнём по пристрелянному душманами склону...

Тогда он уже хорошо знал, как поёт летящая в человека пуля. А когда впервые попал под обстрел, был удивлён стоящей вокруг тишиной.

– Мне все кричат «Ложись!», а я даже не понял, что в нас стреляют, – вспоминает Виктор Анохин. – Вокруг только лёгкое посвистывание. Оказывается, звук выстрела долетает значительно позже, и солдат, в которого попадает пуля, зачастую не понимает, что произошло.

Да, на реальной войне всё не так, как в кино. А на войне «невидимой» – и подавно. Десанты в тыл врага, секретные вылеты в расположение бандформирований, встречи с глазу на глаз с вероломными главарями моджахедов, когда на весы положен не только успех операции, но и собственная жизнь – такова была повседневная работа оперативников.

Во всех ситуациях Анохина выручало знание страны, обычаев и, главное, языка. Кто бы ни был его собеседник – простой крестьянин или бандглаварь с руками по локоть в крови – он сразу чувствовал расположение к необычному «шурави», обращавшемуся к нему на дари. Резко менялась вся психология беседы. Бывало, прилетевшему в Кабул русскому советнику афганцы-охранники отказывали в разрешении позвонить по телефону: «Нельзя, брат, здесь «шурави», а афганцы вон в том конце аэропорта, иди туда». – «Да я сам шурави!» – «Какой «шурави», неужели я не вижу, что афганец!» – не верил охранник...

– В конце второго года командировки я уже спорил со многими афганцами по поводу знания языка, – рассказывает Виктор Анохин. – Они утверждали, что знают дари и фарси. На са-

мом деле населяющие север таджики и туркмены говорят на смеси языков – дари, пушту и своего собственного...

Много было всякого за эти два нелёгких года, и в обычное календарное исчисление они не укладываются. Маленькая жизнь. В 1985 году майор Анохин въезжал в незнакомый Афганистан, о котором имел лишь книжное представление, а в 87-м покидал страну, где оставались дорогие и близкие люди, друзья. Страну, которую, несмотря на кровь и ужас войны, успел полюбить.

Навсегда остались в памяти лица. Вот командир хадовского оперотряда Абдул Дустум – будущий знаменитый афганский генерал, один из лидеров Северного альянса. Вот Малек – двоюродный брат кровавого Расула, молодой любознательный паренёк, искренне тянувшийся к русскому советнику, впоследствии ставший одним из видных лидеров оппозиции... Вот Шаноз и Зульфия – совсем ещё девчонки, сотрудницы ХАД, вернувшиеся с учёбы из Советского Союза, с восторгом рассказывающие подругам об увиденном... Люди, с которыми приходилось делить суровые тяготы войны. Разве такое забудешь?

Мы ушли, но мы остались

Александр Проханов сравнивал Афганистан с огромным пёстрым восточным ковром: сотни племён и народов, и у каждого – свои обычаи, кодекс поведения, язык. Тем не менее, есть нечто общее – афганский менталитет. Виктор Анохин сохранил о нём самые тёплые воспоминания.

– Простые афганцы очень гостеприимны и уважительны, люди с чистой, как у ребёнка, душой, – говорит он. – Быстро учатся, схватывают обычаи других народов, моментально начинают говорить по-русски. Очень любознательные: многие подходили ко мне, просили отправить учиться в СССР. И к России у них веками сложилось традиционно дружеское отношение. Когда наши войска входили в Афганистан, их встречали, как освободителей, бросали цветы на танки. Первые несколько лет «шурави» никто не трогал.

В том, что это дружелюбие постепенно сменилось враждебностью, по мнению Виктора Александровича, во многом виноваты мы сами. Вошли в страну плохо подготовленными,

не знали обычаев, не брезговали мародёрством, по ошибке могли расстрелять совершенно мирный караван... Этим моментально воспользовались ЦРУ, пакистанские и другие спецслужбы, начали разжигать ненависть к «неверным».

Однако, несмотря на эту «ложку дёгтя», никуда не делась «бочка мёда», которую называют интернациональной помощью. Это только в либеральных СМИ и перестроечных фильмах про Афганистан мы лишь бездарно воюем да штампуем «груз 200». У либералов напрочь отшибло память о том, как тысячи советских специалистов помогали афганцам строить нормальную экономику, возводили дороги и мосты, электростанции и промышленные предприятия, осваивали минерально-сырьевую базу, готовили кадры...

– Только за два года моего пребывания в Афганистане в провинции Фарьяб были построены детский дом для афганских детей, у которых погибли родители, дизельная электростанция, ряд других объектов, был реконструирован аэродром, получивший возможность принимать тяжёлые самолёты, организован и оборудован современный госпиталь. Жители провинции впервые увидели операционную лампу... – рассказывает Виктор Анохин. – Мы делали всё, чтобы афганцы могли нормально жить, учиться и работать.

Это была серьёзная помощь, взамен которой СССР утверждал своё политическое влияние в стратегически важном регионе мира. Не видел только слепой: если этого не сделаем мы, то сделают США и НАТО, и Советский Союз получит военные базы и ракетные комплексы на своей границе. Что, в конечном счёте, и произошло. За исключением того, что не стало самого Союза...

Что же принесли афганцам сменившие «шурави» борцы с терроризмом – американцы и натовцы? Расстрел мирных кишлаков и экономику «нового типа», превратившую страну в гигантскую нарколабораторию, утопившую потоками героина Россию и Европу.

– А ведь в восьмидесятых никто в Афганистане специально мак не сеял, – подчёркивает Виктор Анохин. – Он рос в диком виде, и я не видел, чтобы кто-то делал из него наркотики.

Афганцы получили прекрасную возможность сравнить по-

мощь русских и «помощь» Запада, в результате сегодня даже непримиримые моджахеды с теплотой отзываются о «шурави», с которыми когда-то воевали. Стоит ли говорить о тех, кто был на стороне правительства? У Виктора Анохина в Афганистане осталось много друзей, в том числе в высших эшелонах власти, с некоторыми он поддерживает связь. Все в один голос зовут: «Русские, возвращайтесь! Мы – друзья!». Значит, всё было не зря.

– Десять лет нашего присутствия в Афганистане вовсе не прошли впустую, – убеждён Виктор Александрович. – Несмотря ни на что, в определённом смысле мы сохранили там своё присутствие, до сих пор поддерживаем отдельные политические силы, способны влиять на ситуацию. Никуда не делись и крепкие приграничные связи.

Да, мы ушли. Но мы остались. И, кто знает, быть может, ещё вернёмся по-настоящему...

О том, как приятно пить пиво на родине

Последним афганским приключением было возвращение в Союз. Спецрейсом из Кабула летело около двух десятков офицеров, и Анохину не верилось, что уже совсем скоро он обнимет мать, жену, детей... Может, даже успеет на день рождения жены...

Но увы! Москва не принимала из-за погодных условий, самолёт совершил вынужденную посадку в Уральске.

– Сидим в аэропорту сутки, вторые, есть охота, а у нас ни у кого ни денег, ни документов – всё на Лубянке, – рассказывает Виктор Александрович. – Что делать? Поехали на попутке в город на базар, продали прямо с рук несколько часов, пообедали в столовой. Обратно в аэропорт пошли пешком. Вдруг видим – стоит на улице бочка, дедок торгует пивом. А мы так соскучились по пиву! Похлопали по карманам, наскребли на трёхлитровую банку – рубль тридцать две копейки. Пустили по кругу, пьём. Дедок на нас смотрит: «Вы откуда, ребята?» – «Так и так, с Афгана летим». – «Правда?» Достает из заглашника ещё одну банку, наливает, подаёт нам. «Спасибо, дед, у нас больше денег нет». – «Пейте хоть всю бочку, сынки, угощаю. Сам воевал...»

Москва не принимала, а они сидели возле бочки, пили пиво, разговаривали с дедом-фронтовиком и были счастливы. Потому что дед был русский, и осень стояла русская, золотая. И везде, куда ни глянь, была родина...

Биографическая справка

Виктор Александрович Анохин родился в 1953 году в Томске. С 1970 по 1972 год служил в рядах Советской Армии, в 1977-м закончил факультет автоматики и электромеханики Томского политехнического института. В этом же году поступил на службу в Комитет государственной безопасности СССР. В 1985-м закончил Высшую школу КГБ СССР, переведён в Первое главное управление (служба внешней разведки). В 1985–1987 годах – в командировке в Афганистане, руководитель оперативной группы советников в провинции Фарьяб. По возвращении в СССР продолжил работу в КГБ. С 1999 по 2008 годы занимал должности начальника Управления Федеральной службы налоговой полиции РФ по Томской области, начальника Управления ФСКН России по Томской области, начальника Главного Управления по Приволжскому Федеральному округу ФСКН России, заместителя руководителя аппарата Государственного антинаркотического комитета (Москва). С 2009 года – в Администрации Томской области: председатель комитета по долевному строительству департамента архитектуры и строительства, затем – председатель Комитета по мобилизационной подготовке.

Генерал-майор полиции в отставке. Награждён орденом «За храбрость», медалями «За отвагу», «За охрану границы», «От благодарного афганского народа», знаком Президиума Верховного Совета СССР, знаком «За службу в контрразведке», другими государственными наградами.

СНАЙПЕРЫ БЬЮТ ОТ СОЛНЦА

Очерк

Повестка в военкомат Андрею Разумову пришла в апреле 1984 года, когда он заканчивал первый курс Колпашевского педагогического училища. Учился, чтобы получить одну из самых мирных профессий на Земле, стать педагогом, а пришлось стать солдатом на жестокой и кровавой войне. Но в те годы от слов «армия» и «Афганистан» призывники в обморок не падали.

– Готовил себя к службе целенаправленно, – вспоминает Андрей Владимирович. – В педучилище учился на преподавателя физкультуры, занимался спортом, в том числе парашютным, к окончанию первого курса имел три прыжка. Уже на предварительных сборах нам сказали, чтобы готовились к путешествию на юг – пошлют в учебный парашютно-десантный центр в Фергану. Это означало, что нас, восемнадцатилетних пацанов, ждёт Афган, но мы были даже рады.

Потому что служить в армии для них было делом чести: не прошёл армию – на тебе клеймо. Так было принято в родном Мельникове Андрея, так было принято во всех городах и всяях огромной страны. А ещё потому, что это был приказ Родины.

Тяжело в учении – легко в бою

В «учебке» расположенного почти на самой границе с Киргизией небольшого узбекского городка Фергана, где готовили специалистов ВДВ, отцы-командиры придерживались старого суворовского принципа «тяжело в учении – легко в бою». Многие из них прошли ОКСВА и отлично знали: чем больше гоняешь солдата здесь, в учебном центре, тем больше у него шансов выжить там, в Афганистане.

– Когда прибыли в «учебку», нас сразу повели на стадион – кросс, подтягивание, отжимание в упоре лёжа и т. д., – рассказывает Андрей Владимирович. – По результатам этих проверок, а также с учётом других данных происходил отбор в учебные подразделения. Кто-то попал в сапёры, кто-то – в механики-водители, кто-то – в разведроту... Я был парень

спортивный, имел пусть незаконченное, но всё же профессиональное образование, поэтому оказался в разведке. В «учебке» провели полгода, подготовка была очень серьёзной.

И офицеры, и сержантский состав центра были специалистами высокого класса, с богатым боевым опытом. Наука их оказалась ценнее золота, не однажды потом спасала ребятам жизнь на войне.

Тяжелее всего переносились нагрузки физические, даже подготовленному Андрею они казались просто запредельными. Чего стоили одни кроссы – десять, пятнадцать, а то и двадцать километров с полным боекомплектom на умопомрачительной среднеазиатской жаре... Будущих разведчиков учили рукопашному бою, владению холодным оружием, сапёрному делу, учили, как надо прочёсывать местность, незаметно проникать в кишлаки и т. д. Велась серьёзная стрелковая подготовка по всем видам оружия – от пистолета и автомата до гранатомёта и вооружения боевой машины пехоты.

– Случалось стрелять даже из танковых орудий, – улыбается Андрей Разумов. – Кроме того, учили снайперскому делу – как маскироваться, менять позиции и т. д. Иногда приходилось сидеть на точке сутки и более без еды и воды. Плюс ко всему в специальном лагере в горах нас тренировали для ведения боевых действий в горных условиях.

Выдержать такой режим могли не все, кто послабее – переводились в другие подразделения. Андрей смог, «курс молодого бойца» от начала до конца прошёл в разведроте.

Ну, а дальше была война, и уже совсем не учебная.

«Ну, пацаны, попали!..»

Первые афганские впечатления Андрей Разумов получил прямо на кабульском аэродроме. Они, только что прилетевшее из «учебки» молодое пополнение, шагали по взлётной полосе к прибывшим за ними «КамАЗам», а навстречу, словно чудное видение из солдатского сна, шагала колонна «дембелей». В парадной форме, с орденами и медалями, дочерна загорелые, с новенькими чёрными дипломатами, где лежали «дембельские» альбомы, они шли на посадку в самолёт, на котором прилетел Андрей. Закончившие свою войну, они улетали на роди-

ну, и Андрей навсегда запомнил их белозубые улыбки и то, как они кричали им, молодым, только на эту войну пришедшим: «Ну, пацаны, попали!..».

А попал Андрей в разведроту 357-го гвардейского парашютно-десантного полка 103-й (витебской) гвардейской воздушно-десантной дивизии. Полк базировался в крепости Бала-Хиссар на окраине Кабула и был одной из тех боевых единиц, которые, как, собственно, большинство десантных частей, бросали чуть не по всем горячим точкам страны.

– В части приходилось бывать мало – вернёшься с задания, отдохнёшь несколько дней, и снова боевой выход, – вспоминает Андрей Владимирович. – Выполняли задачи выявления и уничтожения бандформирований, устраивали засады и брали караваны с оружием, сопровождали наши военные и гражданские колонны, проводили зачистки кишлаков... Довелось участвовать более чем в сорока боевых операциях по всему Афганистану – Кандагар, Джелалабад, Гардез, Бамиан, Панджшерское ущелье и т. д.

По иронии судьбы, когда вновь прибывших доставили в часть, там было необычно спокойно, разведчики находились на задании. Впечатления начались на вторые сутки: рота вернулась с боевой операции, и военный городок в одночасье наполнился покрытыми дорожной грязью, измотанными, только что вышедшими из-под огня парнями. Больше всего Андрею запомнились смертельно усталые лица под лежавшим на них толстым слоем мелкой, всепроникающей афганской пыли. Это было лицо войны. Войны, которую им, молодым, ещё предстояло узнать...

Начались военные будни. Первый месяц был периодом завершающей «стажировки на месте», на серьёзные дела молодых пока не брали. На своё счастье Андрей встретил в роте земляков, да ещё среди «дембелей» (старослужащих) – томича Виктора Кашкарова из Первомайского района и Олега Широких из Кемеровской области. На первых порах, в самое тяжёлое для новичка время, они крепко его поддержали.

– В обиду не давали, помогали во всём – учили, объясняли, подсказывали, – вспоминает Андрей Разумов. – В полку всё держалось на «дембелях». Офицеры, конечно, следили за дис-

циплиной, но в основном порядок держали именно старослужащие. Мы и сейчас поддерживаем друг с другом связь – переписываемся, созваниваемся, встречаемся...

Однако, если в мирной обстановке в роте и проскальзывало то, что называют «неустановленными отношениями», то в обстановке боевой всякое деление на «дембелей» и молодых исчезало. Перед лицом врага разведчики становились единым целым, спаянной боевой единицей. Это был железный закон, и очень скоро Андрей в этом убедился.

Для кого хорош кинжал?

Первая боевая операция, на которую попал Андрей Разумов, проходила в знаменитом Панджшерском ущелье – неприступной, как считалось, крепости самого Ахмад-шаха Масуда. Группа разведчиков уже практически прочесала кишлак и ослабленно, не ожидая нападения, шла по пыльной пустынной улице вдоль длинного, казавшегося безжизненным дувала (глинобитный забор или стена жилища в Средней и Центральной Азии), когда из какой-то калитки прямо перед ними вдруг так же ослабленно вышли три вооружённых душмана. Они тоже не ожидали увидеть «шурави» – в замешательстве обе группы замерли. В таких ситуациях выживает тот, кто стреляет первым: бандиты уже сорвали с плеч автоматы, но раньше успел выстрелить Андрей. Навскидку, почти не целясь, дал очередь из АКМ, один из душманов рухнул. Это был его первый «дух»...

Остальных уничтожили товарищи.

– Когда это происходит впервые, испытываешь огромное потрясение, – рассказывает Андрей Владимирович. – Помню, как тряслись руки, внутри всё ходило ходуном... Хорошо, что с нами, молодыми, был «дембель», замкомвзвода – он помог успокоиться, прийти в себя. Забрали у убитых оружие, пошли дальше... Потом я понял, что тогда мне помогла та серьёзная подготовка, которую получил в «учебке», и благодаря которой, несмотря на сильный стресс, удалось сделать всё, как надо.

«Как надо» всё получилось и в другой раз, уже под Джелалабадом, когда группа разведчиков с боем ворвалась в занятый душманами кишлак. Началась зачистка. Продвигаясь от

дувала к дувалу, Андрей заметил и решил проверить узкий, как щель, проход в одной из глинобитных стен. И не зря. Щель оказалась обитаемой – на разведчика бросился моджахед с длинным, словно из восточной сказки, кинжалом. Стрелять было поздно. Однако, как говаривал известный герой известного фильма, «кинжал плох для того, у кого он не окажется в нужное время», а у десантников холодное оружие всегда при себе. Выбив у противника нож, Андрей прикончил его своим...

После нескольких таких операций появилась уверенность в своих силах, осознание, что «непримиримых» можно бить, и бить успешно. И не только наспех обученных стрелять пушгуннов местных кишлаков, но и хорошо подготовленных за границей боевиков, «чёрных аистов» и прочих «пернатых», слетевшихся в Афганистан на зов западных спецслужб.

Как всякий втянувшийся в службу солдат, Андрей почувствовал свою «лямку» в общей ротной, полковой, армейской упряжке. И осознал своё место на этой огромной, жестокой войне.

Задание выполнено, потерь нет

Ветераны-«афганцы» говорят: полтора года службы разведчика-десантника в Афганистане – это больше, чем целая жизнь «на гражданке». Андрей Разумов уходил в армию беззаботным мальчишкой, а вернулся ветераном войны с сединой в волосах.

Много чего было за эти полтора года: и захват богатых караванов с оружием, и бои с крупными бандформированиями, и зачистки кишлаков.

– Некоторое время пришлось даже заменять раненного наводчика-оператора на БТРе, одну войну (войсковую операцию) поездить на броне, – рассказывает Андрей Владимирович. – Освоил, справился. На второй год службы получил сержанта, стал заместителем командира взвода. Боёв было много, но мы, разведчики, несли минимальные потери – сказывалась хорошая подготовка. За всё время службы в нашем взводе погибло всего три человека.

Разведчики действовали дерзко и почти всегда эффективно. Однажды под Джелалабадом взвод Андрея получил

приказ выйти к высоте N, занять её и заблокировать проход банде душманов. Ночью совершили марш-бросок, но, когда на рассвете показалась высота, бойцы увидели на её вершине чётко вырисовывавшиеся на фоне светлеющего неба силуэты людей – позицию успел занять передовой отряд моджахедов. Взводный принял решение атаковать, дал команду подойти незаметно как можно ближе.

– Подобрались к «духам» метров на двадцать пять – тридцать, сняли часовых, бросили две-три гранаты и начали атаку, – вспоминает Андрей Разумов. – Свалились, как снег на голову, выбили бандитов с высоты буквально за несколько минут. Не успели перевести дух, смотрим – к нам лезет уже вся банда.

Заняв круговую оборону, взвод принял бой, который продолжался более трёх часов. Душманы превосходили разведчиков численностью, однако им не удалось ни занять высоту, ни сколько-нибудь серьёзно к ней приблизиться. Понеся значительные потери, банда начала отходить, теперь уже разведчики преследовали «духов». Отступая, те закрепились на другой высоте, попытались обороняться. Разведчики взяли банду в кольцо и уничтожили из гранатомётов – всех до единого. Взвод при этом не потерял ни одного человека...

Другая памятная операция произошла в провинции Бамиан. Поступила информация, что в таком-то ущелье в такое-то время должен пройти караван с оружием – на БТРах разведчики выдвинулись в нужную точку. Нашли интересующую их тропу, заняли выгодную позицию, стали ждать. Прошло около суток, прежде чем они увидели осторожно продвигающихся чуть выше тропы двух душманов – разведдозор противника. Минутой позже метрах в трёхстах за ними показался сам караван – два десятка вооружённых «духов» и пятнадцать гружёных ишаков. Разведчики затаились, слились с камнями...

– Подпустили караван поближе, по команде сняли уже прошедших мимо и не заметивших нас дозорных и приступили к ликвидации, – рассказывает Андрей Владимирович. – Бой был короткий. В итоге все «духи» были уничтожены, захваченная добыча составила более ста единиц стрелкового оружия (АКМ, крупнокалиберные пулемёты ДШК, винтовки), большое количество мин и гранат.

В завершение бойцы разыскали в ущелье и ликвидировали несколько тайников с боеприпасами – большие партии АКМ, винтовок, гранатомётов, противопехотных и противотанковых мин и т. д. В ходе операции группа также не понесла никаких потерь.

Продержаться до заката

На войне, где смерть всегда рядом, отношение к ней особое, совсем не «гражданское». С её близостью приходится свыкаться – другого выхода просто нет, и каждый делает это по-своему. Но есть один общий закон, который подтвердит любой ветеран-«афганец»: чем ближе срок окончания службы, тем сильнее хочется выжить. Выжить и вернуться в ту бесконечно далёкую, как тридевятое царство, дорогую мирную жизнь, где остались родной дом, родители, любимая девушка... Где тебя ждут.

В эту самую пору, на втором году службы, когда «на горизонте уже маячил дембель», и во сне Андрей всё чаще видел родное Мельниково и Обь, смерть прошла совсем рядом. Дохнула ледяным дыханием и оставила на голове девятнадцатилетнего парня серебряную прядь.

Шла крупная войсковая операция под Кандагаром, взвод Андрея получил очередной приказ зачистить кишлак, и выдвинулся к месту проведения операции пешим маршем. Разведчикам оставалось пересечь небольшое плато и преодолеть перевал, за которым лежал кишлак, когда их неожиданно обстреляли снайперы. Обстреляли грамотно. На марше в горах взвод двигался всегда в строгом порядке: первым шёл сапёр, за ним – замкомвзвода Андрей, за ним – связист и так далее. Эту передовую группу из пяти человек, двигавшуюся метрах в пятистах впереди основных сил, снайперы положили на землю и отсекли огнём от остального взвода. Взвод тоже залёг.

– Место они выбрали идеально – мы совершенно открыты, спрятаться практически негде, – вспоминает Андрей Владимирович. – Кое-как укрылись за камнями, огонь такой, что невозможно поднять головы. Чуть «засветился» – сразу выстрел, видно, что бьют профессионалы. Начали отстреливаться – тяжело: они бьют от солнца, а нам – солнце в глаза, можно ориен-

тироваться только по вспышкам. И взводу к нам не прорваться, тоже под огнём.

Начался методичный расстрел, длившийся несколько часов. Несколько часов в перекрестье снайперского прицела, когда между жизнью и смертью – лишь небольшой, еле скрывающий тебя камень, о который, осыпая осколками, хлещет смертоносный свинец... Лёжа за валуном, Андрей ясно, словно наяву, видел лица отца и матери, Мельниково, широкий разлив Оби... Из далёких, бесконечно далёких далей они вдруг шагнули к нему прямо в стреляющие афганские горы, были рядом, были вместе с ним, и, казалось, он слышит голоса: «Держись! Держись, ты должен вернуться...».

И они держались, хотя не обошлось без потерь. Переводчика-таджика Абдусаттора Рахимова, друга Андрея, ранило в ногу, от болевого шока он потерял сознание... Когда безжалостное к «шурави» и благосклонное к душманам солнце скрылось наконец за вершины гор и в сумерках снайперам стало сложно работать, их огонь ослабел. Только тогда разведчики сумели выйти из-под обстрела. Андрей вынес на себе раненного Абдусаттора.

– Снайперы снялись и ушли, а мы, немного придя в себя, начали их преследовать, – рассказывает Андрей Владимирович. – Догнали. Одного убили в перестрелке, другого взяли живьём – оказался наёмник, «чёрный аист». И в самом деле чёрный – натуральный негр... А вот основной банде, отход которой они прикрывали, удалось уйти. Когда мы спустились в кишлак и провели зачистку, там уже никого не было.

Абдусаттора (в роте его звали Сашкой) успешно прооперировали, отправили на долечивание в Союз, и через пару месяцев он вновь вернулся в полк. А Андрея за проявленное мужество и вынос раненого с поля боя представили к ордену Красной Звезды. Но из Москвы пришла... медаль «За отвагу». Там, в Москве, было видней, кто здесь, в Афгане, герой, а кто – не очень... Андрей не расстроился.

– Мы тогда за наградами не гнались, воевали не за ордена и медали, – говорит Андрей Владимирович. – Воевали за державу.

Про голодных детей, кровавую плащ-палатку и восточный плов

Много пришлось повидать, передумать и пережить за полтора года войны. В памяти Андрея Афганистан остался яркой, многоликой страной с пёстрыми толпами на улицах городов, шумными восточными базарами и пышной южной зеленью.

– Идёшь по Кабулу – везде сутолока, движение, чуть не на каждом углу торговые ряды, – вспоминает Андрей Разумов. – Снуют ватаги оборванных, полуголодных детей, выпрашивают подачки. Народ, что в Кабуле, что в кишлаках, живёт очень бедно, семьи почти все – многодетные. Стоишь в части на посту, а ребятишки приходят и просят есть... Кормили, отдавали всякие обноски вплоть до старых сапогов.

Запомнился самобытный, непростой, не укладывающийся в привычные европейские мерки характер афганского народа, в котором смешались искренность и коварство, гостеприимность и воинственность, радушие и беспощадность. Невозможно забыть то, что моджахеды делали с пленными... Невозможно забыть подброшенную в расположение полка окровавленную плащ-палатку, в которой нашли расчленённое тело пропавшего накануне бойца из соседней роты...

Но рядом с этими воспоминаниями живут и другие. Никогда не забудет Андрей один кишлак под Бамианом, куда их взвод послали с обычной проверкой. Оказалось, зачистки не требуется – в кишлаке поддерживали правительство, а не оппозицию. Разведчиков, больше привыкших к раздающимся из дузвалов автоматным очередям, вдруг встретили... пловом.

– Смотрим – выходит из дувала старейшина, выносит большой казан плова и почтительно приглашает нас к дастархану, – с улыбкой вспоминает Андрей Владимирович. – До конца дней своих буду помнить этот плов – настоящий, восточный, от одного аромата голова кружилась... Никогда больше, ни до, ни после, не пробовал ничего подобного.

Удивительно радушно их встретили все, от мала до велика: накормили пловом, курагой, напоили чаем... В этом замечательном кишлаке Андрей открыл для себя совсем другой Афганистан – искренний, дружественный, гостеприимный. Тепло это осталось в сердце навсегда.

России нужны солдаты

Демобилизовался Андрей 19 апреля 1986-го – два года день в день. Вернулся домой в Мельниково, обнял родителей, брата, вновь увидел родную, столько раз снувшуюся в Афгане Обь. Летом поехал в Колпашево, восстановился в педагогическом училище... Здесь, на родине, было тихо, не гремели автоматные очереди, не рвались мины, и над Обью плыли точно такие же, как два года назад, белые облака... Временами казалось, что в жизни ничего не изменилось, и пройденная война – всего лишь кошмарный сон. Но это было иллюзией. Что бы ни делал, о чём бы ни думал Андрей – Афганистан был теперь с ним всегда. Как и с каждым ветераном-«афганцем».

Первое время нелегко было справляться с тем, что называют «афганский синдром»: жгли, не давали покоя воспоминания, непросто было вновь входить в мирную жизнь. Помогли поддержка родных и друзей, работа. Через год после демобилизации Андрей закончил училище и пришёл в родную школу преподавать физкультуру. По своей собственной инициативе, безвозмездно, без всякой административной поддержки организовал при школе и несколько лет вёл клуб «Юный десантник» – давал ребятишкам основы физической, строевой, стрелковой подготовки, вывозил на сборы, организовывал даже прыжки с парашютом. Случалось, из собственной скромной зарплаты выкраивал деньги, чтобы купить материал, сшить пацанам береты для сборов...

Этот же дух патриотизма, уважения к армейским традициям сумел привить и в семье.

– Мы знали друг друга с детства, учились в одной школе, оба туда же пришли работать, – рассказывает супруга Андрея Владимировича, Нина Николаевна. – Андрей Владимирович преподавал физкультуру, я – математику. Поженились в 1990-м, в январе 2015-го будет серебряная свадьба. И никогда за все эти годы мне не было жалко времени, которое муж отдавал мальчишкам, наши общим воспитанникам. Они возвращают всё сполна – идут в армию, многие – в десантные войска, звонят, благодарят, помнят... 2 августа, День ВДВ, в нашей семье такой же святой праздник, как и 9 Мая. И дочери с раннего

детства привыкли в этот день поздравлять отца, без всякого напоминания с нашей стороны.

Преподаватель физкультуры на селе – личность уважаемая, а если он ещё и десантник-«афганец», то у местных пацанов имеет авторитет непререкаемый. За 27 лет работы в школе через руки Андрея Владимировича прошли сотни учеников, и весь свой опыт, весь авторитет «афганца» он употребил на то, чтобы сделать из них настоящих мужчин. Мужчин, для которых укрывательство от армии – позор, а слова «честь», «совесть» и «долг перед Родиной» – не пустой звук. Это то, что выше оценок в журнале, голов, очков и секунд.

Этот труд не пропал даром: почти все воспитанники Андрея Владимировича отслужили и продолжают служить, многие прошли свой «Афганистан» – Чечню. Звонят, благодарят, помнят... Всё возвращается «на круги своя». Хорошие солдаты России нужны во все времена.

Биографическая справка

Андрей Владимирович Разумов родился в 1966 году в селе Мельниково Томской области. В 1983-м закончил среднюю школу, поступил в Колпашевское педагогическое училище. В апреле 1984 года, по окончании первого курса, призван в ряды Советской Армии. Проходил службу в Афганистане в составе 357-го парашютно-десантного полка 103-й воздушно-десантной дивизии. Демобилизовался в апреле 1986-го, в этом же году восстановился в Колпашевском педучилище. В 1987 году закончил училище по специальности «Преподаватель физического воспитания», поступил на работу в среднюю общеобразовательную школу № 1 с. Мельниково. Педагогическую деятельность завершил в 2013-м, перешёл на должность методиста Управления образованием Шегарского района. С 2014 года – на пенсии.

Имеет награды: медали «За отвагу», «В память 25-летия окончания боевых действий в Афганистане», «От благодарного афганского народа», «15 лет вывода советских войск из ДРА», «Ветеран боевых действий» и другие.

Женат, имеет двух дочерей.

ЖДИТЕ. Я ВЕРНУСЬ!*Очерк*

Когда началась СВО, а затем частичная мобилизация, и многие соотечественники бросились в Казахстан и Грузию, Игорь Батрагареев пошёл в военкомат. Решил вступить в формировавшийся в Томске батальон «Тоян», благо набором занимались знакомые парни. Кто-то искал знакомств, чтобы «откосить», а Игорь радовался – идёт на СВО! Ему сказали, что берут командиром отделения, отправили собирать справки. Но на медкомиссии везенье закончилось, терапевт с изумлением прочитал его документы:

– У вас в прошлом году был инсульт, это же инвалидность! Надо таблетки пожизненно пить, какая СВО?! Не разрешаю.

– Да я восстановился, здоров, как бык!

Но врачи были неумолимы...

Время летело, на Донбассе полыхала война, на которую уходили его знакомые по прежней службе, а он оставался «на гражданке». Вытерпеть это не было сил. И тогда он подумал о «Вагнере»: всё же частная военная компания, может, там не так строго, как в Минобороны? Раздобыл телефон, позвонил куратору «музыкантов» в Краснодарский край, объяснил ситуацию. Получил короткий ответ: «Приезжай!».

Он уволился с работы, попрощался с женой и детьми и ушёл на войну. Уже не в первый раз. А вопросы морально-нравственные – что такое Родина и почему за неё надо воевать – он для себя решил давно.

Семейная традиция

В семье Батрагареевых служили все мужчины – и срочную, и сверхсрочную, выросший в этой атмосфере Игорь о другой судьбе и не помышлял. Уроженец небольшой татарской деревни Тукай Зырянского района, он с юных лет мечтал об армии и готовился к ней.

– Я был в младших классах, когда семья переехала в Зырянку, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Там закончил десятилетку, профессиональное училище, оттуда же в 2005 году призывался на срочную службу. Когда уходил, родителям так и сказал:

«На гражданку не вернусь, останусь на сверхсрочную». Они были не против, такая уж у нас семейная традиция. А уже в армии понял окончательно – это действительно моё.

Служить довелось на Камчатке. Он просился на корабль, но, к своему удивлению, оказался в контрразведке ФСБ в «столице» тихоокеанских подводников Вилучинске. Писал рапорты с просьбой перевести в надводный флот, однако начальство, ещё раз полистав его дело, ответило отказом: «Нет, ты наш...».

Там же и в той же должности остался на сверхсрочную. А завершилась его камчатская эпопея на атомной подводной лодке, куда перевёлся по собственному желанию. Выучился на техника-гидроакустика, ходил в плавание.

В 2008 году закончился контракт, Игорь вернулся в Томск уже с опытом военной службы и определившимися планами на жизнь. Теперь он знал твёрдо: его профессия – Родину защищать. Только хотелось чего-то большего, туда, где свистят пули. Себя испытать.

Боевое крещение

Ещё уходя на «срочку», он уже думал о Чечне, но, увы, на неё не оказалось разнарядки. Теперь, приехав в Томск и ещё не успев отойти от дальневосточных впечатлений, Игорь решил времени не терять. В бывшую «горячую точку», где ещё активно продолжались контртеррористические операции, можно было попасть по линии разных силовых ведомств, и он подал документы сразу в несколько. В конце концов добился своего в Октябрьском райвоенкомате.

Наконец он в Чечне! Местом службы стала 46-я отдельная бригада оперативного назначения внутренних войск МВД, выполнявшая задачи поддержания конституционного порядка и борьбы с незаконными вооружёнными формированиями в республике, где обстановка ещё оставалась нестабильной. Небольшой городок Урус-Мартан, куда он прибыл в полк назначения, лежал у подножия величественных гор и на их фоне казался игрушечным.

После прохождения двадцатипятидневного курса молодого бойца их, вновь прибывших, построили на плацу. Комполка, сидя за столом, на котором лежали личные дела, вызывал каж-

дого по очереди, спрашивал, кто, где и в каком качестве хочет служить. У Игоря ответ был готов давно. По дороге в Чечню он познакомился с парнем, который с восторгом рассказывал про ачхой-мартановскую разведку.

– Говорил, как это круто, настоящая боевая служба – жить в лесу, охотиться за террористами, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Договорились с ним пойти в эту разведку сапёрами, хотя прежде я о такой специальности не помышлял...

Поэтому на вопрос комполка, где он хочет служить, Игорь, не задумываясь, ответил:

– В ачхой-мартановской разведке, сапёром.

Командир задумчиво листал его дело.

– Ты что, нелёгкой судьбы человек, что ли?

– Почему?

– Ну вот на подлодке служил, в ФСБ, теперь хочешь в разведку, да ещё ачхой-мартановскую. Да ещё сапёром... А вывезешь?

– Вывезу...

В тот же вечер их вдвоём с Павлом, тем, что заварил всю кашу, отправили в Ачхой-Мартан. Но в расположении подразделения встретил один дежурный – оказалось, личный состав находится на заставе, как здесь говорили, «в ендях» (палаточном лагере).

Через несколько дней за ними пришёл бронированный «Зил» – до заставы было не близко.

– Ехали впятером: старший машины с водителем в кабине, а я, Паша и пулемётчик – в кузове, – рассказывает Игорь Юрьевич. – Когда до заставы оставалось уже недалеко, километров десять, нас обстреляли.

Сегодня он и не упомнит, сколько потом раз – десятки, сотни – приходилось бывать под обстрелом, но тот, первый в жизни обстрел запомнил навсегда. Пытаясь уйти из-под огня, водитель начал маневрировать, не удержал машину, «Зил» залетел в ров и перевернулся. Повезло, что никого не придавило, только засыпало обломками бронированной пластины. Первым из-под них выполз, начал отстреливаться пулемётчик, потом, оглушённые и ошеломлённые, Игорь с Павлом. Вжимаясь в землю возле перевернутой машины, Игорь впер-

вые узнал, каково это – лежать под огнём, когда рядом хлётко бьют пули, и каждая, ударь немного ближе, может унести твою жизнь. И не понять, откуда летит эта смерть...

Пулемётчик, боец опытный, бил очередями в сторону небольшой рощицы, где, видимо, находилась засада. Игорь с Павлом, остальные поддерживали его из АКМ. А потом наступила тишина, они поняли, что бандиты ушли. Старший по рации запросил эвакуацию, БМП с заставы пришла быстро.

– Так, наконец, мы прибыли в ачхой-мартановскую разведку, по пути получили боевое крещение, – рассказывает Игорь Юрьевич. – А через несколько дней, когда мы с Пашей уже приступили к службе, вдруг нас двоих вызвали в батальон в Ачхой-Мартан. Зачем, по какому делу – никто ничего не говорит. Приезжаем – батальон выстроен на плацу, нас ставят вместе со всеми. Оказалось, это наше награждение.

За то, что, будучи необстрелянными бойцами, не испугались, достойно держались под пулями бандитов и вели ответный огонь, Игорь и Павел получили медали «За службу на Кавказе». Свои первые медали.

«Нажимник» – это по твою жизнь

Колебания комполка в ответ на просьбу Игоря отправить его в Ачхой-Мартан объяснялись просто. Разведрота ачхой-мартановского батальона, в просторечии ачхой-мартановская разведка, была одним из самых боевых и эффективных спецподразделений бригады. Она выполняла наиболее трудные задания, участвовала в самых сложных операциях. Разумеется, туда был жёсткий отбор. Хорошо физически подготовленные Игорь и Павел смогли пройти весь комплекс контрольных проверок (марш-броски, спарринги и т. д.), сдали на право ношения формы одежды спецподразделения, им торжественно вручили краповые тельняшки. Обучили сапёрному делу. Началась нелёгкая, опасная спецназовская работа, но Игорь Юрьевич рассказывает о ней как о деле привычным, обыденным:

– В основном занимались поиском и ликвидацией террористических формирований. За все годы, что я был в роте, она не потеряла ни одного человека. Ребята все опытные, хорошо

подготовленные, комроты – позывной «Магадан» – вообще ас. Он не имел военного образования, закончил какой-то гражданский вуз, но дослужился до старшего лейтенанта, и на банды у него было чутьё. Нам спускали данные, какие квадраты прочёсывать, но мы шли не по ним, а туда, куда вёл он. И всегда добивались хороших результатов.

Они гонялись за бандами, устраивали засады, сами попадали в засады боевиков... Одну такую ситуацию Игорь Юрьевич до сих пор помнит, будто это было вчера.

Группа шла лесом, первым, как положено сапёру, шёл Игорь. Вдруг начался обстрел. Парни упали на землю, стали отстреливаться. Начали уже было разворачиваться, стараясь взять источник огня в полукольцо и зайти с флангов, но тут Игорь, который лежал возле дерева, вдруг почувствовал, что рука задела что-то необычное. Глянул, и по спине побежал холодок: под рукой тускло блеснул припорошённый сухой листвой одноразовый шприц. Это был так называемый «нажимник» – самодельное взрывное устройство. Оно чудом не сработало. Значит, в опасности были все.

– Это СВУ устанавливается таким образом, что шляпка шприца, замаскированная ветками или сухой листвой, немного торчит из земли, – объясняет Игорь Юрьевич. – Наступаешь, контакт замыкается, происходит подрыв.

«Минная опасность!» – крикнул он, и парни послушно замерли каждый на своём месте, но огонь продолжали вести.

Даже в спокойной обстановке обезвреживание боевой мины требует максимальной концентрации, а каково это делать, когда в тебя летят пули, от шквального огня с деревьев валятся на голову ветки и щепа?

– В первые минуты было по-настоящему страшно, но потом как-то притерпелся, – вспоминает Игорь Юрьевич. – В итоге я нашёл и обезвредил все четыре СВУ. Сам удивляюсь, как удалось, ведь тогда большого опыта ещё не имел. Нас Бог уберёт. Могли подорваться ещё до начала обстрела, но к минам нас почему-то не подпустили, открыли огонь раньше. Возможно, рассчитывали, что подорвёмся, когда начнём разворачиваться и пойдём вперёд...

Так бы, наверное, и случилось, группа потеряла бы немало

людей, потому что мины были миномётные, большого поражающего действия и замысловато поставленные: от каждой шли провода к нескольким шприцам. Но благодаря Игорю этого удовольствия бандитам не доставили. В итоге боя трое из них были ликвидированы, оставшиеся разделились на малые группы и скрылись. А Игорь получил благодарность командира.

«Скиф», Сирия и светошумовая граната

Постепенно приходили опыт, уверенность в себе. Когда в 2012 году ачхой-мартановский батальон расформировали, Игорь был переведён в Урус-Мартан в роту спецназа, стал командиром отделения. Прослужил недолго: вскоре в Грозном сформировали отряд специального назначения «Скиф», которому стали отдавать самые интересные задания, и он перешёл туда. Долго уговаривал начальство, не хотели отпускать из роты. В конце концов дождался, когда комполка ушёл в отпуск, и быстренько перевёлся.

В «Скифе» вырос уже до заместителя командира взвода...

Сирия возникла неожиданно, для отправки туда в «Скифе» сформировали сводный отряд. Игорь снова проявил своеволие. Командиры не любят отпускать опытных бойцов, но он вызвался ехать и настоял на своём.

Многострадальная страна запомнилась жарой, пылью, бетонно-кирпичным крошевом разрухи на улицах освобождённых селений. Они проводили их зачистки, разминирование, искали в этом крошеве схроны с оружием, уничтожали шайки недобитых игиловцев, прятавшиеся в щелях и норах изуродованного войной мира.

Одно из таких боестолкновений произошло на окраине Пальмиры. Прочёсывая окрестности, их «тройка» обнаружила такую же, из трёх человек, разведгруппу боевиков. Двоих ликвидировали сразу, третий успел укрыться.

– Засел в каком-то полуразрушенном строении, в одной комнате, а мы зашли в соседнее помещение и думаем, как его выкурить, – рассказывает Игорь Юрьевич. – Всё же жилой сектор, несмотря на боевые действия, люди не все его покинули. Надо было работать осторожно, у бандита мог быть заложник. Решили проверить.

Для таких случаев у спецназовцев имеется специальный инструмент – зеркальце на длинной ручке. Тихонько высунули его из-за угла – так и есть: боевик сидел со стволом, прикрываясь девочкой лет семи-восьми. Время от времени что-то орал на своём языке, видимо, угрожал, что убьёт девочку, если ему не дадут уйти. Как быть? Отпускать бандита не хотелось, а рисковать ребёнком было нельзя.

Но на небольшой риск пойти всё же пришлось. У одного из бойцов «тройки» нашлась светошумовая граната, её кинули в комнату. Оглушённый и ослеплённый, боевик на несколько мгновений потерялся, приотпустил девочку, она отшатнулась в сторону. Для ликвидации террориста этого было достаточно...

Ослеплённую и перепуганную девочку парни вынесли из дома, передали прибежавшим родителям. Ребёнка осмотрел их отрядный санинструктор, оказалось – всё в порядке, только шок. Вскоре он прошёл. Родители что-то говорили парням по-арабски, улыбались, те, не понимая, на всякий случай улыбались в ответ.

Полулыбались и пошли дальше.

«Я знала, что ты поедешь...»

Вскоре после возвращения из Сирии, имея за плечами несколько «горячих точек», Игорь перевёлся в Томск, где у него уже была семья. Жена ждала ребёнка, и он хотел быть ближе к дому, пошёл в только что сформированный на базе Северской дивизии отряд специального назначения «Рысь». Те же командировки в «горячие точки», охрана массовых мероприятий, ловля «чёрных лесорубов»...

А ещё через несколько лет в жизни наступил перелом.

– Честно говоря, немного подустал от всех этих командировок, да и лет уже не двадцать, семья, – рассказывает Игорь Юрьевич. – На Камчатке год идёт за два, в Чечне – за три, выслуги хватило – вышел на пенсию. В тридцать четыре года. Устроился работать начальником по транспорту в одну нефтесервисную компанию, друг-директор позвал.

Можно понять. Не так это просто – всю жизнь приходиться уходить, прощаться, говорить близким утешительные слова: «Ждите, я скоро вернусь!..».

Но случилась беда. Сказались годы тяжёлых физических и нервных нагрузок – у Игоря произошёл инсульт, отнялась половина тела. Однако, к великому удивлению врачей, он быстро восстановился, вышел на работу. Через несколько месяцев вновь почувствовал себя здоровым.

А когда пришла роковая дата – 24.02.2022, он понял, что, пытаясь уйти в гражданскую жизнь, обманывает себя. «Гражданка» – не для него, даже теперь, после инсульта. И глупо, а главное, стыдно не использовать его богатый военный опыт там, где он сейчас нужен. Зачем тогда были в жизни Вилучинск, ачхой-мартановская разведка, «Скиф»? А за жену и детей, за Россию надо воевать в Чечне, на Донбассе. Иначе война придёт сюда, домой.

– Я знала, что ты всё равно поедешь, – сказала на прощание жена. – Иди. Будем ждать...

Учить не надо

1 октября он уже был на Кубани, на базе подготовки бойцов ЧВК «Вагнер» в Молькино. Медкомиссия нашла его годным. Заполнил анкету, прошёл собеседование. Изучив его документы с послужным списком, вагнеровские кадровики проэкзаменовали на предмет знания взрывчатых веществ, классификации мин, по другим вопросам. Сказали: «Ты наш».

Игорь был зачислен в отдельный бригадный батальон сапёром, начал проходить курсы семидневной подготовки, но уже через два дня к нему подошёл комбат.

– Вижу, всё умеешь, на опыте. Хочешь завтра «за ленточку»?

– Хочу.

– Тогда собирайся...

Следующей ночью их, большую группу бойцов, на четырёх автобусах отправили в зону боевых действий.

В пункте прибытия уже во всём, прежде всего в спокойной сосредоточенности мало говоривших людей, чувствовалась близость войны. Группа приехала ночью (на войне вообще все передвижения ночью), выгрузились, построились, приехавшие из частей старшие выкрикивали каждого по полученным ещё в отделе кадров позывным. Увозили кого куда.

– Меня и ещё несколько человек посадили в «Урал», повезли, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Куда – не знаем, никто с нами не разговаривает. Приехали, в темноте видим – какое-то трёхэтажное здание с завешенными окнами. Вышел человек, объяснил, что мы находимся в учебном сапёрном центре, где будем проходить курс обучения.

Их провели в дом, показали, где лечь спать – прямо на бетонном полу. На войне спальные места – не «люкс».

А назавтра они увидели всё уже при свете дня. Оказалось, они на Луганщине, на окраине городка Стаханов. Сапёрная «учебка» располагалась на территории бывшей женской исправительной колонии, от которой после обстрелов остались одни руины. Старшим был опытный сапёр с позывным «Верона».

Занятия начались в первый же день, и в этот же день Игорь убедился, что информация на него здесь уже получена. Они сидели на ящиках из-под снарядов и слушали теорию, вошёл «Верона». Без всяких предисловий подал Игорю боевую противопехотную мину «МОН-50».

– Разминируй!

Дело привычное: Игорь взял штык-нож, расколупал соединительный шов корпуса, вскрыл крышку, вынул пластид, подал начальству. Оно оценило.

– Молодец, учить не надо, – сказал «Верона», вызвав его за дверь. – Мне про тебя говорили... Есть желание помочь? Надо немного поучить людей...

Три дня вместе с ещё одним продвинутым новичком они работали инструкторами-наставниками, а на четвёртый их отправили в боевые подразделения, «на передок».

Про «линию Суровикина» и воронку от «Хаймарса»

В городишке Горское, что недалеко от Попасной, как в каждом прифронтовом населённом пункте, разрушенных и брошенных домов было сколько душе угодно. Отделение Игоря, восемь человек, обосновалось в доме, где оставался единственный жилец – старушка. Парни воевали, а бабушка просто жила, идти ей было некуда.

– Как прибыли, в первый же день с утра, ещё потемну, выехали на задание в окрестности посёлка Врубовка, рядом с линией боевого соприкосновения, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Надо было заминировать вероятные пути подхода противника. Занимались этим две недели.

Работали в чистом поле под жестокими миномётными обстрелами, которые корректировали постоянно висящие в небе бандеровские «птички». Во время обстрелов укрывались в лесополосе, обстрел ослабевал – спешили продолжить работу, и так с темна до темна. Порученный участок заминировали надёжно, он примкнул к уже начинавшей формироваться «линии Суровикина», фактически став её частью. Вообще, по мнению Игоря Юрьевича, её следовало бы назвать «линией Вагнера», который её создавал. О том, какую роль она сыграла в остановке летнего наступления ВСУ 2023 года, известно всем.

Потом было ещё одно такое же поле, потом ещё... А затем началась работа серьёзнее, в тылу противника: они уходили за ЛБС, устраивали диверсии – подрывали хранилища боеприпасов, склады с техникой и горючим, другие военные объекты.

– Вообще старались минировать там всё, что можно – расположения подразделений, дороги и так далее, – рассказывает Игорь Юрьевич. – А для этого нужно было много с собой принести, приходилось таскать большую тяжесть. Когда взрывали объекты, у «вэсэушников» начиналась паника, страхуясь, они оттягивались с передовой, и мы, пользуясь брешью, уходили...

За успешными подразделениями, серьёзно портящими кровь противнику, начинается охота. Однажды, вернувшись домой после дневной работы, парни получили срочное сообщение от командования: «Быстро уходите! Поступили разведданные – на ваш дом наведена РСЗО, должен прилететь «Хаймарс». Ушли, нашли новое жильё, а вскорости прилетел обещанный «Хаймарс». От старого дома осталась одна воронка.

Любое промедление – это твоя жизнь

О том, что у войны своя табель о рангах, писали и Лев Толстой, и Ремарк: экстремальные обстоятельства, повседневная боевая работа сами отбирают и выдвигают людей. Уже через несколько недель после прибытия в Горское Игорь стал ко-

мандиром отделения. А ещё через месяц, когда группа, заминировав очередной рубеж, вышла в условленное место и отдыхала в ожидании эвакуационной машины, на него по радиации неожиданно вышел замкомроты:

– К тебе едет комбат, поговорить. Встречай!

В разведывательно-диверсионных подразделениях трусов нет, но на душе у Игоря заскребли кошки. Что за честь такая, что сам командир батальона едет к нему «на передок»? Может, где «накосячил»?

Подъехал комбат. Подозвал, придирчиво оглядел.

– Мне о тебе докладывали. Хочу назначить тебя командиром первой роты. Как, согласен?..

Рота – не отделение, это уже серьёзно. Особенно рота разведывательно-диверсионная, да ещё в «Вагнере». Воины незаурядные, специалисты с большим боевым опытом. Даже отставной генерал воевал, как простой боец. Под началом старшего сержанта. Но у «музыкантов» нет званий, человек здесь оценивается исключительно по его способностям и профессионализму. В общем, груз потяжелее, чем рюкзак с взрывчаткой, даже если идёшь с ним в тыл врага. Тем более, что и он никуда не делся.

– Рота занималась разведывательно-диверсионной деятельностью в тылу противника, – объясняет Игорь Юрьевич. – Мне спускались задачи сверху, я ставил задачи своим взводам и группам, сам ходил с разными группами. Считал это для себя обязательным, потому что одно дело, когда тебе докладывают, и совсем другое, когда видишь своими глазами.

Если у тех же штурмовиков были определённые направления работы, то разведчиков бросали всюду, могли дёрнуть в Соледар, Угледар, Артёмовск. Насмотрелись. Игорь видел превращённые в руины донецкие города и посёлки, несчастных, обездоленных людей, перепаханные нашими ракетами украинские окопы, где лежали перемешанные с землёй тела «вэсзушников»... Видел, но старался не поддаваться эмоциям, разведчик не может себе этого позволить.

– Там задумываться нельзя, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Задумаешься – обязательно сделаешь ошибку. Любое промедление – это твоя собственная жизнь.

Жизнь, которую, только зазевайся, не моргнув глазом отнимут вчерашние братья. Общаться с ними приходилось не только через прицел, но и непосредственно. Случалось сидеть в окопах в тридцати метрах от окопов противника: перекрикивались, дразнили друг друга, чтобы кто-нибудь вылез-показался – на выстрел... Приходилось разговаривать с пленными. Игорь видел – все разные. Встречались настоящие фанатики-националисты, но больше было тех, кто говорил прямо: «Воевать не хотим, нас заставили!». Он понял – никакого единства по ту сторону фронта нет.

Проект «К» и его люди

С интересными людьми сводит война.

– Тогда уже начался так называемый проект «К», когда в «Вагнер» стали брать людей из мест лишения свободы, – рассказывает Игорь Юрьевич. – В разведроту, конечно, был тщательный отбор, принимали самых опытных и только с лёгкими статьями. Особенно запомнились двое – позывные «Бурэ» и «Зенит».

С «Бурэ», серьёзным, грамотным парнем, в Соледаре произошёл случай, чуть не стоивший жизни и ему, и Игорю. В домишке, где остановилась их группа, нужно было организовать хотя бы минимальный «быт», понадобились гвозди, инструменты и тому подобное. Гумпомощь разведчикам из соображений секретности не возили, все бытовые вопросы решали сами, и тут, на их счастье, неподалёку обнаружился полуразрушенный, простреливаемый со всех сторон хозяйственный магазин. Игорь с «Бурэ» пошли посмотреть, нельзя ли чем разжиться. Оказалось, можно. Но им не повезло – заметили находившиеся на соседней улице «вэсэушники». По магазину начал работать танк.

– Первый выстрел – мимо, но мы понимаем, что второй, скорее всего, будет точным, – рассказывает Игорь Юрьевич. – Говорю «Бурэ»: «Всё бросай, бежим!». Выпрыгиваю в пробоину в стене, бегу, и в какой-то момент вдруг начинаю осознать, что «Бурэ» сзади нет. Оборачиваюсь – он в пробоину выпрыгнул, но зацепился бронежилетом за кусок арматуры, который торчал из стены.

Картина была впечатляющая: снаряды ложились уже в магазин, от которого летели кирпичи и тучи земли, а «Бурэ» с круглыми от ужаса глазами дёргался у стены, не догадываясь податься назад и отцепиться.

– Назад, сдёрни броню! – кричал Игорь.

Но парень не понимал. Пришлось ротному возвращаться, снимать его «с крючка».

Когда они бежали к своим, за спиной у них складывались стены злосчастного хозмага...

Ещё более удивительные истории происходили с «Зенитом».

– Парень замечательный, волевой, никогда не отлынивал от работы, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Я и не догадывался, что он тоже из проекта «К», пока он сам не сказал. Очень мне нравился. Из отпусков, бывало, не возвращались, а он ушёл и через месяц вернулся. После этого я поставил его командиром отделения.

Но, главное, у «Зенита» был талант к сапёрному делу. На пятачке в пять квадратных метров он мог обнаружить и обезвредить 64 противопехотных мины... А однажды вообще поразил ротного до глубины души.

– Как-то в ходе операции перебежали с ним поле, – рассказывает Игорь Юрьевич. – И вот я бегу и вдруг замечаю, что всё кругом в «лепестках» – противопехотных минах! А он чешет впереди, ни сном ни духом. Я бегу по его следам, вижу – буквально через каждые три шага он наступает рядом с «лепестком», прямо в паре сантиметров! Вдобавок ко всему, завтра у него – день рождения. Перебежали поле, я ему говорю: «Зенит», у тебя завтра двойной день рождения! Хочешь, покажу, где бежали? Ты каждый «лепесток» обошёл...». И так с ним всегда...

Ради этого стоит жить

На любой войне есть города, в которые, как в плотину, порой упирается весь её ход. Прорвёт плотину – течёт война дальше... В Первую мировую был Верден, во Вторую – Москва и Сталинград. На Донбассе – Артёмовск. А в самом Артёмовске всё стопорил то один укрепрайон, то другой.

– Очень долго там на окраине держал наши штурмовые от-

ряды один «укреп», – рассказывает Игорь Юрьевич. – Нас тогда уже перебросили в Артёмовск, работали в городе и окрестностях, и вот где-то уже в марте-апреле получили задание уничтожить этот «укреп».

«Орешек» был «твёрдым». Укрепрайон занимал обширную промзону с множеством строений, в которых располагались склады с оружием и боеприпасами, техника, дислоцировались воинские части. Они были хорошо укрыты, надо было ухитриться вычислить, где что, и уничтожить сразу всё.

В «Вагнере» не отдают приказов категорично, как в армии. Командир, ставя ротному задачу и осознавая её исключительную сложность, сказал так:

– «Укреп» надо ликвидировать. Как будешь действовать – твоё дело. Твои люди, твоя ответственность.

Решать задачи такого масштаба Игорю ещё не приходилось. Вернулся в роту, собрал командиров взводов и отделений, стали думать. Было решено идти группой 16 человек, заходить в «укреп» с фланга. Доложили командиру план предполагаемых действий, он одобрил. С небольшой оговоркой:

– Давайте... если сможете.

Связались с войсками Минобороны, запросили поддержку артиллерии. Прибыли «Грады», в нужное время в нужном месте проутюжили передний край ВСУ. Разведгруппа во главе с Игорем зашла в образовавшуюся брешь.

...Выход во вражеский тыл – работа специфическая, разведчики были предельно осторожны. Зашли с вечера, ночь отсиделись в каких-то развалинах, рано утром начали действовать. Передвигались скрытно, небольшими группами, сутки вели наблюдение: откуда и какие выезжают машины, как и в каком порядке перемещаются подразделения, где концентрируется личный состав...

– «Вэсэушники» нас не ждали, поэтому мы могли работать относительно спокойно, – рассказывает Игорь Юрьевич. – Они вообще почему-то следят только за фронтом, а тылом зачастую пренебрегают.

Самым главным было правильно вычислить склады, места дислокации личного состава, укрытия для техники, не пропустить ни одного важного объекта. Наблюдали парни и

дивились, сколько «добра» – ракет, снарядов и прочего – припасли в «укрепе»! И всё для них, «клятых москалей», и всё с любовью – от европейских гуманистов и американских миротворцев.

А на следующую ночь, разбившись на группы по два человека, всё заминировали. Надёжно, качественно и не вызвав подозрений охраны. Потом заминировали вероятные пути движения диверсионных групп ВСУ, которые пойдут по их следам, когда произойдёт подрыв. Начали отходить. И только когда находились уже недалеко от места перехода через линию фронта, дистанционно произвели подрыв.

Это была особая минута. Позади остались несколько бессонных суток тяжёлой, опасной работы, натянутых нервов, предельного напряжения сил, и весь этот гигантский труд осталось завершить лёгким нажатием кнопки... Зрелище было красивым: в отдалении встали столбы дыма и пламени, поднялись в небо и рассыпались в прах сотни тонн натовского железа. Это было возмездие – за гибнущих под обстрелами детей Донецка, за Мариуполь, за Белгород. Ради этой минуты стоило жить.

– Позже подтвердилось, что всё разведали и подорвали правильно, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Наше командование примерно подсчитало – одних «двухсотых» в «укрепе» оказалось более четырёх сотен, плюс человек триста раненых. С коптеров было видно, как их массово вывозили... А боеприпасы уничтожили все, детонация была бешеная. Потом туда вошли наши штурмовики, рассказывали – всё разворочено, везде искорёженная бронетехника...

Они сделали это, и всё, что было потом, казалось уже не таким важным. И то, что уже перед самым переходом через линию фронта пришлось вступить в бой и уничтожить настигнувшую их украинскую диверсионную группу. И то, что уже на своей территории их, измотанных операцией, встретила «дружественным огнём» какая-то не на своём месте оказавшаяся часть и с трудом удалось разобраться и избежать жертв... Укрепрайона, мешавшего продвижению наших войск, больше не существовало, штурмовики пошли дальше. Через несколько недель Артёмовск был взят.

А Игорю после этого рейда командир запретил ходить на задания.

– У тебя есть командиры взводов, отделений – это их работа. А ты должен руководить...

Р. С.

Свою очередную, донбасскую войну Игорь отвоевал, в 2023-м вернулся в Томск. Такие в «Вагнере» порядки: заканчивается контракт – человек едет домой и ждёт звонка с новым предложением. Звонка дождался, в апреле 2024-го уехал в новую командировку – в Центральноафриканскую Республику.

Между контрактами успел немного побыть с семьёй, отдохнуть, съездить на ежегодную альпиниаду «Байкальский спецназ». Поучаствовал в традиционном подъёме на пик Черского, где у мемориала бойцам спецназа они почтили память погибших товарищей.

– Туда съезжаются и ветераны, и спецназовцы действующие со всей России, – поделился впечатлениями Игорь Юрьевич. – Много было сибиряков, включая томичей и новосибирцев, многие, как я, приехали с семьями. Как известно, не все у нас однозначно поддерживают СВО, и я был, наверное, единственным, кто в открытую разгуливал с шевронами ЧВК «Вагнер», да ещё и с флагом. Но нигде не встречал никакого негатива. Наоборот, обратная реакция.

Они с парнями гуляли по Иркутску, подходили незнакомые прохожие, часто пожилые люди, спрашивали: «Вы из «Вагнера»? Какие вы молодцы! А можно с вами сфотографироваться?». Ребята, конечно, не отказывались. Это было от всего сердца...

Пожилые ещё помнят эпоху, когда ветераны говорили: «Прошёл Халхин-Гол, Финскую, Отечественную...». Теперь другие времена, сегодняшние ветераны говорят: «Был в Чечне, Сирии, на Донбассе...». География изменилась, но люди, которым обидно за державу, остались. И пока так будет, держава будет стоять.

Биографическая справка

Игорь Юрьевич Батрагареев родился в 1987 году в селе Тукай Зырянского района Томской области. Закончил сред-

нюю школу № 2 и профессиональное училище № 30 в селе Зырянском. В 2006–2008 годах проходил срочную, затем сверхсрочную службу на Камчатке. С 2008 по 2021 год – служба в спецподразделениях внутренних войск МВД и Росгвардии в Чечне, на Донбассе, в Сирии, Томске (Северске). В 2021-м закончил заочное отделение Томского государственного архитектурно-строительного университета, вышел на пенсию, работал в нефтесервисной компании. С 2022 – в рядах ЧВК «Вагнер», участник специальной военной операции на Донбассе. Член правления Томской региональной общественной организации «Ассоциация ветеранов разведки и спецназа», занимается военно-патриотическим воспитанием молодёжи.

Имеет награды: медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, «За отвагу», «Чёрный крест» (от ЧВК «Вагнер»), «За службу на Северном Кавказе», медаль Ермолова «За службу на Кавказе», «Патриот России» и другие.

Женат, воспитывает двух сыновей.

В свободное время увлекается охотой.

ОТЕЦ И СЫН

Очерк

Фильм «Чебурашка», очаровавший население страны от мала до велика, мне посмотреть не удалось. И таких, как я, – достаточно. Но этот пробел с лихвой, сам того не ожидая, компенсировал томич, боец СВО с позывным «Хирург». Большой – под два метра ростом, возрастной – уже под 50, он умудрился взбудоражить пол-России, став невольным инициатором распространения чебурашкомании.

«Крёстный» Чебурашки

...У «Хирурга» дочь – юная барышня. Раньше о таких говорили цитатой из «Кавказской пленницы»: красавица, спортсменка, комсомолка. Виктория – старшеклассница, живущая очень активной общественной жизнью. Председатель Детско-юношеского парламента. Девушка с характером. Но отец относится к ней, как к самой нежной и маленькой незабудке, которую лелеет и холит, где бы он ни находился. Получали бойцы-томичи в зоне СВО один из первых гуманитарных грузов из дома. Разгрузив доверху забытые всем необходимым на фронте фуры, уже прощаясь с земляками, «Хирург» вынул из кармана незатейливый брелок в виде озорного зайчишки:

– Вике моей передайте, пожалуйста.

И зайка «упрыгал» в далёкий Томск.

Прошло ещё немного времени. Перед вторым приездом томских волонтеров на фронт «Хирург» наведалься в близлежащий магазин в Донецке, где заранее присмотрел для своей Виктории плюшевого Чебурашку. Земляки доставили и этот «привет с фронта» строго по назначению. Надо было видеть глаза девушки в тот момент. Она буквально захлёбывалась от радости и счастья, особенно остро чувствуя родство душ и невероятную близость с отцом. Томские журналисты сняли об этом телесюжет, рассказали о Чебурашке с фронта в газетах и на интернет-площадках. И пошло, и поехало...

Чебурашка в одно мгновение превратился в талисман бойцов СВО. Сначала миниатюрные копии его рождались в руках мастериц Томской области, потом – Новосибирской, Псковской, Ленинградской... И зашагал «Чебурашка» с лёгкой руки томского «Хирурга» по всей стране, держа путь на фронт. Чебурашки-десантники, Чебурашки-казаки, Чебурашки-медики, Чебурашки-мотострелки...

У «крёстного отца» плюшевого талисмана такой тоже есть – получил в подарок от томских мастериц, когда в очередной приезд домой обходил волонтеров, вручая тортики признательности за помощь фронту. И «Пчёлка» не забыл, и «Народный фронт», и «Кулинарный взвод», и «Маскировку для своих» – всем низко в пояс поклонился. К мастерицам-рукодельницам у «Хирурга» особое отношение:

– Они чутко реагируют на потребности фронта. Подстраиваются под времена года, подбирая цвет маскировочных сетей, учитывают, где будет применяться маскировка – в лесополосе или на открытой местности, – охотно рассказывает он. – Для снайперов женщины делают малые сети, для техники – большие. А какие замечательные маскировочные костюмы «Леший» у них получаются!

Когда он заглянул с приветственным визитом на Тверскую, где обитают мастерицы, тут же получил в подарок «Лешего» нужного – 70-го – размера, а потом вдогонку «крёстному» Чебурашки томички передали целый набор маскировок и именной миниатюрный плюшевый талисман. Приладил он его на рюкзак.

А тут пишет: «Мой «ранен», глаза лишился...». Отвечаю: «Нового привезём». Он тут же отвечает: «Своих не бросаем! Повязку ему смастерил. А после войны новый глаз сделаю».

На то он и «Хирург»

На то он и «Хирург», чтобы латать. Правда, никакого отношения к медицине томич напрямую не имеет. Хотя как сказать... Когда в 90-х служил срочную службу на Дальнем Востоке, в его части оказались морские пехотинцы. Народ это беспокойный – сами на месте не сидят и другим не дают. Своего рода курсы тактической медицины для солдатиков

организовали. Скептически тогда на это смотрели рядовые и ефрейторы, но только не Сергей из Томска. Всё подмечал, всё запоминал. Это потом ему очень пригодилось, на второй чеченской. По контракту «Хирург» служил командиром группы захвата разведроты в одной из мотострелковых дивизий. Тогда на деле испытал, как орудовать степлером, чтобы зашить рану, как пользоваться скальпелем, шивными «принадлежностями»...

А сейчас эти знания и опыт далёкому от «белых халатов» человеку дают возможность до появления медиков оказывать квалифицированную первую медицинскую помощь своим пациентам. А позывной у него от серьёзного увлечения историей холодного оружия...

Местные на освобождённых территориях его обожают. Особенно детвора. Если томич проходит мимо, обязательно сунет одному шоколадку, другому – пакет сока, третьему – бутылку кока-колы... А если в сезон «дядя Хирург» встречает компанию побольше, то обязательно в местном магазине купит самый большой и самый сладкий арбуз (чуйка у него на это знатная) и с удовольствием покормит ребятишек. А вот бабули с «товарищем Хирургом» очень любят потолковать «за жизнь». И очень часто это разговоры не о войне, а о будущем, о далёкой Сибири, о настроении россиян.

– Или мне на людей везёт, или у нас подавляющее большинство не только открыты для общения, но и всегда готовы подставить плечо, поддержать, – философствует «Хирург». – В омской учебке я был командиром комендантского взвода. Главной своей задачей считал необходимость натаскать, подготовить к фронту «желторотиков», которые оружие-то только в кино и видели. Надо было научить пацанов, как «растяжку» обезвредить. Мне для этого нужны были подручные материалы. В одном из магазинов Омска, где снасти рыболовецкие продаются, набрал я для этого на три тысячи рублей крючков, лески... Протягиваю продавцу деньги, а он смеётся: «Сотенки хватит, по поверью. Остальное – для Победы». А когда в Ростове получали от земляков «уаз», шланг полетел. Так мужики в автосервисе бесплатно его поменяли. Благодаря этой «буханочке» быстренько при необходимости забираем

парней с позиций. Дроны опомниться не успевают – а нас уже и след простыл.

Слово мужчины

Есть среди нас люди, которым категорически поменять жизнь, повернувшись на 180 градусов, ничего не стоит – он из таких. Но это совсем не значит, что они порывисты и импульсивны. Они просто всегда честны перед собой: «слушают» сердце, «советуются» с головой и поступают, как считают нужным.

Поучившись в своё время в мореходном училище, он быстро понял, что это не его. И воду он поменял на... воздух. Закончил в Томске ПТУ и стал монтажником-высотником. В послужном списке Заполярье с его минус 60, Саяно-Шушенская ГЭС с её проблемами. Последнее место работы – слесарь АО «Газпром добыча Томск». Работа – в удовольствие. Прекрасная семья – с женой уже больше 22 лет, лапочка-дочка и сын. Вот он-то и стал поводом в очередной раз кардинально поменять жизнь.

Учился Максим в ТУСУРе на престижном направлении – компьютерная безопасность. Но после второго курса неожиданно для всех ушёл в армию, о службе в которой никогда и не помышлял. А уже через две недели, весной 2022-го, родители получили от него СМС – заключил контракт. Отец сразу всё понял... И пусть не юлит и не отпирается – сразу задумал встретиться с сыном.

А Максим в это время рвался в разведку – очень уж ему хотелось в один день с отцом – 5 ноября – праздновать День военного разведчика. Связь с ним то пропадала, то ненадолго восстанавливалась. Очередной раз замолчал надолго, и вдруг в семейном чате от него сообщение: «Если что – я вас люблю». Как потом выяснилось – в ту минуту он первый раз ушёл «за ленточку». Получив СМС, отец, всё мгновенно осознав, выронил из рук кружку с чаем... На связь Максим вышел только через полторы недели. Отец ему тут же выдал: «Еду к тебе. Что привезти?». У него как раз была перевахтовка, поэтому всё время уходило на сборы груза. Будущего «Хирурга» морально и материально серьёзно поддержала бригада. За во-

дительским сиденьем своей машины натянул сетку, чтобы как можно больше груза вошло. Жгуты, кровоостанавливающие препараты, системы для переливания крови, бинты... Да весь список заказанного с фронта займёт не один десяток строк.

– А чего тебе самому хочется, сынок? – допытывался Сергей.

– Мяса вяленого...

И среди груза на фронт оказалась свиная ножка...

Жена Людмила поставила категорическое условие – или она едет с ним, или он остаётся дома! С женщиной не поспоришь. «Летели» на Донбасс так, что дважды сотрудники ДПС готовы были лишить томича водительских прав за превышение скорости. Но, узнав, куда сибиряки так торопятся, желали счастливого пути. Трое суток они провели рядом с частью сына. В Томске ждала работа, но мысли о службе по контракту не покидали. Тогда-то у него с сыном и состоялся судьбоносный разговор. Парень, как и планировалось до СВО, поступает в военный вуз, а отец не помышляет о контракте. Но слово «мобилизация» в их диалоге не звучало. И как только в стране она была объявлена – отец «нарисовался» на пороге военкомата и буквально вытребовал себе повестку.

...А Максим к тому времени уже определился – поступил в Михайловскую артиллерийскую академию в Санкт-Петербурге. Так что оба договорённости свои честно соблюли. Командир части, где служил Максим, на прощание ему сказал: «Российской армии очень нужны толковые офицеры. Поэтому отправляю тебя учиться с большими надеждами...».

Яблоко от яблони...

«Хирург» – фигура на фронте легендарная. У него две заботы, – говорят все, кто его знает: – Победа и сохранение «молодняка», которому «деток рожать надо, жизни радоваться и строить эту жизнь». Томские волонтеры, регулярно бывающие в зоне СВО, считают своим талисманом обязательно если уж не обняться, то хотя бы рукой помахать «Хирургу» издали.

...В свой первый отпуск с фронта он, как всегда, был оригинальным. Написал своим, чтобы не теряли, что планируется

выезд на боевое задание. Поздравил 2 августа всех с Днём десантных войск, а 3-го звонит своему курсанту, который домой на каникулы приехал:

– Максим, не говори Вике, что я еду в отпуск.

И жену предупредил, чтобы молчала. А у Виктории была хлопотная пора – она в составе группы активистов собиралась в Анапу, где юным томичам предстояло защитить свои общественные проекты.

И вот 5 августа... «Хирург» в Москве купил доче очередную классную «плюшку» – забавного зайца, и летел домой. А Вика в это время уже подкатывала к аэропорту в Богашёво, чтобы улететь рейсом в Сочи. Он решил – после приземления в Томске у него будет немного времени до её рейса потискать свою любимицу, поговорить с ней.

– На рулёжке самолёта звоню жене, провожающей Вику, и прошу отправить дочь в кафе за какой-нибудь вкусностью, – смеясь, вспоминает «Хирург». – Смотрю – стоит в очереди. Сзади подхожу, и на ухо ей: «Девушка, зайчика не заберёте с собой?».

Понятное дело, что Виктория еле удержалась, чтобы от неожиданности в обморок не грохнуться – папа же на боевом задании. Слёзы, визг:

– Я никуда не лечу, остаюсь с папой.

И руководитель группы, и её товарищи по общественным делам решение девушки безоговорочно поддержали.

Яблоко от яблони далеко не падает... Это про их семью. То были славные для них деньки.

А потом у «Хирурга» начались боевые будни.

– Взвод наш, – признаётся он, – очень крепко сдружился. Именно сдружился. Я в это понятие вкладываю многое – работу, взаимопонимание, заботу, поддержку. И это несмотря на то, что все – крепкие, сильные духом, брутальные мужики. Но у нас не проходит и дня, чтобы мы добрым словом не вспомнили тех, кто думает о нас ежеминутно – о наших земляках. Гуманитарная помощь – это ведь не только сварочный аппарат, автомобиль, бензогенератор, медицинские принадлежности, маскировочные сети, сухие супы и ещё сотни позиций, получаемых нами в гуманитарных грузах. Это демонстрация еди-

нения фронта и тыла. Это ежесекундная поддержка нас, кто под пулями, теми, кто любит, молится и ждёт.

Вот такой он – «Хирург». Томич, отец, патриот и невероятный оптимист. И перед каждым из этих определений я с удовольствием добавляю слово – истинный. Истинный томич, истинный отец, истинный патриот.

О ЧЁМ МОЛЧАТ МУЖЧИНЫ

Каждый о своём – о самом главном

Очерк

Кто сказал, что планета Земля большая-пребольшая? Ну да, её площадь составляет больше 510 млн квадратных километров, а численность землян уже превысила 8 млрд человек... Однако это совсем не означает, что два единомышленника, два человека с очень похожими жизненными ценностями и родственными философиями, но находящиеся друг от друга в тысячах километров, не смогут в случае необходимости найти друг друга на раз-два.

Томич Алексей Лисицкий – человек самой что ни на есть мирной профессии – он занимается мебелью, а точнее, мебельными фасадами. То есть в его приоритетах – красота и комфорт во всех смыслах. Поэтому, когда 24 февраля 2022 года в новостных программах прошла информация о начале специальной военной операции, первая мысль его была о мирном населении...

Когда вылетает «птичка»

Мысль мелькнула, но не потерялась (как часто у каждого из нас случается) в лабиринтах больших и не очень проблем, забот, планов... Он человек, внимательно следящий за происходящим вокруг, и всегда был в курсе того, что творится в ЛНР и ДНР. Среди поставщиков информации у него был и Владлен Татарский, сначала с оружием воевавший в республиках, а позднее ставший военным корреспондентом. Интернет-площадки Владлена всегда привлекали внимание Алексея полной и реальностью фактов, взвешенностью рассуждений. Его

и выбрал Лисицкий как личного консультанта для реализации своих дальнейших планов. Списался с Татарским, выяснил, что в первую очередь необходимо местным жителям, в чём они прежде всего нуждаются. Продукты! Бизнесмен с 20-летним стажем, он оперативно составил план своих действий. Тащить гуманитарный груз из Сибири? Бесхозяйственность и расточительство, если сравнивать 4 тысячи километров и 200 километров. Поэтому решил закупить всё необходимое на оптовой базе в Ростове-на-Дону и доставить в Мариуполь. Всё получилось, как он задумал.

Именно в то время Лисицкий оброс знакомствами в зоне СВО. И уже общался с Татарским как со старым добрым знакомым. В мае он всюду занимался сбором средств на первую техническую поддержку наших военных. Многие коллеги по бизнесу из разных городов отозвались на его инициативу. Оратор-пропагандист он никакой. Но нашёл для каждого пару-тройку таких слов, что коллеги по работе после них стали его соратниками. Пять квадрокоптеров уже в начале июня отправили на фронт. Адресатами по наводке военкора Татарского стали в том числе бойцы отряда специального назначения «Ермак», сформированного из казаков. Это сейчас Лисицкий спокойно переходит любую границу, с лёгкостью преодолевает любой КПП и любой дозор на дорогах (чуть позже поясню, почему). А в начале СВО провезти «птичку», как окрестили россияне коптеры, на приграничные территории, а тем более в зону боевых действий, было делом архисложным. Можно было зависнуть на таможне на пять-семь часов. Пока всё будет рассмотрено, каждая буква в документе проверена...

В той июньской экспедиции он очень хотел пообщаться с Владленом лично. Но не получилось – военкор был в отъезде, но за три коптера, привезённые воюющим друзьям Татарского, благодарил сибиряка горячо и искренне. А недавно Владлен был предательски убит в одном из питерских кафе во время своего творческого вечера. Алексей постоянно жалеет, что ему так и не удалось крепко пожать руку тому, кто, по сути, стал его крёстным, человеком, поддержавшим гуманитарную деятельность незнакомца из Томска.

Волшебные корочки

Разрушенные города и посёлки, страх в глазах людей – июньские картинки отпечатались у Алексея в памяти на всю жизнь.

– «Экскурсия» на «Азовсталь» потрясла, – признаётся Лисицкий. – Такие жуткие, тотальные разрушения мы видели только в документальном кино давно минувших дней. Я всю обратную дорогу домой приходил в себя от увиденного. Собаки-людоеды в разрушенных населённых пунктах – это не кадры из фильма ужасов... Фронт громыхал совсем рядом, и происходящее вокруг мало походило на реальность. В те моменты я окончательно осознал, что до конца этого кровопролитного противостояния буду рядом с нашими людьми – мирным населением и военными. Но для себя определил – необдуманная, невостребованная в республиках и на фронте помощь – это не столько деньги на ветер, сколько палки в колёса тех, кто сейчас там отстаивает интересы нашего единого государства.

С тех пор вся гуманитарная помощь, которую так или иначе оказывает Алексей, адресная, точечная и совершенно необходимая в зоне СВО. Познакомившись с реальными бойцами, их командирами из «Каскада» (оперативно-боевое тактическое формирование МВД ДНР), он понял, что фронту очень нужны автомобили. Поднял на ноги и томское предпринимательское сообщество, и коллег в других российских городах. Будучи членом совета Томского отделения «Опоры России», привлёк к решению проблемы товарищей по организации.

Как на работу, ездит руководитель компании «Томские мебельные фасады» туда, где очень горячо. Второй большой экспедицией томского бизнесмена в зону СВО стала поездка в августе 2022-го. В узком кругу её называли «на колёсах». Бронированный пикап «Мицубиси» в той комплектации, которая требовалась, Алексей нашёл в Уфе, и до места назначения машина шла своим ходом. В Ростове к Лисицкому присоединились томский сенатор Владимир Кравченко и руководитель Томского отделения «Опоры России» Сергей Кухальский. Мало того что во время той поездки Алексей Сергеевич испытал чувство истинной гордости за тех, кто участвовал в сборе

средств на машину (бойцы не стеснялись в признаниях: «Эти колёса – спасённые жизни десятков наших товарищей»), так томичи умудрились ещё встретиться с главой ДНР Денисом Пушилиным и обсудить с ним механизмы взаимодействия бизнеса Томской области и Донбасса. И даже побывали на восстановленной святыне – у памятника «Саур-Могила».

– Меня очень вдохновило то, что, несмотря на происходящее вокруг – взрывы, разруху, – местное население глубоко чтит память героев прежних лет, – говорит Лисицкий. – Когда у людей с исторической памятью всё хорошо, то у такого народа всегда есть будущее.

Именно та поездка, знакомство с Владимиром Кравченко впоследствии принесли томичам, сопровождающим на фронт гуманитарные грузы, огромную пользу. Алексей Лисицкий получил от сенатора удостоверение помощника. Лично была свидетелем ситуации, когда в городке Счастье в Луганской области в жуткой темноте мы колесили по улицам в поисках места встречи с десантниками, чтобы передать предназначенный для них груз. Водители изрядно нервничали – с минуты на минуту должен был начаться комендантский час, и тогда будущее всей нашей компании было бы весьма и весьма тревожным.

– Не беспокойтесь, ребята, – спокойно сказал Лисицкий. – У нас оберег от самого сенатора РФ – волшебные корочки.

И ведь правда, эти корочки всегда и везде срабатывали.

А машин во многом благодаря Алексею и томскому «Народному фронту» в зону СВО отправлено уже четыре. И не металллом, не ржавое железо – бронированные и уже проявившие себя в деле «бойцы».

Каляка-маляка для рядового

Как удивительно складно у некоторых молчунов получается склонить большое количество людей в ряды своих единомышленников. Один из сотрудников компании Алексея ушёл на фронт добровольцем в томский отряд «Тоян». Лисицкий объявил сбор денег среди сотрудников, знакомых, родственников солдата. Пять миллионов народных, как говорит Алексей Сергеевич, денег были потрачены на рации, аккумулято-

ры, керосиновые обогреватели, специальные технические средства целенаправленно для тояновцев. С его предприятия сейчас на фронте девять человек. О каждом помнит. Каждому стремится помочь, поддержать.

У него и в семье подобная атмосфера. Жена и трое сыновей уверены, что такое отношение, как у отца, к происходящему в стране – единственно верное, что такое поведение, как у отца, – единственно честное. Средний сын Миша в одной из поездов составил ему компанию. На всю жизнь запомнит парень те мартовские каникулы. Вернулся в Томск совсем иным человеком, насмотревшимся, наслушавшимся правды жизни.

– В 14 лет человек уже вполне может делать самостоятельные выводы, – считает Алексей. – Надеюсь, что эти выводы совпадут с моим мировоззрением.

Перед каждой командировкой в зону СВО Алексей получает от своей тёщи, Ольги Александровны Матовой, директора детского клуба «Звёздочка», пакет с рисунками для бойцов. И считает эту посылку на фронт очень и очень важной:

– Надо видеть лица ребят! – улыбается Лисицкий. – И мужики в возрасте, и совсем юные солдатики каждый рисунок, каждое детское письмо, каждую ребячью каляку-маляку воспринимают как весточку из родного дома, из родного города. Весточку лично для него.

...У Алексея Сергеевича в сутках куда больше часов, чем у многих из нас. Огромная работа в «Народном фронте» в гуманитарном секторе никак не отражается на бурной производственной жизни. Мебельные фасады от его мастеров пользуются невероятным спросом – качественные, красивые, оперативно выполненные, они разлетаются по всей России. Сейчас груз от предприятия уходит в Москву, во Владивосток, в Краснодар... Востребованность томских фасадов говорит о многом. А ему опять неймётся – в ближайшее время улетает в Стамбул – станочек интересный для своего производства присмотрел. А после этого – снова дорога в Донбасс, с очень необходимыми грузами для фронта, для Победы.

* * *

Практически четверо суток провела я в Донецкой Народ-

ной Республике бок о бок с Алексеем Лисицким, но вызвать на откровенность, разговаривать его было очень сложно. Он больше молчал и постоянно о чём-то напряжённо думал. И всё же разговорила. Теперь я знаю, о чём молчат настоящие мужчины...

МАРИУПОЛЬ. МАЙ 23 ГОДА

Путевые заметки

На литературном фестивале «Звёзды над Донбассом» я побывал дважды. В первый раз – ещё до СВО, в Донецке, и тогда меня приняли там в Союз писателей ДНР. Никогда не стремился ни в какие «союзы», но, проникшись невероятной «русскостью» жителей осаждённого Донецка, воспринял это как честь. И на следующий год на фестиваль «ЗНД» прибыл уже в освобождённый Мариуполь...

Разрушенный город активно восстанавливается, строится. На окраинах возводятся целые новые районы, а в центре чуть ли не в каждом повреждённом строении кипят ремонтные работы. Чинятся и дороги, приведённые в негодность гусеницами танков и взрывами снарядов. И невооружённым взглядом виден настоящий «беби-бум»: молодые женщины с колясками идут буквально толпой. Значит, есть у этого города будущее.

И всё же объём разрушений удручает. Что касается завода «Азовсталь», то это просто руины, вряд ли из этой гигантской кучи бетонных обломков можно будет что-то восстановить.

Когда на «экскурсии» к «Азовстали» один из участников пошёл ради эффектного снимка внутрь, его заставили замереть и потихоньку вернуться: руины ещё не разминированы. То же и с обочинами дорог вдоль всей линии фронта. Заходить туда нельзя, можно подорваться. И нельзя пользоваться российскими симками телефонов. На большое скопление сигналов от таких симок может прилететь снаряд. И нельзя на машине ехать медленнее 160 – подстрелят.

Показательно, что открытие фестиваля проходило в новеньком, только что отстроенном здании спортивно-культурного центра мариупольского университета. И это было первое мероприятие в этом новом красивом здании. На открытии я вручил ректору университета Ларисе Анатольевне Сиволап выполненную группой томских журналистов роскошную книгу «Годы, опалённые войной». Руководитель этого проекта Ольга Сулакшина подписала книгу так: «Жителям ЛДНР от

братьев и сестёр из Томска. Надеемся, вы когда-нибудь издадите такую же книгу о сегодняшних днях».

О ректоре рассказали, что эта мужественная женщина в дни боёв не только не покинула город, но и всячески помогала сотрудникам не падать духом. А когда российские войска вошли в город, собрала сотрудников у обломков главного корпуса и сказала: «Университет имени Архипа Ивановича Куинджи жить будет!». Имя университету она присвоила по собственной инициативе, без указки и даже без согласования сверху. Этим именем она хотела раз и навсегда подчеркнуть: мариупольский университет – русский.

После открытия фестиваля ко мне подошла пожилая женщина, представилась: Нина Ивановна Воеводина. Подошла, потому что сама она – бывшая томичка, жила на Киевской, возле главного корпуса пединститута. Сюда приехала с мужем после замужества, многие годы работала на кафедре иностранных языков университета по специализации «немецкий язык».

Я спросил у неё, как она перенесла боевые действия. Она рассказала, что месяц они с сыном просидели в подвале. Там было по колено холодной воды. Сын обморозил ноги. Началась гангрена. Ноги ампутировали, но сын умер всё равно. Она заплакала. Честно говоря, заплакал и я. Потом спросил напрямую: «И как вы теперь относитесь к России?». Она сказала так: «Я ждала россиян. Но если бы я знала, как будет тяжело, как будут долго идти бои, что я потеряю сына... Но то, что вы здесь – всё равно радость...».

Я спросил ещё, в равной ли степени виновны русские и украинские войска в разрушениях, она ответила, что, конечно, нет. Выбивая ВСУ, русские нанесли зданиям немало разрушений. Но украинцы, покидая город, взрывали дома специально. Взорвали, например, все корпуса университета, взорвали церковь возле её дома...

Три последующих дня фестиваля я в составе «агитбригад» с поэтами и музыкантами выезжал к местам воинских расположений, пел свои и битловские песни. Принимали на ура, радовались нам, после концертов подходили, спрашивали, где можно послушать ещё, где почитать мои книги. Отправлял электронные версии. Почти все на подъёме.

В Докучаевске зашли в магазинчик купить чего-нибудь перекусить, и я разговорился с продавщицей. Спросил, как она относится к происходящему. Она сказала: «Лично у меня вопросов не возникало. У меня брат живёт в Калининграде, городе, когда-то принадлежавшем фашистской Германии. И мне понравилась мысль, что и я буду жить на освобождённой территории». Я спросил, все ли так относятся к СВО, она ответила, что нет, не все. Особенно среди подростков есть немало воспитанных в ненависти ко всему русскому. Некоторые даже считают удалю снимать на телефон машины с русскими номерами и передавать ВСУ. Наводить удары.

Ещё одна интересная беседа состоялась у меня во время прощального банкета. Вышел подышать воздухом и заметил на открытой веранде группку местных. Подошёл, разговорились. Молодой парень, Сергей, рассказал: «Когда начались бои, сначала было очень страшно. Мы с женой и детьми сидели при погашенном свете на пятом этаже, и за них я, конечно, боялся больше, чем за себя. И ещё корил себя, что вовремя не вывез их из города, и думал: если что случится, я себе этого не прощу...». Но шло время, и я начал чувствовать, что как будто бы покрываюсь какой-то скорлупой. Грохот казался всё тише... И через некоторое время мы начали жить как жили. Не шарахались, не пригибались уже, занимались своими делами, как будто ничего не происходит. Прятаться было бесполезно... Но, слава богу, пронесло. Мои все живы и здоровы». Я спросил, как он вообще относится к СВО. Он ответил так: «С точки зрения поесть и одеться – вроде и нормально жили. Но доставало то, что нас всё сильнее заставляли забыть о том, кто мы есть. Ну вот как реагировать, когда дочка, она в третьем классе, пришла домой и рассказывает: «Сегодня нам на уроке задали перелистать все учебники и везде зачеркнуть слово «Россия». Нет такого слова»... Я сам русский, но родился тут и прекрасно знаю украинский язык, но они его всё усложняют и усложняют, вставляют молдавские слова, даже венгерские. Дочка пишет диктант, показывает, я читаю и не понимаю, что написано... Идиотизм, короче».

В поездках в «агитбригадах» нас сопровождал молодой офицер Глеб. Когда после выступления в Горловке мы зашли

перекусить в кофейню, случилась трогательная ситуация. Все выпили свой кофе, встали из-за стола, и я сказал Глебу: «Забери своё пирожное». Он удивился: «А оно не ваше? Я не брал пирожное». Отозвалась девушка из-за стойки: «Берите, берите, это я вам положила».

Её никто не просил, она никого не боялась. Просто ей захотелось сделать что-то хорошее русскому солдату.

А закончить эти свои заметки я хочу стихотворением Дмитрия Артиса – поэта, бойца СВО, с которым познакомился на фестивале «Звёзды над Донбассом».

Я здесь, и мысли о тебе
наполнены любовью.
Жую простуду на губе
и сплёвываю кровью.

Смотрю, процеживая мрак,
и слепну от пожарищ.
Лицом к лицу заклятый враг,
плечом к плечу – товарищ.

Ты с нами, мы в одном строю,
ты тоже месишь глину.
Я грудью за тебя стою,
ты – прикрываешь спину.

Мороз нахлынувшей зимы
и жар лихой години...
Ты тоже здесь и, значит, мы
никем непобедимы.

По Ф. Тютчеву

Не будет нам покоя.
Не да-дут!
То там, то тут
среди вселенской
дряни
припомнят и недобро
помянут,
что слово «слава» –
то же, что
«славяне».

Наглость

Возмездье настигнет карателей.
И как ни петляй, ни коси –
не быть государству предателей
в пространстве Великой Руси.

С кровавою наглостью, счастливо,
недолго скакать и плясать.
И друзьям придётся опасливо
хвосты и губёнки поджать.

Европа теперь рода среднего...
Европо придётся принять...
Война до фашиста последнего...
Иначе воскреснут опять...

Возмездие встретит карателей.
И как ни петляй, ни коси –
не быть государству предателей
в пространстве Великой Руси.

* * *

Нет на войнах сладости.
Не на то рассчитаны...
Фронтовые радости
горечью пропитаны.
Божие участие
не считай везеньем.
Фронтовое счастье –
лёгкое раненье...

Взгляд

Не успеваю удивиться,
в суть не проникнув до конца...
Разнятся, на похожих лицах,
глаза солдата и бойца...

У всех, кто боль возненавидел,
глаза с восторгом не искрят.
Кто смерть в лицо, в бою, увидел –
совсем иной имеет взгляд.

Вежливые люди

Грозили
и будут грозить снова ей,
кипя подлой злобой без меры...
Но счастлив я – есть у России моей
учтивость её офицеров...

И Марковский полк,
и Корниловский полк
своё продолжают движение...
И так получилось,
что смысл был и толк
в трагедии и в пораженье...

Слетели
ошмётки бесславных идей.
Лишь верность прошла твёрдым шагом.
Крым вежливых снова увидел людей
под славным Андреевским флагом.

А их бесполезно азам научать,
и мерзость внушать бесполезно.
«Простите»... «Позвольте»...
«Извольте молчать»...
«Прощайте» и «Будьте любезны»...

Я смею надеяться, время пришло
смахнуть привнесённую скверну...
И с хамством соседей вселенское зло
Россией прочитано верно...

Уже заместил современный парад
потрёпанной хроники кадры...
И вежливо-грозно над рейдом парят
брейд-вымпелы Русской эскадры.

Другие

Даст Бог,
и скоро мы
обнимем
тех,
с кем
несчётно раз
прощаемся...
Мы на войну
идём одними...
Всегда другими
возвращаемся.

И обретаем мы
нежданно

до жути
горькие
прозрения...
И осознание,
нежеланное,
потерь, ранений
и везения.

А время
По живому рубит.
Признанья дарит
запоздавшие...
И рады нам
те, кто нас любит,
и опасаются
не ждавшие...

Нет тяги
смысл искать
в экстриме
и не сказать –
«за жизнь
цепляемся»...
Мы на войну
идём одними,
всегда иными
возвращаемся.

АГИТБРИГАДА

Фронтвой очерк

Перед командировкой в зону СВОхватило чувство тревожного ожидания и такой же тревожной готовности ко всему, что может случиться. Столь знакомое мужчинам, служившим в армии... Для новобранцев – часто первый, настоящий опыт преодоления страха неизвестности... За время службы не один раз это может повториться, при переводе из одной воинской части в другую. Прямо скажу, не очень приятное солдатское

чувство, определяющее неустойчивое состояние души... Когда рождается истинное осознание, что судьба и сама жизнь тебе не принадлежат. Именно по этой причине в некоторых профессиях служба в армии является обязательной составляющей биографии и признаком профессиональной пригодности.

– Вылетаете девятого августа военным бортом из Чкаловска. От Союза писателей вместе с тобой летит поэт – Ольга Хмара, – кратко, по-военному, конкретизирует по телефону детали председатель союза Николай Фёдорович Иванов.

Дальнейшая конкретика поражает серьёзностью подхода. Выясняется, что командировку осуществляет Министерство обороны, в свою очередь выполняя поручение ещё более высокой инстанции. На пути в Москву от военного куратора подполковника Голубцова получаю списочный состав группы. Взглядом упираюсь в фамилию Драпеко... Елена Григорьевна. Та самая Лиза Бричкина из «А зори здесь тихие» Станислава Ростоцкого. Любимая и для меня, и для многих актриса. Депутат Государственной Думы многих созывов. Заглавие документа и вовсе повергает в изумление – агитбригада. Быть того не может! Сколько программ агитбригад как режиссёр я поставил в своей жизни – не сосчитать. Полагал, что сам жанр исчез вместе с СССР и с руководящей ролью коммунистической партии. И вот на тебе – агитбригада. Всё правильно. Фронтová концертная бригада, по сути, и есть агитбригада. Теперь кроме артистов в неё входят – вместо политработника – политолог и военный эксперт.

На КПП аэродрома встречает подполковник Голубцов. Константин Александрович представляет нас друг другу. Знакомимся. Хотя с Ольгой Хмарой уже созванивались. Даже детали выступлений обговорили. Ольга тоже поющая... Условились, что в роли аккомпаниатора отработаю я. Дело для меня привычное и хорошо знакомое. Актриса Театра Александра Калягина Анна Артамонова, тоже с гитарой.

– А Драпеко разве не летит? – интересуется Анна.

– Она сюда, как домой, ездит. К центральному входу аэродрома, как к своему подъезду, подъезжает, – поясняет ветеран боевых действий и наш военный эксперт, полковник Борис Александрович Сметанин.

Политолог Константин Блохин улыбается. Он почти всегда улыбается. Но назвать его человеком улыбочивым нельзя. Слишком немногословный для своей профессии Константин Владимирович отличается умением органично молчать, выражая театральную лексику.

Смешанный авиаполк, за КПП, встречает аллеей с бюстами героев, в разные годы служивших в части. Минуем взлетающий с постамента «МиГ-21». Проходим дальше, к зданию аэродрома. В отремонтированном по современным стандартам огромном здании накапливается народ... Кроме военнослужащих самых различных родов войск – представители Единой России, волонтеры Народного фронта. Гражданские специалисты... И военные, и гражданские, все – особые люди... Оказывается, в обществе достаточно давно существует целый социальный пласт, с которым никогда прежде не пересекался. Многие знакомы по многочисленным в последние годы горячим точкам. От Афганистана и Кавказа до Сирии и Донбасса. Нужно вспомнить и Югославию. Обнимаются, целуются. Искренне рады встрече друг с другом. Здесь же молодёжная рок-группа, вылетающая нашим бортом. Невольно привлекает взгляд мощный, мужественный облик военного корреспондента медиа-холдинга «Комсомольская правда» Дмитрия Стешина. Впервые вижу его не в репортаже с телеэкрана. Куда кто летит, надо разбираться. А пока почти все считают обязательным подойти к только что прибывшей Елене Григорьевне. Тот случай, когда надо держаться ближе не к кухне, а к начальству. Тем более, что никакой кухни или кафе на военных аэродромах не предусмотрено. Поэтому первое, что тебе говорят, – это то, что нужно брать с собой еду и больше воды. Вода при боевых действиях – продукт стратегический. Куда бы ни ехал, воды берёшь максимально больше. Не выпьешь – оставишь тому, кому она может пригодиться.

Черета «сюрпризов» продолжается. Выясняется, что вылетаем не в Донецк, а в Белгород. Вообще-то я намеревался лететь на Донбасс...

Эмоциональная, как и положено настоящей актрисе, Анна Артамонова тоже сетует, жалуется Елене Григорьевне:

– Я на Донбасс собралась. А Западная группа войск – это же не Донецк.

– Война – везде война. Навоюешься ещё, деточка, – утешает её Драпеко.

Мудрая Елена Григорьевна знает, что говорить ребёнку. Хотя у деточки, как выясняется, четверо своих детей.

Совершенно этим не бравидуя, Анна, высокая, стройная, похожая на молодую Ирину Алфёрову, позже, из концерта в концерт, достаточно обыденно будет объявлять:

– Конечно, прежде всего я – мама.

Облик Анны у зрителя плохо ассоциируется с общепринятым обликом многодетной мамы.

Военный борт – советский «Ту-154», на памяти которого, наверно, рейсы ещё в Афганистан. Отличие от гражданского – экипаж, состоящий из военных лётчиков. По-прежнему надёжная, боевая машина. Разве только приспособление для отстреливания тепловых ловушек отсутствует. Вряд ли такая износостойкость присуща заполнившему воздушное пространство России гражданским «боингам».

Уже в самолёте очередной сюрприз... Будем работать вместе с концертно-эстрадной группой Краснознамённого ансамбля песни и пляски Российской армии имени Александрова. Из этого следует, что полуторачасовое выступление нашей бригады нужно нещадно сокращать. Казалось бы, простое дело, если бы не самодостаточность участников, каждый из которых привычно способен работать сольно. Да ещё и с разными программами. Недоумеваем, но понимаем и то, что исполнительский уровень военных музыкантов таков, что их творческая самодостаточность самого высокого уровня. Причины столь необычного состава объединённой концертной бригады станут понятны позже. А пока ясно только то, что александровцы уже в Белгороде. И первое наше совместное выступление завтра. В одном из госпиталей.

Маршрут, как выясняется, более чем просто путаный. В первой половине: Москва – Ростов на Дону – Анапа – Севастополь... Точнее – Бельбек. Перед конечным пунктом снова – Ростов. В полёте по расположению солнца в иллюминаторах лайнера становится понятно, что борт делает большой крюк,

облетая стороной Донбасс, с учётом радиуса действия вражеских ракет «земля – воздух»... Достаточно очевидна причина закрытия воздушного пространства юга России для гражданских самолётов.

Чёрное море пролетает под крыльями лайнера, как личные воспоминания о детстве и отрочестве. Меньше чем за час. В Бельбеке командир борта снова берёт на себя функции стюардессы:

– Упаси вас Боже что-то снимать. Дело будете иметь с ФСБ. А главное, если чей-то бортовой номер засветите, – людей под удар подставите. – За бортом плюс тридцать пять... Ветер семнадцать метров в секунду. По трапу спускаемся аккуратно. Иначе самостоятельно взлететь можете...

Но все предупреждения скорее формальность. Большинство пассажиров люди бывалые и без указаний знают, что можно делать, а чего делать не следует. Дует «моряк». При такой температуре и таком ветре влага из тела вылетает в пять минут. Не зря было говорено не раз: «Берите с собой больше воды».

Во время перекура кто-то угощает «трофейными» украинскими «Marlboro». Несмотря на красно-белую раскраску пачки, к настоящим они имеют мало отношения из-за неистребимого махорочного привкуса. И такой же махорочного свойства надписи: «Куріння небезпечно для вашого здоров'я».

Наш борт заправляется. Выгружается московская рок-группа. Музыкантам предстоят концерты в воинских частях и в госпиталях Севастополя.

– «Музыканты» из ЧВК Вагнера любопытно выгружаются, – замечает подполковник Голубцов. Из серии «всё своё ношу с собой». Баулы, баулы, баулы...

Вместе с ним отслеживаем, чтоб не выгрузили по ошибке ничего нашего. В Ростове группа военных связистов вместе со своим оборудованием намеревалась выгрузить мою гитару. В армии за всем нужен глаз да глаз. Бросаются в глаза вооружённые укороченными автоматами рослые и мускулистые военные, загружающие в крытый грузовик почтовые отправления. Из рук в руки, по цепочке бросают друг другу увесистые пакеты.

– Форму выгружают, – профессионально определяет наш полковник Сметанин.

– Не знай, что это почтальоны, их можно было принять за представителей спецназа, – замечаю я.

– Они и есть спецназ. Это фельдъегерская почта, – поясняет Голубцов.

На всех аэродромах, где доводится побывать, идёт непрекращающаяся боевая работа. Боевые машины нигде не застаиваются. Где-то неспешно выруливают на взлётку «К-52», где-то сразу поднимаются вверх военно-транспортные ми-восемь. Дожидаются сотоварищей и берут курс, когда на северо-восток-восток, когда на запад истребители и штурмовики. В начале взлётной полосы и в её конце всех встречают и провожают бдительные ЗРК «Тор».

Только поздним вечером, после двенадцати часов перелёта с посадками и дозаправкой, мы оказались там, где нам следует быть... В Белгороде.

Утро следующего дня и первое выступление.

– Когда впервые прилетели в Афганистан, – рассказывает и напутствует перед началом концерта Елена Григорьевна, – пришлось сразу же выступать перед батальоном, только что выведенным из боя. Для большинства солдат бой был первый... Тут тебе и погибшие сослуживцы, и ранения, тяжёлые и лёгкие, и контузии, и глухота после пальбы своей и чужой... Все грязные, в копоти, ошалевшие после боя... Им чтоб прийти в человеческое состояние, нужно проплакаться, а лучше, если не помяться, то хотя бы улыбнуться.

Первое в моей жизни выступление, когда я поклонился не в конце концертного номера, а в начале выступления... Так и сказал:

– Хочу поклониться вам, ребята, за ваш тяжкий труд...

Раненые – особая категория зрителей. Они точно инопланетяне... Пришельцы из другого мира. И это читается в манере держаться. Люди воевавшие и без того, как правило, немногословные и сдержанные. Люди, обогащённые горьким фронтовым опытом боевого ранения, сплошь и рядом вовсе молчуны. Они знают о жизни и смерти больше других. Раненые в полном смысле – люди «не от мира сего»... А бо-

евое ранение не тот житейский опыт, которым хочется делиться...

Все одеты по гражданке. Жара к тому же. Летние брюки и шорты. Футболки. Кроссовки, шлёпанцы. Позже, уже в другом госпитале, бросается в глаза любопытная деталь – некоторые бойцы носят на поясе ножи. Можно увидеть самые разные, от специальных ножей разведчиков до охотничьих. В принципе, ничего удивительного. С одной стороны, указывает на принадлежность владельца к спецназу или к разведке. А с другой стороны – особенность этой войны. Экипировку и часть вооружения можно отнести к личным вещам. А для кого-то – это дорогой подарок и талисман, не подлежащий сдаче в камеру хранения. Потом, у кого-то есть наградное оружие. Хотя, вероятно, этот вопрос целиком на рассмотрении администрации госпиталя. Не каждому раненому можно оставить какое бы то ни было вооружение. Даже холодное. Ветераны смотрят снисходительно.

– И мы такими были...

– Я уже ничему не удивляюсь. У меня это третья война, – говорит Елена Григорьевна.

– У меня четвёртая, – замечает легкораненый лет сорока.

– Милый мой, да когда же ты успел? – восклицает актриса и депутат.

Пожимает плечами:

– Успел...

Перед первым концертом александровцы недоумевают не меньше нашего. Действительно, зачем объединять в одно выступление два исполнительских коллектива? Упрёки адресуются представителю областной администрации, представившей Марию.

– Не лучше ли было бы развести два коллектива по разным сценическим площадкам?

Ничтоже сумняшеся молодой чиновник равняет двух полковников и подполковника. Не сказать, что военные рады такому обороту дел, но Мария непреклонна. Причина столь странного подхода к организации выступлений проясняется. Ансамбль Российской армии – слишком лакомая цель для вражеских РДГ и артиллерии, чтобы отдельно афишировать

их выступления. А так – агитбригада и агитбригада... Все всё поняли. Антидиверсионной борьбой в Белгороде озадачены не только воинские части и госпитали, но и гражданская администрация области.

Ансамбль Александрова – ансамбль, выступавший в годы Великой Отечественной перед дедами и прадедами нынешних бойцов. И преемственность ощущается на подсознательном уровне... О выступлениях коллектива нужно писать отдельный очерк. В данной ситуации автору приходится ограничивать себя. Каждый концертный номер, как и положено, – законченное произведение искусства. Режиссёрски программа выстроена безупречно. Жанрово не хватает танцев. Но это не критично. С ансамблем выступают актёры Театра Российской Армии и три эстрадные солистки. Среди них заслуженная артистка России Татьяна Дерябкина. Век живи – век учись. Как режиссёр понимаю, что во фронтовой бригаде обязательно присутствие женщин. Любого возраста. Для кого-то женщина – по возрасту – подруга, для кого-то сестра, для кого-то мать. Может быть даже бабушкой. От лица родных и любимых актрисы и эстрадные певицы обращаются со сцены к самым дорогим своим зрителям и слушателям. Это всегда желанные артисты. Высказав, что положено как депутату, Елена Григорьевна возвращается к профессии. Но прежде этого любимая, истинно народная актриса традиционно спрашивает:

– О войне будем говорить? Или о любви?

При упоминании войны по залу, или по открытой площадке, будь то госпиталь или воинская часть, или при выступлении перед мирными, и сейчас, и потом будет проходить лёгкий гул. С тем подтекстом, что «пошла она, эта война»...

У меня начинает складываться новая песня:

Разметал птах
огонь во все стороны
и одни только
каркают вороны...
Да, бывает,
зарядом усиленным

дальнобойное
ухает филином...
Спой
заветную песню,
соловушка,
чтоб моя не поникла
головушка.
Спой
любимую
песенку мне.
На войне –
не поют о войне...

Но всё же спел под гитару песню «Рассказ Автомата Калашникова». Всё по делу... Но тут же пою о любви... «Мне снилась женщина» и «Русский мотив», поверх минусовки. Гитару для песен позже возьму в руки только один раз. А пока аккомпанирую Ольге. Насколько талантливая, настолько по-женски привлекательная, Ольга тоже корректирует свою программу. В следующих выступлениях петь она больше не будет. Из тех соображений, что чисто поэтическое слово из её уст более уместно. К тому же не стоит дублировать Анну. Не могу сдерживать добрую улыбку, глядя на наших девчонок. Если Анна похожа на Ирину Алфёрову, то у Ольги внешняя схожесть с певицей Валерией. Звёзды – одно слово. К тому же выясняется, что Ольга прекрасно двигается, присоединившись к танцующим медицинским работникам, которым александровцы, давние их знакомые, посвящают отдельный номер. А что до Анны, её пение далеко не актёрское, чего, казалось бы, следовало ожидать. Кроме того, что она актриса, она вполне себе самодостаточная вокалистка. К тому же весьма прилично владеет гитарой.

«Рвутся на фронт», – расхожая фраза. Скорее, штамп. Раненые рвутся в бой достаточно обыденно. Буднично и просто готовятся к тому, чтобы вернуться в строй. И вся гамма переживаний сводится к простому и житейскому: «Как там пацаны?». В одном из госпиталей женщины разговорили раненного в

руку молоденького парнишку. Танкисты вообще не отличаются большим ростом. Этот к тому же – внешне подросток. Невысокий. Худой. На передок парень именно рвётся. Оказывается, воюет вместе с братом. На контракт пошли сразу со срочной. Сдаётся мне, нужно выразить благодарность их командирам, разведшим двух братьев, как я понял, по разным экипажам. Были бы в одном – неизвестно, как сложилась бы их судьба. А так... Один воюет, а другой рвётся на фронт. К брату и к пацанам... К братьям по оружию.

В другом госпитале ещё несколько молодых бойцов, недавно отслуживших срочную. Совсем мальчишки.

– А вы, правда, контрактники? – с сомнением интересуется Ольга.

Жена офицера, она крайне чувствительна к этой теме.

– Правда. Мы со срочной сразу на контракт пошли, – разъясняет за себя и за товарища боец.

Кажется, одного из них, уже в ноябре месяце, вижу по телевизору. Герой получает награду. Хотя, конечно, могу ошибаться.

Нельзя не сказать о военных врачах. К тому же на прифронтовой территории и гражданские врачи – уже не совсем гражданские. И если фронтовики немногословны, то военврачей можно считать людьми крайне замкнутыми и сдержанными. Невольно отмечаешь сходство со священнослужителями. Они точно посредники между Всевышним и человеком. Их жизненные знания таковы, что выносить их из зоны боевых действий нельзя. Они сразу попадают в категорию знаний тайных. А это насколько ответственный, настолько и тяжёлый груз для носителей такой информации... Возьму на себя смелость утверждать, что военные врачи, как и вся отечественная медицина, оказались наиболее подготовленными для выполнения боевых задач. С недавней пандемией сработала русская поговорка, скорее, истина: «нет худа без добра». Разница между пациентом и раненым не стала столь разительна из-за присутствия огромной доли беспомощности в первом и во втором случаях. Необычайно остро переосмысливается завет Пирогова: «Раненого нужно не только вылечить, но и выводить». А до этого ещё и вытащить с поля боя. Напряжения

в работе госпиталей почти не ощущается. Суеты, и тем более паники вовсе нет. Хотя иногда подъезжающие кареты скорой помощи воспринимаются персоналом госпиталя как сигнал тревоги. Кто-то встаёт и уходит во время концерта. Со сцены звучат слова благодарности не только раненым, но врачам и сёстрам. Низкий вам поклон, родные! Всем, от военфельдшера на переднем крае до хирургов ведущих столичных клиник. Войны выигрывают раненые. И ваш вклад в нашу грядущую Победу неоценим.

Почти все ранения минно-взрывные. Осколочные. Общим фоном – контузии, от тяжёлых до лёгких. Любопытно, как проявилась солдатская смекалка в работе хирургов. Для извлечения мелких осколков иногда стали использовать сильный магнит. Хотя некоторые боеприпасы, особенно натовские, как правило, магнитятся плохо.

Нет на войнах сладости.
Не на то рассчитаны...
Фронтовые «радости»
горечью пропитаны.
Божие участие
не считай везеньем.
Фронтовое счастье –
лёгкое раненье...

В госпиталях ничего лучше не придумаешь, чтобы вникнуть в обстановку, чем покурить в солдатской курилке. Кури и слушай. Одна беда – даже профессиональной памяти не хватает, чтобы запоминать позывные и мелкие детали. Но записывать или пользоваться диктофоном не следует. Некрасиво это... Не поймут... Лозунг «болтун – находка для шпиона» в армии помнят и чтут. Представляться писателем тоже нельзя. Подозрительно на тебя смотреть, может быть, и не станут, но вместо нормальных впечатлений получишь интервью самого низкого пошиба. А так и они не болтуны, и сам не чувствуешь себя шпионом. И потом, в одном коротком монологе можно и историю услышать, и характеры прочесть:

– Наш комбат корректировщиков лично натаскивает, –

рассказывает артиллерист с лангетом вокруг шеи. – А если сам корректирует – это песня... Координаты сбросил... Одним орудием пристрелочным врезали... Есть! Командует залп! Сразу снимаемся. До запасной позиции ещё не доехали, он координаты новой цели уже рассчитал и нам бросает. Готовность доложили. На! Попадание...

Избегают говорить об утратах. Это проживается про себя. Бойцы не нуждаются в напоминании о президентском указе о неразглашении количества потерь. Хотя любой мало-мало знакомый с военным делом человек без труда определит количество безвозвратных потерь по количеству раненых. Но надо отметить, что соотношение сейчас небывалое... В лучшую сторону... Вероятно, такое впервые в истории войн...

Спрашиваю раненых:

– Знаете, как на мове будет «воинские подразделения»?

– Как? – интересуется кто-то.

– Воїсковые підорозділивы.

Смеются.

– Вот они и получают, что положено пидороздиливам, – хохочет раненый боец-разведчик.

Не могу ничего с собой поделать – отношусь к украинской мове, как к аналогу уголовной фени, зародившейся в среде приторговывавших краденым розничных торговцев – офеней. В позапрошлом веке... И дело не только в криминальных наклонностях коробейников-офеней и киевского режима... Любой сленг рождается от необходимости обособиться и заговорить на языке, мало понятном для окружающего большинства. Как правило, с целью сокрытия своих намерений, дел и делишек. Любой нормальный язык имеет говоры. Украинский не исключение. Все знают, что говор Полтавы весьма серьезно отличался и отличается от говора Черновцов или Ужгорода. Донбасс, Харьков и сам Киев всегда были более русскоязычными, нежели украиноговорящими. А о том, на каком наречии изъясняется Одесса, не всегда могут объяснить даже сами одесситы. Говорят, как исторически сложилось, как им нравится и как удобно. Нет, нужно было провозгласить государственным языком то, что создано с опорой на говор запад-

но-украинский. Зачем? Затем, чтобы с последующим фактическим запретом русского языка насильно заставить население обособиться и отгородиться от русского мира. И если раньше многие русские «трохи розуміти» по-украински, то теперь кажется, что сами украинские политики «не розуміють, що говорити». «Что городят» – говоря русским языком. Хотя понятно, что они нагородили за три десятилетия самостийности. До того дошло «не люблять українські пісні за те, що їх прокляті москалі люблять».

Есть у меня и совсем личная причина неприятия мовы. Дело в том, что не появился в моей жизни отчим – не стал бы я Сергеем Максимовым, а был бы Сергеем Осадчим. Первые представители моего рода, ведущие своё начало от запорожских казаков, попали в Сибирь по Столыпинской реформе из Черниговской губернии, нынешней Брянщины. В Сибири за западно-русский говор их воспринимали как украинцев, но сами они никаким украинством отродясь не заморачивались. Осознавали себя истинно русскими людьми с запорожскими корнями. А компактно потомки запорожцев проживают вовсе не на Украине, как хотелось бы самостийникам, а на территории Кубанского казачьего войска, куда на дарованные им плодородные земли их переселила Екатерина Великая. В полном смысле руководствуясь понятием «от греха подальше»... И изъясняются эти истинные украинцы, чьи предки проживали у края русских земель, на южно-русском говоре, вместе с западно-русским, приписанным теперь к суржику. Но если суржик – это хлеб, замешанный из пшеницы и ржи, то мова – это, точно, хлеб с преобладанием отрубей.

И ещё о личном... Приехав на Кубань к кубанскому казаку, к своему деду Ерофею Максиму, мне хватало одного дня, чтобы без всякого напряжения начать балакать по-кубански.

Смешно сказать, но шибболет «паляница» для меня, как и для Елены Григорьевны Драпеко, меньшая проблема, чем для персонажей из числа бандеро-фашистского интернационала. В нас, всяко-разно, больше украинского, чем у бандеровской сволочи, захватившей власть на Украине.

Это, вероятно, первые в современной истории боевые действия, когда в зону непосредственного боевого соприкосновения проезжаешь через таможенный пост. В нашем случае – это просто. Отдаём паспорта без обложек, не выходя из микроавтобуса. На украинской территории получаем документы. За таможенным постом пост пограничный. Естественно, он один и он российский.

Бойцы военной автоинспекции экипируют нас соответственно боевой обстановке. Каска и бронежилет – пушинки, если сравнивать с прежними. От каски советского образца в первое время шея нудит так, что выражение лица становится страдальческим. В мотострелковой учебке ношение каски иногда являлось наказанием за потерянную пилотку. И горе тому, кто таскает её день-два, не снимая. Мало того, что шея ноет, так ещё каждый норовит бросить камушек, а то и стукнуть чем-нибудь поувесистей. Фотографируемся с тем, с кем можно фотографироваться. Пограничники, впрочем, лиц не скрывают. Майор-пограничник, внешне балагур и юморист, заученно озвучивает правила поведения за ленточкой.

Интересуюсь:

– А вы почему лица не прячете?

– А нас враг давно в лицо знает, – шуткой на шутку отвечает страж границы. – Некоторых по именам и фамилиям, – добавляет смеясь.

Нравится мне этот майор. Не может не нравиться. Приколист, сказали бы молодые люди.

Спрашиваю о насущном:

– Товарищ майор, где у вас место для курения?

– За мной, бегом марш! – с серьёзным лицом командует офицер, оглядев мой полувоенный прикид.

Бегу за ним. Осознаю, что по возрасту я офицер уже не строевой. Но за ополченца вполне могу сойти. Забегаем за бронеавтомобиль ВАИ.

– Садись, – присев на корточки за капсулой «Рыси», командует пограничник. – Здесь курят...

Оба смеёмся. Потом майор убегает по своим пограничным делам. Куда бросить окурочек, сам разберусь. Всяко-разно не на плац. Бросить окурочек или плюнуть на строевой плац – про-

ступок, равный преступлению. На таких деталях ловят шпионов...

Фотосессия с оружием... Принимающий нас подполковник Олег Кареткин отсоединяет от автомата магазин, протягивает нам. По военно-учётной специальности я, хоть и отставной, но офицер-мотострелок. Не хватало мне ещё, как стройбатовцу перед присягой, напоказ, фотографироваться с оружием. Сметанин и Костин тоже отказываются. Дамы, кроме Елены Григорьевны, берут автомат в руки охотно. Смотрятся эффектно. Но Голливуд, где оружие часть антуража, – не наша тема. В боевых условиях автомат, отмечаю, носится теперь вопреки строевому уставу Советской Армии. Это, вероятно, новшество сирийского, а может быть, ещё кавказского или балканского происхождения... Оружейный ремень крепится только к прикладу, а твоя шея с плечом просовывается в образовавшуюся петлю. Примерился. Очень удобно. Опущенная вниз правая рука точно попадает на пистолетную рукоятку. При команде «к бою» нужно лишь поднять руку с автоматом, снимая его с предохранителя во время движения самой руки. Если патрон не в патроннике, то передёргивая затворную раму... Никаких тебе «на плечо» и «на караул».

За ленточкой наши ангелы-хранители – военные автоинспекторы. Во всех отношениях универсальные солдаты. Перед концертом одному из актёров становится плохо. Жара, да и стресс. Как ни крути – зона боевых действий... Явно признаки эпилепсии... С таким диагнозом и просто в армии служить нельзя, а он тут оказался. Такая беда и для сцены – приговор... Имея опыт оказания первой помощи при такого рода приступах, бросаюсь к нему. Перевернул парня на бок. На подмогу приходит военный автоинспектор. Сразу берёт инициативу в свои руки:

– Не надо ничего в рот ему толкать. Помогите! – приказывает мне, ложась на спину. – Давай его сюда...

Вручаю ему нашего пациента. Инспектор фиксирует его голову руками, ногами обхватывает дёргающееся тело.

– Ноги ему придержи, – приказывает мне. – Язык у него не вываливается... Скоро встанет как ни в чём не бывало... Они

три минуты перед приступом и три минуты после него ничего не помнят.

Меня оказывать медицинскую помощь учили по советским методикам. Как выясняется, они устарели.

Действительно, через минуты три наш пациент приходит в себя. Ошарашенно смотрит по сторонам. Просит закурить.

– погоди курить, – повышает голос сопровождающий александровцев полковник в гражданском, имя которого он лично просит меня нигде не упоминать.

– Концерт уже? – ошарашенно спрашивает актёр.

– Какой тебе концерт! Сядь вон в тенёк... А лучше в клуб зайди. Там прохладней, – не понять, то ли приказывает, то ли рекомендует полковник.

Событийный ряд прошедших месяцев таков, что вместо того, чтобы гнать от границы по разбитой дороге в бронеавтомобиле ВАИ, а затем въехать в город Волчанск Харьковской области Украины под жарким августовским солнцем, пристально вглядываюсь в кадры из Волчанска осеннего. Ровно через месяц после описываемых событий город снова оказался в руках врага.

Видео, выложенное в интернет украинской стороной после оставления города нашими войсками, смотреть неприятно... Унылое видео... Всеобщего ликования и радостных лиц горожан в нём вы не найдёте. Уже, вероятно, октябрьские или ноябрьские ролики напоминают кадры из оставленной по весне Буче. Те же два одиноких молодых человека, похожие на обдолбанных наркоманов, размахивающие украинским флагом на обочине дороги. Такое ощущение, что это одна и та же парочка кочует из ролика в ролик в кадрах украинской кинохроники, чтобы приветствовать украинских «освободителей». Не могу вспомнить, но где-то ещё мелькали эти двое. Слава Богу, мёртвых тел на дороге и следов каких-либо разрушений не видно. Были бы, конечно, показали... Есть ещё любительские осенние ролики. Один о работе группы волонтеров. Молодые люди, судя по русской речи, харьковчане. Выгрузили гуманитарную помощь и привезли кастрированного бездомного пёсика. Определили его к новым хозяевам.

Трогательно, конечно, если не знать, что в гуманитарке от Единой России отдельной статьёй проходит корм для животных, причём в таких объёмах, как вся привезённая в Волчанск этими волонтерами гуманитарка. Выглядит она весьма скромно. В Донецке, кстати говоря, существует большой домашний приют для обездоленной войной животинки. Да и не один, наверное...

Наша гумпомощь ни по объёму, ни по содержанию несравнима с представленной в ролике. Она ещё и дифференцирована. Для военных одна, для раненых другая. Третья для гражданского населения. Где-то больше съестного. Где-то бытового. Пропорции продуманы и выверены жизнью.

Перед началом каждого концерта волонтеры тщательно пересчитывают количество зрителей – иногда убирают, иногда доставляют достаточно объёмные пакеты. Существует ещё и резерв – для тех, кто не смог прийти. Часто помощь ещё и развозится до конкретного адресата.

Судя по другому ролику под названием «город-призрак», население, вероятно, эвакуировано.

Хорош бы я был, если бы опубликовал этот материал с упоминанием конкретных людей с конкретными фамилиями накануне контрнаступления ВСУ! У меня нелады с житейской интуицией, но с интуицией творческой всё с точностью до наоборот. Теперь даже могу назвать конкретные детали и факты, меня тормозившие. Мне есть что рассказать, и я непременно это сделаю. А пока оставляю лишь те немногие эпизоды, в которых род деятельности и подлинные имена и фамилии героев не читаются.

Тогда, в августе, представитель военно-гражданской администрации, не скрывая горечи от происшедшего, рассказывает:

– Наши дали им возможность выйти из города. Они, сволочи, ничего лучше не придумали, как на следующий день ударить кассетными боеприпасами и засыпать весь центр минами... Лепестками этими клятыми... Вчера ещё были здесь, ели, пили, можно сказать, из наших рук... А с утра пораньше – нате вам! Слава Богу, что весна... Снег сошёл, а трава ещё не вылезла. Но от того, что всё это было видно, – волосы на голове ды-

бом вставали. Всё вокруг усеяно было... В первые часы наши просто из автоматов мины расстреливали...

Красноречивее главы само здание Дома культуры. В начале лета в него метили ракетой именно как в центр раздачи гуманитарной помощи. Вероятно, наша ПВО перехватила ракету, и удар большого обломка пришёлся по находившемуся вблизи магазину. В ДК повыбивало осколками стёкла. Оконные сразу заменили, но стёкол большого размера для фойе не нашлось. Огромные заплаты из ДВП окончательно изуродовали без того пошарпанное временем, достаточно запущенное здание советской постройки, стоящее без капитального ремонта не менее тридцати с лишним лет. С осыпающимся мозаичным панно советской тематики на фасаде...

– Главное – газ у нас теперь российский. Значит, зиму переживём, – утешает себя и нас чиновник.

Теперь и не знаю, кто пережил, а кто нет...

Опускаю диалоги многих бесед. Можно подставить людей... Как пример депутатской работы оставляю урезанный эпизод, характеризующий депутатскую работу Елены Григорьевны. Не могу не привести. После разговора с одним из жителей Драпеко достаёт из сумки кошелек. Протягивает собеседнику деньги в крупных купюрах:

– Это вам от меня лично. На что потратить, лучше меня сообразите.

Потрясённый человек изумлённо замирает, прижав к груди деньги. Он ничего не просил. Произносит почти шёпотом:

– Спасибо.

По нему видно, что ни копейки он не потратит без пользы для дела. О больших зарплатах депутатов справедливо говорят много. От себя скажу: таким депутатам, как Драпеко, депутатское жалование нужно повышать.

На центральной площади Волчанска, у памятника, разговаривал пожилого мужчину. На мой вопрос о малочисленности людей на улицах авторитетно сообщает:

– Где-то процентов сорок выехало... Из этих сорока примерно одинаково двадцать в Украину и двадцать в Россию. В основном детей увозили. Молодёжь опять же...

То, что произошло в сентябре, теперь не составляет военной тайны. Противник с удивлением обнаружил, что наступающая сторона не имеет на харьковском направлении не только эшелонированной обороны, но и просто резервов. В первый, и будем считать, что в последний раз за кампанию, ВСУ имели возможность наступать по натовской методике COIN. Это когда можно гонять на джипах с пулемётами, почти не опасаясь нарваться на огонь.

Тот, августовский, концерт в Волчанске – особенный концерт. Он необычен во всех отношениях. Выйдя на сцену, невольно оторопел. Причиной оторопи явилось почти полное отсутствие в зале мужской составляющей. Женщин на спектаклях и концертах вообще всегда больше, чем зрителей и слушателей – мужчин. Здесь же – абсолютное преобладание женской половины. Где мужики? Ответ очевиден – в ВСУ. Кого-то уже, надо полагать, нет в живых... А их матери, жёны, дети об этом даже не знают. И, учитывая нежелание киевского режима признавать огромные потери, никогда так и не узнают. Но догадываются. Словом, душа у людей на разрыв... У агитбригады понимание сложности ситуации формируется моментально. Политолог Блохин и военный эксперт Сметанин уже пережили свой шок от вида со сцены. Свои выступления сократили до минимума. Ума и такта им не занимать. Не тот это случай, когда кого-то нужно агитировать. Нужно просто, без даже малой доли пафоса, кратко и сдержанно объяснять, что уже произошло и что происходит. Излагать факты. А то, что будет происходить дальше, известно только Богу.

В очередной раз поражаюсь мудрости и выверенности подхода Елены Григорьевны:

– О войне или о любви?

Она читает стихи, перемежая чтение с актёрскими историями. Концертный зал становится истинно её залом.

Выступая следом, представляемый как писатель, успокаиваю слушателей:

– Не пугайтесь. Свои исторические романы я вам читать сегодня не буду.

Смеются. Следуя завету Елены Григорьевны, пою о любви:

Этот русский мотив
сердце болью залил.
Вот и жизнь начала
песня.
Эх, была, не была...
Ночь – как сажа бела,
где со мной ты спала
вместе.

С концертной аудиторией творится что-то не то. Сразу не понимаю, в чём дело. Принимают, но... Доходит до моего понимания быстро... Так складывается, что я обращаюсь к женщинам от имени их мужчин:

Ни о том, ни о сём
мы с гитарой вдвоём
вечерком да вздохнём
тихо.
Мы устроим в душе
прежний рай в шалаше.
Нам не страшно уже
лихо.

Да что же это такое творится? Строки песни, написанные много лет назад и совсем не военного содержания, уместны именно здесь.

Здравствуй, брат-вечерок,
разжигай костерок.
Я черкну пару строк.
Можно?
И строка за строкой
отзовётся тоской.
Ой-ёй-ёй, ой-ёй-ёй,
сложно!

Вот именно, что сложно... Очень всё не просто... Неожиданно зал начинает отбивать ритм песни ладонями. Наверное,

обычный артист воспринимает такие вещи почти как должное, но я-то необычный... Как литератор знаю ещё кое-что:

Этот русский мотив
сердце болью залил.
Вот и жизнь начала
песня.
Эх, была не была...
Ночь – как сажа бела,
где со мной ты спала
вместе.

Такие аплодисменты дорогого стоят... Долго аплодируют... Свои стихи читает Ольга Хмара. В прежних концертах она их не читала:

Молча шагнули полки за полками.
Красное в небе полощется знамя.
Грозная сила с Иваном на марше:
Пращуры, деды и отчичи наши.
Сила святая зло переборола.
Прячет лицо от прозренья Мыкола.
Плачут без слёз, не докликавшись сына,
В чёрном – Россия и Украина.

Всё выступление александровцев можно характеризовать двумя словами: «Россия пришла». Так сложилось, «со слезами на глазах»... В финале концерта люди и радуются, и плачут одновременно. Что до артистов – приходит осознание сложности и противоречивости всего, что происходит с нами со всеми в последние месяцы...

К крыльцу с обратной стороны Дома культуры, где в тени образовалось что-то вроде курилки, подходят трое молодых людей лет тридцати. Видно, что наши. В украинской глубинке народ одет плохо. Немногочисленная молодёжь иногда явно видно – донашивает одежду за старшими. Да и почти нет её – молодёжи. А эти в дорогих джинсах и в не менее дорогих и

качественных кроссовках. Футболки. Бейсболки. Ухоженная небритость на лицах. У двоих на боку кобуры с пистолетами Ярыгина. У одного в нагрудной сумке или «стечкин» с глушителем, или что-то более скорострельное. Это может быть и пистолет-пулемёт. Теперь, спустя время, понятно, что из-за отсутствия военного гарнизона парни выполняли функции военного патруля. Старший улыбается:

– Я из Томска.

Дело в том, что во время выступления обязательно говоришь, что ты из Сибири и из Томска. Землячество – в армии особая тема. Иногда до смешного забавная.

– Ты откуда? – может спросить сибиряк нового знакомого.

– Из Владивостока.

– Я из Омска.

– Земляк!

Где Омск и где Владивосток? Но за Уралом... Значит – земляки...

Сибирские полки в то время ещё подтягивались. А тут – то-мич! Обнимаемся. Везде за ленточкой при желанной встрече обнимаются. Даже целуются. Нелишнее напомнить, что гомосексуалисты просто присвоили, приватизировали древнюю традицию воинов целоваться. Точно так, как нынешние украинцы прибрали к рукам славянскую вышивку. Почему бы не присвоить, раз вам не нужно... Чеченцы, кстати говоря, при желанной встрече всегда и обнимаются, и целуются. Это объятия и поцелуи воинов. О боевом братстве русских и чеченцев поговорим позже, а пока о знаменательной встрече...

– Заканчивал в Томске техникум. Сейчас живу (называет город). Мать к себе перевёз. Два месяца здесь, а мама сейчас у сестры, в Томске. Связи, сами видите, никакой... Не могли бы вы матери в Томске букет цветов вручить?

– Какой разговор!

– Деньги я вам дам...

– Да не надо, для такого дела найду...

– Нет-нет. Не обсуждается....

Как режиссёр чувствую в поведении молодого человека то, что в театре называют «зажим». Быстро соображаю, в чём дело...

– Вы не смущайтесь, – говорю ему. – Я не конторский, но девятнадцатое и двадцатое декабря каждого года отмечаю как профессиональные праздники. С писателями так иногда бывает. Даже поздравления принимаю в самые неожиданные дни...

Вижу, что при упоминании профессиональных праздников бойцов невидимого фронта он понял, что перед ним тот человек, которому можно смело дать и телефон, и адрес... Разулыбался. Точно вздохнул с облегчением.

Вошли в ДК. Поднялись в истосковавшийся по капитальному ремонту зал, служивший нам гримёркой. Решили вручить в Томске не один, а три букета. Маме, тётушке и племяннице.

Забегая вперёд, скажу: первое, что сделал по приезде, – купил три больших, красивых букета цветов. Надел лучший костюм и отправился выполнить поручение. Прежде чем позвонить в дверь, нарисовал на лице улыбку во весь рот, чтобы, не дай Бог, не встревожить обитателей скромной однокомнатной квартиры в малосемейке на окраине Томска, в бывшей промышленной зоне. Дверь открыла мама офицера. Протиснув лицо через густой, состоявший из букетов цветочный куст, театрально объявил:

– Вам привет и поклон от вашего Саши!

Дальше всё как положено... Само собой, слёзы мамы и многодетной тётушки, широко открытые от изумления глаза и рот девяти- или десятилетней племянницы с не по росту большим, первым в её жизни подаренным букетом в руках. И взявшие паузу в своём детстве два совсем ещё карапузика, о возрасте и половой принадлежности которых ничего сказать не могу. Проходить дальше порога не стал. В малогабаритной квартирке и без меня было очень тесно. Даже от трёх неожиданно появившихся больших букетов. Но главное то, что получилось очень хорошо. Я бы сказал, по-офицерски получилось. Мой молодой земляк оказался главой большой семьи...

Вот на этом эпизоде я предполагал закончить повествование о Волчанске, но правда такова, что в очередной раз рассматриваю украинское видео... «Город-призрак» называется ещё один ролик. Пустой город. Не видно даже просто прохожих. Пасмурный, серый день. Дождик. Слава Богу, повторюсь,

не видно и разрушений. Вернутся люди. Обязательно вернутся. Получается, за один день пребывания я сроднился с Волчанском...

Концерты в воинских частях специфичны. Действующая армия есть действующая армия. Поэтому разница между понятиями «солдат» и «боец» очевидна и стоит того, чтобы сделать пояснения. Солдат – понятие, объединяющее всех военных от рядового до главнокомандующего. Понятие «боец», появившееся в Красной Армии во время Гражданской войны, более конкретизировано, как «непосредственный участник боя». К тому же это слово имеет другое значение: «Рабочий на скотобойне, отвечающий за забой скота». Вероятно, в Советской Армии оно окончательно закрепилось после фильма «Два бойца».

Не успеваю удивиться,
в суть не проникнув до конца...
Разнятся, на похожих лицах,
глаза солдата и бойца...

У всех, кто боль возненавидел,
глаза с восторгом не искрят.
Кто смерть в лицо, в бою, увидел –
совсем иной имеет взгляд.

В бойцовском взгляде вы не отыщете и никогда не встретите и малой доли растерянности. Сквозят уверенность и готовность биться до конца... Глаза бойца пристальны. Тот случай, когда про обладателя таких очей говорят: видит насквозь. Нужно ли уточнять, что концертное выступление в такой зрительской аудитории – ответственное и далеко не простое дело. Общим является то, что зрители первоначально крайне сдержанны. Кажется, даже подозрительны. Конечно, до грубого подтекста «чего вы сюда припёрлись?» не доходит, но настороженность чувствуется. Сценическое лукавство, обязательное для шоу-бизнеса, в воинском концерте не прокатит. Расшифруют в одну минуту. Кто ты и что ты из себя представляешь, из зала читается на раз. Будут благодарны за простое

человеческое внимание, но идолопоклонничества и фанатизма здесь искать не следует. Доверительность, о которой по делу и без дела часто толкуют, которую не за какие деньги не купишь и никаким пиаром не обеспечишь, возникает не сразу. Но если возникает, то однажды и навсегда.

У нас все работают по-честному, без дураков. Как научены и воспитаны... Как режиссёр не могу не оценить находку, молодёжь сказала бы – фишку, солиста александровцев Максима Маклакова. Очень сценичный, высокий, с сильным голосом Максим во время исполнения одной из песен отводит в сторону микрофон и поёт вживую. Демонстрируя не деланный, настоящий, живой и сильный вокал. Нужно ли говорить, что аудитория заценила...

В человеческое состояние, о котором говорила Елена Григорьевна, человек приходит через простые человеческие переживания. По этой причине концертная деятельность во время военных действий, как выясняется, является обязательной составляющей боевой работы. Не нами придумано. И, конечно, не хочешь, а вспомнишь «В лесу прифронтовом» Матвея Блантера и Михаила Исаковского: «Сидят и слушают бойцы, товарищи мои»... Вальс «Осенний сон» слушают бойцы... Не военные марши... Подход Елены Григорьевны мной оценён по достоинству... Усвоен:

Здесь о том не поют,
как бьют врага,
а о том,
что желанно
и дорого,
вспомнят милые
струны гитарные,
как затихнут над полем
ударные...

На войне –
не поют о войне...

На воинских концертах Елена Григорьевна повторяет ещё одни слова... Старшины Васкова из «Зорь»:

– Война – это не то, кто кого перестреляет. Война – это то, кто кого передумает...

Один из воинских концертов проходит в Доме культуры на российской территории. Невольно сравниваешь здание с волчанским ДК. Как далеко ушла Россия за тридцать лет, если сравнивать два здания примерно одного года постройки! Фасад, внутренние интерьеры в идеальном состоянии. Всё перелицовано современными материалами. Современная, продвинутая, световая и звуковая аппаратура... Ухоженный, уютный, с удобными креслами зал. Невольно сравниваешь помещение с примечательной буквой «эм» на дверях с помещением такого же назначения и с буквой «ч» в учреждении культуры на сопредельной территории. Предоставляю читателю самому додумать, в чём заключаются различия визуальных и прочих ощущений... Скажу только то, что «ч» на двери – значит «чоловік». Мужчина по-украински. Чоловік – это звучит гордо...

Работаем концерт с александровцами душа в душу... Нет и следа прежнего недоумения от объединения наших концертных программ. Хронологически затянутый концерт смотрит зритель на одном дыхании. Длится он даже три часа, слушали бы и три. К тому же в госпиталях зрители отходят и на процедуры, и покурить. В курилке близко схожусь с одним из александровцев. Обменялись неформальными комплиментарными оценками выступлений друг друга. По возрасту мы примерно ровесники. К тому же у меня есть опыт работы с армейским ансамблем песни и пляски. Выясняется, что мой собеседник, Александр Вершинин, один из немногих уцелевших артистов из прежнего творческого состава легендарного коллектива, погибшего в авиакатастрофе под Сочи во время сирийской кампании. В той самой катастрофе, где погибла легендарная Елизавета Глинка – доктор Лиза. Александр должен был вылететь другим бортом... Печать чудом выжившего, незримо и зримо, присутствует в его мужественном облике. Как я понял, прежде нештатному артисту ансамбля по личной просьбе министра обороны теперь пришлось стать артистом штатным. И это правильно. Кто-то должен передать молодым музыкантам едва не прервавшиеся тра-

диции легендарного коллектива. Есть ещё одно важное качество. Ему, как, впрочем, и мне, довелось выступать в одних концертах с артистами-фронтовиками Великой Отечественной. И знали мы тех ветеранов достаточно молодыми людьми. Ненамного старше нынешних воинов.

– Извините, – прерывает разговор артист концертно-эстрадного ансамбля гармонист Павел Андреев. – Дядя Саша, вас подполковник Голубцов ищет.

– Чего меня искать. Здесь я...

Зачем нашему Голубцову понадобился Вершинин, выясняется в финале концерта. По поручению командующего Западной группы войск он вручает медали нашим ветеранам боевых действий. Елене Драпеко, Александру Сметанину и Александру Вершинину.

Зал долго аплодирует каждому награждённому.

Нельзя не написать о волонтерском центре «Всё бесплатно» на границе Белгородской и Харьковской области. Первоначально он возник как волонтерский пункт на границе областей. По инициативе Елены Русалки. Волонтеры на линии боевого соприкосновения носят позывные, как все другие бойцы. Когда наши части только заходили, система снабжения и обеспечения ещё отлаживалась, и три первых холодных месяца волонтеры работали в чистом поле на ветру и на морозе, можно сказать, с машины. Формировали так называемые «разовые пакеты» и забрасывали их в идущие на передовую машины. Подключилась областная администрация, белгородские предприниматели, и к лету заработал целый волонтерский комплекс. Открыли даже небольшой ресторанчик «Солдатский привал», взявший за основу идею калужского предпринимателя Сергея Скрипкина готовить по-домашнему. Казалось бы, никакого отношения к боевой работе, ан нет. Нужно. Еда, бельё, продукты, предметы первой необходимости – всё для бойцов бесплатно...

Харьковчанин Александр, позывной «Наум», сам ещё не так давно воевавший и познавший «прелести» украинского плена, напутствует приезжающих и проезжающих через комплекс бойцов:

– Возьми столько, чтоб осталось другим...

Как Айболит из сказки, «всем по порядку даёт шоколадки». Шоколадки маленькие, чтобы не занимали много места, но чтобы были... Где чай попить, где просто в рот забросить в минуту отдыха... Служившие в армии знают, что солдат сладкоежка, как ребёнок. Опять же острота восприятия мира схожа с детским восприятием... Потому и детские письма на фронте, наверное, так дороги бойцам. К тому же и для одних, и для других лишних шоколадок не бывает.

Любопытно, что Русалка, Наум и ещё несколько человек вооружены холодным оружием, как некоторые бойцы в госпитале. С той разницей, что у Наума на ремне штык-нож от «АК-74». Смотрю и думаю: а не являемся ли мы свидетелями появления атрибутов национального костюма? В Сибири, кстати говоря, так было всегда. В тайгу без хорошего ножа никто никогда не ходил и не ходит. Даже писатели. У меня нож для такого случая – подарок от томской «Альфы»...

Сергей Скрипкин развил идею «домашней кухни» до уровня «кухонь национальных». Кроме объединяющего всех шашлыка, на который ежедневно уходит от ста до ста семидесяти килограммов мяса, для мусульман готовится халяльная пища. Которую с удовольствием вкушают и православные, и представители других конфессий.

– Чеченцы говорят, очень вкусно у нас, – с гордостью произносит Сергей.

– А вообще что говорят? – интересуюсь я.

– Это очень интересно. Спрашиваю... Отвечают: «Мы возвращаем долг России»...

Многие слышали другую историю. Как правило, в анекдотическом изложении, хотя в жизни было не до смеха... Услышав на улице освобождённого села русскую речь и мусульманское «Аллах Акбар», вышедшая из укрытия пожилая женщина не могла сдержать слёз:

– Слава тебе Господи! Наши пришли. Родненькие!

Вот так.

Крайний концерт – снова госпиталь. Он оборудован на базе городской клинической больницы. Было, ломанулся в по-

мещение вслед за нашими девчонками, к лежащим раненым, но сразу же остановился. Понял, что Анна с Ольгой там более уместны. Не дело это – хоть и не молодому, но здоровому мужику светиться в госпитальных палатах с гитарой в руках. Гитару в руки всё же беру. Исполняю свою песню на стихи Дмитрия Мельникова:

Я ломал это время
руками, как сталь,
целовал его в чёрные губы.
Напиши про любовь,
не пиши про печаль.
Напиши, что я взял
Мариуполь.
Напиши:
«Я тебя никому не отдам».
Напиши:
«Мы увидимся вскоре»...
Я не умер – я сплю
и к моим сапогам
подступает
Азовское море.

Анна продолжает удивлять... Тот случай, когда актриса – не функция, а личность. Таким, как правило, трудно работается в театре. Она сама по себе театр. Как выясняется, ещё и поэт... Предваряя стихи, рассказывает о своих выступлениях в столичной клинике перед тяжелоранеными и о примечательном знакомстве:

– Я плохо отношусь к татуировкам, но у него они были просто потрясающие. Он футбольный фанат, и на одной из ног был набит герб «Манчестер Юнайтед». На другой полузащитник «Манчестера» – Дэвид Бекхэм.

Цитирую с отснятого мной видео. Как у автора в рукописи, не знаю. Мне показалось, что может быть так:

Пашка
родился
в рубашке...

В плотной,
бронезилетной...
Он смерть обманул –
он вредный...
К тому же
ещё балагур...
Весёлый такой
паренёк.
Хабаровский
кэвээнщик.
Лишился
обеих ног.
А был
футбольный
болельщик.
«Манчестер»
на левой ноге.
На правой
был Дэвид Бекхэм.
Как ранило на войне,
рассказывал нам
со смехом.
– Очнулся,
– говорит, –
сначала шок...
Ощупал
причинное место.
Фу, цело...
А вместо ног –
кровавое
липкое тесто...
– Жаль Дэвида,
жаль «Манчестер»...
Но всё остальное
на месте.
Есть с чем
возвратиться
к невесте...

Весёлый такой
паренёк.

На правой руке у него
семейное, детское фото.
На левой
король полёта –
Гагарин.
А на спине –
кадры
бойцовского клуба.
Финальный
на фоне окна.
Мы хором сказали:
– Паш, круто!
Но ты же не видишь –
спина...

А он отвечает:
– Не вижу...
Но чувствую...
Вновь смешок.
Живёт
такой парень
на свете.
Весёлый такой
паренёк.

Когда наш поход
по палатам
закончился,
мы вышли в парк.
А там, средь берёзок,
солдатам
травил анекдоты
чудак –
наш Пашка.

Вокруг него
столько
таких же, как он,
живых,
в рубашках
рождённых,
красивых
и молодых!
Кто на костылях,
кто в «карете».
Кто рук лишился,
кто ног.
Курят,
смеются,
как дети,
и ветер
относит
дымок.
А в центре
герой наш –
Пашка.
А в сердце
его юморок.
Пашка –
родная рубашка.
Весёлый такой
Паренёк.

– Я послала ему эти стихи, – продолжает Анна. – Спросил: «Я что, теперь звезда?». Да, говорю!

Не могу удержаться от своего комментария. Наверное, Пашка – нынешнее, живое воплощение Василия Тёркина...

В зоне СВО неоднократно можно слышать, что каждая новая война не похожа на войну предыдущую. Так оно и есть. Наверное, по-прежнему верно утверждение, что «первой жертвой войны становится правда». Но, думается что не всегда нужно говорить всю правду о войне. Уже потому нельзя, что

она насколько страшна, настолько и очевидна, без всяких о ней рассказов. Мы что, не знаем, что в конечном итоге произошло с захваченным в плен моральным уродом, до этого звонившим матери убитого им русского сына-солдата с его телефона? Никто не усомнился в судьбе ещё одного ублюдка, не дожившего до трибунала, а до этого рассыпавшего угрозы в адрес президента Чечни и членов его семьи. Законы войны как никакие другие полностью соответствуют войною же порождённому Римскому праву... «Закон плох, но это закон». Только наказание за преступления на войне куда ближе, чем кажется военным преступникам...

За летними месяцами, как снаряды, пролетели дни, недели и месяцы осенние. Порождая, в том числе, информационные взрывы... Расстрел группы наших пленных – очередной вызов. Адресовали обществу... Первой узнала армия... Наследники висельников решили с судьбой поспорить... В декабре новостные каналы обыденно сообщили о полном уничтожении 80 ригады ВСУ, причастной к расстрелу...

Возмездье настигнет карателей,
и как ни петляй, ни коси –
не быть государству предателей
в пространстве великой Руси.

Небольшая ремарка. Стихотворение, привезённое из командировки, оказалось вымаранным из подборки в областной газете. Впору в очередной раз спросить: «С кем вы, мастера культуры?». Не думаю, что редколлегия посчитала государство, построенное на предательстве самих себя, жизнеспособным. Просто не надо бы... А может быть, их смутило другое четверостишие из этого стихотворения:

Европа теперь рода среднего...
Европо придётся понять:
война до нациста последнего...
Иначе воскреснут опять...

Не хочешь, а вспомнишь завет Навального, обращённый к

соратникам: «Не можете выступить открыто – саботируйте».

Так или иначе, но первое, что выносишь из зоны СВО, – «Наше дело правое. Победа будет за нами». Что бы там ни ботал по мове незаконнорождённый президент, незаконнорождённого государства. Что до державности – не получится удержать то, что тебе не принадлежит и никогда не принадлежало.

Кроме основного признака современных войн, непохожести одной на другую, один из бросающихся в глаза признаков нынешней – это то, что мы являемся свидетелями войны войск специального назначения. Кроме собственно спецназа и ЧВК, до их уровня подтягиваются и равняются в боевой подготовке части и подразделения всех родов войск. А ещё – полужакрытые лица бойцов почти всех воинских подразделений вне поля боя. В последних военных конфликтах чаще и чаще армии приходится иметь дело с террористами, не афиширующими свои лица. В условиях информационного общества террору незачем знать лица антитеррора.

Затрещат
квадрокоптеры
утками,
дирижируя
музыкой жуткою...
Автоматы
нещадно чирикают...
Мины свистом
беду с горем кликают...

Спой
заветную песню,
соловушка,
чтоб моя не поникла
головушка.

«Ту-154» принимает нас на борт ночью в Белгороде. За прошедший день лайнер пролетел по уже известному маршруту. Как со старыми знакомыми, встречаемся с рок-музы-

кантами, прошедшим днём вылетевшими из Севастополя. Тут же военные и гражданские специалисты. Теперь ещё и отпускники...

Общее настроение можно охарактеризовать как радость возвращения. На подлёте к Москве рокеры неожиданно затаили «Ой, то не вечер, то не вечер»... Секунда – и весь салон авиалайнера запел вместе с ними.

Даст Бог,
и скоро мы обнимем
тех, с кем
по многу раз прощаемся...
Мы на войну идём одними...
Всегда иными возвращаемся...

На заседании секретариата Союза писателей России докладываем с Ольгой о командировке. Впечатления ещё не отстоявшиеся. Ловлю себя на мысли, что особо не хочется ничего рассказывать. Невольно осознаёшь родство с фронтовиками. Ну были... Ну видели... Под обстрел, Бог миловал, не попадали, но гаубичное буханье доводилось слышать. Один раз совсем близко. Но поминать такие мелочи, прямо скажу, неловко, когда не так далеко миллионный город восемь лет жил и продолжает жить в зоне боевых действий. Ежедневно ходит на работу, на учёбу, в детские садики под не прекращающимися обстрелами. Когда, ложась спать, человек не знает, суждено ли ему проснуться живым грядущим утром. Теперь ещё и под натовскими боеприпасами, по наводке американского космического ока... И где любой мальчишка на слух может определить, что прилетело и из чего, какого калибра и с какого направления. Цель обстрелов – мирные люди. Посему промахов противоборствующая сторона не допускает. Шальных снарядов при обстреле городов Донбасса не было и нет. Все в цель. Враг не просто коварный и кровавый. Он подлый.

Поднимаю вопрос об аттестации писателей в Министерстве обороны как военных корреспондентов. Ничего удивительного в этом нет. Аттестованы же как военные художники члены Художественной студии имени Грекова. Да что гово-

рить, если в 1941 году все 2341 советский писатель прошли такую аттестацию.

Николай Фёдорович Иванов, полковник в отставке, делает для себя пометки в блокноте. Ещё нет речи о частичной мобилизации, но её необходимость ощущается всеми, кто близко соприкоснулся с СВО. Соответственно требуется централизованно создавать фронтовые концертные бригады. В том числе из мобилизованных и добровольцев...

БРАТСКОЕ СЕРДЦЕ

(Симфония Z)

Реальная история для театра в одном действии

Действующие лица:

Артём – капитан внутренней службы, лейтенант запаса, рядовой БАРСа. 36 лет.

Сергей – сержант БАРСа, друг Артёма. 45 лет.

Екатерина – координатор фонда «Своих не бросаем», жена Артёма.

Герой

Крым. Ялта. Наши дни. Дом на берегу моря. Артём – привлекательный молодой мужчина. Держится уверенно и сдержанно. Чувствуется офицерская выправка. По его уверенной походке сразу трудно понять, что он двигается на протезе.

АРТЁМ. Родился в Советском Союзе. Узбекистан... В девяносто первом году семья переехала в Россию. В Фергане отец работал в министерстве. Здесь стал предпринимателем. Мама – домохозяйка. В семь лет самостоятельно записался в секцию по футболу, и всё моё детство – сплошные тренировки и соревнования. Бывали моменты, вскакивал ночью, сонный, и срывался на тренировку... Родители в дверях поймают, разбудят, опять спать кладут... После футбола стал серьёзно увлекаться настольным теннисом. Тоже очень сильно болел и фанател этим. В шестнадцать лет стал самым юным чемпионом горо-

да... Учился в лицее. Как-то сразу начал выбирать профессию. Стал думать, где буду дальше получать образование. Тянулся к военной сфере. Опять же, спортсмен... Как-то мне зашло – пожарная безопасность... В университете была хорошая военная кафедра. Потом дефолт... Сложные времена. Отец стал банкротом. Начал пить. Русская беда... Человека обстоятельства могут за несколько минут довести до отчаяния. Житейская ситуация ломает – алкоголь угробит. *(Не сразу.)* Спорт помог поступить в институт на очную форму, по бюджету... На втором курсе понял – нужно начинать жить самостоятельно. Рассчитывать на родителей не надо. Начал даже учиться готовить еду... Пошёл работать в пожарную часть. Мужской коллектив – есть мужской коллектив... Вливаться было трудно. В армии я не служил, а для пожарного служба в армии – показатель профессиональной пригодности. Никакой дедовщины, конечно, не было, но кто ты и что из себя ты представляешь, постоянно нужно было доказывать. Короче, в коллектив я влился. После пятого курса стал лейтенантом и начальником караула. Карьера складывалась успешно. Наградами я не очень-то гордился. Но маме и всем родственникам было приятно. Два момента было неординарных... Женщину отговорил покончить с собой. Муж проиграл деньги, отложенные на квартиру... Она в этой квартире заперлась. Облилась бензином. Все службы в гости к ней... Давай решать, кто, случись чего, отвечать будет. Брать на себя ответственность никто не хотел. Мы смотрели на это, смотрели, и я пошёл... Вошёл в доверие. Отговорил. «Скорой помощи» передал. Второй случай – эвакуировал из девятиэтажки двадцать человек. Возгорание было на третьем этаже. Верхние оказались отрезанными... Реагировать быстро пришлось. Получилось. У меня потом журналисты спрашивали, что я чувствую. Удовлетворение чувствовал, от того, что получилось вывести всех. *(Не сразу.)* В двадцать втором году начали создавать военизированные пожарные части. Образовывался вариант с переводом в Министерство обороны... А тут двадцать четвёртое февраля... Многие мои друзья уже на учениях в Брянской области были. Я – в военкомат... На учёте как лейтенант запаса стою, но так запросто капитану внутренней службы армейским офицером не стать. Думаю, пойду

рядовым, там видно будет... Ничего меня не держало... Правда, квартиру обещали дать... Но перспектива так себе... Не женатый. Какая ему квартира? Пусть женится сначала. А жениться... Когда мне было жениться? Девушка была, конечно. Да теперь не о чем говорить. *(Не сразу.)* Попал я в «Боевой армейский резерв страны». БАРС. Состоял он исключительно из добровольцев. Многие с боевым опытом были. С афганским даже... Нас потом стали любовно-ласково называть – барсики. Мне нравилось быть барсиком... Наверное, от того, что я люблю собак и кисиков. А они – меня... *(Не сразу.)* Выжимали из нас все соки. Нещадно... Сначала было очень тяжело. Каждое утро марш-броски. Полигон. Стрельбы. Учения. Окапываешься, бегаешь, стреляешь из всего, что есть. Гранаты бросаешь. Опять копаешь... Хочешь жить – умей землю копать. Военно-учётную специальность пришлось сменить. Стал снайпером. В снайперы зачисляют по результатам стрельбы из автомата. Если из автомата стреляешь хорошо, то тебе путь в снайперы. Личное желание, конечно, спросят, но скорее для проформы. Это уже приказ. В снайперы так в снайперы. Обучался, как положено. Задерживать дыхание... Маскироваться... Выдвигаться... Залегать в лёжку... Считать расстояние, углы... Поправки на температуру воздуха, направление ветра... Таблицы таблицами, а пока сам сотню раз не посчитаешь – не въедешь. И практика... Попросил выдать мне ящик патронов. Дали. За неделю примерно расстрелял. Всё. Готов к труду и обороне! Что ещё? Самого необходимого звонка, перед отъездом, не дождался... Смотрю, мужики сами звонят. Им звонят... А мне – телефон можно сразу выкинуть... Не доезжая до войны...

Друг Серёга

Здесь и далее воспоминания уводят героев по месту действия пьесы. Из заснеженного Хабаровска Сергей мысленно переносится в апрель 2022 года. На Харьковское направление СВО. Фронтowej блиндаж.

СЕРГЕЙ. Что мне в Артёме больше всего нравилось – это то, что он не матерился. Почти... Я понятно – сидел... Там мат не приветствуется. А у него, вероятно, врождённая интелли-

гентность... Ладно, по порядку... При первом знакомстве мы серьёзно поцапались. Я командир отделения. И офицеры, и сержанты, мы сразу личный состав в оборот взяли. У кого какой-нибудь косяк – дуй домой... Сделал ему замечание перед марш-броском. Уже и не помню, какое... Я не знал, что он офицер. А он мне: «Вы, товарищ сержант, вместо того, чтоб к подчинённым придирааться, на свой внешний вид внимание обратите». Ни хрена себе, копать, колотить! Ровнять меня! Ну да ладно... Ситуация разрулилась. Дальше – как с друзьями детства и юности... Сначала дерёшься, потом всю жизнь – крепчайшая дружба. Что интересно, никакой позывной к нему не прилипал. В принципе, какие в то время позывные! У нас в первые дни одна рация на взвод была. И ту взводный Сима то забудет где-нибудь, то и вовсе потеряет вместе с картой местности. Только Артём потом может найти. На учениях, на полигоне его эмчээсовцем называли. После одного боя я его Бешеным окрестил. Не прилипло... Почему? Думаю, Артём с самого начала соответствовал фронтовому обращению «братское сердце». Как на войне друг к другу обращаются? Братан. Брат. Братишка. А выше этого – братское сердце. Это даже не обращение. Титул. Круче только «ваше превосходительство» или «ваше сиятельство». Так вот. С этими позывными... Рядовому бойцу они не особенно и нужны. Только тем, кто постоянно в эфир выходит... Опять же, если ты часто в эфире, то позывной постоянно менять придётся. Та сторона наши переговоры тоже отслеживает. Самые чёткие позывные от прозвища... У меня со срочной – Немец. Почему? Дальняя родственница в Германию уехала. Она уехала, а я, конечно, немец... Логика сногшибательная... Когда сел, прозвище в погоняло превратилось. На войне стал Серёгой-Немцем. Где Серёга и где Германия? Серёгой меня в школе стали кликать, даже учителя. Физрук с трудовиком начали, завуч с директором закрепили... А ещё как бывает? Были у нас два кадра. К ним как прилипло, так и не отвязалось... Бебе и Бобо. Бебе потому, что он постоянно бебекал, как баран. То это ему – не то... А то то – не это... «Бе» да «бе», «бе» да «бе»... «А почему нас посылают?» «А за что?» Достал, короче, всех... Чего не коснись – всё ему запаadlo... Бобо всё время на здоровье жаловался... То голова у него болит, то коленку он разбил,

то занозу от лопаты с нормальным черенком заловил... Нет, воевали они классно. Но как только затишье и свободная минута – начинается... Одному каша дерьмом пахнет, у другого если не зуб, то жопа, точно, болит. Я в лесоохране до СВО работал. Так что мы с Артёмом коллеги. Поэтому я обалдел от того, что он отговорил суицидницу от самоподжога. По мне так ну и сжигалась бы... Одной душой меньше... И сразу ясно, где очаг возгорания... Пять секунд и ликвидировали... Но это фигня... Когда он показал сюжет из новостей, где он двадцать человек из горящей девятиэтажки эвакуировал, я не обалдел... Не охренел даже... Испытал смешанное чувство восхищения, недоумения и изумления в форме детородного органа... Что такое идти в огонь, знаю... Артём есть Артём... На полигоне, пока ящик патронов не расстрелял, не успокоился. Не знаю насчёт износа ствола, но синяк от приклада был у него во всё плечо. До уха через шею залезал... А ещё он без приказа всегда знал, что делать надо. Иначе сейчас перед вами я не стоял бы. Догнивал бы где-нибудь... Не в родном Хабаровске, а где-то на украинских просторах...

Глаза

Расположение добровольческого взвода в деревне Цуповка Харьковской области Украины. Блиндаж и прилегающая территория.

АРТЁМ. Тумблер в голове щёлкнуть должен. Включился, и дальше пошло-поехало... Уже не думаешь, что, как и почему... На рефlekсах... Будешь думать – получишь по полной. Как во время матча... Так же в драке, и в бою... В университете рассказывали: лётчикам иногда запрещают думать. Скорости большие, мысли обгоняют... Ты подумал, а обстановка вокруг другой стала. Надо просто что-то делать. Быстро поймёшь, что сделал правильно, а что нет. Ошибся? На ходу исправишь. А нет так нет. На земле будешь размышлять и анализировать... Мёртвый. *(Не сразу.)* Делим с взсэушниками одну лесопосадку. Дымком в нашу сторону потянуло. Я пожарный. Знаю, ветер переменный... Трава прошлогодняя, сухая. Они лесополоску подпалили, чтобы огонь в нашу сторону погнать. Думаем, они

за дымовой завесой наступать решили. Нет, просто затеяли подлянку нам устроить. Без атаки. Правильно говорят: «Хитрость – ум глупцов». Национальная черта... Пламя занялось. Сима мне: «Выдвигайся во фланг». «Дай стрелка», – ору. «Где я тебе возьму!» Снайпер, по определению, человек дальноточный. Далеко всё вижу, а тогда ни вблизи, ни вдали из-за дыма ничего не видеть. Что за судьба за такая! Опять один... Серёга орёт: «Стой, бешеный!». Я: «Пацаны, прикрывайте!». Никакой я не безумный... Очень даже не глупый... Лицо замотал... На фланг выдвигаюсь... Вышел из лесополосы. Жду, когда ветер переменится. Переменился... Постоял, подышал. Проморгался от дыма. Они на пашню из леса повыскакивали. Дальше – как в тире... Взвод оживился. За мной следом бегут. А я – как в Великую Отечественную – с винтовкой наперевес... *(Не сразу.)* У меня с мирной жизни повелось: всегда и везде быт пытаюсь наладить. Чтобы и сам всегда был ухоженный, и вокруг чтобы всё аккуратно было. Чтобы чайничек с кружками чистыми были. Чтобы котелок с ложкой блестели. Чтобы в боекомплекте каждая граната знала своё место. Сухпай, спички, сигареты в надёжном месте... А какая собака или кошка ни прибудутся, ко мне идут... В глаза глядят. Корми. С детства мечтал собаку иметь. Никак не получалось. Служба опять же... По несколько дней, а то и месяцев, бывает, отсутствуешь в городе. Киска прижмётся... Какой день будет – наперёд скажет. Урчит, как успокаивает. Мяукает. На войне как-то особенно они мяукают и мурлыкают. Беспокойство проявляют не так, как в мирной жизни. Предупреждает о том, что вот-вот начнётся... Потом бежит куда глаза глядят, или прячется в блиндаж или в землянку. Птички перед боем умолкают. Или просто улетают куда подальше... Мне кажется, чувствуют в воздухе особое напряжение. И тишина какая-то особенная наступает. *(Не сразу.)* Собака была... Ральф. За минуту до обстрела начинал выть. Предупреждал... Правда, побочный эффект образовался... О налёте всегда предупредит, а потом ответку путает с самим налётом. Тоже воет. Мешал различать, где прилёт, где ответка была. Мы его обычно сразу прогнать старались. Он – не кошка. Не то чтобы ума не хватает спрятаться. Он ещё и снаряды облаивать пытается. Разговариваю с ним вечером. «Ты почему

так себя ведёшь?» Смотрит честными глазами... У домашних животных на войне судьба солдатская. Киске позывной придумать не успели. Пропала куда-то. Разберись... Может быть, убежала. Скорее всего, завалило где-то взрывом... Человеческий труп не всегда найдёшь... А тут зверёк. А Ральф... Надо ж так, он к Куркулю приبلудился. Стал у него в землянке ночевать... Чем Куркуля пёс достал – не знаю. Взял – пристрелил... Кто он после этого? У контрактника, соседа, контракт закончился, он хотел на гражданку собаку забрать. Ходит, зовёт: «Ральф! Ральф!». Мы ему не стали детали объяснять... «При налёте, наверное, убило...» Если бы правду сказали, он Куркуля мог тут же одвухсотить. Ничего не обобщаю, но отношение к животным характеризует качество человеческой личности. Потом ещё скажу об этом... Вот опять же глаза... Человек перед тобой стоит, а глядит по-волчьи. Причём он скрыть это пытается. Шутит, улыбается, говорит что-то, а взгляд у него... Не человека это глаза... И не простодушные, как у кошки или собаки. *(Не сразу.)* Мясо на украинской территории мы у одних таких покупали. Пришёл под вечер. Беседуем. Вижу вот эти самые, звериные очи... Слушал, слушал... Вдруг отмечаю, что их меньше стало, чем на прошлой неделе было. Не ротация ли у них здесь? «Серёга, ты пацан тёртый, сходи-ка ты к ним», – говорю. «И не просто сходи, а «бэка» в обмен на жрачку предложи. Ну и по команде доложи, что по всему селу почему-то хреначат, а совхоз не трогают»... Мы совхозом эту ферму называли.

Лицо врага

Деревня Цуповка. Свиноферма, именуемая бойцами «совхоз».

СЕРГЕЙ. Снайпер из него хороший получился, но ему не снайпером быть, а ротой командовать... Если не батальоном... И контрразведчиком он классным оказался. Война – катализатор... Такое в тебе откроет, о чём не подозревал. Во-первых, голова начинает крутиться, как у попугая. Наверное, даже как у совы... Почти на триста шестьдесят градусов... Затылком, кажется, начинаешь видеть... На посту стоишь, кажется, слышишь, как муравьи топают. Когда Артём мне про совхоз сказал, я, Сима и Малой чуть ли не бегом туда. Домá, конеч-

но, на Украине – я тебе дам! Там даже бани из белого кирпича. Что мне понравилось, тюльпаны везде растут. Зашли. «Где все ваши?» «По делам уехали»... «По каким делам?» Когда мы их раздели... Долбить, копать, резать! Они такие расписные, что очередную наконечник некуда вставить... Орлы с молниями... Портреты Бандеры с рунами... Тут же паутина наркомановская и гладиаторы хулиганские... Всё в кучу... На нашей зоне пацаны куда скромнее... Артём правильно говорит про ум дураков... Всё чего-то хитрят, мудрят, в конце концов где-нибудь всё равно проколются... Проявили себя во всей красе... Орать давай... Ничего оригинального... Русня проклятая, и всё такое прочее... Стали подворье смотреть. Вооружения и экипировки – на взвода два нашли. Прибарахлились... Мы когда за ленточку выезжали, у многих в бронниках бронелистов не хватало. А тут всё тип-топ... Много чего обнаружили... Даже трекары... Фээсбешники нам потом объяснили, что это такое... Радиомаячки. Включаешь, подбрасываешь – хоть в грузовик с живой силой, хоть на крышу здания... Целеуказание для ракет и артиллерии... Захоронение нашли. Артём в точку попал с ротацией... Своих втихушку кончали и тут же закапывали... Копать, хрюкать, хныкать!

Бой

*Линия непосредственного боевого соприкосновения
с запрещённым в России подразделением «Айдар».
Лесополоса у деревни Цуповка.*

АРТЁМ. Если честно – никакая это не позиция... Боевое охранение. Дозор. Лесок небольшенький. Небо синее, а земля и лес нежно-зелёные. Были... За неделю так лес испохабили, что не понять, где что росло. До укропов метров четыреста... По ночам их голоса слышим. Сзади нас, справа, примерно метров через сто пятьдесят, ещё одно наше отделение. Там взводный Сима. Хохлам наш пятачок отдавать нельзя, и самим оборонять накладно. Но если отойдём – они до нас одним броском, за секунды дотянутся. Неудобная позиция. Всяко-разно, для роты, или даже батальона... Никак не для взвода... И железная дорога с грунтовкой нас рассекают. Как ночь наступит, ходим

туда-сюда через эти дороги. Обе, само собой, простреливаются... В тыл – двухсотых и трёхсотых... Обратно – «бэка» и другие припасы. С шести утра до восьми вечера они накидывают. Старались воевать по распорядку... Обезьянничали, европейцы недоделанные... Клади по нам через интервалы... Соответственно, нам встать нужно до шести... Утренние дела решить, позавтракать, чайку попить, покурить спокойно. А дальше как повезёт... *(Не сразу.)* Пятого мая утром, с четырёх до шести, был на посту. Разбудил Пашу, царствие ему небесное... «Паша вставай...» «Сейчас, сейчас. Попью чайку». Он меня сменял. А свет такой прозрачный, утренний... Я в землянку и спать. К обстрелам привык. Даже не просыпаешься во время прилётов. Смысл какой? Если точно в землянку попадут, что спящего, что не спящего, угробят одинаково. Разбирали в тот день нас реально. Наступать за огневым валом они в то время только учились. В принципе, наблатыкались подбираться максимально близко во время обстрела. Потом огонь дальше перенесли и всё... Они почти на наших позициях. Нет, наша ответка им график сбивала... Но доставать они нас стали конкретно. А тут Паша будит... Говорит: «Артём, две единицы брони и пехота...». А распахали нас так, что разобрать трудно, где траншеи проходили. Деревья, которые оставались, укоротило до пня, или повырывало с корнями... Главное, их поддержал прямой наводкой танк. Слон, говоря по-фронтовому. Он, сука, тем опасен, что от звука выстрела до разрыва снаряда меньше секунды. Обычный прилёт позволяет хотя бы пригнуться. Танковая пушка зажигает конкретно. Снаряд сто миллиметров. Воронка вроде меньше, чем от гаубичного боеприпаса, а мелких осколков больше в разы. Секут всё, что подвернётся, на метров двести вокруг. Если не дальше... *(Не сразу.)* Меня, Пашу и Никиту засыпало прямо в землянке. Как-то так хитро бахнуло у входа, что дверцу наклонило и земля с боков и сверху сползла. А хохлы уже на позиции. Стрелкотня стихла. Нам изпод земли их хорошо слышно... Перебрасываются фразами. В основном на русском языке. Иногда короткими очередями перекликаются. Гранаты то там, то тут рвутся. Где-то, кажется, прямо над головой. Орут: «Русня, сдавайся!». Ага, сейчас... Все трое по гранате в руке держим. Ждём. А чего ждём – не знаем.

Опять же, контузии у всех... Соображаем туго. Подорваться тоже надо уметь. Просто себя одного подорвать. Гранату под броник, и готово... Чтобы с ними вместе, гранату нужно у шеи держать... В землянке правильно никак не подорваться... *(Не сразу.)* В такую минуту каждый по-своему думает... Если выпала такая минута... У меня фотография перед глазами стояла... Сфотались сразу по приезде в Россию. Мама и отец молодые... Мы с братом маленькие... Когда на войну собирался, была мысль эту фотографию с собой взять. Решил не брать. Убьют, думаю, будут рассматривать... Ржать... По рукам пустят... Ещё и издеваться начнут... Не надо мной... Над моими!.. *(Не сразу.)* «Русня, мать вашу, выходи, кто живой!» – орут. Мне ещё до войны мой крёстный, Андрюха, объяснил: «Материться – значит Матерь Божью оскорблять». За это, думаю, кое-кто из вас сейчас ответит... «Не подорваться, а прорываться надо», – пацанам говорю. Паша спрашивает: «Может, отсидимся?». Его не только контузило, затрёхсотило со спины. «Не отсидимся... Рано или поздно достанут...» «Или сами, без кислорода, задохнёмся...» Дышать уже почти нечем стало. Землянка на двоих. Начал копать. Паша с Никитой кряхтят, с боков помогают... Сверху осыпаться стало... Привстал, и на меня как большую тачку с землёй опрокинули. Пыль, воздух и свет солнечных вдогонку... Небо синее-синее, ни облачка... Поёрзал-поёрзал, получилось сесть. Забрал у пацанов гранаты. Собрали другие, какие нашли. Я давай их кидать. Вперёд... Назад, через голову... Вправо. Влево. Дальше, по кругу... Штук семь-восемь, если не больше, разбросал. Осколки хлестали над головой как надо... Свою винтовку Никите оставил. Его автомат взял. Выкарабкался наружу. Рожок расстреливаю, а боковым зрением укропский «слон» хватаю. Стоит и долбит по нашей основной позиции. Наше отделение они уже похоронили. Тут их пехота меня сканировала. Хоть и залегла, стрелять не перестаёт. Где перебежками, где ползком вдоль позиции... Ни одного гранатомёта не вижу. Раскапывать окопы времени нет, а со слоником делать срочно что-то надо. Ползу. Перебегаю в сторону основной... Вижу, Куркуль в своей ячейке сидит. Живой. Не трёхсотый даже. Лучше бы, думаю, прибило бы тебя сразу, гада. Он немножко запаниковал. Сидит, трясётся, потом исте-

кает, как чушка перед закланьем. Спрашиваю: «РПГ есть?». Трясёт головой. Вижу, в ногах у него «шмель» лежит. Против танка он силы не имеет... Против пехоты... «Тёма, не шуми... Только не шуми», – вполголоса мне бормочет. Ору: «На хрена ты на войну припёрся! Только в одного контуженого пса и можешь шмалять!». В грудь ему, поверх броника, пинком наладил и назад... Ближе к слону. *(Не сразу.)* Ещё подумал: неправильно поступил с Куркулём... «Ладно, после боя, – думаю, – разберёмся». Ползу, стараюсь как можно ближе подобраться... Заметили, конечно... Прижали конкретно... Пули свистят, не вдохнуть, не выдохнуть... Ползу... Сам не стреляю... Если будут знать, где я – из подствольников запросто гранатами накроют. Спасибо, хоть сами не перебегают... Боятся... Но мне сейчас ещё и вставать надо. Из «шмеля» лёжа не стреляют. Не спину, так заднее место повредишь. С колена целиться – цель не всегда видно. Встать придётся в полный рост. А слон как долбал, так и долбит, сволочь! Снарядов, видно, под завязку. Может быть, и перезарядиться успели. Может, это вообще уже сменный слон работает. Затаился. Жду, когда стрелкотня хоть чуть-чуть стихнет, чтобы встать. Сам танк не вижу, по грохоту понимаю – рядом... Пули свистеть чуть меньше стали, я «шмеля» в боевое положение перевёл, на ноги вскочил. Прицелился. Выстрелил. И опять лицом в землю. Пули вокруг снова: фить-фить, фить-фить... Отползаю, а сам слушаю... Что слон? Заткнулся, кажется. Но двигатель, слышу, работает. Потом раз – и движок заглох. Что там у них произошло, до сих пор не знаю. Понятно, что броню «шмельём» не проймёшь, но хорошую контузию экипажу устроить, слышал, можно. Если в щель между динамической защитой попадёшь. Целился я под башню. Выходит, попал, как надо. *(Не сразу.)* Что делать, думаю... Доложиться Симе надо. И выходит, что, кроме себя самого, с донесением послать мне больше некого. Никита с Пашей... Одного Пашку никак оставлять было нельзя. Куркуль не в себе... Даже если доложит – переверёт. Главное, помощи ему Сима, точно, не даст. Самому придётся... Поди, в самовольном оставлении позиции не обвинят. После подбитого слона... Молчит слон. Молчит монстр хренов! Тут нужно объяснить, что небольшое затишье образовалось. Наша арта ответку отработала. Танк не стреляет.

Стрелкотня – не в счёт... Где ползком, где перебежками... Добрался. А у них ничуть не лучше, чем у нас... Всё перепахано. Только Симе доложил про подбитую единицу техники – опять пошли прилёты... Чем меня зацепило, до сих пор не знаю... И, главное, в ту ногу, которой я Куркуля пнул... Подбросило, чуть не кувыркнулся. Боль страшная. Смотрю – бедро пробито. А там, где пятка была, – месиво... Ногу мне перетянули. Обкололи... Всё равно боль не проходит. Да такая, что ни говорить, ни слышать – ничего не получается. Как издалека доносится – Сима благодарит меня за танк и приказывает меня в тыл эвакуировать. Серёга вызвался... Только кто бы знал, где сейчас тыл... Со всех сторон разрывы. Стрелкотня. И сознание никак не уходит – потому и боль не оставляет. Боль была дикая...

Эвакуация

Лесопосадки в районе Цуповки.

СЕРГЕЙ. Раненым Артёма увидел, когда сам перевязывался. Сима приказал его эвакуировать. Я вызвался. «Давай, – Сима говорит, – заодно и себя эвакуируй». «Только аккуратней там со своим ранением...» Меня по заднему месту приласкало... Могли возникнуть вопросы... «Только дай мне троих, чтоб из-под обстрела его вытащить». Дал. Артём сначала сам идти пытался. Двое поддерживаем, он посередке, культёй траву цепляет. Стонет и подпрыгнуть на одной ноге пытается. Короче, идёт, как пляшет... Там, где пятка должна быть, – косточка, беленькая такая, торчит. Я говорю: «Ну-ка, лёг быстро!». Он понял, что сам не докондыляет. Подчинился. На одеяло положили. «Погнали», – говорю. Выносили его по лесополоскам. Двое вперёд пробегут, посмотрят, что и как... Дальше тащим... Потом двое других вперёд сквозанут... Отстреливались один раз... Так вот и волочим его, по тихой грусти. «Покурить дайте», – говорит. «Да погоди ты, курить!» «Ногу... на ногу... мне, – говорит, – положите». «Какую на какую? Больше тебе ничего сверху положить не надо?» «А то мы сейчас скинемся и положим поверх тебя... Всё и сразу»... Пацанов я назад отослал... Тащу его один. «Гранату дай», – просит. «Ну ты красавчик», – говорю. «Себя

понятно, а меня-то за что ты подрывать собрался? Я тебе ничего плохого не сделал»... Боль у него не проходила, и сознание никак не терял. При таком ранении потеря сознания – самое крутое обезболивание. Я только тут сообразил, что кололи, его, не зная, как правильно это делать. Добровольцы, копать, колотить! Крест-накрест по конечностям нужно было... Если ранен в левую ногу, то уколоть нужно в правое плечо. Спросил, как кололи. Заново его ширанул. Смотрю, полегчало. Я опять вперёд. Вижу – дорога. На ней бэтээр стоит. Без опознавательных знаков. Чей – непонятно... Я вышел... «Будь что будет», – думаю. Магазин отстегнул. Автомат двумя руками над головой поднял. Бэтээр башней завертел. Потом пулемёт на меня наставил. Выскакивают несколько человек. Занимают круговую оборону. Ближний командует: «Оружие на землю. Сам ко мне... Кто такой?». «Из Барса, – отвечаю, – трёхсотый у меня!» Молчат. Но вроде наши... Я со психу автомат бросил. Пошёл за Артёмом. На дорогу его вытаскиваю. Они видят, что действительно у меня трёхсотый... Подбежали. Что, как? «Пацан танк подбил», – объясняю. Артёма без лишних базаров к машине... По рукам с ним ударили, обнялись. В другое время поплакали бы. А здесь у меня только одно в голове... Слава Богу, допёр! Где-то два часа мы его эвакуировали... Спрашивают: «А ты куда?» «На войну. Куда ещё?» Они по газам, и я по газам... К пацанам... *(Не сразу.)* Картина, конечно, была ещё та... Всё разворочено. Но хохлы оттянулись. Наша арта Тёмин танк дохреначила. Контрактники к нам зашли. Трёхсотых перевязывают, двухсотых откапывают... А Симу – Никита с Малым поддерживают... В центре стоит... Живой памятник разбитому взводу. Сам до последнего отстреливался. Весь истрёхотенный... По нему ещё из АГС отработали... Девяносто три осколка в нём потом насчитали... Рука перебита... А главное – вместо носа у него – дыра... Говорит... Громко так: «Три дня насморк мучил, а тут дышу... Прикольно»... Фельдшер-контрактник его спрашивает: «Нос где?» Сима в карман полез. «Вот». И, осколком срезанный, нос показывает. Приколист... Мы все ржём. А медик тоже приколистым оказался... Говорит: «Ерунда... Пришьём на место... Насморк вернётся»... Мы громче ржать... Я только там понял, как возникло словосочетание «смех и грех»... На войне

оно образовалось... Дурной, конечно, смех... Но самое смешное, что нос ему пришили. И он, зацените, прирос... А вообще, нужно сказать, если бы Артём слоника не заткнул – нам бы всем – нецензурный синоним от слова «конец»... Так хоть кто-то остался... Ну а то, что все если не трёхсотые, то четырёхсотые, – так с нынешней войны вообще редко кто без контузии домой придёт. Никите с Пашей отсидеться не пришлось. Никита из винтовки Артёма отстреливался. Несколько раз укровские гранаты из землянки обратно выбрасывал. Выжил. А Паша... Смертельным ранение у Пашки оказалось... Позвоночник... Он к нам прибыл за день до этого. Рассказывал о себе вечером, накануне... Всю свою биографию рассказал. Как с жизнью прощался...

Морок и свет

*Приграничный эвакуопункт. Госпиталь в Белгороде.
Перелёт в Москву. Главный военный клинический госпиталь
имени академика Н. Н. Бурденко.*

АРТЁМ. На этой войне через границу едешь... Пацанов наших на эвакуопункте встречаю... Меня искали... Поддержать... Смотрю, где-то уже по сто грамм прилепили... Легко раненым даже нужно немного... Хотя Сима, скорее, тяжёлый... Кричит: «Артём! Снайпер мой любимый!». Серёга, как в «Камеди Клуб», языком чешет: «Все здесь! Сима, Немец, Малой, Никита». «Я Никита, – Никита говорит, – я так просто, мимо проходил...» Мог бы смеяться – я бы посмеялся... Сил только улыбнуться хватило... Что тут скажешь? Изменённое психофизическое состояние... У наркоманов, кажется, «кумар» называется... А у меня сумеречное состояние – морок. И суток двое-трое потом – морока... *(Не сразу.)* Время непонятно как шло. От границы до Белгорода, наверное, около часа езды... Показалось, весь остаток дня ехали... В госпиталь привезли... Весь грязный... В пыли, в крови... Санитары форму с меня срезают, протирают чем-то... Перетаскивают с места на место. Сёстры милосердия молитвы читают. «Не переживай, – говорят, – ножка тёпленькая»... «Тёпленькая... Не переживай...» И всё это тянется... *(Не сразу.)* Тут меня трясти начало от обезболивающих... Колошматит, мама

не горюй... «У меня тяжёлое ранение. Почему других пропускаете?» – спрашиваю. Ногу не хочется терять... «И здесь, что ли, взятки?» *(Не сразу.)* Попадаю на операционный стол. Диалог с хирургом... Говорю: «Я – спортсмен. Военный, по сути... Я хочу дальше работать, жить!.. Сшейте ногу! Лям даю... Приду, лично тебе дам...» «Не надо ничего такого», – отвечает. *(Не сразу.)* После наркоза просыпаюсь... Первое, что чувствую, – не хочу смотреть, что там... Краем глаза глянул, что... Вижу – всё перебинтовано. Сразу мысль – инвалидность... Что дальше? Как дальше? И опять быстро всё стало происходить... Утром бой до двенадцати, может быть, до часу... В шесть вечера, или в семь, меня уже оперировали. А в десять часов забирает нас борт, и мы летим в Москву. *(Не сразу.)* В борту была картина, ни один фильм не передаст... Стойки под армейские санитарные носилки по всему самолёту... В каждой стойке где по двое, где по трое носилок с ранеными. Всюду стоны. Каждый кричит: «Сестра!». Тогда понял, что это такое, когда ты сестру зовёшь. Отношение к тебе меняется, и ты как бы обязан крикнуть «сестра». Обозначить должен, что ты здесь и живой... Крики, стоны постоянно. Кто-то вообще воеет. Кто без руки, кто без ноги... Танкист обгоревший, весь перебинтованный, как мумия... Только рот и нос видно... Хрипел страшно. У другого половины головы нет. Думаю: «Как ты жив-то ещё?». Полчерепа отсутствует. Сёстры ходят туда-сюда. Кому-то уколы ставят. Кого-то перевязывают. У кого-то мешочек какой-то выпал. Пятый кричит: «Я сознание теряю». Так бывает из-за страха умереть. Человек в этот момент умереть боится. И через весь этот морок мысли... Я лечу в Москву... *(Не сразу.)* Всегда мечтал в Москву попасть. Погулять... Посмотреть на всё своими глазами. Неужели, думаю, вот таким путём, вот таким способом суждено мне в столицу... После всего этого... Через такую жизнь... С борта – в «пазик»... В главный госпиталь Бурденко... Как понял, нас как-то распределяли между Вишневого и Бурденко... Не случайно это, как-то... сортируют, смотря на то, какие и где были бои... Ночь. Ни сон, ни явь... Полудрёмой тоже не назовёшь. Одно слово – морока. И боль... Не острая, а такая тягучая... Терпимая, в общем-то... Но тяжёлая какая-то... И в мозгу боль не отдаётся. Поселилась и живёт там – уходить не собирается... *(Не сразу.)*

зу.) Утро в Бурденко. Расписывают... Кровь, мовь... «Готовься к операции. Ничего не ешь»... И утром же – первая... Операций у меня было много. Больше десяти... После ампутации там идёт один подпил, второй подпил... Потом сбор тканей... Формирование... Потом, после операции, тебе штыри, трубочки какие-то вставляют... Что-то там вытекает... Перевязки... Это тоже, считай, операция... Под наркозом потому что... Потом решали, что с этой травмой в бедре делать. Дырка сквозная. «Зашивать тебе мы её не будем», – говорят. Один раз тампон сам вытаскивал... Достал. Думаю: «Как это всё там поместилось?». *(Не сразу.)* Приятно, конечно, когда к тебе приходят врачи, сёстры. Ты из такого дикого места приехал, что до конца не осознаёшь, где ты сейчас находишься. Палата солнцем вся залитая. Свет чистый из каждой щели проливается. Всё чистенькое. Белое. Всё блестит, сияет. Сестрички, как ангелы небесные... Тут – Девятое мая! *(Не сразу.)* Врачи как ни регламентировали, ничего поделать не могли... Что там, на улице, творилось, не могу сказать, но музыка звучала очень громко. Двери в палату не закрывались. Одни уходят, другие приходят. Поздравляют. То стихи читают, то на гитаре играют. Которые с гитарой, ушли, следом с баяном заходят... Апельсины, мандарины, яблоки, виноград всякий... Конфеты, печенюшки, шоколадки, тортики... Ребята, куда нам сейчас кушать? Ты после наркоза, а тебе: «Сока хотя бы выпей...». Понятно, что человек хочет добро сделать... Но какие мы сейчас едоки?! Зрители и слушатели тоже никакущие. Я вообще не люблю повышенного к себе внимания. Всегда мне неловко от этого. Но всё равно на душе хорошо. И радуешься, конечно, что живой остался. Но радость, как и положено Девятого мая, «со слезами на глазах»... Мы до своей Победы пока не довоевали, но как-то понимаешь, что День Победы стал твой ещё больше, чем раньше был. Но пока хотелось, чтобы никто не беспокоил... Тишины хотелось. В себя прийти... С мыслями собраться... А мысли, как тараканы от света, во все стороны разбегаются. Не отследишь, куда какая побежала... *(Не сразу.)* Вот ещё о чём рассказать надо... Одна операция длилась у меня пять часов. Я не знал, что такие долгие операции два хирурга проводят. Сам хирург и ассистент... А у меня после всех этих наркозов уже невосприимчивость к

анестезии. Боли не чувствую, а заснуть не могу. Не вырубаюсь и всё. Врачи подождали-подождали, потом слышу, говорят: «С анестезией рисковать не будем. Оперируем...». Меня спрашивают: «Ты как?». «Я не возражаю», – говорю. Хирург смеётся: «Ещё бы ты возражал... Говори...». «Что говорить?» «Рассказывай что-нибудь...» Я давай рассказывать... Как я весь Краснодарский край изъездил... Всё побережье от Анапы до Сочи с рюкзачком исходил. Про то, как на Байкале был... Как на Алтае на Белуху поднимался. Потом слышу, старший кому-то говорит: «Я смотрю, вы тут уши развесили... Заканчивать надо...». Я так понял, он покурить выходил. «Я тут подумал, – говорит, – давай-ка, парень, мы попробуем тебя от фантомных болей избавить. Не возражаешь?» Какие возражения? Стали между собой говорить. Я не совсем всё понял. Потом мне объяснили, что если нервы оборванные найти и каким-то особым скальпелем обрезать, то дополнительно никаких операций не нужно будет делать, чтобы искать эти нервы и лечить. Нашли... Обрезали... И точно... Сама рана отболела, а фантомных болей не было. Мне другие ампутанты рассказывали, что фантомные боли – пакость редкая. Самой конечности нет, а пятка, например, болит, как будто именно её у тебя только что оторвало... Бывали, говорят, случаи, когда Герои России были готовы из балкона на улицу выброситься... *(Не сразу.)* Когда ты раненый, то по отношению к врачам ты – свинья неблагодарная... Сколько они над тобой колдуют, а ты даже имени у человека не догадаешься спросить. Вот уж точно, насколько благодарная, настолько неблагодарная профессия... Сестрички вообще, я уже говорил, ангелы... *(Не сразу.)* Судьба в нужный час, в нужную секунду всё равно себя проявит. Я на операции мог быть. Мог просто на улицу выйти покурить. А тут на месте... Лежу. Входит представительный мужчина. Депутат Государственной Думы. Председатель фонда «Своих не бросаем». «Как ты вообще?» «Нормально». Родители?.. Жена?.. Дети?.. Мама... Не женат... Детей нет... На войне так даже легче... «Телефон есть?» Нет. «Девчата! Телефон ему с симкой, и сегодня же закрепить за ним куратора...» Приносят телефон. Первая эсэмэска: «Здравствуйте, Артём! Я – Екатерина. По поручению фонда»...

Координатор и любовь

Москва. Ялта. Екатерина. Она из тех женщин, которые привлекают мужское внимание в любом возрасте.

ЕКАТЕРИНА. Когда мне позвонили и попросили о помощи, сразу не поняла, чем могу помочь инвалиду войны. Мне объяснили, что предстоит выступить в роли координатора. Дело в том, что эти ребята срочно нуждаются в административной поддержке. У многих утрачены документы. Нужно восстанавливать паспорт, военный билет. Иногда подтвердить сам факт участия в боевых действиях. Оформить инвалидность. Встать в очередь на протезирование. Установить связь с родственниками, и много-много разных мелочей, без которых человеку невозможно жить дальше. Есть ещё одна причина, о которой не принято говорить. Она ужасает всей своей мерзостью. Мошенники... В реальном проявлении – мошенницы... Чему, спрашивается, удивляться, если до этого жулики открыли охоту на инвалидов и ветеранов даже Великой Отечественной войны. Но здесь несколько другой подход. Хотя принцип тот же... Как у любого разводилово на деньги... *(Не сразу.)* Представьте одинокого, изувеченного войной молодого человека. Никому в мирной жизни особо не нужного. Или брошенного всеми... Так иногда случается. Но ему государство положило большую зарплату. Выплачивает все положенные доплаты за ранения. Единовременные выплаты... Щедро рассчитывается за уничтоженную вражескую технику. И вот к этому народившемуся миллионеру подкатывает молодая, не обязательно модельной внешности, извиняюсь, шалава... Неважно, через телефонный звонок или как-то иначе... С предложением сначала дружеского участия в его судьбе, а затем с признанием в вечной любви и с декларацией верности до гроба. *(Не сразу.)* С Артёмом вряд ли, конечно, такой номер прошёл бы, но мало ли на чём можно подловить молодого мужчину! Было бы желание... Тут полный арсенал: от невинной просьбы о дружеской помощи до беременности. Мнимой, или даже истинной... И для многих молоденьких мерзавок такая, с позволения сказать, работа не только не обременительна, но во многих отношениях приятна. И моя задача заключалась в том, чтобы чисто по-женски

где-то предостеречь, а где-то и растолковать – что, как и почему... Да и просто побеседовать с человеком на отвлечённые темы... Возвращать его к мирной жизни как-то надо. *(Не сразу.)* Психолог сразу предупредила: общаемся дистанционно, избегаем прямого контакта. Держим дистанцию... Общаться предпочтительно СМС. Фотографиями лучше не обмениваться. «Вдруг ваша внешность окажется нелицеприятной для вашего клиента»... Да-да. Так и сказала... Клиента... Меня буквально покорило... Как-то странно... Сказала бы «подопечного», или как-то иначе... Да и сам подход... Понравиться так, чтобы не очень понравиться, и как-то так подружиться, чтобы не очень дружить. Наверное, у самих не совсем получается с практической помощью. Вот такие, как я, и потребовались. Хотя со мной тоже не просто. Мой бизнес – индустрия красоты. Это сплошь и рядом – психология. Прикладная. Отвлечённые понятия не особенно приветствуются. Без конкретики далеко не уедешь. И, точно, ничего не заработаешь. *(Не сразу.)* Стали общаться. Своими эсэмэсками не я, а он меня разговорил и разоткровенничал. Смешил постоянно. «Если ты страхолюдина ужасная, не хочешь личико показать, – пишет, – то успокойся... Я внешне, и внутренне – тоже урод конченный». Заинтриговал... Когда его голос первый раз, по телефону, услышала, скажу честно, поплыла... Голова закружилась. Его за один только голос полюбить можно. Опять о фотографиях речь зашла... Мне же тоже интересно, какой он. А он говорит: «У меня никакой приличной фотографии сейчас под рукой нет. А элфи из госпиталя – это засада... Найди, – говорит, – в ютубе сюжет про меня на «России 24». Я, правда, после СВО другой стал, но, поди, похож»... Я в ютуб... Наверное, так влюбляются в киноартистов... Но он-то, в телевизоре, настоящий... Из жизни... Не актёр... У меня просто крыша поехала... Та самая ситуация, когда не хочешь, а воскликнешь... Куда бабы смотрят! Не скрою, сама удивлялась: почему такой, внешне герой-любовник, ни разу не был женат... Наверное, думаю, какой-то внутренний дефект всё же есть. Не бывает так, чтобы всё было при нём, а он, в свои тридцать шесть, холостой... Выясняется – бывает... Есть дефект! И знаете какой? Никогда не догадаетесь... Он по-настоящему, безответно, любил только одну женщину. Всё!

Это по нынешним-то временам. *(Не сразу.)* Мы с Артёмом ещё ни разу не виделись, а я уже не могла без него жить. Но и то понимала, что не бывает так, чтобы влюбиться в киношный образ и он совпал бы с реальным человеком. Моя семейная жизнь на тот момент дошла до края... Официально развода не было, но... Бывший муж знал об Артёме... Я объяснила, что инвалид, что военный... «Не влюбись», – говорит. *(Не сразу.)* Поздно! Влюбилась по уши...

Свидание

*Москва. «Санаторий «Горки» Министерства обороны
Российской Федерации.*

АРТЁМ. Уверенность от её голоса всегда исходила... Вроде ничего особенного не скажет, а поговорил, и дышится легче. Дальше – больше... Душа стала теплом наполняться. И звонков её уже не хватало. Приучила... Из госпиталя меня перевели в санаторий, в Горки... Санаторий – не госпиталь. Нет этого специфичного запаха безысходности, который за тобой из боя в эвакупункт, из эвакупункта в госпиталь вместе с ранением идёт. Потом, осень золотая... Воздух прозрачный. Боль меньше стала. Но в душе тревога какая-то поселилась и живёт... И не уходит... Вроде далеко война, а она, оказывается, никуда не делась... Инвалидность тоже как-то по-иному осознаётся... С другой стороны, вокруг все свои... Все такие же, как и ты. Судьбы похожие. Проблемы одинаковые. Когда ещё так будет? Рассказываем друг другу, как у кого на войне было. Переосмысливаем, думаем, как дальше жить будем. *(Не сразу.)* Застолье сначала кажется, помогает от войны уйти и освободиться. Но она от тебя всё равно не отстает и не отстанет, наверное, никогда, а опасность новая уже возникла... К войне алкоголизм присоединяется. И поплёлся потихоньку за тобой следом... Кого-то как старого знакомого встретил... *(Не сразу.)* Как-то раз не спалось... Вышел под утро покурить. Смотрю, дворник от одной мусорной урны к другой передвигается... А в каждой урне – бутылки и банки с горкой... Так почти полный мешок дворник и набрал... Не скажу, как у других, но у нас под Цуповкой был сухой закон. Серёга с пацанами, конечно, мутили... На Украине

горилка, как из крана, льётся. Но аккуратно как-то они выпивали. В мирной жизни грань между фронтовыми ста граммами и литром очень тонкой оказалась. *(Не сразу.)* Тяжело, конечно, было... Костыли – костылями, ходить научился, а в душе вакуум... В тот момент, честно говоря, впал в депрессию... Как комп, завис... *(Не сразу.)* Вдруг прежняя любовь объявилась... Почувствовала, наверное, что власть надо мной теряет. Но главное, сам понял, что почти освободился от неё. А она звонит и звонит... Почти каждый день... И насколько мне нужен был хотя бы один её звонок, когда на СВО собирался, настолько все её звонки теперь для меня лишними стали. Говорит: «В Москву собираюсь. Хотелось бы увидеться». А мы уже с Екатериной договорились о встрече. Она должна была из Ялты приехать. Чтобы мне Москву показать. *(Не сразу.)* С костылями я управлялся очень даже лихо, но костыли – они и есть костыли... Не разгонишься... Сам себе в тягость... Зачем, думаю, всю эту тяжесть на кого-то ещё перекладывать? Екатерина звонит... На звонки не отвечаю. Не то что не хочу, просто боюсь её своим состоянием убить. Потом соображаю, что она уже в Москве должна быть. «Это что же я делаю», – думаю. Человек с места сдёрнул и затихарился... Звоню. Слышу, волнуется очень... «Случилось что-то?» «Нет». «Завтра уезжаю... Могу к тебе приехать?» «Конечно»... Трусом никогда не был, но тут запаниковал... Как встретимся? Что говорить буду? Волновался ужасно. Ещё и не брился несколько дней. Подстричься бы надо... В зеркало глянул... Краше в гроб кладут... Ладно, думаю, какой есть, такой есть... Может быть, так лучше даже... Правда, приоделся. Нам спортивные костюмы волонтеры подогнали. Сижу – жду. Спортсмен, как Серёга говорит: копать, пинать, прыгать! *(Не сразу.)* Забегает наш Бурят. У него позывной Бурят, и сам он настоящий бурят. Улыбается во весь рот. «Артём, к тебе пришли!» Для тех, к кому каждый день приходят, «к тебе пришли» – обыденность. А для меня – музыка... Под эту музыку к ней на костылях и пошёл... Увидел – обомлел... Говорят, царевна-лебедь... Передо мной царица стоит... Падай на колени... А я к ней на костылях чапаю... Один костыль уронил, когда обнимал её. Как-то так, непонятно, и не в губы, и не в щёчку, поцеловались... Куда ткнулся, не понял... То ли в щёку,

то ли в шею, то ли в крыло... И не то чтобы там люблю, или обрадовался... Обнял крепко. Поймал. Ни за что не отпущу, думаю. Всё для меня ясно стало... Моя! Светом особенным всё засияло. *(Не сразу.)* В машину сели. Она за рулём. Я рядом. И, как два попугайчика впервые в одной клетке... Попеременно, по очереди, а то и сразу вдвоём, не разберёшь, стали чирикать... Про войну, про жизнь, про всё сразу... Она спросит – я отвечаю. Сам спросил – она говорит. И, кажется, мы не просто знакомы, а знаем друг друга очень и очень давно... Просто не виделись долго... И по ощущениям – мы птицы особого полёта... Крылья в машину не вмещаются... Стали к Москве подъезжать. «С чего начнём? Что ты хотел бы увидеть?» «Кремль!» Для меня как-то так сложилось с детства: Москва – это Кремль. Потом уже всё остальное... Кремль для меня – не только сам кремль. Ещё и Красная площадь, и Спасская башня, и Кремлёвская стена, и Мавзолей ленинский. Ленина посмотрел... У кремлёвской стены, там, где урны с прахом, табличку маршала Жукова нашёл... Постоял. Душа как-то на место встала...

Прогулка по Москве

Москва. Красная площадь. Патриаршие пруды.

ЕКАТЕРИНА. Он сильно изменился, если сравнивать его с тем, какой был в репортаже по «России-24». Другой... Даже непонятно, он или нет... Пока не обнялись... Он меня как в новое платье одел... Я другая стала... Стали разговаривать. Он лучше, чем по телевизору, оказался... Конечно, удивилась, когда он про Кремль сказал... Почему Кремль? Зачем Кремль? Сразу до меня не дошло, что Кремль для него – картинка из советского Букваря. Он, взрослым, не утратил детское восприятие... По Красной площади шёл, как любознательный ребёнок в большом музее... Лицо удивлённое, довольное, голова во все стороны... Я ещё думала, как ему по брусчатке на костылях идти, а он как шёл-пошёл, я едва попевала. Потом приотстал, не стала ему мешать... Вообще-то, говорят, я неплохой экскурсовод. Но тут тот случай, когда человеку экскурсовод не нужен. Ему просто необходимо своими глазами увидеть то, о чём он много слышал и многое знает, но с чужих слов... Смотрю на него и по-

нимаю, что ему просто не надо мешать... Отходила в сторону, пока он какой-нибудь экспонат изучал. Ждала. Он возвращался ко мне. Потом снова... Так и хочется сказать – убегал, если бы не на костылях передвигался... Действительно спортсмен... Обычный человек с таким увечьем, за такое время, после такого ранения просто не в состоянии так быстро и ловко двигаться. Нам ещё предстояло подумать о протезировании, но я поняла, что думать об этом нужно было вчера. Тормозите, госпожа координатор... Ещё внемите специалистам по посттравматическим синдромам... Перед вами человек, привыкший рассчитывать на свои силы. Ему помогать – значит не мешать... Будь рядом – сам всё сделает. *(Не сразу.)* Подходит. Поцеловал в щёчку. Обнял. «Спасибо», – говорит. К нему прижалась. Не знаю, что в ответ сказать. «Покормить тебя надо...» Идти в ресторан категорически отказался. Остановились на кафешке... *(Не сразу.)* Если нравится, как человек ест – значит, он тебе действительно нравится... Артём любопытно ел. Быстро и аккуратно. Непринуждённо. Спрашиваю: «Куда теперь?» «С тобой хоть на край света». Привезла его на Патриаршие пруды. «Как речка называется?» Смеюсь... Для него, если вода в городской черте и это не море, то это – только речка и ничего другого... Объяснила где мы... Он опять в мальчишку из музея превратился... «Так это здесь кино снимали?» «Здесь»... Вскочил на костыли. Давай прохаживаться... Возвращается... Счастливый такой... Предлагаю: «Давай-ка мы с тобой в одно место зайдём»... «С тобой хоть в разведку...» *(Не сразу.)* У меня приятельница на Патриарших салон красоты держит. Зашли... «Привет!» «Привет!» «Мне молодого человека в нормальный вид привести...» «Какие проблемы?» Девчонки выскочили. Передаю им Артёма. Приятельница – «кто», да «что»... «Потом, потом»... Она всё сходу поняла... Чайку? Кофейку? «Нет-нет. Я на улицу». «Давай-давай, вижу, воздуха тебе не хватает...» Мне и правда, воздуха не стало хватать. Вышла. На лавочку села. День тёплый, солнечный. Листья разноцветные с деревьев падают. Жду. Выходит. Улыбается. Ко мне идёт. Говорит что-то... А я точно и не слышу... Ещё и онемела от того, каким он вышел. Как же рядом с таким мужчиной находиться, чтоб не теряться на его фоне! Просто страшно стало от того, какой он молодой

и красивый... Очень мужественный. Ничего теперь не поделаешь. Полюбила, как никого никогда не любила. Как можно не любить такого человека!

Не знаешь, где найдёшь

Хабаровск. Пивная. За столом Сергей.

Нога у Артёма – не нос у Симы... Не пришьёшь. Но в некоторых обстоятельствах у одноногого могут найтись преимущества... Перед двуногими... Я бы мог присоветовать пару-тройку вариантов... Но Тёма, хоть и спрашивал у меня иногда совета, – меньше всего в советах нуждается. Копать, дерзить! Я всегда говорил и буду говорить... Человеку не дано знать, что ему вредно, а что на пользу идёт... Народ трепаться не будет... Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь... Не отсиди я пять лет... Какое там оконченное среднее! Я законченного вообще никогда бы не получил. А так и школу, и технарь закончил... Правда, заочно... Но книг перечитал, всяко-разно, больше некоторых студентов-филологов. Им когда читать? То лекции, то семинар, то спортзал, то кафешка... То фестиваль, то форум, то ночной клуб... Им не то что читать – им учиться некогда. Большевики не зря завещали... Учиться нужно в тюрьме... Учиться, учиться! И ещё раз – учиться! Артём по жизни – пацан образованный, но главное, что ещё до войны в Бога верил. Потому у него на все обстоятельства взгляд незамутнённый. Если на увечье смотреть, как на наказание – это один разговор. А если рассматривать инвалидность как испытание, то совсем другой базар получается. *(Не сразу.)* Я где-то читал, что «писателя делает детство, а писать заставляет война»... Меня она, сука, писать заставила. Но куда кривая вывезет, не знаю... Об Артёме и о всех нас написать – то ли таланта не хватает, то ли навыки отсутствуют... Художественные образы складываются какие-то неправильные... Не знаю, куда потом их засунуть. Самое яркое впечатление, когда выдвигались на передок, знаете какое? Колонной идём, а девчонки вдоль дороги стоят и сиськи показывают... Был бы поэтом – написал... А если не поэт – заткнись и не заикайся? Или вот ещё... Насущное... Дерьма на любой войне всегда много... Но, бывает, такие квинтэссенции случаются

– не придумаешь... Когда в обороне стоишь, первым делом яму копаешь, чтобы в туалет ходить в одном месте... Чтобы не по всей округе... Скворечник ставить нельзя... Сверху сразу видно... Пацаны говорили, что в Афгане обычно рылись траншеи... От десяти и больше на полк... По две доски сверху кинули... Живи – не хочу... Наливник подогнали, соляром залили... Всё прекрасно... Дезинфекция... И воздух почти чистый... А на ридной Украине ни тебе досок, ни тебе соляры... Ну и вот... Рота в одно отхожее место с месяц примерно ходит... Добра накопили под завязку... Обстрел. Как будто именно туда метили... И, сдаётся, натовским калибром... Воронка метра три-четыре вниз... На триста метров вокруг одно это самое, в различных фракциях... От куска до воздушно-капельной взвеси... Смех и грех... Ну, само собой, звание сраной роты... Хотя нет худа без добра... Хохлы атаковать перестали... Недели две начальство нос не казалось... О фронтовых репортёрах вообще забыли...

На своих двоих

Петербург. Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова.

АРТЁМ. В Питер переезжали вместе... В военно-медицинскую академию... В Горках мы приспособились общаться-встречаться... А тут – всё очень не просто... «Кто она вам?». «Кем он вам приходится?» *(Не сразу.)* Нам нужно было срочно в город выехать... Вдвоём... С протезированием вопросы решать... Меня не отпускают и всё... Через КПП не проскочишь... До заведующего отделением дело дошло... Я говорю: «Мне что, как в самоволку, к протезисту бегать?». «Пусть специалист сам приезжает, раз вас наш протезист не устраивает. Пропуск выпишу. А в самоволку – пожалуйста... Только имей в виду, обратно распоряжусь тебя не пускать. Будешь лечиться и восстанавливаться за собственный счёт». И пояснил, что я ему «не подчинённый, а пациент... Сбежал из клиники – ты никто и звать тебя никак...». Екатерина молчала-молчала, потом говорит: «Протезист наш не простой... Один из лучших в своём деле... К нему на приём записаться почти невозможно, не то что куда-то его вывезти... Вы нам просто не оставили выбора»... «В смысле?» «Мы через забор перелезем». Он: «Вам

к психиатру обращаться нужно!»... Но пропуск выписал... Есть в Екатерине это качество – говорит веско и убедительно. На неё кто ни поглядит, сразу понимает, что перед ним настоящая императрица... *(Не сразу.)* А что до заведующего отделением... Настоящий полковник... Как-то собрал всех ходячих... «Я вас от алкоголизма лечить не собираюсь... Не мой профиль... Но профилактика этого заболевания у меня отлажена до мелочей. Когда будем прощаться, своей рукой сто грамм фронтальных налью... Но упаси вас Боже без разрешения здесь выпить... И всем неходячим передайте, чтоб даже не думали...» *(Не сразу.)* Арменом протезиста звали... Встретил нас, как родных... За стол усадил... Что тут говорить! Кавказский стол. Вино. Мясо, сыры, зелень. Фрукты. Я вина чуть пригубил, из уважения к хозяину, и на место бокал поставил. Он, как потом выяснилось, для себя это отметил... *(Не сразу.)* Размеры обеих ног сняли. Слепок культи сделали. Это для того, чтобы в гильзе протеза обратный слепок изготовить. *(Не сразу.)* Весь день, до вечера, мы в клинике провели. Разговаривали. Телек смотрели. А мысли что у Екатерины, что у меня об одном и том же... *(Не сразу.)* Приносят протез. Первый раз ногу в гильзу вставляю. «Сиди, сиди»... Зеркало небольшое принёс, рядом с протезом на пол ставит. «Смотри, изучай... Вставать рано»... Снимает с ноги протез. Я двумя руками вцепился и не отдаю... «Не волнуйся... Верну тебе твою игрушку...» Что-то ещё там доделал... Возвращает... «Вот теперь – всё... Давай-ка пройдишь, и прошу к столу...» За столом о чём-то разговариваем, а я уже мысленно хожу... Я в тот момент извинился и к вину не прикоснулся... Армен говорит: «Мне нравится ход твоих мыслей... Он правильный»... *(Не сразу.)* Говорят, психологически очень трудно от костылей или от палочки отказаться. У меня как-то просто получилось. Костыли хотел прямо в клинике оставить. «Нет-нет, – говорит, – они тебе ещё пригодятся»... *(Не сразу.)* Вы представить себе не можете, какое это счастье – ходить на двух ногах! Весь следующий день я был самым счастливым человеком на свете... Конечно, доходился до того, что нога распухла. Почти весь следующий день лежал... Ногу заживлял... Схожу на костылях поест, покурить, и ложусь... Лежу. Как дурак, улыбаюсь... Мне стало ясно, что делать надо, как жить... Нужно тре-

нироваться... Как в детстве... Тренируешься, и всё становится на свои места... На турнике стал по-новому висеть... До норматива по подтягиванию дошёл... Хотя по первости на одной ноге постоять или попробовать присесть – целая история... Екатерина мою жизнь смыслом наполнила... Я вдруг понял: мне всегда опоры не доставало... Не могу сказать, что я в ней опору искал и обрёл... Я в ней надёжность почувствовал. Не было этой надёжности в других женщинах.

Рука и сердце

*Петербург. Исаакиевский собор. Загс Адмиралтейского района.
Ялта. Дом на берегу моря.*

ЕКАТЕРИНА. Я почувствовала – он что-то задумал. Ничего не спрашиваю. Я ему с первой минуты знакомства доверилась. В город так в город... Опять не отпускают. Что ты будешь делать! Уже и ночью у него иногда, и все всё знают. Утром дежурные подкалывают... «Не наворковались, голубки?» Нас все парой года называют. И вот опять двадцать пять... Хотя действительно через забор перелезай... Артём говорит: «Пропуск отдаёшь и с каменным лицом через КПП проходишь. Я чуть позже... Буду тебя окликать, будто бы ты что-то забыла... Не оборачивайся... Иди, как шла... Я догоню»... Точно. Прохожу. Слышу – зовёт. Иду, как глухая... Догоняет. Счастливый такой. Улыбается. Говорит шёпотом: «Свобода!». Едем, о чём-то незначительном разговариваем... Приехали... Артём мне: «Подожди, я недолго»... Вижу – ювелирный салон... Кажется, начинаю что-то понимать. Но не до конца... Возвращается. Улыбается. «Куда?» «В Исаакиевский собор»... Молча доезжаем. Выходим. Взял меня за руку и к собору повёл. *(Не сразу.)* Я не воцерковлённой была, а он свечки поставил, к иконам приложился. К алтарю меня подводит... Протягивает коробочку... «Это тебе»... Я открыла... Кольцо обручальное... «Екатерина, я прошу тебя стать моей законной женой!» Что мне можно было ему в тот момент сказать?! Кто-то рассказал бы, что так с кем-то было, я никогда бы не поверила. Даже в кино так не бывает. *(Не сразу.)* Приезжаем в загс Адмиралтейского района... Очередь из молодожёнов начиналась на улице... Во дворце Артём

аккуратненько через молодых и гостей протиснулся, пошёл куда-то... Минут десять пропадал. Вернулся вместе с красивой, нарядной, очень доброжелательной женщиной. «Давайте ваши паспорта. Кольца... Пишите заявление»... Забрала у нас документы. «Через десять-пятнадцать минут подойдёте к залу торжеств. Ровно через пятнадцать минут»... Как они там организовывали, что, кому говорили – мы не слышали... Когда наверх поднялись, перед нами две свадьбы расступаются... Женщина эта, красивая, теперь с лентой через плечо, улыбается, и мне букет невесты протягивает. Представьте, идём к дверям, две свадьбы нам аплодируют! Дальше как во сне: «Объявляю вас мужем и женой»... Выходим, а нам хором... Поздрав-ля-ем! По-здрав-ля-ем! *(Не сразу.)* Для своих друзей он – братское сердце, а для меня... Сама не знаю, какое он для меня любимое и дорогое сердце... Вместе со свидетельством о браке мы в Питере ещё один документ получили... Справка не справка... Сертификат не сертификат... С генеральской подписью... «Настоящим удостоверяю, что»... Дальше наши имена... «Являются «Парой года» госпитальных клиник Военно-медицинской академии...» *(Не сразу.)* О нашей семейной жизни можно часами рассказывать. Чего только стоят его взаимоотношения с собаками и кошками. Они меня и всех отодвинули... В нём хозяина признали. Один мой котик, Рыжик, котёнком под машину попал. Лапку потерял... Никому никогда потом в руки не давался. А от Артёма, когда он в Ялту приехал, не отходил... Такого ни в одном цирке не увидишь. О протез потрётся и прыгает, бежит перед ним туда-сюда. Точно говорит: «Видишь, без лапки живу и ничего... И мышей ловлю, и с собаками отношения выстроил»... Как хвостик за ним ходит. Снова о протез трётся и что-то мурлыкает... Артём слушает и в ответ ему что-то говорит. Удивляется... Спрашивает, будто уточняет... Иногда совета просит... Потом по-человечьи пересказывает, о чём они с Рыжиком говорили. Вдруг объявляет: «Мы с Рыжиком посоветовались, и я решил принять участие в городском турнире по настольному теннису»... *(Не сразу.)* Не сказать, что удивилась, но прямо скажу – зависла... Потом вспомнила, что он мне рассказывал, как мальчишкой стал чемпионом Ферганы в своей возрастной категории.

«Абзац»

Ялта. Дом на берегу моря. Потоки воспоминаний персонажей сводятся в одну точку повествования.

АРТЁМ. Турнир по настольному теннису я выиграл... Никто из участников до награждения не знал, что я на протезе... Конечно, это настоящая победа! Вроде всё хорошо, а что-то мучает... Не сразу понял, что... Потом стало доходить... *(Не сразу.)* Были у Симы в гостях... Сидим. Разговариваем. Рассказываю о себе. Он рассказывает. И получается, что я хвастаюсь... А ему похвастаться нечем... Екатерина меня, так получается, нахваливает... Говорит, что я готовлю хорошо... Ну конечно, хорошо. Если я в Узбекистане родился, уж что-что, а плов приготовлю лучше её. То, что каждое утро у неё букет свежих роз – не в счёт... Жить в таком месте и не дарить любимой цветы – дебилизм. Неловко мне перед пацанами, что у меня всё хорошо... Куркуль звонит... Как выпьет, так звонит и извиняется... «Сдурел, что ли!» – говорю. Покажите мне хоть одного, которому на войне страшно не было! Нет таких. Но больше всего он извиняется за то, что Ральфа пристрелил... *(Не сразу.)* Смотрю, пацаны стали меня на пьедестал возносить... Звоню крёстному – Андрюхе. Рассказываю. Смеётся... А потом серьёзно говорит: «Мне кажется, я знаю, в чём тут дело... Но это не телефонный разговор... Приезжай. Объясню... И помощь мне твоя нужна»...

ЕКАТЕРИНА. У меня были случаи, когда он делал что-то так, как не он, а я того желала. И всякий раз я жалела, что он последовал моим советам. Судите сами... Наш город мопедов и скутеров. Все от мала до велика рассекают... Артём, конечно, тоже... На мопед и поехал... А у меня от моего байкерского прошлого экипировка осталась. Думала подарить кому-нибудь... А тут смотрю, он так на мопеде гоняет, что ему ни шлем, ни налокотники, точно, лишними не будут. Не возражает. Но улыбается как-то хитро... Лучше бы я этого не делала... *(Не сразу.)* Он трюки взялся выполнять... И ладно, если бы на заднем колесе где-то проехал, но он прыжки через препятствия взялся отрабатывать... Ещё и оправдывается: «А иначе меня в таком снаряжении люди засмеют». Когда сказал, что ему в Краснодар, к крёстному, нужно ехать, не удивилась. Надо – значит надо...

АРТЁМ. Всё просто и всё сложно одновременно... Крёстный конкретно объяснил... Человек так устроен, что подвержен гордыне... А гордыня – смертный грех. А мы, когда хорошее дело сделаем, – мы же гордимся! А где грань между гордостью и гордыней? Никто не скажет... А что делать? «Вот и я так у батюшки спрашиваю», – Андрюха рассказывает... Батюшка ему говорит: «Ничего ты сделать не можешь без молитвы и покаяния»... А помощь Андрею была нужна конкретная... У него центр по работе с алкоголиками... Вместе с СВО другой поток пошёл... «Ты поживи у меня с месяцок... С пацанами пообщайся. Для себя выводы сделай... И мне объясни, что в головах ваших творится». *(Не сразу.)* Выхожу из центра. Эсэмэс от Никиты приходит... «Сима умер...» Первая мысль – выпить... Помянуть... Не стал... Память о нём оскорблять не буду...

СЕРГЕЙ. А я где с легонца, а где конкретно бухаю...

ЕКАТЕРИНА. Тормозов не хватает?

СЕРГЕЙ. Какие тормоза, Катя?! Когда башню сорвало...

АРТЁМ. Когда глаза запотели и «люк открыть уж силы нет»?..

ЕКАТЕРИНА. Как же я вас люблю!

СЕРГЕЙ. Любить, дарить! А мы... От чего бы мы ни умирали, получается, будем умирать от ран... Если круче не сказать: «Убиты на войне»... *(Не сразу.)* Показал свой рассказ профессиональному писателю. Он редакторскую правку сделал... Можете представить? Абзацы в рукописях редакторы разделяют буквой «Z»... Только не горизонтальной, а вертикальной... Может быть, тот, кто нашу «Z» придумал, от этого шёл? Абзац и всё...

АРТЁМ. Нет. Не так!

ЕКАТЕРИНА. Серёжа, ты о чём?

АРТЁМ. В двух словах не объяснишь...

СЕРГЕЙ. Именно в двух словах всё и объясняется...

Длительная пауза. Артём и Екатерина вопросительно глядят на Сергея.

АРТЁМ. В каких двух словах ты объяснишь?... Что умолк?

СЕРГЕЙ *(не сразу)*. Симфония Z...

К о н е ц.

Ангелы

Лайнер грезит благими высотами...
А внутри и снаружи – экстрим...
Борт тяжёлыми полон двухсотыми,
бредом, стонами, криком людским...

Смерть цепляет пустыми фалангами,
пробавляясь в солдатских телах...
И летят с нами белые ангелы
на своих и казённых крылах...

Все сейчас не в себе мы, бедовые...
И у всех был вчера бой с утра...
А сегодня, в ночи, береговое,
с губ срывается с болью: «Сестра»...

Смерть цепляет пустыми фалангами,
пробавляясь в солдатских телах...
И летят с нами белые ангелы
на своих и казённых крылах...

Земля

Разделили нас, размежевали.
По клумбе цветочной – да плугом!
По живому железом пахали,
Чтобы мы воевали друг с другом.
 С плодородной земли Украины
 Корни русские прочь удаляли.
 И дома, и соборы – в руины!
 Выжигали, травили, стреляли...
Нет ещё такой силы на свете –
Русь Великую в клочья да в прах.
Украинец и русский в ответе,
Чтобы не были дети в слезах.
 Не дадим разделить землю нашу
 И живущих веками людей.
 Русь Святая, испей эту чашу,
 Общим хлебом ту землю засеи!

Мы – одно поколение

Одно поколение. Это сколько в годах?
Как понять, где рубеж поклонения?
Пока память о Славе Народа жива,
До тех пор мы одно поколение!

Кто забудет войну,
 тот позволит себя одолеть.
У таких на кону
 мало выбора: плен или смерть.
Тот, кто помнит войну,
 не позволит начаться войне.
Тот, кто видел беду,
 отведёт от неё сыновей.

За Россию молюсь,
за неё без сомненья умру.
У меня путь один –
встать со всеми навстречу врагу!
В жизни лишь одного –
выстрела в спину боюсь.
Я в годах растворяюсь,
чтоб веками жила моя Русь!

Мы заветы отцов
бережём, им верны будем впредь.
Не посмеет никто
нашу Светлую Память стереть.
Для защиты её остаёмся,
как прежде, в строю.
За Россию молюсь
и Отчизне я Славу пою!

За Россию молюсь,
за Святую,
за Светлую Русь!

У неё есть мечта

В эвакуации

«Мама, там больше не будут стрелять,
когда мы возвратимся домой?
С папой вместе будем гулять,
И не будет пахнуть войной».

На всю ночь за окном тишина,
а весь день можно быть во дворе.
Ей семь лет, а она никогда
не играла на свежей траве.

«Мама, может, остаться с тобой
в этом дивном краю тишины?»

«Нет, мы скоро поедem домой.
Там же папа вернётся с войны...»

У неё лишь одна есть мечта –
не бояться ходить по земле.
Ей всего лишь семь лет. И она
прожила их все семь на войне.

Час «Z»

Настал час зет для моего ответа
На их вопрос: «Ты русский или как?..».
И мне не нужно размышления на это,
Чтоб не попасть нечаянно впросак.

Отвечу сразу и уверенно: «Я русский!
И мне не стыдно за страну, где я живу.
И с ней перенесу я все нагрузки,
Но по теченью никогда не поплыву».

Меня родители-фронтовики учили,
Чтоб жил открыто, смело шёл вперёд.
Они судьбой совсем нелёгкой жили.
Но и меня теперь никто не попрекнёт,

Что жил хитро. И подлостью, обманом,
В грош не ценя ни совесть, ни добро,
Был озабочен лишь своим карманом,
Своё гнилое прикрывал нутро.
Час зет настал для всех, для всего мира.
Определяться: быть или не быть.
А для меня честь русского мундира
Не позволяет кровь отцов забыть!

Всем, кто сейчас на сайте

Я не знаю тебя, друг.
Мир большой, он настолько тесен.
Только знаю теперь, вдруг:
Что случись – мы с тобой вместе!
Где ты, близко ли, далеко?
Но единство в наших душах,
Когда стало всем тяжело.
Мы умеем друг друга слушать.
Так и нужно, иначе крах.
Мы не выстоим в одиночку.
Словно глыбой, раздавит страх.
Жизнь нам больше не даст отсрочку.
Это шанс единственный наш
Всем нам встать спиной к спине.
Вся Страна – как единый блиндаж
На этой Священной войне!

Донецкий двор

На весенний донецкий двор
Из разбитых оконных глазниц
Смотрит горе. Из-под ресниц –
Ключев разорванных штор.

Тишина опустилась ниц.
Больше не клацнет затвор.
Не грохнет выстрел в упор.
В окнах не будет бойниц.

Восстанет из ада двор,
Наполнится пением птиц.
Улыбками детских лиц,
Фашизму прочтёт приговор.

Защитникам России

Пробил час, призвала вас Отчизна
Воевать. Встать навстречу врагам.
Вырвать плоть мирового фашизма,
Снова свастику бросить к ногам!

Вы идёте на ратную битву.
В час решающий, час роковой,
Повторяя слова, как молитву:
«Нам не надо России другой!».

Да, храни вас Господь и Святые
Под счастливой российской звездой!
Возвращайтесь с Победой, родные,
Возвращайтесь живыми домой!

Отца убили

он брёл по полю, по стерне,
по снежной пыли.
отца убили на войне,
отца у-би-ли...
пустое поле, на краю
уткнулось в небо.
он брёл не глядя, в пустоту,
он был – и не был.
ещё вчера здесь облака
и солнце были.
убили на войне отца,
отца убили...
всё прекратилось в один миг,
ветра застыли.
над полем в небо жуткий крик:
«От-ца у-би-ли-и!».
взойдут на поле вновь ростки,
проплачет небо,
помянут павших колоски
и станут хлебом.

Аллеи тишины

Когда солдат придёт домой,
закончится война.
Над всей российской землёй
наступит тишина.
Отстроим каждый городок,
что был в огне войны.
И высадим вдоль всех дорог
Аллеи Тишины.
Чтоб наши дети никогда
не слышали войны.
Проспект Победы,
а за ним – Аллея Тишины.
На тех аллеях будет смех
и музыка слышна,
и небо, чистое для всех,
и мир. И тишина.
Наступит час, мы победим,
враги обречены.
И в память павшим создадим
Аллеи Тишины.

Не о войне

Мне хочется писать не о войне,
О белом снеге, летнем ливне.
Лететь, раскинув руки, по волне
И наслаждаться красотой дивной.

И песней прославлять свои края,
Где солнце, радость и весенний ветер.
Под небом мирным – Родина моя.
И люди – самые счастливые на свете!

* * *

Нет страшнее войны,
когда враг в окопе напротив
говорит на твоём языке
и взывает к тем же святым.
На осколках единой страны,
из единой семьи плоть от плоти,
вражье знамя держит в руке,
с ненавидящим взглядом чужим.

Нет страшнее врагов,
чем бывшие братья родные,
разорившие собственный дом
и родительский предав очаг.
За подачки с чужих берегов,
за гроши, но, увы – гробовые,
свой народ на закланье несут
Сатане, на своих же плечах.

* * *

Как сумрачно глядел германский гений
из глубины готических веков
на Русь кормящую, исполненную лени,
на хлебы нив и вольность мужиков.

Здесь вольно простирался lebensraum,
варили мёды – пиво, пили квас,
имели семьи – целые оравы,
и к богу Роду обращали Was ist das?

Глядел и плакал: сколько пива
сварить бы можно было с этих нив,
беседовать за ним неторопливо
о философии, о музыке, о них –
о милых фрау, матерях арийских,
которые заселят Третий Рейх.

Пирог казался вкусным,
локоть – близким, –
случился Грех!..

А прав был Бисмарк, звавший нацию
не лезть против Москвы!
При взятии Кенигсберга,
не иначе же! –
снесли Железному пол-головы!

Русские

Мы спим вповалку,
читаем запоем,
пьём до беспамятства,
любим до смерти.

Русские люди:
Хотите – верьте.

Не плачем, а воем,
шагаем вразвалочку,
не стонем, не ноем,
что ноль без палочки.
Русские люди:
из князи – в грязи.

Мы хвалимся силой ли?
Ан нет – лихостью.
Иван-царевич – кто у нас?
Сам – дурак.
Могли бы просто
прожить рядом с милюю.
Да как бы не так!
Русские люди:
бьёт – любит.

Мы катимся по свету
как черепашки-ниндзя.
Многое можем мы, а – низзя!
Но, если мы вылетим пулей, –
вы упадёте гильзой.
Смотрите нам прямо в глаза.
Русские люди:
Бог – любит.

* * *

Живи, мужчина мой, живи
среди бандитских пуль и лихолетья.
В начале ты пути, на склоне лет ли, –
живи отчаянно, до боли, до крови.

Борись, дерись, упорствуй, побеждай,
Священнодействуй в каждом миге жизни.
Вцепись зубами, рви, терзай
подруги плоть и грудь отчизны.

Не отдавай ни пяди, ни глотка, –
соври, схитри. Прижмись плашмя к утробе.
Пусть будут только вешки на дороге,
ты – доползёшь. Ты жив ещё пока!

Живи, мужчина мой, среди своих друзей,
коллег, врагов, друзей. Живи вовеки.
С тобой пойду на север и на юг.
С тобою только стану человеком
я, женщина.

* * *

Снайперы снимут сапёров.
Наши – их.
Ночью ползут минёры.
Танк – стих...
Жухнут сады окраин,
Стонет – стынет земля.
Кто в этой битве крайний?
Ты. Я.

* * *

А время – уходит.
Стихи остаются.
В них плачет любовь
в небо посланной птицей.
И девочка плачет,
и плачет старушка.
А мальчик играет с серьёзной игрушкой,
с серьёзной миной,
с небесною ратью,
играет, играет,
не наиграться...

* * *

Русский великий имперский народ
снова выходит из темени вод.
Снова идёт, рассекая волну,
на войну.

Западу нас очень трудно понять:
не государство идёт воевать!
Это выходит из темени вод
Русский
Великий
Имперский народ!..

* * *

Отзывается зову коней
ширь лугов переливами ржання,
и слышнее становится мне
первозданная тишь мироздания.

Здесь и я на покосах потел,
неокрепшие руки мозолил
и глядел, как глядит мой отец,
на стога, золотые, как зори.

Напряжённо гудела река.
Сердце жаждало ветра свершений.
Жадно пили туман ивняка
кони, выгнув упругие шеи.

А меня выносило на стрежь
нашей жизни отцовское русло, –
И светилося созвездье надежд
надо мною надеждами русских.

* * *

Ругается бабка на деда,
На бабу ругается дед.
Но нет хлебосольной обеда,
чем скромный крестьянский обед.

Надувшись, молочные кринки
на лавке у печки сидят.
Военные люди со снимка
в глаза мне тревожно глядят.

Они не вернутся оттуда,
но столько в их взгляде вины,
что мой президент, как Иуда,
Россию сдаёт без войны.

1996

* * *

Крутолобые облака
нависали над смирным лесом,
и текла по земле река
с нескрываемым интересом.

Мне хотелось упасть в траву,
ощущая, как дышат травы.
Мне хотелось начать главу,
где была бы хоть строчка правды.

Мне хотелось забыть слова,
предпочтя на века молчанье,
но вставала в штыки трава,
издавая своё звучанье.

И текла по земле река,
прижимаясь к планете весом,
и свинцовые облака
нависали над нашим лесом.

* * *

Рушатся дни и лачуги.
Тянутся в небо дворцы.
Вновь одевают кольчуги
и сыновья, и отцы.

Родины тяжкие роды:
годы, дела, города...
Если приходит свобода,
то на подходе беда.

Родина требует дани.
Дней кровоточат рубцы.
Снова на поприще брани
в сече сыны и отцы.

Речи удары упруги.
Сече не видно конца.

И не спасают кольчуги,
если враждуют сердца.

* * *

Украина моя, Украина!
Почему ты в крови и огне,
почему ты опасна, как мина,
и России, и миру, и мне?

Украина моя, Украина!
Бесконечный Майдан – твой удел?
Русский мир ты ударила в спину,
как Бандера ударить хотел.

Украина моя, Украина!
Что ты хочешь сама от себя?
Ты попала в нацизма трясину,
бой с собою безумно ведя.

Украина моя, Украина!
Кукловоды твои горячи.
Чтоб вовеки остаться единой,
перекуй на орала мечи.

* * *

Что не так с войною этой?
Что не так с войною той?
Где Ослябя с Пересветом
принимают первый бой?

Где Суворов, где Кутузов?
Где Чапаев на коне?
Где времён советских муза,
победившая в войне?

Где напор, победы жажда?
Где стратегии умы?
И придёт ли помощь дважды
нам от зимушки-зимы?

Задаю вопросы снова
день за днём, который год...
Лишь народ всему основа.
Всё осилит, всё снесёт...

* * *

Пусть услышат друг друга люди,
понимая свободы суть,
и набат никогда не будет
звать на бунт и в кровавый путь.

Возрождаться пора из пепла,
возрождая исконный дух.
Я хочу, чтоб Россия крепла,
к доброте обостряю слух.

Много рядом людей красивых,
и неважно, каких кровей, –
в праздник надо любить Россию,
в будни надо любить сильней.

Пусть сменяются жизни даты.
Пусть спокойнее станет жить.
Пусть вернутся домой солдаты,
не успев никого убить.

* * *

Не лгите мне, себе не лгите,
что мир наступит без войны.
На жизнь открыто посмотрите,
где правит право сатаны.

Повсюду ложь, повсюду нечисть.
Она сильнее с каждым днём.
Мне защищаться больше нечем,
как только словом и огнём.

Я отступил, но не повержен.
Стоят стеной мои полки.

И только смерти мёртвый стержень
пронзает холодом тоски.

Чужой моя война не станет.
Она у каждого своя...
Не на Мамаевом кургане –
убит в бою за Киев я.

* * *

Плачет мать по Мыколе
в украинском селе.
Здесь учился он в школе
честно жить на земле.

Москалей ненавидеть.
Племя укров любить.
Быть на русских в обиде
и готовым убить.

Довелось под Херсоном
быть Мыколе в бою
в сердце выстрелить Коле,
что шёл в русском строю.

Счастлив был он не долго,
гордо вскинув главу,
в исполнении долга
пал от пули в траву.

Где-то плачет о Коле
мама в русском селе.
Здесь учился он в школе
честно жить на земле.

Дружбу севера с югом
добродушно крепить.
Украинцам быть другом.
Украину любить.

* * *

Заберите меня на войну.
Там страшней, но яснее детали.
А в тылу все как будто в плену,
и от лживой свободы устали.

Заберите меня на войну.
Я возьму автомат и патроны,
и пред строем страны присягну
всем носителям русской короны.

Заберите меня на войну,
как отца забирали когда-то.
Жизнь России стоит на кону –
в этом все как один виноваты.

Заберите меня на войну.
Дней встают поредевшие рощи.
Защитить заберите страну,
а не Кремль и Красную площадь.

* * *

Я стою на ветру.
Ветер время полощет.
Напряжённо гудит
возмущённая площадь.

Как тогда, так сейчас
кто-то требует власти,
обещая для нас
неизбежное счастье.

Время плещет в лицо
безнадёжней и проще.
Собирает бойцов
беспощадная площадь.

Позабыты азы
в наше время разврата...

Снова встанут низы
и пойдут брат на брата.

Каждый прав и не прав.
Правды зыбки основы.
Проявляет свой нрав
девальвация слова.

* * *

Мы умираем, чтобы выжить.
Живым остаться на века.
Среди пройдох и разных выжиг
вдыхая правды облака.

Мы умолкаем, чтобы слово
весомей стало во сто крат,
и жизни добрая основа
не знала горести утрат.

Чтоб стало тихо и спокойно
на побережье наших лет,
и каждый прожил жизнь достойно,
и, умерев, оставил свет.

Война

Они убивать нас пришли на рассвете,
Им наша Земля застилала глаза!
И Землю секли пулемётные плети,
Поставить её на колени нельзя!

Сапог всей Европы месил: жги и насилуй!
Седая от пепла, страданий людей,
Застыла Земля безымянной могилой,
А мать поимённо всех помнит детей!

У сердца хранили мы Русского Бога,
Их бог на ремне, бляха ниже пупка.
Война нам – младенец в крови у порога!
Война им – кровь хлещет из-под каблука!

Москву, наше Сердце, схватили клещами,
Но в Волжской крови захлебнулся сапог,
Не будет рейх третий век реять нами!
На – русский кирзовый сапог между ног!

И гнали на Запад фашистского гада,
Так вздыбились мы на загривке Земли!
На женщин, детей не обрушились адом,
Им души от Зверя спасти помогли!

Веками прощаем предательства злобу,
Широкою Волгой России душа,
А взять на Донбассе так щёлкнуть им по лбу,
Навек чтоб замолкли, на ладан дыша!

Всегда не правы

Нам говорили: вы не можете быть правы!
Вы пол-Европы захватили, как могли вы?
Не прав отец – медаль за взятие Варшавы?!
Не правы братские солдатские могилы?!

Века во мрак Руси несли огонь культуры
Кирасы прусские, французские гусары
Варяжским дрангом Вагнеровской партитуры,
Хатынь и Сталинград, не правы их пожары?!

С утра ломились – Энгельс, Фридрих, Барбаросса,
Вечор, блин, – Буш, в окно петровское, по раме!
С решением русского, как водится, вопроса,
Не правы мы, что не пошли в барак к Обаме?!

Бензоколонка, на колени, на осину!
На Украину обкромсали нас Прокрустом,
Не правы, что в Крыму мы распрямили спину?
А в Сирии так смачно потянулись с хрустом!

А были братья, братва лесная в Риге
Солдата русского громит на постаменте.
Змий европейский залился в истошном крике:
– Победоносец встал в георгиевской ленте!

Прокруста-Змия пригвоздил копьём на ложе,
Доотступались: до порога! За порогом!
Вы говорите, что не правы мы, ну что же?!
Нас Богородица хранит, ведомы Богом!

Украина

«Украина!» – мне сердце кричит,
Киев режет трезубец Майдана!
Красно-чёрное знамя чадит,
Рвут страну, и во мне Рада – рана!

Триста лет как оставил тебя.
Тот, другой я, ласкал Ридну мову.
Но в груди всё трепещет, любя,
Мы созвучны славянскому слову!

И не правой рукой тот, другой,
В Русь кидает каменья-проклятья!
Я ж остался тогда за рекой,
Мы не камень, не Каин, мы братья!

Колыбель православной Руси
Не растопчешь бандеровским берцем,
Крым воскрес – на крови, из грязи,
Я – москаль, а Донбасс моё сердце!

Знамёна

Я, баба, вырасту фашистом,
От русских защиту врагов,
Так говорил на русском чистом
Мальчишечка шести годов.

Как в сорок проклятом Берлине,
Из глотки Гитлера – Зиг хайль!
Залили флаги Украине,
– Той, кто не скачет, той москаль!

Кричит Майдана пепел чёрный,
Молчит Майданека печей –
Земля на Бабьем Яре стонет,
На ней знамёна палачей!

Обтёрли небом с берцев глину.
Обжёг Майдан, в Бандеру мать,
Пошла в Европу Украина,
Пришла в Донбассе убивать!

А в Русское налито знамя
Победы красное вино.
В строю Победа, вместе с нами,
В огонь одета, не в рядно.

Горят, чтоб были мы живые,
Те искры вечного огня,
Те генералы, рядовые,
Кто спас страну, кто спас меня,

Победы знамя над рейхстагом!
Донбасс с ним выстоял в бою!
Чтоб не линяло белым флагом,
Должны мы кровь налить свою!

Кровинка, мальчик самый близкий,
А к нам идёт – Бедой-Войной.
Падёт к ногам, как флаг фашистский,
Слезой общею, виной.

Русс

«Русс, сдавайся!» – кричали ему,
Мальчик с русо-русскими волосами,
Встал навстречу копьё, не ярму:
«Да идите, куда – знаете сами».

Снял с живого ещё кожу крымчак,
Без слезы русое пало снегом,
Улусный из него взвили стяг,
Под Русским шли теперь они небом.

«Русс, сдавайся!» – кричали ему.
Мальчик с русо-русскими волосами
Встал босыми ногами в снегу:
«Да идите, куда – знаете сами!».

Крепости Брестской бессмертный солдат,
Им казалось: Москва ближе Парижу,
Он воткнул немцу в пах Сталинград:
Надорвал он германскую грыжу!

«Крым проснись!» – закричали ему.
Мальчик с русо-русскими волосами
Встал, оглянулся на мир, на страну:
«Идти, а куда? Да мы знаем сами!».

Каждый мальчик: Севастополь – солдат,
Спас и русое Солнце нам стягом,
И Донбасс встаёт: штык – Сталинград,
Земля русским всегда вертится шагом!

И какой бы ни пёр на нас супостат,
И откель б ни катили телеги,
Низвергали назад мы, адское в ад,
Мы всегда возвращаем набег!

Сегодня

*Из письма одноклассницы,
Татьяны Нифонтовой.*

Здесь чёрные доски и белые кости,
Свои и чужие лежат на погосте.

Они не пройдут на победном параде...
Ну, может, представят посмертно к награде.
Сын вырван из жизни, как лист из тетради,
Кому это надо? Госдуме иль Раде?

Мы

Мы сюда прибегли триста лет как назад,
Из хохлов, из Москвы, скоком зайца.
Вынимать из тайги золотой Сибирь-град,
Да обозом ходить до китайца.

Без папахи, но головы есть на плечах,
Что сажени прямили косые.
И смекали дорогу у встречных в речах,
И спешили встречь солнцу босые.

Там простор – просто вёрсты тонут в очах,
Там очей не видать из-за гнуса.
Рыбы там по колено в студёных ручьях,
И калёные стрелы тунгуса.
А дошли – ешь земли, сколько можь, сколько хошь,
Вся в осине – берёзовой силе,
И не знала она, колосится как рожь,
Только травы утрами росили.

И пасутся на ней коней табуны,
Девки в косах, раскосые, в чумах.
Не достать и сто лет, сквозь болот зыбуны,
Ночью сами являются в думах.

Что же надобно русским ещё мужикам?
До царя далеко – не достанет.
Песню – Родину новую –
Томск сложит нам,
В сердце прежняя жить не устанет.

Рыжий к срубу привязан в упряжи конь,
Печки белены, глиняны стенки.
И чтоб сбрить языки государев погонь,
Мы Конинины, а не Коненки.

На гербе Томском вздыбился нашенский конь,
Не подковы – столетия – чаши...
Подошёл, положил по-хозяйски ладонь:
Века три – значит, три из них наши.

Дедова банька

Дедова банька. Да ноги в порог,
Банька отцова – парок в потолок.
Сброшу одежду, нужду и вражду.
Снова, как прежде, я в детство войду.
Хмеля малёхо на камни плесну,
Словно я в счастье закинул блесну.
Щука Емелина плещет хвостом.
Веник берёзовый хлещет листом.
Уши сердито мне жар теребит.
Рядышком батя на лавке сидит.
Мама «рябину» поёт за окном.
В печке невзгоды сгорают огнём.
В тазик студёной воды зачерпнёшь,
Десять несчастий в судьбе зачеркнёшь.
Лёгкость такая – по небу летишь,
Все ещё живы, а сам ты малыш.
Выйдешь из баньки – и небо искрой,
Жизнь там записана деда рукой.
Звёздные строчки ищешь свои.
Сыплются буквы, читать их лови.
Конь да топор, да и чарка вина,
Дочка и сын, и по сердцу жена,
В поле дорога и брат за плечом,
И не жалея никогда, ни о чём!
Глянешь на улицу – в окнах покой,
Брат на пороге стоит за тобой.
Воздуха радость в грудь наберёшь,
Самое главное в жизни поймёшь.

Дедова банька – Купель и Собор,
Банька отцова – судьбы приговор.
Банька моя – поднебесный полук.
Жар не остыл, да и срок не истёк.

Дух Бандеры

Украиной ныне
Прах Бандеры правит.
Дружбы нет в помине,
Сила злобу славит.

Армию нацистов
Янки приодели,
Управлять артисту
Армией велели.

Мнение народа
Вне закона стало.
Чернь не воевода,
Выстрел – жизнь пропала.

И пошла охота
На людей, кто мыслит,
Жизненная квота
Дешевеет быстро.

Детство расстреляли,
Как мишени в тире.
Мины в клочья рвали
Колыбель в квартире.

Старость – пережиток
Со своей моралью,
Как ненужный свиток,
Стала фигурально.

Грубость, униженья...
К пожилым седидам
Капли уваженья
Нет там ни единой.

НАТО – класс «Шакала»,
Совесь их не гложет,
Им продать «запалы»
Важно подороже.

И без промедленья
В земли Украины
Ввозят, как печенье:
Пушки, бомбы, мины.

Русь Великая

Русь настоящая! Русь многоликая!
Нищая, битая, голодом венчана,
Но всегда гордая, смелая, вечная,
Ты рождена, изначально, Великая.

Труден был путь от рожденья до зрелости.
Опыт познаний мирских тобой выстрадан,
Ты все задачи решала не выстрелом,
Личным стараньем да собственной смелостью.

Ты научилась владеть дипломатией.
Много приложить пришлось сил и мужества,
В жизнь воплощая доктрину содружества,
Чтоб на земле возродить демократию.

Каждое слово твоё на вес золота,
Коль тобой сказано – будет исполнено.
Честью и совестью дружба наполнена,
Только к врагам твоя ненависть смолоду.

Жизней немало за честь твою отдано,
Не ради славы спасали Отечество,
Земли Руси, всей земли человечество,
Нет тебе равных в любви твоих подданных.

Люди поверили, Русь, в твою силушку,
В твёрдое слово твоё благородное.
Матушка Русь – есть и будешь народная,
Многим друзьям помогла встать на крылышко.

Моя эпоха

Родился я в эпоху реализма,
В стране надежд рабочих и крестьян.
Как все, мечтал дожить до коммунизма,
Да девяностые открыли в нём изъян.

Коррупция, любовь к деньгам и власти,
Презрение к народу и труду,
Страну Советов растащив на части,
Решили жить и дуть в свою дуду.

Смеялись янки, немцы, англичане
Над «мудростью величия князей»,
Советами своими поучали,
Нахально лезли в общество друзей.

Россия первой, сбросив чары «счастья»,
Очнулась от гипноза их речей,
Увидев в том великое ненастье,
Отвергла дружбу наглых ловкачей.

Я помню наши годы становленья.
В стране работы непочатый край,
Да денег нет, продуктов нет, в смятенье
Народ страны – как хочешь выживай.

Делились всем, чем можно поделиться,
А иногда был «перестройки» пост,
Но, чтоб от перегрузки не свалиться,
Мы поднимали за здоровье тост.

Страна моя! Ты стала вновь великой.
Тобой горжусь, моя Россия-мать!
Сегодня янки со своею кликой
Уже не могут это не признать!

* * *

Не разминутся нам с судьбою,
Что предначертано, придёт.
Не разминутся нам с бедою,
Она за поворотом ждёт.

И здесь не надо быть провидцем,
Чтоб видеть времени оскал.
Но – нет безумству. Смотрим в лица,
Ведь только их я здесь искал.

Восславим отблески отваги
На лицах Родины моей.
Не привыкать – опять до драки.
А если драка, первым бей.

* * *

Мы сегодня – полк запасный.
И в тылу полно делов.
Не сидите понапрасну,
Столько нужно! – будь здоров.

Кто-то шьёт для фронта сети,
Кто-то свечи мастерит.
За бойцов мы все в ответе.
Так нам совесть говорит.

На крыльце растают льдинки,
Будут ласточки летать.
Будут девушки в косынках
Провожать бойцов и ждать.

* * *

Кажется, что-то переломилось.
Этот мир всё тревожней, тревожней.

А мы уповаем на милость
Судьбы, если это возможно.

Мы уповаем на мудрость
Нашей народной души.
Она ослабляет дурость
Тех, кто её ворошит.

Она нас всегда поддержит
В трудные дни, години.
Нам бы ещё пореже
Прощать наших побратимов.

* * *

Здравствуй, Великое Время.
Пора собирать колоски.
Возьмём, понесём их беремя.
А годы остудят виски.

По нашим забытым дорогам
Пройдём не спеша босиком.
Как в детстве, кивнёт нам осока,
И кинемся в воду ничком.

* * *

На Россию мы смотрим светло.
От того и в душе просветленье.
От того и на сердце тепло.
Дай нам, Боже, любви и терпенья.

* * *

Надо иногда открывать глаза
И поднимать их к небу.
Над Донбассом сегодня – гроза.
Это там, где ты не был.

Где от осколков хрустит песок,
Где погибают дети.

Где от разрывов чернеет лесок.
Это то, за что мы в ответе.

Мы дали с тобой слабину.
Мы восемь лет наблюдали,
Как разрывали Донбасс и страну
Ублюдки в нацистских медалях.

* * *

Лосось помчится к берегам,
Где он родился в мелкой речке.
Стремление это нужно нам,
Чтоб путь на родину был вечен.

Чтоб не рассыпаться по миру,
Не помереть в чужом раю,
Я всё на свете враз покину,
Лососем море раскрою.

И, раздирая в кровь бока,
Призывную почуя влагу,
Вот здесь, на этих берегах,
С родной землёй в обнимку лягу.

* * *

*Николаю Иванову,
добровольцу-томичу*

Хорошо, что тебя спасли,
Друг мой, раненый под Херсоном.
Тебя долго по полю несли,
В состоянии невесомом.

Я не знаю, что вспомнил тогда
Ты в бреду. Но огонь миномётный
Распахал всё вокруг. И сгорела дотла
Там избушка. А дым беззаботный

Всё тянулся по полю. Стояли стога
В бесконечности сиротливой.
Здесь природа, как правда, нага
В ожидании жизни счастливой.

* * *

Память земли и неба
С годами в нас всё сильнее.
Возьми и не дай мне хлеба.
Возьми и не дай мне неба
Над родиною моей.

Наверное, это возможно.
Но память?! Её не украсть.
Она прорастает рожью
По нашему бездорожью,
И держит нас. Не упасть.

* * *

Всё полустанки, полустанки
Сквозь дым связующих времён.
Летим – небесные подранки –
С белёсой прядью, словно лён.

Летим сквозь рваные равнины,
И станционный шум, базар.
Талдычит ряд торговых длинный.
Скрипят и рвутся тормоза.

Сойти бы в этом промежутке,
Варёной бы картошки съесть.
И кажется, в летящих сутках
И вечность, и безумство есть.

А вот и церковь (здесь когда-то
Крестила бабушка меня),
И дом, бревенчатый, горбатый,
И школа сельская моя.

И всё как будто бы в тумане.
Из гипса девушка с веслом.
Да – время. Время не обманет,
Кому-то жить, а что – на слом.

Уже осыпались фигуры.
Из гипса виден их каркас.
Но сохранилась арматура,
Ещё связующая нас.

ПОБЕДА / СВЯЗЬ ВРЕМЁН

АВТОРЫ СБОРНИКА

Марков Георгий Моисеевич (1911–1991)

Советский русский писатель, сценарист и драматург, журналист, военный корреспондент, общественный деятель. Председатель правления Союза писателей СССР (1986–1989), перед тем первый секретарь правления (1971–1986). Основатель Томской областной писательской организации в 1963 году.

Родился в селе Ново-Кусково Асиновского района Томской области в семье охотника-медвежатника. Участник Великой Отечественной войны: с июня 1941 года был военным корреспондентом газеты «На боевом посту» Забайкальского фронта, участвовал в разгроме Квантунской армии. Член Союза писателей СССР с 1943 года. Демобилизован из армии в декабре 1945 года в звании майора. Дважды Герой Социалистического Труда (1974 и 1984). Лауреат Ленинской премии (1976), Сталинской премии третьей степени (1952), Государственной премии РСФСР им. бр. Васильевых (1984) и премии Ленинского комсомола (1980). Ленинскую премию передал на создание библиотеки в родном селе Ново-Кусково.

Лившиц Давид Львович (1911–1964)

В 1940 году окончил Московский институт истории, филологии и литературы, после которого недолго работал в Московском историческом музее научным сотрудником отдела древних рукописей.

Войну начал командиром стрелковой роты 191-й Краснознамённой стрелковой дивизии на Волховском фронте. Старший лейтенант, участвовал в боях под Ленинградом, в Прибалтике. Получил два ранения и две контузии. Был награждён орденом Красной Звезды и тремя медалями. После демобилизации переезжает в Томск. Здесь он пишет стихотворения, которые публиковались в журналах «Звезда», «Сибирские огни», в альманахе «Томск» и газете «Красное знамя». В 1947 г. вышел в свет его первый сборник стихов «Стихи разных лет», автор пьесы в стихах «Университетская роща», поставленной Томским драматическим театром (1962).

Преподавал историю в Томском государственном университете и Томском музучилище. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Тамарина Руфь Мееровна (1921–2005)

Советская, российская поэтесса, участница Великой Отечественной войны. Родилась 21 июня 1921 года на Украине в

г. Николаеве. Окончила Московский Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей Казахстана (1966 г.), член Союза писателей СССР (1966 г.), член Союза российских писателей (1996 г.). Автор 11 поэтических сборников и двух книг воспоминаний. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020). Награждена орденом Отечественной войны II степени, юбилейной медалью «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медалью «Ветеран труда СССР». Похоронена в г. Асино на Новом городском кладбище.

Карбышев Михаил Михайлович (1922–2007)

Поэт и прозаик. Родился в селе Десятово ныне Кожевниковского района Томской области. Участник Великой Отечественной войны. В кровопролитных боях под городом Шахты (январь 1943 года) был тяжело ранен, до конца войны находился в госпиталях. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями. После войны закончил Новосибирскую музыкальную студию, работал начальником клуба. Три года учился в Палехском художественном училище. С 1951 года трудился на заводе разделения изотопов Сибирского химического комбината, работал в клубах и Домах культуры.

Своё первое стихотворение написал в 57 лет. Много лет был участником литературных объединений «Берёзка», «Друза». Почётный гражданин города Северска (1999). Член Союза писателей России с 1979 года. Автор сборников стихов «Характеры» (1984), «Раздумья о земле» (1986), «Деревянный ковшик» (1987), «Стихи и поэмы» (1996), «Михайлов день» (1996), «Свет мой, женщина» (1997), «Живи, любовь прекрасная, живи» (2002), а также поэмы «Кухтеринские вертепы» (1994). В 2004 году издана книга прозы «Десятовские были». После смерти издан сборник «Годы и стихи» (2009). Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Макшеев Вадим Николаевич (1926–2019)

Журналист, писатель. Его детство прошло в Эстонии в семье белоземляков. Пятнадцатилетним подростком вместе с матерью и малолетней сестрёнкой был отправлен в ссылку на Васюган (бывший Нарымский округ), единственный выживший из семьи, ещё двенадцать лет находился на спецпоселении. Трудовую деятельность начал во время войны. Работал в колхозе,

затем на рыбозаводе. В шестидесятых годах стал журналистом, работал в районной газете, затем в областной.

Член Союза журналистов СССР с 1960 года, член Союза писателей СССР с 1977 года. Автор книг художественной прозы и публицистики: «Последний парень» (1973), «Чужие люди» (1976), «Красные кони» (1979), «Рассказы и повести» (1986), «Разбитое зеркало» (1989), «И видеть сны...» (1994), «Нарымская хроника 1930–1945» (1997), «По муромской дорожке» (2000), «Последнее перепутье» (2003), «Венчальные свечи» (2006), «Несите ей цветы» (2008), «Спецы» (2008), «И мы поедem домой, в Россию» (2010), «Стёжки-дорожки» (2010), «Записки провинциального писателя» (2010), «По собственным слезам, по собственным следам...» (2013). Повести и рассказы Вадима Макшеева публиковались в коллективных сборниках и альманахах; включены в различные антологии; печатались в журналах «Знамя», «Москва», «Октябрь», «Наш современник», «Историк и художник», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Сибирские Афины», «Сибирская старина» и др. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Лауреат премий Союза журналистов СССР (1973), Союза писателей РСФСР (1986), журнала «Октябрь» (1989). Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Пичурин Лев Фёдорович (1927–2024)

Общественный деятель, публицист. Окончил заочное отделение физико-математического факультета Томского педагогического института. Профессор, общественный деятель, публицист.

Автор многих литературоведческих, краеведческих статей и книг: «Путь на Панкрац», «...Кто погиб за Днепр...», «Александр Ружек», «Опечатка», «Завтра будет поздно» и др. Член-корреспондент Академии гуманитарных наук Российской Федерации. Член Союза журналистов СССР с 1960 года. Член Совета старейшин города Томска. Имеет звания «Отличник народного просвещения» РСФСР и СССР. Награждён рядом правительственных и ведомственных медалей, в том числе – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и медалью имени К. Д. Ушинского.

Почётный член Томской писательской организации. Лауреат литературной премии имени Н. Клюева. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Бурмакин Эдуард Владимирович (1928–2015)

Советский и российский писатель, философ, деятель культуры. Профессор кафедры этики, эстетики и культурологии Института искусств и культуры и факультета журналистики Томского государственного университета, доктор философских наук. Автор около ста научных публикаций по проблемам культурологии (в том числе несколько монографий). Академик Академии социальных наук (1994). Основатель и многолетний руководитель Томской областной межвузовской кафедры этики и эстетики. Член Союза писателей СССР (с 1964), член Союза писателей Российской Федерации, член Союза журналистов СССР. Автор многих книг прозы. Заслуженный работник культуры РСФСР, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, член Совета старейшин города Томска.

Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Климычев Борис Николаевич (1930–2013)

Журналист, писатель, поэт. Работал в редакциях газет в Асине, Шегарке, Кожевникове, был редактором стрежевской газеты «Томский нефтяник».

В 1958 году Климычев выпустил свою первую книгу «Красные тюльпаны». Всего было издано более 10 художественных книг Климычева в издательствах Ашхабада, Москвы и Томска: «Валторна за стеной», «В час зари», «Город юности», «Ключ любви», «Своим дыханьем», «Возвращение земли», «Томские праздники», «Томские тайны», «Прощаль» и др. Проза и поэзия Климычева публиковались в журналах «Юность», «Смена», «Огонёк», «Библиотекарь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса» и др. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020). В 1996–2006 гг. Климычев был председателем Томской областной писательской организации и секретарём правления Союза писателей России. Более 20 лет руководил литературным объединением «Родник».

Решетько Валентин Михайлович (1936–2020)

Писатель. Родился в семье репрессированных. После окончания Средне-Васюганской неполной средней школы поступил учиться в Томский топографический техникум, который окончил в 1956 году. По специальности топографа работал в Хакасии, Горной Шории, Якутии. Из Якутии был призван в ряды Советской Армии на Тихоокеанский флот.

С 1962 года работал в НИИ электромеханики (в настоящее время НПЦ «Полюс») и одновременно в 1963–69 годах учился на вечернем отделении факультета радиуправления в Томском институте радиоэлектроники и электронной техники (сейчас ТУСУР). В НПЦ «Полюс» прошёл путь от техника до ведущего конструктора. Награждён медалью «За трудовую доблесть». Автор книг «Тяжкий крест» (1995), «На таёжных тропах» (1996), «Черноводье» (2005), «Лавина» (2007).

Член Союза писателей России с 1995 года. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Колыхалов Вениамин Анисимович (1938–2024)

Писатель. Воспитанник Усть-Чижапского детского дома Каргасокского района. В 1956 году окончил Томское горнопромышленное училище №1. С 1958 по 1961 год – армейская служба в г. Владивостоке. С 1962 года – член Союза журналистов СССР. В 1968 году окончил Литературный институт имени Горького. С 1976 года – член Союза писателей СССР, России. Принят в Союз писателей как поэт и прозаик.

Работал грузчиком, монтажником-верхолазом, слесарем по ремонту промышленного оборудования, ассистентом кинооператора, воспитателем в детском доме, корреспондентом областных и районных газет.

Повести, рассказы, стихи, очерки публиковались в журналах «Наш современник», «Октябрь», «Знамя», «Молодая гвардия», «Новый мир», «Москва», «Смена», «Сибирские огни», «Дружба», «Дальний Восток», а также во многих других журналах, альманахах, коллективных сборниках. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020). Автор книг: «Васюган – река удачи» (1987), «Тыловики» (1988), «Первопутник» (1990), «Багровый закат» (1992), «Золотое дно» (1998), «Трассы» (2004), «Горислава» (2008), «Тот самый яр» (2014), «Северяне» (2015), «Горизонт» (2016), «Свечение» (2018) и др.

Лауреат премии имени Николая Островского. Лауреат премии журнала «Молодая гвардия».

Соловьёв Александр Алексеевич (1940–2016)

Журналист и поэт. Родился в 1940 году в Костромской области. Закончил Ветлужский техникум в Горьковской области и факультет журналистики Уральского госуниверситета.

В журналистике с 1960 года. Работал в разных газетах: рай-

онных и многотиражных, в областных (в основном томских) и центральных («Известия», «Крестьянские ведомости»), публиковался в журналах «Нева», «Журналист», «Советский воин», «Земля сибирская и дальневосточная», «Советский Союз» и др. Автор пяти поэтических книг: «Ты мне поверь», «Возвращение дождя», «Осеннее равноденствие» и др. Награждён знаком отличия «За заслуги перед Томской областью». Скончался в 2016 году в Томске.

Калёнова Тамара Александровна (1941–2024)

Писатель. Окончила историко-филологический факультет ТГУ (1967). В 1961 году в «Сибирских огнях» был опубликован её первый рассказ – «Окна розового дома», через год, в 1962, в альманахе «Алтай» появилась её повесть «Цветы на камнях». Первая книга – повесть «Нет тишины» – вышла в 1963 в Новосибирске. Опубликовала «подражание Рэю Бредбери» – «Самая юная планета» (1965).

В Москве, в издательстве «Молодая гвардия», была издана книга «Не хочу в рюкзак» (1968).

Много лет руководила литературным объединением «Молодые голоса» при Томском политехническом институте. Автор книги «Томские писатели» (Томск, 1974), составитель сборника стихов «Томские мотивы». Тепло были приняты книги «Временная учительница» (1970), «Деревянный маузер» (1974), «Университетская роща» (1984, 1990), «По следу Рыбки» (1986), «А рядом – море» (1988), «Крылатый конь» (2005) и «Тайна Серебряного ключа» (2006). Последние две книги написаны в соавторстве с мужем, С. А. Заплавным. В 1972 в Берлине на немецком языке издана её книга о детях «Первый год у моря».

Член Союза писателей СССР и России (1970). Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Вячеслава Шишкова. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Заплавный Сергей Алексеевич (1942–2023)

Писатель, поэт. Родился в городе Чимкенте в Казахстане. После окончания Томского государственного университета работал в томских областных газетах «Красное знамя» и «Молодой ленинец», позже в Томском отделении Западно-Сибирского книжного издательства.

Первые стихи опубликованы в 1960 году. Печатался в «Литературной газете», «Литературной России», «Неделе», «Совет-

ской культуре», в журналах «Сибирские огни», «Урал», «Смена», «Молодая гвардия», «Вокруг света», «Сельская молодёжь», «Наш современник», «Начало века», «День и Ночь», в альманахах «Поэзия», «Молодые мы», «Тобольск и вся Сибирь» и других изданиях.

Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020). Автор 26 поэтических и прозаических книг, вышедших в московских и сибирских издательствах общим тиражом 1 млн 375 тыс. экземпляров. Отдельные произведения переведены на латышский, болгарский, немецкий языки. С 1963 года – член Союза журналистов СССР. С 1974 года – член Союза писателей СССР.

Шкаликов Владимир Владимирович (1943–2021)

Писатель. Родился зимой 1942–43 года в зоне боевых действий на Кубани, дошкольно остался сиротой. Съехал весь Советский Союз, получил два десятка различных специальностей, три высших образования.

Автор реалистических, фантастических и сказочных сочинений для взрослых и детей, лауреат Всесоюзной премии ЦК ВЛКСМ за художественно-документальную книгу о фронтовиках «Цена победы» (1981), лауреат литературного конкурса «Книжный Томск» за роман «Гений самосуда» (2011). Член Союза журналистов СССР и Союза писателей России. Работал переплётчиком в Томской областной библиотеке им. А. С. Пушкина, вёл в интернете клуб рецензентов «Гамбургский счёт».

Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Бельчиков Владимир Николаевич (1944–2011)

Поэт. Окончил факультет автоматики и электромеханики Томского политехнического института (1973). Участник Дней поэзии ТПИ. Работал инженером и ведущим конструктором в различных отраслях. Вёл литературное объединение на приборном заводе. Член Союза писателей России.

Автор сборников стихов «Любимая, останься на века!» (2002); «Гоняю в прошлое коней» (2004); «Это всё моя грешная жизнь» (2005). Публиковался в сборниках «В политехническом опять звучат стихи» (2003); «Политехники – родному Томску» (2001); «Планета Политех» (2005); «Сто десятая весна» (2006); «Томские писатели» (2008). Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Сердюк Валерий Михайлович (1945–2015)

Журналист и поэт. В 1962 году поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета, вошёл в актив литобъединения ТГУ. В ноябре 1964 года с третьего курса был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке. Вернувшись в Томск, пошёл работать – сначала в университетскую многотиражку (с октября 1967-го), а год спустя был принят в редакцию областной газеты «Молодой ленинец» сначала корреспондентом, а затем ответственным секретарём.

Университет окончил заочно в 1974 году. С 1975 года работал заместителем ответственного секретаря областной газеты «Красное знамя». С 1983 года – сотрудник Томского отделения Западно-Сибирского издательства, с января 1986 года – Томского областного книжного издательства. С декабря 2000 года – редактор профсоюзной газеты «Действие».

Автор нескольких поэтических книг: «Город детства», «Лесной аэродром», «В обе стороны жизни». В апреле 2005 года был принят в Союз российских писателей. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Соловьёв Владимир Георгиевич (1947 г. р.)

Поэт. Выпускник исторического факультета ТГУ. Преподаёт философию и историю в Томском промышленно-гуманитарном колледже. С юности играет на гитаре, сочиняет стихи и мелодии к ним.

Издal несколько авторских поэтических сборников. В том числе: «Стихи и песни» (1995), «Полтинничек» (2001), «Иркутский тракт» (2004), «Рояль в кустах, увы, не спрячешь» (2009), «Вновь Россия поёт весну» (2015). Стихи также были опубликованы в коллективных сборниках: «Не вдруг напишется строка» (1998), «Это мы, Господи!» (2003), «Томск – любовь моя и судьба» (2004), «Кружева метелицы» (2007), «Поэтические мгновения» (2015), «И продолжается война, чтоб никогда не повториться» (2015), «Мы вместе» (2023), «Там – на Донбассе» (2023).

Крюков Владимир Михайлович (1949 г. р.)

Поэт, писатель. Родился в селе Пудино на севере Томской области. Автор сборников стихотворений «С открытым окном» (1989), «Созерцание облаков» (1994), «В области сердца» (2005), «Стихотворения» (2009), «...Вдруг скажется просто» (2013), книг стихов и прозы «Линия ветра» (1999), «Жизнь пунктиром» (2007). Публикации в журналах «Звезда», «Знамя»,

«День и Ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Литературная учёба», «Москва», «Под часами» (Смоленск), «Город» (Тольятти). В соавторстве с профессором А. М. Сагалаевым написана биография великого сибиряка Г. Н. Потанина «Потанин. Последний энциклопедист Сибири» (издательство «Наука», 1991). С дополнениями издана в Томске (2004). В 2004-м в Томске вышла книга «Александр Адрианов. Последние годы» об археологе, соратнике Потанина, знаменитом сибирском публицисте.

Член Союза российских писателей (1998). Соредактор журнала томских писателей «Начало века». Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Скарлыгин Геннадий Кузьмич (1950 г. р.)

Поэт. Родился в Кемеровской области. Окончил Томский геолого-разведочный техникум. Работал начальником сейсмостанции на полуострове Мангышлак, геологом под Читой, в Туве, в Магаданской области в Сеймчанской комплексной экспедиции. В 1981 году окончил отделение журналистики Томского государственного университета. Десять лет отработал в областной газете «Красное знамя» корреспондентом, заведующим отделом.

Стихи публикуются в журналах «Наш современник», «Московский вестник», «Сибирские огни», «Российский колокол», «День и Ночь», «Огни Кузбасса», «Барнаул», «Начало века», в альманахе Академии поэзии, в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020) и других изданиях. Произведения поэта вошли в Антологию русской сибирской поэзии. Книги – «Ветер скитаний», «Всё унесёт река», «Утренний человек» и другие.

Имеет государственную награду – Благодарность Президента РФ Владимира Путина. Главный редактор литературного и краеведческого журнала «Начало века». Секретарь правления Союза писателей России. Председатель Томской областной писательской организации.

Яковлев Сергей Константинович (1950 г. р.)

Поэт. Родился в семье сельских учителей в с. Вороно-Пашня Асиновского района Томской области. Стихи сочинял с 7 класса.

Работал в редакциях томских газет (1973–1976), сторожем, редактором в Западно-Сибирском издательстве (1976–1980), уполномоченным бюро пропаганды художественной литературы (1980–1985), референтом ректора Томского университета

(1985–1990), учителем в школах г. Томска (1992–1997). Руководитель литературной студии в Томском техникуме железнодорожного транспорта (с 2000). С 1991 года – член Союза писателей России. Подборки стихов публиковались в журналах и альманахах гг. Томска, Москвы, Перми, Новосибирска и других городов. Печатался в журналах и альманахах: «Поэзия», «Смена», «Истоки», «Сибирские огни», «Земля сибирская, дальневосточная», «Сибирские Афины», «Начало века».

Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Казанцев Александр Иннокентьевич (1952–2007)

Поэт, писатель. Родился в Восточно-Казахстанской области Казахской ССР. Окончил Томский политехнический институт (1975). Работал старшим инженером в Томском политехническом институте на кафедре радиационной химии. С 1980 года – руководитель областного литобъединения «Томь» при редакции областной газеты «Молодой ленинец». Редактор литературного альманаха «Сибирские Афины» (1993–2007). Вёл литературное объединение «Молодые голоса» при ТПУ.

Член Союза писателей СССР (1984), ответственный секретарь Томской писательской организации (1987–1995). Член правления Союза писателей СССР (1990). Секретарь правления Союза писателей России (1995). Член редколлегии журнала «Сибирские огни» (с 1999). Автор книг стихов «Стиранные вьюгами поля» (1978), «Рассветное чувство» (1981), «Радость и тревога» (1984), «По закону сохранения любви» (1984), «Трудный возраст» (1987), «Из жизни дождя» (1991), «Адамово ребро» (1997), «Приворотное зелье» (1998), «Ласковая наглость» (2000), «Первый снег» (2002), «Поздний свет» (2005), «Между нами» (2006), «История любви» (2009). Книги прозы: «Послушницы любви» (1994), «Озарения Нострадамуса» (1996), «Князь ласковый» (1998), «Месть шамана» (2000), «Слепой ангел» (2001). Для ТЮЗа им написана пьеса «Ванюша, Иван Петрович».

Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Шелудько Леонид Николаевич (1952 г. р.)

Поэт. Вырос в посёлке шахты Харанор, в даурских степях. В 1970 году приехал поступать в Томский политехнический институт, после окончания с дипломом горного инженера-механика уехал работать на гигантские угольные разрезы Экибастуза в Павлодарской области Казахстана. В студенческие годы занимался в

литературном объединении «Молодые голоса», которым руководила Т. А. Калёнова.

Регулярно публиковался в институтской многотиражке «За кадры», выступал на телевидении. В Экибастузе участвовал в создании и работе литературного объединения «Пласты», печатался в городской и областной прессе, в «Комсомольской правде». В 1986 году стихи Шелудько появились в республиканском литературном журнале «Простор». По возвращении в Томск вновь пришёл в литобъединение «Молодые голоса» ТПИ.

Член Союза писателей России с 2009 года. Автор книг «Дорога через осень», «Бумажный голубь», «Рыжий» и другие. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Овсянников Владимир Валентинович (1953–2022)

Поэт. Родился в посёлке Ува Удмуртской АССР. По образованию инженер. Работал на СХК и «Томскнефтехиме». Десять лет назад он пришёл в северское литературное творческое объединение «Гармония» и остался в нём до последних дней своей жизни. Владимир Овсянников печатался в местных газетах «Новое время», «Новый диалог» и во многих коллективных сборниках объединения «Гармония».

У него изданы семь авторских книг: «Мысли в разброс», «В путь», «Привал», «Дороги», «Тропинки» и др. Скончался в 2022 году, похоронен в Северске.

Конинин Николай Анатольевич (1953 г. р.)

Поэт и прозаик. Родился в пос. Эльдикан Усть-Майского района (Якутия). Отец – топограф-геодезист. Мать – библиотекарь. Образование среднее. Служил в армии, работал каменщиком, электриком, грузчиком, формовщиком. С 1998 года живёт в Томске.

Книги стихов «Давай рисуем», «Гусиному равняюсь косяку». Проза «Достойное время застоя». Его стихи публиковались в журнале «Начало Века» и сборнике «Там – на Донбассе».

Андреев Михаил Васильевич (1954 г. р.)

Поэт, песенник. Уроженец лесоучастка Бундюрский Чаинского района. Выпускник Подгорненской средней школы (1971), Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (1976). Закончил Высшие литературные курсы при институте им. Горького (1985).

Автор многих поэтических книг. Широко известен в стране

как поэт-песенник («Трамвай пятёрочка», «Самоволочка», «Потому что нельзя быть красивой такой», «Тополиный пух» и др.). Песни на его слова поют «Любэ», «На-на», «Иванушки Интернешнл» и другие известные эстрадные коллективы и исполнители. Первая книга стихов «Лиственный свет» вышла в издательстве «Молодая гвардия». Затем в различных издательствах выходят книги: «Подранок», «Фотография на память» и многие другие. Лауреат премии им. М. Горького за лучшую первую книгу.

Лауреат премии Ленинского комсомола. Член Союза писателей России. Почётный гражданин Томской области. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Некоторое время проживал в Москве, затем вернулся в Томск.

Серебренников Николай Валентинович (1954 г. р.)

Писатель, историк, литературовед, профессор. Родился в Томске. Автор монографии «Опыт формирования областнической литературы» (2004), публикатор и комментатор многих архивных материалов, составитель-редактор ряда книг о деятелях русской культуры XIX–XX веков. Автор сборников стихов «К морю от медведя» (1992) и «Апокриф» (2009), сборников прозы «Чем жить?» (2015) и «Случайные люди» (2020).

Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020). Почётный член Томской областной писательской организации.

Панов Александр Иванович (1956 г. р.)

Поэт. Окончил школу в г. Колпашево Томской области. Выпускник Томского педагогического института. Работал учителем физики, информатики и ИЗО в школе. С 1988 года трудился в сфере повышения квалификации работников образования Томской области.

Занимался в литературном объединении «Томь». Лауреат Губернаторской литературной премии 2022 года. Член Союза писателей России. Автор сборников стихов «Русло» (1989), «Брага любви» (1998), «Притяжение жизни» (2007), «Бесправие души» (2008), «Жажда любви» (2010), «Боль» (2011), «За кругом круг» (2014), «Дыхание жизни» (2015) и др. Публиковался в журналах Москвы, Ставрополя и Томска; в коллективных сборниках «Это мы, Господи!» (2003), «Томск – любовь моя» (2004), «Судьбы, опалённые войной...» (2004), «...И след оставить в искренной строке» (2009, 2015), «Путь памяти» (2015, 2020). Руководитель литературного объединения «Встреча» (г. Томск).

Сайбединов Александр Геннадьевич (1957 г. р.)

Поэт. Родился в 1957 году в д. Эушта Томской области. Выпускник Томского государственного педагогического института, с 1983 работает в сфере образования, занимается научной и педагогической деятельностью. Народный учитель России, лауреат премии Правительства РФ в сфере образования и науки, директор Губернаторского Светленского лицея. Художник, дипломант международных и всероссийских выставок, провёл ряд персональных выставок в центральных выставочных залах Москвы.

Автор поэтических сборников «Некоторые размышления в стихах и прозе» (1993), «Наедине» (1997), «Оглянись вперёд» (2001), «Смыслы... Философские размышления художника, поэта, учителя о жизни» (2006), «Шаги» (2007), «Смысловой словарь» (2009), «Пером и кистью» (2010), «Смыслы» (2014), «Не тороплюсь я на раздачу истин...» (2018).

Автор и исполнитель песен, вошедших в музыкальный альбом «Дождь». Член творческого Союза художников России. Член Союза писателей России.

Комарова Ольга Григорьевна (1957 г. р.)

Поэтесса. Родилась в Ижевске. Окончила исторический факультет Томского государственного университета (1979 г.). Работала учителем в школе (1980–1981 гг.), научным сотрудником в Томском краеведческом музее (1981–1986 гг.). С 1986 года – сотрудник научной библиотеки Томского государственного университета. Печатается как поэт с 1983 года. Автор книг стихов «Вечные странники» и «Водолей». Член Союза писателей России. Живёт в Томске.

Цыганков Александр Константинович (1959 г. р.)

Поэт, художник. Родился в 1959 году в Комсомольске-на-Амуре. Учился в Кемеровском художественном училище. С 1992 года живёт в Томске. Автор книг стихов «Тростниковая флейта» и «Ветер над берегом». Член Союза писателей России. Произведения публиковались в сборниках Томской областной писательской организации «Путь памяти» (2015, 2020).

Кириллова Елена Николаевна (1959 г. р.)

Поэтесса. Выпускница физического и психологического факультетов Томского госуниверситета. Преподавала математику и физику в томских вузах. Была обозревателем отдела культуры и образования в областной газете «Народная трибуна». Работала в редакционно-издательском отделе ТНЦ СО РАМН.

Публиковалась в журналах и альманахах Томска, Москвы и других городов. Участвовала в коллективных сборниках «Литературное Притомье» (1991), «Томские писатели» (2004, 2008), «Пятая стихия бытия» (2013), «Пушкинский Томск» (2013), «Путь памяти» (2015, 2020). Автор трёх поэтических сборников: «Смотреться лишь в ночные зеркала», «Ты вышел в путь – уже потеряян», «Летит в темноту одуванчик». Член Союза российских писателей (2005), Союза журналистов России (1995).

Васильев Сергей Петрович (1959 г. р.)

Поэт. Родился в г. Асино Томской области. В 1980 году окончил Томский педагогический институт по специальности «Физическая культура». После службы в армии работал в РК ВЛКСМ Томского района, в уголовном розыске. С 1987 года проживает в посёлке Чёрная Речка под Томском. Работал директором стадиона, учителем в местной школе. С 2011 года начал печатать свои стихи и песни. Издано 4 сборника. Член литературного объединения «Встреча» (г. Томск).

Максимов Сергей Григорьевич (1959 г. р.)

Поэт, бард, писатель, драматург. Закончил театральное отделение Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Вся творческая, трудовая деятельность связана с Томском и Томской областью. Значительное время работал режиссёром Народного театра в г. Асино. Как режиссёр и музыкант активно сотрудничает с Томской государственной областной филармонией, Томским областным театром драмы. Гастрольные концерты поэта и автора-исполнителя хорошо сочетаются с читательскими конференциями. Преподаватель Томского государственного университета. Лектор общества «Знание».

Сергей Максимов приобрёл широкую известность как автор исторических романов «След грифона», «Цепь грифона» и «Путь грифона» серии «Великая судьба России» издательства АСТ (Астрель). Следование реалистическим традициям русской литературы оказалось для автора «конкурентным преимуществом», позволившим его романам занять своё место на книжной полке рядом с произведениями отечественной классики. Участник концертных агитбригад в зоне СВО.

Буркин Юлий Сергеевич (1960 г. р.)

Писатель-фантаст, журналист, автор и исполнитель песен. Учился в музыкальном училище, выступал в ВИА, в том числе с песнями собственного сочинения. После срочной службы в

армии поступил на отделение журналистики филологического факультета Томского государственного университета. Начал писать фантастические рассказы.

После окончания вуза в 1985 году работал корреспондентом газеты «Молодой ленинец» в Томске, продолжал писать рассказы и повести, участвовал в ряде фантастических семинаров. В 1993 году перебрался в Алма-Ату и устроился работать в коммерческий отдел газеты «Казахстанская правда». Результатом творческого содружества с Сергеем Лукьяненко стала фантастическая трилогия «Остров Русь», получившая большую популярность и несколько премий. Позже вернулся в Томск. Автор романов: «Бриллиантовый дождь, или «Abbey road» XXI век», «Звёздный табор. Серебряный клинок», «Цветы на нашем пепле», «Осколки неба, или Подлинная история Битлз» (в соавторстве с Константином Фадеевым), повестей: «Бабочка и василиск», «Королева полтергейста», рассказов: «Мама, я люблю дракона», «Уфология и правда», «Вон! К звёздам!» и многих других, а также сказки для детей «Год принцессы Букашки».

Автор собственных песен и переводов The Beatles, выступает с концертами на площадках города и за его пределами, в том числе в зоне СВО. Член Союза писателей ДНР.

Долженкова Вера Константиновна (1960 г. р.)

Журналист и общественный деятель. Заслуженный работник культуры России (2013). Председатель Томского областного отделения Союза журналистов России.

Иванов Дмитрий Александрович (1961 г. р.)

Журналист, писатель. В 1984 году окончил отделение журналистики филологического факультета Томского государственного университета. Работал в редакциях районных, областных газет и отраслевых журналов, на машиностроительных заводах, на стройках. Помимо журналистики освоил профессии слесаря механосборочных работ, отделочника, ряд других. В студенческие годы увлекался фантастикой, посещал кружок томского писателя-фантаста Виктора Колупаева.

Первый рассказ вышел в сборнике «Фантастика-83» издательства «Молодая гвардия» (Москва, 1983 год). В дальнейшем – публикации художественной прозы в томских литературно-краеведческих журналах и альманахах, включая «Сибирские Афины» и «Начало века». Книга рассказов «Запах позднего лета» (2018), сборник публицистики «О Томске с любовью» (2019), художественная проза «Боговы дни» (2024).

Чубковец Валентина Анатольевна (1962 г. р.)

Поэтесса, писательница. Родилась в п. Батурино Асиновского района Томской области. Автор поэтических сборников «Стихи разных лет», «Стихи для детей», «Я верю», книг рассказов «Всякое бывало» и «Не предавай». Публиковалась во многих коллективных сборниках, в т. ч. «Путь памяти» (2015, 2020), «Там – на Донбассе» (2023), журналах «Начало века», «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России.

Барчук Дмитрий Викторович (1962 г. р.)

Журналист, писатель. Окончил отделение журналистики филологического факультета Томского государственного университета и экономический факультет ТГУ по специальности «Мировая экономика». Работал в областных газетах Томска и Ростова-на-Дону. Преподавал культурологию и экономические дисциплины в томских вузах.

Автор ряда художественных и документальных книг, в частности, романов «Орда», «Новый старый год», «Александрия», «Сибирская трагедия», «Идеальная жена», «Майдан для двоих», «Японские свечи» и др.

Член Союзов журналистов СССР и России. Член Союза писателей России. Лауреат Губернаторской литературной премии 2020 года. Составитель и редактор сборника «Там – на Донбассе» (2023).

Чудаков Геннадий Семёнович (1962 г. р.)

Участник СВО. Школу закончил в с. Турунтаево Томского района. Затем – речное училище. Работа на торговых судах. Военный пенсионер. Работал таксистом. В 2023 году ушёл добровольцем защищать Родину.

Лапшин Олег Валентинович (1963 г. р.)

Писатель, поэт, доктор физико-математических наук. В 1987 году окончил механико-математический факультет Томского государственного университета.

Автор поэтической книги «Лировый месяц» (1993) и сборника рассказов «Набор сувениров» (2008). Лауреат городского литературного конкурса «Томская книга» (2008), лауреат юбилейного областного фестиваля «Томская книга» (2009), финалист премии «Нонконформизм – 2015». Печатался в журналах «Юность», «Начало века», «Сибирские огни», «После 12» и др. Член Союза российских писателей.

Хоничев Николай Васильевич (1964–2019)

Поэт. Коренной томич. Выпускник биолого-почвенного факультета ТГУ. Работал в областной лесозащите.

Автор нескольких поэтических книг: «Любовь-переливница» (1995), «Созвездие сирени» (1997), «Буквица» (2001), «Венерин башмачок» (2005), «Ходики дождя» (2008), «Любоснежник» (2012) и др. Стихи Хоничева публиковались в журналах и альманахах Томска, Кемерово, Новокузнецка, Красноярска, Москвы: «Томская старина», «Сибирские Афины», «Персона», «Начало века», «Огни Кузбасса», «День и Ночь», «Лесная новь», «Студенческий меридиан», «Наш современник», «Академия поэзии» и других, в интернете и трёх десятках коллективных поэтических книг.

Член Союза писателей России.

Синявская Елена Анатольевна (1966 г. р.)

Поэтесса. Родилась в Томске. Окончила медицинское училище. Работала по специальности. Во время Чеченской войны служила медсестрой в медицинской роте бригады специального назначения. В 2007 году окончила гуманитарный факультет Томского государственного университета. Член литературных объединений «Встреча», «Автограф».

Чайковская Оксана Борисовна (1969 г. р.)

Писатель, поэт, журналист. Родилась в селе Кожевниково Томской области. Окончила отделение журналистики филологического факультета ТГУ. Сотрудничает со многими томскими печатными СМИ, руководила городской студией юнкоров «Журналята».

Первая книга стихов – «Перо птицы Феникс» (2007), вторая – «Зимняя девочка» (2019), сборник рассказов «Тёплые листья минувшего сентября» (2021), член Союза журналистов России, Союза российских писателей. Лауреат Губернаторской литературой премии (2022).

Назаренко Татьяна Юрьевна (1970 г. р.)

Писательница. Уроженка города Северска Томской области. Выпускница исторического факультета Томского государственного университета. Старший научный сотрудник Томского областного краеведческого музея.

Рассказы и очерки Назаренко публиковались в журналах «Северский меридиан», «Сибирские Афины», «Москва» и других литературно-публицистических изданиях, а также в кол-

лективных сборниках «Рыцари» (2011), «Путь памяти» (2015, 2020). Автор книг: «Краткий курс обычных судеб» (2004), «Современные опыты проживания мифа, сказки, истории» (2004), романа «Минос – царь Крита» (2010).

Лауреат Всероссийской литературной премии им. Вячеслава Шишкова за сборник «Томский литературный некрополь» 2013 года. Член Союза писателей России.

Корчуганов Дмитрий Николаевич (1973–2023)

Участник СВО. Выпускник Томского экономико-промышленного колледжа. Участник контртеррористических мероприятий на Северном Кавказе. Добровольцем ушёл на СВО. Сержант Дмитрий Николаевич Корчуганов погиб при штурме укрепленной позиции под городом Марьинка. Посмертно представлен к ордену Мужества.

Прокопьева Татьяна Валерьевна (1976 г. р.)

Поэтесса, родилась в селе Старая Ювала Кожевниковского района Томской области. Выпускница Томского колледжа культуры и искусства. Живёт в Томске, работает библиотекарем, воспитывает двоих детей.

Автор поэтической книги «Новолуние». Публиковалась в литературных журналах: «Сибирские Афины» (Томск), «Начало века» (Томск), «Невские огни» (С.-Петербург), в сборнике «Там – на Донбассе» (2023). Лауреат Томского областного поэтического конкурса им. Михаила Орлова (2004). Член Союза российских писателей.

Савченко Анна Владимировна (1978 г. р.)

Поэтесса. Родилась в Томске. Окончила филологический факультет Томского государственного педагогического университета.

Автор четырёх поэтических сборников: «Одинокий фонарь», «Мелочи жизни», «Я люблю возвращаться» и «Всё это – лирика». Стихи публиковались в «Литературной газете», журнале «Начало века», коллективных сборниках, в т. ч. – «Там – на Донбассе» (2023). Член Союза писателей России. Лауреат Губернаторской литературной премии (2023). Проживает в городе Асино Томской области.

Ледащев Андрей Алексеевич (1979 г. р.)

Поэт. Родился и вырос в Томске. Здесь же получил высшее образование. 23 года на госслужбе. «Ледащев» – старый радиопозыв-

ной, ставший после начала СВО литературным псевдонимом. Военно-патриотические произведения (стихи и рисунки) получили известность благодаря в первую очередь социальным сетям и авторскому телеграмм-каналу «ПоЗывной ЛЕДАЩЕВ» <https://t.me/pozled>. Благодаря волонтерам стал печататься в тематических сборниках стихов («Солнцепёк», «Тёркин жив» от издательства «Красные линии»; «В огне рождалась истина» издательства «Буки-веди»), тысячные тиражи которых разлетелись по стране, но прежде всего были направлены в прифронтовые госпитали и зону проведения специальной военной операции.

Меркотан Денис Викторович (1979 г. р.)

Участник СВО. Родился в г. Верхняя Пышма Свердловской области. Автор-исполнитель песен, лауреат конкурсов авторской песни. Победитель конкурса военной песни «Виктория» «Когда поют солдаты». Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Отмечен государственными наградами. Представлен в коллективных сборниках, в т. ч. – «Там – на Донбассе» (2023).

Цой Семён Алексеевич (1987 г. р.)

Майор медицинской службы. Позывной «Колибри». Родился в Томске. Русский. С февраля 2022 – на СВО в составе отдельного медицинского батальона, где находится по настоящее время. Ветеран боевых действий. Имеет награды за боевое отличие, награды за СВО, а также две государственные награды от Президента – серебряные медали «За спасение погибавших».

Стрюк Анатолий Александрович (1989 г. р.)

Находился в зоне СВО с октября 2023 по январь 2024 года. Награждён медалью за участие в СВО. Сержант Войск Национальной гвардии Северского соединения.

Ольшевский Игорь (1990–2024)

Томич. Позывной «Ольха». Ушёл на СВО 11 октября 2022 года. Погиб 22 мая 2024 года в г. Волчанске.

Гамаюнов Игорь Анатольевич (1991 г. р.)

Участник СВО. Родился в Алтайском крае. До мобилизации работал в районном Доме культуры Парабельского района, режиссёром массовых представлений. Старший санитар медицинского взвода отделения сбора и эвакуации раненых.

Романчуков Сергей Викторович (1992 г. р.)

Поэт. Родился в Томске. Окончил Томский политехнический университет с отличием (бакалавриат и магистратуру по направлению «прикладная математика»), аспирантуру. Живёт и работает в Томске. Публикации – в сети Интернет, в журнале «Начало Века», в сборнике «Там – на Донбассе» (2023), сборник стихов «Новая папка: поэзия кремниевого века». Лауреат Губернаторской литературной премии в номинации «Дебют». Член Союза писателей России.

Смолев Александр Алексеевич (1994 г. р.)

Участник СВО. Родился в Томске. Выпускник Северского кадетского корпуса. Ветеран боевых действий.

Литосов Дмитрий Михайлович (1998 г. р.)

Позывной «Рэпер». Окончил 41-ю школу Томска. Работал в торговой сети «Ярче!». Участник СВО с октября 2022 года.

Иванников Константин Владимирович (2003 г. р.)

Участник СВО. Уроженец села Мельниково Шегарского района. Ушёл добровольцем на СВО. Танкист. Ветеран боевых действий.

ПОБЕДА / СВЯЗЬ ВРЕМЁН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
Мы – многонациональный народ	3
Часть первая / ПУТЬ ПАМЯТИ	
Георгий Марков (1911–1991)	
Орлы над Хинганом. <i>Главы из повести</i>	6
Давид Лившиц (1911–1964)	
Стихи	34
Руфь Тамарина (1921–2005)	
Стихи	36
Михаил Карбышев (1922–2007)	
Стихи	37
Поводырь. <i>Поэма</i>	39
Вадим Макшеев (1926–2019)	
Мост. <i>Очерк</i>	46
Тоня, Антон, Антонина Дмитриевна. <i>Очерк</i>	50
Лев Пичурин (1927–2024)	
Наш генерал. <i>Очерк</i>	67
Эдуард Бурмакин (1928–2015)	
Галина–мандолина. <i>Повесть</i>	84
Борис Климычев (1930–2013)	
Стихи	110
Валентин Решетько (1936–2020)	
Вернулся. <i>Рассказ</i>	113
День Победы. <i>Рассказ</i>	125
Вениамин Колыхалов (1938–2024)	
В снегах глубоких. <i>Главы из романа «Тыловики»</i>	138
Стихи	158
Александр Соловьёв (1940–2015)	
Голуби над казармой. <i>Стихи</i>	165
Тамара Калёнова (1941–2024 г. р.)	
Тыловой город.	
<i>Главы из романа «Университетская роща»</i>	173
Владимир Шкаликов (1942–2021)	
Первый. <i>Рассказ</i>	202
Почтовый ящик. <i>Рассказ</i>	205
Стихи	209
Сергей Заплавный (1942–2023)	
Четырежды воробей. <i>Рассказ</i>	213
Душа сражения. <i>Очерк</i>	226
Стихи	251

Владимир Бельчиков (1944–2011)	
Стихи	259
Валерий Сердюк (1945–2015)	
Стихи	260
Владимир Соловьёв (1947 г. р.)	
Стихи	265
Владимир Крюков (1949 г. р.)	
Как лошадь тонула, как цыганка гадала. <i>Очерк</i>	277
Мои фронтовики. <i>Очерк</i>	279
Геннадий Скарлыгин (1950 г. р.)	
Стихи	286
Сергей Яковлев (1950 г. р.)	
Стихи	291
Александр Казанцев (1952–2007)	
Стихи	294
Леонид Шелудько (1952 г. р.)	
Стихи	296
Николай Серебренников (1954 г. р.)	
Письма моего отца	297
Михаил Андреев (1954 г. р.)	
Стихи	305
Геннадий Анкудинов (1955 г. р.)	
Штурм. <i>Пьеса</i>	310
Александр Панов (1956 г. р.)	
Стихи	343
Александр Сайбединов (1957 г. р.)	
Стихи	348
Александр Цыганков (1959 г. р.)	
Стихи	353
Елена Кириллова (1959 г. р.)	
Стихи	356
Сергей Максимов (1959 г. р.)	
Стихи	357
Немыслимое. <i>Главы из романа «Цепь Грифона»</i>	360
Валентина Чубковец (1962 г. р.)	
Мамбаба. <i>Рассказ</i>	381
Подвиг. <i>Рассказ</i>	385
Дмитрий Барчук (1962 г. р.)	
Восточный вокзал. <i>Рассказ</i>	387

Олег Лапшин (1963 г. р.)	
Отец отца. <i>Рассказ</i>	399
Николай Хоничев (1964–2019)	
Стихи	401
Оксана Чайковская (1969 г. р.)	
Стихи	402
Три похоронки для матери. <i>Рассказ</i>	404
Татьяна Назаренко (1970 г. р.)	
Корольков Михаил Алексеевич. <i>Очерк</i>	414

Часть вторая / ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

СТИХИ С ФРОНТА ВОИНОВ-ТОМИЧЕЙ

Дмитрий Корчуганов (1973–2023)	
Я не ушёл. <i>Стихи</i>	424
Константин Иванников (2003 г. р.)	
Стихи	428
Александр Смолев (1994 г. р.)	
Стихи	430
Игорь Гамаюнов (1991 г. р.)	
Стихи	432
Денис Меркотан (1979 г. р.)	
Стихи и песни	433
Геннадий Чудаков (1962 г. р.)	
Стихи	454
Анатолий Стрюк (1989 г.р.)	
Стихи	455
Дмитрий Литосов (1998 г.р.)	
Помним всех. <i>Стихи</i>	456
Игорь Ольшевский (1990–2024)	
Стихи	458
Семён Цой (1987 г.р.)	
Стихи	459
Сергей Романчуков (1992 г. р.)	
Стихи	466
Андрей Ледащев (1979 г. р.)	
Стихи и песни	472
Анна Савченко (1978 г. р.)	
Моя Украина в огне. <i>Стихи</i>	489

Татьяна Прокопьева (1976 г. р.)	
Стихи	502
Оксана Чайковская (1969 г. р.)	
Отряд Олега Кошевого. <i>Рассказ</i>	508
Елена Синявская (1966 г. р.)	
Стихи	524
Дмитрий Барчук (1962 г. р.)	
Майдан для двоих. <i>Главы из повести</i>	530
Знамение. <i>Очерк</i>	564
Валентина Чубковец (1962 г. р.)	
Строчат машинки, как пулемёты. <i>Эссе</i>	571
А имя спросить постеснялась. <i>Рассказ</i>	573
Дмитрий Иванов (1961 г. р.)	
Большая игра. <i>Очерк</i>	575
Снайперы бьют от солнца. <i>Очерк</i>	586
Ждите. Я вернусь! <i>Очерк</i>	597
Вера Долженкова (1960 г. р.)	
Отец и сын. <i>Очерк</i>	614
О чём молчат мужчины. <i>Очерк</i>	620
Юлий Буркин (1960 г. р.)	
Мариуполь. Май 23-го года. <i>Путевые заметки</i>	626
Сергей Максимов (1959 г. р.)	
Стихи	630
Агитбригада. <i>Фронтовой очерк</i>	633
Братское сердце. <i>Пьеса</i>	668
Ангелы. <i>Стихотворение</i>	698
Сергей Васильев (1959 г. р.)	
Стихи	699
Ольга Комарова (1957 г. р.)	
Стихи	706
Александр Панов (1956 г. р.)	
Стихи	710
Николай Конинин (1953 г. р.)	
Стихи	717
Владимир Овсянников (1953–2022)	
Стихи	724
Геннадий Скарлыгин (1950 г. р.)	
Стихи	728
Авторы сборника	734

Литературно-художественное издание

1945–2025

ПОБЕДА. Связь времён

Томские писатели

о Великой Отечественной войне и СВО

*Издание Томского областного отделения
Общероссийской общественной
организации «Союз писателей России»*

*Книга выходит при поддержке Комитета семей
воинов Отечества по Томской области*

Редколлегия сборника:

*Д. В. Смолева, Г. К. Скарлыгин, А. И. Панов,
С. Г. Максимов, Д. В. Барчук*

Редактор-составитель Д. В. Барчук

Корректор И. А. Сердюк

Вёрстка О. В. Карташов

ISBN 978-5-907509-61-0

9 785907 509610 >

Подписано в печать 10.12.2024.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Cambria».

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Интегральный переплёт».

г. Томск, ул. Водяная, д. 78, стр. 3.